Н. В. Лысогорскій.

Московскій митрополитъ

Платонъ Левшинъ,

какъ противораскольничій дѣятель.

Съ 6-ю рисунками.

1905.

Н. В. Лысогорскій.

Московскій митрополитъ

Платонъ Левшинъ,

какъ противораскольничій дѣятель.

„Братіе, аще и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы духовніи исправляйте таковаго духомъ кротости“ (Увѣщаніе, об. 77, Галат. VI, I).

Съ 6-ю рисунками.

РОСТОВЪ НА ДОНУ,
электро-печатня А. И. Теръ-Абраміанъ
1905.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, 13 сентября 1904 года.

Старшій цензоръ, протоіерей Александръ Смирновъ; цензоры—протоіереи: Іоаннъ Петропавловскій, Николай Боголюбскій, Александръ Гиляревскій.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
639
37

Рисунокъ 1.

Предисловіе.

Въ нашей церковно-исторической наукѣ нѣтъ спеціальныхъ изслѣдованій о дѣятельности Московскаго митрополита Платона противъ раскола. Однако выдающаяся личность Платона не разъ привлекала къ себѣ вниманіе историковъ. Здѣсь мы должны прежде всего упомянуть о трудахъ Снегирева и Розанова. Трудъ Снегирева—„Жизнь Московскаго митрополита Платона“—извѣстенъ въ двухъ изданіяхъ: Москва, 1837 г.; Москва, 1856 г. Второе изданіе значительно превосходитъ первое по количеству матеріала и его обработкѣ. Авторъ писалъ частью на основаніи письменныхъ документовъ, частью на основаніи изустныхъ разсказовъ современниковъ и очевидцевъ описываемыхъ событій. Трудъ Розанова, бывшаго секретаря Московской консисторіи, появился въ 69—71 гг. прошлаго вѣка. Онъ состоитъ изъ трехъ частей, раздѣленныхъ на 5 книгъ и озаглавливается: „Исторія Московскаго епархіальнаго управленія со времени учрежденія Св. Синода“. Первую книгу 3-ей части своего изслѣдованія (Москва, 1870 г.) Розановъ посвящаетъ обозрѣнію епархіальнаго управленія м. Платона. Матеріаломъ для произведенія Розанова послужилъ исключительно консисторскій архивъ. Означенные труды, какъ составленные по первоисточникамъ, не утратили своей цѣнности и доселѣ. Но противораскольничью дѣятельность м. Платона Снегиревъ совсѣмъ обходитъ въ своемъ изслѣдованіи, а Розановъ гово-

ритъ о ней весьма мало, на 7—8 страницахъ (94—97, 183—185, 241—243), да и сообщенія его несущественнаго свойства. Тѣмъ не менѣе, какъ произведеніе Снегирева, такъ и Розанова имѣютъ значеніе и для вопроса о дѣятельности м. Платона противъ раскола, поскольку съ противораскольничьею дѣятельностью стоитъ въ связи изображаемая помянутыми сочиненіями общепастырская дѣятельность святителя.

О проповѣдяхъ митрополита Платона, изъ которыхъ нѣкоторыя направлены противъ раскола, есть диссертація А. Надеждина: „Митрополитъ Московскій Платонъ Левшинъ, какъ проповѣдникъ", Казань, 1883 г. (Православный Собесѣдникъ 1882 г., апрѣль, іюль, октябрь, декабрь, 1883 г., апрѣль, май, іюнь).

Больше всего литературою затрогивалась дѣятельность м. Платона въ отношеніи единовѣрія. По этому вопросу на страницахъ періодической литературы и отдѣльными изданіями въ разное время появлялось немало статей. Отмѣчаемъ ближе относящіяся къ предмету нашего изслѣдованія. „О единовѣріи": Христіанское Чтеніе 1870 г., ч. I, стр. 63—82, 257—287, 741—792.—Рѣчи профессора Нильскаго, профессора Чельцова и протоіерея Васильева: Христіанское Чтеніе 1873 г., ч. II, стр. 1—22, 259—313; 1874 г., ч. I, стр. 3—71; ч. II, стр. 203—312, читанныя въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, по поводу чтеній Т. Филиппова о нуждахъ единовѣрія, печатавшихся сперва въ Правительственномъ Вѣстникѣ 1873—1874 г., а въ 1882 г. изданныхъ отдѣльно подъ заглавіемъ: „Современные церковные вопросы", СПБ.—„Единовѣріе за время столѣтняго существованія его въ русской церкви", Чельцова, СПБ., 1900 г.—„О единовѣріи (по поводу его столѣтняго юбилея)", Субботина, Москва, 1901 г.—„Единовѣріе въ противодѣйствіи русскому обрядовому рас-

колу“, Е. Лебедева: Христіан. Чтеніе 1903 г., январь, стр 76—95, февраль, стр. 282—294, мартъ, стр. 443—463. Въ указанныхъ статьяхъ значительно подготовлено обсужденіе правилъ единовѣрія м. Платона.— Далѣе, статьи протоіерея В. Жмакина въ Прибавленіяхъ къ Церковнымъ Вѣдомостямъ 1900 г., № 43, стр. 1735—1742, № 46, стр. 1867—1877 и въ Христіанскомъ Чтеніи 1903 г., октябрь, стр. 458—485 изъ исторіи учрежденія въ Москвѣ единовѣрія. Статьи составлены по первоисточникамъ. Статьи В. Нечаева въ Православномъ Собесѣдникѣ: „Увѣщаніе Платона Митрополита Московскаго, какъ предвѣстникъ единовѣрія“ (1900 г., февраль, стр. 207—235); „Платонъ митрополитъ Московскій въ его отношеніяхъ къ единовѣрію“ (1903 г. іюль—августъ, стр. 38—92). Первая статья при своей безцвѣтности обнаруживаетъ все-таки больше самостоятельности въ проведеніи основной идеи, чѣмъ вторая, которая за незначительными второстепенными подробностями повторяетъ ранѣе существовавшій въ литературѣ матеріалъ и воззрѣнія.

Другія изслѣдованія, имѣвшія то или иное отношеніе къ предмету нашего сочиненія, будутъ указаны на своихъ мѣстахъ при самомъ изложеніи.

Уже изъ приведенныхъ краткихъ замѣчаній о печатныхъ произведеніяхъ по избранному нами предмету можно убѣдиться, что наличная литература не въ состояніи удовлетворить желающаго ознакомиться съ противораскольничьею дѣятельностью м. Платона. Между тѣмъ эта дѣятельность м. Платона достойна полнаго вниманія, въ особенности по своимъ незаурядным основнымъ принципамъ. То и другое обстоятельство представляетъ достаточно оправданія для нашего предпріятія. Не задаваясь чрезмѣрными цѣлями, мы однако рѣшились изобразить противо-

раскольничью дѣятельность знаменитаго іерарха русской церкви по возможности полно и на основаніи первоисточниковъ.

Источники, касающіеся интересующаго насъ предмета, принадлежатъ къ двумъ группамъ: 1) печатнымъ и 2) письменнымъ. Къ первому разряду должны быть отнесены слѣдующія изданія.

Автобіографія м. Платона. Она печаталась нѣсколько разъ: въ 1849 г. Погодинымъ въ Москвитянинѣ безъ окончанія, въ 1856 г. Снегиревымъ въ приложеніи къ его сочиненію „Жизнь Московскаго митрополита Платона“ и, наконецъ, вновь издана протоіереемъ С. Смирновымъ въ Душеполезномъ Чтеніи 1887 г., августъ, стр. 371—416, сентябрь, стр. 1—38 съ небольшимъ предисловіемъ и кое-какими по мѣстамъ примѣчаніями. Рукописи автобіографіи Платона, писанныя частью собственною рукою м. Платона, частью лишь исправленныя имъ, хранятся въ Троицкой Сергіевой лаврѣ. Мы почти всюду будемъ цитировать автобіографію м. Платона по изданію Смирнова, какъ болѣе исправному и главное болѣе доступному для читателей.

Увѣщаніе православно-каѳолическія восточныя Христовы Церкве бывшимъ своимъ чадамъ, нынѣ недугомъ раскола немогшествующимъ. Это сочиненіе Платона цитируется нами по московскому изданію 1773 г., совершенно одинаковому въ счетѣ листовъ съ 1-мъ, петербургскимъ изданіемъ 1765 г. Подробная библіографія „Увѣщанія“ составляетъ 2-ую главу нашего изслѣдованія.

Поучительныя слова и другія сочиненія Платона, митрополита Московскаго, изданныя еще въ позапрошломъ столѣтіи. Отмѣчаемъ томы, которые имѣли отношеніе къ нашему изслѣдованію и изданія ихъ, которыми мы пользовались: томъ II, Москва, 1780 г.; т. V, Москва, 1780 г.; т. VI, Москва, 1780 г.; т. XII,

Москва, 1786 г.; т. XIII, Москва, 1792 г.; т. XIV, Москва 1792 г.; т. XV, Москва, 1792 г.

Краткая Церковная Россійская Исторія Платона, м. Московскаго, т. I—II, Москва, 1805 г. Есть другое изданіе, Москва, 1823 г. Мы цитируемъ по 1-му изданію.

Инструкція (м. Платона) *благочиннымъ іереямъ или протоіереямъ,* Москва, 1775 г. Она помѣщена и въ VI томѣ сочиненій преосвященнаго Платона, стр. 121—149.

Письма Платона, митрополита Московскаго, къ преосвященнымъ Амвросію и Августину. Они напечатаны С. Смирновымъ въ Православномъ Обозрѣніи 1869—70 г. приложеніе, стр. 1—135. Есть и отдѣльные оттиски, Москва, 1870 г. Подлинникъ ихъ хранится въ Троицкой лаврѣ.

Письма м. Платона къ преосв. Меѳодію. Они писаны почти исключительно на латинскомъ языкѣ. Подлинникъ ихъ находится въ библіотекѣ Виѳанской семинаріи. Извлеченія изъ нихъ напечатаны въ Чтеніяхъ Общества любителей дух. просвѣщенія 1877 г., мартъ, стр. 45—61.

Переписка старца Никодима и его единомысленниковъ по дѣлу о единовѣріи 1781—1787 г. Она напечатана Верховскимъ въ Православномъ Обозрѣніи 1867 г., т. XXII и XXIII, апрѣль, май, въ статьѣ: „Исканіе глаголемыми старообрядцами въ XVIII вѣкѣ архіерейства", стр. 501—540; 34—65. Есть и отдѣльные оттиски. Списокъ съ оригинала рукописи имѣется въ библіотекѣ Кіевской духовной академіи, въ собраніи рукописей м. Макарія, № 57 (Аа., 189)—Сборникъ „о расколѣ", л. 35—79.

Во всѣхъ перечисленныхъ изданіяхъ есть мѣста то прямо, то косвенно относящіяся къ противораскольничьей дѣятельности м. Платона, а „Увѣщаніе" во всей своей полнотѣ непосредственно входитъ въ предметъ нашего изслѣдованія.

Ко 2-ой группѣ должно отнести слѣдующіе источники.

Дѣла Архива Тверской духовной консисторіи. Помянутый архивъ въ настоящее время приведенъ въ порядокъ, благодаря просвѣщенному вниманію Высокопреосвященнаго Димитрія и секретаря Добровольскаго. Дѣла подобраны по приходамъ и монастырямъ; имъ составлена опись. Оригинальное размѣщеніе дѣлъ для практическихъ цѣлей консисторіи, равно и для составленія исторіи приходовъ заключаетъ очевидныя выгоды, хотя для изслѣдователя объ отдѣльныхъ лицахъ—іерархахъ оно создаетъ нѣкоторыя затрудненія: приходится доставать и пересматривать несравненно больше архивныхъ пачекъ, чѣмъ сколько могло бы быть необходимымъ при распредѣленіи архивныхъ дѣлъ по однимъ годамъ, безъ дѣленія на приходы. Дѣла консисторскаго Тверского Архива послужили главнѣйшимъ источникомъ для нашихъ свѣдѣній о пастырской противораскольничьей дѣятельности м. Платона въ бытность его Тверскимъ архіепископомъ. Къ документамъ Тверского консисторскаго Архива слѣдуетъ присоединить „*Историческіе матеріалы Тверской епархіи*“ въ 3-хъ книгахъ. Находящіяся здѣсь подлинныя бумаги взяты изъ того же Архива Тверской консисторіи. Онѣ касаются XVIII и начала XIX вѣка и содержатъ въ себѣ свѣдѣнія преимущественно изъ исторіи Тверской семинаріи.

Дѣла Архива Московской духовной консисторіи. Имъ принадлежитъ важнѣйшее мѣсто среди источниковъ 2-ой группы. Къ сожалѣнію, Архивъ Московской духовной консисторіи далеко не удовлетворяетъ запросамъ историка. Пользованіе имъ сопряжено съ существенными неудобствами. Дѣла до 1812 г., т. е. до конца времени управленія Московскою епархіею Платономъ, описи не имѣютъ. Безъ описи же нѣтъ возмож-

ности оріентироваться въ содержаніи архивныхъ документовъ прежде просмотра самыхъ дѣлъ, напередъ отдѣлить необходимое отъ ненужнаго для поставленной задачи. Изслѣдователь вынужденъ перебирать дѣло за дѣломъ, читать оглавленія на дѣлахъ, нерѣдко просматривать дѣла по листамъ, чтобы убѣдиться, имѣетъ ли какое отношеніе извѣстное дѣло къ взятому вопросу или нѣтъ,—словомъ, тратить массу времени въ надеждѣ на „авось", затрачивать цѣлыя недѣли упорнаго труда (намъ приходилось по 8—10 часовъ въ сутки) съ незначительными результатами.

Существовало еще затрудненіе для занятій въ консисторскомъ архивѣ, которое теперь устранено. Значительная доля дѣлъ помѣщалась въ подвальномъ этажѣ. Это—дѣла сельскихъ приходовъ и уѣздныхъ городовъ. Для просмотра ихъ нужно было самому спускаться чуть не за каждою вязкой въ подвалъ, приносить въ свѣтлую комнату, разбирать здѣсь покрытыя ѣдкою известковою пылью кипы бумагъ въ надеждѣ встрѣтить что-либо нужное для своей цѣли и затѣмъ снова отправлять ихъ въ прежнія мѣста или другія, предназначавшіяся уже тогда для нихъ въ комнатахъ 1-го этажа. Консисторская прислуга и не обязана оказывать содѣйствіе частнымъ лицамъ, да и нельзя поручиться, чтобъ служитель сталъ приносить всѣ пачки безъ пропусковъ и намѣренно или ненамѣренно не перепуталъ бумагъ, лежавшихъ нерѣдко разбросанно. Въ настоящее время всѣ старыя дѣла, находившіяся въ подвальномъ помѣщеніи, перенесены въ 1-й этажъ и разложены по годамъ.

Результатомъ неупорядоченности архива является невозможность дать вполнѣ точную цитацію извлекаемому изъ него матеріалу. Дѣла монастырей и приходовъ г. Москвы теперь пронумерованы, другія же дѣла нумераціи не имѣютъ. На обложкахъ есть №№,

иногда даже двойные, но изъ стараго времени, быть можетъ, времени м. Платона[1]), теперь не могущія имѣть иного значенія, кромѣ развѣ того, чтобы облегчать глазъ при перебираніи бумагъ, въ видахъ болѣе скораго отысканія нужнаго дѣла. Поэтому мы оставляли таковые №№ въ своей цитаціи, преимущественно болѣе ясно сохранившіеся. Не всѣ дѣла имѣютъ размѣтку по листамъ.

Пользуясь благоснисходительностью Высокопреосвященнаго Митрополита Владиміра, мы просмотрѣли многочисленныя связки Московскаго консисторскаго Архива и къ великому своему прискорбію убѣдились въ утратѣ изъ архива многихъ дѣлъ. Такая утрата произошла не въ одинъ какой-либо разъ: часть консисторскихъ документовъ погибла еще въ 1812 г., когда дѣла валялись въ оврагѣ[2]). Многія дѣла погибли въ консисторіи, вслѣдствіе сырого помѣщенія въ старомъ зданіи. Нѣкоторыя дѣла утрачены уже въ послѣднюю четверть XIX вѣка, притомъ иногда дѣла первостепенной важности. Напр., дѣлъ объ учрежденіи въ Москвѣ единовѣрія въ настоящее время совсѣмъ нѣтъ въ консисторскомъ архивѣ, между тѣмъ Розановъ имѣлъ ихъ подъ руками. Съ копіи прошенія старообрядцевъ на имя м. Платона съ резолюціею императора Павла консисторія выдавала формальную копію одной вдовѣ еще въ 1875 г.[3]). Въ общемъ Московскій консисторскій Архивъ въ настоящее время представля-

---

[1]) Преосвященный Платонъ не однажды предписывалъ консисторіи разбирать дѣла по городамъ и церквамъ, пронумеровывать по листамъ, составлять къ нимъ описи и хранить ихъ, чтобъ утрачены быть не могли. —Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1776 г. апрѣля 11, № 20; резолюціи м. Платона, выписанныя въ отдѣльную книгу (немногія), рез. 1783 г., № 24.

[2]) Богословская энциклопедія, изд. Лопухинымъ, СПБ., 1901 г., т. II, стр. 33.

[3]) Намъ пришлось видѣть эту послѣднюю у одного частнаго лица.

етъ лишь остатки, иногда жалкіе, изъ великой сокровищницы документовъ эпохи великаго русскаго іерарха.

Недостаточность свѣдѣній, находящихся въ Архивѣ Московской консисторіи, побудила насъ навести справки въ другихъ мѣстахъ, гдѣ можно было предполагать найти что-либо, имѣющее отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія. Такъ какъ отсутствіе документовъ всего ощутительнѣе чувствовалось по вопросу объ единовѣріи, то мы обратились къ московскимъ единовѣрцамъ, къ достоуважаемому протоіерею о. Іоанну Звѣздинскому. Но на мѣстѣ первоначальнаго возникновенія въ Москвѣ единовѣрія отыскался только одинъ подлинный документъ, который мы и помѣщаемъ въ приложеніи.

Необходимое дополненіе къ консисторскимъ архивамъ Москвы и отчасти Твери составляютъ *Архивъ Св. Синода и Архивъ Новгородскихъ митрополитовъ*, находящійся въ настоящее время въ библіотекѣ Александро-Невской лавры. Однако и въ синодальномъ архивѣ есть важные пробѣлы. Такъ, здѣсь не сохранилось дѣла объ устроеніи въ Москвѣ единовѣрія по доношенію м. Платона; вырванъ протоколъ съ содержаніемъ по дѣлу объ учрежденіи единовѣрія[1]). Этихъ недочетовъ не восполняетъ Архивъ Новгородскихъ митрополитовъ, хотя онъ даетъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, сравнительно съ перечисленными архивами по дѣлу объ единовѣріи.

Въ виду утраты многихъ документовъ изъ главнѣйшихъ ихъ хранилищъ при духовныхъ учрежденіяхъ, мы рѣшились просмотрѣть тѣ свѣтскіе архивы,

---

[1]) Въ протокольномъ реестрѣ Св. Синода подъ № 92 за 29 октября 1800 г. значится протоколъ „по именнымъ высочайшимъ указамъ о дозволеніи по прошенію московскихъ старообрядцевъ устроить въ Москвѣ церковь“, но въ книгѣ протоколовъ за октябрь 1800 г. послѣ № 91 слѣдуетъ № 93, послѣ 368 листа—листъ 370; 369 листа, на которомъ долженъ находиться № 92, въ книгѣ нѣтъ.

въ которыхъ предполагали найти документальный матеріалъ по изслѣдуемому нами вопросу. Не безъ затрудненій намъ удалось пріобрѣсти доступъ къ *Московскому губернскому Архиву.* Въ немъ насъ всего болѣе интересовали дѣла московскихъ генералъ-губернаторовъ. Но, къ прискорбію, и здѣсь многихъ дѣлъ въ наличности не оказалось, хотя по описи они значились, и между ними были дѣла, судя по заглавію, весьма интересныя[1]). Вина всему, кажется, сырыя[2]), лишенныя достаточнаго свѣта, кремлевскія башни, въ которыхъ хранится архивъ[3]).

С. Петербургскій Главный и Государственный Архивы Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ дѣлахъ бывшей Тайной экспедиціи Государственнаго Архива есть дѣла, касающіяся московскихъ раскольниковъ за взятую нами эпоху. Документы Государственнаго Архива проливаютъ свѣтъ на многія стороны отношеній м. Платона къ расколу. Наибольшую важность имѣютъ для насъ изъ Государственнаго Архива подлинные документы по вопросу объ учрежденіи въ Москвѣ единовѣрія.—Для занятій въ архивѣ требуется Высочайшее разрѣшеніе.

Нѣкоторыя подлинныя бумаги, касающіяся предмета нашего изслѣдованія, нашлись въ *Москов-*

1) Таковы слѣдующія: дѣло 1786 г. № 189—о серпуховской часовнѣ; дѣло 1789 г. № 631—о прекращеніи раскольничьихъ заведеній: дѣло 1791 г. № 810—о раскольничьей часовнѣ; д. 1800 года № 181.216—о старообрядческой церкви; д. 1804 г. № 181.844—о предоставленіи купцомъ Кавылинымъ своего имѣнія старообрядческой богадѣльнѣ; д. 1804 г. № 182.320—объ отдачѣ старообрядцамъ мѣста для кладбища; д. 1805 г. № 184.115—объ отводѣ земли подъ старообрядческое кладбище; д. 1805 г. № 184.211—о томъ же.

2) Многія дѣла отъ сырости сгнили и превратились въ труху.

3) О состояніи Московскаго губернскаго Архива старыхъ дѣлъ есть подробныя свѣдѣнія въ „Древностяхъ—Трудахъ Археографической Коммиссіи Имп. Московскаго Археологическаго Общества“, т. I, вып. I, Москва, 1898 г., стр. 14—30; вып. 2, стр. 289—302; вып. 3, Москва, 1899 г., стр. 531—542.

скомъ отдѣлѣ Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора.

Указанія на другіе архивные источники, менѣе важные, имѣвшіе преимущественно косвенное отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія, будутъ сдѣланы при самомъ изложеніи. Также и замѣчанія о рукописяхъ библіотекъ и музеевъ, которыми мы пользовались при написаніи своего сочиненія, отнесены нами въ примѣчанія частью къ самому тексту, частью къ приложенію.

Считаемъ нужнымъ напередъ сказать нѣсколько словъ относительно плана своего изслѣдованія. Въ историческихъ сочиненіяхъ самый естественный планъ хронологическій, когда событія излагаются въ порядкѣ ихъ дѣйствительнаго слѣдованія. Однако планъ этотъ далеко не всегда можетъ быть удержанъ всецѣло. Очень часто историческій матеріалъ не укладывается въ хронологическія рамки, будучи болѣе удобенъ для передачи въ систематическомъ порядкѣ. Изслѣдуемый нами матеріалъ такого качества, что его лучше излагать по мѣстамъ хронологически, а по мѣстамъ систематически. Дѣятельность каждаго человѣка, какого бы рода она ни была, всегда является результатомъ его міровоззрѣнія, хотя, можетъ быть, имъ самимъ смутно сознаваемаго. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ изложенію въ собственномъ смыслѣ противораскольничьей дѣятельности митрополита Платона, необходимо выяснить его взглядъ на расколъ. А такъ какъ всякое воззрѣніе человѣка слагается при извѣстныхъ условіяхъ, то и для насъ открывается потребность уяснить тѣ условія, которыя имѣли значеніе въ выработкѣ взгляда м. Платона на расколъ. Изложеніе взгляда митрополита Платона, равно и обстоятельствъ, вліявшихъ на выработку его, послужитъ предметомъ первой главы на-

шего изслѣдованія. Далѣе, дѣятельность Платона до принятія епископскаго сана носитъ совершенно особый характеръ, отличный отъ всей послѣдующей его борьбы съ расколомъ—это дѣятельность литературно-полемическая, съ которою Платонъ впослѣдствіи уже никогда не выступалъ. Поэтому анализъ ея составитъ особую, II главу нашего сочиненія. Затѣмъ, начинается дѣятельность Платона въ санѣ епископскомъ, сперва въ санѣ архіепископа Тверского, потомъ первосвятителя Московскаго. Разсмотрѣніе пастырскихъ мѣръ Платона для ослабленія раскола въ Твери составитъ новую, III-ю главу; а обозрѣніе подобныхъ же мѣропріятій Платона въ санѣ Московскаго архіепископа и митрополита—IV главу нашего труда. Въ послѣдней, V главѣ мы намѣрены сказать о дѣятельности митрополита Платона по учрежденію единовѣрія. Какъ дѣятельность пастырская, дѣятельность м. Платона по учрежденію единовѣрія близко примыкаетъ къ предшествующимъ двумъ главамъ (III-ей и IV), но все же по характеру своему она довольно сильно отличается отъ дѣйствій м. Платона, преслѣдующихъ искорененіе причинъ раскола: учрежденіе единовѣрія само по себѣ имѣло цѣлью не уничтоженіе причинъ раскола и такимъ образомъ ослабленіе его, а присоединеніе старообрядцевъ къ церкви на особыхъ началахъ. Помимо того, учрежденіе единовѣрія, какъ фактъ, въ значительной долѣ являлось результатомъ предшествующей литературно-полемической борьбы м. Платона и потому предметъ этотъ не менѣе близко примыкаетъ къ II-ой главѣ, какъ III-й и IV. Между тѣмъ дѣятельность м. Платона по учрежденію единовѣрія настолько существенна, а самый фактъ учрежденія единовѣрія настолько серьезенъ, что требуется обстоятельное изслѣдованіе вопроса. Въ виду всего сказаннаго, мы находимъ наиболѣе цѣлесо-

образнымъ выдѣлить дѣятельность м. Платона въ отношеніи единовѣрія изъ всей его остальной противораскольничьей дѣятельности и разсмотрѣть ее въ особой главѣ.

Вслѣдствіе важности вопроса объ учрежденіи въ Москвѣ единовѣрія, по связи съ нимъ основныхъ принциповъ единовѣрія, мы рѣшились присоединить къ своему изслѣдованію подлинные документы, относящіеся къ учрежденію въ Москвѣ единовѣрія, дабы лицамъ, интересующимся единовѣріемъ, удобнѣе было самимъ судить о дѣятельности м. Платона по учрежденію единовѣрія. Не всѣ изъ помѣщаемыхъ нами въ приложеніи документовъ имѣютъ одинаково близкое отношеніе къ м. Платону; но всѣ они вмѣстѣ полнѣе рисуютъ ту историческую обстановку, при которой только понятна дѣятельность м. Платона по учрежденію единовѣрія. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ уже появлялись въ печати[1]). Однако мы не считаемъ излишнимъ повторить печатаніе ихъ, съ одной стороны по неисправности прежнихъ изданій, съ другой—по разбросанности ихъ въ разныхъ журналахъ и брошюрахъ. Къ тому же нѣкоторые документы появились въ печати, когда уже были приготовлены нами къ изданію.

---

[1]) См. Русскій Архивъ 1864 г., Москва, 1866 г., изданіе 2-ое, стр. 117—125; 1892 г., кн. 4, стр. 494—495; статьи пр. Жмакина въ Христ. Чт. 1903 г., октябрь и въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ 1900 г., № 43, № 46; брошюру Лебедева: „Единовѣріе въ противодѣйствіи русскому обрядовому расколу“, Новгородъ, 1904 г., стр. 024—027.—Правила единовѣрія м. Платона печатались нѣсколько разъ,—при указѣ Св. Синода 1801 г. февраля 6; въ приложеніи къ брошюрѣ: „Отвѣтъ единовѣрца старообрядцу на его возраженія“, СПБ., 1857, стр. 117-130; въ оффиціальномъ изданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ: „Собраніе постановленій по части раскола“, СПБ., 1875 г., стр. 7—16; въ брошюрѣ Т. Верховскаго: „Въ единовѣріи раздоръ“, Псковъ, 1877 г., л. 15–23.

ГЛАВА I.

Обстоятельства, способствовавшія выработкѣ взгляда м. Платона на расколъ: воспитаніе и образованіе; идеи времени. Взглядъ м. Платона на расколъ и на средства борьбы съ нимъ.

Въ автобіографіи митрополитъ Платонъ пишетъ: „поминается здѣсь о свойствахъ родителей Платона, дабы изъявить, что оныя родителей свойства и во нравахъ рожденнаго отъ нихъ нѣкоторымъ образомъ были видимы“[1]). Не подлежитъ сомнѣнію, для каждаго человѣка законъ наслѣдственности и направленіе воспитанія въ семьѣ имѣютъ первостепенную важность. Посему при выясненіи обстоятельствъ, вліявшихъ на выработку взгляда м. Платона на расколъ, мы прежде всего должны обратить вниманіе на первоначальный домашній очагъ Платона. Драгоцѣнныя, хотя и краткія свѣдѣнія о семьѣ м. Платона мы почерпаемъ изъ его автобіографіи. Въ ней Платонъ выдающимися чертами своего отца[2]) ставитъ простосердечіе и благородство души, чуждающейся всего низкаго. Точно также и мать м. Платона, по автобіографіи, „нравовъ была благородныхъ, не любила низкости“, а любвеобильность ея проявлялась какъ въ отношеніяхъ къ своимъ дѣтямъ, къ которымъ она „была горяча“, такъ въ особенности замѣтно выступала въ отношеніяхъ къ нищимъ, которымъ она всегда благотворила,

[1]) Автобіографія м. Платона, напеч. въ Душеп. Чт. 1887 г., августъ, стр. 372.

[2]) Отецъ м. Платона былъ сперва причетникомъ въ селѣ Чашниковѣ въ 40 верстахъ отъ Москвы, а потомъ священникомъ въ селѣ Глуховѣ Клинскаго уѣзда.—Автобіогр. м. Платона, напеч. въ Душеп. Чт. 1887 г., августъ, стр. 372.

несмотря на собственную скудость. Помимо этого, мать Платона отличалась благочестіемъ „и дѣтей пріучать богомолію и страху Божію первымъ долгомъ почитала“[1]). Слѣдовательно, изъ дома своихъ родителей Платонъ могъ вынести благочестивое настроеніе, нѣжную чувствительность и, вообще, нѣкоторое благородство духа.

Эти унаслѣдованныя отъ родителей добрыя черты, естественно, должны были благопріятно отразиться на послѣдующей противораскольничьей дѣятельности м. Платона.

Искренно религіозный человѣкъ не можетъ безразлично относиться къ тому, какимъ путемъ онъ идетъ въ своей жизни, правымъ или ложнымъ. Разнообразіе вѣроисповѣданій заставляетъ его задумываться надъ своимъ собственнымъ состояніемъ, истинно-ли оно. Но, разъ рѣшивши этотъ вопросъ положительно для себя, онъ уже неспособенъ съ тупымъ равнодушіемъ смотрѣть на судьбу тѣхъ, которые идутъ инымъ путемъ, на судьбу религіозно-заблуждающихся. Его душа болѣетъ о нихъ, живо воображая всю опасность ихъ положенія, и чѣмъ нравственно чище человѣкъ, тѣмъ сильнѣе отзывается въ немъ ложное состояніе заблуждающихся его братій о Христѣ. Онъ скорбитъ тою невыразимою скорбію, какую испытывалъ величайшій миссіонеръ—Апостолъ языковъ изъ-за іудеевъ, не хотѣвшихъ признать въ Іисусѣ Христѣ своего Мессію. Въ немъ пробуждается желаніе употребить всѣ средства, чтобы только убѣдить заблуждающихся къ принятію истины. Такимъ образомъ, благочестивое настроеніе есть важный факторъ для возбужденія къ миссіонерской дѣятельности, заинтересовывая человѣка въ печальной судьбѣ своихъ ближнихъ и рождая желаніе помочь имъ. Что же касается выбора для сего средствъ, то характеръ ихъ въ значительной степени опредѣляется сердечными качествами миссіонера. Любящее, нѣжное сердце, само собою понятно, не въ силахъ прибѣгать къ мѣрамъ крутымъ и жестокимъ; его принципъ—кротость, мягкость и, вообще, любвеобильность,—тѣ черты, которыхъ требовалъ Іисусъ Христосъ отъ продолжателей Своего дѣла на землѣ. Наконецъ, благородство духа, чуж-

[1]) Автобіогр. м. Платона, нап. въ Душеп. Чт. 1887 г., авг., стр. 372.

дающееся всего низкаго, въ данномъ случаѣ проявляется въ уваженіи личности и его убѣжденій, въ полномъ безпристрастіи ко всему, что дорого той или другой сторонѣ, въ горячемъ ратованіи лишь за истину, а не за предразсудки.

Итакъ, отчасти благодаря своей природѣ, отчасти въ силу извѣстнаго домашняго воспитанія, Платонъ изъ-подъ родительскаго крова могъ вынести задатки тѣхъ качествъ, которыя особенно дороги для миссіонерской дѣятельности.

Отъ домашняго воспитанія Петръ Левшинъ (мірское имя м. Платона) переведенъ былъ къ школьному,—былъ принятъ въ число учениковъ Славяно-греко-латинской академіи. Прослѣдимъ вліяніе на Платона школы.—Здѣсь мы должны обратить прежде всего вниманіе на составъ академической корпораціи. Со времени устройства Московской академіи Яворскимъ по типу Кіевской (1703 г.) и до самаго новаго ея преобразованія м. Платономъ, вся учебно-воспитательная часть академіи находилась въ рукахъ постепенно вызываемыхъ изъ Кіева ученыхъ иноковъ-малороссовъ. Какъ рѣдки были въ академической корпораціи лица, не облеченныя иноческимъ чиномъ, такъ же почти мало было въ числѣ академическихъ наставниковъ великороссовъ. Напримѣръ, въ 1744 году въ числѣ преподавателей академіи былъ одинъ только бѣлецъ, учитель низшаго класса Григорій Кондаковъ; но и онъ былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности вслѣдствіе того, что не хотѣлъ принять монашество[1]). Также и въ 1754 году ректоръ Іоасафъ, выражая свое желаніе, „чтобы всѣ учители въ Московской академіи были монахи“ (бѣльцовъ было 2), просилъ Св. Синодъ прислать монаха на мѣсто „преподавателя риторики бѣльца Аѳанасія Пельскаго, понеже онъ монашества пріяти не желаетъ“. И Св. Синодъ удалилъ Пельскаго изъ академіи, хотя учительскія его достоинства были признаны и ректоромъ Іоасафомъ и еще ранѣе были извѣстны самому Св. Синоду. Назначивъ на риторику учителя піитики іеродіакона Константина Бурковскаго, Св. Синодъ перевелъ на мѣсто послѣдняго учителя синтаксимы изъ Новгородской

[1]) Исторія Славяно-греко-латинской Академіи, С. Смирнова, Москва, 1855 г., стр. 84—85; ср. Полн. Собр. Закон., т. XI, № 8382.

семинаріи нѣкоего Стефана Михайлова, „яко монашества желающаго“[1]). Преобладаніе малороссійскаго элемента надъ великороссійскимъ, если и не достигало размѣровъ господства монашества въ академической корпораціи, тѣмъ не менѣе и оно настолько было сильно, что высшіе посты въ академіи ректора и префекта почти всегда занимались малороссами, воспитанниками Кіевской академіи[2]). Обстоятельство это имѣло немаловажное значеніе. Читая полемическія южно-русскія сочиненія, мы видимъ, что авторы ихъ, вышедшіе изъ Кіевской академіи и, слѣдовательно, усвоившіе царившія въ ней богословскія понятія, высказываютъ вполнѣ вѣрный взглядъ на догматы и обряды, на ихъ различіе и значеніе въ церкви, т. е. на тѣ пункты, которые имѣютъ принципіальное значеніе въ сужденіи о расколѣ[3]). Наставники малороссы, естественно, являлись разсадниками въ Москвѣ тѣхъ же воззрѣній, въ какихъ воспитались сами на родинѣ. А въ поводахъ къ раскрытію подобныхъ мыслей здѣсь не было недостатка. Кромѣ спеціальныхъ уроковъ богословскихъ, къ тому же вызывало издавна установившееся въ Москвѣ катихизическое проповѣданіе и увѣщанія уклоняющихся отъ чистоты православія, увѣщанія иновѣрцевъ, раскольниковъ и отступниковъ[4]). И можно думать, что школѣ м. Платонъ былъ обязанъ первоначально тѣмъ просвѣщеннымъ взглядомъ на расколъ, который легъ впослѣдствіи въ основу всей противораскольничьей дѣятельности его. Съ другой стороны, нельзя не согласиться съ тѣмъ замѣчаніемъ историка Московской академіи, что духъ иночества, въ силу нераздѣльности его съ духомъ благочестія, самъ по себѣ оказывалъ до нѣкоторой степени благотворное вліяніе на учащееся юношество[5]). Конечно, и въ

---

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1754 г. авг. 17, № 352 (862).

[2]) Ист. Слав.-грек.-лат. Акад., Смирнова, стр. 192—211.

[3]) Такой просвѣщенный взглядъ развивается, напр., въ „Лиѳосѣ“.—Арх. Юго-Зап. Росс., т. IX, ч. I., изслѣдов. Ст. Т. Голубева, Кіевъ, 1893 г., стр. 89—90; ср. Кіевскій м. Петръ Могила и его сподвижники, С. Т. Голубева, т. II, Кіевъ, 1898 г., стр. 370.

[4]) Истор. Славяно-греко-латинской Акад., С. Смирнова, стр. 116—127; 134—135.

[5]) Тамъ же, стр. 85.

монашествѣ возможны уродливыя явленія, служащія къ позору ангельскаго чина, но они бываютъ замѣтны и производятъ растлѣвающее дѣйствіе лишь при крайней деморализаціи монашества, чего нельзя сказать о малорусскихъ ученыхъ монахахъ разсматриваемаго времени. Монашествующіе наставники Московской академіи, напротивъ, до того проникались благочестивымъ направленіемъ, что нерѣдко даже свои богословскія системы начинали и оканчивали славословіемъ Богу, Матери Божіей и святымъ[1]). Дѣйствительно, изъ автобіографіи Платона мы узнаемъ, что пріобрѣтенная имъ въ домѣ отца религіозность въ школѣ достигла еще большаго развитія: въ періодъ ученія Петръ уже „никогда не оставлялъ ходить въ церковь, когда отъ школъ было свободно; особливо во время вакацій ни единаго дня не упускалъ, чтобъ не быть на вечерни и на литургіи: а на утреняхъ въ воскресные и праздничные дни“[2]).

Если мы посмотримъ на дисциплинарный строй нашихъ духовныхъ школъ доекатерининской эпохи, то увидимъ, что всѣ онѣ, въ томъ числѣ и Московская академія, представляли весьма невыгодныя условія для развитія въ своихъ питомцахъ тонкости нравственнаго чувства и, вообще, добрыхъ чертъ характера. Школа не была въ собственномъ смыслѣ воспитательнымъ учрежденіемъ. Всѣ тѣ искреннія отношенія учителей къ своимъ ученикамъ, которыя, открывая, такъ сказать, непосредственный доступъ въ сердце, даютъ возможность нравственно воспитывать его,—всѣ подобныя отношенія, напоминающія отношенія отца къ своимъ дѣтямъ, мало входили въ сферу тогдашней школьной жизни. Вмѣсто нихъ выступали отношенія юридическаго свойства, сообщавшія школѣ духъ и характеръ гражданскаго учрежденія съ его неизбѣжною формальностью. Чѣмъ руководились ученики въ своихъ поступкахъ, моральными-ли принципами или другими какими, на это начальство почти не обращало вниманія. Оно заботилось главнымъ образомъ, чтобы уче-

---

[1]) Истор. Моск. Славяно-греко-латинской Акад., С. Смирнова, стр. 151.

[2]) Автобіографія м. Платона, напечат. въ Душеполезн. Чтен. 1887 г., августъ, стр. 379.

ники соблюдали внѣшній порядокъ и благопристойность и за неисполненіе требованій внѣшней дисциплины подвергало ихъ всей строгости наказаній, подобно тому, какъ государственный судъ каралъ нарушителей государственныхъ законовъ. Въ ту пору школа слабо усвояла мысль объ исправительномъ значеніи своихъ дисциплинарныхъ мѣръ, придавая имъ почти исключительно юридическій характеръ. Вслѣдствіе такихъ ея порядковъ, въ школьныхъ стѣнахъ вырабатывались тѣ типы „дѣтинъ непобѣдимой злобы“, которые „способны были выдержать какія угодно истязанія отъ начальства, не уступивъ ему ни на волосъ, могли хоть сейчасъ же отправиться подъ шпицрутены солдатской службы или подъ муки тайной канцеляріи,—вырабатывался тотъ и доселѣ извѣстный по преданію бурсацкій закалъ, во имя котораго всякая чувствительность, нѣжность нравственнаго чувства, особенно совѣстливость предъ педагогическими внушеніями преслѣдовались въ средѣ учениковъ, какъ черты бабьи, недостойныя порядочнаго бурсака, закалъ, который обязывалъ человѣка и дѣлалъ для него возможнымъ не поморщиться подъ самыми жгучими ударами и этою геройскою, презрительною безчувственностью къ наказанію уколоть и посрамить бѣсившагося педагога“[1]).

Жесткій дисциплинарный строй школы долженъ былъ, повидимому, подавить въ Петрѣ Левшинѣ всякую чувствительность, любвеобильность и воспитать въ немъ тиранические инстинкты. Между тѣмъ самъ Платонъ заявляетъ, что онъ въ школѣ настолько умѣлъ сохранить „мягкосердечіе своего нрава“, „что никогда ни съ кѣмъ не ссорился и не бранился“[2]). Да и вся послѣдующая дѣятельность его, проникнутая тонкимъ нравственнымъ чувствомъ, подтверждаетъ тотъ же фактъ,—что школа не произвела на добросердечіе Платона дурного дѣйствія. Полагаемъ, причина такого явленія лежала въ слишкомъ большомъ контрастѣ между природною мягкостью м. Платона, укрѣпленною извѣстнымъ

---

[1]) Духовные школы въ Россіи до реформы 1808 г., П. Знаменскаго, Казань, 1881 г., стр. 402.

[2]) Автобіографія м. Платона, напеч. въ Душеполезн. Чтен. 1887 г., августъ, стр. 379.

домашнимъ воспитаніемъ, и грубостью школьной дисциплины. Человѣческая природа въ своемъ развитіи никогда не дѣлаетъ быстрыхъ скачковъ отъ одной ступени на другую. Таково ея свойство. Дитя рѣдко увлекается поведеніемъ взрослыхъ, которое кажется ему слишкомъ недосягаемымъ; напротивъ, легко перенимаетъ то, что видитъ въ своихъ сверстникахъ, и, именно, потому, что поступки сихъ послѣднихъ недалеко отстоятъ отъ ихъ собственнаго состоянія. Не встрѣчая отвѣта своему духу въ школьной дисциплинѣ, Петръ Левшинъ могъ остаться и незахваченнымъ ея демонализующимъ вліяніемъ: она слишкомъ казалась ему низка и потому вмѣсто подчиненія себѣ возбуждала отвращеніе. Въ результатѣ могло быть даже то, что она отрицательно укрѣпляла въ немъ благородство и любвеобильность сердца, подобно тому, какъ какой нибудь порокъ въ художественномъ описаніи не только не привлекаетъ къ себѣ, но, напротивъ отталкиваетъ, заставляя живѣе чувствовать его гнусность

Конечно, Платонъ не стоялъ особнякомъ среди своихъ товарищей; вѣроятно, были и другіе, сочувствующіе ему, въ лицѣ которыхъ ненормальность школьной дисциплины вызывала реакцію. Въ автобіографіи м. Платонъ указываетъ на тотъ фактъ, что товарищи любили его и, именно, „за добрый и веселый нравъ“[1]); значитъ, между ними были и такія лица, которыя цѣнили нѣжность нравственнаго чувства и вслѣдствіе этого, несомнѣнно, производили другъ на друга нравственно-благотворное вліяніе.

Итакъ, академія, несмотря на свои недостатки, не оказала вреднаго вліянія на выработку характера Петра Левшина; напротивъ, можно думать, она способствовала развитію его добрыхъ качествъ положительно, вслѣдствіе вліянія благочестиваго настроенія иноковъ-наставниковъ и отрицательно—контрастомъ суровости школьной дисциплины съ природною нѣжностью Платона, укрѣпленною и укрѣплявшеюся въ семьѣ и въ кругу подобныхъ ему товарищей; своею же образовательною частью она положила начало просвѣщенному взгляду Платона на расколъ.

---

[1]) Автографія м. Платона, напеч. въ Душепол. Чтен. 1887 г., августъ, стр. 378.

Помимо домашняго и школьнаго воспитанія, каждый человѣкъ въ развитіи своихъ природныхъ дарованій подчиняется вліянію общественной среды, въ которой онъ живетъ, такъ или иначе усвояя ея вкусы и понятія. Поэтому намъ нужно обратить вниманіе на то, каково было направленіе общества во 2-й половинѣ XVIII в. и насколько отразились его идеи на м. Платонѣ.

Широко развившаяся въ XVI—XVIII вв. благодаря открытію новыхъ частей свѣта, многимъ изобрѣтеніямъ и знакомству съ классическою древностію, человѣческая мысль, не стѣсняемая въ XVIII в. могущественнымъ прежде авторитетомъ духовенства и сильною государственною властью, критически стала смотрѣть на всѣ существовавшія формы общественной жизни. А злоупотребленія, накопившіяся въ этой жизни, давали поводъ къ рѣзкимъ нападкамъ на нее. Такъ какъ общественное устройство покоилось на абсолютизмѣ съ одной стороны государственной власти, а съ другой на авторитетѣ церкви, то имъ и приписаны были всѣ недостатки современнаго положенія, и философы видѣли единственный исходъ къ улучшенію общественной жизни въ разрушеніи оковъ, которыя налагались на общество духовенствомъ и правительствомъ, въ объявленіи полной свободы. Но принципъ свободы предполагаетъ другой принципъ—принципъ уваженія человѣческой личности, безъ котораго немыслима никакая свобода. Оттого всѣ философы сходились между собою во взглядахъ на достоинство человѣческой личности. Изъ принципа свободы и уваженія человѣческой личности сами собою вытекали требованія равенства людей между собою, вѣротерпимости и т. п. проявленій идеи гуманности.

Такъ было сперва во Франціи, потомъ эти идеи перешли въ другія западно-европейскія государства и, наконецъ, захватили своимъ теченіемъ Россію. Философское направленіе, начавшись у насъ при Елизаветѣ, въ первые годы царствованія Екатерины II достигло высшаго своего развитія. Сама Екатерина стояла во главѣ новаго движенія. Она вела оживленную переписку съ царемъ энциклопеди-

стовъ Вольтеромъ[1]), считая его своимъ наставникомъ[2]), приглашала знаменитаго математика Д'Аламбера въ воспитатели наслѣдника престола Павла Петровича[3]), купила библіотеку у третьяго выдающагося энциклопедиста Дидро[4]) и предлагала французскимъ философамъ продолжать въ Петербургѣ изданіе знаменитой энциклопедіи, когда оно встрѣтило препятствіе во Франціи[5]). Въ увлеченіи французскою философіею отъ Екатерины II не отставали и всѣ наиболѣе образованные русскіе люди, въ особенности придворные вельможи. Графъ И. И. Шуваловъ[6]), князь Д. И. Голицынъ[7]), графъ А. Р. Воронцовъ[8]) состояли такъ же, какъ императрица, въ дѣятельной перепискѣ съ фернэйскимъ отшельникомъ; а извѣстный русскій педагогъ того времени Бецкій переписывался съ Дидро[9]). Идеями энциклопедистовъ наполнялись и многія русскія сочиненія. Такъ, княгиня Дашкова въ своихъ „Запискахъ“ обвиняетъ Петра I за то, что онъ обратилъ въ рабство всѣ сословія, стѣснивши ихъ свободу[10]). Державинъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній

---

[1]) Письма императрицы Екатерины II къ Вольтеру и нѣкоторыя Вольтера къ Екатеринѣ во французскомъ подлинникѣ съ русскимъ переводомъ помѣщены въ „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества“, тт. X, XIII, XXVII, I, СПБ., 1872 г., 1874 г., 1880 г., 1867 г.

[2]) Переписка Екатерины Великой съ Вольтеромъ, переводъ Подлисецкаго, ч. I, Москва, 1803 г., письмо I, стр. 5.

[3]) Собственноручныя письма импер. Екатерины къ Д'Аламберу и Д'Аламбера къ императрицѣ напечатан. въ „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества“, т. VII, СПБ., 1871 г., стр. 178—182.

[4]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества., т. X, стр. 44—45.

[5]) Осмнадцатый вѣкъ.—Историческій сборникъ, издаваемый П. Бартеневымъ, книга I, Москва, 1868 г., стр. 259—263.

[6]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. X, стр. 176, 381.—Переписка съ Вольтеромъ Екатерины Великой, ч. I, стр. 103, № XXXIX.

[7]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XV, СПБ., 1875 г., стр. 622—623.

[8]) Архивъ князя Воронцова, книга V, Москва, 1872 г., XXIII, стр. 445—457.—Здѣсь помѣщено нѣсколько писемъ Вольтера на французскомъ языкѣ къ графу Александру Романовичу Воронцову.

[9]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XVII, СПБ., 1876 г., стр. 17—24.

[10]) Записки княгини Дашковой, писанныя ею самой, переводъ съ англійскаго языка, London, 1859 г., стр. 172—173.

заявляетъ, что царь долженъ быть „и на тронѣ человѣкомъ“[1]). А „Наказъ“ императрицы въ первоначальномъ видѣ поразилъ своими либеральными идеями даже многихъ поклонниковъ французской философіи и подвергся воспрещенію въ самомъ Парижѣ[2]).

Вызванный ко двору[3]), Платонъ оказался въ самомъ центрѣ моднаго движенія. Отнестись къ нему совершенно равнодушно, какъ бы не замѣчать его, Платонъ не могъ, отчасти уже въ силу положенія воспитателя цесаревича, вліяніе на котораго онъ долженъ былъ раздѣлять съ людьми либеральнаго направленія, а отчасти потому, что многое въ современныхъ идеяхъ отвѣчало личнымъ его предрасположеніямъ. Но съ другой стороны Платонъ и по самому сану своему, и какъ человѣкъ, въ которомъ глубоко были заложены основы христіанской вѣры, не могъ подчиниться всецѣло вліянію этихъ идей. Для него оставалось одно: отнестись критически къ модному направленію; отбросивши его крайности, воспользоваться тѣмъ, что было въ немъ дѣйствительно хорошаго.

Нападки философовъ на религію питались дѣйствительными церковными злоупотребленіями. Это обстоятельство заставляло Платона, какъ, можетъ быть, и многихъ лучшихъ людей его времени, задумываться надъ чистотой своей собственной вѣры. Какъ появленіе ересей нерѣдко способ-

---

[1]) Ода на рожденіе порфироднаго отрока.

[2]) Переписка Екатерины Великой съ Вольтеромъ, ч. I, стр. 63; ч. II, стр. 20—21, 33; письма XXIII, LXXXIV, LXXXVII.

[3]) По окончаніи богословскаго ученія въ академіи, Петръ Левшинъ былъ опредѣленъ (1757 г.) въ ту-же академію учителемъ піитики и греческаго языка съ присоединеніемъ обязанности публичнаго изъясненія катихизиса. Въ слѣдующемъ году онъ переведенъ былъ учителемъ риторики и катихизаторомъ въ Троицкую семинарію. Въ 1758 году 14 августа принялъ въ лаврѣ монашество и вскорѣ митрополитомъ Тимоѳеемъ рукоположенъ во іеродіакона. Санъ іеромонаха получилъ въ 1759 году и въ томъ же году былъ назначенъ префектомъ Троицкой семинаріи, учителемъ философіи и „первымъ соборнымъ“ іеромонахомъ въ „Учрежденномъ лаврскомъ соборѣ“. Въ 1761 году опредѣленъ на постъ ректора и учителя богословскихъ наукъ въ той-же лаврской семинаріи. Въ пріѣздъ императрицы Екатерины въ Троицкую лавру послѣ коронаціи при посѣщеніи ею семинаріи Платонъ говорилъ привѣтственную рѣчь, и послѣ

ствовало проясненію истины у тѣхъ, которые до тѣхъ поръ ее содержали почти безсознательно, а иногда и не вполнѣ вѣрно, такъ и стремленіе философовъ XVIII в. сдать религію въ архивъ, какъ суевѣріе темной толпы, могло лишь поднять религіозныя воззрѣнія Платона на большую высоту, освободивши ихъ отъ того, что въ нихъ дѣйствительно близко было къ предразсудку и во всякомъ случаѣ укрѣпить истину. Въ частности христіанское истинно-гуманное воззрѣніе на свободу человѣка, достойнство его личности, не всегда прежде отчетливо сознаваемое, теперь, при настойчивомъ напоминаніи философами о гуманности, могло очиститься отъ многихъ наростовъ и, несомнѣнно, возвыситься въ представленіи такихъ выдающихся лицъ, какъ м. Платонъ.

Такимъ образомъ то, что для другихъ сопровождалось въ большинствѣ случаевъ вредными послѣдствіями,—либеральныя философскія идеи времени, съ которыми м. Платонъ такъ близко столкнулся при дворѣ, не только не расшатали его могучей натуры, но, напротивъ, въ значительной долѣ содѣйствовали воспитанію въ немъ того гуманнаго отношенія къ раскольникамъ, которымъ проникнута вся его дѣятельность и которое требуется духомъ христіанскаго ученія.

Итакъ и воспитаніе, и образованіе, и гуманное направленіе современнаго Платону общества обусловливали разви-

---

того въ мартѣ 1763 года именнымъ указомъ опредѣленъ былъ намѣстникомъ въ лавру съ оставленіемъ за нимъ и прежней должности ректора и учителя богословія. Въ маѣ 1763 г. императрица по пути въ Ростовъ для перекладыванія мощей св. Дмитрія Ростовскаго въ новую раку заѣзжала опять въ лавру. Платонъ встрѣчалъ ее уже по званію намѣстника. Сказанное имъ при этомъ поученіе о пользѣ благочестія настолько понравилось императрицѣ, что она приказала его напечатать, а самого Платона удостоила быть при царскомъ столѣ. За столомъ Платонъ понравился генералъ-прокурору князю Шаховскому и самой императрицѣ. На обратномъ пути изъ Ростова императрица снова посѣтила лавру; при чемъ Платонъ получилъ приглашеніе къ царскому столу въ Москву. Здѣсь императрица сама испытывала его, а больше чрезъ графа Панина. Испытаніе это имѣло рѣшающее значеніе для судьбы Платона: послѣ стола Панинъ объявилъ Платону волю государыни относительно опредѣленія его законоучителемъ къ наслѣднику престола.—Автобіографія м. Платона, напеч. въ Душеполезномъ Чтеніи 1887 г., августъ, стр. 381–395.

тіе въ немъ просвѣщеннаго взгляда на расколъ и на средства борьбы съ нимъ.

Въ этомъ взглядѣ м. Платонъ съ одной стороны примыкаетъ къ предшествующимъ противораскольничьимъ дѣятелямъ, повторяя выработанныя ими положенія, а съ другой —опереживаетъ ихъ, пролагая путь для новыхъ отношеній къ раскольникамъ. По справедливому заключенію собора 1666—1667 гг., „возмущеніе многихъ неутвержденныхъ душъ“, т. е. расколъ произошелъ вслѣдствіе „невѣдѣнія божественныхъ писаній“, самомнѣнія и неразумной ревности (къ вѣрѣ) многихъ невѣждъ не только изъ числа пасомыхъ („простыхъ“), но и изъ числа ихъ руководителей[1]). По мнѣнію Полоцкаго, расколъ—это „слѣпота“, „безуміе“[2]). Въ разумѣ грамматическомъ раскольники настолько скудоумны, что не умѣютъ даже правильно читать, —„не на своихъ мѣстѣхъ положивъ словесъ препинаніе“, они тѣмъ самымъ искажаютъ „православное разумѣніе“[3]) и, желая „изслѣдити море богословія, тонутъ на брезѣ“[4]). Расколъ— это слѣдствіе крайняго упорства относительно неважныхъ предметовъ, простирающагося до „вражды“, „злобы“ и „клеветы безстудныя“[5]). Точно такого же взгляда на расколъ держится и патріархъ Іоакимъ въ своемъ „Увѣтѣ“, называя раскольниковъ людьми безумными, невѣжественными[6]), „не знающими не токмо грамматики, но и азбуки“[7]). По самомнѣнію отпавъ отъ истины[8]), они никогда не могутъ „пріити въ разумъ истинный“, потому что „нѣсть въ нихъ истины и тьма непокорства и злобы ослѣпи имъ очи“[9]). Расколь-

---

[1]) Дѣянія Московскихъ соборовъ 1666—1667 гг., книга соборн. дѣяній 1667 г., Москва, 1893 г., изд. 2, об. 1.

[2]) Жезлъ Правленія, Москва, 1666 г., ч. I, возобл. I, л. 20; возобл. 2, об. 22; возобл. 13, об. 42.

[3]) Тамъ же, ч. I, возобл. 6, л. 30 -31, возобл. 4, л. 24.

[4]) Тамъ же, ч. I, возобл. 20, об. 55—л. 56; возобл. 3, л. 23.

[5]) Жезлъ Правленія, ч. II, возоблич. 40, л. 128—129; ч. I, возобл. 23, гл. 65—67.

[6]) Увѣтъ Духовный, Москва, 1682 г., гл. 24, л. 245.

[7]) Тамъ же, гл. 3, л. 100; ср. гл. 2, л. 95, гл. 5, об. 105.

[8]) Тамъ же, об. 270.

[9]) Тамъ же, л. 271.

ники, разсуждаетъ св. Димитрій Ростовскій, это „невѣжи“[1]), люди, какъ-бы „лишенніи здраваго ума“[2]). Они такъ же мало способны проникать въ тайны св. писанія, какъ слѣпые—видѣть солнечные лучи[3]). Ученіе ихъ „тьма, и мгла и самая бредня“[4]). Съ невѣжествомъ у нихъ соединяется самое грубое упорство. Они, видя, не видятъ и, слыша, не разумѣютъ[5]).

И митрополитъ Платонъ, подобно своимъ предшественникамъ, полагалъ, что „расколъ основанъ на одномъ невѣжествѣ и ревности къ вѣрѣ горячей, но не по разуму“[6]). Вотъ основной тезисъ во взглядѣ м. Платона на расколъ. По обстоятельствамъ онъ былъ развиваемъ имъ. Происхожденіе раскола, послѣдущее его существованіе представляется Платону въ свѣтѣ, соотвѣтствующемъ указанному принципу.

Прежде всего явленіе, послужившее поводомъ къ расколу, возникло и поддерживалось, по Платону, на почвѣ отсутствія просвѣщенія[7]),—это „въ церковныхъ книгахъ многія отъ неискусныхъ переводчиковъ и отъ неисправныхъ переписциковъ погрѣшности“[2]). Сознавать, затѣмъ, книжныя ошибки могли лишь лица умственно развитыя, а тѣмъ болѣе обладать способностью исправлять ихъ[3]). Изъ послѣдняго рода лицъ выдающимися, по Платону, выступаютъ Максимъ Грекъ[4]), архимандритъ Троицкой лавры Діонисій[5]) и въ особенности патріархъ Никонъ, „мужъ просвѣщенный выше вѣка своего“[6]).

---

[1]) Розыскъ о брынской вѣрѣ, Москва, 1783 г., ч. II, гл. 2, л. и об. 37.

[2]) Тамъ же, ч. II, гл. 21, л. 135.

[3]) Тамъ же, ч. I, гл. 4, л. 5.

[4]) Тамъ же, ч. I, гл. 18, об. 22; ср. гл. 19, об. 24; гл. 20, об. 27.

[5]) Тамъ же, ч. II, гл. 16, об. 97.

[6]) Крат. Цер. Росс. Исторія м. Платона, т, II, стр. 236.

[7]) Увѣщаніе раскольникамъ м. Платона, об. 9—л. 10.

[8]) Краткая Церковная Россійская Исторія м. Платона, т. II, стр. 234.

[9]) Увѣщаніе м. Платона, об. 14—л. 15.

[10]) Тамъ же, л. 11. Краткая Церковная Россійская Исторія м. Платона, т. II, стр. 38—40.

[11]) Краткая Церковная Россійская Исторія м. Платона, т. II, стр. 224.

[12]) Тамъ же, стр. 234.

Невѣжествомъ, далѣе, объясняетъ Платонъ и тотъ печальный фактъ, который послѣдовалъ за исправленіемъ церковныхъ книгъ. Люди умственно неразвитые не могли понимать ошибокъ въ книгахъ, а отсюда и признавать нужду въ поправленіи ихъ. Нововведенія патріарха Никона породили въ нихъ недоумѣніе. За недоумѣніемъ послѣдовало размышленіе относительно новоисправленныхъ книгъ и обрядовъ, а необходимой подготовки къ здравому сужденію въ области вѣры не доставало. И вотъ произошло то, что произошло: смѣшеніе существеннаго съ несущественнымъ, перенесеніе признака непреложности, свойственнаго христіанскимъ догматамъ, на внѣшнія обрядовыя формы, относительно которыхъ законъ для церкви—сама церковь, которыя могутъ быть усовершаемы церковію по сознанію соотношенія съ внутренней идеей, ими выражаемой. Въ результатѣ и незначительныя перемѣны въ слововыраженіяхъ могли показаться невѣждамъ искаженіемъ существа христіанства, измѣною православію, осужденіемъ прежняго строя церкви, какъ еретическаго. „Сіе дѣло (т. е. книжнаго исправленія) разсуждаетъ Платонъ, сколько само по себѣ ни похвально, соблазнило нѣкоторую немощную братію нашу..., ибо нѣкоторыя малопросвѣщенныя изъ духовнаго чину люди, также не великое число изъ простого народа, послышавъ о поправленіи книгъ церковныхъ, подумали, что будто они совсѣмъ попорчены, и изъ того заключили, что будто и вѣра перемѣнена. Въ сіе заблужденіе впасть имъ не трудно было, понеже они были люди простые, а притомъ иные и безграмотные, всегда были своими работами и рукодѣліями заняты, и потому имъ въ высокія о вѣрѣ разсужденія входить нельзя было. Въ семъ будучи невѣжествѣ, когда послышали въ новопечатныхъ книгахъ нѣкоторыя слова съ старопечатными несходныя, подумали, бѣдныя, что уже будто и самая сила перемѣнилась“[1]). „Невѣжи стали толковать, что аки бы церковь дотолѣ была въ заблужденіи“[2]).

---

[1]) Увѣщаніе раскольникамъ м. Платона, об. 25—л. 26.

[2]) Краткая Церковная Россійская Исторія Платона, митрополита Московскаго, т. II, стр. 235.

Предупрежденіе раскола Платонъ также считаетъ вѣроятнымъ при разъясненіи смущеній, возникшихъ по поводу книжныхъ исправленій у лицъ „простыхъ“ и „малопросвѣщенныхъ“. Когда книги были „исправлены, пишетъ онъ, и по всѣмъ церквамъ разосланы“, то „велѣно новоисправленныя книги вездѣ принять, а старыя обирать. А надлежало было, объяснивъ всѣ причины исправленія книгъ, и представивъ предъ очи видимыя ошибки, также оговоривъ, что и въ старыхъ книгахъ ничего церкви противнаго не заключается, а только находятся нѣкоторыя отъ переписциковъ ошибки и отъ переводчиковъ неисправности: а въ тѣхъ, кои ихъ употребляли и употребляютъ, никакова заблужденія и ереси церковь не признаетъ: сіе учинивъ надлежало было оставить на волю: по старымъ ли служить книгамъ или по новымъ. Вѣроятно, заключаетъ Платонъ, что симъ поступкомъ всѣхъ умы были бы успокоены и со временемъ по малу новоисправленныя книги взошли бы во употребленіе, а старыя сами собою вышли бы изъ употребленія“[1]).

Хотя невѣжество составляетъ основную причину раскола, однакоже имъ однимъ нельзя объяснить происхожденіе старообрядчества. Для фактическаго разрыва съ церковью необходимо, чтобы невѣжественныя теоретическія представленія соединились съ влеченіями, служащими импульсомъ къ дѣятельности. Тамъ, гдѣ нѣтъ такого импульса, тамъ не произойдетъ разрыва съ церковью. Потому-то люди индифферентные мало способны къ расколу, именно, по своему равнодушію къ церковнымъ измѣненіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, влеченія, составляющія импульсъ къ дѣятельности, могутъ исходить изъ эгоистическихъ побужденій. Но въ этомъ случаѣ они будутъ лишены самостоятельности и распространенности. Дѣйствія подъ руководствомъ эгоистическихъ соображеній открываются уже тогда, когда разрывъ съ церковью произведенъ другими, когда есть группа лицъ по инымъ основаніямъ отдѣляющихся отъ церкви. Люди съ эгоистическими намѣреніями только присо-

[1]) Краткая Церковная Россійская Исторія м. Платона, т. II, стр. 234—235.

единяются къ нимъ, въ надеждѣ такимъ способомъ достигнуть своихъ цѣлей. А если сопоставить между собою важность вопроса и низость побужденій, вытекающихъ изъ эгоистическихъ соображеній, то необходимо будетъ количество подобнаго разряда раскольниковъ представлять весьма ограниченнымъ. По характеру же своему эгоистическія побужденія могутъ быть неодинаковыми. Указывая на возможность присоединенія къ расколу по эгоистическимъ намѣреніямъ въ эпоху первоначальнаго образованія старообрядчества и чрезъ то обнаруживая свое предположеніе относительно незначительнаго числа ихъ, какъ бы объ исключеніи изъ общаго правила, Платонъ отмѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и одно изъ возможныхъ для подобнаго рода людей побужденій матеріальнаго свойства. По его словамъ, при возникновеніи раскола „были можетъ быть и такіе, кои, не хотя лишиться собственности имъ принадлежащей, а надлежало имъ немалое иждивеніе употребить на покупку новыхъ книгъ, также роптали и къ возмутителямъ приставали“[1]). Словомъ, эгоистическія побужденія, если и могутъ служить въ связи съ невѣжествомъ руководствомъ при уклоненіи въ расколъ, то только для немногихъ, и значеніе ихъ не изначальное; не они производятъ расколъ, они только пристаютъ къ расколу, до нѣкоторой степени усиливая его. Для того же, чтобы народная масса отторгнулась отъ матери своей церкви, нужны побужденія болѣе серьезныя. Произвести отдѣленіе отъ церкви могутъ только тѣ, которымъ дорого свое спасеніе. И это понятно. Признавая спасеніе возможнымъ лишь при извѣстномъ порядкѣ церковной жизни—пусть даже такое убѣжденіе будетъ ложнымъ—они естественно приходятъ къ мысли, что пожертвованіе этимъ порядкомъ равносильно отреченію отъ своего спасенія. Отсюда, какъ необходимый факторъ для разрыва ихъ общенія съ церковью, выступаетъ извѣстная ихъ ревность къ вѣрѣ. Ее справедливо поэтому оттѣняетъ м. Платонъ въ своемъ изъясненіи причинъ раскола.

---

[1]) Краткая Церковная Россійская Исторія м. Платона, т. II, стр. 235—236.

Сама по себѣ ревность къ вѣрѣ заслуживаетъ полной похвалы. Но при невѣжествѣ, при ложности теоретическихъ убѣжденій, она можетъ перейти предѣлы разумности и проявиться въ формѣ предосудительнаго упорства. Конечно, истинно-вѣрующій христіанинъ найдетъ разрѣшеніе своей смущающейся совѣсти въ авторитетѣ самой церкви, въ довѣріи къ болѣе просвѣщеннымъ своимъ руководителямъ. „Должно было имъ, пишетъ Платонъ, разсудить, что ежелибы оное поправленіе не было добро, то благочестивый Государь, весь православный Россійскаго Государства духовный чинъ, благовѣрные бояре и всѣ Русскіе люди сегобъ не приняли“[1]). Такого довѣрія Платонъ не видитъ у первыхъ раскольниковъ: „но не хотѣли они разсудить сего, да напротивъ не повинуясь повелѣніямъ благочестивыхъ Государей, не слушая увѣщаній святыя церкве, и не слѣдуя добрымъ другихъ примѣрамъ, въ своихъ мнѣніяхъ уперлись, да не только сіе, но притомъ, о великаго злоключенія! любовь, которою насъ Христосъ связалъ, разорвали и отъ матери своей отъ святой церкви отлучилися“[2]). А отдѣлившись, они ощутили выгоды для себя въ произведенномъ предвосхищеніи церковно-начальственныхъ правъ и усилились въ расколѣ: „строя сами себѣ служебные домы и выбирая бѣглыхъ поповъ и отрѣшая ихъ по своему изволенію, и распоряжая всѣмъ, имѣли удовольствіе и прибытокъ, что они сдѣлались самовластители по церковнымъ дѣламъ, не завися ни отъ каковаго духовнаго правительства“[3]).

Тѣ же факторы—невѣжество и упорство—признаетъ Платонъ основными въ существованіи раскола въ послѣдующее время.

При изображеніи судебъ русской церкви, разсказываетъ онъ такой случай изъ исторіи книгоисправленія въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Въ молитвѣ при освященіи воды на Богоявленіе Господне, послѣ фразы: „и освяти воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ“ въ старыхъ книгахъ

---

[1]) Увѣщаніе раскольникамъ м. Платона, об. 26.

[2]) Тамъ же, об. 26—л. 27.

[3]) Краткая Церковная Россійская Исторія Платона, м. Московскаго, т. II, стр. 236.

находилось еще слово „и огнемъ“. Справщики, архимандритъ Троицкаго монастыря Діонисій и священникъ Клементьевскаго посада Иванъ Насѣдка, выбросили эту прибавку, какъ неосновательную. Но митрополитъ Крутицкій Іона, правившій тогда за патріарха, человѣкъ „малопросвѣщенный“, почелъ сіе опущеніе ересью и заключилъ архимандрита въ тюрьму. А „по Москвѣ разнесся слухъ, и невѣжи разгласили, яко явился новый еретикъ, который хочетъ огонь изъ міра вывести. Хлѣбники и калачники возмутились, почитая, что ихъ промыселъ пропадетъ, когда огонь изъ міра будетъ выведенъ. Праведнаго и просвѣщеннаго Діонисія поносили, ругали, и едва его не убили“, продержавъ въ тюрьмѣ до патріарха Филарета. „Что нынѣшніе раскольники, заключаетъ свои разсужденія Платонъ, толкующіе превратно аки бы чрезъ поправленіе книгъ при Святѣйшемъ патріархѣ Никонѣ, книги попорчены и новыя ереси въ нихъ введены; сіи толкователи во всемъ подобны онымъ помянутымъ хлѣбникамъ и калачникамъ“ [1]).

Въ своихъ проповѣдяхъ Платонъ выясняетъ значеніе обѣихъ основныхъ причинъ первоначальнаго происхожденія раскола для дальнѣйшаго его существованія, указывая при этомъ до нѣкоторой степени и то, какимъ образомъ коренится на нихъ расколъ. Умственная недоразвитость останавливается на болѣе доступномъ для себя, на внѣшнемъ и неважному отдаетъ предпочтеніе предъ религіозными идеями, скрывающимися за чувственными знаками. При этомъ условіи ревность къ вѣрѣ принимаетъ односторонній характеръ преданности собственно однѣмъ только наружнымъ формамъ, разрѣшаясь почти полнымъ забвеніемъ внутренняго содержанія религіи. „Иные, имѣя привязанность къ вѣрѣ, но не имѣя основательнаго въ ней просвѣщенія, въ различныя впадаютъ суевѣрства. Уважаютъ наружность и мелкость; но внутренность остается безъ исправленія и важное безъ исполненія“...[2]). „Будучи же помрачены невѣ-

[1]) Краткая Церковная Россійская Исторія Платона, м. Московскаго, т. II, стр. 225—226.

[2]) Поучительныя слова Платона, м. Московскаго, т. XIV, стр. 518—519.

жествомъ, или ожесточены упрямствомъ, они ищутъ вѣры по угламъ, поставляютъ оную въ однихъ наружностяхъ, и не понимаютъ, бѣдные, что царствіе Божіе, по Апостольскому словеси, есть правда и миръ“ (Римл. XIV, 17[1]).

Это-то образовавшееся невѣжественное представленіе относительно религіозной внѣшности „подаетъ случай къ пагубному расколу, сей тяжкой для церкви Божіей язвѣ“[2]). Здѣсь происходитъ, очевидно, столкновеніе двухъ взглядовъ, истинно-церковнаго и узко-обрядоваго; послѣдній крѣпко отстаивается невѣждами. Въ слѣпой приверженности къ обрядовымъ излюбленнымъ формамъ, невѣжды не только не хотятъ признать право церкви на свободный выборъ обрядовъ, но даже стремятся предвосхитить его. Не придавая поэтому существеннаго значенія самымъ церковно-обрядовымъ разностямъ, Платонъ считаетъ „важнымъ и сожалѣнія достойнымъ ихъ церкви въ семъ непокореніе“[3]). Еще рельефнѣе выясняетъ Платонъ значеніе для существованія раскола упорнаго противленія церкви, неподчиненія ея авторитету и предвосхищенія божественныхъ полномочій церковной власти въ другомъ словѣ, на день святителя Николая. „Сколько онъ (святитель Николай), разсуждаетъ проповѣдникъ, духомъ оскорбится и возревнуетъ увидѣвъ, что и между пшеницею суть плевелы..., что суть люди помраченные разумомъ, слѣдующіе своему невѣжеству, и отторгающіе себя отъ стада Христова. Откуду сіе, вопроситъ онъ, и по даннѣй ему отъ Бога премудрости узнаетъ, отъ того быти сему заблужденію, что вышли изъ своихъ границъ, ученики взошли въ должность учителей, гласу пастырей своихъ послѣдовать не восхотѣли, а пошли въ слѣдъ суетныхъ своихъ мудрованій“[4]).

При этомъ наблюдается явленіе, отмѣчаемое Платономъ, еще болѣе прискорбное. Нѣкоторые ревнители старины, не удовлетворяясь собственнымъ отдѣленіемъ отъ церкви

---

[1]) Поучит. слова м. Платона, т. V, стр. 112.

[2]) Поучит. слова м. Платона, т. XIV, стр. 519.

[3]) Тамъ же, стр. 619—620.

[4]) Поучительныя слова Платона, м. Московскаго, т. XII, стр. 114—115.

по пристрастію къ старымъ книгамъ и обрядамъ, „и другихъ въ слѣдъ погибели своея привлекаютъ: имѣютъ беззаконную ревность правовѣрныхъ отъ стада Христова отторгать, такъ какъ во Апокалипсисѣ (XII, 6) упоминаемый змій спадши съ небесъ, хоботомъ своимъ отторгнулъ множество звѣздъ небесныхъ“[1]). Подобное отторженіе имъ легко удается, потому что распространяется въ средѣ, по своему невѣжеству представляющей удобную почву для воспріятія пропаганды. Довѣряя невѣжественнымъ лжеучителямъ, „непросвѣщеніи слѣпо имъ слѣдуютъ, яко волъ вѣдомый на заколеніе“[2]). Значитъ, масса простого народа держится, по Платону, въ расколѣ, преимущественно вслѣдствіе слѣпого довѣрія по своему непросвѣщенію къ расколовождямъ. Неразумная же ревность, хотя и предполагается у нихъ, но она не принимаетъ формы крайняго упорства, затушевываясь ихъ довѣріемъ къ лжеучителямъ. Такимъ образомъ вторая изъ указанныхъ основныхъ причинъ раскола дѣйствующею во всей силѣ обнаруживается собственно у представителей старообрядчества. Однакоже, если бы она не достигала у нихъ степени крайняго упорства, не могло бы произойти раскола, не могло бы поддерживаться и дальнѣйшее его существованіе. Отсюда открывается полное значеніе религіознаго упорства и вообще для происхожденія и существованія раскола наряду съ невѣжествомъ. Считая основною причиною раскола невѣжество и неразумную ревность къ вѣрѣ, переходящую въ самонадѣянное упорство, Платонъ и искорененіе сего зла надѣется достигнуть указаніемъ разуму и своеволію должныхъ границъ: „сія рана удобно можетъ уврачеваться, когда отложивъ излишнее на разумъ свой надѣяніе и упрямство, престанутъ мудрствовать болѣе, нежели подобаетъ мудрствовати“[3]).

Итакъ въ объясненіи главныхъ причинъ раскола м. Платонъ развивалъ тѣ же основныя мысли, что и его предшественники.

---

[1]) Поучит. слова м. Платона, т. V, стр. 112—113.

[2]) Тамъ же, стр. 113.

[3]) Поучит. слова Платона, м. Московскаго, т. XIV, стр. 620.

Что же касается взгляда м. Платона на характеръ борьбы съ расколомъ, то въ этомъ отношеніи онъ стоитъ гораздо выше своихъ предшественниковъ.—Соборъ 1666 г. 11-е свое совѣщаніе „о утоленіи мятежа отъ раскольниковъ“ заключилъ такимъ постановленіемъ къ русскимъ пастырямъ: „аще же кто васъ не послушаетъ хотя во единомъ чесомъ, повелѣваемыхъ отъ насъ, или начнетъ прекословити и вы на таковыхъ возвѣщайте намъ, и мы таковыхъ накажемъ духовно, аще и духовное наказание наше начнутъ презирати, і мы таковымъ приложимъ и тѣлесная озлобления“. Какъ видно, соборъ объявляетъ презирающимъ его постановленія послѣ духовнаго вразумленія наказаніе тѣлесное („тѣлесная озлобления“). Существеннѣйшую же часть соборныхъ постановленій составляли предписанія о совершеніи богослуженія по новоисправленнымъ книгамъ объ употребленіи троеперстія, четвероконечнаго креста, трегубой аллилуіи, т. е. о тѣхъ церковно-обрядовыхъ измѣненіяхъ, изъ-за которыхъ отдѣлялись отъ церкви приверженцы старины, образуя расколъ. Отсюда, слѣдовательно, и опредѣленіе собора относительно тѣлеснаго наказанія при бездѣйственности духовнаго направлялось прямо противъ раскольниковъ за ихъ раскольничьи убѣжденія, за сохраненія ими старыхъ обрядовъ и непослушаніе церкви. За одно же только нерадивое отношеніе къ указанному постановленію соборъ угрожаетъ подвергнуть пастырей („аще же вы сами повелѣніе наше начнете презирати и неучнете радѣти“) лишь „церковной казни“, хотя и „безъ всякия пощады“[1]).

На соборѣ 1667 года русскіе архипастыри предложили восточнымъ святителямъ вопросъ: слѣдуетъ ли раскольниковъ наказывать „градскимъ закономъ“, или только ограничиваться однимъ „церковнымъ наказаніемъ“. Въ своемъ отвѣтѣ восточные патріархи ссылаются на факты исторіи, довольно ясно представляющіе собственныя ихъ убѣжденія по этому вопросу, принятыя всѣмъ соборомъ. Они приводятъ слѣдующіе примѣры. На 2-мъ вселенскомъ соборѣ оказалось 36 епископовъ, раздѣлявшихъ еретическое ученіе Ма-

[1]) Дѣянія Московскихъ соборовъ 1666–1667 гг. Дѣянія собора 1666 г., об. 35—л. 48.

кедонія, „и богоносніи отцы по изверженіи и проклятіи тыхъ злочестивыхъ епископовъ, повелѣша ихъ наказати, и градскимъ закономъ". Дѣйствительно, по этой иниціативѣ отцовъ собора епископы-еретики „біени быша зѣло говяжіими жилами, и позориша ихъ всадивше на велблуды и возивше по торгу". Подобную же иниціативу восточные іерархи усвояютъ отцамъ четвертаго и пятаго вселенскихъ соборовъ въ преслѣдованіи еретиковъ за ихъ лжеученіе. „Богоносніи отцы со благочестивымъ царемъ повелѣша наказати... (единовольниковъ) многимъ біеніемъ говяжіихъ жилъ и древіемъ суковатымъ, и темницами". По проклятіи единомудренниковъ Оригена на 5-мъ вселенскомъ соборѣ отцы повелѣли по соглашенію съ державнымъ представителемъ гражданской власти казнить злочестивыхъ разнымъ томленіемъ и различными муками: „и сице овымъ языки отрѣзаша, овымъ руцѣ отсѣкоша, овымъ уши". На основаніи подобныхъ историческихъ фактовъ, восточные патріархи приходятъ къ такому заключенію: „се убо познаваемъ отъ сихъ, яко еретики и раскольники не токмо церковнымъ наказаніемъ имутъ наказатися, но и царскимъ сирѣчь градскимъ закономъ и казненіемъ"[1]). Хотя въ отвѣтѣ восточныхъ патріарховъ прямо не говорится, за что должно подвергать строгимъ физическимъ наказаніямъ раскольниковъ, но характеръ самыхъ разсужденій патріарховъ, не выставляющихъ въ указываемыхъ ими жестоко наказанныхъ древнихъ еретикахъ никакой другой вины, кромѣ ихъ еретичества, достаточно обнаруживаетъ представленіе собора о преслѣдованіи раскольниковъ за одни ихъ неправыя убѣжденія.

Подобнымъ же образомъ соборъ 1681—1682 гг. просилъ царя упорныхъ противниковъ церкви „по наказанію церковному и по многому архіерейскому ученію отсылать ко градскому суду и по Государеву разсмотрѣнію, кто чего достоинъ, указъ чинить"[2]). И Святѣйшій Синодъ за пер-

[1]) Дѣянія Московскихъ соборовъ 1666—1667 гг. Книга соборныхъ дѣяній 1667 г., л. 81—82.

[2]) Акты Историческіе, т. V, СПБ., 1842 г., № 75, стр. 111—112; сравн. № 93, стр. 145—146, № 100, стр. 161—162.

вую половину XVIII-го вѣка въ одномъ изъ своихъ „увѣщаній“ заповѣдывалъ православнымъ христіанамъ „открывать укрывающихся (раскольниковъ) и представлять праведному суду государеву“[1]), а указами государевыми назначалась старобрядцамъ ссылка на каторгу, если не обрятятся[2]).

Частно въ своихъ сочиненіяхъ русскіе іерархи также высказывались за строгія мѣропріятія для ослабленія раскола. Патріархъ Іоакимъ въ „Словѣ Благодарственномъ“ призываетъ благочестивыхъ царей „смирять буйство и жестокое непокореніе“ „непослушныхъ прещеніемъ и наказаніемъ“ и, умягчая окаменѣлыя сердца ихъ „государскимъ страхомъ“, къ „покоренію святыя церкви обращати“; а боларамъ и всѣмъ христіанамъ внушаетъ не вступать съ „прелестниками“ „въ содружество“, „ненавидѣть“ ихъ и не оказывать имъ никакой милости[3]). Подобнымъ же образомъ и въ „Увѣтѣ“ патріархъ заявляетъ: „безумныхъ раскольниковъ никоими словесы невозможно есть увѣщати, точію воловымъ остномъ наказати ихъ подобаетъ“[4]). Всѣ выписанныя выраженія, хотя и не вполнѣ опредѣленно, указываютъ на то, что патріархъ Іоакимъ раздѣлялъ убѣжденіе о преслѣдованіи раскольниковъ за содержаніе ими раскола. Яснѣе въ этомъ случаѣ выражаетъ свой взглядъ Нижегородскій миссіонеръ епископъ Питиримъ. Онъ не только самъ былъ увѣренъ въ необходимости насильственныхъ мѣръ для искорененія раскола, но и правительство побуждалъ къ осуществленію своихъ воззрѣній, пользуясь расположеніемъ къ себѣ императора Петра 1-го. Имѣя въ виду причиняемое раскольниками церкви зло, Питиримъ прямо заявлялъ: „убо како васъ не мучити за таковая? како въ заточенія не посылати? како необратно въ таковомъ руга-

---

[1]) Полное собраніе постановленій по вѣдомству православнаго исповѣданія, т. IV, СПБ., 1876 г., № 1436, стр. 297.

[2]) Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Синода, т. II, СПБ., 1879 г., № 575/762, стр. 841. Полное собр. Зак., т. VI, №№ 4009, 4109.

[3]) Древняя Россійская Вавліоѳика, ч. XV, Москва 1790 г., стр. 274—277.

[4]) Увѣтъ Духовный, об. 84.

тельствѣ пребывающимъ главъ не отсѣкати“[1])? Въ то же время въ своихъ донесеніяхъ онъ совѣтовалъ императору не допускать раскольниковъ до общественныхъ должностей (въ старосты и бурмистры); одобряя двойной раскольничій окладъ, настаивалъ разорить поселенія и церковь на Вѣткѣ; расколоучителей же требовалъ „хватать“ и „наказавъ на каторгу“ „отсылать“[2]). Убѣжденіе въ необходимости строгихъ мѣръ для подавленія раскола господствовало среди іерарховъ даже времени Екатерины II-й. Достаточно на этотъ разъ вспомнить воззрѣнія наиболѣе просвѣщеннаго и ревностнаго къ вѣрѣ епископа Арсенія Маціевича, по разсужденіямъ котораго раскольниковъ слѣдуетъ „истреблять“ „мечемъ духовнымъ и гражданскимъ“, предавать ихъ мученіямъ и даже „смертію казнить“[3]). Такой взглядъ относительно преслѣдованія раскольниковъ покоился на предположеніи, что „подъ тѣсноту штрафовъ и окладовъ“, вообще, при помощи насильственныхъ мѣръ „писаніемъ удобнѣе къ церкви присоединять“ заблуждающихся[4]).

Итакъ до м. Платона среди русскихъ іерарховъ господствовало убѣжденіе въ необходимости мѣръ строго-принудительныхъ при бездѣйственности духовныхъ для вразумленія заблуждающихся.

Разсужденія м. Платона по вопросу о мѣропріятіяхъ противъ раскола ведутся совсѣмъ въ иномъ духѣ. Человѣку при настоящихъ ограниченныхъ условіяхъ его существованія свойственно ошибаться,—это „общая человѣческая слабость“[5]); одна изъ тѣхъ, которымъ „подвержены всѣ люди“[6]). Отсюда заблужденія, развивающіяся на поч-

---

[1]) Пращица. СПБ., 1721 г., отвѣтъ 236, об. 380; ср. отвѣтъ 215, л. 358.

[2]) Донесеніе Питирима, епископа Нижегородскаго, 1718 г. Петру I-му, напечат. въ Странникѣ 1881 г., ч. 1., стр. 658—659. Докладная записка епископа (архимандрита) Питирима Петру I, напеч. въ книгѣ Есипова: „Раскольничьи дѣла XVIII в.“, т. II, СПБ., 1863 г., приложеніе № 8, стр. 218—219.

[3]) Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Синода, т. III, СПБ., 1878 г., приложеніе LVIII, стр. CCCXC—CCCXCI.

[4]) Вышеупомянутое донесеніе епископа Питирима 1718 г.

[5]) Увѣщаніе раскольникамъ м. Платона, об. 25.

[6]) Тамъ же, об. 26.

вѣ отсутствія просвѣщенія, сами по себѣ тѣмъ болѣе заслуживаютъ снисхожденія: „подлинно извинительна сія ихъ (раскольниковъ) „погрѣшность“[1]). Ясно поэтому, нельзя преслѣдовать раскольниковъ за ихъ неправыя мысли въ области религіи, нельзя, говоритъ Платонъ, обращаясь къ самимъ старообрядцамъ, „васъ мучить, жечь и казнить за то, въ чемъ вы по слабости и невѣжеству согрѣшаете“[2]).

Да притомъ же для миссіонерскихъ цѣлей насильственныя мѣры безполезны, даже вредны. Они не ведутъ къ желательнымъ послѣдствіямъ. Правда, число членовъ церкви въ виду внѣшняго давленія иногда возрастаетъ, но возрастаетъ на счетъ недостойныхъ, которыми церковь никогда не дорожила и не дорожитъ. Церкви нужны истинныя чада, а не именующіяся лишь таковыми. Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, чрезъ насильственныя мѣры даже увеличивается количество отторгающихся. На этомъ основаніи Платонъ считаетъ „неосмотрительными“ крутыя дѣйствія патріарха Никона при введеніи новоисправленныхъ книгъ. Никонъ, хотя былъ „пастырь просвѣщеніемъ превышающій того вѣка людей, ревностный и попечительный, добрыя и вѣрныя души: но нравенъ и горячъ даже до излишества, неуступчивъ даже до упрямства“[3]). Новоисправленныя книги онъ сталъ распространять съ рѣшительностью свойственною его характеру. Но „какъ стали вездѣ насильно новыя вводить, а старыя обирать, возсталъ общій ропотъ, возмущеніе, мятежъ и расколъ“[4]). Конечно, при обнаружившемся противодѣйствіи „слѣдовало бы нѣкоторое благоразумное употребить снисхожденіе; но вмѣсто того они (раскольники) укрощаемы были вооруженною рукою, а нѣкоторые мятежники и казни были предаваемы. Сіе же, заключаетъ Платонъ, не только не погашало расколъ, но еще болѣе его возжигало“[5]).

---

[1]) Увѣщаніе раскольникамъ м. Платона, об. 26.

[2]) Тамъ же, об. 97.

[3]) Краткая Церковная Россійская Исторія м. Платона, т. II, стр. 241.

[4]) Тамъ же, стр. 235.

[5]) Тамъ же, стр. 236.

Безполезность и даже вредъ отъ насильственныхъ мѣръ происходитъ, несомнѣнно, вслѣдствіе несродности природѣ убѣжденій подчиняться насилію. Потому-то Платонъ весьма настойчиво проводитъ мысль: „къ признанію истины никого силою принудить нельзя“[1]). Свободному существу и перемѣнять убѣжденія естественно только путемъ свободнаго выбора, путемъ сознательнаго предпочтенія однихъ вѣрованій другимъ. Въ настоящемъ же грѣховномъ состояніи человѣка, помимо того, фактическое слѣдованіе по свободно-избранному пути истины нуждается въ содѣйствіи божественной благодати. „Дѣло обращенія человѣческаго сердца, неоднократно повторяетъ Платонъ, есть дѣло самого Духа святаго“[2]); всѣ миссіонерскіе труды будутъ напрасны, если человѣкъ закроетъ себя отъ воздѣйствія благодати Божіей. Обращенія не можетъ послѣдовать, изъясняетъ Платонъ раскольникамъ, „ежели святаго Духа дѣйствіе вашего сердца не коснется, и захочете вы остаться въ своихъ затвердѣлыхъ мысляхъ“[3]).

Очевидно поэтому, миссіонеры должны избирать такое средство, которое, не стѣсняя свободы человѣка, имѣло бы доступъ къ способности, заправляющей всею его дѣятельностью, имѣло доступъ своимъ сродствомъ съ природою этой центральной способности. Несомнѣнно, такое средство наилучше могло быть указано Творцомъ природы человѣка, за тѣмъ и приходившимъ на землю въ смиренномъ зракѣ раба, чтобы указать заблуждавшемуся человѣку путь къ небу. Такимъ образомъ исходнымъ пунктомъ для опредѣленія мѣръ борьбы съ заблуждающимися должна быть поставлена Божественная Воля, выясненная въ Откровеніи. Ее дѣйствительно и принимаетъ Платонъ за основное начало для своихъ взглядовъ на характеръ противораскольничьихъ мѣропріятій.

„Священное евангеліе, читаемъ мы въ „Увѣщаніи“ Платона, учитъ, чтобъ кротостію, ученіемъ и увѣщаніемъ

---

[1]) Увѣщаніе раскольникамъ м. Платона, об. 82; ср. об. 92, об. 96, об. 100.

[2]) Тамъ же, об. 82; ср. об. 92, л. 120. Поучит. слова м. Платона, т. XV, стр. 725—726.

[3]) Тамъ же, л. 93.

человѣка заблуждающагося обращать, а не строгостью, не темницами, не побоями, и никого къ вѣрѣ силою не принуждать“[1]). „И въ семъ церковь Божія имѣетъ для себя великій примѣръ дражайшаго Спасителя своего, Господа нашего Іисуса Христа, котораго евангеліе представляетъ кроткимъ и снисходительнымъ для немощей человѣческихъ учителемъ. Да и присный Его ученикъ Павелъ тому же насъ поучаетъ: братіе аще и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы духовніи исправляйте таковаго духомъ кротости“[2]). Соотвѣтственно такому принципу, Платонъ, обращаясь къ самимъ пастырямъ и всѣмъ вообще православнымъ христіанамъ, говоритъ: «возлюбимъ ихъ (т. е. заблуждающихся), яко братію нашу немощную. Потщимся врачевать раны ихъ тихостію и кротостію духовною“[3]).

Наилучшее средство для вразумленія заблуждающихся Платонъ видитъ въ словахъ „Увѣщанія“: „церкви святыя оружіе не есть другое какое, какъ только слово Божіе, которое есть дѣйствительно и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра“[4]). Поэтому онъ усиленно призываетъ заблудшихъ искать разрѣшенія своимъ сомнѣніямъ у пастырей церкви. «Есть ли подлинно, съ такими словами обращается Платонъ къ раскольникамъ въ своемъ „Увѣщаніи“, естли подлинно вы безъ всякаго упорства желаете познать истину и сіе разсужденіе наше покажется вамъ еще не довольно, то позволительно вамъ желаніе свое изъяснить духовнымъ пастырямъ письменно или словесно, да не только позволительно, но и просимъ и молимъ васъ безъ всякаго опасенія притти къ пастырямъ церковнымъ, и свои сумнѣнія предложить. Будьте надежны, что на всѣ ваши недоумѣнія даны будутъ ясныя разсужденія со всякою христіанскою тихостію: а ежели со всѣмъ тѣмъ ваши сумнѣнія не будутъ удовольствованы, оставлены вы будете на волю судебъ Божіихъ»[5]).

---

[1]) Увѣщаніе раскольникамъ м. Платона, об. 76.
[2]) Тамъ же, л. и об. 77.
[3]) Поучительныя слова Платона, м. Московскаго, т. XV, стр. 726.
[4]) Увѣщаніе раскольникамъ м. Платона, л. 79.
[5]) Тамъ же, л. и об. 82; ср. об. 78, л. 79.

Наряду съ словомъ увѣщанія средство для вразумленія заблудшихъ Платонъ видитъ въ доброй жизни самихъ православныхъ, почему и призываетъ ихъ къ воспитанію въ себѣ нравственной чистоты. „Да не соблазнимъ ихъ (раскольниковъ) увѣщевалъ архипастырь слушателей въ Сергіевскомъ храмѣ въ Рогожской части, гдѣ было много раскольниковъ, худымъ своимъ житіемъ: а паче благими своими нравы и истиннымъ благочестіемъ дадимъ имъ добрый примѣръ; докажемъ самимъ дѣломъ, что мы истинныя церкви чада, и благодать Божія обитаетъ въ сердцахъ нашихъ“[1]).

При свѣтѣ указаннаго евангельскаго начала, какъ основного для опредѣленія характера борьбы съ заблудшими, Платонъ высказываетъ свои заключенія касательно наблюдаемыхъ имъ мѣръ противъ иномыслящихъ. Съ чувствомъ сожалѣнія онъ разсказываетъ о томъ, что патріархъ Іоакимъ въ свое предсмертное завѣщаніе „не забылъ внести“ длинныхъ строкъ о крайней нетерпимости по отношенію къ разномыслящимъ (иновѣрцамъ)[2]). Повѣствуя въ своей церковной исторіи о казни еретиковъ стригольниковъ чрезъ потопленіе въ Волховѣ въ 1375 году, онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „но въ чемъ сей именно развратъ состоялъ, въ Лѣтописцахъ не находится. А сіе для исторіи нужно, особливо, что за развратъ въ вѣрѣ другое наказаніе духовное Евангеліемъ предписано, а не то, чтобъ бросать въ рѣку“[3]). Точно также онъ отзывается о сожженіи еретиковъ жидов-

---

[1]) Поучительныя слова Платона, м. Московскаго, т. XV, стр. 726.

[2]) Въ общемъ въ этомъ завѣщаніи выражены тѣ же мысли, что и въ помянутомъ нами ранѣе „Словѣ Благодарственномъ“. Только здѣсь Іоакимъ высказывается рѣшительнѣе. Онъ настаиваетъ потребовать царскими указами не вступать съ иновѣрцами „въ содружество“, „удалятися ихъ, яко враговъ Божіихъ и ругателей церковныхъ“, „подъ казнію накрѣпко“ не позволять имъ „вѣръ своихъ проповѣдывать“, равно, вообще, разговаривать о вѣрѣ „въ укоризну“ православнымъ, мольбищные дома не строить, а построенные разорить „яко дьявольская сонмища“, начальниками ихъ нигдѣ во всемъ царствѣ не ставить и т. п.—Краткая Церковная Россійская Исторія м. Платона, т. II, стр. 271—273.

[3]) Краткая Церковная Россійская Исторія Платона, м. Московскаго, т. I, стр. 194.

ствующихъ послѣ собора 1504 года: „ежели сожжены подлинно, то сіе съ духомъ Евангельскимъ не сходственно“[1]). Напротивъ, Платонъ похваляетъ („достойно похвалы“) митрополита Макарія за то, что тотъ не сразу крестилъ плѣннаго Казанскаго царя, изъявившаго желаніе принять православіе, а предварительно многократно испытывалъ его чрезъ архимандритовъ и игуменовъ, „добровольно ли и усердно царь, а не по нуждѣ ли и опасности хочетъ вѣру Христову принять“[2]).

Итакъ, признавая ошибки свойственными человѣку и потому извинительными, тѣмъ болѣе развивающіяся на почвѣ отсутствія просвѣщенія, Платонъ не видитъ основанія прилагать къ заблуждающимся мѣры физическаго насилія. Мало того, считая насиліе несроднымъ природѣ свободнаго существа, онъ поэтому находитъ его безполезнымъ и даже вреднымъ для миссіонерскихъ цѣлей. Полагая же, что обращеніе человѣка, какъ существа свободнаго, должно и совершаться при участіи свободы, а какъ существа падшаго при непремѣнномъ содѣйствіи божественной благодати, Платонъ основнымъ принципомъ борьбы съ заблуждающимися выставляетъ принципъ наиболѣе сродный природѣ человѣка, указанный самимъ Творцомъ, для обращенія человѣка на путь истины сходившимъ на землю,—принципъ любвеобильнаго отношенія къ заблуждающимся, обращенія ихъ кроткимъ словомъ увѣщанія и примѣромъ доброй жизни, почему и неодобрительно отзывается о всѣхъ дѣйствіяхъ противъ иномыслящихъ, несогласныхъ съ евангельскимъ закономъ и, напротивъ, похваляетъ дѣйствія, основанныя на этомъ законѣ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 342.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 26.—Хотя во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ рѣчь идетъ не прямо о раскольникахъ, но, само собою понятно, въ общемъ характеръ отношеній долженъ быть одинаковымъ ко всѣмъ иномыслящимъ, не исключая и раскольниковъ. Это особенно очевидно изъ сличенія содержанія „Слова Благодарственнаго“ патріарха Іоакима, въ которомъ онъ говоритъ объ отношеніяхъ къ раскольникамъ, съ его же предсмертнымъ завѣщаніемъ, направленнымъ собственно противъ иновѣрцевъ. Ср. стр. 39 и примѣчаніе 2-ое стр. № 44.

Но если, по убѣжденію Платона, „человѣческое есть погрѣшать“, то, по его же воззрѣнію, „нечеловѣческое есть ожесточать себя“[1]); если неправыя убѣжденія сами по себѣ еще извинительны, то упорство, характеризующее расколовождей, представляется Платону заслуживающимъ полнаго порицанія („неизвинительнымъ“[2]). Поэтому онъ не исключаетъ и нѣкоторой строгости въ отношеніяхъ къ раскольникамъ.—Въ словѣ на день св. Николая Чудотворца, разсуждая о раскольникахъ, Платонъ, между прочимъ, выражается такимъ образомъ: „а на упорныхъ и нераскаевающихся возьметъ онъ (св. Николай) свой пастырскій жезлъ, простретъ его на ихъ пораженіе. Ибо святые иногда по истиннѣй ревности и праведнымъ гнѣвомъ воспаляются“[3]).

Предѣлы же этой строгости указываются Платономъ въ разсужденіяхъ по другимъ обстоятельствамъ. Интересны въ этомъ отношеніи его замѣчанія по поводу ереси, появившейся въ концѣ XIV вѣка. По изволенію великаго князя Ивана Васильевича противъ еретиковъ въ началѣ XV вѣка былъ составленъ соборъ въ Москвѣ. Осудивъ лжеученіе, соборъ предалъ распространителей его гражданскому суду, и одни изъ нихъ были „сожжены, инымъ языки рѣзаны, а иные въ заточеніе сосланы“. Замѣтивъ, что помянутая ересь „состояла въ принятіи жидовства, кромѣ обрѣзанія, слѣдовательно, въ опроверженіи всего христіанства“, Платонъ высказываетъ такой взглядъ на отношенія къ еретикамъ. „Хотя таковый развратъ никакъ не могъ терпимъ быть, и дѣлалъ соблазнъ всему народу несносный и пагубный: однако строгое ихъ сужденіе съ духомъ кротости Христовой согласить не можно. Надлежало ихъ удалить, и тѣмъ другихъ отъ таковой заразы предохранить, и всѣхъ успокоить. Однако, таковый поступокъ духовенству приписать нѣтъ причины. Ибо таковаго рода наказаніе не отъ духовной, но отъ гражданской власти зависѣло. А гражданская власть по благоразумію смотрѣть обязуется на

---

[1]) Увѣщаніе раскольникамъ м. Платона, об. 101

[2]) Тамъ же, об. 26.

[3]) Поучит. слова м. Платона, т. XII, стр. 115.

происходящій изъ того соблазнъ, и на свойство народа“[1]). Итакъ, не одобряя крайне строгаго поступка собора съ жидовствующими, какъ не оправдываемаго евангельскимъ духомъ, Платонъ все-таки не совершенно исключаетъ строгое отношеніе къ соблазнителямъ народа. Но его требованіе направляется только къ тому, чтобы предохранить православную паству отъ соблазна,—онъ желаетъ лишь поставить пропагандистовъ въ положеніе невозможности разсѣивать свое лжеученіе, не подвергая ихъ физическимъ наказаніямъ за религіозныя убѣжденія, хотя и не указываетъ ясно, какимъ собственно средствомъ слѣдуетъ предотвращать дѣйствія лжеучителей[2]). Это одна половина сужденій Платона,—другая имѣетъ въ виду не религіозный, а общественный, гражданскій элементъ, который можетъ примѣшиваться къ дѣйствіямъ раскольниковъ на религіозной основѣ. Раскольники свои убѣжденія могутъ выставлять лишь благовиднымъ предлогомъ для произведенія безпорядковъ въ общественной жизни, могутъ нарушать тишину и прикрываться въ своихъ преступныхъ дѣйствіяхъ старообрядческими убѣжденіями. Тогда, ясно, сужденіе объ ихъ поступкахъ должно относиться къ сферѣ вѣдѣнія гражданскаго правительства, и послѣднее призывается дѣйствовать, сообразуясь съ интересами государства, которые могутъ требовать примѣненія къ раскольникамъ мѣръ наивысшей строгости.

Въ томъ же духѣ Платонъ высказывается въ другихъ случаяхъ.—При патріархѣ Іоакимѣ „былъ соборъ противу раскольниковъ, кои требовали состязанія о вѣрѣ“. Оно имъ было дозволено. На соборѣ присутствовали сами цари, патріархъ Іоакимъ и другіе архіереи. Несмотря на то, „неистовые раскольники столько произвели буйства и мятежа, что

[1]) Краткая Церковная Россійская Исторія м. Платона, т. I, стр. 362—363.

[2]) Это представленіе Платона яснѣе станетъ изъ разсмотрѣнія самыхъ фактическихъ его дѣйствій по отношенію къ соблазнителямъ народа. Вытекая изъ взгляда Платона на средства борьбы съ расколомъ, они—эти дѣйствія—дополняютъ то, что не досказано Платономъ въ его теоретическихъ сужденіяхъ о мѣропріятіяхъ противъ раскола.

не могло иначе прекращено быть, развѣ властію Царскою, и наказаніемъ за мятежъ, а не за вѣру“[1]). Словомъ, необходимо стало вмѣшательство гражданской власти, вслѣдствіе произведеннаго безпорядка, для котораго религіозныя убѣжденія являлись лишь знаменемъ. Здѣсь уже должна была прекратиться и дѣйствительно прекращалась компетенція духовной власти, касающейся сферы только чисто религіозной. Раскольники подлежали наказанію за мятежъ, а не за вѣру; наказывались не какъ раскольники, а какъ преступники.—„Посылаютъ по васъ команды, разсуждаетъ Платонъ въ „Увѣщаніи раскольникамъ“, не за старую вѣру, и не для того, чтобъ васъ хотѣли за вѣру мучить, никакъ: за вѣру васъ не гонятъ, а посылаютъ по васъ команды для того, что вы убѣгая въ лѣса Государю служебъ не служите“[2]); за то, что „многія изъ васъ святую нашу церковь поносятъ, властей ругаютъ, всѣхъ насъ еретиками зовутъ, и между простымъ народомъ дѣлаютъ смуты. А иныя въ наши монастыри разбойнически врываются, святыя книги жгутъ, честныя іконы ломаютъ, и другія дѣлаютъ безчинства“[3]). „И ежели, продолжаетъ Платонъ, такія будутъ наказаны, то будутъ наказаны они не за старую вѣру, а за смущеніе, не яко старовѣры, но яко возмутители Государственныя“[4]).

Итакъ, признавая упорство раскольниковъ непзвинительнымъ, Платонъ не исключаетъ совершенно и мѣръ строгости противъ нихъ, но разграничиваетъ непозволительныя дѣйствія, совершаемыя раскольниками на почвѣ религіознаго упорства. За соблазнъ производимый расколовождями въ простомъ народѣ, за совращеніе послѣдняго съ пути истины расколовожди подлежатъ сужденію духовной власти, которая должна стремиться преграждать имъ путь къ соблазну („удалять ихъ отъ паствы“). За гражданскіе же безпорядки они судимы должны быть гражданскимъ же пра-

---

[1]) Краткая Церковная Россійская Исторія Платона, митрополита Московскаго, т. II, стр. 264.

[2]) Увѣщаніе раскольникамъ м. Платона, л. и об. 95.

[3]) Тамъ же, об. 98.

[4]) Тамъ же, л. 99.

вительствомъ, и судимы, какъ нарушители общественнаго спокойствія, съ примѣненіемъ тѣхъ наказаній, употребить которыя государственная власть найдетъ нужнымъ по своимъ государственнымъ соображеніямъ.

Все доселѣ сказанное о взглядѣ м. Платона на расколъ даетъ основаніе къ слѣдующему заключенію. Первоначальное возникновеніе раскола, какъ и послѣдующее его существованіе, коренится, по Платону, на тѣхъ же началахъ, которыя вполнѣ правильно указывались и его предшественниками—на невѣжествѣ и неразумной до упорства ревности къ вѣрѣ, за исключеніемъ случаевъ уклоненія въ расколъ по эгоистическимъ соображеніямъ; причемъ упорство степени наиболѣе предосудительной напряженности принимаетъ собственно въ расколовождяхъ, а масса народа слѣдуетъ за своими руководителями преимущественно по невѣжеству и по довѣрію къ нимъ. Не соглашаясь же съ воззрѣніемъ своихъ предшественниковъ, требовавшихъ насильственныхъ мѣръ противъ неправыхъ убѣжденій раскольниковъ при бездѣйственности духовныхъ способовъ вразумленія, Платонъ со всею силою для обращенія заблудшихъ выставляетъ средства въ духѣ евангельской любви, опредѣляя предѣлы позволительной для пастырей строгости и относя къ сферѣ вѣдѣнія гражданскаго правительства сужденія объ общественныхъ безпорядкахъ, производимыхъ раскольниками подъ знаменемъ вѣры, но не имѣющихъ ничего общаго съ религіозными вѣрованіями.

Словомъ, изложенныя нами сужденія Платона по вопросу о раскольникахъ показываютъ, какой просвѣщенный взглядъ развивалъ м. Платонъ на расколъ и средства борьбы съ нимъ. Ясно, что при такомъ взглядѣ и противораскольничья его дѣятельность, какъ вытекающая изъ этого взгляда, должна была носить самый высокій характеръ.

ГЛАВА II.

Дѣятельность м. Платона противъ раскола до принятія епископскаго сана (литературно-полемическая).

„Увѣщаніе“ м. Платона.—Анализъ содержанія „Увѣщанія“.—Критическія замѣчанія о немъ. Критерій для оцѣнки историческихъ памятниковъ. Отношеніе Платона къ источникамъ при составленіи „Увѣщанія“. Существенныя черты полемики Платона: апологія, обличеніе и увѣщаніе; ихъ взаимоотношеніе. Точка зрѣнія Платона на обрядовыя разности и ея пригодность въ полемикѣ съ старообрядцами. Недостатки въ постановкѣ полемики Платона. Качество полемическихъ сужденій Платона: догматическая вѣрность и безпристрастіе. Аргументы полемики Платона: св. Писаніе, ученіе отцовъ церкви, исторія и старопечатныя книги; замѣчанія о нихъ. Характеръ внѣшняго изложенія „Увѣщанія“. Свидѣтельства о значеніи „Увѣщанія“ для обращенія раскольниковъ.

На борьбу съ расколомъ Платонъ выступаетъ очень рано, въ тотъ періодъ своей жизни, когда состоялъ законоучителемъ цесаревича Павла Петровича. Въ это время онъ является предъ раскольниками съ знаменитымъ полемическимъ сочиненіемъ „Увѣщаніемъ“. Были особыя обстоятельства, побудившія Платона обратиться съ своимъ словомъ къ „немоществующимъ недугомъ раскола“. Обстоятельства эти указываются отчасти въ предисловіи къ самому „Увѣщанію“, но мы, для большаго уясненія дѣла, воспользуемся и другими данными. Въ предисловіи къ „Увѣщанію“ Платонъ, отмѣтивши кратко фактъ существованія въ русской церкви печальнаго явленія—раскола, говоритъ, что Всебла-

гій Господь употреблялъ различные способы для обращенія заблуждающихся,—между прочимъ, Онъ возбуждалъ „духъ Благочестивѣйшихъ Монарховъ нашихъ къ защищенію церковныя славы“ и уничтоженію „помянутаго разврата“. Ревность къ вѣрѣ унаслѣдовала отъ своихъ державныхъ предковъ и великая императрица Екатерина. Она поставила своею задачею смягчить упорство раскольниковъ мѣрами кротости и такимъ образомъ привести ихъ къ сознанію своихъ заблужденій и къ церковному единенію. Въ этомъ смыслѣ были опубликованы ею два указа—1762 г. 14 декабря и 1764 г. 5-го марта[1]). Ими Екатерина II призывала обратно въ Россію раскольниковъ, бѣжавшихъ въ прежнія строгія царствованія за границу, предоставляя старообрядцамъ вмѣстѣ съ тѣмъ разныя государственныя льготы и религіозную свободу[2]).

Чѣмъ въ этомъ случаѣ руководилась императрица Екатерина, тою ли религіозною ревностью, на которую указываетъ Платонъ, или политическими соображеніями въ связи съ гуманными идеями XVIII вѣка, это для насъ особеннаго значенія не имѣетъ. Для исторіи раскола важны главнымъ образомъ послѣдствія снисходительныхъ отношеній императрицы Екатерины къ раскольникамъ. Послѣдствія же эти оказались весьма печальными: „многія, говоритъ Платонъ, въ расколъ, акибы въ растворенныя двери побѣжали“[3]). Вѣроятно, раскольники предоставленіе имъ религіозной свободы считали равносильнымъ признанію ихъ ученія за истину[4]), и потому вмѣсто собственнаго исправленія стали склонять къ принятію своихъ заблужденій православныхъ[5]). Мало того, старообрядцы, для дости-

[1]) Предисловіе Увѣщанія, л. 1—3.

[2]) Полное Собр. Зак., т. XVI, № 11,725, № 12,074.

[3]) Предисловіе Увѣщанія, об. 3.

[4]) Недаромъ же одинъ раскольничій писатель, правда уже нашего времени, не стѣсняется прямо выставлять Екатерину II послѣдовательницею древне-православной дониконіанской вѣры и видѣть въ ея распоряженіяхъ относительно раскольниковъ стремленіе возстановить древнее благочестіе.—Историческія изслѣдованія, служащія къ оправданію старообрядцевъ, В. М. К., т. III, Черновцы, 1886 г., предисловіе, стр. 5—36.

[5]). Архивъ Св. Синода, дѣло 1765 г. генв. 14, № 227, л. 16.

женія полнаго торжества раскола, готовы были прибѣгнуть даже къ насилію. И вотъ въ іюнѣ 1765 года нѣкоторые изъ нихъ, „развращеннымъ духомъ упоенные“, именно, послѣдователи наиболѣе фанатичной секты филипповцевъ[1]), ворвались въ Зеленецкій Новгородскій монастырь[2]), выгнали оттуда монаховъ, пожгли книги, поломали иконы, кресты и, вообще, уничтожили все, что считали несообразнымъ съ своими убѣжденіями[3]). Какую цѣль преслѣдовали раскольники нападеніемъ на Зеленецкій монастырь, навѣрное опредѣлить трудно. Но если раскольники 2-й половины позапрошлаго столѣтія раздѣляли тотъ же взглядъ на мѣры императрицы Екатерины въ отношеніи старообрядцевъ, какой проводится анонимнымъ авторомъ въ ранѣе упомянутомъ нами сочиненіи[4]), то можно предполагать, что филипповцы занятіемъ Зеленецкаго монастыря хотѣли скорѣе положить начало фактическому осуществленію намѣренія императрицы. Само собою понятно, произведенное насиліе не могло обойтись безъ вмѣшательства государственной власти, призванной охранять покой гражданъ. Для укрощенія буйства раскольниковъ дѣйствительно была отправлена военная команда[5]). Раскольники теперь опять, очевидно, возвратились къ прежнему взгляду на правительство, какъ преслѣдующее ихъ за вѣру. Не желая отдаваться въ руки правосудія, фанатично-настроенные филипповцы вспомнили всегдашнія свои убѣжденія о мученичествѣ и поступили такъ, какъ поступали въ ту пору раскольники нерѣдко. „Увидя, что пріѣхалъ изъ С.-Петербурга майоръ съ указомъ и съ заливною трубою, читаемъ мы въ донесеніи игу-

[1]) Исторія русск. раскола, М. Макарія, СПБ., 1855 г., стр. 276.

[2]) Зеленецкій монастырь былъ построенъ преподобнымъ Мартиріемъ въ половинѣ XVI вѣка; расположенъ онъ среди лѣса и болотъ, на островѣ „Зеленомъ“, откуда и самое названіе монастыря. Въ годъ упоминаемой нами катастрофы монастырь былъ въ числѣ сверхштатныхъ и имѣлъ мало братіи, почему раскольники легко могли завладѣть имъ. Ист. россійск. іерархіи, Арх. Амвросія, Москва, 1812 г., ч. IV, стр. 155—157, 171.

[3]) Увѣщаніе, предисловіе, л. 4, ср. л. 85. Арх. Св. Синода, дѣло 1765 года іюня 17, № 228.

[4]) См. примѣчаніе 4 стр. 51.

[5]) Арх. Св. Синода, дѣло 1765 г. іюня 17, № 228.

мена Іова Новгородскому митрополиту Димитрію, собравшіеся въ Троицкомъ Зеленецкомъ монастырѣ по душепагубному и богомерзкому, злоумышленному и лукавому ученію собою безо всякаго ихъ принужденія загорѣлись", т. е. сожгли сами себя[1]). Такое изувѣрство не могло не возмутить императрицы Екатерины, особенно въ связи съ повторявшимися фактами самосожигательства въ другихъ мѣстахъ[2]). Настояла необходимость употребить мѣры къ предупрежденію подобныхъ явленій на будущее время. Самое вѣрное для этого средство заключалось въ уничтоженіи религіозно-теоретическихъ основъ самосожигательства, въ разсѣяніи раскольничьихъ заблужденій. Но достиженіе этой цѣли успѣшнѣе всего могло итти со стороны духовной власти. Поэтому императрица обратилась къ посредству Св. Синода. По предложенію послѣдняго, Платономъ, въ то время еще іеромонахомъ, и было составлено отъ лица „православно-каѳолическія восточныя Христовы Церкве Увѣщаніе бывшимъ ея чадамъ, нынѣ недугомъ раскола немоществующимъ" [3]).

Намъ теперь предстоитъ изслѣдовать указанное сочиненіе. При разборѣ всякаго, вообще, литературнаго произведенія, требуется прежде всего показать, что оно содержитъ въ себѣ, затѣмъ опредѣлить качество этого содержимаго. Съ той же общей точки зрѣнія мы посмотримъ и на „Увѣщаніе" Платона. Изложивши 1) содержаніе сочиненія, мы 2) потомъ отмѣтимъ характерныя черты его, укажемъ достоинства и недостатки произведенія.

I.

Изложенію самаго „Увѣщанія" авторъ предпосылаетъ краткое введеніе, въ которомъ выясняетъ цѣль своего сочиненія. Обративши вниманіе читателей на глубокую скорбь церкви по отдѣляющимся отъ нея духовнымъ ея чадамъ, Платонъ говоритъ, что, въ силу этой материнской скорби,

---

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1765 г. іюня 17, № 228, л. 10.

[2]) О самосожигательствѣ раскольниковъ см. дѣла Св. Синода: 1760 г. октября 11, № 250; 1762 г. генв. 30, № 235; 1763 г. февраля 14, № 292; 1764 г. іюля 30, № 252; 1765 г. генв. 14, № 227.

[3]) Предисловіе Увѣщанія, л. 4.

церковь съ самаго появленія „сего печальнаго разврата“ (т. е. раскола) употребляла различныя средства для вразумленія заблудшихъ. Съ этою цѣлью были изданы ею книги: „Жезлъ правленія“, „Увѣтъ Духовный“, „Пращица“, „Розыскъ“, „Обличеніе“ и многія другія. Но хотя онѣ и сопровождались нѣкоторыми благими послѣдствіями, однако далеко не приводили къ желаннымъ результатамъ, ибо еще многіе остаются въ расколѣ. Глубоко скорбя о погибающихъ, церковь все-таки не отчаивается въ ихъ обращеніи и потому предлагаетъ имъ сіе новое увѣщаніе: „а ежели они со всѣмъ тѣмъ (чево не дай Богъ) въ своемъ упорствѣ пребудутъ ожесточенными, то, по крайней мѣрѣ, чтобъ церкви не остаться безотвѣтною передъ нелицемѣрнымъ судіею Богомъ“[1]).

Полемику съ расколомъ Платонъ начинаетъ выясненіемъ исторіи происхожденія раскола. Указавши на фактъ просвѣщенія христіанскою вѣрою Россіи и отмѣтивши то время, когда „не было никакова въ церкви смущенія, не слышно было никакова въ вѣрѣ разврата: но всѣ едиными усты и единымъ сердцемъ прославляли единаго Бога“, когда русская церковь, несмотря на тяжкія бѣдствія сперва со стороны татаръ, потомъ ляховъ къ великой собственной радости „яко злато во огнѣ благочестіемъ блистала“, авторъ затѣмъ кратко замѣчаетъ о справедливыхъ ожиданіяхъ церкви на еще большее свое процвѣтаніе въ періодъ развитія государственной жизни народа до высоты могущественной монархіи. Но исконный врагъ благополучія человѣческаго „посѣялъ плевелы между пшеницею, миръ церковный помутилъ и многихъ отъ истины отвелъ“. И „сей учинившейся развратъ тѣмъ плачевнѣе, что онъ родился изъ того, изъ чего церковь надѣялась получить великое добро для общаго всѣхъ спасенія“[2]).

Послѣ такого общаго разсужденія о появленіи раскола, авторъ переходитъ къ болѣе подробному раскрытію вызвавшихъ его причинъ. Такъ какъ главнымъ поводомъ отдѣленія раскольниковъ отъ церкви было предпринятое при

[1]) Увѣщаніе, л. 1—3.
[2]) Тамъ же, л. 3—5.

патріархѣ Никонѣ книжное исправленіе, въ которомъ ревнители старины видѣли перемѣну самой вѣры, то Платонъ съ достаточною обстоятельностью останавливается на исторіи книгоисправленія, стараясь по возможности безпристрастнымъ изображеніемъ самаго дѣла доказать его необходимость и законность, а равно выяснить и то, что могло служить дѣйствительною причиною разрыва раскольниковъ съ церковью. Отсюда уже само собою вытекало, насколько справедливо было отдѣленіе отъ церкви старообрядцевъ.

Исторію исправленія книгъ Платонъ начинаетъ съ того пункта, съ котораго начинается, вообще, исторія славянской письменности и вмѣстѣ исторія богослужебныхъ славянскихъ книгъ,—съ изобрѣтенія азбуки св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ (IX в.) и сдѣланнаго ими для моравскихъ христіанъ перевода на славянскій языкъ богослужебныхъ книгъ. Такъ какъ русскій народъ говорилъ языкомъ общимъ съ остальными славянами, то возникшая на Руси съ принятіемъ христіанства потребность въ богослужебныхъ славянскихъ книгахъ легко могла быть удовлетворена уже существовавшими переводами моравскихъ просвѣтителей. Переводъ книгъ, если и былъ сдѣланъ на Руси въ это время, то онъ касался книгъ еще не переведенныхъ, „ибо съ симъ, думаю, больше намѣреніемъ, замѣчаетъ Платонъ, святый Владиміръ завелъ училища и отбирая у знатныхъ отцевъ дѣтей обучалъ ихъ грамотѣ“. Какъ на источникъ этихъ свѣдѣній о первоначальной судьбѣ славянскихъ богослужебныхъ книгъ, Платонъ ссылается на лѣтопись Нестора и житія славянскихъ просвѣтителей святыхъ Меѳодія и Константина,—на источники, нужно сказать, признаваемые самими раскольниками. Оттого разсужденія Платона, почерпнутыя изъ нихъ, должны были имѣть для раскольниковъ полное значеніе[1]).

Сказавши такимъ образомъ о происхожденіи нашихъ богослужебныхъ книгъ, Платонъ затѣмъ описываетъ несчастную судьбу ихъ въ удѣльный и монгольскій періоды. „Всякъ знаетъ, разсуждаетъ онъ, что благополучіе церкви

[1]) Увѣщаніе, л. 5–9.

соединено есть съ благополучіемъ государства. Когда же отечество въ непорядкѣ, въ утѣсненіи и разореніи, и церковь не можетъ совершенно соблюсти свое благочиніе". Результатомъ тяжелыхъ историческихъ условій, которымъ подпала Русь вскорѣ послѣ св. Владимира, явились, между прочимъ, погрѣшности въ книгахъ. Какимъ образомъ—на это Платонъ отвѣчаетъ слѣдующими словами: „понеже за утѣсненіемъ иноплеменнаго ига нельзя было содержать училищъ, а печатнаго искусства еще и во всемъ свѣтѣ не было, то нужда была всѣ церковныя книги рукописью переписывать, да и переписывать писцамъ, которые часто были неискусны и грамматическаго разума невѣдущіи. Отъ чего въ церковныя книги входили многія неисправности, описи, недописи, а индѣ и излишнія приписки". Справедливость высказанной мысли Платонъ подтверждаетъ общимъ сознаніемъ неисправности книгъ, выразившимся рельефно въ самомъ фактѣ дониконовскаго книгоисправленія. Послѣднее обстоятельство даетъ ему поводъ тотчасъ же перейти къ изложенію въ тѣсномъ смыслѣ исторіи поправленія книгъ. Это глубоко-знаменательное событіе открывается дѣятельностью Максима грека, вызваннаго съ Аѳона для пересмотра нашихъ богослужебныхъ книгъ московскимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ[1]). „Оставшыяся по немъ сочиненія, во многихъ библіотекахъ нашихъ обрѣтающыяся", свидѣтельствуютъ о томъ, что преподобный Максимъ дѣствительно многія русскія церковныя книги исправлялъ. Но, вслѣдствіе нѣкоторыхъ несправедливыхъ обвиненій („клеветъ"), Максимъ былъ осужденъ и сосланъ въ заточеніе, а съ его удаленіемъ пріостановилось и дѣло книжнаго исправленія. При сынѣ Василія Іоанновича, Іоаннѣ Васильевичѣ оно однако снова началось, притомъ по иниціативѣ самого царя. Предъ лицомъ московска-

[1]) Платонъ не совсѣмъ точно указываетъ цѣль вызова Максима—поправленіе книгъ,—Максимъ собственно былъ вызванъ для перевода Толковой Псалтири; пересмотръ богослужебныхъ книгъ былъ ему порученъ потомъ уже, такъ сказать, кстати. Сочиненія преп. Максима Грека, ч. II, Казань, 1860 г., стр. 299—300, 315—318, 377—378; ч. I, Казань, 1859 г., стр. 37, 33. Въ своей Церковной исторіи Платонъ высказывался и самъ ближе къ истинѣ: т. II, стр. 38.

го собора (разумѣется соборъ Стоглавый 1551 г.) царь старался выяснить печальное положеніе богослужебныхъ книгъ („опись къ описи прибываетъ и недописи и точки непрямые“) и настаивалъ на необходимости пресѣченія этого зла, дабы не подвергнуться за свое небреженіе справедливому гнѣву Божію. И соборъ, считая себя обязаннымъ заботиться о благочиніи церковномъ, предписалъ протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ „дозирать“ за всѣмъ, что касается „церковнаго чину служебнаго“. Относительно церковныхъ книгъ соборъ постановилъ, чтобы писцы писали ихъ „съ добрыхъ переводовъ, да написавъ правили..., а не правивъ бы книгъ не продавали“. Въ случаѣ же неисполненія писцами сего опредѣленія, соборъ предоставилъ протопопамъ и священникамъ право „безъ всякаго зазору“ отбирать у писцовъ неисправленныя книги и, исправивши, отдавать ихъ даромъ въ бѣдныя церкви, „да видячи таковая вашими бреженіемъ и протчіе страхъ пріимутъ“. Относительно же книгъ, уже вращавшихся въ церковной практикѣ, соборъ повелѣлъ тому же духовному начальству „исправлять ихъ съ добрыхъ переводовъ соборнѣ“.

„Изъ сего видно, заключаетъ Платонъ свое разсужденіе, что и Благочестивый Государь царь Іоаннъ Васильевичъ и все духовенство Россійскія церкве, на ономъ соборѣ бывшее, сознавали, что въ церковныхъ книгахъ нѣкоторыя были неисправности“ [1]).

Такъ какъ Стоглавый соборъ постановилъ исправить погрѣшности въ употреблявшихся книгахъ и предупреждать ихъ въ будущихъ, то могло возникнуть предположеніе, что тогда же исправленіе книгъ и было закончено. Платонъ спѣшитъ разсѣять ошибочное заключеніе троякаго рода соображеніями. 1) Мы не располагали въ ту пору людьми, способными вести дѣло книжнаго исправленія. По сознанію самого Стоглаваго собора, приходилось выбирать даже на священныя должности людей малограмотныхъ. Оскудѣніе книжнаго знанія было такъ всеобще, что школъ не имѣлось даже въ самыхъ центрахъ русской жизни—Москвѣ и Новгородѣ, вслѣдствіе чего соборъ оказался вынужденнымъ

[1]) Увѣщаніе, л. 9—об. 14.

распорядиться о заведеніи училищъ[1]). Результатъ былъ ясенъ: книжное исправленіе, требующее серьезной научной подготовки, не могло быть осуществлено вскорѣ послѣ собора. Дѣйствительно, продолжаетъ Платонъ, Стоглавый соборъ требовалъ поправленія книгъ соборнымъ путемъ („соборнѣ"), но ни о какомъ такомъ соборѣ „нигдѣ не упоминается ни мало". Очевидно, Платонъ молчаніе о такомъ крупномъ событіи считаетъ невозможнымъ и потому видитъ въ немъ новое, 2) основаніе для доказательства своей мысли. Третье и наиболѣе сильное свидѣтельство въ пользу того, что желаніе Стоглаваго собора о поправленіи книгъ не было осуществлено, Платонъ находитъ въ исторіи дальнѣйшаго книгоисправленія при патріархахъ Филаретѣ, Никонѣ Іосифѣ. Въ этомъ пунктѣ матеріалъ для своихъ разсужденій Платонъ почерпаетъ изъ предисловія къ старопечатнымъ книгамъ. Такъ, изъ предисловія къ филаретовскому потребнику 1623 года онъ извлекаетъ свидѣтельство о томъ, что и благочестивѣйшій государь Михаилъ Ѳеодоровичъ и отецъ его святѣйшій патріархъ Филаретъ усматривали „много нѣкое и препзлишно въ божественныхъ разгласіе, еже и заповѣдямъ Господа нашего Іисуса Христа несличное стихословіе". Считая причиною сего печальнаго явленія „небреженіе и лѣность", царь и патріархъ рѣшились пресѣчь это зло. Кое-какія поправки они дѣйствительно произвели въ книгахъ, однако къ концу „сіе великое дѣло" и тогда не было приведено. Это видно уже изъ того, что слѣдующій патріархъ Іосифъ нимало не затруднился приступить къ новымъ исправленіямъ. Но и онъ, несмотря на все свое стараніе, „не могъ надѣяться, чтобъ еще нѣкоторыя не оставались погрѣшности" въ книгахъ. Мало того, благочестивый патріархъ, повидимому, былъ даже убѣжденъ въ ненадлежащей исправности книгъ въ его редакціи и потому заповѣдалъ „по совѣту соборныя церкве исправить недокончанная и погрѣшенная въ разумѣ". Въ подтвержденіе своей мысли Платонъ приводитъ выдержку изъ апостола, напечатаннаго въ 1647 году[2]).

[1]) Стоглавъ, Москва, 1890 г., гл. 25—26, стр. 122—126.

[2]) Увѣщаніе, об. 14—л. 21.

Изъ представленнаго историческаго очерка книгоисправленія выходило, что дѣло книжнаго исправленія до п. Никона далеко еще не было приведено къ концу, а самый фактъ предшествующаго книгоисправленія ясно свидѣтельствовалъ о правѣ церкви и на будущее время заботиться о возможно большемъ совершенствѣ своихъ богослужебныхъ книгъ; иначе говоря, видна была необходимость дальнѣйшаго книжнаго исправленія и его законность. Такимъ образомъ Платонъ подошелъ къ эпохѣ п. Никона и незамѣтно подготовилъ почву для послѣдующихъ своихъ разсужденій.

Передавая затѣмъ самую исторію исправленія книгъ при п. Никонѣ, Платонъ отмѣчаетъ то важное обстоятельство, что оно велось путемъ соборнымъ[1]) въ тѣхъ видахъ, „чтобъ не произошли изъ него неправые толки“. Первый такой соборъ состоялся въ 1652 г. изъ русскихъ іерарховъ подъ предсѣдательствомъ самого царя. На немъ были указаны „несходства и несогласія“ современныхъ церковныхъ книгъ съ древними, и потому послѣдовало согласное опредѣленіе всего собора, „что церковныя книги достойно и праведно съ старыхъ Греческихъ и Славенскихъ книгъ исправити“. Вскорѣ это соборное опредѣленіе было одобрено восточными святителями, къ которымъ обратился тогда Алексѣй Михайловичъ съ тѣмъ, чтобы придать большій авторитетъ предпринятому дѣлу („для большей въ православіи твердости“). Здѣсь Платонъ упоминаетъ о знаменитой грамотѣ константинопольскаго патріарха Паисія, подписанной собственноручно имъ самимъ и всѣмъ собраннымъ имъ соборомъ.—Для надлежащаго выполненія задуманной задачи, продолжаетъ Платонъ, была извлечена масса старыхъ книгъ изъ древнихъ россійскихъ и греческихъ книгохранилищъ, преимущественно изъ Аѳонскихъ обителей. „Когда все такимъ образомъ было предуготовлено, тогда паки на Москвѣ собраны были два великія собора: одинъ въ лѣто 7163 (1655), другой въ лѣто 7175 (1667)“. Соборы эти

[1]) И, слѣдовательно, являлось какъ бы прямымъ отвѣтомъ на постановленія Стоглаваго собора и желанія патріарха Іосифа.—Ср. Увѣщ. об. 19 и об. 13.

снова утвердили прежнюю мысль о необходимости книжнаго исправленія, и „по сему опредѣленію самое воспослѣдовало дѣло“. При этомъ Платонъ замѣчаетъ: „когда начали разсматривать старописанныя Греческія и Славенскія книги, увидѣли, что древнія Греческія съ ветхими Славенскими во всемъ согласны; а только нашли въ новыхъ Московскихъ печатныхъ книгахъ съ Греческими и Славенскими древними нѣкоторыя несходства. И для того всѣ книги противъ древнихъ справили, и тѣмъ давно начатое дѣло благополучно привели къ окончанію“. Выводъ изъ всего сказаннаго вытекалъ самъ собою: столь желательное для церкви дѣло книжнаго исправленія, при п. Никонѣ веденное съ большимъ тщаніемъ, слѣдовало признать достойнымъ полной похвалы, какимъ дѣйствительно и признала его св. церковь[1]). Такое впечатлѣніе должно было произвести книгоисправленіе на всякаго, сколько-нибудь понимающаго дѣло.

Отсюда ясно становилось, что отдѣляться отъ церкви изъ-за книжныхъ исправленій раскольники могли лишь вслѣдствіе полнаго незнанія исторіи книгоисправленія и непониманія духа христіанства. Такимъ образомъ Платону открывался удобный случай въ качествѣ историка, за котораго говорятъ факты, выяснить явленіе раскола, показать настоящую причину его возникновенія и незаконность существованія его и отсюда изобразить общество раскольниковъ какъ достойное горькихъ слезъ. И онъ дѣйствительно это дѣлаетъ, дѣлаетъ кратко, но ярко и сильно.—Какой взглядъ Платонъ проводитъ на расколъ, объ этомъ мы уже говорили раньше; повтореніе его здѣсь излишне[2]).

Вслѣдъ за историческою частью „Увѣщанія“ начинается полемическая. Строго-логической связи между этими частями нѣтъ, хотя нѣкоторое взаимоотношеніе существуетъ. По нашему мнѣнію, это взаимоотношеніе состоитъ въ слѣдующемъ. Передачей исторіи книжнаго исправленія Платонъ показалъ незаконность отдѣленія раскольниковъ отъ церкви, потому что книжное исправленіе вызывалось нуждою,

[1]) Увѣщаніе, л. 21—об. 25.

[2]) Тамъ же, об. 25—л. 29.

и церковь, имѣвшая несомнѣнное право преуспѣвать на лучшее въ своей обрядовой сторонѣ, вела его съ большимъ тщаніемъ, соборно и на основаніи сличенія исправляемыхъ книгъ съ массою древнѣйшихъ рукописей славянскихъ и греческихъ. Но раскольники, не удовлетворяясь этимъ, могли въ свое оправданіе сказать и дѣйствительно говорили, что церковь измѣненіями въ книгахъ исказила самую сущность вѣры. Убѣжденіе это вытекало изъ смѣшенія обряда съ догматомъ, изъ усвоенія признака неизмѣнности тому, что имѣетъ только временный характеръ. Поэтому Платону необходимо было выяснить, что составляетъ неизмѣнную сторону христіанской религіи и при какихъ условіяхъ обрядовыя измѣненія должно признавать нарушающими чистоту вѣры. Достигнуть же этой цѣли легче всего было, такъ сказать, фактическимъ указаніемъ неизмѣнной части Христовой вѣры, а съ другой стороны разборомъ самыхъ обрядовыхъ разностей, которымъ раскольники ошибочно приписывали значеніе догматической непреложности[1]).

Единственнымъ основаніемъ, достаточнымъ для отдѣленія отъ церкви, Платонъ считаетъ только уклоненія въ ученіи вѣры. Но такого рода разностей онъ не находитъ у старообрядцевъ съ православными, ибо тѣ и другіе одинаково содержатъ вѣру въ единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, вѣру въ Спасителя міра, Господа Іисуса Христа, одни и тѣ же признаютъ источники христіанскаго вѣроученія и нравственности—св. Писаніе и св. Преданіе („священное Евангеліе и помѣстныя соборы“) и, наконецъ, согласны въ представленіи о будущей судьбѣ человѣка, воскресеніи мертвыхъ и мздовоздаяніи каждому соотвѣтственно его заслугамъ[2]).

---

[1]) Въ ближайшей связи съ исторіею книгоисправленія изъ полемической части стоитъ отдѣлъ о поправленіи книгъ. Слѣдующіе отдѣлы о различіи въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ присоединяются Платономъ потому, что измѣненія въ нихъ допущены были одновременно съ измѣненіями въ книгахъ и потому, что раскольники придавали имъ такую же важность, какъ и измѣненіямъ богослужебнаго текста.

[2]) Увѣщаніе, л. 29—31.

При разборѣ разностей между раскольниками и православными Платонъ останавливается прежде всего на анализѣ того пункта, который былъ наиболѣе выдающеюся причиною появленія раскола,—разумѣемъ вопросъ объ исправленіи текста богослужебныхъ книгъ. Точкой отправленія для своихъ мыслей объ этомъ предметѣ Платонъ ставитъ положеніе: самъ по себѣ фактъ книжнаго исправленія при п. Никонѣ не можетъ свидѣтельствовать о порчѣ книгъ; раскольники, разсуждая въ послѣднемъ смыслѣ, впадаютъ въ неразрѣшимое противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, если новоисправленныя книги заключаютъ въ себѣ погрѣшности по одному только тому, что исправлены, безъ отношенія къ самому качеству этого исправленія, то необходимо допустить въ одинаковой мѣрѣ порчу книгъ, употребляемыхъ и раскольниками, такъ какъ книжное исправленіе началось гораздо ранѣе п. Никона, еще со времени Василія Іоанновича, какъ то видно было уже изъ исторіи книгоисправленія. Значитъ, раскольники, обвиняя православныхъ за принятіе исправленныхъ книгъ, произносятъ въ то же время осужденіе и на самихъ себя. Если же старыя книги старообрядцы испорченными не признаютъ за одно только поправленіе ихъ при патріархахъ Филаретѣ и Іосифѣ, то, очевидно, такого же рода сужденію подлежатъ и новыя книги. Но хотя одного факта книжнаго исправленія самого по себѣ еще недостаточно для признанія порчи книгъ, однако справедливо то положеніе, что порча книгъ можетъ быть создана только измѣненіемъ текста ихъ. Отсюда необходимымъ становилось опредѣлить критерій для оцѣнки книгоисправленія, выяснить какого характера измѣненія должно признавать за порчу книгъ. „Книги церковныя, говоритъ Платонъ, былибъ испорчены, ежелибъ въ нихъ перемѣнена была самая сила“, наприм., „ежелибъ въ старыхъ книгахъ было написано: Сынъ Божій есть равенъ Отцу и Святому Духу, а въ новыхъ было бы напечатано: Сынъ Божій не есть равенъ Отцу и Святому Духу“ и т. п. Но „ежелибъ только была перемѣна въ словахъ, а сила осталась бы таже, то нельзя бы еще сказать, что книги попорчены“, наприм., если бы въ ста-

рыхъ книгахъ было написано: „Сынъ Божій есть равенъ Отцу и Святому Духу“, а въ новыхъ,—„Сынъ Божій есть Богъ, якоже есть Богъ Отецъ и Святый Духъ“; въ старыхъ: „Господи помилуй“, а въ новыхъ: „Боже или Владыко помилуй“ и т. п. Это общее положеніе Платонъ прикладываетъ къ новымъ книгамъ и на основаніи его рѣшаетъ вопросъ о томъ, что и наши исправленныя книги нельзя назвать испорченными, потому что „сила въ старыхъ и новыхъ книгахъ одна“, „хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слова и перемѣнены“. Напримѣръ, въ старыхъ книгахъ въ молитвѣ Іисусовой читалось: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя“, а въ новыхъ, помимо этой формы, употребляется еще другая: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ“. Разница здѣсь есть, но только въ словахъ, а не въ мысли, ибо Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій и истинный Богъ, и потому можно читать и то и другое: и „Сыне Божій“ и „Боже нашъ“. Подобнымъ же образомъ объясняетъ Платонъ и другія книжныя измѣненія, казавшіяся раскольникамъ наиболѣе соблазнительными, таковы измѣненія въ чтеніи Символа вѣры, имени Іисусъ, въ употребленіи аллилуіи и т. д.[1]).

Такъ какъ раскольники въ своихъ порицаніяхъ новоисправленныхъ книгъ основывались на буквальномъ пониманіи церковнаго правила: „аще кто прибавитъ или убавитъ, да будетъ проклятъ“, то Платонъ останавливается на выясненіи истиннаго смысла этого правила. Мысль его здѣсь опирается на данныя церковной исторіи. Разсматривая факты дѣйствительнаго примѣненія указаннаго правила, онъ приходитъ къ заключенію, что церковь подвергала анаѳемѣ лишь тѣхъ, которые допускали догматическія измѣненія, наприм., Арія, отвергавшаго Божество Сына Божія и спорившаго, очевидно, не изъ-за словъ, а изъ-за существа вѣры; Манихея, уничтожавшаго основной христіанскій догматъ о единствѣ Бога своимъ ученіемъ о двухъ равныхъ богахъ и т. д. Съ другой стороны, та же исторія свидѣтельствуетъ, что, если кто касался своими нововведеніями не

[1]) Увѣщаніе, об. 31—л. 38.

существа вѣры, а церковно-богослужебнаго порядка, усовершенствованія его, тѣхъ церковь не только не проклинала, но и похваляла. Такъ, въ числѣ святыхъ она поставила неокесарійскаго архіепископа Василія Великаго, измѣнившаго литургію апостола Іоакова, равно св. Іоанна Златоуста, сократившаго литургію Василія. „Великими“ похвалами церковь ублажаетъ и всѣхъ церковныхъ пѣснописцевъ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ вносившихъ въ богослуженіе измѣненія своими пѣснопѣніями. Такъ какъ и въ новоисправленныхъ нашихъ книгахъ, хотя сдѣлано „индѣ прибавленіе, индѣ убавленіе, индѣ перемѣна, но въ однихъ словахъ, а сила нигдѣ не повреждена“, то и исправители ихъ также „достойны не наказанія церковнаго, но благословенія и благодаренія“[1]).

При такого рода разсужденіяхъ легко могло возникнуть недоумѣніе: „ежели въ старыхъ и новыхъ книгахъ сила одна“, то зачѣмъ „было и слова перемѣнять“. Предвидя приведенное возраженіе со стороны раскольниковъ, Платонъ указываетъ рѣшеніе его въ предшествующей судьбѣ нашихъ книгъ,—въ тѣхъ „недописяхъ, описяхъ, а индѣ и излишнихъ припискахъ“, которыя съ одной стороны разуму противны, съ другой—вносили въ наши книги несходство съ греческими богослужебными книгами. Книгоисправленіемъ же это нежелательное явленіе устранено[2]).

Люди, не привыкшіе къ теоретическому разсужденію объ истинахъ вѣры, часто склонны бываютъ прибѣгать къ доказательствамъ въ пользу своихъ мнѣній, такъ сказать, осязательнымъ. Подобное наглядное оправданіе правоты древнихъ книгъ выставляли и раскольники, ссылаясь на тотъ фактъ, что по старымъ книгамъ „мнози въ Руси святіи чудотворцы... служили и Богу угодили“. Мысль раскольниковъ развивалась здѣсь такимъ образомъ: русскіе чудотворцы спаслись, отправляя богослуженіе по старымъ книгамъ; слѣдовательно, заключали они, старыя книги есть обязательное условіе спасенія человѣка. Не трудно видѣть оши-

[1]) Увѣщаніе, л. 38—об. 40.
[2]) Тамъ же, об. 40—л. 41.

бочность раскольничьяго мнѣнія; она состояла въ установленіи необходимой логической связи между двумя такими положеніями, которыя ея совсѣмъ не имѣли, связь которыхъ была чисто случайнаго характера. Поэтому Платонъ обращаетъ вниманіе на разъясненіе взаимоотношенія между указанными положеніями. Яснымъ свидѣтельствомъ отсутствія здѣсь желательной для раскольниковъ связи служитъ, по Платону, фактъ погибели беззаконниковъ, содержавшихъ старыя книги. Раскольники могли возразить на это, что спасаетъ человѣка совокупность нѣсколькихъ условій и что, если беззаконники погибли, то съ другой стороны и праведники не могли бы получить спасенія, если бы не по старымъ книгамъ служили. Опровергая помянутое соображеніе, Платонъ ссылается на слова ап. Павла: „не въ словеси царствіе Божіе, но въ силѣ“; иначе говоря: спасаетъ насъ лишь то, что относится къ самой сущности вѣры безъ всякой зависимости отъ тѣхъ факторовъ, которые являются временными формами внутренняго содержанія вѣры,—спасаетъ насъ благодать Божія, соединенная съ непорочною совѣстью, а не старыя или новыя книги.

Изъ всего сказаннаго слѣдовало, что отдѣляться отъ церкви изъ-за одной старости или новости книгъ незаконно, и потому Платонъ оканчиваетъ свою рѣчь къ раскольникамъ о поправленіи книгъ увѣщаніемъ прекратить нарушенное единеніе съ церковью[1]).

Послѣ обозрѣнія вопроса о новоисправленныхъ книгахъ, Платонъ переходитъ къ разсмотрѣнію другой, весьма важной разности между раскольниками и православными—различія въ перстосложеніи для крестнаго знаменія. Рѣшить этотъ вопросъ на почвѣ исторіи Платонъ отказывается, въ виду отсутствія историческихъ данныхъ, необходимыхъ для этой цѣли. Что же въ такомъ случаѣ можно было принять за критерій для опредѣленія качества того или другаго перстосложенія? Конечно, нельзя, говоритъ Платонъ, „по пальцамъ узнать, которое перстовъ сложеніе есть справедливѣе: ибо пальцы, какъ ихъ ни сложить, все оста-

[1]) Увѣщаніе, л. 41—об. 43.

нутся пальцы". Такой критерій онъ находитъ только во внутреннемъ православномъ знаменованіи перстосложенія: „ежели хочемъ вѣдать, которое перстовъ сложеніе истиннѣе есть, то надобно знать, которое перстовъ сложеніе согласно съ вѣрою, и которое нѣтъ, ибо вѣра содержится въ умѣ и въ сердцѣ, а не въ пальцахъ". Разсматривая съ этой, догматической точки зрѣнія двуперстіе и троеперстіе, онъ находитъ тотъ и другой обрядъ прекраснымъ, потому что оба они выражаютъ вполнѣ православныя истины: ученіе о Святой Троицѣ и двухъ естествахъ во Христѣ[1]).

Но при такой постановкѣ вопроса раскольники вправѣ были повторить то же возраженіе, съ какимъ Платонъ имѣлъ дѣло ранѣе при разборѣ новоисправленныхъ книгъ: зачѣмъ было вводить троеперстіе, если и двуперстіе хорошо. Не признавая обязательнымъ согласія помѣстныхъ церквей въ обрядовой сторонѣ христіанской вѣры, Платонъ рѣшеніе выставленнаго возраженія выводитъ изъ присущаго однако всегда вселенской церкви стремленія къ единству даже во внѣшнихъ выраженіяхъ своихъ истинъ. Въ силу послѣдняго положенія, русская церковь пожелала достигнуть согласія съ Греческою церковью, между прочимъ, и въ перстосложеніи[2]).

Здѣсь могло возникнуть только недоумѣніе относительно правильности перстосложенія въ самой Греціи. Раскольники, дѣйствительно, считали греческое троеперстіе испорченнымъ обрядомъ. Въ особомъ разъясненіи это положеніе собственно не нуждалось; отвѣтъ на него заключался въ предшествующихъ разсужденіяхъ Платона о православномъ знаменованіи троеперстія. Но Платонъ на этотъ разъ какъ бы сходитъ съ высоты своего взгляда на обрядъ, какъ нѣчто само по себѣ безразличное, и старается доказать неиспорченность обряда троеперстія самого по себѣ. Приводимое имъ доказательство въ пользу троеперстія апріорнаго характера. Подобно Симеону Полоцкому[3]), онъ ссылается въ защиту истинности греческаго обряда перстосложенія на существованіе троеперстія у всѣхъ православныхъ христіанъ

[1]) Увѣщаніе, об. 43—л. 46.
[2]) Тамъ же, об. 46—л. 47.
[3]) См. Жезл. Правл., ч. I, возобл. 21, об. 57.

востока, помимо собственно Греціи: на островахъ Средиземнаго моря, въ Африкѣ, Аравіи, на Синайской горѣ, въ Палестинѣ, Сиріи, у болгаръ, молдаванъ, сербовъ, грузинъ. „Такъ откуда же бы всѣ сіи народы, заключаетъ Платонъ, приняли сей обычай? поистиннѣ нельзя и придумать, какъ бы могло введено быть такое обыкновеніе между столь различными народами, развѣ сказать, что они его отъ самыхъ древнихъ Апостольскихъ временъ приняли, и потому невозможно сказать, чтобъ сложеніе перстовъ въ Греческой православной церквѣ было неправое". Отступленіе свое Платонъ, повидимому, самъ сознаетъ: въ концѣ отдѣла онъ уже опять возвращается къ догматической точкѣ зрѣнія на перстосложеніе.

Если въ перстосложеніи имѣетъ главное значеніе идея обряда и если троеперстіе выражаетъ православныя мысли, какъ и двуперстіе, то, естественно, разрывъ раскольниковъ съ церковью изъ-за одной только формы обряда не можетъ быть оправданъ. „Осудитъ васъ, заключаетъ Платонъ свою рѣчь къ старообрядцамъ о перстосложеніи, осудитъ васъ сама святая Троица, что вы, стоя за пальцы, любовь нарушаете", которая „пріятнѣе" Ей, „нежели сложеніе перстовъ всѣхъ рукъ, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ". Поэтому Платонъ призываетъ раскольниковъ опять вступить въ единеніе съ св. церковью[1]).

Рядомъ съ вопросомъ о перстосложеніи старообрядцевъ волновалъ вопросъ о четвероконечномъ крестѣ. Въ почитаніи креста Христова раскольники настаивали на мысли: истинный крестъ Христовъ осьмиконечный; крестъ четвероконечный еретическій, „крыжъ латинскій". Кратко, однако вполнѣ достаточно для убѣжденія противника въ неразуміи порицать четвероконечный крестъ, Платонъ подвергаетъ изслѣдованію этотъ пунктъ разногласія раскольниковъ съ православными. Сказавши о почитаніи православною церковью осьмиконечнаго креста, единственно уважаемаго раскольниками, Платонъ заявляетъ затѣмъ: „однако нельзя сказать, развѣ противъ совѣсти, чтобъ и четвероконечный крестъ не былъ крестъ" (т. е. истинный). Считать

[1]) Увѣщаніе м. Платона, л. 47—об. 49.

четвероконечный крестъ латинскимъ заблужденіемъ не позволяетъ тотъ фактъ, что за почитаніе его никто изъ древнихъ отцовъ не обличалъ латинянъ, какъ за еретическое нововведеніе[1]).

Положительныя данныя, приводимыя Платономъ въ пользу правоты почитанія четвероконечнаго креста, четырехъ родовъ: а) историческаго, в) литургическаго, с) церковно-археологическаго и д) догматическаго.

Истинность почитанія четвероконечнаго креста прежде всего оправдывается, по Платону, сказаніемъ евангелиста Матѳея[2]): „Симону киринейскому задѣша понести крестъ его“, т. е. Христовъ,—а также свидѣтельствомъ евангелиста Іоанна[3]): „нося (Іисусъ) крестъ свой изыде на глаголемое лобное мѣсто“. „Оба евангелиста, разсуждаетъ Платонъ, разъясняя эти выдержки, сей несенный Христомъ крестъ называютъ крестомъ, да и крестомъ его, т. е. Христовымъ, слѣдовательно, истиннымъ крестомъ: однако сей крестъ не былъ осмиконечный. Ибо по признанію самихъ васъ въ составъ осмиконечнаго креста надлежитъ и титла положенная Пилатомъ на крестѣ. А въ то время, когда несъ Господь Іисусъ крестъ свой, и Симонъ киринеи, тогда еще на крестѣ титлы положено не было. Ибо по благовѣстію Матѳееву титла положена была на крестѣ, какъ уже распятъ былъ Господь нашъ“[4]).

Затѣмъ Платонъ находитъ оправданіе почитанія четвероконечнаго креста во многихъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ, положенныхъ не только по новымъ, но и по старымъ книгамъ и доселѣ допускаемыхъ самими раскольниками. Сюда относятся осѣненіе себя крестнымъ знаменіемъ, въ формѣ четвероконечнаго креста, священническія благословенія подобнымъ же образомъ св. даровъ, освящаемой воды и т. п. Называть послѣ этого четвероконечный крестъ крестомъ еретическимъ, печатію антихриста, умѣстно замѣчаетъ Платонъ раскольникамъ, значитъ противорѣчить самимъ себѣ,

---

[1]) Увѣщаніе, об. 49—об. 50.
[2]) XXVII, 32.
[3]) XIX, 17.
[4]) Увѣщаніе, об. 50—об. 51.

ибо „не можете вы сказать, чтобъ (сами-то) крестились крестомъ не истиннымъ“, „печатью антихристовою“.

Вещественные памятники: старыя иконы, ризы, сосуды съ изображеніями четвероконечнаго креста служатъ для Платона новымъ доказательствомъ истинности почитанія четвероконечнаго креста.

Наконецъ, обращая вниманіе на внутренній смыслъ употребленія, вообще, христіанами креста, Платонъ заявляетъ: крестъ почитается нами потому, что служитъ символомъ нашего искупленія, а прежде голгоѳскихъ страданій Іисуса Христа, онъ, напротивъ, „почитался за безчестное древо“, будучи орудіемъ позорной казни. Но такъ какъ раскольники нисколько не разнятся съ православными въ вѣрѣ въ Искупителя, то отсюда и споръ изъ-за концовъ креста самъ собою долженъ терять всякое значеніе.

Отдѣлъ оканчивается призваніемъ старообрядцевъ оставить упорство и „склониться къ любви и согласію“[1]).

Не менѣе троеперстія и четвероконечнаго креста раскольниковъ соблазняло допущенное по новоисправленнымъ книгамъ измѣненіе въ количествѣ просфоръ на литургіи. Посему Платонъ останавливается и на вопросѣ „о седмипросфоріи“, изслѣдуя его довольно обстоятельно на богословско-исторической почвѣ. Изъ св. Писанія Платонъ извлекаетъ данныя въ пользу того, что таинство причащенія установленное на тайной вечери Спасителемъ, было совершено на единомъ хлѣбѣ. О томъ единогласно и почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ свидѣтельствуютъ евангелисты: Матѳей, Маркъ, Лука и ап. Павелъ, говоря, что Іисусъ Христосъ на вечери взялъ въ руки для благословенія хлѣбъ, а не хлѣбы[2]); при этомъ ап. Павелъ, на томъ основаніи, что всѣ отъ единаго хлѣба причащаются, настаиваетъ даже особенно на единеніи христіанъ: „единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози“[3]). Подражая примѣру Спасителя, и церковь всегда совершала и совершаетъ таинство надъ одною просфорою, которая называется Агнцемъ, а не надъ всѣми пятью

[1]) Увѣщаніе, об. 51—об. 56.
[2]) Мѳ. XXVI 26; Мрк. XIV, 22; Лук. XXII, 19; I Коре. XI, 23—24.
[3]) I Коринѳ., X, 17.

или семью просфорами, „и отъ единаго только Агнца священники и протчія христіаны причащаются, а отъ протчихъ просвиръ, и отъ вынутыхъ изъ нихъ частицъ никто не причащается и причащаться не повелѣно, ни по новымъ, ни по старымъ книгамъ“. Все это особенно ясно замѣтно на преждеосвященной литургіи, гдѣ „совсѣмъ никакихъ просвиръ кромѣ Агнца не положено: однако тайна пріобщенія совершается, и всѣмъ христіанамъ преподается“[1]).

Рѣшивши вопросъ о томъ, что для совершенія литургіи необходимъ собственно одинъ хлѣбъ, или просфора, Платонъ, естественно, долженъ былъ выяснить, откуда же произошелъ обычай употреблять при богослуженіи другія просфоры и какое значеніе онѣ имѣютъ. Наиболѣе вѣрное разрѣшеніе этого недоумѣнія могла дать историческая справка о предметѣ. Къ ней, дѣйствительно, и обращается авторъ „Увѣщанія“. Въ нѣкоторыхъ церковныхъ канонахъ[2]) Платонъ встрѣчаетъ указаніе на существованіе у первенствующихъ христіанъ благочестиваго обычая самимъ приносить для совершенія литургіи хлѣбъ и вино. Изъ принесенныхъ хлѣбовъ священникъ выбиралъ одинъ лучшій для святой трапезы, а остальные шли частью въ пользу клира, частью на раздачу нищимъ. При этомъ во время богослуженія поминались имена жертвователей. Остатокъ такого древняго поминовенія сохранился, по Платону, и доселѣ въ литургіи св. Василія Великаго, въ словахъ: „помяни, Господи, иже дары сія тебѣ принесшихъ, и о нихже, и имиже, и за нихже сія принесоша“. „Узнавши сіе первенствующія церкви обыкновеніе, заключаетъ Платонъ, всякъ ясно усмотрѣть можетъ, сколько тогда было при службѣ Божіей приносимыхъ хлѣбовъ или просфоръ; не было опредѣленнаго числа: и не пять, или седмь просфоръ было, но и десять, и тридe-

---

[1]) Увѣщаніе, об. 56—об. 58.

[2]) 3 пр. апостол., 28 Трулл. соб., 7 Θеоф. Александр.—По Кормчей 1787 г., печатанной, какъ значится на выходномъ листу, безъ перемѣнъ съ изданія, начатаго при патріархѣ Іосифѣ и оконченнаго при патріархѣ Никонѣ въ 7161 г. (1653 г.), также и по „Книгѣ Правилъ“ цитируемое Платономъ правило Θеофила Александрійскаго по счету 8-е, а не 7-е.

сять, и пятдесятъ, и сто, и нѣсколько сотъ, разсуждая по числу, довольству и усердію христіанъ“[1]).

Переходя затѣмъ къ дальнѣйшему времени, Платонъ встрѣчается съ фактомъ охлажденія христіанъ къ вѣрѣ, вслѣдствіе котораго самъ собою уничтожился обычай приносить съ собою для богослуженія хлѣбъ и вино. Но, чтобы „оставить нѣкоторую память прежде бывшаго добровольнаго христіанъ приношенія“, церковь „опредѣлила приносить отъ себя нѣсколько хлѣбовъ или просфоръ“. Такимъ образомъ Платонъ подступилъ къ тому пункту, который собственно составлялъ предметъ спора, къ опредѣленію количества просфоръ. Ему оставалось теперь самымъ дѣломъ прослѣдить по сохранившимся до насъ памятникамъ, какъ неопредѣленно было число просфоръ и какъ, наконецъ, церковь остановилась на пяти. Если бы Платонъ сдѣлалъ это, тогда бы на основаніи историческихъ доводовъ было подтверждено, что то или иное количество просфоръ никогда не составляло въ церкви чего-либо важнаго для литургіи, что, если въ одно время церковь употребляла при богослуженіи семь просфоръ, то съ полнымъ правомъ она могла сократить число ихъ и до пяти,—словомъ, могла относиться къ числу просфоръ и въ позднѣйшее время такъ же свободно, какъ она относилась къ нему ранѣе, во весь періодъ своего существованія. Къ сожалѣнію, Платонъ не устоялъ на высотѣ своей задачи. Отказываясь „сыскать въ исторіяхъ“, „коликое имянно число просфоръ сперва было опредѣлено“, онъ голословно только заявляетъ: „однако по общему преданію Греческія церкве думать надобно, что оное опредѣленное просфоръ число было пяточисленное“[2]).

Такъ какъ добровольныя приношенія для богослуженія сопровождались поминовеніемъ на литургіи именъ принесшихъ, то авторъ „Увѣщанія“, естественно, долженъ былъ замѣтить и о томъ измѣненіи въ поминовеніи, которое необходимо должно было послѣдовать въ церковной практикѣ, съ уничтоженіемъ обычая добровольныхъ приношеній. Вмѣ-

---

[1]) Увѣщаніе, об. 58—об. 61.

[2]) Тамъ же, об. 61—л. 62.

сто жертвователей церковь опредѣлила поминать имена угодниковъ Божіихъ: Богородицу, Предтечу, апостоловъ, мучениковъ, преподобныхъ и всѣхъ святыхъ; а съ другой стороны и всѣхъ, вообще, христіанъ—живыхъ и умершихъ[1]).

Изъ исторической справки явствовало, что церковь и въ настоящую пору въ вопросѣ о количествѣ просфоръ на литургіи нимало не уклонилась отъ истины; напротивъ, поступаетъ согласно съ присущею всегда ей въ этомъ отношеніи идеею. Употребляя пять просфоръ и соединяя съ ними значеніе, издавна вошедшее въ обыкновеніе, церковь вмѣстѣ съ тѣмъ не запрещаетъ приносить и большее количество, даже, наоборотъ, одобряетъ послѣднее, видя въ подаваемыхъ самими христіанами просфорахъ напоминаніе древняго обычая добровольныхъ приношеній[2]).

Резюмируя все сказанное, Платонъ разсуждаетъ: „хорошо употреблять пять просвиръ, понеже такъ предала святая церковь: нѣтъ же противности употреблять и седмь просвиръ, и больше... Сила вся въ единомъ хлѣбѣ или просфорѣ, ибо безъ единаго хлѣба святая литургія совершиться не можетъ: а прочее просвиръ число остается на обыкновеніи церковномъ и на произволеніи приносящихъ“[3]).

Но такъ какъ старообрядцы основывались при употребленіи седмипросфорія на текстѣ старопечатныхъ книгъ, то Платонъ считаетъ нужнымъ поразить раскольниковъ ихъ же собственнымъ оружіемъ. Съ этою цѣлью онъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ номоканона 7147 г. (1639 г.): „одну просфору за царя и царицу и за чадъ ихъ. А идѣже будетъ къ цареву величеству послати, то выимати по имяномъ, всѣмъ по просфорѣ“. Ясно отсюда, заключаетъ Платонъ, что и по старымъ книгамъ дозволялось гораздо болѣе, чѣмъ семь просфоръ[4]).

Рѣшивши вопросъ о просфорахъ принципіально, Пла-

---

[1]) Увѣщаніе, об. 62.

[2]) Тамъ же, л. 63–64.

[3]) Тамъ же, об. 64.

[4]) Тамъ же, об. 64—л. 65.—Для логической стройности это мѣсто лучше было бы помѣстить ранѣе, когда Платонъ дѣлалъ историческую справку о количествѣ просфоръ.

тонъ анализируетъ затѣмъ сущность различія по этому предмету между православною церковью и раскольниками. Разница здѣсь собственно сводилась къ употребленію старообрядцами двухъ особыхъ просфоръ, за царя и за патріарха. Ставя всюду въ своихъ разсужденіяхъ по поводу разностей съ раскольниками на первомъ планѣ внутренній смыслъ того или иного обряда, Платонъ обращается къ нему и въ данномъ случаѣ. Просфоры имѣютъ значеніе потому, что съ выниманіемъ изъ нихъ частицъ совершается то или иное поминовеніе, но такъ какъ поминовеніе за царя и за патріарха совершается въ православной церкви, хотя и не на особенныхъ просфорахъ, то и пунктъ для спора не имѣетъ смысла: если за всѣхъ святыхъ приносится одна просфора, то тѣмъ болѣе довольно одной просфоры за всѣхъ православныхъ христіанъ[1]).

Разсужденіе о седмипросфоріи, по обыкновенію, заканчивается соотвѣтствующимъ предмету увѣщаніемъ, на этотъ разъ довольно подробнымъ, что зависѣло, конечно, отъ важности слѣдствій, къ которымъ вели пререканія изъ-за седмипросфорія. „Подумайте, пишетъ Платонъ, для чего Господь нашъ Іисусъ Христосъ уставилъ тайну сію (т. е. евхаристію). Не для того ли, чтобъ мы всѣ, яко единаго отца дѣти, при сей духовной трапезѣ пировали? А вы противъ сего святаго намѣренія отъ насъ отдираетесь: для чего Спаситель нашъ благоволилъ питать насъ тѣломъ своимъ и пречистою кровію своею, не для того ли, чтобъ мы были связаны единымъ духомъ любве и согласія? А вы сей божественный союзъ разрываете. Христосъ собираетъ: вы расточаетесь". А изъ-за чего? изъ-за того, что „у насъ на жертвенникѣ четыре, а не шесть просвиръ". Но Богу, несомнѣнно, „пріятнѣе наша любовь и согласіе, нежели сто и тысяча просвиръ безъ любви". Съ внутренней скорбью Платонъ останавливаетъ вниманіе старообрядцевъ на глубоко-печальныхъ послѣдствіяхъ слѣпой ихъ приверженности въ буквѣ обряда. „Посмотрите вы, разсуждаетъ онъ, на самихъ себя, до какова бѣднаго состоянія вы себя довели.

---

[1]) Увѣщаніе, об. 65—об. 66.

Ревнуя по седми просвирахъ и одной просвиры не имѣете. И потому остаетесь безъ святаго причастія, безъ небесной пищи, безъ подкрѣпленія душевнаго, гладни, унылы, жалки“[1]).

Анализомъ раскольничьихъ разсужденій о количествѣ просфоръ на литургіи авторъ „Увѣщанія“ заканчиваетъ разборъ наиболѣе важныхъ обрядовыхъ разностей раскольниковъ съ православною церковью. Но онъ не ставитъ себѣ въ трудъ разсудить, хотя кратко, и „о другихъ соблазнительныхъ мелкостяхъ“, дабы успокоить и въ этомъ отношеніи сумнящуюся совѣсть раскольниковъ. Къ числу послѣдняго рода разностей Платонъ относитъ споръ о хожденіи посолонь и объ измѣненіи нѣкоторыхъ русскихъ обычаевъ.

Вопросъ о хожденіи посолонь при вѣнчаніи и крещеніи Платонъ считаетъ настолько маловажнымъ, что признаетъ его собственно не заслуживающимъ отвѣта. Таинство можетъ совершаться и помимо этого обыкновенія: „хожденіе (разумѣется вокругъ купели или аналоя) есть обрядъ надлежащій до тайны, а не самая тайна“. Доказательства справедливости этой мысли несомнѣнны: Іисусъ Христосъ заповѣдалъ крестить только во имя Отца и Сына и Святаго Духа и ни о какомъ хожденіи по солнцу или противъ солнца у Него нѣтъ рѣчи. Апостолы не могли употреблять этого обычая: они чаще всего крестили въ рѣкахъ и источникахъ, „гдѣ ни по солнцу ни противъ солнца ходить нельзя было. Да и всѣ древніе отцы о семъ хожденіи ничего не помянули“. Такой несущественный характеръ разсматриваемаго церковнаго обычая даетъ Платону право обличить раскольниковъ за то, что они его поставляютъ въ числѣ причинъ для своего отдѣленія отъ церкви и даже перекрещиваютъ православныхъ потому одному, что они не такъ ходили вокругъ купели: „о великаго заблужденія и болѣзни лютыя“[2])!

Вслѣдъ за вопросомъ о хожденіи посолонь Платонъ подъ рубрикою „о старыхъ русскихъ обычаяхъ“ разсматриваетъ, во-первыхъ, измѣненія, касающіяся внѣшности человѣка и вошедшія въ народную жизнь со времени Петра I

[1]) Увѣщаніе, об. 66—об. 68.
[2]) Тамъ же, об. 68—л. 71.

—измѣненія въ платьѣ, брадобритіе и ношеніе париковъ; во-вторыхъ, порицанія раскольниками православной церкви за ея будто бы „жестокій, гонительный духъ“ въ отношеніи старообрядцевъ и, въ-третьихъ, укоризны раскольниковъ православному духовенству за его соблазнительное поведеніе. Разсужденія Платона по этимъ вопросамъ кратки. Платонъ старается опредѣлить лишь правильную точку зрѣнія на эти и подобные имъ предметы, не входя въ подробный анализъ ихъ.

1) При разборѣ перваго пункта, авторъ „Увѣщанія“ старается доказать отсутствіе необходимаго соотношенія между вѣрою и внѣшнимъ наружнымъ убранствомъ. „Благочестіе, говоритъ онъ, къ платью не пришито, и внутренняя души добродѣтель на волосахъ не виситъ“. Это положеніе онъ подтверждаетъ фактами,—съ одной стороны указаніемъ на существованіе разнаго рода злодѣевъ и среди тѣхъ русскихъ людей, которые во всей строгости держатся старинныхъ формъ касательно своей внѣшности; а съ другой—ссылкою на разнообразіе въ одеждѣ и способѣ ношенія брады и волосъ у христіанъ различныхъ національностей, какъ въ прежнія времена, такъ и въ позднѣйшія, что однако никогда никѣмъ не признавалось достаточнымъ основаніемъ для нарушенія церковнаго мира.

Но такъ какъ раскольники основывались въ своихъ отношеніяхъ къ принятымъ русскими иноземнымъ обычаямъ на наивно-буквальномъ пониманіи церковнаго правила, требующаго не сообщаться съ невѣрными, то авторъ „Увѣщанія“ считаетъ своимъ долгомъ дать надлежащее толкованіе этому правилу. Сила послѣдняго, по Платону, простирается не на внѣшнія сношенія съ невѣрными, а исключительно на усвоеніе ихъ еретическаго ученія: „тотъ съ невѣрными сообщается, который ихъ вѣру похваляетъ, и ихъ еретическія мнѣнія охотно слушаетъ: съ ними вмѣстѣ ходитъ на молитву: притомъ подражаетъ ихъ нравамъ, которыя православную вѣру повреждаютъ“. Въ виду того, что православные чужды упрека во всемъ подобномъ, и приведенное правило къ нимъ не приложимо [1]).

[1]) Увѣщаніе, л. 71—76.

2) Обвиненіе православныхъ пастырей въ крайней нетерпимости по отношенію къ раскольникамъ Платонъ устраняетъ принципіальнымъ рѣшеніемъ вопроса. „Ежелибъ наша святая церковь, говоритъ онъ, за догматъ вѣры сіе приняла, чтобъ васъ (т. е. раскольниковъ) гнать и всею жестокостію обращать, то подлинно была бы причина вамъ отъ нашей церкви отлучаться“. Но послѣдуя примѣру Спасителя, кроткаго и снисходительнаго, по Евангелію, къ немощамъ человѣческимъ, равно и завѣщанію св. Павла исправлять заблуждающихся „духомъ кротости“, церковь наша ставитъ принципомъ своихъ отношеній къ иномыслящимъ слово увѣщанія со всякою тихостію, а не строгость, темницы и побои. Доказательствомъ справедливости сказаннаго, продолжаетъ Платонъ, служатъ изданныя церковью противораскольничьи сочиненія, между прочимъ, „и сіе увѣщаніе, которое, храня евангельскій духъ, самою Христовою кротостію и утробами Его призываетъ васъ къ соединенію“. Такимъ же духомъ кротости по отношенію къ старообрядцамъ проникнуты въ частности и многіе пастыри церкви [1]).

3) По возможности на принципіальной почвѣ стоитъ Платонъ и въ разсужденіи по поводу рѣзкихъ нападковъ раскольниковъ на церковъ за безнравственность духовенства. Ограничивши число лицъ, могущихъ подлежать укоризнамъ за соблазнительное поведеніе, авторъ „Увѣщанія“ обращаетъ вниманіе раскольниковъ на то весьма важное въ данномъ случаѣ обстоятельство, что сама-то церковь „не похваляетъ“ непорядочно живущихъ клириковъ, но „обличаетъ и исправляетъ“ ихъ чрезъ своихъ высшихъ духовныхъ властей. Вслѣдствіе этого, чистота самой церкви остается неповрежденною и при настоящемъ состояніи іерархіи, какъ не нарушалась она существованіемъ въ ея нѣдрахъ недостойныхъ людей съ самаго начала („и между апостолами былъ Іуда“) и во всѣ послѣдующія времена. Равнымъ образомъ порочная жизнь священниковъ не набрасываетъ тѣни на дѣйствительность и спасительность совершаемыхъ

[1]) Увѣщаніе, л. 76—79.

ими таинствъ, „ибо въ тайнахъ главнодѣйствующій есть самъ Духъ святый“[1]).

Въ заключеніе своихъ разсужденій о разностяхъ раскольниковъ съ православною церковью Платонъ дѣлаетъ общее замѣчаніе о нѣкоторыхъ другихъ спорныхъ пунктахъ, еще менѣе важныхъ, чѣмъ разобранные, каковы, напр., вопросы о земныхъ поклонахъ, преклоненіи колѣнъ, партесномъ пѣніи и т. д. Подвергать эти пункты критическому анализу Платонъ не находитъ нужнымъ, во-первыхъ, потому, что маловажность ихъ въ отношеніи вѣры сама собою очевидна для всякаго сколько-нибудь просвѣщеннаго человѣка, а во-вторыхъ, потому, что главнѣйшія сомнѣнія раскольниковъ уже рѣшены, и, „ежели оное рѣшеніе ихъ не удовольствуетъ, то о другомъ не для чего уже и говорить“. Впрочемъ, если для кого они дѣйствительно служатъ камнемъ соблазна, то таковымъ Платонъ совѣтуетъ обратиться „письменно или словесно“ за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній къ духовнымъ пастырямъ, обѣщая со стороны послѣднихъ кроткое наставленіе безъ всякаго насилія[2]).

Разобравши разности, которыя старообрядцы выставляли въ качествѣ причинъ для своего отдѣленія отъ церкви, Платонъ послѣ сего, чтобы заставить раскольниковъ задуматься надъ своимъ состояніемъ, указываетъ съ одной стороны на неповинность церкви въ крови ихъ, такъ какъ она употребляетъ всѣ средства для обращенія заблуждающихся, а съ другой—на безповоротность будущей судьбы упорныхъ и ожесточенныхъ: „взыщутъ мене зліи и не обрящутъ“. Рѣчь его затѣмъ смягчается молитвою къ Богу, чтобы Онъ самъ пролилъ елей благодати на каменныя сердца раскольниковъ[3]).

Разсмотрѣніемъ нововведеній, волновавшихъ раскольниковъ, Платонъ не могъ ограничиться въ своемъ „Увѣщаніи“, въ виду спеціальнаго явленія, которымъ было вызвано „Увѣщаніе“,—разумѣемъ фактъ самосожигательства раскольниковъ, который возмущалъ своимъ звѣрствомъ и

[1]) Увѣщаніе, л. 79—об. 80.
[2]) Тамъ же, об. 80—об. 82; ср. об. 78—л. 79.
[3]) Тамъ же, об. 82—л. 84.

фанатизмомъ всякаго благомыслящаго человѣка. Возмущается имъ до глубины души и Платонъ, и по всему этому дѣлаетъ довольно подробный разборъ его.

Прежде чѣмъ приступить къ разсужденію собственно о самосожигательствѣ, Платонъ высказываетъ слѣдующія предварительныя замѣчанія, служащія какъ бы введеніемъ къ его непосредственному анализу взятаго вопроса: исконный врагъ человѣческаго рода, возмутивши миръ церкви, не только преграждаетъ раскольникамъ всѣ пути къ обращенію, но еще доводитъ ихъ до „злѣйшаго заблужденія“, до самосожигательства. Затѣмъ Платонъ воспроизводитъ этого рода случай, который послужилъ поводомъ къ составленію „Увѣщанія“ и о которомъ онъ упомянулъ въ предисловіи [1]).

Касаясь самаго факта самосожигательства, авторъ „Увѣщанія“ настаиваетъ на мысли, что самосожженіе есть не мученичество, а простое самоубійство и потому тяжкій грѣхъ предъ Богомъ, ибо иное дѣло „умереть за правду, иное за правду самово себя убить; умереть за правду можно, да въ нѣкоторыхъ случаяхъ и должно; а самому себя убивать за правду никогда не позволено“. Значеніе мученичества самоубійству придавалъ лишь Монтанъ, ученіе котораго осуждено церковью, какъ еретическое [2]).

Послѣ этого краткаго положительнаго замѣчанія о самосожигательствѣ Платонъ подвергаетъ критическому разсмотрѣнію самыя основанія самосожигательства. Основанія эти—примѣръ матери Маккавеевъ и нѣкоторыхъ св. мучениковъ первыхъ вѣковъ христіанства. Признавая даже историческую справедливость всѣхъ приводимыхъ старообрядцами фактовъ самоумерщвленія древнихъ мучениковъ, Платонъ все-таки считаетъ эти примѣры непригодными для оправданія раскольниковъ, во-первыхъ, потому, что то было время гоненій на служителей истиннаго Бога, а, во-вторыхъ, потому, что мученики убивали себя лишь въ виду „неизбѣжимой смерти“. Но никакого гоненія въ настоящую пору нѣтъ. Задача русскихъ государей въ отношеніи вѣры со-

[1]) Увѣщаніе, л. 84—об. 85; ср. л. 3—4 предисловія Увѣщанія.
[2]) Тамъ же, л. 86—87.

стояла всегда не въ томъ, чтобы кого-либо „понуждать отрицаться Христа и поклоняться идоламъ“, а въ томъ, чтобы „святую Христову церковь своимъ покровительствомъ защитить и вѣру, какую мы отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ приняли, утвердить“. Ту же цѣль преслѣдуетъ и нынѣшняя императрица. Ближайшее тому доказательство – ея отношенія къ случаю самосожженія въ Зеленецкомъ монастырѣ [1]).

Утвердивши положеніе, что самосожженіе раскольниковъ не имѣетъ для себя достаточнаго оправданія, Платонъ разоблачаетъ истинныя причины этого явленія. Такихъ причинъ онъ указываетъ двѣ: одни гибнутъ „по невѣдѣнію“, принимая самосожженіе за мученическій подвигъ, другіе— жертва „плутовъ“, которые убѣждаютъ „простыхъ людей“ пострадать, повидимому, за Христа, а въ дѣйствительности, „чтобъ у сихъ бѣдняковъ имѣніе въ свои руки прибрать“. Между прочимъ, замѣчаетъ Платонъ, жертвою послѣдняго рода обольщенія были и погибшіе въ Зеленецкомъ монастырѣ въ 1765 г., какъ это оказалось изъ слѣдственнаго дознанія [2]).

Такъ какъ раскольники въ оправданіе своей мысли о гоненіяхъ на нихъ ссылались на нѣкоторыя стѣснительныя отношенія къ нимъ правительства, то Платонъ разбираетъ эти основанія.—Прежде всего онъ развиваетъ тѣ мысли, о которыхъ мы упомянули ранѣе, при раскрытіи взгляда московскаго святителя на расколъ, именно, что розыски правительствомъ раскольниковъ по лѣсамъ не могутъ считаться преслѣдованіемъ за вѣру; правительство вынуждается къ нимъ не религіозными интересами, а общественными,—желаніемъ привлечь бѣглыхъ къ отправленію государственныхъ повинностей и заботою о сохраненіи общественной безопасности, такъ какъ много бываетъ злодѣяній отъ укры-

---

[1]) Увѣщаніе, л. 87—93.

[2]) Тамъ же, л. 93—95.—Изъ доношенія игумена Іова съ братіею видно, что раскольничій лжеучитель, главный виновникъ печальнаго происшествія въ Новгородскомъ Зеленецкомъ монастырѣ, зажегши своихъ собратьевъ, самъ надѣялся скрыться въ отхожемъ мѣстѣ, но былъ пойманъ присланною командою.—Архивъ Св. Синода, дѣло 1765 г. іюня 17, № 228, л. 9—10.

вающихся въ лѣсахъ [1]). Въ сущности такъ, продолжаетъ Платонъ, на это дѣло смотрятъ и сами раскольники, когда лучшимъ считаютъ самимъ лишать себя жизни, чѣмъ отдаваться въ руки полиціи. Они видимо понимаютъ, что мучить ихъ за вѣру не станутъ. Сознаваясь въ справедливости сказаннаго, раскольники высказывали опасеніе за „разсѣяніе ихъ въ разныя стороны", если они будутъ открыто жить въ селеніяхъ, среди другихъ гражданъ. Подобному разсѣянію они придавали значеніе дѣйствительнаго гоненія, такъ какъ оно могло сопровождаться въ концѣ концовъ потерею вѣры. Эти соображенія раскольниковъ Платонъ опровергаетъ ссылкою на очевидный для всѣхъ фактъ мирной жизни многихъ изъ ихъ сообщниковъ въ городахъ и селахъ; для этого требуется лишь собственное спокойствіе раскольниковъ въ отношеніи другихъ. Карать же возмутителей общественнаго спокойствія требуетъ правосудіе, и государство имѣетъ на него божественное полномочіе [2]).

Какъ на гоненіе за вѣру раскольники смотрѣли на двойной окладъ, который былъ назначенъ для нихъ правительствомъ и на самое названіе ихъ „раскольниками". Разсужденія Платона по этимъ пунктамъ отличаются остроуміемъ, но серьезнаго значенія имѣть не могутъ.

Говоря о двойномъ окладѣ, Платонъ разсматриваетъ раскольниковъ, какъ одно цѣлое общество, которое должно нести всѣ государственныя повинности наряду съ другими гражданами. Между тѣмъ многіе изъ раскольниковъ, убѣгая въ лѣса, не только не платятъ сами податей, но еще „многія дѣлаютъ смуты". Принимая это во вниманіе, правительство налагаетъ на все общество раскольниковъ двойные оклады, чтобы не терпѣть убытка въ доходахъ; а съ другой стороны, чтобы „симъ легкимъ наказаніемъ отъ побѣговъ и отъ смутъ удержать" ихъ сообщниковъ. Конечно, здѣсь можно было возразить, что государственныя повинности несетъ каждый членъ государства за себя и вводить нѣчто въ родѣ круговой поруки лишь для раскольниковъ несправедливо. Но отвѣта на подобное недоумѣніе авторъ „Увѣща-

[1]) См. стр. 48 настоящаго изслѣдованія.

[2]) Увѣщаніе, л. 95—об. 99.

нія“ не даетъ. Что же касается самаго названія „раскольники“, то виною его Платонъ считаетъ самихъ старообрядцевъ, такъ какъ они „самовольно отъ церкви отлучаются“ и „православныхъ гнушаются какъ татаръ“, не желая входить съ ними ни въ какое общеніе. „Ваше къ намъ отвращеніе, говоритъ Платонъ, само собою причиною есть, что вы называетесь раскольниками, то есть, отъ общества отлучающимися“[1]).

Послѣ вставочнаго отдѣла о самосожигательствѣ Платонъ дѣлаетъ заключеніе къ своимъ разсужденіямъ о разностяхъ между православною церковью и раскольниками. Въ немъ онъ предлагаетъ резюме прежде сказаннаго. Главная мысль здѣсь та же, которая проникаетъ все, вообще, „Увѣщаніе“, именно, что раскольники „соблазняются тѣмъ, въ чемъ никакой силы нѣтъ“, „что до вѣры не надлежитъ“. Отдѣляться же отъ церкви изъ-за того, что не составляетъ „самой вѣры“, а относится только къ обрядамъ, Платонъ признаетъ неразумнымъ, даже если бы церковь въ обрядовой своей сторонѣ допустила нѣкоторыя погрѣшности. „Подлинно, разсуждаетъ онъ, надобно хранить церковныя обыкновенія и преданія: но наипаче всякъ христіанинъ обязуется хранить любовь и согласіе съ церковію. Обычаи церковныя по временамъ перемѣняются, но любовь никогда перемѣнить нельзя, и потому безъ любви спастись невозможно“. Мало того, кто нарушаетъ церковный миръ, тотъ не хранитъ и обычаевъ церковныхъ, ибо „обычай церковный есть самой первой, чтобъ сохранять любовь и согласіе съ церковію“. Свое соображеніе Платонъ оправдываетъ исторіей. Нерѣдко въ церквахъ существовали различные обычаи, касавшіеся одного и того же случая, и многіе обычаи, свято сохранявшіеся въ одно время, отмѣнялись въ другое; однако христіане изъ-за этого не производили между собою разрыва. При этомъ Платонъ ссылается на 11-е правило Лаодикійскаго собора, на нѣкоторые обычаи древней церкви, впослѣдствіи отмѣненные,—служеніе литургіи вечеромъ, причащеніе послѣ вкушенія пищи...; наконецъ, на

[1]) Увѣщаніе, об. 99—об. 101.

два весьма рельефныхъ факта: одинъ апостольскаго вѣка, другой—времени, весьма близкаго къ апостольскому періоду.

Однажды въ апостольской церкви возникъ споръ изъза родовъ пищи. Іудео-христіане, и по принятіи евангельскаго ученія, считали обязательными предписанія Моисеева закона касательно пищи не только для себя, но и для всѣхъ, вообще, послѣдователей Христовыхъ; напротивъ, христіане изъ язычниковъ не придавали никакого значенія въ этомъ случаѣ вѣтхозавѣтнымъ постановленіямъ. Дѣло дошло до взаимнаго отвращенія и клонилось къ окончательному раздѣленію партій. Стремясь примирить возникшій церковный раздоръ, ап. Павелъ высказываетъ такой замѣчательный взглядъ: „ядый не ядущаго да не укоряетъ, и не ядый ядущаго да не осуждаетъ; нѣсть бо царство Божіе брашно и питіе, но правда и миръ и радость о Дусѣ святѣ: иже бо сими служитъ Христови, благоугоденъ есть Богови и искусенъ человѣкомъ“[1]), т. е., объясняетъ Платонъ, „до вѣры и спасенія не надлежитъ, чтобъ разбирать пищи или нѣтъ, а до вѣры и спасенія надлежитъ дѣлать правду и чувствовать въ себѣ духовную радость отъ незазорной совѣсти“, и „ежели кто въ семъ только поставляетъ свою вѣру, да посему и поступаетъ, тотъ и Богу угоденъ, и между людьми истинный философъ“.

Другой примѣръ. Во второмъ вѣкѣ, по сказанію церковнаго историка Евсевія, между помѣстными церквами произошелъ горячій споръ о времени празднованія Пасхи. Но когда римскій папа Викторъ хотѣлъ разорвать общеніе съ восточными церквами изъ-за разногласія по упомянутому вопросу, то св. Ириней, епископъ Ліонскій, настойчиво сталъ доказывать, „что за несходство церковныхъ обыкновеній взаимное церкви соединеніе нарушать не надобно“, и такъ мыслили всѣ церкви по вселенной[2]).

Послѣ всего сказаннаго не оставалось уже достаточныхъ основаній для отдѣленія раскольниковъ отъ церкви. О невѣдѣніи, разсуждаетъ Платонъ, нечего говорить, когда всѣ сомнѣнія рѣшены; стыда „приступить къ истинѣ“

[1]) Римл. XIV, 3, 17.

[2]) Увѣщаніе, об. 101—л. 103; л. 105—114.

не должно быть; бояться же нечего за то, за что они „отъ всѣхъ будутъ почтены и похвалены“. Конечно, трудно отстать отъ того, къ чему кто привыкъ, однако и это возможно. Остается единственное препятствіе—упорство, но здѣсь нужно помнить правосудіе Божіе, карающее ожесточенныхъ (примѣръ фараона)[1]).

Принимая во вниманіе, что раскольники „имѣютъ смыслъ“ и притомъ, какъ христіане, ожидаютъ будущаго суда, св. церковь, по Платону, надѣется на ихъ обращеніе къ истинѣ[2]) и потому любвеобильно призываетъ ихъ послѣдовать за ея голосомъ, или лучше голосомъ Самого Святого Духа, не увлекаясь проповѣдниками различныхъ раскольничьихъ толковъ, которые уже взаимнымъ проклятіемъ показываютъ свою несостоятельность. Обращеніемъ къ истинѣ раскольники доставятъ искреннюю радость какъ на землѣ св. церкви съ ея пастырями, императрицѣ и, вообще, всѣмъ христіанамъ, такъ и на небѣ—ангеламъ и Самому Господу Богу.

„Увѣщаніе“ оканчивается молитвою къ Богу о томъ, чтобы Онъ Самъ, по милосердію Своему, просвѣтилъ ихъ мысль и коснулся ихъ сердца, дабы всѣ христіане едиными усты и единымъ сердцемъ прославляли въ Троицѣ славимаго Господа[3]).

II.

Познакомившись съ содержаніемъ полемическаго сочиненія Платона, сдѣлаемъ о немъ посильныя критическія замѣчанія.—Оцѣнить тотъ или иной предметъ значитъ измѣрить его посредствомъ какой-либо единицы мѣры. Указать достоинства и недостатки какого-либо литературнаго произведенія значитъ приложить къ нему извѣстныя, добытыя временемъ требованія, которымъ взятое сочиненіе можетъ такъ или иначе удовлетворять или не удовлетворять. Конечно, далеко не всякое произведеніе можетъ и должно измѣряться однимъ и тѣмъ же масштабомъ. Было

---

[1]) Увѣщаніе, л. 103—об. 104.

[2]) Тамъ же, об. 104—л. 105.

[3]) Увѣщаніе, л. 114—120.—Въ концѣ „Увѣщанія“, въ качествѣ приложенія, помѣщенъ „Чинъ, како пріимате отъ раскольниковъ въ соединеніе съ православною церковію приходящихъ“, л. 121—133.

бы великою историческою ошибкою судить о произведеніяхъ той или иной отдаленной эпохи всецѣло по мѣркѣ настоящаго времени. Памятники прошлаго мы должны разсматривать съ точки зрѣнія той эпохи, въ которую они явились, хотя, несомнѣнно, при свѣтѣ положеній, выработанныхъ послѣдующею исторіею. Отсюда, очевидно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія унижать произведеніе, если оно не подходитъ подъ рамки настоящихъ требованій, но характеръ и, вообще, отличительныя черты котораго легко объяснимы и извинительны съ точки зрѣнія его времени; а съ другой стороны должны особенно высоко цѣнить тотъ трудъ, который можетъ выдержать даже современную критику, или, по крайней мѣрѣ, стоитъ выше своей эпохи, опереживаетъ ее. Таковъ нормальный критерій для сужденія о произведеніяхъ предшествующихъ временъ. Его мы будемъ имѣть въ виду и при разборѣ „Увѣщанія“ митрополита Платона.

Всякое литературное произведеніе цѣнится постольку, поскольку хорошо оно выполняетъ свою задачу. Задача же каждаго полемическаго труда состоитъ въ томъ, чтобы выяснить заблуждающимся неправость ихъ положенія и убѣдить ихъ къ принятію истины. Средствомъ для этого служатъ извѣстныя мысли сочиненія и способъ ихъ выраженія. Поэтому, при изслѣдованіи „Увѣщанія“, мы должны опредѣлить, какъ сильны сужденія „Увѣщанія“ для своей цѣли, равно насколько удачно логическое построеніе и стилистическая форма ихъ. Иначе говоря, намъ предстоитъ разобрать данное сочиненіе со стороны внутренняго его содержанія и со стороны внѣшняго изложенія мыслей.

Убѣдительность содержанія всякаго сочиненія находится въ зависимости отъ различныхъ условій: отъ надлежащей постановки вопроса, отъ качества развиваемыхъ мыслей въ сочиненіи, отъ крѣпости доводовъ, которыми подтверждаются защищаемыя положенія, наконецъ, отъ степени оригинальности работы. Разсмотримъ, въ какой мѣрѣ удовлетворяетъ указаннымъ условіямъ, „Увѣщаніе“ Платона. Начнемъ съ вопроса объ оригинальности труда, — въ чемъ и насколько авторъ обнаружилъ свою самостоятельность, при изслѣдованіи взятаго предмета.

Столѣтіе борьбы церкви съ расколомъ не могло пройти безслѣдно для уясненія того, изъ-за чего раскольники упорно держались въ отчужденіи отъ православныхъ. Уже нѣкоторыя свѣдѣнія противораскольничьяго характера были напечатаны, при изданіи новоисправленныхъ книгъ: „Скрижали“, „Служебника“. Затѣмъ послѣдовательно являлись полемическія произведенія, съ большею или меньшею силою опровергающія раскольничьи заблужденія. Главнѣйшія изъ нихъ: „Жезлъ Правленія“ Симеона Полоцкаго, „Увѣтъ духовный“ патріарха Іоакима, „Розыскъ о брынской вѣрѣ“ Ростовскаго митрополита св. Димитрія, „Пращица“ Питирима, епископа Нижегородскаго, „Обличеніе неправды раскольническія“ Θеофилакта, архіепископа Тверского. Полемическій матеріалъ въ этихъ сочиненіяхъ былъ уже значительно подготовленъ, когда Платонъ взялся за свой трудъ. Ему предстояло лишь воспользоваться такъ или иначе результатами предшествовавшей работы. И мы должны сказать, что Платонъ поступилъ въ этомъ случаѣ съ большимъ умѣньемъ. Онъ отнесся къ своимъ источникамъ не рабски, а какъ сильный аналитическій умъ, способный провѣрить находящіяся въ нихъ данныя и принять лишь то, что заслуживало довѣрія.

Характеръ своего отношенія къ полемическому матеріалу Платонъ выясняетъ въ своей „Церковной Исторіи“. При повѣствованіи о церковныхъ русскихъ событіяхъ XII вѣка, онъ встрѣчается съ фактомъ, о которомъ напечатано „въ книгѣ Пращицѣ“[1])—съ соборомъ въ Кіевѣ на еретика Мартина. Разсматривая найденное въ Пустынно-Николаевскомъ кіевскомъ монастырѣ будто бы подлинное дѣяніе собора на еретика Мартина, Платонъ приводитъ рядъ соображеній, заставляющихъ его усомниться въ исторической достовѣрности памятника. „Пишущаго Россійскую церковную исторію, разсуждаетъ онъ, не мало удивить должно, что о семъ соборѣ ни въ какихъ нашихъ древнихъ лѣтописцахъ, ни въ степенныхъ, писанныхъ самими Митрополитами всероссійскими Кипріаномъ и Макаріемъ, не поминается; даже въ почитаемомъ стоглавномъ соборѣ, гдѣ нѣкоторыя Мартіновы

[1]) Краткая Церковная Россійская Исторія м. Платона, т. I, стр. 89. Пращица еп. Питирима, вопр. и отв. 85—99, об. 166—184.

заблужденія утверждаются, о семъ соборѣ ни словомъ не сказано. И хотя сей соборъ, какъ въ дѣяніи собора пишется, состоялъ изъ всего духовнаго чина: но кто имянно на семъ соборѣ былъ изъ Епископовъ Россійскихъ, которые по порядку должны были къ дѣянію руки приложить, въ томъ дѣяніи не находится; кромѣ, что по листамъ рукою Митрополіта Константіна внизу написано: Господинъ Константинъ Митрополитъ всея Россіи, и прочая, увѣряетъ предбудущій родъ, утверждая сей соборъ, и ручаясь за подлинность онаго". Сомнѣваясь въ достовѣрности акта приводимаго авторомъ „Пращицы", Платонъ не придаетъ ему и значенія въ полемикѣ съ расколомъ, особенно въ виду возраженій противъ подлинности его со стороны самихъ раскольниковъ. Но исключая изъ ряда доказательствъ сомнительное, какъ безсильное для утвержденія истины, Платонъ при этомъ выдвигаетъ принципъ выбора для полемики съ раскольниками аргументовъ, не подлежащихъ оспариванію, высказываетъ увѣренность, что „и безъ сего собора церковь православная многія имѣетъ сильныя къ изобличенію ихъ заблужденія доказательства"[1]).

О чемъ въ своей „Исторіи" Платонъ разсуждаетъ теоретически, то въ „Увѣщаніи" осуществляется имъ практически. Здѣсь не излагается самой критики, но и не скрывается слѣдовъ ея. Послѣдніе результаты, которые одни представляются читателю „Увѣщанія", необходимо предполагаютъ предшествующую имъ критическую работу автора: Платонъ нигдѣ не пользуется ни вышеупоминаемымъ дѣяніемъ на еретика Мартина, ни другими подобными памятниками, какъ напримѣръ, Ѳеогностовымъ „Потребникомъ"[2]).

---

[1]) Краткая Россійская Церковная Исторія м. Платона, т. I, стр. 90—91.

[2]) Ссылки на Ѳеогностовъ „Потребникъ" есть въ „Пращицѣ" Питирима—вопр. и отв. 82—84, л. 161—166; отв. 126, л. и об. 211. Есть и въ другомъ сочиненіи того же автора: „Книга копие духовное"—рукопись Императорской Публичной Библіотеки f., отд. I, № 189, отвѣтъ 27, л. 87.—Содержаніе этой рукописи съ нѣкоторыми замѣчаніями можно читать въ Странникѣ, ч. I, стр. 237—249. Только цитать здѣсь поставленъ невѣрно: Рукопись, которою пользовался авторъ статьи въ Странникѣ (Сахаровъ), помѣчена № 45, но подъ

Отбрасывая изъ прежняго матеріала все, не выдерживающее критики, Платонъ заимствуетъ изъ него только дѣйствительно цѣнное и, заимствуя, по нѣкоторымъ пунктамъ дополняетъ изслѣдованія своихъ предшественниковъ.

Чтобы яснѣе составить представленіе объ отношеніи Платона къ матеріалу, выработанному ранѣйшими полемистами, остановимся на вопросахъ о седмипросфоріи и о самосожигательствѣ. Авторъ „Жезла“ въ доказательство пятипросфорія устанавливаетъ соотношеніе между количествомъ просфоръ на литургіи и числомъ хлѣбовъ въ чудесномъ насыщеніи Іисусомъ Христомъ народа, сравниваетъ между собою два такихъ чуда: насыщеніе 5-ти тысячъ пятью хлѣбами и 4-хъ тысячъ семью хлѣбами и отдаетъ предпочтеніе первому чуду, какъ большему[1]). Несмотря на видимую ничтожность соображенія Полоцкаго въ защиту пятипросфорія, оно повторяется еще въ „Увѣтѣ Духовномъ“[2]). Питиримъ и Ѳеофилактъ, очевидно, сознаютъ уже внѣшній характеръ разсужденій Полоцкаго о пятипросфоріи и потому оставляютъ ихъ. Взамѣнъ ихъ они приводятъ свои апріорныя соображенія, которыя однако по существу немного превосходятъ доказательство Полоцкаго. Для выраженія идеи единенія вѣрующихъ во Христѣ, разсуждаетъ авторъ „Пращицы“, должно и частицы за всѣхъ живыхъ вынимать изъ одной просфоры. Выниманіе же частицъ за царя и патріарха изъ особыхъ просфоръ, помимо одной общей за всѣхъ живыхъ, вноситъ раздѣленіе въ единое тѣло Христово и есть „знаменіе гордости“ извѣстныхъ лицъ[3]). Но какъ въ такомъ случаѣ смотрѣть на просфоры, приносимыя самими вѣрующими, изъ которыхъ, по ихъ желанію, вынимаются частицы за нѣкоторыхъ лишь поминаемыхъ ими лицъ, какъ смотрѣть на особую просфору за умершихъ, которые также суть члены единаго тѣла Христова, на всѣ подобныя недоумѣнія, необходимо возникающія при чтеніи

этимъ № рукописи съ указаннымъ содержаніемъ не значится въ Императорской Публичной Библіотекѣ ни въ листъ, ни въ 4, ни въ 8 долю листа.

[1]) Жезлъ Правленія, ч. II, возобл. 19, об. 105—л. 106.

[2]) Увѣтъ Духовный, гл. 18, л. 209.

[3]) Пращица, отв. 126, л. 212—213; 205—208.

приведеннаго доказательства, Питиримъ не даетъ отвѣта. „Вся потреба просфоръ къ священнодѣйствію исполняется, по Ѳеофилакту, пятію просфорами“. Это, по его заключеніямъ, признается и старообрядцами, которые отличаются отъ православныхъ въ разсматриваемомъ пунктѣ только тѣмъ, что для одинаковой съ православными потребы поминовенія живыхъ употребляютъ не одну, какъ въ церкви православной, а три просфоры[1]). Между тѣмъ старообрядцы, разсуждая подобно же Ѳеофилакту, настаивали на мысли, что и „отъ самыя приличности седмипросфорное служеніе нужно и потребно есть“[2]) и тѣмъ обнаруживали неубѣдительность приводимаго Ѳеофилактомъ доказательства пятипросфорія. Помимо указанныхъ соображеній, и патріархъ Іоакимъ, и Питиримъ, и Ѳеофилактъ защищали пятипросфоріе свидѣтельствами древнихъ служебниковъ, харатейныхъ и печатныхъ и свидѣтельствомъ аѳонскаго номоканона[3]). Но и это доказательство не удовлетворяло раскольниковъ: они противопоставляли однимъ служебникамъ другіе, одному изданію номоканона другое съ свидѣтельствами отрицательнаго характера для пятипросфорія[4]). Наконецъ, Питиримъ ссылается въ оправданіе пятипросфорія на харатейный требникъ московскаго митрополита Ѳеогноста[5]), о которомъ еще авторъ „Поморскихъ отвѣтовъ“ справедливо замѣтилъ: „той требникъ сомнительнаго омышленія преполонъ есть“[6]).

Новую постановку въ вопросъ о количествѣ просфоръ на литургіи вноситъ св. Димитрій Ростовскій. Для таинства, по нему, необходимо не пять и не семь просфоръ, а только одна, изъ которой изъемлется Агнецъ. Совершеніе евхаристіи на одной просфорѣ имѣетъ основаніе въ совершеніи Іисусомъ Христомъ тайной вечери и есть обычай первен-

---

[1]) Обличеніе, гл. 3, об. 68—л. 69.

[2]) Поморскіе Отвѣты, напеч. въ Мануиловскомъ Никольскомъ монастырѣ 1884 г., отв. 60, стр. 232.

[3]) Увѣтъ Духовный, гл. 18, л. 210—212; ср. л. и об. 205. Пращица, отв. 126, об. 209—л. 211. Обличеніе, гл. 3, об. 69—л. 70.

[4]) Поморскіе Отвѣты, отв. 54, стр. 220; отв. 55, стр. 221—222; отв. 60, стр. 230—231; ср. Обличеніе, гл. 3, об. 70.

[5]) Пращица, отв. 126, л. и об. 211.

[6]) Поморскіе Отвѣты, отвѣтъ 55, стр. 222.

ствующей церкви апостольской. Вынимаемыя же изъ другихъ просфоръ частицы не пресуществляются въ тѣло Христово и потому не составляютъ чего-либо необходимаго для таинства; значеніе ихъ воспоминаніе лицъ, за которыхъ приносится безкровная жертва[1]). Мысли Ростовскаго святителя по вопросу о седмипросфоріи имѣютъ, несомнѣнно, наибольшее достоинство среди всѣхъ приведенныхъ. Но и имъ не чужды существенные недостатки: чрезмѣрная краткость и отсутствіе необходимой аргументаціи; св. Димитрій высказываетъ лишь общія положенія, какъ бы оставляя развитіе и обоснованіе ихъ на долю послѣдующихъ полемистовъ. Тѣмъ не менѣе указанный недостатокъ не служитъ для Платона препятствіемъ къ тому, чтобы отдать предпочтеніе разсужденіямъ св. Димитрія предъ всѣмъ остальнымъ полемическимъ матеріаломъ. Мало того, выбравши изъ предшествовавшихъ положеній наилучшія, Платонъ придаетъ имъ тотъ характеръ, при которомъ они только пріобрѣтаютъ свою надлежащую цѣнность. Онъ излагаетъ ихъ съ большею полнотою и обосновываетъ доводами, извлекаемыми имъ самимъ изъ св. Писанія, церковной исторіи и отчасти изъ старопечатныхъ книгъ[2]).

Еще болѣе самостоятельности проявилъ Платонъ въ сужденіяхъ о самосожигательствѣ. Замѣчанія прежнихъ полемистовъ, напр., св. Димитрія Ростовскаго, ограничиваются по этому вопросу почти только исторической передачей нѣкоторыхъ изъ подобныхъ явленій. Между тѣмъ Платонъ предлагаетъ принципіальное опроверженіе самосожигательства и ведетъ свою рѣчь на почвѣ дотолѣ неизвѣстнаго въ полемической литературѣ матеріала[3]).

Но главное достоинство „Увѣщанія“ въ отношеніи оригинальности въ томъ, что авторъ его сообщилъ полемическому матеріалу свою особую форму, далъ совершенно новое освѣщеніе, такое, какого этотъ матеріалъ не имѣлъ ни

[1]) Розыскъ, Москва, 1783 г., ч. I, гл. 7, листъ и об. 9.

[2]) Подробное изложеніе самыхъ сужденій Платона о седмипросфоріи см. ранѣе, въ отдѣлѣ анализа содержанія „Увѣщанія“, стр. 69 - 74.

[3]) См. Увѣщаніе, л. 84—101; ср. Розыскъ, ч. III, гл. XI—XIV, об. 16—л. 23.

подъ однимъ перомъ предшествующихъ полемистовъ. Здѣсь Платонъ проявилъ полную самостоятельность. Укажемъ существенныя черты постановки полемики Платона.

Полемика предполагаетъ различные взгляды на извѣстный предметъ, вслѣдствіе чего становится возможнымъ споръ изъ-за него. Задача полемики—утвердить истину, но противникъ можетъ согласиться на это только въ томъ случаѣ, когда убѣдится въ ложности всякаго иного взгляда на взятый предметъ. Отсюда полемическое сочиненіе должно стараться прежде всего разоблачить фальшивое положеніе противника въ отношеніи спорнаго тезиса, а затѣмъ уже, такъ сказать, на расчищенной почвѣ посѣять новый правильный взглядъ на него; послѣднее, конечно, немыслимо безъ положительнаго обоснованія истинности разбираемаго пункта. Итакъ каждое полемическое произведеніе должно имѣть въ виду съ одной стороны обличеніе противника, съ другой—надлежащее положительное оправданіе справедливости доказываемой истины. Когда защищаемое положеніе утверждено, тогда естественно обратиться съ словомъ увѣщанія къ противнику оставить заблужденія и принять истину. Слѣдовательно, нормальныя характерныя черты полемическаго произведенія—обличеніе, апологія и увѣщаніе. Само собою понятно, всѣ эти части должны находиться между собою въ тѣсной связи, гармоническомъ соотношеніи: обличеніе должно смѣняться апологіей, такъ какъ первое необходимо предполагаетъ вторую, а то и другое вмѣстѣ должно заканчиваться увѣщаніемъ, какъ логическимъ выводомъ изъ предыдущаго.

Но это только, такъ сказать, pium desiderium; въ дѣйствительности же мы не найдемъ ни одного полемическаго произведенія съ указаннымъ гармоническимъ соотношеніемъ обличенія, апологіи и увѣщанія. Различныя обстоятельства, вызывающія полемическія произведенія, налагаютъ и своеобразную печать на нихъ. Такъ, первыя наши противораскольничьи сочиненія—Полоцкаго и патріарха Іоакима носятъ характеръ по преимуществу апологетическій; это зависѣло отъ той цѣли, съ какою были предприняты ихъ труды. „Книга Жезлъ правленія, вѣрно замѣчаетъ Большой

московскій соборъ, сложися и напечатася въ возобличеніе (опроверженіе) на Никиты попа и Лазаря писаніе, еже на книгу Скрижаль и на прочія съ своими суемудренники написаша во обличеніе“[1]). Точно также и „Увѣтъ Духовный“ написанъ, какъ выражается самъ авторъ, съ тѣмъ, чтобы вѣдалъ „всякъ христіанинъ блядивое раскольниковъ челобитье... якоже имать явитися по ряду, и противъ ихъ нелѣпыхъ вѣщаній, вѣщанія краткая, искореняющая ихъ буйство..., да правда явится, да потребится же лжа и лесть раскольниковъ“[2]). Но въ челобитныхъ Лазаря, Никиты и Совецкой раскольничья доктрина выставлена была преимущественно съ отрицательной стороны, въ формѣ нападковъ на православную церковь; положительнаго же своего ученія въ ту пору расколъ еще не выработалъ. Отсюда и задача полемиста того времени сводилась главнымъ образомъ къ тому, чтобы защитить православіе отъ раскольничьихъ клеветъ и порицаній. Въ эпоху, въ которую выступилъ Платонъ на борьбу съ расколомъ, во второй половинѣ XVIII в., расколъ, помимо отрицаній мнимыхъ погрѣшностей православной церкви, имѣлъ уже положительное свое содержаніе. Вслѣдствіе этого, тогда полемисту предстояло собственно выступить не столько съ апологіею, сколько съ словомъ обличенія, и съ научной точки зрѣнія такая постановка полемики заслуживала бы полнаго одобренія. Но, при своемъ осуществленіи, она встрѣчала непреодолимыя трудности. Трудность заключалась главнымъ образомъ въ формулировкѣ раскольничьяго ученія. Чтобы съ успѣхомъ вести литературную борьбу съ расколомъ, необходимо точно и вѣрно изложить его ученіе. Ученіе раскольниковъ, конечно, слѣдовало искать въ ихъ сочиненіяхъ, но такихъ сочиненій было весьма немного и принадлежали они лишь нѣкоторымъ толкамъ. Другіе же толки, если и уважали ихъ и въ большей части принимали, однако во многомъ и разногласили, и эта взаимная рознь нерѣдко касалась существенныхъ пунктовъ. Отсюда полемистъ легко могъ оказать-

[1]) Дополненіе къ Актамъ Историческимъ, т. V, СПБ., 1853 г., стр. 472—473; ср. Жезлъ Правленія, предисловіе, л. 14, 17—18; 89.

[2]) Увѣтъ Духовный, Москва, 1682 г., листъ и об. 84.

ся въ положеніи человѣка, сражающагося съ призраками. Можетъ быть, имѣя все это въ виду, Платонъ счелъ за лучшее придать нѣсколько иную форму своему труду отчасти, правда, въ ущербъ научности, но нимало убѣдительности. Минуя цѣлое столѣтіе исторической жизни раскола, онъ останавливается на отдаленномъ времени его появленія,— на тѣхъ разностяхъ, которыя въ ту пору показались многимъ неразумнымъ ревнителямъ благочестія искаженіями христіанской истины и послужили поводомъ для отдѣленія ихъ отъ церкви. Онъ разбираетъ вопросъ о книгоисправленіи при патріархѣ Никонѣ, о перстосложеніи, о четвероконечномъ крестѣ, о семи просфорахъ на литургіи и т. д., не подвергая критикѣ положительнаго ученія раскольниковъ, выработаннаго ими впослѣдствіи, напримѣръ, ученія объ антихристѣ.

Выгода такой постановки полемики заключалась въ томъ прежде всего, что всѣ раскольники объединялись въ одну группу, а самое главное, что при такомъ способѣ борьбы наносился ударъ расколу, такъ сказать, въ самомъ корнѣ, которымъ онъ питался и изъ котораго развѣтвлялся на множество толковъ. Какъ дерево, какъ бы оно ни было велико и роскошно, засыхаетъ, когда подрублены его корни, такъ и расколъ, пораженный въ своей основѣ, долженъ былъ упасть и безъ критики положительнаго его ученія, тѣмъ болѣе, что и сами раскольники всегда придавали больше значенія своимъ порицаніямъ на православную церковь за допущенныя ею мнимыя погрѣшности, чѣмъ положительной доктринѣ своихъ учителей. Наконецъ, раскольники считали себя всегда хранителями древле-православнаго ученія, непосредственными послѣдователями того православія, которое царило на Руси до патріарха Никона. Слѣдовательно, если было бы доказано, что предпринятыя патріархомъ Никономъ измѣненія въ обрядовой сторонѣ не нарушили чистоты православія, что, напротивъ, раскольники усвоили себѣ неправильный взглядъ на эти измѣненія и что поэтому разрывъ ихъ съ православными былъ разрывомъ съ древле-православною церковью, то и безъ опроверженія всего послѣдующаго нароста въ ихъ заблужденіяхъ, естественно,

являлась бы для нихъ потребность возстановленія нарушенной связи съ церковью.

Доведя раскольниковъ до сознанія фальшивости ихъ положенія и необходимости единенія съ православною церковью, Платонъ дѣлаетъ отсюда нормальный переходъ къ призыву раскольниковъ вступить опять въ общество послѣдователей православной истины, текущей непрерывно въ церкви отъ временъ апостольскихъ, а на Руси со времени св. Владиміра. Такимъ образомъ апологія смѣняется у Платона увѣщаніемъ. Голосъ призыва заблуждающихся къ обращенію становится преобладающимъ, и сочиненіе получаетъ неизгладимую печать того характера, на который указывается самымъ заглавіемъ „книжицы".

Итакъ въ „Увѣщаніи" Платона мы не находимъ гармоническаго соотношенія упомянутыхъ нами отличительныхъ чертъ полемическихъ сочиненій—апологіи, обличенія и увѣщанія. Всѣ эти черты, несомнѣнно, въ немъ есть, но апологіи дается несравненно больше простора, чѣмъ обличенію, а увѣщаніе настолько преобладаетъ предъ апологіею, что сообщаетъ сочиненію преимущественно увѣщательный характеръ.

Во всякомъ сочиненіи, далѣе, имѣетъ первостепенное значеніе избираемая авторомъ точка зрѣнія на предметъ, та основная мысль, которая оживляетъ всѣ части произведенія. Въ этомъ отношеніи объ „Увѣщаніи" слѣдуетъ сказать, что, задавшись цѣлью разобрать обрядовыя разности, послужившія первоначальною причиною возникновенія раскола, Платонъ разсматриваетъ ихъ съ той, именно, стороны, съ которой онѣ всего удобнѣе могли быть изслѣдуемы. Исходнымъ пунктомъ полемическихъ его сужденій служитъ вопросъ о церковномъ единеніи. Внѣ церкви нѣтъ спасенія; отсюда разрывъ съ церковью позволителенъ лишь въ исключительномъ случаѣ: когда церковь погрѣшаетъ настолько, что перестаетъ быть церковью. Во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ нарушать церковное единеніе не слѣдуетъ безъ риска за свое спасеніе, хотя бы церковь даже допустила нѣкоторыя погрѣшительныя нововведенія, не уничтожающія однакожъ ея достоинства, какъ Христова обще-

ства, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, не должно прибѣгать къ отдѣленію отъ церкви изъ-за такихъ ея нововведеній, погрѣшительность которыхъ ничѣмъ не можетъ быть доказана[1]). Но церковь перестаетъ быть таковою только тогда, когда нововведенія ея, или лучше искаженія, касаются догматической стороны ученія Христова. Съ этой точки зрѣнія Платонъ разсматриваетъ разности между православною церковью и раскольниками и находитъ, что „въ силѣ вѣры“ раскольники согласны съ православными и „только за одни мелкости спорятъ“[2]). Все, изъ-за чего старообрядцы отдѣляются отъ православной церкви, все это относится къ внѣшней обрядовой сторонѣ вѣры[3]). Обрядъ же не составляетъ существа вѣры, ибо сила его не въ немъ самомъ, а въ томъ внутреннемъ содержаніи, которое кроется за внѣшнимъ актомъ. Если мысль, которую знаменуетъ извѣстное внѣшнее дѣйствіе, истинна, то свято и самое это дѣйствіе. Отсюда то различіе, которое лежитъ между старыми и новыми обрядами, не имѣетъ существеннаго значенія, коль скоро тѣ и другіе выражаютъ православныя истины[4]). Изъ всѣхъ этихъ разсужденій само собою вытекало то слѣдствіе, что нарушеніе церковнаго мира раскольниками не можетъ быть оправдано нѣкоторыми несходствами въ церковно-обрядовой области. Потому Платонъ убѣдительно призываетъ ихъ возвратиться въ лоно матери церкви. Какъ видно, Платонъ для своей полемики избираетъ догматическую точку зрѣнія на обряды.

Конечно, различіе между догматами и обрядами высказывается не впервые Платономъ. Оно ясно сознано было уже въ предшествующей полемической литературѣ. Просвѣщенный взглядъ на догматы и обряды мы находимъ въ „Увѣщательныхъ пунктахъ“ Св. Синода[5]), также въ „Обличе-

---

[1]) Увѣщаніе, л. 105–106.

[2]) Тамъ же, л. 29.

[3]) Тамъ же, об. 105.

[4]) Всѣ эти мысли проводятся, хотя и не прямо, напр., въ трактатѣ о перстосложеніи.—Увѣщаніе, об. 44—л. 46.

[5]) Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Синода, т. I, СПБ., 1868 г., приложеніе XXXI, стр. CCCXVII—CCCXIX.

ніи“ Θеофилакта Лопатинскаго[1]); просвѣчиваетъ онъ въ „Розыскѣ“ св. Димитрія Ростовскаго[2]). Но у прежнихъ полемистовъ рѣчь о различіи догматовъ и обрядовъ выступала какъ бы случайно, то и дѣло затушевываясь такого рода разсужденіями, которыя вовсе не гармонировали съ указаннымъ взглядомъ. У Платона же догматическій взглядъ на обряды, помимо наиболѣе отчетливаго и послѣдовательнаго развитія, получаетъ значеніе основной мысли „Увѣщанія“. Выгоды такого пріема въ борьбѣ съ расколомъ очевидны. Расколъ коренится главнымъ образомъ на смѣшеніи обрядовъ съ догматами вѣры. Значитъ, и полемисту преимущественно слѣдовало заботиться уяснить правильное понятіе объ этихъ предметахъ. А это легче всего сдѣлать, поставивши мысль о различіи догматовъ и обрядовъ руководящею мыслью сочиненія, потому что каждая мысль наиболѣе рельефно выступаетъ только въ томъ случаѣ, когда она дѣлается основною мыслью разсужденія.

При постановкѣ полемики на догматическую почву, всѣ разности, за которыя такъ ревностно держались раскольники, какъ бы за самую сущность вѣры, сразу же отодвигались на второй планъ. Споръ изъ-за нихъ оказывался важнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы въ спорныхъ обрядахъ проводились какія-либо еретическія мысли, догматическія погрѣшности. Но такъ какъ этого нельзя было сказать ни о новыхъ, ни о старыхъ обычаяхъ, то, естественно, становилось невозможнымъ считать ихъ достаточными причинами для разрыва единенія съ церковью. Съ раскольниковъ снимался ореолъ величія борцовъ за истину, каковымъ они неправильно окружали себя. Предъ ними съ разительною ясностью раскрывалась иная, дѣйствительная картина ихъ положенія, которую, если они не видѣли, то только по своему невѣжеству. Между тѣмъ при другомъ характерѣ полемики старообрядцы, оставаясь въ принципіальномъ заблужденіи относительно обрядовой стороны религіи, не всегда способны были даже понять доводы полемистовъ. По-

[1]) Обличеніе, гл. I, об. 23, л. 30.
[2]) Розыскъ, ч. I, гл. 1—13, л. 1—15.

этому и опроверженія раскольничьихъ заблужденій не могли вполнѣ достигать своей цѣли.

Слѣдствіемъ рѣшенія спорныхъ вопросовъ съ догматической точки зрѣнія являлось лишь одно недоумѣніе, на которое Платонъ отвѣчаетъ, но отвѣчаетъ недостаточно основательно. Если обряды не имѣютъ существеннаго значенія въ дѣлѣ вѣры, если и старые обряды хороши, то зачѣмъ было измѣнять ихъ?—Платонъ отвѣчаетъ: чтобъ быть въ согласіи съ греческою церковью. Но являлся вопросъ, зачѣмъ нужно согласіе съ восточною церковью, если это согласіе, при несущественномъ значеніи обряда въ дѣлѣ вѣры, вовсе не важно. Здѣсь лучше было бы настоятельно проводить ту мысль, что церковь имѣетъ, вообще, право совершенствоваться въ своей внѣшней сторонѣ, измѣняя однѣ формы внѣшняго богопочтенія и замѣняя ихъ, по своему усмотрѣнію, другими, лучшими. Разъ было бы доказано, что всѣ разности раскольниковъ съ православными не составляютъ существеннаго въ христіанской религіи, было выяснено въ то же время, что на волѣ церкви лежитъ вводить новое въ этой области и уничтожать старое, то у раскольниковъ отнималось бы оружіе борьбы съ православными. Профессоръ Е. Е. Голубинскій въ своей статьѣ: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“[1]), разсуждая о недостаткахъ нашей полемики, полагаетъ, что борьба съ расколомъ приняла бы болѣе успѣшный характеръ, если бы было доказано православіе грековъ времени возникновенія раскола. Мнѣніе это опирается на томъ предположеніи, что раскольники по существу признавали необходимымъ согласіе съ греческою церковью, но они не находили этого нужнымъ только въ XVII в., потому что, какъ и большинство русскихъ людей до патріарха Никона, считали въ ту пору грековъ, вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ (Флорентійской уніи, паденія Константинополя и др.), утратившими православіе. Если даже допустить, что все это справедливо, и тогда сомнительно, чтобы раскольники удовлетворились однимъ сознаніемъ необходимости

[1]) Богословскій Вѣстн. 1892 г., мартъ, стр. 504—506; янв., стр. 60—76.

согласія русской церкви съ греческою и легко приняли бы обрядовыя „новшества“. Это особенно слѣдуетъ сказать относительно наиболѣе образованныхъ, которымъ не чуждо должно быть принципіальное рѣшеніе вопроса, т. е. относительно тѣхъ, которые могутъ скорѣе понять и доказательства православія греческой церкви въ разсматриваемую эпоху. Между тѣмъ, рѣшивши вопросъ о правѣ церкви преуспѣвать на лучшее, для защиты предпринятыхъ при патріархѣ Никонѣ нововведеній, нѣтъ и нужды доказывать православіе грековъ въ XVI—XVII вв.

Изъ всего сказаннаго относительно характера изслѣдованія въ „Увѣщаніи“ пунктовъ разногласія между православными и раскольниками видно, что полемика у Платона поставлена удачно, хотя развита не вполнѣ до конца.

При правильной постановкѣ полемики, для надлежащей ея цѣнности, необходимо еще, чтобы самыя полемическія сужденія имѣли извѣстныя достоинства.—Первое и наиболѣе важное требованіе, какое должно быть предъявлено всякой богословской мысли, тѣмъ болѣе, если эта мысль является для защиты церкви въ борьбѣ съ заблуждающимися, должно касаться ея догматической вѣрности. Само собою понятно, мысли, не составляющія дѣйствительнаго ученія церкви, а представляющія только личное мнѣніе полемиста, высказываемое сознательно, или вслѣдствіе собственнаго неяснаго представленія общецерковныхъ воззрѣній, не могутъ быть высоко цѣнимы, отодвигая нѣкоторымъ образомъ самого защитника православія въ число людей заблуждающихся. Высказанное правило со всею строгостью должно быть примѣнено къ сочиненію, гдѣ догматическая точка зрѣнія составляетъ основное положеніе. Въ „Увѣщаніи“ Платона требованіе догматической вѣрности мысли осуществляется весьма благопріятно. Догматическія сужденія у Платона не страдаютъ предосудительною для православнаго полемиста неустойчивостью и неопредѣленностью, какъ у нѣкоторыхъ его предшественниковъ, напр., у Полоцкаго, внесшаго въ свой „Жезлъ“ латинское мнѣніе о зачатіи пр. Богородицы[1]), или у Питирима, вызывающаго

[1]) Жезлъ Правленія, ч. I, возобл. 10, л. 35—36.

иногда на упрекъ неувѣренностью въ защищаемыхъ истинахъ[1]). Всѣ сужденія „Увѣщанія“ вполнѣ православны и выражаются тономъ полемиста, убѣжденнаго въ непреложности ихъ.

Какъ на одно изъ выдающихся достоинствъ полемики Платона, слѣдуетъ указать также на отсутствіе тенденціозности. Если для кого, то для полемиста особенно трудно удержаться на высотѣ полнаго безпристрастія. При защитѣ справедливости собственнаго положенія и доказываніи несостоятельности доводовъ противника, весьма легко увлечься и счесть все, что выставляется противникомъ, всецѣлымъ заблужденіемъ. Дѣйствительно, предшественники Платона не свободны въ этомъ отношеніи отъ упрековъ. Иногда они наперекоръ истинѣ стараются изобличить то, что совсѣмъ не заслуживало обличенія, а съ другой стороны, во что бы то ни стало оправдать отъ раскольничьихъ порицаній и то свое, что имѣло крайне сомнительную истинность; напр., Полоцкій защищаетъ Трифонову молитву, противъ которой справедливо возставали раскольники, вслѣдствіе ея страннаго содержанія[2]). Нужна, конечно, значительная сила ума и благородство сердца, чтобы отрѣшиться отъ всего традиціоннаго и предвзятаго, чтобы въ нѣкоторомъ смыслѣ стать выше всѣхъ спорныхъ разностей и взглянуть на нихъ съ точки зрѣнія справедливаго судіи. Такой жребій выпадаетъ на долю лишь не-

---

[1]) Думая, напр., сказать, что въ числѣ скрывающихся въ горахъ отъ обольщенія антихриста будутъ и пастыри церкви, Питиримъ однако говоритъ нерѣшительно: „в' многихъ отъ антихриста избѣгшихъ, негли обрящутся и от' священнаго чину і архіереи“ („Копие духовное“—рукопись Имп. Публ. Библіотеки, f., отдѣлъ I, № 189, отвѣтъ 12, л. 29). Полагая, что съ воцареніемъ антихриста жертва Христова „во градѣхъ и въ селѣхъ не будетъ приносітися за мучительство антихристово“, онъ затѣмъ по вопросу о вѣчности евхаристіи выражается такъ, какъ бы допускаетъ возможность противоположнаго положенія: „можетъ же і сіе быти“ (тамъ же, отвѣтъ 13, об. 31), „въ мѣстахъ сокровенныхъ можетъ приносітися безкровная жертва“ (тамъ же, отвѣтъ 12, л. 29); „а у крестящихъ двѣма персты ни церкве, ни архіереевъ, ниже прочихъ святыхъ таинъ, не точію тогда (т. е. въ гоненіе антихриста) не будетъ, но убо и нынѣ у нихъ уже по сіе настоящее время, вящьшее пятидесять лѣтъ, всего сего нѣсть и въпреди не имать быти“, (тамъ же, отвѣтъ 13, л. 32).

[2]) Жезлъ Правленія, ч. II, облич. 26, л. 110—115.

многихъ избранныхъ натуръ; выпалъ онъ и на долю автора „Увѣщанія". Платонъ первый относится съ полнымъ безпристрастіемъ къ старымъ обрядамъ, равно какъ и къ новымъ. Если въ послѣднихъ онъ не видитъ уклоненія церкви отъ чистоты вѣры, въ силу ихъ догматической вѣрности, то въ подобномъ же духѣ онъ разсуждаетъ и о старыхъ обрядахъ. Онъ далекъ отъ того, чтобы навязывать дониконовскимъ внѣшнимъ формамъ богопочтенія небывалое и неестественное толкованіе, которое мы нерѣдко встрѣчаемъ у прежнихъ полемистовъ. Для него и двуперстіе не заключаетъ въ себѣ несторіанской ереси[1]), такъ же, какъ и троеперстіе чуждо богострастной вопреки мнѣнію раскольниковъ[2]). Вообще, Платонъ разсуждаетъ подобно истому историку, который беретъ факты сами по себѣ, безъ отношенія ихъ къ своимъ личнымъ симпатіямъ.

Но развиваемыя въ каждомъ сочиненіи мысли, хорошія сами по себѣ, могутъ имѣть значеніе для противника только при условіи, если онѣ утверждаются на достаточно сильныхъ основаніяхъ. Посему намъ необходимо остановиться на доводахъ, приводимыхъ Платономъ въ защиту своихъ положеній.

Аргументація полемики у Платона та же, что и у его предшественниковъ, хотя въ характерѣ ея есть нѣкоторыя отличія. Прежде всего для каждаго защитника интересовъ церкви въ борьбѣ съ расколомъ неизбѣжнымъ представляется опираться на данныя, извлекаемыя изъ св. Писанія, а затѣмъ и св. Преданія. Это потому, что указанные источники христіанской истины имѣютъ непререкаемое значеніе и для раскольниковъ, и для православныхъ. Въ св. Писаніи, по мнѣнію раскольниковъ, какъ и православныхъ, лежитъ начало къ отысканію истины, исходный пунктъ всякихъ сужденій о ней. „Егда ереси, говорится въ одной уважаемой раскольниками книги, церковь возмущати начаша, ни единого иного истиннаго христіанскаго прибѣжища, иже правость вѣры хотятъ познати, кромѣ божественнаго Писа-

[1]) Пращица, отвѣтъ 28, л. 39.

[2]) Матеріалы для исторіи раскола, Н. Субботина, т. VII, стр. 292—293; т. IV, стр. 83.

нія, имѣти не могутъ.... Кто хощетъ познати, кая бяше Христова церковь, откуду ю познати имамы, не еже ли отъ святаго писанія“[1]). Съ неменьшимъ уваженіемъ старообрядцы смотрятъ и на авторитетъ св. Преданія, притомъ не только общецерковнаго, но и частнаго. Полемика, опираясь на указанныя начала, естественно, должна была пріобрѣтать надлежащую устойчивость и убѣдительность, такъ какъ борьба открывалась на одной и той же почвѣ.

Значеніе указанныхъ началъ въ борьбѣ съ расколомъ было сознано прекрасно съ самаго перваго времени появленія раскола. Во всѣхъ полемическихъ сочиненіяхъ второй половины XVII и первой XVIII вв. св. Писаніе и свидѣтельства отцовъ въ пользу доказываемыхъ пунктовъ и въ опроверженіе противоположныхъ выступаютъ на первомъ планѣ. Особенно сильною эрудиціею отмѣченнаго характера запечатлѣно знаменитое произведеніе Ростовскаго святителя: „Розыскъ о брынской вѣрѣ“.

Изъ всего сказаннаго выходитъ, что, основанная на св. Писаніи и св. Преданіи, аргументація являлась для Платона необходимою и традиціонною. Вопросъ теперь клонится только къ тому, какія особенности въ способѣ пользованія Платономъ указанными аргументами.

Прежніе полемисты обыкновенно старались въ подтвержденіе доказываемаго взгляда цитировать по возможности больше свидѣтельствъ изъ св. Писанія и отеческихъ твореній. Платонъ и здѣсь, какъ и всюду при развитіи своихъ мыслей, отличается краткостью. Онъ обращается къ авторитетнымъ аргументамъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо и когда такой пріемъ могъ вести дѣйствительно къ вѣскому утвержденію извѣстнаго положенія. Такъ, сравнительно съ другими полемистами, Платонъ немного приводитъ мѣстъ изъ св. Писанія и приводитъ ихъ не такъ, какъ его предшественники. Св. Димитрій Ростовскій, напр., почти всегда, для пониманія взятыхъ библейскихъ текстовъ, обращается къ толкованіямъ отеческимъ. Несомнѣнно, такой способъ пользованія св. Писаніемъ заслуживаетъ вообще одобренія; въ борьбѣ же съ раскольниками, приверженными къ буквѣ

[1]) Книга о вѣрѣ, Москва, 1896 г., гл. 23, об. 215--л. 216.

и авторитету отцовъ, онъ долженъ быть признанъ особенно пригоднымъ. Выгода его заключается въ томъ, что отеческое изъясненіе мѣстъ св. Писанія, пріобрѣтая силу и авторитетъ въ глазахъ раскольниковъ, устраняетъ возможность всякаго произвольнаго перетолкованія текста. Но пріемъ этотъ оказывается неудобнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отцы расходятся въ пониманіи нужнаго библейскаго выраженія, такъ какъ при этомъ открывается возможность противопоставить авторитету одного отца авторитетъ другого. Можетъ быть, руководясь подобными соображеніями, Платонъ не прибѣгаетъ къ отеческимъ толкованіямъ мѣстъ св Писанія, хотя имѣлъ блестящій примѣръ такого рода пользованія Библіею въ предшествующей полемической литературѣ. Дабы избѣгнуть всякой двусмысленности и поводовъ къ перетолкованію цитируемыхъ мѣстъ св. Писанія, Платонъ выбираетъ изъ Библіи лишь такія свидѣтельства, смыслъ которыхъ для всякаго очевиденъ самъ собою и потому особыхъ разъясненій не требовалъ; слѣдовательно, и въ авторитетныхъ толкованіяхъ не нуждался[1]).

Не обращаясь къ отеческимъ авторитетамъ, при разъясненіи смысла приводимыхъ мѣстъ св. Писанія, Платонъ и въ другихъ случаяхъ ни разу не цитируетъ ни одного частнаго свидѣтельства какого-либо отца церкви, для подкрѣпленія своихъ мыслей, какъ то дѣлали его предшественники. Пріемъ Платона легко объяснимъ и не въ ущербъ достоинству „Увѣщанія“. Задавшись, очевидно, цѣлью полемизировать лишь на почвѣ непререкаемыхъ данныхъ, Платонъ по этому самому частныя отеческія свидѣтельства замѣняетъ болѣе надежнымъ аргументомъ—ссылкою на общецерковное преданіе, относительно котораго не могло быть споровъ у православныхъ и раскольниковъ[2]).

Помимо св. Писанія и церковнаго Преданія въ широкомъ смыслѣ, Платонъ ссылается въ подтвержденіе своихъ мыслей на факты исторіи[3]). Какъ орудіе полемики, исторія, безусловно, есть одно изъ самыхъ сильныхъ и надежныхъ

---

[1]) См. Увѣщаніе, л. 51, 57, 109—111.

[2]) Тамъ же, л. 39—40; л. 59—61; об. 69.

[2]) Тамъ же, л. 38, 112—113.

средствъ. И понятно почему. Каждое заблужденіе получаетъ свое начало въ извѣстное время и при извѣстныхъ условіяхъ. Отсюда безпристрастное воспроизведеніе всѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ произошло зарожденіе того или иного отступленія, и уясненіе самаго процесса развитія его нерѣдко наилучшимъ образомъ можетъ показать, гдѣ истина. Какъ въ хорошемъ зеркалѣ предметъ отражается съ вѣрностью оригиналу, такъ и при историческомъ обозрѣніи вопроса истина сама собою предстаетъ предъ глазами каждаго. Она яснѣе становится и для противника, который вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ и тотъ путь, какимъ отошелъ отъ нея. Но здѣсь необходимо помнить, что далеко не всегда возможно для насъ вѣрное историческое освѣщеніе предмета. Очень часто, по отсутствію положительныхъ данныхъ, мы прямо должны отказаться отъ рѣшеній вопроса на почвѣ исторіи. Предъ нами можетъ быть лишь незначительное количество фактовъ, которые касаются разбираемаго пункта христіанскаго ученія или обряда, притомъ эти факты могутъ подлежать еще сомнѣнію, а съ другой стороны у насъ могутъ оказаться, для защиты противоположнаго пункта, данныя, повидимому, малымъ чѣмъ уступающія первымъ. При такомъ положеніи дѣла, разсужденія на почвѣ исторіи, не могутъ принести ожидаемой пользы. Самое большее, что они въ состояніи дать на этотъ разъ, такъ это результатъ отрицательнаго свойства: историческое рѣшеніе вопроса невозможно. Держаться крѣпко за исторію, при защитѣ того или иного пункта, даже не безопасно для полемиста, коль скоро исторія выставляетъ оба мнѣнія въ одинаковомъ свѣтѣ и для человѣка не заинтересованнаго ни въ одномъ изъ нихъ; тогда для предвзятаго субъекта его мнѣніе уже покажется полною истиною. Въ томъ и состояла ошибка прежнихъ полемистовъ, что они въ борьбѣ съ расколомъ старались нерѣдко основывать историческимъ путемъ такія обрядовыя разности, на которыя въ памятникахъ прошлаго весьма мало указаній, притомъ нѣкоторыя изъ извѣстныхъ свидѣтельствъ не выдерживали серьезной критики. Для примѣра укажемъ на пріемы разсужденій доекатерининскихъ полемистовъ о перстосложеніи. Если мы посмотримъ

что за доказательства они приводили изъ исторіи въ пользу троеперстія, то увидимъ, какъ ихъ доводы мало убѣдительны, особенно если ихъ сравнить съ основаніями древности двуперстія. Возведеніе къ апостольскому времени троеперстія[1]) для всякаго мыслящаго человѣка представляется столь же мало вѣроятнымъ, какъ и возведеніе ко времени Христа двуперстія, сдѣланное Стоглавымъ соборомъ[2]). Если со вторымъ согласиться нелѣпо, потому что тогда еще крестъ не былъ прославленъ и, слѣдовательно, не могъ быть употребляемъ для цѣлей религіозно-обрядовыхъ, то и перваго допустить нельзя, по отсутствію положительныхъ данныхъ; а апріорныя соображенія здѣсь скорѣе могутъ говорить не въ пользу троеперстія. „Всякому и малопросвѣщенному хрістіанину, интересно разсуждаетъ о томъ же самъ Платонъ, весьма извѣстно, что Хрістосъ благословляя двуперстное ли, или троеперстное сложеніе имѣлъ, или никаковаго, никакъ доказать сего не можно; а паче явно, яко и совсѣмъ до его божественнаго благословенія, сіе перстовъ сложеніе было не нужно“[3]). Позднѣйшія же свидѣтельства троеперстія, въ родѣ спора съ Панагіотомъ Азимита или свидѣтельства студійскаго монаха Дамаскина XVI в.[4]), надлежащей силы имѣть не могутъ частью потому, что опровергаются подобными же авторитетными свидѣтельствами противоположнаго свойства[5]), частью по своей неясности. Наконецъ, нѣкоторые памятники въ различныхъ своихъ редакціяхъ подтверждали то одно, то другое перстосложеніе[6]) и потому, если ужъ могли приводиться въ пользу извѣстнаго положенія, то не иначе какъ только послѣ пред-

---

[1]) Жезлъ Правленія, ч. I, возобл. 21, л. и об. 57; Увѣтъ Духовный, гл. 8, л. 128; Розыскъ, ч. II, гл. 25, об. 179; Пращица, вопр. 75, об. 144—л. 145.

[2]) Стоглавъ, гл. 31, стр. 137.

[3]) Краткая Церковная Россійская Исторія м. Платона, т. II, стр. 35.

[4]) Жезлъ Правленія, ч. I, возобл. 21, л. 58; Увѣтъ Духовный гл. 8, л. 132, об. 135—л. 136.

[5]) Соборъ Стогл. въ XVI в. о двуперстіи.—Стоглавъ, гл. 31, стр. 135—140.

[6]) Ѳеодоритово слово.—Различный текстъ его см. въ изданіи Братства св. Петра, Москва, 1886 г., стр. 13—36.

варительной серьезной критики разночтенія. А этой критики мы не видимъ у нашихъ полемистовъ. Что же касается такихъ историческихъ документовъ, какъ „Сказаніе на Мартина еретика“ у Питирима, то ссылки на нихъ, несомнѣнно, должны были вредить защитѣ православія. Во избѣжаніе перечисленныхъ неудобствъ при пользованіи исторіею, Платонъ обращается къ ней обыкновенно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ея свидѣтельства выше всякаго подозрѣнія: ясны, сильны, неопровержимы и одинаково признаются какъ православными, такъ и раскольниками.

Наконецъ, Платонъ, при развитіи своихъ мыслей обращается, къ старопечатнымъ книгамъ[1]). Данныя, извлекаемыя изъ этого источника, имѣютъ большое значеніе въ борьбѣ съ расколомъ по причинѣ уваженія, которое усвояютъ старымъ книгамъ раскольники.

Недостаткомъ аргументаціи Платона можно считать сравнительно малое пользованіе историческимъ матеріаломъ и старопечатными книгами, вслѣдствіе чего въ сочиненіи иногда являлась недосказанность и даже голословность[2]). Но нужно помнить, что сочиненіе Платона—все же произведеніе позапрошлаго вѣка, когда у насъ, вообще, наука стояла не высоко, а науки исторіи и обличенія раскола совсѣмъ не было. Между тѣмъ извѣстно, какъ трудно добываются твердыя научныя положенія; иногда для этого нужно нѣсколько десятковъ лѣтъ неутомимой работы многочисленныхъ изслѣдователей. Если и теперь, т. е. спустя $1^1/_2$ столѣтія, историческія изслѣдованія относительно обрядовыхъ разностей заставляютъ еще многаго желать, то, понятно, немыслимо было одному Платону сдѣлать въ этой области вполнѣ достаточныя справки. Указанный недостатокъ легко

---

[1]) Увѣщаніе, об. 53, л. 65, об. 66.—Цитаты, приводимыя Платономъ изъ всѣхъ перечисленныхъ источниковъ, вѣрны, хотя самое цитированіе не всегда отличается точностью; такъ, иногда указывая главу св. Писанія, въ которой содержится нужное мѣсто, онъ не указываетъ стиха (Увѣщ., л. 30, л. 51). Вышеприведенная же неправильность (стр. 70) въ цитаціи правила Ѳеофила Александрійскаго—7 вмѣсто 8, быть можетъ, объясняется опечаткою.

[2]) Увѣщаніе, л. 62.—См. стр. 71 настоящаго изслѣдованія.

объяснимъ также краткостью времени, въ которое было писано „Увѣщаніе“[1]). Словомъ, если „Увѣщаніе“ Платона во многихъ отношеніяхъ можетъ выдержать современную критику, то со стороны аргументаціи къ нему приложима только историческая мѣрка.

Вмѣстѣ съ внутреннимъ содержаніемъ во всякомъ литературномъ произведеніи имѣетъ значеніе способъ развитія мыслей, планъ и стиль сочиненія, а въ полемическихъ трудахъ, помимо того, весьма важную роль играетъ еще тонъ рѣчи. Поэтому мы должны разсмотрѣть „Увѣщаніе“ и съ указанныхъ сторонъ.

Если авторъ имѣетъ въ виду сильнѣе и вѣрнѣе напечатлѣть въ умѣ читателя свои мысли, то онъ долженъ сообразоваться въ изложеніи ихъ съ требованіями логики, ибо только строгое соблюденіе законовъ нашего мышленія можетъ сообщить изложенію убѣдительность. Конечно, мы не вправѣ прилагать всѣхъ современныхъ требованій отъ изложенія къ произведеніямъ далекаго прошлаго. Послѣднія всегда найдутъ много извиняющихъ условій для своихъ недостатковъ. Такъ, для „Жезла Правленія“ Симеона Полоцкаго, „Увѣта“ патріарха Іоакима, равно и для „Пращицы“ Питирима планъ опредѣлялся тѣми сочиненіями, противъ которыхъ они написаны. Отсюда безпорядокъ, который мы встрѣчаемъ въ расположеніи обличеній въ челобитныхъ Никиты, Лазаря и Соловецкой, также въ Керженскихъ вопросахъ, сдѣлался достояніемъ и сочиненій, написанныхъ въ опроверженіе ихъ. Въ поименованныхъ полемическихъ трудахъ каждый отвѣтъ или опроверженіе извѣстнаго раскольническаго обличенія имѣетъ вполнѣ самостоятельное значеніе и обособленность отъ всѣхъ другихъ. Эта черта характерно отображается особенно въ сочиненіи Полоцкаго. Авторъ „Жезла“ считаетъ какъ бы своимъ долгомъ почти каждое возобличеніе начинать общими какими-либо мыслями и тѣмъ рельефно оттѣнять самостоятельность его. По-

---

[1]) Въ іюнѣ 1765 г. совершилось разграбленіе Зеленецкаго монастыря, а 13 декабря того же года „Увѣщаніе“ уже было напечатано.— Предисловіе „Увѣщанія“, об. 3 и выходной листъ.

добнымъ же образомъ поступаетъ и патріархъ Іоакимъ въ своемъ „Увѣтѣ“. Общія мысли, притомъ не имѣющія иногда никакого отношенія къ послѣдующему опроверженію, и здѣсь большею частью предшествуютъ „искорененію безумства и злобы раскольниковъ“[1]). Гораздо выше указанныхъ сочиненій стоитъ полемическое произведеніе Ростовскаго святителя. Авторъ „Розыска“ каждый пунктъ своихъ разсужденій обыкновенно предваряетъ общимъ замѣчаніемъ, каково должно быть истинное ученіе. Затѣмъ основательными доводами доказываетъ лживость раскольничьихъ умствованій по взятому вопросу. Но св. Димитрій не нашелъ основной мысли излагаемаго имъ матеріала, съ точки зрѣнія которой все содержаніе его произведенія само собою распадалось бы на извѣстныя части. Представленное же имъ дѣленіе полемическаго матеріала совершенно внѣшнее, механическое. Розыскъ раздѣляется на 3 части—„о вѣрѣ“, „о ученіи“, „о дѣлахъ“, но первый отдѣлъ явно сливается по содержанію со вторымъ. Также искусственно каждая часть подраздѣляется на статьи, напр., содержаніемъ первой статьи служитъ отвѣтъ на вопросъ: „есть ли вѣра ихъ (раскольниковъ) правая“; содержаніемъ второй статьи той же первой части—доказательство, что вѣра раскольниковъ „нестарая“...; предметъ обѣихъ статей въ сущности одинъ и тотъ же; въ разграниченіи его на особыя статьи не было надобности. Дробленіе однороднаго матеріала замѣчается и въ частныхъ подраздѣленіяхъ статей на главы; такъ, объ антихристѣ и времени послѣднемъ св. Димитрій говоритъ въ различныхъ главахъ[2]), равно о четвероконечномъ крестѣ[3]), о св. иконахъ[4]) и т. д.

По сравненію съ предшествующими указанными произведеніями, „Увѣщаніе“ Платона имѣетъ значительное превосходство. Планъ его опредѣляется существомъ самаго предмета, а не заимствуется отвнѣ, отъ чего-либо случай-

---

[1]) Статьи 1, 2, 4.

[2]) „О антихристѣ“—ч. II, глава 5; „о времени послѣднемъ“—ч. II, гл. 16.

[3]) Ч. I, гл. 6; ч. II, гл. 24.

[4]) Ч. I, гл. 5; ч. II, гл. 12.

наго, не имѣющаго внутренняго родства съ разсматриваемымъ предметомъ. Въ сочиненіи есть руководящая идея, которая глубоко проникаетъ частныя сужденія Платона; послѣднія являются только развитіемъ или доказательствомъ главнаго положенія. Въ силѣ вѣры раскольники согласны съ нами и спорятъ только изъ-за мелкостей,—вотъ принципъ, съ точки зрѣнія котораго Платонъ разбираетъ обрядовыя разности. Перстосложеніе, хожденіе посолонь, седмипросфоріе и т. д., все это такія вещи, которыя сами по себѣ къ догматамъ вѣры не относятся и потому достаточною причиною церковнаго раздора быть не могутъ. Отсюда у него естественный призывъ заблуждающихся къ церковному единенію.—Полному единству и стройности „Увѣщанія“ мѣшаетъ лишь недостаточно ясная связь разбора разностей съ предшествующею исторіею книжнаго исправленія. Равнымъ образомъ естественный ходъ мыслей нарушаетъ и вставочный отдѣлъ о самосожигательствѣ.

Въ отношеніи стиля „Увѣщаніе“ также стоитъ на высотѣ своей задачи. Рѣчь Платона ясна, проста и безыскусственна, отличаясь въ то же время правильностью и точностью. Ей чужды напыщенность и риторизмъ, которыми нерѣдко страдали предшествующія полемическія произведенія. А эти качества должны быть особенно цѣнимы, если мы вспомнимъ, когда написано „Увѣщаніе“. То было время господства въ Россіи ложно-классическаго направленія со всею его витіеватостью и неестественностью. Еще только что скончался лучшій нашъ представитель ложно-классицизма Ломоносовъ и ужъ взошла поэтическая звѣзда екатерининской эпохи—Державинъ, эти выдающіеся литераторы и стилисты своего времени, которые однако въ своихъ трудахъ далеко не безупречны въ напыщенности.—Мало того, какъ истинный ораторъ, хорошо знающій мотивы человѣческихъ дѣйствій, Платонъ сообщаетъ своей рѣчи необыкновенную живость и выразительность, тѣ качества, которыя дѣлаютъ слово истинно-краснорѣчивымъ, придавая ему силу и убѣдительность. Въ „Увѣщаніи“ нѣтъ и тѣни той растянутости слога, той утомительности, которыя ослабляютъ энергію читателя, заставляя его вяло и холодно относиться къ са-

мымъ мыслямъ. Напротивъ, оно проникнуто горячимъ одушевленіемъ, которое невольно передается читателю и увлекаетъ его. Недаромъ проповѣди Платона производили обаяніе на слушателей: оно зависѣло, правда, много отъ образцоваго произношенія Платона, но главнымъ образомъ, по нашему мнѣнію, отъ необычайнаго подъема духа оратора, отъ искренняго одушевленія. „Увѣщаніе“ же среди ораторскихъ произведеній великаго іерарха является наиболѣе сильнымъ. „Скажите вы, именующіися старовѣры, возглашаетъ, напр., Платонъ отъ лица св. церкви, скажите, почто вы отъ насъ отлучаетесь; вы въ единаго Бога во святѣй Троицѣ славимаго вѣруете такъ, какъ и мы; вы Спасителя міру Господа нашего Іисуса Христа исповѣдуете такъ, какъ и мы; вы священное евангеліе и святыя вселенскія и помѣстныя соборы за правило вѣры и благочестиваго житія почитаете такъ, какъ и мы; вы ожидаете воскресенія мертвыхъ такъ, какъ и мы; вы содержите, что имѣетъ быть награжденіе благимъ и наказаніе злымъ такъ, какъ и мы. А въ сихъ членахъ содержится вся сила вѣры.... Такъ почто же отъ насъ отлучаетесь; почто Христову церковь мать нашу оставляете; почто любовь, которою насъ связалъ дражайшій Спаситель разрываете; почто нарушаете вѣчный евангельскій завѣтъ, которымъ мы въ единомысліе и согласіе призваны“[1]). А разборъ одной изъ мелкостей, поставляемыхъ раскольниками въ числѣ основаній для отдѣленія отъ церкви, Платонъ заключаетъ слѣдующими словами. „Крещенія тайна есть вступленіе въ завѣтъ съ Богомъ. Сей вѣчный завѣтъ, утвержденный кровію Христовою, вы разоряете и ставите въ ничто для того только, что у насъ при купѣли не ходятъ съ лѣва направо. Очувствуйтесь и содрогнитесь отъ нелицемѣрнаго судіи: не о томъ много разсуждайте, съ права ли на лѣво, или съ лѣва на право около купѣли ходить надобно: но о томъ подумайте, какъ бы обязательство, въ святомъ крещеніи принятое, исполнить и удостоиться въ страшномъ Христовомъ пришествіи стать на правой странѣ праведныхъ, а не на лѣвой погибаю-

[1]) Увѣщаніе, л. 29—31.

щихъ“[1]). Приведенныя страницы не единственныя въ „Увѣщаніи“; высокимъ вдохновеніемъ оратора дышетъ все произведеніе Платона.

Если мы теперь остановимъ свое вниманіе на тонѣ полемическихъ произведеній, появившихся ранѣе „Увѣщанія“, то насъ поразитъ рѣзкость рѣчи, грубость и безцеремонность выраженій. Полоцкій, напр., какъ будто даже не находитъ достаточно эпитетовъ для Никиты и Лазаря. „Свинья еси, замѣчаетъ онъ о первомъ, попирающая бисеры, не зная ихъ цѣны; вепрь еси гнусный въ царскомъ вертоградѣ...., яко бо козлищъ благая и плодоносная древеса объядаетъ и губитъ, свинья же скверномъ носомъ вертоградъ рыетъ и невочтожествуетъ: тако скотоумный сей Никита сотвори въ садѣ благоплодовитомъ“[2]). „О невѣжду, о безумне, о злобниче, выражается онъ о Лазарѣ, сіе твое обличеніе оплевати паче и обругати подобаетъ и уста лживыя жезломъ, аки псу лающему, заградити, неже отвѣтъ давати“[3]). Неменьшими рѣзкостями наполнены и другія противораскольничьи сочиненія: „Увѣтъ Духовный“[4]), „Розыскъ“[5]), „Обличеніе неправды“[6]). Конечно, въ ту пору было много извиняющихъ обстоятельствъ для несдержаннаго полемическаго тона, и самое главное изъ нихъ заключалось въ первоначальныхъ весьма рѣзкихъ порицаніяхъ со стороны самихъ раскольниковъ, которыя служили какъ бы вызовомъ на подобный способъ борьбы для ревнителей православной истины. Но съ идеальной точки зрѣнія рѣзкій тонъ полемики никогда не можетъ быть оправданъ, потому что онъ противорѣчитъ евангельскому духу. Къ тому же и дѣйствіе его на заблуждающихся самое нежелательное. Какъ вѣрованія религіозныя, съ которыми связывается наиважнѣйшій вопросъ о спасеніи человѣка, раскольничьи

---

[1]) Увѣщаніе, л. 70—71.

[2]) Жезлъ Правл., ч. I, возобл. I, л. 20; возобл. 6, об. 29—л. 30.

[3]) Тамъ же, ч. II, возобл. 15, л. 102—103.

[4]) См., напр., гл. 16, л. 193, об. 197; гл. 23, л. 243—244.

[5]) См., напр., ч. I, гл. 15, об. 18; гл. 17, л. 22; гл. 20, об. 27; ч. II, гл. 33, л. 205.

[6]) См. гл. 3, л. 68; гл. 6, л. 100—102; гл. 4, л. 83.

убѣжденія, хотя бы и ложныя, составляютъ для старообрядцевъ самое дорогое, самое святое достояніе. Поэтому всякое рѣзкое, насмѣшливое или бранное слово является для приверженцевъ старины посягательствомъ на святость ихъ вѣрованій. Оно оскорбляетъ религіозное ихъ чувство и, естественно, возбуждетъ непріязнь къ противнику, которая легко затѣмъ переносится на самую православную церковь. На этой ступени раскольникъ уже не заботится о томъ, чтобы узнать, гдѣ истина, а старается только отыскать недостатки православія, чтобы изрыгать новыя хулы на церковь. И въ своихъ порицаніяхъ онъ уже не удовлетворяется мѣрою своего обличителя. Раздраженный и озлобленный онъ неудержимо стремится дальше по наклонной плоскости, особенно, когда его умственное развитіе не высоко, какъ у большинства старообрядцевъ.

Сравнивая тонъ „Увѣщанія“ съ тономъ предшествующей полемики, мы должны сказать, что Платонъ въ этомъ отношеніи является безпримѣрнымъ, пролагая совершенно новый путь для характера борьбы съ расколомъ на послѣдующее время. Все его сочиненіе, отъ первой страницы до послѣдней, согрѣто неподдѣльною глубокою любовью къ заблуждающимся. Наиболѣе рельефно эта любовь выступаетъ въ заключительныхъ обращеніяхъ Платона къ старообрядцамъ. „Какими слезами, разсуждаетъ онъ, можно довольно оплакать всѣ сіи заблужденія? могла ли церковь Христова подумать, что такая приключится ей язва отъ собственныхъ чадъ?...“[1]). „Дѣти мои заблуждающія“! вопіетъ она „умиленнымъ гласомъ“, „вы болѣзни моего рожденія, коимъ духовно родилися, презираете, но и самую утробу, которая васъ родила, терзаете. Доколѣ будете тяжки сердцемъ? я васъ не презираю, и о васъ попеченіе свое оставить не могу. Не люблю ли васъ? Богъ свидѣтель: яко люблю, желая спасенія вамъ. Я тщусь, я призываю святаго Духа, дабы онъ своимъ всемогущимъ дѣйствіемъ паки образъ Іисуса Христа въ сердцѣ вашемъ написалъ, которой вы своимъ непослушаніемъ загладили“[2]). „О коликою бы радостію и весе-

[1]) Увѣщаніе, об. 28.

[2]) Тамъ же, об. 115—л. 116.

ліемъ тогда наполнили вы небо и землю! На земли святая церковь радостныя бы пролила слезъ токи, увидя своихъ чадъ къ себѣ возвращаемыхъ“[1]). „Самъ Отецъ небесный невидимо принялъ бы васъ въ свои объятія“[2]). Вотъ истинно-евангельскій призывъ души, болѣзнующей о погибели немощной братіи, рѣчь глубоко-дѣйственная. Она способна размягчить самое черствое сердце. Читатель невольно проникается довѣріемъ къ полемисту; у него открывается дѣйствительное желаніе найти истину. Между нимъ и авторомъ незамѣтно устанавливается неизъяснимая связь. Увѣщаніе дѣлается для него близкимъ, дорогимъ, такъ что ему трудно становится оторваться отъ чтенія сочиненія. Онъ болѣетъ душею, какъ болѣлъ самъ авторъ: впечатлѣніе неотразимо!

Среди архивныхъ документовъ сохранились и свидѣтельства касательно значенія „Увѣщанія“ для обращенія раскольниковъ. Въ дѣлахъ св. Синода мы встрѣчаемъ такой случай съ монахомъ раскольничьяго Исаакіева Иргизскаго скита Филаретомъ. Въ скитъ пріѣзжалъ священникъ сосѣдняго села. Филаретъ увидѣлъ у него „сочиненную въ 1766 г. о увѣщаніи раскольниковъ книжицу, которую онъ, Филаретъ, по собственному его разсказу, выпрося у него, священника, читавъ со вниманіемъ и познавъ, что ихъ раскольническая вѣра несправедлива, положилъ („положа“) намѣреніе къ соединенію св. восточной каѳолической церкви“. „Увѣщаніе“ произвело на раскольника такое впечатлѣніе, что онъ предпринялъ путешествіе къ автору книжицы дальнѣйшее „получить наставленіе“[3]).—Въ 80 годахъ XVIII в. выработкою мѣръ противъ распространенія раскола зани-

---

[1]) Увѣщаніе, л. 118.

[2]) Тамъ же, л. 119.

[3]) Преосвященный Платонъ отправилъ Филарета въ Желтиковъ монастырь, но здѣшніе іеромонахи не съумѣли воспитать благихъ ростковъ въ обращавшемся раскольникѣ, поддержать въ немъ то, что пробудилось чрезъ чтеніе „Увѣщанія“ Платона. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ опредѣленія въ православный монастырь, Филаретъ скрылся изъ него.—Архивъ св. Синода, дѣло 1774 года мая 12, № 406.

малась особая комиссія. Среди проэктовъ этой комиссіи находится одинъ небольшой документъ, касающійся „напечатанной для раскольниковъ увѣщательной книги“, т. е. „Увѣщанія“ м. Платона,—документъ интересный, какъ показатель признанія правящими сферами за „Увѣщаніемъ“ извѣстной значимости въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ. Въ немъ предлагается „предписать: 1) чтобъ оные книги (т. е. экземпляры „Увѣщанія“) разослать ко всѣмъ архіереямъ по неравному числу, въ разсужденіи, гдѣ больше или меньше раскольниковъ; 2) чтобъ архіереи, коли возможно, и способное избравъ время сами съѣздили въ тѣ мѣста, гдѣ много раскольниковъ, и изыскавъ способъ, не употребляя принужденія, потщались бы оное увѣщаніе, съ своимъ изъясненіемъ и наставленіемъ раскольникамъ читать; 3) чтобъ архіереи оные книжицы сообщивъ священникамъ наилучшимъ и разумнымъ, такъ же въ нѣкоторые монастыри и въ духовныя правленія, приказали ихъ по воскреснымъ днямъ, раздѣля на невеликіе части, читать всякой годъ однажды; 4) чтобъ священники раскольниковъ приглашали къ себѣ въ домъ, или бы къ нимъ въ домы ходили, для прочтенія онаго Увѣщанія, но не употребляя никакова принужденія и насильства; 5) чтобъ оные книжицы раздаваемы были и самимъ раскольникамъ, но не дѣлая въ томъ никакова принужденія; 6) чтобъ архіереи, о успѣхѣ сихъ увѣщаній, въ первой годъ три раза репортовали, а впредь погодно; 7) ежели бъ гдѣ не доставало оныхъ книжицъ, должны о томъ архіереи представлять“[1]).

Послѣ того, какъ мы разсмотрѣли „Увѣщаніе“, не трудно видѣть, что литературно-полемическая дѣятельность м. Платона была прямымъ результатомъ его взгляда на расколъ. Онъ широко развиваетъ правильное понятіе объ обрядѣ, стремясь такимъ образомъ въ корнѣ подорвать невѣжественный взглядъ на этотъ предметъ, лежавшій въ основѣ раскола. Съ другой стороны, своей рѣчи онъ сообщаетъ евангельскій духъ любви, надѣясь мягкостью поколебать

[1]) Государственный Архивъ М. И. Д., дѣло 1784 г., разрядъ XVIII, № 304, безъ счета листовъ, первые листы.

упорство раскольниковъ и предрасположить ихъ къ принятію истины. И „Увѣщаніе“, несмотря на всю свою краткость, столь удачно разсуждаетъ, что вполнѣ достигаетъ своей цѣли[1]), такъ что вообще полемику Платона противъ раскола по справедливости слѣдуетъ признать полемикою весьма высокаго достоинства.

---

[1]) Потому-то оно и издавалось много разъ.—Очеркъ славяно-русской библіограф. Ундольскаго, Москва, 1871 г., №№ 2433, 2490, 3613. Дополненіе къ „Очерку“, состав. Бычковымъ, №№ 59, 69, 210, 326 и въ полномъ собран. соч. Платона, т. VI.

ГЛАВА III.

Пастырская дѣятельность Платона противъ раскола въ санѣ архіепископа Тверского.

Необширность противораскольничьей дѣятельности архіепископа Платона въ Тверской епархіи; причины сего. Мѣры архіепископа Платона противъ раскола въ Тверской епархіи: увѣщанія въ духѣ любви; улучшеніе различныхъ сторонъ церковной жизни; обращенія къ содѣйствію гражданской власти и общества.

Послѣ знаменитаго своего полемическаго труда Платонъ выступаетъ на борьбу съ расколомъ съ пастырскою дѣятельностью. Архипастырскія противораскольничьи мѣропріятія Платона начинаются въ епархіи, которая была первою для святительскаго служенія Платона и продолжаются на той каѳедрѣ, которой онъ посвятилъ всѣ послѣдующіе годы своего святительства,—начинаются въ Твери, продолжаются въ Москвѣ.

Въ Твери Платонъ не могъ обнаружить своихъ заботъ по искорененію раскола въ широкихъ размѣрахъ. Это зависѣло прежде всего отъ краткости срока, въ которой Платонъ состоялъ Тверскимъ архіепископомъ. Тверскую каѳедру онъ занималъ четыре года съ нѣсколькими мѣсяцами[1]).

[1]) Саномъ Тверского архіепископа Платонъ пожалованъ былъ 22 сентября 1770 г., посвященъ 10 октября (въ Петербургѣ), а указъ о переводѣ изъ Твери на каѳедру Московскаго святителя онъ получилъ 1775 г. 21 января.—Архивъ Св. Синода, дѣло 1770 г. окт. 14, № 335; дѣло 1775 г. янв. 27, №№ 151, 152. Автобіографія митр. Платона, напеч. въ Душеполезн. Чтеніи 1887 г., августъ, стр. 400, 404.

Іоаннъ Архіепископъ Тверскій.

Рисунокъ 2.

Но изъ этого періода большую часть времени онъ жилъ въ Петербургѣ, по обязанности законоучителя наслѣдника престола Павла Петровича. Къ Тверской паствѣ онъ являлся только въ періоды своихъ отпусковъ. Ихъ Платонъ имѣлъ два за время своего архіепископства въ Тверской епархіи, —первый въ 1771 г., второй въ 1774—75 г., въ общемъ настолько непродолжительные, что изъ нихъ нельзя составить даже года полтора[1]). Съ другой стороны въ Твери архіепи-

[1]) Отъ 23 января 1774 г. Платонъ писалъ Императрицѣ Екатеринѣ: „Имѣя врученную мнѣ по Божію и Вашего Императорскаго Величества благоволенію Епархію, чувствую на совѣсти моей всегдашній долгъ, дабы во управленіи оныя соотвѣтствовать тѣмъ обязательствамъ, которыя на меня возложены Божіими и Вашего Императорскаго Величества законами.—Чему дабы я могъ совершеннѣе удовлетворить, почитаю за нужное видѣть персонально состояніе церквей, духовенства и паствы. И хотя я по всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества дозволенію въ 1771-мъ году въ Епархію на четыре мѣсяца былъ отпущенъ, но въ оное краткое время по новости моей во все, что нужно было, персонально взойти не имѣлъ удобности. Того ради Ваше Императорское Величество всенижайше прошу... всемилостивѣйше уволить въ Епархію на годъ". Каковой отпускъ ему и разрѣшенъ былъ (Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ XVIII, дѣло 1774 г., № 277). Итакъ, по оффиціальнымъ документамъ, преосвященный Платонъ въ 1771 г. имѣлъ отпускъ въ свою епархію на четыре мѣсяца, въ 1774 г.—на годъ. По автобіографіи преосвященнаго Платона, онъ увольняемъ былъ въ епархію „въ 1771 г. на полгода" (Автобіографія м. Платона, напеч. въ „Душепол. Чтеніи" 1887 г., авг., стран. 403). Также и въ біографіи, составленной издателями 2-го тома сочиненій Платона, относительно перваго его отпуска сказано: „по истеченіи 6-мѣсячнаго времени возвратился онъ паки къ должности своей въ Санктпетербургъ" (Поучительныя слова и другія сочин. Арх. Платона, напеч. отъ Московской академіи, т. II, предисловіе). Вѣроятно, оффиціально онъ получилъ увольненіе на четыре мѣсяца, а неоффиціально пробылъ въ епархіи нѣсколько долѣе, полгода, если только данныя автобіографіи и предисловія 2-го тома сочиненій Платона, не простая неточность. Вторичнымъ отпускомъ Платонъ не всѣмъ воспользовался для Тверской епархіи. Онъ получилъ его съ тѣмъ, чтобы „остаться до второй недѣли великаго поста, чему, писалъ Платонъ, повинуюсь съ охотою моею и радостію" (Государственный Архивъ М. И. Д., разр. XVIII, дѣло 1774 г., № 277). А 27 января слѣдующаго года онъ уже прибылъ изъ Твери къ мѣсту новаго своего назначенія (Автоб., нап. въ Душ. Чт. 1887 г., авг., стр. 407). При этомъ пребываніе Платона въ Тверской епархіи сокращалось поѣздками его въ Сергіеву лавру, въ 1774 г. на три мѣсяца: Платонъ оставался священно-архимандритомъ Сергіевой лавры и по назна-

скопу Платону мало представлялось поводовъ для дѣйствій противъ раскола, вслѣдствіе малочисленности старообрядцевъ въ то время въ предѣлахъ Тверской епархіи. Мы не имѣемъ свѣдѣній относительно количества раскольниковъ за годы управленія Тверской епархіею Платономъ, но у насъ есть синодальная вѣдомость о числѣ раскольниковъ въ епархіяхъ, въ томъ числѣ и Тверской, изъ времени самаго близкаго къ пребыванію Платона въ Твери, именно, за 1776 г. По этой вѣдомости записныхъ раскольниковъ въ Тверской епархіи значится мужского пола 785, женскаго 1040. Слѣдовательно, оффиціально извѣстныхъ раскольниковъ въ 1776 г. считалось въ Тверской епархіи менѣе 2000 (1825) человѣкъ[1]). Полагаемъ, и въ архіепископство Платона число старообрядцевъ немногимъ отличалось отъ приведенной нами цифры. Слѣдуетъ только къ числу открытыхъ раскольниковъ прибавить еще нѣкоторое количество тайно приверженныхъ къ старымъ книгамъ и обрядамъ, каковое число не могло, конечно, значительно разниться отъ количества явныхъ раскольниковъ [2]). Но хотя борьба Платона противъ раскола въ Тверской епархіи не принимала широкихъ размѣровъ, однако уже и здѣсь Платонъ успѣлъ проявить характерныя черты своей будущей противораскольничьей дѣятельности на Московской каѳедрѣ,—проявить, впрочемъ, не всюду полно и опредѣленно, такъ что противораскольничья дѣятельность Платона въ Твери по отношенію къ подобной же его дѣятельности въ Москвѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ представляется какъ бы не вполнѣ развитою и законченною программою. Вслѣдствіе сказаннаго, въ отдѣлѣ противораскольничьей пастырской дѣятельности Платона въ Тверской епархіи мы находимъ

ченіи въ Тверь (Автоб., нап. въ Душ. Чт. 1887 г., авг., стр. 400, 403—404). Словомъ, время непосредственнаго обозрѣнія и управленія Тверскою епархіею должно быть исчислено въ одинъ годъ съ нѣсколькими мѣсяцами.

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1776 г. окт. 12, № 329.

[2]) Главные раскольничьи центры въ Тверской епархіи составляли г. Ржевъ и с. Кимры, Корчевскаго уѣзда. Въ Ржевѣ старообрядцы располагали, при вступленіи Платона въ Тверскую архіепископію, семью часовнями (Арх. Тверск. консист., книга указовъ за 1770 г., л. 120—121); сильны они были и въ Кимрахъ (тамъ же, дѣло по церкви с. Кимръ, Корчевскаго уѣзда, 1773 г., № 25).

наиболѣе естественнымъ ограничиться преимущественно однимъ изложеніемъ этой дѣятельности. Возможно же полная оцѣнка ея станетъ очевидною послѣ оцѣнки одинаковой по характеру, но болѣе подробной въ своемъ проявленіи противораскольничьей дѣятельности Платона въ Московской епархіи.

Инициатива всѣхъ важнѣйшихъ пастырско-административныхъ мѣропріятій противъ раскола принадлежитъ собору 1666—1667 гг. Призываемые на засѣданія іерарховъ расколоучители прежде всего были убѣждаемы „многими книгами харатейными и лѣпами доводы“ отказаться отъ своихъ лжеумствованій[1]). Увѣщаніе примѣнялъ къ воздѣйствію на заблудшихъ и Св. Синодъ въ первую половину XVIII в. Съ цѣлью вразумленія отступившихъ отъ церкви онъ то разсылалъ увѣщательныя посланія къ раскольникамъ[2]), то приглашалъ ихъ явиться въ С.-Петербургъ для разъясненія своихъ недоумѣній[3]), то, наконецъ, отправлялъ въ мѣстности, зараженныя расколомъ, спеціальныхъ миссіонеровъ[4]).

И Платонъ въ первые годы своего святительства засвидѣтельствовалъ, что важнѣйшею мѣрою въ борьбѣ съ расколомъ онъ признавалъ пастырскія увѣщанія заблудшихъ. Уже въ своемъ „Увѣщательномъ посланіи ко градомъ Тверскія паствы“, составленномъ въ день посвященія во епископа, преосвященный Платонъ не забылъ помянуть про заблуждающихся. Послѣ наставленій лицамъ разныхъ званій и состояній его пастырская попечительность направляется въ посланіи „къ отторгающимся отъ соединенія православныя нашея церкви и недугомъ раскола немоществующимъ, да обратитъ милосердый Господь (ихъ) къ соединенію, да вкупѣ съ нами едиными усты и единымъ серд-

---

[1]) Дѣянія Московск. соборовъ 1666—1667 гг., Москва, 1893 г., изд. 2. Дѣянія собора 1666 г., л. 15, об. 16, об. 22, об. 32.

[2]) Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Синода, т. I, СПБ., 1868 г., приложеніе XXXI. Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія, т. I, СПБ., 1879 г., № 349 (322); т. II, СПБ., 1872 г., №№ 385, 588.

[3]) Полное собраніе постановл. и распоряж. по вѣдомству православнаго исповѣданія, т. II, № 450.

[4]) Тамъ же, №№ 560, 473; т. IV, СПБ., 1876 г., № 1323.

цемъ въ союзѣ любви и согласія прославять Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа со Святымъ Духомъ“[1]).

И въ послѣдующей своей дѣятельности архіепископъ Платонъ ревностно старался о примѣненіи увѣщанія въ борьбѣ съ расколомъ, показывая тѣмъ, какое значеніе онъ придавалъ указанному средству.—Ревность къ обращенію заблудшихъ путемъ вразумленія ихъ проявлялась у Платона прежде всего въ настойчивыхъ требованіяхъ отъ приходскихъ пастырей примѣненія этой мѣры для искорененія раскола. Въ бытность свою Тверскимъ архипастыремъ, Платонъ разсылалъ по приходскимъ церквамъ составленную имъ книжицу для вразумленія заблудшихъ и, разсылая, заставлялъ священниковъ читать ее народу „прилежно“. Оттѣняя въ своихъ резолюціяхъ увѣщательный характеръ борьбы съ расколомъ. Платонъ тутъ же напоминалъ пастырямъ церкви, чтобы они о „обращеніи раскольниковъ всевозможное имѣли раченіе“, чтобы „всеприлежно старались“ о приведеніи заблудшихъ въ лоно св. церкви[2]). Для большаго же побужденія священниковъ къ пастырскимъ вразумленіямъ раскольниковъ, архіепископъ Платонъ обязывалъ ихъ „немедленно“ доносить ему о случаяхъ обращенія изъ раскола[3]). А духовному правленію г. Ржева, гдѣ всего больше числилось раскольниковъ, Платонъ особымъ указомъ предписывалъ послѣ обстоятельной справки прислать реестръ въ консисторію, „сколько ржевскихъ купцовъ и протчихъ со вступленія его въ Епархію обратилось отъ расколу и кто именно и въ которомъ году“[4]). По тѣмъ же соображеніямъ побужденія къ миссіонерскимъ бесѣдамъ съ старообрядцами, Платонъ содѣйствовавшимъ обращенію изъ раскола объявлялъ свое „удовольствіе“[5]); самъ затѣмъ справлялся о судьбѣ новообращенныхъ, исповѣдывались ли они

---

[1]) Поучительныя слова и другія сочиненія Платона, архіеп. Московскаго, т. II, стр. 304—307.

[2]) Архивъ Тверской консисторіи, дѣло по Успенскому собору г. Ржева 1772 г., № 54.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же.

[5]) Тамъ же, дѣло по Успенскому собору г. Ржева 1774 г., № 49.

и пріобщались ли св. таинъ[1]). Возбуждая въ священникахъ ревность къ вразумленію заблуждающихся, архіепископъ Платонъ въ то же время употреблялъ средства и для смягченія сердецъ отпадшихъ отъ св. церкви, чтобы такимъ образомъ подготовить почву къ воспріятію увѣщаній: онъ соглашался для большей очевидности предъ старообрядцами знаменательные факты обращенія изъ раскола запечатлѣвать торжественнымъ актомъ благодарственнаго молебствія въ день воскресный со звономъ[2]). Наконецъ, и только что перешедшихъ въ православіе, еще нетвердыхъ въ вѣрѣ, онъ предрасполагалъ къ слушанію необходимыхъ для нихъ пастырскихъ наставленій заявленіемъ, что онъ „молитвы свои о ихъ спасеніи і обращеніи другихъ приносить поставляетъ за долгъ свой пастырскій“[3]).

Ревность Тверского архипастыря по обращенію заблудшихъ пастырскими вразумленіями сказывалась и съ другой стороны. Увѣщанія, предлагаемыя старообрядцамъ приходскими пастырями, часто не достигали своей цѣли: раскольники ихъ не слушали, и вѣковое зло русской церкви продолжало усиливаться. Такъ, въ селѣ Кимрахъ, по заявленію приходскихъ пастырей, расколъ „ни мало не укрощался“ отъ ихъ увѣщаній; напротивъ, „безпрестанно умножался“[4]). Также и въ г. Ржевѣ обращенія изъ раскола были рѣдки[5]). Въ этихъ случаяхъ Платонъ старался подкрѣплять слово приходского пастыря всѣми доступными для архіепископа способами въ примѣненіи увѣщаній. Изъяснимъ сказанное примѣрами.

Ржевскій канцелярист Вараскинъ, по заявленію приходскаго священника, обнаружилъ явную склонность къ расколу: въ церковь не ходилъ, къ исповѣди и св. прича-

---

[1]) Архивъ Тверской духовной консисторіи, дѣло по Успенскому собору г. Ржева 1772 г., № 54.

[2]) Тамъ же, № 54, № 49.

[3]) Тамъ же, № 54.

[4]) Тамъ же, дѣло по церкви с. Кимръ, Корчевскаго уѣзда, 1779 г., № 25.

[5]) Тамъ же, дѣло по Успенскому собору г. Ржева 1772 г., № 54.

стію пересталъ приступать, „неоднократныхъ увѣщаній“ священника „и слышать не хотѣлъ“. Доносъ священника тѣмъ большаго заслуживалъ вѣроятія, что родственники Вараскина, отецъ самого Вараскина и мать его жены, состояли въ расколѣ. Впрочемъ, самъ Вараскинъ, охуждая приходскаго священника, отрицалъ справедливость его показаній о немъ. Но искренность словъ Вараскина, при отсутствіи фактическихъ доказательствъ, могла быть заподозрѣна, въ виду важности для его служебнаго положенія формальной принадлежности къ православію. На это указывалъ, между прочимъ, и приходскій священникъ. И архіепископъ призналъ духовное состояніе Вараскина весьма опаснымъ, близкимъ къ полному и рѣшительному разрыву съ св. церковью. Поэтому онъ прилагаетъ усердіе къ удержанію его въ православіи. Такъ какъ приходскій священникъ не смогъ повліять своими увѣщаніями на Вараскина, то архіепископъ назначаетъ ему другого духовника: притомъ и благочинному заказываетъ „прилежно наблюдать за поведеніемъ Вараскина“. Однако эта мѣра не привела къ желаннымъ послѣдствіямъ. Вараскинъ по прежнему уклонялся отъ исполненія обязанностей православнаго христіанина. Тогда архіепископъ Платонъ предписываетъ уже самому ржевскому протопопу Петру Козьмину, „чтобъ онъ стараніе употребилъ, дабы канцеляристъ Вараскинъ исповѣдался и св. таинъ причастился, по крайней мѣрѣ, въ сію четыредесятницу въ церкви, въ которой пожелаетъ, токмобы съ вѣдома ево, протопопа“. Призываетъ Платонъ благочиннаго къ наставленію Вараскина, при неуспѣхѣ дѣйствій другихъ священниковъ, очевидно, потому, что считаетъ его болѣе другимъ способнымъ вести пастырскія увѣщанія, особенно при его авторитетномъ положеніи. На страстной седмицѣ, по просьбѣ благочиннаго, Вараскинъ былъ освобожденъ начальствомъ отъ занятій. Въ понедѣльникъ и вторникъ, по убѣжденію благочиннаго, онъ понемногу стоялъ въ церкви, но въ среду совсѣмъ не пришелъ: сказался больнымъ. Однако настойчивыя увѣщанія въ концѣ концовъ возымѣли свое дѣйствіе: Вараскинъ созналъ свою вину предъ приходскимъ священникомъ, испросилъ у него прощеніе и

„вседомовно“ обратился къ нему въ паству, а въ великую субботу исповѣдался и св. таинъ пріобщился[1]).

Итакъ, при неуспѣхѣ увѣщаній приходского священника, Платонъ обращался къ содѣйствію другихъ, лучшихъ пастырей, чтобы только вразумить заблуждающагося.

Утвержденіе „въ вѣрѣ и честности житія“ Вараскина Платонъ препоручилъ приходскому пастырю[2]), но въ нѣкоторыхъ случаяхъ Тверской архіепископъ принималъ и личное участіе въ наставленіи заблуждающихся[3]). Перешедшему же въ православіе изъ старообрядчества купцу Терентію Волоскову Платонъ прислалъ даже собственноручное письмо[4]), несомнѣнно, въ видахъ лучшаго укрѣпленія бывшаго раскольника въ принадлежности къ св. церкви и для поощренія его къ воздѣйствію на другихъ прежнихъ его единовѣрцевъ въ пользу православнаго ученія. Ржевскій благочинный описываетъ результаты заботливости Платона о заблуждающихся. По его словамъ, вслѣдствіе архипастырскихъ наставленій, „потаенно расколъ содержащіе стали ходить въ церковь“, причемъ нѣкоторые изъ новообращенныхъ начали убѣждать къ переходу въ православіе и другихъ старообрядцевъ, особенно своихъ родныхъ. Купецъ Терентій Волосковъ „добрымъ своимъ разсужденіемъ“ привелъ къ св. церкви отца, записного раскольника, братьевъ и другихъ сродниковъ. Наконецъ, примѣръ обращенія въ церковь Христову однихъ изъ старообрядцевъ невольно располагалъ и другихъ къ св. церкви[5]).

Весьма характерными, для уясненія пастырской ревности архіепископа Платона въ примѣненіи увѣщаній, какъ главнаго средства въ борьбѣ съ расколомъ, являются его отношенія къ паствѣ с. Кимръ. Поводъ состоялъ въ слѣдующемъ. Кашинская канцелярія, въ силу существовавшихъ государственныхъ узаконеній, взыскивала штрафъ съ не-

---

[1]) Архивъ Тверской духовной консисторіи, дѣло по Екатерининской церкви г. Ржева 1771 г., № 21.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, дѣло по Успенскому Ржевскому собору 1772 г., № 54.

[4]) Тамъ же.

[5]) Тамъ же, дѣла по Успенскому собору г. Ржева: 1772 г. № 54; 1774 г. № 49; 1774 г. № 50.

бывшихъ на исповѣди и у св. причастія крестьянъ с. Кимръ. Многіе изъ нихъ отказывались уплачивать помянутый штрафъ потому, что считали себя православными, а исповѣдывались будто бы у священниковъ въ мѣстахъ своего нахожденія въ великій постъ. Нѣкоторые же просто выставляли отмѣтки священниками ихъ въ числѣ небывшихъ на исповѣди „напрасными“, такъ какъ они будто бы на исповѣди были. Канцелярія не хотѣла, да и права не имѣла уступить крестьянамъ, крестьяне также не хотѣли подчиниться требованіямъ Кашинской канцеляріи. Въ результатѣ за нѣкоторыми крестьянами числилось штрафныхъ денегъ лѣтъ за 11. Канцелярія сперва только стремилась взыскать установленный штрафъ, а потомъ какъ будто рѣшила провѣрить исповѣдныя росписи кимрскихъ священниковъ и потому стала требовать кимрскихъ недоимщиковъ къ допросу въ Кашинъ. Путешествіе это должно было сопровождаться разорительными расходами для крестьянъ и непроизводительною тратою времени. Тогда въ интересы крестьянъ вмѣшался управляющій Кимрскимъ имѣніемъ. Онъ написалъ о положеніи крестьянъ владѣтельницѣ Кимрской вотчины, графинѣ Воронцовой. Будучи лично недоволенъ своими приходскими священниками, насколько предоставляется судить объ этомъ на основаніи тона его доношенія „высокографскому сіятельству“, управляющій во всемъ винилъ священниковъ. Разгнѣванная сіятельная особа написала жалобу на кимрскихъ священниковъ архіепископу, обвиняя ихъ въ жестокости и корыстолюбіи, по которымъ они будто бы поднимаютъ вопросъ объ обращеніи раскольниковъ лишь въ великій постъ. Выставляя въ непривлекательномъ свѣтѣ отношенія кимрскихъ священнослужителей къ раскольникамъ, графиня просила архіепископа прислать наставленіе, какъ должно вести имъ дѣло обращенія старообрядцевъ. Архіепископъ Платонъ, назначивъ слѣдствіе по недоразумѣніямъ касательно взыска штрафныхъ денегъ, главное вниманіе сосредоточилъ на вразумленіи кимрскихъ раскольниковъ. Справедливо полагая, что для успѣха борьбы съ расколомъ лучше совокупное, дружное дѣйствіе противъ старообрядчества, Платонъ въ отвѣтъ на жалобу графини Воронцо-

вой въ особомъ письмѣ, между прочимъ, даетъ совѣтъ графинѣ убѣждать крестьянъ „приходить къ священникамъ для разглагольствія“; а кимрскимъ пастырямъ посылаетъ „наставленіе, какъ имъ себя вести въ обращеніи обрѣтающихся въ приходахъ раскольниковъ“. Къ этому наставленію онъ присоединяетъ „увѣщаніе къ кимрскимъ прихожанамъ о пребываніи ихъ въ соединеніи со св. церковію“[1]). Указанныя дѣйствія архіепископа Платона произвели въ кимрскомъ обществѣ замѣтное духовное обновленіе, извѣстный религіозный подъемъ. Письмо архіепископа къ графинѣ вызвало ее на дѣйствительное убѣжденіе крестьянъ въ духѣ совѣта Платона. Также и священники подвигнулись воздать „всеусердную благодарность“ архіепископу за присланное имъ руководство въ обращеніи заблуждающихся и вмѣстѣ съ тѣмъ даже въ формѣ обязательства выразить свое обѣщаніе „всевозможныя полагать мѣры сообразно святительскому о стадѣ попеченію“. Архипастырское же увѣщаніе къ кимрскимъ прихожанамъ священники „при многонародномъ въ церквахъ собраніи читали и списавши нѣкоторымъ, кои хотѣли принять, роздали“. Народъ встрѣтилъ его полнымъ одобреніемъ. По заявленію священниковъ, прихожане, по выходѣ изъ церкви послѣ прочтенія увѣщанія, воздавали „многую честь Преосвященному за то, что онъ первый изъ Архипастырей изволилъ особливымъ увѣщаніемъ въ Кимрѣ паству свою посѣтить“. Православнымъ оно доставило „великое утѣшеніе“, поддержку въ ихъ православіи, нужно полагать, очень важную при постоянныхъ столкновеніяхъ съ старообрядцами. Но оно не прошло безслѣдно и для самихъ раскольниковъ. „Изъ наклонившихся къ расколу, доносили священники Платону, нѣкоторыхъ видимъ мы (послѣ опубликованія Архипастырскаго увѣщанія) ходящихъ въ церковь“, что можно было принимать за признакъ ихъ намѣренія возвратиться въ православіе. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало считать пріобрѣтеніемъ и одно желаніе потаенныхъ старообрядцевъ посѣщать пра-

[1]) Архивъ Тверской духовной консисторіи, дѣло по церкви с. Кимръ, Корч. уѣзда, 1773 г., № 25.—Къ сожалѣнію, самого посланія архіепископа Платона въ Кимры не сохранилось.

вославные храмы, потому что, благодаря этому, открывалась возможность предлагать имъ, по крайней мѣрѣ, увѣщаніе. Но и „заматорѣвшіе въ расколѣ“ не остались совершенно равнодушными къ появленію въ Кимрахъ особаго архипастырскаго увѣщанія; они „пришли въ нѣкоторую задумчивость и робость“[1]).

Итакъ изъ дѣла о кимрскихъ раскольникахъ выясняется, что архіепископъ Платонъ, сводя вразумленіе заблуждающихся къ увѣщанію отказаться отъ неправыхъ убѣжденій, принималъ участіе въ обращеніи старообрядцевъ собственными наставленіями, привлекалъ затѣмъ къ содѣйствію пастырямъ въ борьбѣ съ расколомъ постороннія полезныя силы (совѣтъ помѣщицѣ), даже враждебно настроенныя противъ священнослужителей, и что эти его мѣропріятія сопровождались извѣстными добрыми послѣдствіями.

Наконецъ, намъ слѣдуетъ отмѣтить и характеръ, какого желалъ Платонъ отъ пастырскихъ наставленій заблуждающимся. По мысли архипастыря, увѣщанія должны быть запечатлѣны „духомъ кротости“, должны совершаться „безъ всякихъ страстныхъ привязокъ“[2]). Увѣщевая при посредствѣ своихъ резолюцій возвратиться въ церковь бывшаго дягунинскаго попа Ѳеодора, бѣжавшаго къ старообрядцамъ, Платонъ напередъ обнадеживалъ его въ случаѣ раскаянія своимъ святительскимъ снисхожденіемъ и за побѣгъ прощеніемъ[3]). Характеръ противораскольничьихъ собесѣдованій достаточно также опредѣлялся разсылкою „Увѣщанія“, проникнутаго, какъ мы видѣли изъ разбора этого сочиненія Платона, духомъ истинно-христіанской любви къ заблуждающимся. И обращающихся изъ раскола, предписывая принимать безъ всякаго „медленія и сумнѣнія“, иначе говоря, предписывая по своему снисхожденію, не затруднять искусственными препятствіями вступленіе ихъ въ единеніе со

---

[1]) Архивъ Тверской духовной консисторіи, дѣло по церкви с. Кимръ, Корч. уѣзда, 1773 г., № 25.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, дѣло по церкви с. Дягунина, Зубцовск. уѣзда, № 17.

вселенскою церковью, Платонъ желалъ утверждать въ истинахъ вѣры „увѣщаніемъ и ученіемъ съ кротостію“[1]).

Подводя теперь итогъ всему доселѣ сказанному объ увѣщаніяхъ раскольниковъ архіепископомъ Платономъ въ Твери, мы имѣемъ право составить слѣдующее заключеніе. Примѣняя къ обращенію заблуждающихся, по примѣру прежнихъ дѣятелей противъ раскола, увѣщанія и оттѣняя только при этомъ любвеобильный характеръ ихъ, Платонъ считалъ эту мѣру важнѣйшею для искорененія раскола и потому проводилъ ее съ истинно-пастырскою ревностью, выражавшеюся въ настойчивыхъ требованіяхъ отъ священнослужителей усердной заботливости о вразумленіи раскольниковъ, въ изыскиваніи средствъ для подготовленія лицъ, нуждавшихся въ пастырскихъ увѣщаніяхъ, къ воспріятію этихъ увѣщаній, въ усиленіи слова приходскаго пастыря при неуспѣхѣ помощью другихъ священниковъ, болѣе способныхъ къ веденію миссіонерскихъ бесѣдъ, въ посылкѣ собственныхъ наставленій священникамъ и прихожанамъ, въ привлеченіи къ содѣйствію пастырямъ свѣтскихъ лицъ,—въ мѣрахъ, не остававшихся безъ благихъ послѣдствій для дѣла обращенія раскольниковъ.

Помимо увѣщаній, въ борьбѣ съ расколомъ имѣетъ огромное значеніе улучшеніе различныхъ сторонъ церковной жизни, такъ какъ оно способствуетъ укрѣпленію началъ православія въ средѣ православныхъ. Конечно, воспитаніе пасомыхъ по духу истиннаго христіанина составляетъ необходимую обязанность каждаго пастыря и безъ отношенія къ расколу. Но оно же, несомнѣнно, является и наиболѣе надежнымъ средствомъ къ предохраненію православныхъ отъ зараженія раскольничьими идеями, да и на самихъ приверженцевъ старины косвенно подъемъ религіозно-нравственной жизни церкви дѣйствуетъ тоже благотворно, незамѣтно предрасполагая къ принятію истины еще не совсѣмъ огрубѣвшихъ изъ нихъ. Надлежащую цѣну за улучшеніемъ различныхъ сторонъ церковной жизни въ борьбѣ съ старообрядчествомъ своевременно понялъ еще Большой Москов-

[1]) Архивъ Тверской духовной консисторіи, дѣло по Екатерининской церкви г. Ржева 1771 г., № 21.

скій соборъ, издавшій, въ видахъ подавленія раскола, опредѣленія „о разныхъ церковныхъ исправленіяхъ“ и „нуждныхъ церковныхъ винахъ“. „Архимандриты и игумены, читаемъ мы въ соборныхъ дѣяніяхъ, да научатъ братію свою въ монастырѣхъ..., мѣстніи же священницы, кійждо въ своемъ приходѣ (прихожанъ) и кійждо священникъ, вся своя дѣти духовныя, мужи, и жены, и отроки, да учатъ почасту во всѣхъ церквахъ и наединѣ“[1]). И вмѣстѣ съ тѣмъ соборъ предписывалъ „правити церковное все Божіе славословіе чинно и немятежно и единогласно и гласовное пѣніе пѣти на рѣчь“[2]); въ церквахъ во время службы особенно за литургіею стоять „съ молчаніемъ и со страхомъ Божіимъ“[3]); нищимъ по церкви не бродить[4]), наблюдать чистоту въ храмѣ, приличіе въ облаченіяхъ церковныхъ[5]); требовалъ, чтобы „мужи и жены и ихъ дѣти ко отцемъ духовнымъ на исповѣданіе приходили по часту“[6]), чтобы посты соблюдали по правиламъ божественныхъ отецъ[7]); „чтобы священноиноцы и священницы и прочіи иноцы, и церковніи причетницы не упивались и въ корчмы пити бы не ходили, и отъ сквернословія и срамословія и кощунства всякаго удалялися“[8]); чтобы „всякій священникъ дѣтей своихъ научалъ грамотѣ и страху Божію и всякому церковному благочинію со всякимъ прилежаніемъ“, дабы они явились достойными воспріятія священства[9]). И архіепископъ Платонъ предпринималъ въ Твери такія мѣры къ улучшенію церковной жизни, которыя, насаждая въ паствѣ истинныя религіозныя понятія, по тому самому являлись полезными и для искорененія раскола, хотя бы, при проведеніи этихъ мѣръ, и не всег-

---

[1]) Дѣянія Московскихъ соборовъ 1666—67 гг. Книга соборныхъ дѣяній 1667 г., л. 5. Дѣянія собора 1666 г., об. 37,—л. 38; ср. л. 41.

[2]) Тамъ же, Книга соборн. дѣяній, об. 5; Дѣян. соб. 1666 г., л. 38.

[3]) Тамъ же, Книга соборн. дѣян. 1667 г., об. 17.

[4]) Тамъ же, Дѣянія собора 1666 г., л. 45.

[5]) Тамъ же, л. 39.

[6]) Тамъ же, об 42.

[7]) Тамъ же, Книга соборн. дѣяній 1667 г., об. 6.

[8]) Дѣянія собора 1666 г., л. 41.

[9]) Книга соборн. дѣяній 1667 г., л. 17.

да предносилась Платону мысль о противораскольничьемъ значеніи ихъ.

Въ кратковременное свое пребываніе въ Твери Платонъ больше всего заботился о лицахъ, которыя призваны къ религіозному учительству народа, о пастыряхъ церковныхъ. Худыхъ изъ наличнаго состава духовенства онъ старался исправить[1]). Иллюстрируемъ свою мысль фактами, которые, подтверждая сказанное, въ то же время ближе стоятъ къ исторіи раскола. Священникъ села Дягунина представилъ доносъ архіепископу на своего діакона Алексѣя Ѳедорова, обвиняя его въ поступкахъ, нетерпимыхъ въ священнослужителѣ: къ богослуженію является неисправно, держитъ себя при совершеніи его „съ великимъ безстрашіемъ", св. таинъ пріобщается очень рѣдко и даже на св. Пасху служилъ обѣдню пьяный; водитъ знакомство съ людьми „недобрыми"; за воровство былъ однажды „связанъ и битъ нещадно" мужиками, а въ селѣ Дороѳеевѣ, будучи въ гостяхъ у своего родственника-крестьянина, глумился надъ св. водою (вылилъ въ лохань); на увѣщанія же священника отвѣчаетъ ругательствами. Предосудительное поведеніе Алексѣя Ѳедорова наводило священника на подозрѣніе относительно чистоты религіозныхъ убѣжденій діакона, и это подозрѣніе усиливалось у священника въ связи съ представленіемъ о родственникахъ Алексѣя Ѳедорова: его отецъ Ѳедоръ Ивановъ, бывшій священникъ с. Дягунина, бѣжалъ въ расколъ вмѣстѣ съ своимъ отцемъ (дѣдомъ Алексѣя Ѳедорова), двумя другими сыновьями и двумя дочерьми. Старицкое духовное правленіе, которому Платонъ поручилъ произвести разслѣдованіе о діаконѣ с. Дягунина, не усмотрѣло однако въ Алексѣѣ Ѳедоровѣ наклонности къ расколу. Оно обвинило его только въ небрежномъ исполненіи священнослужительскихъ обязанностей и потому представило архіепископу мнѣніе: послать діакона для исправленія въ монастырь на годъ. Но Платону поведеніе дягунинскаго діакона вмѣстѣ съ соблазнительными семейными

[1]) Автобіографія м. Платона, напеч. въ Душепол. Чтен. 1887 г., авг., стр. 401.

его обстоятельствами казалось настолько зазорнымъ, что, подобно доносившему на діакона приходскому священнику, онъ признавалъ діакона „не безподозрительнымъ къ расколу". Поэтому Платонъ усиливаетъ мѣру вразумленія Алексѣя Ѳедорова; онъ распоряжается „діакону священнослуженіе и исправленіе требъ воспретить, а исправлять дьячковскую должность съ полученіемъ дьячковскаго дохода". Такимъ образомъ архіепископъ примѣняетъ къ дягунинскому діакону средство, которое, служа наказаніемъ за проступки, въ то же время, при бездѣйственности пастырскихъ увѣщаній, оставалось почти единственнымъ, но за то наиболѣе чувствительнымъ для понужденія недостойнаго діакона къ исправленію въ поведеніи и къ оправданію предъ архіепископомъ чистоты своихъ убѣжденій. При этомъ архіепископъ обѣщалъ снисхожденіе діакону—разрѣшеніе священнослуженія, „естьли онъ покажетъ, гдѣ нынѣ отецъ его въ бѣгахъ находится". Цѣль архіепископа могла быть такая: снисхожденіемъ онъ надѣялся открыть убѣжище бѣглаго попа, дѣятельность котораго безусловно была вредною для православія, открыть затѣмъ, чтобы пресѣчь эту вредную дѣятельность, а въ лучшемъ случаѣ повліять даже на бѣглаго попа, въ смыслѣ возвращенія его въ церковь. Діаконъ же, начавшій содѣйствовать обращенію своихъ родныхъ—раскольниковъ или, вообще, дѣлу обращенія изъ раскола, за то самое заслуживалъ уже прощенія въ своемъ непорядочномъ поведеніи и снималъ съ себя подозрѣніе въ принадлежности къ расколу. Обѣщаемое снисхожденіе однако не произвело желательныхъ послѣдствій, но мѣра лишенія извѣстныхъ благъ, соединенныхъ съ діаконскимъ служеніемъ, заставила Алексѣя Ѳедорова свидѣтельствовать предъ архіепископомъ о своей непричастности къ раскольничьимъ убѣжденіямъ своихъ родственниковъ и на этомъ основаніи просить милости архіепископа. Не полагаясь на слова одного діакона о себѣ, Платонъ предложилъ ему подтвердить свою благонадежность показаніями заслуживающихъ довѣріе постороннихъ лицъ. Діаконъ, дѣйствительно, представилъ одобреніе (заручную) отъ окружающихъ дворянъ и священниковъ. Однако Платонъ имъ не сразу удовлетворился. Когда дя-

гунйнскіе прихожане заявили архіепископу, что діаконъ представилъ одобреніе о себѣ, „обойдя всѣхъ прихожанъ и той церкви священниковъ“, Платонъ чрезъ присутствующаго въ Старицкомъ духовномъ правленіи іеромонаха Александра навелъ новыя справки о діаконѣ. Изъ доношенія іеромонаха Александра видно было, что окружные помѣщики и священники „за показаннымъ діакономъ расколу не знаютъ и знать имъ сего не можно“, а прихожане были настроены противъ діакона. Тѣмъ не менѣе Платонъ теперь находилъ уже достаточнымъ для исправленія діакона наложенное на него наказаніе, преклонившись на снисхожденіе, вѣроятно, заявленіемъ діакона о своей многосемейности и вынесенныхъ имъ униженіяхъ отъ причта и прихожанъ. Къ тому же, разрѣшая Алексѣю Ѳедорову священнослуженіе, Платонъ преподалъ ему новый вразумляющій урокъ. Онъ дозволилъ Алексѣю Ѳедорову взять діаконское облаченіе со св. престола въ присутствіи благочиннаго и „подъ страхомъ суда Божія, естьли онъ діаконъ, что церкви святой противное мудрствуетъ“; а дальнѣйшее его поведеніе поручилъ особому надзору благочиннаго, уполномочивъ послѣдняго тотчасъ же воспретить діакону священнослуженіе и репортовать о немъ самому архіепископу, какъ только „что малое или къ расколу склонное или непорядочные поступки и пьянство усмотрѣны будутъ“[1]). Другой фактъ. Священникъ села Краснаго-Холма за деньги или подарки отпустилъ раскольничьяго монаха, вѣроятно, лжеучителя и, помимо того, по доносу, значился виновнымъ въ сквернословіи, битьѣ пономаря и т. п. Послѣ надлежащаго разсмотрѣнія, Платонъ, въ видахъ исправленія и наказанія, подвергъ священника за безчестные поступки запрещенію въ священнослуженіи съ низведеніемъ въ причетники и штрафу въ пользу пономаря; и впослѣдствіи (чрезъ полгода) далъ свое согласіе на разрѣшеніе ему священнослуженія лишь подъ условіемъ, если священникъ, по свидѣтельству благочиннаго, „окажется состоянія добраго и трез-

[1]) Архивъ Тверской духовной консисторіи, дѣло по церкви с. Дягунина, Зубцовскаго уѣзда, № 17.

ваго“, обязавъ притомъ его письменно „впредь жить порядочно и честно“[1]).

Неисправимыхъ же священнослужителей Платонъ обыкновенно лишалъ священнаго званія[2]). Также тверской архіепископъ поступалъ и съ тѣми изъ пастырей, которые безчестили свой санъ какими-либо особыми соблазнительными дѣйствіями. Имѣемъ въ виду собственно слѣдующій фактъ. Священникъ с. Обудова Фирсъ Ивановъ безъ вѣдома своихъ сослуживцевъ, прихожанъ и своего начальства продалъ „старонарѣчное напрестольное Евангеліе“ крестьянину того же села; при чемъ часть денегъ употребилъ на покупку вещей для церкви, чего однако на слѣдствіи не подтвердилось, а остальныя пока держалъ у себя. Новоторжское духовное правленіе постановило было для понесенія эпитиміи за преступное самовольное дѣйствіе „послать священника въ монастырь на одинъ мѣсяцъ“. Но архіепископъ Платонъ нашелъ приведенное мнѣніе духовнаго правленія „неосновательнымъ и безчинствамъ духовныхъ особъ потакающимъ“. Преступленіе обудовскаго священника представлялось Платону гораздо важнѣйшимъ. То обстоятельство, что Фирсъ Ивановъ „скрытно взялъ изъ церкви священную вещь“, убѣждало Платона смотрѣть на попа, какъ на „татя церковнаго“. Этого мало. „Попъ, разсуждалъ Платонъ, почтенъ быть долженъ... и явнымъ предателемъ своего сана, ибо вмѣсто того, чтобъ по должности своей все стараніе употреблять о обращеніи ко святѣй Церкви заблуждающихъ въ расколѣ онъ, попъ, продавъ то Евангеліе раскольнику, въ томъ заблужденіи имъ оставаться самъ собою подавалъ случай“, да и себя самого чрезъ эту продажу „учинилъ аки сообщникомъ небогоугоднаго раскольниковъ служенія“. Ради сихъ винъ Платонъ призналъ необходимымъ преградить обудовскому священнику путь къ новому соблазну, лишивъ его священства, которое онъ „во зло употреблялъ“. Строгое отношеніе къ обудовскому священнику могло ка-

[1]) Архивъ Тверской духовной консисторіи, дѣло по церкви с. Краснаго-Холма, Зубцовскаго уѣзда, 1773 г., № 12.

[2]) Автобіографія м. Платона, напеч. въ Душепол. Чтен. 1887 г., авг., стр. 401.

заться Платону тѣмъ болѣе обязательнымъ, что въ поведеніи священникъ Фирсъ и раньше не былъ безупреченъ: его уже съ запрещеніемъ священнослуженія посылали въ монастырь на труды для исправленія, за ссору съ крестьяниномъ своего прихода и угрозу убить его[1]).

Для успѣшнаго веденія борьбы съ расколомъ, большее количество духовенства въ приходѣ должно быть признано полезнымъ, такъ какъ духовенство является главнымъ защитникомъ интересовъ церкви среди своей паствы. Но при неудовлетворительномъ способѣ обезпеченія нашего духовенства, поставленнаго въ необходимость довольствоваться для своего пропитанія добровольною платою прихожанъ за совершеніе требъ, во многихъ приходахъ и всего болѣе въ тѣхъ, гдѣ преимущественная нужда въ увеличеніи противораскольничьихъ дѣятелей, въ приходахъ съ значительнѣйшею частью раскольниковъ, это увеличеніе состава клира служитъ причиною его матеріальной скудости, а чѣмъ скуднѣе духовенство, какъ замѣтилъ и самъ Платонъ, тѣмъ оно легче впадаетъ во всякія безчинія[2]), соблазнительныя и для православныхъ и для раскольниковъ. Оттого-то обиліе духовенства въ приходахъ бѣдныхъ, въ числѣ которыхъ почти всегда состоятъ приходы, зараженные расколомъ, часто не въ состояніи искупить невыгодъ, проистекающихъ отъ увеличенія состава клира. Отсюда понятнымъ становится значеніе для искорененія раскола заботъ архіепископа Платона о сокращеніи духовенства тамъ, гдѣ клиръ получалъ недостаточное содержаніе, какъ мѣры, предупреждающей происхожденіе и развитіе многихъ недостатковъ духовен-

---

[1]) Впрочемъ, Фирсъ Ивановъ священства не былъ лишенъ: консисторія не отослала опредѣленія о немъ въ Св. Синодъ за состоявшимся переводомъ Платона. А слѣдующій епископъ, Арсеній, удовлетворился и тѣмъ наказаніемъ, какое Фирсъ уже вынесъ, оставаясь въ теченіе двухъ лѣтъ подъ запрещеніемъ. Арсеній разрѣшилъ ему священнодѣйствіе, обязавъ лишь подпискою, „чтобы онъ впредь былъ всегда добропорядоченъ и съ раскольниками въ суемудріи ихъ нималаго не имѣлъ согласія“.—Архивъ Тверской духовной консисторіи, дѣло по церкви села Обудова, Новоторжскаго уѣзда, 1774 г., № 7.

[2]) Автобіографія м. Платона, напеч. въ Душепол. Чт. 1887 г., авг., стр. 402.

ства. Приведемъ примѣры того, что Платонъ во время управленія Тверскою епархіею дѣйствительно „старался, сколько возможно, уменьшать причетъ, чтобы излишнихъ и ненужныхъ не было“[1]). Въ селѣ Каюровѣ еще до Платона стараніемъ игумени Ульяніи былъ открытъ второй штатъ. Хотя игуменія обѣщалась оказывать вспомоществованіе причту, однако своего обѣщанія не исполняла. Между тѣмъ приходъ принадлежалъ къ малочисленнымъ (117 дворовъ) и съ частью раскольниковъ, „отъ которыхъ никакихъ доходовъ“ причтъ не получалъ. Для улучшенія матеріальнаго быта духовенства, съ цѣлью нравственнаго его возвышенія, архіепископъ распорядился вывести одного изъ священниковъ на подходящее вакантное мѣсто и окончательно утвердилъ свое опредѣленіе о закрытіи 2-го штата въ селѣ Каюровѣ, когда одинъ изъ каюровскихъ священниковъ ранѣе перемѣщенія другого священника скончался[2]). Въ г. Ржевѣ, за выбытіемъ попа Михаилы изъ Христорождественской церкви, по распоряженію архіепископа Платона, былъ произведенъ раздѣлъ дворовъ, приходившихся на долю помянутаго попа: часть дворовъ была оставлена при Христорождественской церкви, а другая приписана къ собору, и такимъ образомъ улучшено матеріальное положеніе священнослужителей тамъ, гдѣ въ немъ настояла особенная нужда: въ городѣ со значительнымъ числомъ раскольниковъ[3]).

Заботясь объ избраніи лучшихъ кандидатовъ въ священнослужители, Платонъ „выборы отъ прихожанъ немного уважалъ, ибо находилъ ихъ по большей части пристрастными или вынужденными просьбою другихъ“[4]). Точно такъ же онъ пресѣкъ значеніе родства при опредѣленіи на священ-

---

[1]) Автобіографія м. Платона, напеч. въ Душепол. Чт. 1887 г., ав ., стр. 402.

[2]) Архивъ Тверской духовной консисторіи, дѣло по церкви с. Каюрова, Корчевского уѣзда, № 21; ср. № 19.

[3]) Тамъ-же, дѣло по Христорождественской церкви г. Ржева, 1774 г., № 19; ср. дѣло по церкви села Броду, Старицкаго уѣзда, 1771 г., № 7.

[4]) Автобіографія м. Платона, напеч. въ Душепол. Чтен. 1887 г. авг., стр. 401.

нослужительскія мѣста[1]). При выборѣ кандидатовъ священства, Платонъ обыкновенно руководился ихъ воспитаніемъ: учившихся въ школахъ онъ предпочиталъ неученымъ. По поводу просьбъ во діакона къ Екатерининской церкви г. Твери, архіепископъ Платонъ писалъ о Малыгинѣ, что „онъ, яко семинаристъ, другимъ, не учившимся, предпочтенъ быть долженъ“, несмотря на то, что соперникъ Малыгина былъ пѣвчій и, нужно полагать, превосходилъ его своимъ голосомъ. По тѣмъ же основаніямъ Платонъ вскорѣ затѣмъ опредѣлилъ Малыгина на мѣсто его отца священникомъ въ г. Зубцовъ[2]). Только за неимѣніемъ ученыхъ кандидатовъ Платонъ соглашался на опредѣленіе во священники „честныхъ“ діаконовъ, а во діаконы достойныхъ причетниковъ[3]).

Въ особенности преосвященный Платонъ считалъ необходимымъ опредѣлять пастырей образованныхъ въ раскольничьи приходы. Въ декабрѣ 1771 года Московская синодальная контора затребовала „вѣдомость объ обучающихся въ Тверской семинаріи студентахъ въ школахъ философіи и богословіи“, а также о тверскихъ студентахъ, учившихся въ Троицкой семинаріи. Консисторія представила посему на разсмотрѣніе Платона вѣдомость о тверскихъ семинаристахъ съ заявленіемъ, что Троицкая семинарія не прислала свѣдѣній объ учившихся въ ней тверскихъ студентахъ. На рапортѣ консисторіи преосвященный Платонъ положилъ такую резолюцію. „Вѣдомость въ синодальную контору послать о обучающихся въ Тверской семинаріи съ прописаніемъ притомъ, что... какъ они, такъ и другіе для укомплектованія церквей Епархіи нашей и для опредѣленія особливо къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ немалое состоитъ число раскольниковъ, зѣло потребны“[4]).

---

[1]) Автобіогр. м. Платона, нап. въ Душеп. Чт. 1887 г., стр. 402; ср. дѣло Тверск. дух. конс. по Екатерин. церкви г. Твери 1770 г., № 10.

[2]) Архивъ Тверской дух. консисторіи, дѣло по Екатерининской церкви г. Твери 1770 г., № 10.

[3]) Тамъ же, дѣло по церкви Благовѣщенія, что въ Волыняхъ, 1771 г., № 10; дѣло по церкви Рождества Пресв. Богородицы г. Ржева 1773 г., № 12; дѣло по церкви села Шутова, Ржевскаго уѣзда, 1772 г., № 12.

[4]) Историческіе матеріалы Тверской епархіи, т. II, л. 222—228.

Чтобы подготовить достойныхъ кандидатовъ на священнослужительскія мѣста, Платонъ старался облегчать образованіе тѣмъ, которые за недостаткомъ средствъ не могли его продолжать. Съ этою цѣлью онъ нерѣдко зачислялъ священнослужительскія мѣста за семинаристами еще до окончанія ими полнаго школьнаго курса. По поводу вышеупомянутаго затребованія синодальной конторы объ обучающихся въ Тверской семинаріи, преосвященный Платонъ писалъ, „что изъ оныхъ семинаристовъ большее число уже къ церквамъ на священническія и діаконскія мѣста назначены“[1]). Это зачисленіе соединялось обыкновенно съ полученіемъ извѣстной доли доходовъ отъ зачисленной должности[2]). Только Платонъ наблюдалъ, чтобы отъ такового зачисленія не могло „воспослѣдовать каковой въ церковныхъ требахъ остановки“[3]). Даже отрѣшеннымъ отъ мѣста священникамъ Платонъ разрѣшалъ пользоваться „нѣкоторою частью изъ доходовъ и изъ земли или изъ руги для обучающихся въ школѣ дѣтей“ впредь до новаго опредѣленія ихъ на должность[4]).

Стремясь къ подготовленію лучшихъ кандидатовъ священства, Платонъ увеличилъ число существовавшихъ въ Тверской епархіи духовно-учебныхъ заведеній. Онъ открылъ духовныя училища въ Торжкѣ и Осташковѣ[5]). Для мате-

---

[1]) Историческіе матеріалы Тверской епархіи, т. II, л. 222; ср. дѣла Архива Тверской дух. консисторіи, по каѳедральному собору г. Твери 1773 г., № 40, по церкви с. Скнятина 1772 г., № 26.

[2]) Архивъ Тверской дух. консисторіи, дѣло по церкви с. Каюрова, Корчевского уѣзда, 1774 г., № 24.

[3]) Тамъ же, дѣло по Семеновской церкви г. Твери 1771 г., № 18.

[4]) Тамъ же, дѣло по церкви погоста Архангельскаго, что на Куровицахъ, 1773 г., № 24.

[5]) Колосовъ говоритъ еще объ открытіи имъ училища въ Бѣжецкѣ (Исторія Тверской дух. семинаріи, Тверь, 1889 г., стр. 151), но документальныхъ основаній для своего мнѣнія не приводитъ. Между тѣмъ въ оффиціальной просьбѣ преосвященнаго Платона на высочайшее имя (1774 г.) объ увеличеніи содержанія для школъ, слѣдовательно, въ документѣ, въ которомъ упомянуть о всѣхъ существующихъ школахъ въ епархіи составляло прямой интересъ Платона, Платонъ однако пишетъ: „въ Епархіи Тверской въ городѣ Твери имѣется учрежденная Семинарія, также и въ другихъ Епархіи городахъ, а имянно въ Кашинѣ, Торжку и Осташковѣ основаны учи-

ріальнаго обезпеченія своихъ школъ Платонъ воспользовался средствами тверскихъ монастырей[1]), сборами съ духовенства[2]), доброхотными пожертвованіями[3]), платою за право обученія съ иносословныхъ[4]). Наконецъ, онъ исходатайствовалъ прибавку къ ежегодному содержанію на тверскія училища изъ государственнаго казначейства[5]) и круп-

лища" (Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ XVIII, дѣло 1774 г., № 277). Подобнымъ же образомъ въ ходатайствѣ предъ императрицею Екатериною (1774 г. дек. 1) о средствахъ для новаго зданія семинаріи преосвященный Платонъ говоритъ опять только о „школахъ, учрежденныхъ въ Кашинѣ, Торжкѣ и Осташковѣ" (тамъ же, дѣло 1774 —75 гг., № 279, об. 32), и ничего не говоритъ объ училищѣ въ Бѣжецкѣ.

[1]) Нилова пустынь платила, напр., извѣстную часть деньгами на содержаніе Осташковскаго училища, давала „необходимо нужное содержаніе" школьному сторожу, должна была, по резолюціи Платона, выдать единовременно до 15 рублей „на починки нужныя". Житенный монастырь снабжалъ то же училище дровами. (Историческіе матеріалы Тверской епархіи, т. II, л. 109, об. 115). Тверской семинаріи резолюціею преосвященнаго Платона предоставлялась арендная плата съ причтовой земли, ранѣе принадлежавшей Ѳедоровскому монастырю (тамъ же, л. 45).

[2]) На содержаніе Осташковскаго училища священники, у которыхъ въ приходахъ числилось болѣе ста дворовъ, платили по 60 к., діаконы по 40 к., дьячки и пономари по 30 к.; у которыхъ меньше ста дворовъ—священники по 50 к., діаконы по 35 к., дьячки и пономари по 25 к.—Историческіе матеріалы Тверской епархіи, т. II, л. 109.

[3]) Преосвященный Платонъ вмѣнялъ въ обязанность школьному начальству и у „доброхотныхъ подаятелей дворянъ и мѣщанъ испрашивать на содержаніе школы добровольныя подаянія, и къ тому употреблять всякіе пристойные къ тому способы, дабы духовенство осталось безъ отягощенія".—Историческіе матеріалы Тверской епархіи, т. II, об. 115.

[4]) Историческіе матеріалы Тверской епархіи, т. II, л. 115.

[5]) Изъ Коллегіи экономіи получалось содержанія для Тверской семинаріи 816 р. 93¾ к. Пользуясь своею близостью къ императрицѣ, Платонъ „всенижайше" просилъ „на содержаніе Тверской семинаріи и училищъ какую-либо производимой суммѣ учинить прибавку". Императрица приказала запросить архіеп. Платона относительно количества испрашиваемой имъ суммы. Платонъ писалъ по сему слѣдующее. „Что же надлежитъ до прибавки суммы на содержаніе Тверской семинаріи и училищъ, о чемъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше требовать изволитъ отъ меня надобную на то сумму назначить, на то... изъясняюсь, что естьли Ея Императорское Величество къ производимой суммѣ еще по тысячѣ рублей въ годъ производить повелѣть соизволитъ, то оною содержаніе семинаріи и училищъ имѣетъ быть въ гораздо лучшемъ противъ нынѣш-

ную по тому времени единовременную сумму на постройку новаго семинарскаго зданія[1]). Затѣмъ преосвященный Платонъ внесъ больше жизненности въ административный строй школъ своей епархіи[2]); школьное начальство онъ

няго состоянiи" (Государственный Архивъ М. И. Д., разр. XVIII, дѣло 1774 г., № 277). Въ отвѣтъ на это ходатайство послѣдовалъ высочайшій указъ: „сверхъ отпускаемой нынѣ изъ Коллегіи на содержаніе Тверской семинаріи суммы отпускать еще на оную жъ семинарію и на другіе въ Тверской епархіи училища по тысячѣ рублей на каждой годъ, поруча оныя въ собственное распоряженіе и употребленіе для сихъ училищъ Преосвященному Платону, Архіепископу Тверскому" (Историч. мат. Твер. еп., т. II, л. 199). За прибавку преосвященный Платонъ съ представителями тверскихъ училищъ приносилъ письменно благодарность императрицѣ (Государ. Архивъ М. И. Д., разр. XVIII, дѣло 1774 г., № 281).—Въ автобіографіи Платона относительно увеличенія ежегоднаго содержанія тверскихъ училищъ сказано. „Возымѣлъ онъ усердное стараніе и о Тверской семинаріи, которая на все содержаніе свое получала только 800 рублей въ годъ; онъ у Императрицы испросилъ прибавки 1200 рублей. Итакъ стала она получать по 2000 руб. въ годъ" (Автобіографія м. Платона, нап. въ Душепол. Чтеніи 1887 г., авг., стр. 402). Свѣдѣнія эти, какъ воспроизведенныя по памяти много лѣтъ спустя, не имѣютъ точности подлинныхъ документовъ касательно прибавки.

[1]) Семинарія тѣснилась въ нижнихъ покояхъ городского архіерейскаго дома. Тѣснота увеличивалась, при увеличеніи числа поступавшихъ учениковъ изъ вновь открытыхъ училищъ. Особенно она чувствовалась, когда въ тѣхъ же нижнихъ покояхъ помѣщалась архіерейская свита, въ пріѣзды архіерея въ этотъ домъ. Преосвященный Платонъ воспользовался опредѣленіемъ императрицы относительно зданія вообще для школы въ Твери. Такое зданіе преосвященный Платонъ просилъ устроить, именно, для существующей Тверской семинаріи, отпустивъ потребную на то сумму. Онъ указывалъ и мѣсто для него: „ничѣмъ не занятое, за оградою архіерейскаго сада, по правую сторону отъ города подлѣ берега рѣки Волги, ибо оное мѣсто, писалъ Платонъ императрицѣ, будучи гораздо возвышенно и видъ дѣлающее на всю заволжскую сторону, при Волгѣ, а при томъ такъ пространно, что при зданіи помѣститься имѣетъ и садъ. Сверхъ же всего, не удалено отъ собора и архіерейскаго дома, можетъ и зданіемъ дѣлать великую красоту городу и семинаріи всѣ тѣ достоитъ выгоды, какіе ей имѣть прилично". (Государств. Архивъ М. И. Д., разрядъ XVIII, дѣло 1774—75 гг., № 279, л. 32—33). Императрица удовлетворила ходатайство преосвященнаго Платона. Именнымъ указомъ повелѣвалось выдать на постройку въ Твери семинаріи 15 тысячъ рублей. Только этотъ указъ послѣдовалъ уже на имя преемника Платона, преосвященнаго Арсенія. (Историческіе матеріалы Тверской епархіи, т. II, л. 202).

[2]) Вмѣсто подчиненія консисторіи, учрежденію далеко не всег-

старался увѣрять, что не оставитъ своимъ благопопеченіемъ[1]) „чтобъ впредь больше число учениковъ было“[2]). Для усовершенствованія же въ наукахъ сталъ отправлять лучшихъ тверскихъ семинаристовъ въ Троицкую семинарію, гдѣ обученіе стояло на высшей ступени по сравненію съ Тверской семинаріей[3]).

Пастырей ученыхъ Платонъ имѣлъ возможность „обязывать подпискою“ „въ нерѣдкомъ сказываніи проповѣдей“[4]) и такимъ образомъ въ наставленіи народа истинамъ вѣры и чрезъ то въ предохраненіи слабыхъ членовъ церкви отъ увлеченія раскольничьими лжеумствованіями. Помимо того, и гражданъ г. Твери архіепископъ Платонъ побуждалъ „завести на собственномъ своемъ содержаніи порядочное преподаваніе наукъ природнымъ языкомъ“, обѣщаясь, въ случаѣ нужды, „снабдить“ такія училища „потребными учителями“ изъ семинаріи[5]); распространеніе просвѣщенія, несомнѣнно, само собою должно было разсѣивать раскольничьи заблужденія.

Вмѣстѣ съ заботою объ исправленіи худыхъ священнослужителей, объ исключеніи изъ штата недостойныхъ, о замѣщеніи открывающихся вакансій лучшими кандидатами

да способному понимать должнымъ образомъ учебные интересы, Платонъ учредилъ для завѣдыванія семинарскими дѣлами правленіе семинаріи (Историч. матеріалы Тверской епархіи, т. II, л. 119), а его резолюціею 1772 г. дек. 8 „главное смотрѣніе надъ школами поручено“ было ректору семинаріи (тамъ же, л. 113).

[1]) Преосвященный Платонъ принималъ непосредственное участіе даже въ выборѣ и покупкѣ книгъ для семинарской библіотеки, при чемъ не ограничивалъ ее книгами одного богословскаго содержанія, но пополнялъ и книгами, относившимися къ общеобразовательнымъ предметамъ, предназначая ихъ какъ для учителей, такъ и для учениковъ, чтобъ расширить ихъ умственный кругозоръ.— Истор. мат. Тверской епархіи, т. II, л. 92—95.

[2]) Тамъ же, об. 115.—Благодаря этой заботливости преосвященнаго Платона, количество учащихся въ школахъ Тверской епархіи при немъ восходило до 800—1000 человѣкъ.—Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ XVIII, дѣло 1774 г., № 277; дѣло 1774—5 гг., № 279, об. 32.

[3]) Автобіографія, напеч. въ Душепол. Чт. 1887 г., авг., стр. 402.

[4]) Архивъ Тверской консисторіи, дѣло по Екатерининской церкви г. Твери 1770 г., № 10.

[5]) Рукопись Тверского музея, № 187 (3166), об. 173.

и о приготовленіи этихъ лучшихъ кандидатовъ; вмѣстѣ съ заботою о побужденіи ученыхъ пастырей къ наученію народа истинамъ вѣры и нравственности и съ стремленіемъ къ распространенію въ народѣ вообще просвѣщенія, архіепископъ Платонъ прилагалъ усердіе къ поддержкѣ церковнаго благолѣпія, играющаго столь важную роль въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія народа. Отъ священнослужителей Платонъ требовалъ „чтобы они какъ сами старались, такъ бы и прихожанъ своихъ увѣщевали, дабы никакихъ въ храмѣ Божіемъ ветхостей не было, но къ поправленію оныхъ безъ всякаго медленія приступали“[1]). Усердныхъ рачителей о св. церкви Платонъ поощрялъ своими похвалами[2]); напротивъ, прихожанамъ, нерадивымъ къ церковному благолѣпію, онъ объявлялъ, что на нихъ „не пребудетъ благословеніе Божіе“[3]). Также и священникамъ напоминалъ о гнѣвѣ Божіемъ за нерадѣніе[4]). Въ крайнихъ же случаяхъ Платонъ предупреждалъ прихожанъ, что ветхая церковь можетъ быть „упразднена, и приходъ приписанъ къ другой церкви“[5]); а священнослужителямъ за безъ-заботность о благоукрашеніи храма угрожалъ совершеннымъ отрѣшеніемъ отъ мѣста[6]). И резолюціи Платона не были пустыми словами[7]). Предписывая подчиненному духовенству поддерживать должное благолѣпіе въ храмахъ, архіепископъ Платонъ и самъ подавалъ въ этомъ отношеніи

---

[1]) Архивъ Тверской консисторіи, книга указовъ Св. Синода 1774 г., резолюція архіепископа Платона на л. 47; дѣло по Успенскому собору г. Ржева 1772 г., № 57; дѣло по церкви с. Емельянова, Старицкаго уѣзда, 1773 г., № 20.

[2]) Тамъ же, дѣло по Успенскому собора г. Ржева 1772 г., № 54.

[3]) Тамъ же, дѣло по Христорождественской церкви г. Ржева 1774 г., № 18.

[4]) Тамъ же, дѣло по церкви Оковицкія Божіей Матери г. Ржева 1774 г., № 18.

[5]) Тамъ же, дѣло по Христорождественской церкви г. Ржева 1774 г., № 18.

[6]) Тамъ же, дѣло по Успенскому собору г. Ржева 1772 г., № 57.

[7]) Тамъ же, дѣло по церкви с. Каюрова, Корчевского уѣзда, 1773 г., № 21, об. 11.

достойный образецъ; такъ, его стараніемъ былъ украшенъ Тверской каѳедральный соборъ[1]).

Въ отношеніи отправленія богослужебныхъ чинопослѣдованій, архіепископъ Платонъ „накрѣпко“ подтверждалъ пастырямъ церкви, „чтобы они священнослуженіе исправляли нелѣностно и почасту“[2]). Этимъ наставленіемъ мы тѣмъ большее значеніе должны придавать, что Платонъ предлагалъ ихъ пастырямъ приходовъ, зараженныхъ расколомъ, и предлагалъ ихъ рядомъ съ требованіями заботиться объ обращеніи раскольниковъ[3]). Въ особенности строго Платонъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы священники приходовъ, зараженныхъ расколомъ, наблюдали должную корректность въ совершеніи христіанскихъ требъ. На практикѣ бывали случаи, когда священники отправляли требы у раскольниковъ и унижали православіе платою за требоисправленіе. Крестьяне-раскольники (потайные) с. Кимръ приносили, напр., жалобу своей помѣщицѣ на то, что ихъ приходскіе священники „во время свадебъ, ежели раскольникъ сына женитъ, такъ рядомъ рядятся, чего и въ свѣтѣ не слыхано, и берутъ рубля по два, по три, по четыре и по пяти“, т. е. свидѣтельствовали не объ одномъ только совершеніи православными священниками браковъ у раскольниковъ, но и высказывали свое неудовольствіе на высокую плату, будто бы назначаемую священниками съ раскольниковъ за свадьбы. Хотя священники и отвергали справедливость заявленій противъ нихъ раскольниковъ, но архіепископъ Платонъ не призналъ ихъ показаній чистосердечными и на будущее время строго предписалъ, чтобы священники „съ кѣмъ-нибудь, а особливо съ тѣми, которые по нѣкоторому невѣжеству къ расколу наклонны и рѣдко въ церковь ходятъ“, „рядовъ ни за какую требу не чинили подъ опасеніемъ лишенія мѣстъ и штрафованія. Ибо такая ряда доказываетъ духъ корыстолюбца, а не пастыря“; слѣдовательно, заклю-

---

[1]) Автобіографія м. Платона, нап. въ Душеп. Чт. 1887 г., авг., стр. 403.

[2]) Архивъ Тверской духовн. консисторіи, дѣло по Успенскому собору г. Ржева 1772 г., № 54.

[3]) Тамъ же.

чалъ Платонъ, священники своими дѣйствіями „къ обращенію раскольниковъ дѣлаютъ сами себѣ препятствіе“. Прямого же воспрещенія совершенія христіанскихъ требъ для раскольниковъ хотя нѣтъ въ резолюціяхъ Платона, касающихся кимрской паствы, но оно само собою предполагается общимъ ходомъ дѣла[1]).

Заповѣдуя для искорененія раскола пастырскія наставленія заблудшихъ, равно и улучшеніе различныхъ сторонъ церковной жизни, соборъ 1666—67 гг. въ то же время признавалъ необходимымъ нераскаявшихся отступниковъ и хулителей церкви вмѣстѣ съ духовнымъ наказаніемъ, лишеніемъ сана и анаѳемою, подвергнуть воздѣйствію гражданскихъ мѣръ: ссылкѣ въ отдаленныя мѣста съ урѣзаніемъ языковъ нѣкоторымъ изъ упорныхъ расколоучителей[2]). Примѣненіе гражданскихъ мѣропріятій по отношенію къ раскольникамъ наблюдается и въ послѣдующее время. Въ правленіе Софьи по указу 1685 г. и не безъ участія духовной власти, раскольниковъ наказывали кнутомъ и даже жгли въ срубахъ[3]). Вразумленіе раскольниковъ жестокими истязаніями продолжалось и въ первой половинѣ XVIII в., насколько объ этомъ можно судить по дѣламъ Преображенскаго приказа[4]). И архіепископъ Платонъ не отвергалъ пригодности гражданскихъ мѣропріятій въ борьбѣ съ расколомъ, но характеръ пользованія ими у него иной. Укажемъ факты. Въ г. Ржевѣ одинъ изъ раскольниковъ выстроилъ амбаръ на церковной землѣ и пользовался имъ безъ всякой арендной платы. Предмѣстникъ Платона требовалъ отъ раскольника снесенія амбара, но безуспѣшно, такъ какъ Ржевскій магистратъ оказывалъ раскольнику явную „потачку“. Платонъ сталъ дѣйствовать настойчивѣе. Онъ предписалъ мѣстному духовному правленію „требовать отъ Ржевскаго воеводы, дабы тотъ приказалъ раскольника Берсенева на цер-

---

[1]) Архивъ Тверской духовной консисторіи, дѣло по церкви с. Кимръ, Корчевского уѣзда, 1773 г., № 25.

[2]) Дѣянія собора 1666 г., листъ и оборотъ 16, 23, 32; ср. Увѣтъ духовный, л. 49.

[3]) Акты Археографич. Экспедиціи, т. IV, СПБ., 1836 г., № 284.

[4]) Раскольничьи дѣла XVIII в., Есипова, т. I—II.

ковной землѣ построенный анбаръ немедленно снести". Въ то же время архимандриту Селижарова монастыря препоручилъ взыскать „съ онаго раскольника оброчные, что на церковной землѣ его анбаръ стоялъ". Настойчивость архіепископа, имѣвшаго непосредственный доступъ ко двору, заставила свѣтскую власть привести въ исполненіе законное требованіе. Во избѣжаніе же подобныхъ осложненій на будущее время, архіепископъ Платонъ воспретилъ сдавать въ аренду церковную землю раскольникамъ, хотя бы и за большую плату[1]). Не вполнѣ ясное указаніе на примѣненіе гражданскихъ мѣропріятій мы можемъ видѣть и по отношенію къ расколоучителямъ. У насъ есть фактъ, когда священникъ, вѣроятно, за деньги отпустившій задержаннаго раскольничьяго монаха, былъ подвергнутъ Платономъ наказанію. Очевидно, монахъ былъ бродяга-расколоучитель. Если задержали его, то, значитъ, вообще въ архіепископство Платона существовалъ подобный порядокъ отношеній къ лжеучителямъ. Затѣмъ, задерживали расколоучителей, несомнѣнно, для того, чтобы, произведя надлежащее разслѣдованіе о нихъ, воспретить разсѣивать сѣмена лжеученія въ народѣ и тѣмъ оградить православную паству отъ ихъ завлеченій въ расколъ. Пресѣченіе же пропаганды иначе не могло совершаться, какъ чрезъ содѣйствіе гражданской власти, чрезъ примѣненіе гражданскихъ мѣропріятій[2]). Также недостаточно опредѣлившимися выступаютъ гражданскія мѣропріятія архіепископа Платона въ Тверской епархіи къ бѣглымъ попамъ, быть можетъ потому, что имѣющійся у насъ единственный случай, для сужденія о мѣропріятіяхъ подобнаго рода, не давалъ Платону возможности къ вполнѣ законченнымъ дѣйствіямъ. Разумѣемъ отношенія Платона къ упоминаемому нами не однажды бѣглому попу Ѳедору. Послѣ неудачной попытки привлечь въ православіе бывшаго дягунинскаго попа обѣщаніемъ святительскаго снисхожденія, Платону необходимо было, по крайней мѣрѣ, употребить средства къ предотвра-

---

[2]) Архивъ Тверской духовной консисторіи, дѣло по Оковицкія церкви г. Ржева 1771 г., № 12.

[2]) Тамъ же, дѣло по церкви с. Краснаго-Холма, Зубцовскаго уѣзда, 1773 г., № 12.

щенію соблазна, проистекавшаго изъ богослужебныхъ дѣйствій бѣглаго попа. Частью онъ этого достигалъ публичнымъ объявленіемъ своего архіерейскаго запрещенія попу священнослуженія. Но это заочное запрещеніе не всякому простолюдину могло показаться достаточнымъ для того, чтобы считать совершаемыя попомъ требы незаконными и „богопротивными“. Больше плодовъ можно было ожидать отъ формальнаго снятія сана съ бѣглаго священника, тѣмъ болѣе что послѣ разстриженія бывшій священнослужитель обыкновенно явно для другихъ поступалъ въ вѣдѣніе свѣтской власти. Такимъ образомъ возникала нужда въ поимкѣ бѣглаго попа. Содѣйствіе гражданскихъ властей здѣсь становилось естественнымъ и полезнымъ для блага церкви. Однако мы не видимъ прямого обращенія Платона къ помощи свѣтскихъ чиновниковъ. Вмѣсто того, предъ нами выступаетъ повелѣніе Платона новоторжскимъ священнослужителямъ, чтобы они „присматривали того бѣглаго попа, и естьли бы гдѣ усмотрѣли, приводили или о томъ доносили“. Къ отысканію и поимкѣ бѣглаго попа Ѳедора архіепископъ Платонъ призывалъ и обывателей г. Торжка, которымъ воля архипастыря объявлялась чрезъ особыя публикаціи[1]). Полагаемъ, причина указаннаго порядка дѣйствій Платона крылась въ неимѣніи имъ надлежащихъ свѣдѣній относительно мѣстопребыванія попа Ѳедора. Слѣдовательно, обстоятельства дѣла слагались такъ, что Платону единственно доступнымъ оставался призывъ самого общества г. Торжка (обывателей и духовенства) къ поимкѣ бѣглаго попа. Какъ бы то ни было, это обращеніе къ содѣйствію общества по характеру своему справедливо должно быть поставлено въ числѣ гражданскихъ мѣръ архіепископа Платона противъ раскола.

Такимъ образомъ приведенные факты свидѣтельствуютъ о томъ, что архіепископъ Платонъ обращался къ содѣйствію гражданскихъ властей и общества, и что обращался въ тѣхъ, именно, случаяхъ, когда настояла нужда

---

[1]) Архивъ Тверской духовной консисторіи, дѣло по церкви с. Дягунина, Зубцовскаго уѣзда, № 17.

защитить церковь отъ незаконныхъ вторженій раскольниковъ въ прямые ея интересы, или воспретить пропаганду расколоучителямъ и этимъ способомъ оградить православныхъ отъ совращенія въ расколъ, или по тѣмъ же соображеніямъ пресѣчь соблазнительную дѣятельность бѣглыхъ поповъ; значитъ, общій характеръ этихъ мѣропріятій былъ оборонительный, хотя послѣдняя мысль не съ очевидною ясностью просвѣчиваетъ во всѣхъ разсказанныхъ нами случаяхъ.

Итакъ, заботясь объ искорененіи раскола во время управленія Тверскою епархіею, архіепископъ Платонъ главное средство вразумленія заблудшихъ видѣлъ въ пастырскихъ увѣщаніяхъ, растворенныхъ евангельскою любовью къ заблуждающимся. Той же цѣли подавленія раскола служили и предпринимаемыя Платономъ улучшенія различныхъ сторонъ церковной жизни, способствовавшія укрѣпленію православныхъ въ ихъ преданности св. церкви, а косвенно вліявшія благотворно и на старообрядцевъ. Наконецъ, въ видахъ огражденія православныхъ отъ соблазнительныхъ дѣйствій раскольниковъ, Платонъ, при недѣйствительности духовныхъ средствъ, обращался къ содѣйствію гражданскихъ властей и самого православнаго общества. Всѣ эти мѣры были не новы; ихъ указалъ еще соборъ 1666—67 гг., но любвеобильность, гуманность въ примѣненіи ихъ составляютъ отличительную черту противораскольничьей дѣятельности архіепископа Платона.

ГЛАВА IV.

Пастырская дѣятельность Платона противъ раскола въ санѣ архіепископа и митрополита Московскаго.

I. Состояніе раскола въ Московской епархіи въ царствованіе Екатерины II: исторія центровъ московскаго раскола, Преображенскаго и Рогожскаго кладбищъ, Покровской молельни и Филипповской часовни, гуслицкихъ скитовъ.—II. Духовныя мѣры м. Платона противъ раскола: пастырскія наставленія и ихъ евангельскій характеръ; настойчивость въ примѣненіи пастырскихъ наставленій при обращеніи раскольниковъ; заботливость м. Платона о религіозномъ просвѣщеніи народа, церковномъ благоустройствѣ и нравственности пасомыхъ; мѣры къ возвышенію духовенства.—III. Гражданскія мѣры противъ раскола. Огражденіе новообращенныхъ отъ преслѣдованій раскольниковъ. Дѣйствія противъ распространенія въ народѣ старообрядческихъ книгъ. Дѣйствія противъ бѣглыхъ поповъ, противъ соблазнительныхъ раскольничьихъ часовенъ. Вопросъ объ уничтоженіи Преображенскаго кладбища. Происки Ковылина объ изъятіи общества ѳедосѣевцевъ изъ сферы духовнаго надзора.

Когда мы обратимся къ исторіи раскола второй половины XVIII в. и начала XIX, когда остановимся своимъ вниманіемъ на состояніи его за это время въ Московской епархіи, то мы будемъ поражены быстрымъ, прогрессивнымъ возрастаніемъ числа раскольниковъ въ центрѣ русской жизни въ эту эпоху, тѣмъ возрастаніемъ, котораго Москва съ своими окрестностями никогда еще не испытывала отъ дней патріарха Никона. Но если бы кто изъ одного только этого печальнаго явленія вывелъ заключеніе о нерадивомъ отношеніи пастырей церкви къ своимъ обязанностямъ, тотъ

рисковалъ бы впасть въ ошибку. Успѣхъ далеко не всегда стоитъ въ зависимости отъ качества дѣятельности. Причины взятаго явленія могутъ быть различны, и часто многія изъ нихъ лежатъ внѣ сферы власти того или иного дѣятеля. Отсюда извѣстныя мѣры, сами по себѣ весьма хорошія, все-таки иногда оказываются безсильными уничтожить взятое явленіе и потому, очевидно, было бы несправедливо судить объ историческомъ дѣятелѣ по одному успѣху или неуспѣху его дѣятельности. Послѣдствія имѣютъ значеніе для обсужденія извѣстныхъ мѣръ только при условіи, если между тѣми и другими есть дѣйствительно причинная связь, если въ образованіи разсматриваемаго явленія, въ данномъ случаѣ умноженія раскола, какъ послѣдствія извѣстнаго мѣропріятія, не участвовало никакого другого фактора, кромѣ предполагаемаго. Поэтому тамъ, гдѣ не наблюдается между явленіями и ихъ послѣдствіями взаимоотношенія, исключающаго участіе другихъ производящихъ факторовъ, тамъ оцѣнка извѣстныхъ мѣропріятій должна совершаться не по послѣдствіямъ, которыя вызываются сложными причинами, а по цѣлесообразности предпринимаемыхъ мѣръ. Цѣлесообразность же мѣропріятій нельзя иначе опредѣлить, какъ только разсмотрѣвши, что за явленіе, противъ котораго они направлялись, какими причинами вызывалось такое явленіе. Всѣ эти соображенія необходимо имѣть въ виду, при обозрѣніи противораскольничьей дѣятильности м. Платона, такъ какъ задача историка не въ томъ лишь состоитъ, чтобы изложить историческія событія, а чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ и указать надлежащій смыслъ ихъ,—по отношенію къ историческому дѣятелю—правильно оцѣнить его дѣйствія. При изображеніи противораскольничьей дѣятельности архіепископа Платона въ Тверской епархіи, мы не имѣли возможности сказать объ этомъ, за отсутствіемъ фактическихъ данныхъ для выясненія состоянія тверского раскола. Для исторіи же московскаго раскола за разсматриваемый періодъ у насъ есть документальныя свѣдѣнія.

Итакъ, прежде чѣмъ говорить о самой пастырской дѣятельности м. Платона противъ московскаго раскола, мы

должны выяснить, въ какомъ состояніи находился расколъ въ Московской епархіи за время управленія ею митрополитомъ Платономъ и какими причинами обусловливалось его процвѣтаніе здѣсь.

I.

Москва—первоначальное гнѣздо раскола, не могла однакожъ надолго служить главнымъ средоточіемъ ревнителей старины. Подъ давленіемъ крутыхъ мѣръ, расколъ по необходимости долженъ былъ бѣжать изъ древне-русской столицы въ уѣзды разныхъ губерній и скрываться преимущественно въ мѣстахъ глухихъ, малодоступныхъ полицейскому надзору. Къ началу второй половины XVIII в. расколъ въ Москвѣ находился въ такомъ жалкомъ положеніи, что едва могъ считать своихъ послѣдователей нѣсколькими десятками семействъ, принадлежащихъ притомъ къ бѣднѣйшему классу общества[1]). Но одною провинціальною жизнью расколъ не удовлетворялся, хотя на окраинахъ имперіи онъ видимо благоденствовалъ; его тянуло къ столицѣ: Москва была слишкомъ священна въ глазахъ приверженцевъ стараго церковнаго порядка, дорога своими воспоминаніями колыбели раскола. Дѣйствительно, какъ только императрица Екатерина II предоставила старообрядцамъ свободу въ отправленіи своихъ религіозныхъ обязанностей[2]), раскольники быстро устремились въ древнюю столицу, и Москва въ теченіе ка-

---

[1]) Рукопись библіотеки Кіевской духовной академіи, по „Описанію рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ“, Н. И. Петрова, вып. I, Москва, 1891 г., № 57 (Аа., 189), об. 81.—Означенная рукопись представляетъ сборникъ статей „о расколѣ“. Среди другихъ здѣсь находится такое сказаніе. „Преданія о Московскихъ безпоповщинцахъ. Ч. I. Ѳедосѣевцы. Исторія Преображенскаго кладбища“. Содержаніе этого раскольничьяго преданія, безъ обозначенія источника, передано неизвѣстнымъ авторомъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1862 г., № 2, стр. 747—798 подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи Преображенскаго кладбища“; есть и отдѣльные оттиски, Москва, 1862 г. Помянутая статья послужила однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для существующихъ печатныхъ свѣдѣній о Преображенскомъ кладбищѣ.—Полное истор. изв. о расколѣ, Іоаннова, СПБ., 1795 г., ч. IV, стр. 48.—Старообрядческія Покровская молельня и Филипповская часовня въ Москвѣ, СПБ., 1865 г., стр. I.

[2]) Указъ 1762 г. дек. 14. Полное Собр. Зак. Россійской Имперіи, т. XVI, № 11725.

кихъ-нибудь десяти лѣтъ сдѣлалась мѣстопребываніемъ всевозможныхъ старообрядческихъ толковъ.

Самымъ благопріятнымъ моментомъ, для укрѣпленія раскола въ Москвѣ, оказался роковой 1771 г. Въ концѣ 1770 г. въ Москвѣ, появилась чума, занесенная въ Россію изъ Молдавіи[1]). Болѣзнь быстро распространилась по всему городу[2]). Ужасъ охватилъ населеніе столицы; кто только могъ, спѣшилъ выѣхалъ изъ Москвы[3]). Возникала серьезная опасность разнесенія заразы по другимъ мѣстностямъ. Въ предупрежденіе новаго бѣдствія, императрица предписывала оцѣпленіе г. Москвы[4]). Но людей, необходимыхъ для содержанія карантиновъ, не хватало. Московское правительство чувствовало безсиліе удержать побѣгъ жителей изъ города собственными средствами. Въ виду этого, временно-назначенный для завѣдыванія всѣми мѣрами противъ чумы генералъ-паручикъ П. Д. Еропкинъ обратился съ предложеніемъ въ Сенатъ дозволить склонять московскихъ обывателей „для занемогающихъ изъ нихъ продолжающеюся здѣсь заразительною болѣзнею учредить, по ихъ возможности, на свой коштъ карантинные домы и лазареты“. Сенатъ согла-

---

[1]) Исторія Россіи, Соловьева, СПБ., изд. т-ва „Общественная Польза“, книга VI, стр. 1027.

[2]) По свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ консисторію приходскими священниками, уже въ январѣ 1771 года умирало отъ чумы до 60-ти человѣкъ въ день. Въ слѣдующіе мѣсяцы болѣзнь немного утихла, но потомъ опять начала усиливаться. Въ маѣ скоропостижно умершихъ въ общей консисторской вѣдомости (экстрактѣ) значится 729 человѣкъ, въ іюнѣ—942, въ іюлѣ—1294; за первые же 10 дней августа—781 человѣкъ (Архивъ Московской консисторіи, дѣло 1771 г., № 3). Вслѣдъ затѣмъ болѣзнь приняла такіе размѣры, что умершихъ ежедневно насчитывали по нѣскольку сотъ человѣкъ и едва успѣвали предавать погребенію „по великому числу“ ихъ.— Московск. Арх. Министер. Юстиціи, дѣла предохранительной комиссіи 1771 г., вязка 3, № 11.—Письмо П. Д. Еропкина къ Брюсу: Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. VI, стр. 1033.—Донесеніе главнокомандующаго гр. П. С. Салтыкова императрицѣ Екатеринѣ II,—приведено тамъ же, стр. 1036.

[3]) Донесеніе гр. Салтыкова отъ 30 авг., въ Исторіи Росс. Соловьева, кн. VI, стр. 1033.

[4]) Московск. Архивъ Министерства Юстиціи, дѣла комиссіи для предохраненія жителей г. Москвы отъ моровой язвы 1771 г., вязка 3, № 4 (5).

сился[1]), и Еропкинъ далъ соотвѣтствующій приказъ. А чтобы побудить богатыхъ московскихъ гражданъ къ дѣятельному участію въ борьбѣ съ моровой язвой, Еропкинъ допустилъ для нихъ послабленіе изъ существующихъ распоряженій: заболѣвшихъ и умершихъ какъ изъ числа самихъ учредителей карантиновъ, такъ, по ихъ заявленію, и изъ числа ихъ знакомыхъ онъ разрѣшилъ не брать въ общіе бараки, а содержать въ построенныхъ ими больницахъ съ желательными для нихъ удобствами[2]).

Этимъ распоряженіемъ Еропкина и воспользовались раскольники. Вожакъ ѳедосѣевцевъ Илья Алексѣевъ Ковылинъ отъ имени московскихъ купцовъ, записавшихся въ двойной раскольничій окладъ, подалъ прошеніе о томъ, чтобы имъ дозволено было устроить карантинъ на ихъ содержаніи для ухода за больными и для караула[3]). Начальство Москвы приняло предложеніе раскольниковъ и внесло его на обсужденіе въ Сенатъ. 14 сентября изъ Сената полученъ былъ указъ: „больницу построить имъ дозволить можно[4]) съ тѣмъ, дабы они опредѣлили, какъ для караула

---

[1]) Акты Правит. Сената 1771 г., напечатан. въ „Сборникѣ для исторіи старообрядства“ Попова, Москва, 1864 г., т. I, стр. 74, № V.

[2]) Буквально этотъ приказъ читается такъ: „всѣмъ жительствующимъ въ здѣшнемъ городѣ объявить, что ежели изъ нихъ кто пожелаетъ построить своимъ коштомъ (оныя) больницы и карантинные домы, то таковые какъ сами, такъ и знакомые ихъ, по ихъ желанію, въ собственное ихъ удовольствіе въ ихъ въ Москвѣ домахъ заболѣвшихъ и умершихъ заразительною болѣзнію вывозимы не будутъ въ общіе для всякаго званія людей изготовленные домы, но въ ихъ построенные, гдѣ имъ, по ихъ произволенію и удовольствіе всякое производимо будетъ, и ежели кто, а особливо изъ купцовъ къ сему желаніе показать похотятъ, оные бы явились Правительствующаго Сената въ 5 департаментъ на сихъ дняхъ“ (5 и 6 департаменты Сената находились въ то время въ Москвѣ).—Моск. Архивъ Министерства Юстиціи, дѣла предохран. комиссіи 1771 г., вязка 3, № 4 по описи (на тетради № 5), приказъ Еропкина 5 сентября.

[3]) Прошеніе Ковылина напечатано Поповымъ въ его „Сборникѣ для исторіи старообрядства“, т. I, стр. 77—78, акты Сената 1771 г., № VII.

[4]) „Что Ковылинъ принадлежалъ къ ѳедосѣевской сектѣ, это, по раскольничьимъ преданіямъ, открылось впослѣдствіи“ (Рукопись библіотеки Кіевской духовной академіи, по „Описанію рукописныхъ собраній“ Н. И. Петрова, вып. I, № 57, л. 84). Отсюда ав-

и смотрѣнія за больными, такъ равно и вывозу въ оную заболѣвшихъ изъ домовъ людей надежныхъ довольное число и тѣхъ бы больныхъ и помянутыхъ опредѣленныхъ платьемъ, обувью и довольною пищею содержали изъ своего кошту“[1]).

торъ статьи: „Изъ исторіи Преображенскаго кладбища“ заключилъ, что московское правительство довѣрило Ковылину постройку Карантина, по незнанію объ его принадлежности къ расколу (Русск. Вѣстн. 1862 г., № 2, стр. 751). Между тѣмъ въ прошеніи старообрядцевъ Еропкину подписавшіеся „купцы и разночинцы“ прямо называютъ себя „записавшимися въ двойной окладъ“, и это выраженіе повторяется затѣмъ въ распоряженіяхъ московскаго начальства.— Акты Сената, напечатан. Поповымъ въ „Сборникѣ для исторіи старообрядства“, № VI, VIII, ср. X, стр. 74—81.

[1]) Акты Пр. Сената 1771 г., № VI; въ „Сборникѣ“ Попова, т. I, стр. 75—76.—По вышеозначенной рукописи библіот. Кіевск. духовн. академіи (№ 57, л. и об. 84), раскольники въ скоромъ времени получили высочайшее разрѣшеніе на устройство богадѣльни и кладбища подъ именемъ карантина. Считаемъ это сообщеніе невѣрнымъ. Странно, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы московскіе ѳедосѣевцы, уже располагавшіе разрѣшеніемъ императрицы Екатерины II касательно существованія учрежденнаго ими богадѣльнаго дома, въ царствованіе Александра I стали снова домогаться высочайшаго утвержденія своего кладбища. Съ другой стороны, кому лучше было знать объ этомъ утвержденіи, какъ ни самому Ковылину; между тѣмъ онъ ни однимъ словомъ не обмолвился о немъ въ своихъ ходатайствахъ о высочайшей конфирмаціи Преображенской общины. Можно даже указать источникъ помянутой неправильности. Къ прошенію на высочайшее имя отъ 28 декабря 1808 г. Ковылинъ приложилъ подробную записку („планъ“) о томъ, на какихъ началахъ ѳедосѣевцы желаютъ получить высочайшее признаніе Преображенскаго богадѣленнаго дома. Въ ней Ковылинъ писалъ между прочимъ: „во времена премудраго и милосердаго царствованія вѣчно достойной памяти покойной государыни императрицы Екатерины Алексѣевны вторыя дозволено имѣть старообрядческому обществу особое для себя кладбище. Губернское начальство подъ сію дозволительность отвело и т. д...“ (Архивъ Министер. Внутренн. Дѣлъ, дѣло департамента Общихъ Дѣлъ 1809 г. мая 18, № 5 (24), л. 2.—„Планъ“ напечатанъ, съ небольшими неточностями, Нильскимъ: Христ. Чт. 1863 г., ч. II, стр. 37—46). Но чиновникъ, составлявшій „выписку изъ правилъ, на коихъ испрашивало московское старообрядческое общество утвержденія заведеннаго имъ „Богадѣленнаго дома“, совершенно произвольно исказилъ мысль „плана“, выразивъ ее въ слѣдующихъ словахъ: „старообрядческое въ Москвѣ общество представляетъ, что по Высочайшему соизволенію императрицы Екатерины II (объ этомъ въ „планѣ“ нигдѣ не сказано) отведено имъ было въ

Мѣсто было отведено за чертою города, между Преображенскою и Семеновскою заставами, по обѣ стороны Камеръ-Коллежскаго вала[1]). Къ нему Ковылинъ присоединилъ участокъ по Владиміро-Московской дорогѣ, который онъ снялъ въ аренду у крестьянъ подмосковнаго села Черкизова[2]). На пріобрѣтенной такимъ образомъ землѣ было устроено особое кладбище, богадѣльня и больница для призрѣнія больныхъ, престарѣлыхъ и малолѣтнихъ, а для приношенія молитвъ Всемогущему Богу по правиламъ старопечатныхъ книгъ сооружена часовня съ разрѣшенія начальства[3]).

Теперь Ковылинъ вмѣстѣ съ сотрудникомъ своимъ, купцомъ Зеньковымъ, приступили къ осуществленію сво-

---

Москвѣ за чертою города между Преображенскою и Семеновскою застав мѣсто для кладбища" и т. д. (Архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, дѣло департамента Общихъ Дѣлъ 1809 г. мая 18, № 5 (24), л. 9). Ошибка могла произойти ненамѣренно, по оплошности чиновника, но могла она быть и преднамѣренною, вслѣдствіе согласія чиновника съ раскольниками, у которыхъ необходимо, конечно, признать стремленіе усилить всѣми возможными доводами свою просьбу о высочайшемъ разрѣшеніи Богадѣленнаго дома; недосмотръ же начальниковъ, при довѣріи къ подчиненнымъ, всегда возможенъ. Какъ бы то ни было, только ошибка, вкравшаяся въ одинъ документъ, повторяется затѣмъ въ другомъ, болѣе важномъ, повторяется въ томъ же дѣлѣ, въ запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ, составленной въ исторической своей части на основаніи выписки министерскаго чиновника (тамъ же, листъ 17). А отсюда она уже легко могла перейти во всѣ позднѣйшія сказанія о первоначальной исторіи ѳедосѣевской общины, раскольничьи и нераскольничьи: Русск. Вѣстн. 1862 г., № 2, стр. 752; Христ. Чт. 1887 г., ч. II, стр. 571.

[1]) Архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, дѣло департамента Общихъ Дѣлъ 1809 г. мая 18, № 5 (24), л. 2: изъ записки Ковылина, приложенной къ прошенію на высочайшее имя отъ 28 декабря 1808 г. Въ Христ. Чтен. за 1863 г., ч. II, стр. 38.—Акты Правительствующаго Сената, напечатанные въ „Сборникѣ для исторіи старообрядства" Попова, т. I, стр. 75—80, №№ VI, VII, VIII, IX.

[2]) Архивъ Министр. Внутрен. Дѣлъ, дѣло департамента Общихъ Дѣлъ 1853 г. іюля 18, № 577 (68), л. 303.

[3]) Акты Сената №№ IX, X; въ „Сборникѣ" Попова, стр. 80—81. —Архивъ Министер. Внутреннихъ Дѣлъ, дѣло департамента Общихъ Дѣлъ 1809 г. мая 18, № 5 (24), л. 2; въ Христ. Чтен. 1863 г., ч. II, стр. 38: изъ записки („плана"), приложенной къ прошенію Ковылина на высочайшее имя отъ 28 декабря 1808 г.

ихъ завѣтныхъ желаній. Первою задачею Ковылина было возбудить сочувствіе къ себѣ тѣхъ, которые попадали въ его карантинъ. Съ этою цѣлью онъ, при посредствѣ вызванныхъ имъ изъ Москвы ѳедосѣевцевъ, старался предоставить больнымъ ласковый, сердечный уходъ и хорошую пищу. Такъ какъ человѣкъ въ минуты бѣдствій особенно расположенъ искать утѣшенія въ религіи, то и Ковылинъ заботился о возможно легкомъ удовлетвореніи этой потребности. Въ его карантинѣ безвозмездно и во всякое время служили молебны, больныхъ напутствовали исповѣдью, а умершихъ отпѣвали и съ честью хоронили на кладбищѣ[1]).

Между тѣмъ въ Москвѣ творилось совсѣмъ иное. Высочайшимъ указомъ 1771 г. 14 сентября требовалось „немедленно“ объявлять спеціально поставленнымъ на время эпидеміи „частнымъ надзирателямъ“ о заболѣвшихъ въ домахъ. Заподозрѣнныхъ въ зараженіи чумою отправляли въ общія больницы и выдерживали въ карантинѣ по 16 дней, если кто выздоравливалъ[2]). Понятно, какой могъ быть уходъ за больными въ переполненныхъ баракахъ. Правда, и ѳедосѣевцы не освобождались отъ врачебно-полицейскаго надзора, но онъ не былъ для нихъ стѣснителенъ: осмотръ происходилъ только два раза въ недѣлю и въ ихъ собственныхъ больничныхъ помѣщеніяхъ, безъ нарушенія общаго больничнаго порядка, а на дома ѳедосѣевцевъ совсѣмъ не простирался[3]). Неудобства общественныхъ бараковъ многихъ заставляли утаивать заболѣвшихъ въ своихъ домахъ; больные умирали и ихъ поневолѣ выбрасывали на улицу, во избѣжаніе наказанія, положеннаго за необъявленіе о заболѣвшихъ[4]); безнадежно же больныхъ выбрасывали иног-

[1]) Архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, дѣло департамента Общихъ Дѣлъ 1853 г. іюля 18, № 577 (68), л. 221; ср. рукопись библіот. Кіевск. дух. академіи, по „Описанію рукописныхъ собраній“ Н. Петрова, вып. I, № 57 (Аа, 189), об. 83–л. 84.

[2]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, дѣла комиссіи для предохраненія жителей г. Москвы отъ моровой язвы 1771 г., вязка 3, № 4 (5).

[3]) Акты Сената: „Сборникъ“ Попова, т. I, стр. 76, № VI.

[4]) По употребленіи въ должность погребателей, законъ предписывалъ ихъ потомъ ссылать навѣчно въ каторжную работу.—Московск. Архивъ Министерства Юстиціи, дѣла предохранительной ко-

да, не дожидаясь смерти. А на улицахъ стоялъ караулъ, которому вмѣнялось въ обязанность „дозоромъ ходить какъ въ день, такъ и ночью около дворовъ“..... и смотрѣть за тѣми, „которые отваживаются больныхъ и мертвыхъ изъ своихъ домовъ выносить на улицы“, а если такіе найдутся „брать и приводить на съѣзжіе“ дворы (въ полицейскіе участки[1]).—Для подбиранія мертвыхъ тѣлъ устроены были особыя смоляныя „ѳуры“, представлявшія безобразные глубокіе ящики, въ сажень длиною, съ крышкою сверху и съ приспособленіемъ для выемки мертвыхъ тѣлъ сзади. И вотъ на такихъ-то отвратительныхъ телѣгахъ въ четверку лошадей разъѣзжали по всему городу погребатели, часто пьяные и буйные, одѣтые въ смоляныя рубахи, подобныя же рукавицы, шапку и сапоги. Закрывая ноздри смоченною въ уксусѣ губкою, они желѣзными крюками подхватывали умершихъ и безъ всякихъ церковныхъ „обрядовъ и проводовъ“ отвозили ихъ въ общія ямы[2]). Къ довершенію бѣдствія въ Москвѣ открылся голодъ, вслѣдствіе прекращенія подвоза съѣстныхъ припасовъ, который особенно приходилось испытывать низшему классу, живущему ежедневнымъ заработкомъ и теперь лишенному его[3]).

Сравненіе карантина Ковылина съ общественными бараками и ужасающею картиною жизни внутри Москвы выгодно возвышало вожака ѳедосѣевцевъ въ глазахъ умирающаго отъ голода и язвы народа; многіе добровольно стали переходить въ обитель Ильи Алексѣева. Ковылинъ никому не отказывалъ въ пріютѣ, но въ то же время старался внушить приходившимъ, что моровая язва есть наказаніе Бо-

---

миссіи 1771 г., вязка 3, № 11; примѣчаніе къ уставу комиссіи; ср. П. С. З., т. XIX, № 13,648, № 13,653.

[1]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, дѣла предохранительной комиссіи 1771 г., вязка 3, № 4 (5); приказъ Еропкина 8 сентября.

[2]) Тамъ-же, вязка 3, № 11; примѣчаніе къ уставу комиссіи.

[3]) Московскій Архивъ Министер. Юстиціи, дѣла для предохраненія жителей г. Москвы отъ моровой язвы 1771 г., вязка 3, № 4 (5). Донесеніе гр. Салтыкова отъ 30 августа: Исторія Россіи, Соловьева, кн. VI, стр. 1033.

яніе за отступленіе церкви отъ православія отцовъ и что единственное спасеніе отъ временныхъ и вѣчныхъ мукъ— это принятіе ѳедосѣевства. Страхъ смерти придавалъ его словамъ неопровержимую силу убѣдительности. Легковѣрный народъ считалъ свою погибель неизбѣжною безъ покровительства Ковылина и цѣлыми толпами уходилъ въ ѳедосѣевское согласіе[1]).

Чтобы удержать новыхъ членовъ въ ѳедосѣевствѣ навсегда, Ковылинъ съумѣлъ скрѣпить ихъ связь съ общиной матеріальными интересами, которые оказались наиболѣе дѣйствительными тамъ, гдѣ не оставалось мѣста для нравственныхъ. Каждаго, кто только хотѣлъ вступить въ ѳедосѣевское общество, Ковылинъ старался убѣдить посвятить свое имущество Богу. Въ виду ужасовъ смерти и грабежей, которые то и дѣло повторялись въ Москвѣ, ему это легко удавалось. Но пожертвованныя богатства Ковылинъ уже не возвращалъ тѣмъ, которые хотѣли послѣ язвы оставить его общество, на томъ основаніи, что оно посвящено Богу, а отъ Бога нельзя требовать обратно жертвы. Добытое такимъ способомъ имущество Ковылинъ переводилъ въ деньги. Въ общинѣ образовался огромный капиталъ[2]), увеличивавшійся, помимо того, отъ поминовеній, обязательныхъ по догмѣ ѳедосѣевства для всѣхъ его членовъ[3]). Капиталу кладбища Ковылинъ старался давать коммерческій оборотъ. Богатыя матеріальныя средства кладбища стали

---

[1]) Рукопись библ. Кіевской духовн. академіи, № 57 (Аа., 189), об. 83—л. 84.—Архивъ Министер. Внутреннихъ Дѣлъ, дѣло департамента Общихъ Дѣлъ 1853 г., № 577 (68), л. 221, 284—285.—Историческія справки въ этомъ дѣлѣ составлены на основаніи книгъ и личныхъ допросовъ членовъ Преображенскаго кладбища, изъ которыхъ старшій настоятель жилъ на кладбищѣ болѣе 80 лѣтъ, будучи крещенъ еще въ 1772 г. (тамъ же, л. 216—217, об. 342).—Самыя же бумаги, взятыя у раскольниковъ при обыскѣ въ 1853 г., хранятся въ 2-хъ тюкахъ въ Архивѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. До сихъ поръ изслѣдователямъ пользованіе ими не разрѣшалось.

[2]) Архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, дѣло департамента Общихъ Дѣлъ 1853 г. іюля 18, № 577 (68), об. 221, об. 224, ср. 338. Рукопись библіотеки Кіевской дух. академіи № 57 (Аа., 189), л. и об. 84, л. 85, ср. об. 99—л. 100.

[3]) См. „Откровеніе Ильи Алексѣевича о преставльшихся от-

привлекать потомъ весьма многихъ: одни хотѣли при помощи общинной кассы поправить свои собственныя коммерческія дѣла[1]), а бѣднѣйшихъ влекло на Преображенское то внѣшнее довольство, которое имъ тутъ представляли безвозмездно[2]).

Сильнымъ средствомъ какъ для укрѣпленія тѣхъ лицъ, которыя уже приняли ѳедосѣевство, такъ и для завлеченія новыхъ членовъ служило внѣшнее и внутреннее благоустройство кладбища, особенно благолѣпіе иконъ[3]), стройность

цѣхъ и братіяхъ во время моровой язвы 1772 г.".—Архивъ Минист. Внутренн. Дѣлъ, дѣло департамента Общихъ Дѣлъ 1853 г. іюля 18 № 577 (68) л. 227—228, л. 325—338.

[1]) Рукопись библіотеки Кіевской духовной академіи № 57 (Аа., 189), об. 88—л. 89.

[2]) Въ началѣ XIX в. среди московскихъ ѳедосѣевцевъ мы видимъ даже бывшаго священника г. Волоколамска Алексѣя Ѳедорова. За неблагочинное поведеніе (пьянство, драку, ругательство) Алексѣй Ѳедоровъ былъ отрѣшенъ отъ мѣста. Живя безъ должности онъ впалъ въ крайнюю бѣдность. Нищета послужила для Алексѣя Ѳедорова сильнымъ мотивомъ перейти въ расколъ: „чрезъ бѣдность и рѣшился оставя свое званіе превратить себя въ старообрядческую вѣру". Встрѣтившись случайно съ купцомъ Ковылинымъ, онъ высказалъ ему свое намѣреніе относительно старообрядчества. Ковылинъ тотчасъ „пригласилъ его къ себѣ, обнадеживая во всю его жизнь его сокрыть и сдѣлать, наконецъ, „отцемъ", а семейству его обѣщалъ каждогодно давать на пропитаніе по 50 рублей". Недостойный священнослужитель соблазнился предложеніемъ жизненныхъ удобствъ, на которыя, по своему неблагоповеденію, уже не надѣялся въ православіи; „перекрестился" по обычаю ѳедосѣевцевъ, и дѣйствительно получилъ „должность отца" въ домовой часовнѣ Ковылина, а на кладбищѣ соотвѣтствующее помѣщеніе.—Архивъ Св. Синода, дѣло 1808 г. іюня 20, № 490 (771).

[3]) Для украшенія иконостаса Преображенской часовни и чрезъ то, какъ разсуждалъ м. Платонъ, для „утвержденія себя и другихъ въ раскольническомъ заблужденіи" и „для единаго истинной церкви нареканія", Ковылинъ пріобрѣлъ отчасти хитростью, отчасти подкупомъ древнія иконы изъ нынѣ упраздненной церкви въ гор. Москвѣ св. Анастасіи.—Архивъ Московской консисторіи, вязка I Никитскаго сорока, по церкви Анастасіи узорѣшительницы, что у Охотнаго ряда, дѣло 1773 г. октября 9, № 14 (25)—.Ср. Полное историческ. изв., Іоаннова, СПБ., 1795 г., ч. II, стр. 30.—Рукопись библ. К. д. акад., № 57 (Аа., 189) об. 85—л. 86.

пѣнія[1]), продолжительность богослуженія[2]), и заведенный Ковылинымъ монастырскій порядокъ[3]). Наконецъ, снисходительное отношеніе къ противозаконной связи мужчинъ съ женщинами, при отрицаніи брака, представляли много соблазнительнаго для молодежи, которая иногда по однимъ только плотскимъ побужденіямъ записывалась въ ѳедосѣевство. Отъ незаконнаго сожитія рождались дѣти, которыя, воспитываясь здѣсь же на кладбищѣ въ духѣ ѳедосѣевства, умножали собою число ѳедосѣевцевъ[4]).—Въ началѣ XIX в. ѳедосѣевцевъ въ Москвѣ насчитывалось болѣе 11,000[5]).

Такимъ образомъ устройство и процвѣтаніе Преображенскаго кладбища обусловливалось энергическою дѣятельностью одного изъ представителей ѳедосѣевства, который, воспользовавшись благопріятными современными обстоятельствами, а именно: тяготѣніемъ старообрядцевъ къ Москвѣ, гуманнымъ законодательствомъ Екатерины II, особенно общественнымъ бѣдствіемъ, сообщилъ кладбищу крѣпкую внутреннюю и внѣшнюю организацію и этимъ средствомъ въ свою очередь завлекалъ простой народъ въ свою общину.

Другимъ знаменитымъ раскольничьимъ центромъ въ Москвѣ, центромъ поповцевъ, было Рогожское кладбище,

---

[1]) При моленныхъ Ковылина состояли цѣлые организованные штаты псаломщиковъ и псаломщицъ; число ихъ доходило до 200. Получая полное содержаніе отъ кладбища, они несли одну только обязанность исполненія пѣнія и чтенія при богослуженіяхъ и потому могли достигать извѣстныхъ совершенствъ въ этомъ отношеніи. —Архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, дѣло департамента Общихъ Дѣлъ 1853 г. іюля 18, № 577 (68), лл. 221—223, 310—311.

[2]) Богослуженіе совершалось днемъ и ночью; всего въ сутки ему удѣлялось около 9—10 часовъ. Кромѣ того, Ковылинъ завелъ обычай читать „неугасаемую псалтирь".—Архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, дѣло департамента Общихъ Дѣлъ 1853 г. іюля 18, № 577 (68), лл. 223, 228, 306.

[3]) Архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, дѣло департамента Общихъ Дѣлъ 1853 г. іюля 18, № 577 (68), л. 220, об. 221, об. 285. Ркп. б. К. д. ак. № 57 (Аа., 189), л. и об. 86, об. 87—л. 88.

[4]) Архивъ Министер. Внутрен. Дѣлъ, дѣло департамента Общихъ Дѣлъ 1853 г. іюля 18, № 577 (68), лл. 320—324, 328—329.—Рукоп. б. К. д. ак. № 57, л. 87, об. 88, об. 98—л. 99, об. 97.

[5]) Рукопись библіотеки Кіевской духовной академіи № 57 (Аа., 189), л. 92.

помѣщавшееся за Проломною заставою, между большими дорогами Владимірской и Коломенской, на землѣ, принадлежавшей Андроновской слободѣ[1]). Подобно Преображенскому кладбищу, оно было основано съ разрѣшенія Правительствующаго Сената во время эпидеміи 1771 г. для погребенія умершихъ поповцевъ; тогда же рогожцы для отпѣванія покойниковъ выстроили и деревянную часовню на кладбищѣ съ дозволенія временно главнокомандующаго Москвы князя Григорія Григорьевича Орлова[2]). Во главѣ рогожцевъ стоялъ „именитый гражданинъ“ Никита Павловъ, который былъ для Рогожскаго кладбища тѣмъ же, чѣмъ Илья Ковылинъ для Преображенскаго. Подобно немногимъ другимъ прихожанамъ кладбища, Никита Павловъ имѣлъ собственную „крестовую“[3]). Въ его домѣ происходило нѣсколько засѣданій перемазанскаго собора (1779 г.), какъ въ домѣ одного изъ почетнѣйшихъ членовъ московской поповщины[4]). Поведеніе же Никиты Павлова на упомянутомъ соборѣ показываетъ, до какой степени самопроизвольно привыкъ Никита Павловъ распоряжаться въ дѣлахъ кладбища, и съ другой стороны, какимъ вліяніемъ онъ пользовался среди московскихъ поповцевъ: несогласнымъ съ своимъ мнѣніемъ онъ сулилъ „жалованье дубинъ“[5]), а когда ясно стало, что поколебать убѣжденія вѣтковцевъ—инока Никодима и его сообщниковъ невозможно, Никита Павловъ съ послѣдняго засѣданія, бывшаго у него въ домѣ, „внезапно вскочи, бѣжаше въ крестовую, ругая Никодима, изъ кретовой же за нимъ со двора вси уидоша“, т. е. вмѣстѣ съ нимъ разошлись и остальные рогожцы, участвовавшіе въ засѣданіи, увлеченные примѣромъ Никиты Павлова[6]). Вліяніе

[1]) Донесеніе главнокоманд. Москвы кн. Прозоровскаго Екатеринѣ II отъ 25 окт. 1792 г., напеч. въ Прибавленіяхъ къ Творен. св. отцевъ 1882 г., кн. I, стр. 245—248.

[2]) Тамъ же.

[3]) Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1788 г. января 21, № 3.

[4]) Полн. истор. извѣст. о расколѣ, Іоаннова, ч. IV, стр. 61—68, 72—77.

[5]) Тамъ же, стр. 66, 67.

[6]) Тамъ же, стр. 77 (изъ записей о перемазанскомъ соборѣ инока Никодима).

Никиты Павлова простиралось даже за предѣлы Москвы. Онъ имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ „по разнымъ городамъ и деревнямъ“. Иногородные сами пріѣзжали къ Никитѣ Павлову, видимо потому, что уважали Никиту не меньше московскихъ поповцевъ[1]). Властное поведеніе Никиты на кладбищѣ, уваженіе къ нему даже иногородныхъ предполагаютъ его особыя отношенія къ кладбищу, такія, за которыя онъ заслуживалъ оказываемаго ему почета и подчиненія; иначе говоря: самовластіе Никиты Павлова на кладбищѣ обусловливалось широкою его дѣятельностью для блага московской поповщины. Имѣемъ и болѣе ясныя основанія для заключенія объ этой дѣятельности Никиты Павлова. Въ дѣлахъ Св. Синода есть показанія московскаго переплетчика безпоповца Шахина на Никиту, что изъ его дома приносили къ нему, Шахину, для переплета 40 учебныхъ псалтирей, печатанныхъ въ Польшѣ[2]). Несомнѣнно, учебныя псалтири нужны были Никитѣ для обученія въ духѣ поповщины подрастающаго поколѣнія[3]), о чемъ, очевидно, и заботился вожакъ поповцевъ, полагая такимъ образомъ самыя прочныя основы для будущности рогожской общины. И въ построеніи обширной рогожской часовни, о чемъ ниже, Никита былъ главнымъ участвующимъ лицомъ[4]).

Важнѣйшимъ средствомъ для завлеченія православныхъ у московскихъ поповцевъ, какъ и у ѳедосѣевцевъ, служило благоустройство ихъ общины. Не по нуждѣ только удовлетворенія религіознымъ потребностямъ, но и съ цѣлью

---

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1781 г. іюля 25, № 411.

[2]) Тамъ же.

[3]) Спеціально старообрядческія школы неоффиціально дѣйствительно существовали. Въ томъ же дѣлѣ Шахина разсказывается о стародубскомъ мѣщанинѣ Григоріи Макѣевѣ, который, живя въ Москвѣ, занимался обученіемъ „разныхъ чиновъ малолѣтнихъ дѣтей россійской грамотѣ“. А судя по его участію въ распространеніи заграничныхъ раскольничьихъ книгъ и по его принадлежности къ старообрядчеству, съ увѣренностью можно утверждать, что и обученіе у него совершалось по тѣмъ же раскольничьимъ книгамъ, которыя онъ рекомендовалъ своимъ знакомымъ.

[4]) Донесеніе кн. Прозоровскаго Екатеринѣ II отъ 25 окт. 1792 г., напечат. въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ 1882 г., кн I, стр. 245—246.

сравняться въ торжественности съ богослуженіемъ московскихъ соборовъ и русскихъ монастырей, или даже превзойти въ этомъ отношеніи православную церковь и благолѣпнымъ отправленіемъ своихъ чинопослѣдованій располагать простолюдиновъ къ принятію старообрядчества, заправилы кладбища изыскивали всѣ способы къ упорядоченію и усовершенію своихъ молитвенныхъ собраній. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоялъ для поповцевъ, не имѣвшихъ своего священства, вопросъ о достаточномъ числѣ кладбищенскаго духовенства, и, нужно правду сказать, рогожцы умѣли сманивать къ себѣ православныхъ іереевъ и діаконовъ, даже не изъ одной московской епархіи. Обыкновенно они привлекали къ себѣ бѣдныхъ православныхъ священнослужителей обѣщаніемъ жизненныхъ удобствъ. Дѣйствительно, попы и діаконы имѣли на кладбищѣ хорошія квартиры, пользовались гостепріимствомъ своихъ прихожанъ, у которыхъ по временамъ и жили; помимо того, за исправленіе требъ получали богатые доходы[1]). Чтобы закрѣпить пребываніе бѣглыхъ духовныхъ лицъ на кладбищѣ, рогожцы старались завлекать ихъ вмѣстѣ съ семействами, у кого оно было. Проживая же среди раскольниковъ, бѣглые священнослужители легко потомъ сами вступали съ ними въ родственныя связи, выдавая своихъ дочерей за раскольниковъ[2]). Во избѣжаніе всякихъ случайныхъ побѣговъ духовныхъ лицъ съ кладбища, рогожцы отбирали у нихъ ставленыя грамоты, если таковыя имѣлись. Когда же подозрѣвали кого въ намѣреніи оставить ихъ общество, у того забирали „пожитки“ въ особую кладбищенскую кладовую, такъ что, не жертвуя своимъ имуществомъ, недовольный священнослужитель не могъ убѣжать съ кладбища. Въ крайнихъ случаяхъ учиняли постоянный присмотръ за ненадежнымъ попомъ или діакономъ. Если недовольному священнослужителю, несмотря на всѣ преграды, удавалось все-таки бѣжать съ кладбища, тогда рогожскіе раскольники „ласкою и обнаде-

[1]) Архивъ Московской дух. консисторіи, дѣло 1788 г. января 21, № 3. Архивъ Св. Синода, дѣло 1778 г. ноября 7, № 371.

[2]) Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1788 г. января 21, № 3.

живаніемъ лучшаго содержанія“ побуждали его возвратиться на кладбище. На непреклонныхъ же дѣйствовали насиліемъ („силою“[1]). Вслѣдствіе такихъ заманчивыхъ и энергическихъ способовъ привлеченія и удерживанія бѣглыхъ священнослужителей, на кладбищѣ за разсматриваемое время ихъ всегда находилось по нѣскольку[2]); причемъ большая часть изъ нихъ не имѣла даже и охоты возвращаться въ православную церковь[3]).

За богослужебнымъ порядкомъ на кладбищѣ наблюдало не духовенство, а староста и экономъ. По ихъ распо-

---

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1778 г. ноября 7, № 371.

[2]) По показаніямъ, наприм., одного раскаявшагося бѣглаго священника, въ 1778 г. на кладбищѣ проживали слѣдующіе попы: 1) Костромской епархіи Аѳанасій Ивановъ, 2) Коломенской—Григорій и 3) Киръ Ивановъ, 4) викарный г. Москвы Андрей Гавриловъ и 5) іеромонахъ Троице-Сергіевой лавры Петръ. Вскорѣ мы видимъ на кладбищѣ еще 6) попа Илью. Кромѣ того, въ указанное время здѣсь были два діакона: Коломенской епархіи Сергѣй и Тверской—Иванъ Васильевъ. А въ мурованіи участвовали и пріѣзжіе: попъ Никита Ивановъ, Казанской епархіи и діаконъ Василій Павловъ.—Архивъ Св. Синода, дѣло 1778 г. ноября 7, № 371.

[3]) Архивъ Московской дух. консисторіи, дѣло 1788 г. января 21, № 3; дѣло 1792 г. іюня 15, № 13.—Самый чинопріемъ приходящихъ на Рогожское бѣглыхъ православныхъ священнослужителей совершался при торжественной обстановкѣ, способной производить сильное впечатлѣніе въ пользу старообрядчества и на принявшихъ уже расколъ и на православныхъ, особенно на склонныхъ къ вступленію въ поповщину. „Исправа“ совершалась при многолюдномъ стеченіи раскольниковъ своихъ и пріѣзжихъ. Она состояла въ томъ, что, по распоряженію старосты, проживающіе на кладбищѣ попы, іеромонахи и діаконы въ полномъ облаченіи послѣ часовъ читали надъ присоединяемымъ особыя „молитвы съ приговариваніемъ, Господи Боже нашъ, пріими раба сего въ славу и похвалу величествія твоего, и ежели кто не крестится двоеперстно, хулитъ угодниковъ Божіихъ и не покланяется ихъ мощамъ или не творитъ земныхъ поклоновъ да будетъ проклятъ“. Послѣднюю молитву заставляли повторять и присоединяемаго къ расколу. Затѣмъ надѣвали на бѣглаго священнослужителя стихарь и ризы съ своего рода заклинаніемъ, „чтобы при служеніи.... у нихъ раскольниковъ читать по старопечатнымъ книгамъ, аллилуя по дважды и припѣвать къ каждому въ третій слава Тебѣ Боже, и Богъ Господь и явися намъ пять разъ, и имѣть на себѣ крестное сложеніе двоеперстно“ и т. д. —Архивъ Св. Синода, дѣло 1778 г. ноября 7, № 371.

ряженію, попы отправляли часы, утренню, вечерню[1]). Въ завѣдываніи этихъ чиновныхъ лицъ находилось и причастіе. Такъ какъ алтари рогожскихъ часовенъ стояли неосвященными, то обѣдни на кладбищѣ не служили, а причастіе привозили съ Вѣтки и хранили его въ часовнѣ въ серебряномъ ковчегѣ. Однажды въ годъ, въ великій четвергъ, заправилы кладбища выдавали его попамъ для пріобщенія рогожскихъ прихожанъ. Для напутствованія же больныхъ, попы получали причастіе по мѣрѣ надобности отъ упомянутыхъ распорядителей. Также подчинялись попы распоряженіямъ кладбищенскаго раскольничьяго начальства при отправленіи другихъ требъ, совершая ихъ согласно указаніямъ кладбищенскихъ уставщиковъ[2]). То обстоятельство, что наблюденіе за исполненіемъ устава относилось къ сферѣ вѣдѣнія заправилъ кладбища—вліятельныхъ раскольниковъ, а не бѣглыхъ поповъ, должно было сопровождаться полнотою въ исполненіи богослужебныхъ чинопослѣдованій, протяжностью пѣснопѣній и сохраненіемъ установившихся въ поповщинѣ особенностей.

Въ дополненіе къ заботливости рогожцевъ объ усовершеніи своихъ молитвенныхъ собраній, слѣдуетъ указать на ихъ стремленіе придать наиболѣе благолѣпный видъ самымъ своимъ молельнямъ: по замѣчанію митрополита Гавріила, замыслы московскихъ поповцевъ при главнокомандующемъ князѣ Прозоровскомъ касательно построенія часовни, обширнѣйшей Успенскаго собора, съ алтарными выступами и 5-ю главами вытекали, между прочимъ, и изъ тѣхъ соображеній, чтобы „огромностію храма унижать первую въ Россіи церковь въ мысляхъ простаго народа; и особливо въ преклонныхъ къ расколу усилить къ нимъ (раскольникамъ) уваженіе[3])."

Въ результатѣ все этой заботливости рогожцевъ о благолѣпіи своихъ молитвенныхъ собраній выходило то, что

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1778 г. ноября 7, № 371. Архивъ Московской дух. консисторіи, дѣло 1778 г. января 21, № 3.

[2]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1778 г. ноября 7, № 371.

[3]) Записка С.-Петербургскаго митрополита Гавріила отъ 9 ноября 1792 г.; напечатана въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ 1882 г., кн. I, стр. 257—259.

„селянинъ непросвѣщенной не успѣетъ двухъ разъ побывать въ ихъ мольбищѣ, поглядѣть на ихъ протяжную службу, увидѣть ихъ крестное хожденіе, каковое они часто отправляютъ, какъ вышедши и хвалитъ уже ихъ обряды, называя оные святою стариною, а въ нашихъ церквахъ святыхъ присмотрѣнное обычное служеніе новою вѣрою; по ней де не спасешься“[1]).

Широкаго вліянія на раскольниковъ и православныхъ руководители Рогожскаго кладбища надѣялись достигнуть и внутреннимъ своимъ порядкомъ, устроеннымъ на подобіе монастырскаго. Если мы примемъ во вниманіе, какъ простой русскій народъ любитъ монастырскій порядокъ и чѣмъ онъ строже, тѣмъ скорѣе поддается вліянію его, то поймемъ, какими пагубными послѣдствіями для православныхъ могла сопровождаться организація Рогожскаго кладбища. Недаромъ современный описываемой эпохѣ историкъ называетъ Рогожское кладбище монастыремъ, который служилъ „камнемъ претыканія и соблазна всѣмъ простодушнымъ святыя церкви чадамъ“[2]). Устроенное по образцу монастыря, кладбище имѣло отдѣленія для мужчинъ и для женщинъ. Монахини появились на Рогожскомъ позднѣе монаховъ. Впервые онѣ были привезены сюда въ 1777 г. изъ различныхъ прежде основанныхъ раскольничьихъ монастырей. Число ихъ въ началѣ ограничивалось 20-ю. Постоянно же живущихъ на кладбищѣ въ 1778 г. монаховъ и другихъ лицъ восходило до 100 человѣкъ[3]). Количество это быстро возрастало. Въ 1795 году протоіерей Іоанновъ опредѣляетъ его уже въ нѣсколько сотъ душъ[4]). Что же касается общаго числа прихожанъ Рогожскаго кладбища, то, по извѣстіямъ конца XVIII в., оно простиралось до 20000 человѣкъ[5]).

---

[1]) Полн. историч. извѣст. о расколѣ, Андрея Іоаннова, ч. IV, стр. 48—49.

[2]) Тамъ же, стр. 48.

[3]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1778 г. ноября 7, № 371.

[4]) Полн. истор. извѣст. о расколѣ, ч. IV, стр. 48.

[5]) Донесеніе князя Прозоровскаго императрицѣ Екатеринѣ II: Прибавленія къ Творен. св. отцевъ 1882 г., кн. I, стр. 246. Записка С.-Петербургскаго митрополита Гавріила: тамъ же, стр. 258. Полн. истор. извѣст. о расколѣ, ч. IV, стр. 48.

Итакъ въ возникновеніи и процвѣтаніи Рогожскаго кладбища дѣйствовали въ общемъ тѣ же факторы, какіе играли важную роль и въ судьбѣ Преображенскаго кладбища. Такими факторами при тяготѣніи старообрядцевъ къ древней столицѣ и снисходительномъ отношеніи къ нимъ императрицы Екатерины оказывались: чума 1771 г., энергическая дѣятельность Никиты Павлова, наконецъ, привлекательное для простолюдиновъ устройство кладбища, которое, несомнѣнно, являлось плодомъ трудовъ кладбищенскихъ заправилъ.

Лѣтъ пять спустя послѣ моровой язвы, слѣдовательно, немного позднѣе Преображенскаго и Рогожскаго кладбища въ Москвѣ образовалось общество безпоповцевъ поморскаго согласія. До 1771 г. въ Москвѣ поморцевъ было всего только пять-шесть бѣдныхъ семействъ. Но вотъ среди нихъ явился проповѣдникъ, мѣщанинъ Василій Емельяновъ. Вмѣстѣ съ купцомъ Гавріиломъ Скачковымъ Емельяновъ съумѣлъ составить общество поморцевъ въ 50 человѣкъ. При помощи московскихъ богачей, принадлежащихъ къ ихъ согласію, они устроили молельню (Покровскую) въ нынѣшней Лефортовской части, а при ней богадѣльню. Впослѣдствіи Скачковъ, когда сдѣлался послѣ Емельянова настоятелемъ общины (1795 г.), придалъ московскому старопоморскому согласію хорошее внутреннее устройство, а главное позаботился объ основаніи прочнаго капитала[1]), который всегда служилъ лучшею гарантіею для успѣшнаго существованія раскольничьихъ общинъ. О пропагандѣ Покровской молельни нужно замѣтить, что она не отличалась такимъ фанатизмомъ, какимъ ознаменовали себя московскіе послѣдователи другихъ толковъ, да и направлялась пропаганда московскихъ поморцевъ преимущественно на самихъ раскольниковъ, державшихся только иныхъ воззрѣній. Случаи же совращенія православныхъ повторялись въ Покровской молельнѣ сравнительно рѣдко. — Община эта была немногочис-

[1]) Для достиженія этой цѣли, онъ постановилъ взимать посильныя денежныя приношенія съ брачущихся, не менѣе однакожъ десяти рублей; а отъ богачей эти пожертвованія доходили нерѣдко до 1000 рублей и болѣе.

ленна: при Екатеринѣ II московскихъ поморцевъ насчитывалось всего лишь до 80 человѣкъ, но при Павлѣ I ихъ было уже до 1000 человѣкъ, а при Александрѣ I—до 4000[1]).

Въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія къ перечисленнымъ раскольничьимъ толкамъ въ Москвѣ прибавились еще филипповцы. Проникли они сюда изъ главнаго центра своей секты—села Кимръ, Тверской губерніи, и распространялись сперва почти исключительно въ низшихъ бѣднѣйшихъ слояхъ общества,—пріѣзжихъ крестьянъ и мѣщанъ. Своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ устройствомъ „Филипповская часовня“ обязана главнымъ образомъ богатому тверскому купцу Долину и нѣкоему Алексѣю Яковлеву, настоятелю общины, а равно вспомоществованію иногородныхъ филипповцевъ, для которыхъ, за исключеніемъ кимрскихъ, интересно было процвѣтаніе столичной общины, въ виду лучшаго объединенія чрезъ это всѣхъ филипповцевъ. Долинъ, переселившись въ Москву, пожертвовалъ на устройство общины огромную сумму денегъ и побудилъ къ тому же другихъ членовъ своего толка. Такимъ образомъ была выстроена въ Рогожской части, Дурновомъ переулкѣ молельня, которая съ фасада закрывалась отъ всякаго посторонняго взгляда двумя каменными флигелями, предназначенными для богадѣльни. Алексѣй Яковлевъ, избранный настоятелемъ новой общины, украсилъ часовню иконами[2]) и, вообще, много заботился объ ея благолѣпіи. Во внутренней жизни филипповцевъ онъ требовалъ соблюденія строгаго аскетическаго устава,—вина совсѣмъ не пить, ѣсть, какъ можно, меньше и т. п. Своимъ аскетизмомъ филипповцы пріобрѣтали большое уваженіе въ глазахъ православныхъ и раскольниковъ; у послѣднихъ они долгое время извѣстны были даже подъ именемъ „крѣпкихъ христі-

---

[1]) Старообрядческія Покровская молельня и Филипповская часовня въ Москвѣ, Вишнякова, С.-Петербургъ, 1865 г., стр. 1—8.

[2]) Для этой цѣли Алексѣй Яковлевъ устроилъ собственную иконописную мастерскую. Вскорѣ она вмѣстѣ съ переплетною была доведена до значительнаго совершенства, такъ что къ филипповцамъ стали обращаться съ заказами и послѣдователи многихъ другихъ раскольничьихъ сектъ, умножая чрезъ то средства общины.

анъ". Какъ образовавшееся позднѣе прочихъ раскольничьихъ московскихъ общинъ, какъ основанное лицами менѣе выдающимися, наконецъ, вслѣдствіе крайняго своего аскетизма и противогосударственнаго направленія, филипповская московская община въ XVIII в. и началѣ XIX не была многочисленна, считая своихъ послѣдователей всего только человѣкъ въ 300[1]).

Изъ изложенной исторіи раскольничьихъ толковъ видно, что быстрое усиленіе раскола съ Москвѣ во второй половинѣ XVIII в. произошло вслѣдствіе совокупнаго дѣйствія нѣсколькихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, именно: тяготѣнія всѣхъ, вообще, старообрядцевъ къ древней столицѣ, снисходительнаго законодательства Екатерины II, вслѣдствіе котораго сдѣлалось возможнымъ для раскольниковъ безпрепятственно селиться въ Москвѣ, общественнаго бѣдствія 1771 г., наконецъ, талантливости вожаковъ раскола, которые съумѣли изъ удачно сложившихся условій извлечь возможныя выгоды для прочной и привлекательной организаціи своихъ общинъ.

Кромѣ г. Москвы, старообрядцы въ значительномъ количествѣ жили по уѣздамъ Московской губерніи. Здѣсь издавна расколъ свилъ себѣ прочное гнѣздо. Всего болѣе приверженцами дониконовскихъ обычаевъ была населена „округа" Бронницкая; затѣмъ сосѣднія: Богородская, Никитская и Московская[2]); а въ самыхъ уѣздахъ по обилію рас-

---

[1]) Православное Обозрѣніе 1864 г., ч. I, стр. 73—92; Старообрядческія Покровская молельня и Филипповская часовня въ Москвѣ, Вишнякова, стр. 49—62.

[2]) О распредѣленіи раскольниковъ по московскимъ уѣздамъ можно судить на основаніи сохранившейся въ Московской консисторіи вѣдомости за 1784 г. Въ ней раскольники значатся въ слѣдующихъ округахъ и въ такомъ количествѣ:

	мужскаго пола.	женскаго пола.
въ Московской округѣ	283	318
„ г. Никитскѣ	16	12
„ его округѣ	741	748
„ Богородской округѣ	794	868
„ Бронницкой	4709	4733
„ Рузской	27	34

кольниковъ замѣтнѣе прочихъ пунктовъ выдавались Гуслицы[1]). Процвѣтанію раскола въ означенныхъ мѣстностяхъ въ описываемое время весьма много способствовали построенные въ гуслицкихъ и запонорскихъ лѣсахъ старообрядческіе скиты. Скиты раздѣлялись на мужскіе и женскіе. Наиболѣе многолюдны изъ мужскихъ скитовъ были скиты инока Іосифа и игумена Леонтія, основанные ими въ 1771 году. Въ 1776 году, по показанію захваченныхъ полиціей въ гуслицкихъ лѣсахъ разнаго званія бѣглыхъ людей, въ скиту инока Іосифа числилось до 50 человѣкъ, а въ скиту „раскольническаго начальника“ Леонтія жило около 20 монаховъ и 20 еще не имѣвшихъ монашескаго пострига. Болѣе видными изъ женскихъ скитовъ были скиты монахини Евгеніи и старицы Евдокіи. Пользуясь уединеннымъ положеніемъ въ лѣсной глуши, а также покровительствомъ помѣщичьихъ старостъ, скитники безпрепятственно и съ желательнымъ для себя торжествомъ могли совершать свои молитвословія по старопечатнымъ книгамъ, съ соблюденіемъ старыхъ обычаевъ. Для молитвы они имѣли часовни, въ которыя стекались и крестьяне сосѣднихъ селъ. Разсказами о гуслицкихъ отшельникахъ, объ образѣ ихъ жизни, монастырскомъ строѣ и богослуженіи, якобы по древле-православному чину, посѣтители скитовъ, естественно, могли соблазнять своихъ односельчанъ. Не ограничиваясь этою, такъ сказать, пассивною ролью въ пропагандѣ, скитники принимали и прямо дѣятельное, активное участіе въ распространеніи своего заблужденія. Съ цѣлью завлеченія въ расколъ крестьянъ, они спеціально разъѣзжали по городамъ и селамъ; чаще всего по ближайшимъ мѣстностямъ, но иногда

	мужскаго пола.	женскаго пола.
въ Воскресенской	5	7
„ Звенигородской	32	37
„ г. Звенигородѣ	—	1
„ г. Подолѣ (Подольскѣ)	23	36

всего, слѣдовательно, . . 13434 челов.

Архивъ Московской дух. консисторіи, дѣло 1784 г., № 43.

[1]) За 1784 г. въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ священниками села Гуслицъ записныхъ раскольниковъ съ дѣтьми ихъ показано мужескаго пола 2055, женскаго—2087 душъ.—Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1804 г. февраля 28.

проникали даже за предѣлы Московской епархіи, въ губерніи: Рязанскую, Тамбовскую, Астраханскую (по пути въ Иргизскіе монастыри). Вѣрнымъ орудіемъ пропаганды являлись у нихъ старообрядческія книги, которыя они распространяли среди посѣщаемаго ими населенія[1]) и на основѣ которыхъ, нужно полагать, вели свои разсужденія. Чтеніе же оставленныхъ ими раскольничьихъ книгъ само по себѣ потомъ вліяло на убѣжденія сталкивавшихся съ раскольниками слабыхъ членовъ православной церкви, склоняя послѣднихъ къ принятію „старой вѣры“[2]). Совращеніемъ въ расколъ занимались не одни монахи; и манахини, ходя по міру для прошенія милостыни, разсѣивали сѣмена лжеученія[3]).—Помимо гуслицкихъ скитовъ, столичныя старообрядческія общины, съ которыми уѣздные раскольники поддерживали связи, оказывали немалое вліяніе на усиленіе раскола въ провинціи, снабжая уѣздныхъ раскольниковъ лжеучителями, отправителями богослуженія и т. п.[4]). Вся эта пропаганда раскола легко могла совершаться, при существованіи именныхъ указовъ императрицы Екатерины II не чинить раскольникамъ никакого стѣсненія[5]).

Итакъ издавна существовавшій расколъ въ уѣздахъ Московской епархіи въ разсматриваемую епоху поддерживался съ одной стороны мнимымъ древле-православнымъ монастырскимъ строемъ гуслицкихъ скитовъ, съ другой—путешествіями гуслицкихъ лжеучителей по городамъ и селамъ; отчасти же вліяніемъ на провинціальныхъ жителей благоустроенныхъ старообрядческихъ общинъ г. Москвы; другими словами: живучести раскола, его развитію въ московскихъ уѣздахъ въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX в. со-

---

[1]) Архивъ Московской Св. Синода конторы, дѣло 1776 г. апр. 11, № 48 (на 232 листахъ). Архивъ Московской дух. консисторіи, дѣло 1776 г. іюня 6; дѣло 1801 г., № I (по приказному столу).

[2]) Архивъ Москов. дух. консисторіи, дѣло 1780 г. янв. 11, № 32; ср. дѣло Архива Св. Синода 1786 г. ноября 6, № 379.

[3]) Архивъ Москов. дух. консисторіи, дѣло 1776 г. іюня 6; дѣло 1801 г. № I. Архивъ Св. Синода, дѣло 1776 г. іюня 29, № 331.

[4]) Архивъ Москов. дух. консисторіи, дѣло 1778 г. декабря 21; дѣло 1779 г. іюня 1, № 14; дѣло 1782 г. января 24, № 28.

[5]) Указъ 1764 г. марта 3: Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., т. XVI, № 12067, п. 3.

дѣйствовала организація раскольничьихъ центровъ Московской губерніи и энергическая дѣятельность нѣкоторыхъ отдѣльныхъ представителей раскола, адептовъ „старой вѣры“, умѣвшихъ воспользоваться снисходительнымъ современнымъ законодательствомъ по отношенію къ раскольникамъ. Слѣдовательно, по характеру своему причины процвѣтанія раскола въ московскихъ уѣздахъ за описываемое время однородны съ главнѣйшими изъ факторовъ умноженія раскола въ г. Москвѣ.

Перечисленныя причины были отличительными причинами процвѣтанія раскола въ Московской епархіи за время управленія ею м. Платономъ, но, само собою понятно, одновременно съ ними дѣйствовали и тѣ факторы, которыми вообще обусловливалось существованіе старообрядчества, изъ которыхъ вытекали и на почвѣ которыхъ развивались всѣ остальныя причины возрастанія раскола и которые кратко и вѣрно охарактеризованы словами м. Платона: „расколъ основанъ на невѣжествѣ и ревности къ вѣрѣ горячей, но не по разуму“[1]). Въ самомъ дѣлѣ, безъ непониманія сущности религіи, безъ горячей, неразумной ревности къ вѣрѣ нельзя объяснить ни слѣпой приверженности къ старинѣ, ни тѣмъ болѣе усиленно-напряженной заботливости о выгодахъ раскола его главныхъ представителей.

II.

Если же основной корень раскола „невѣжество“, то, слѣдовательно, задача противораскольничьяго дѣятеля— стремиться разсѣять мракъ заблужденій. А горячая ревность къ вѣрѣ, хотя бы и неразумная, служащая въ соединеніи съ невѣжествомъ источникомъ приверженности къ старымъ книгамъ и обрядамъ, сама по себѣ уже, тѣмъ болѣе при существованіи положительной заповѣди объ отечески-снисходительномъ, кроткомъ отношеніи къ уклонившимся отъ чистоты вѣры, побуждаетъ и обязываетъ всякаго дѣятеля противъ раскола растворять свои просвѣтительныя мѣры по отношенію къ заблудшимъ огнемъ любви, болѣз-

[1]) Кр. Церков. Россійская Исторія м. Платона, т. II, стр. 236; сравн. стр. 29 настоящаго изслѣдованія.

нующей о погибели отдѣлившихся отъ церкви. Понятно, самое естественное средство для уясненія лживости раскольничьихъ умствованій составляютъ увѣщанія, согрѣтыя истинно-пастырскою любовью, для успѣшнѣйшаго проникновенія въ упорныя сердца неразумныхъ ревнителей. На этихъ увѣщаніяхъ прежде всего и останавливается м. Платонъ. Пастырскія наставленія заблудшихъ и въ Москвѣ такъ же, какъ и въ Твери, въ противораскольничьей дѣятельности м. Платона являются сильнѣйшимъ орудіемъ. Онъ полагаетъ ихъ во главу борьбы съ старообрядчествомъ и потому проводитъ съ настойчивостью, оттѣняя вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ евангельскій характеръ, котораго не выдерживали его предшественники[1]). Когда Св. Синодъ по поводу совратившихся въ Селинской волости предписалъ м. Платону въ числѣ средствъ для борьбы съ расколомъ сопровождаемое ласковымъ обхожденіемъ увѣщаніе, Платонъ отвѣчалъ, что средство это уже неоднократно и раньше указаній Св. Синода примѣнялось имъ при искорененіи раскола, „что священникамъ, гдѣ раскольники въ приходахъ жительствуютъ, многія и при всякомъ случаѣ наставленія были подаваны, дабы они со всякою ревностію заблуждающихъ отъ церкви людей старались приводить къ познанію истины и ко обращенію“[2]).

Дѣйствительно, судя по благочинническої инструкціи, митрополитъ Платонъ предписывалъ подчиненному духовенству „со всякою ревностію, но растворенною благоразумiемъ и кротостію Евангельскою стараніе прилагать о обращеніи ко святѣй церкви пребывающихъ въ расколѣ..., ожидая плода духовнаго со всякимъ благодушіемъ и терпѣніемъ“[3]). Каждому же вновь опредѣляемому священнику въ приходъ съ частью раскольничьяго населенія Платонъ особо внушалъ „всеприлежно стараться о обращеніи находящихся въ заблужденіи раскольническомъ“[4]). Призывъ па-

[1]) Полное собран. постановл. и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія, т. II, № 450.

[2]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1783 г. мая 17, № 362.

[3]) Инструкція м. Платона благочиннымъ, § 53.

[4]) Архивъ Московской дух. консисторіи, дѣло 1783 г. января 27, № 21.

стырей къ вразумленію уклонившихся отъ церкви чадъ ея этимъ не ограничивался. Представлялся поводъ, и Платонъ снова напоминалъ священникамъ, чтобы они не покоряющихся установленіямъ св. церкви „обращать и наставлять старались и ревновали“, и чтобы самое увѣщаніе производили „съ духомъ кротости, любви и терпѣнія“; а необходимую довѣрчивость къ себѣ со стороны заблуждающихся снискивали „единственно ласковымъ и снисходительнымъ съ ними обхожденіемъ и привѣтливостію, не дѣлая никакихъ привязокъ, ни угроженій, ни грубостей“[1]).

Указанное требованіе отъ священнослужителей ревностной заботливости объ увѣщаніи раскольниковъ дополнялось Платономъ въ смыслѣ опредѣленія времени, въ какое священники должны предлагать заблуждающимся слово увѣщанія. Въ 1786 г. Св. Синодъ воспретилъ священнослужителямъ непосредственно входить въ сыскъ раскольниковъ, для отвращенія отъ себя подозрѣній. Отсюда можно было, пожалуй, вывести заключеніе, что священникамъ, вообще, не слѣдуетъ имѣть никакого отношенія къ раскольникамъ. Поэтому московская епархіальная власть, по открывшемуся вскорѣ поводу, разъяснила, руководясь взглядомъ своего архипастыря, что упомянутый указъ „касается бродягъ, разсѣевающихъ пагубныя ученія къ совращенію поселянъ отъ святой церкви къ своему заблужденію“, какъ о томъ и въ самомъ указѣ написано. Раскольниковъ же, постоянно живущихъ въ приходахъ, епархіальное начальство находило возможнымъ, даже вмѣняло въ непремѣнную обязанность приходскимъ священникамъ „увѣщевать при всякомъ случаѣ“, или какъ точнѣе выразился самъ м. Платонъ въ резолюціи на консисторскомъ опредѣленіи по этому дѣлу: „наставлять при благовременномъ случаѣ“, т. е. пользоваться всякимъ удобнымъ моментомъ для духовнаго воздѣйствія на заблудшихъ[2]).—Призывая священнослужителей къ усердному увѣщанію старообрядцевъ, московскій свяги-

---

[1]) Архивъ Московской дух. консисторіи, дѣло 1794 г. января 16, № 72. Тамъ же, выписка изъ дѣла 1787 г. ноября (безъ числа). Архивъ Св. Синода, дѣло 1783 г. мая 17, № 362.

[2]) Архивъ Моск. дух. консист., дѣло 1794 г. января 16, № 72.

тель пастырей старательныхъ въ наставленіи заблудшихъ поощрялъ къ противораскольничьей дѣятельности знаками своего особаго вниманія, хотя бы это наставленіе производилось по его собственному порученію. „За приложенный во обращеніи трудъ, писалъ митрополитъ по поводу присоединенія къ православію бѣглаго попа Василія Стефанова, отцу Архимандриту изъявляемъ наше удовольствіе и благодарность“[1]). Наоборотъ, протопопамъ, замедлившимъ увѣщаніе захваченныхъ въ гуслицкихъ лѣсахъ раскольниковъ, Платонъ поставилъ на видъ неправость ихъ дѣйствій[2]).

Самыя наставленія заблудшихъ, соотвѣтственно идеѣ м. Платона объ евангельскомъ характерѣ ихъ, должны были состоять „въ изъясненіи предъ раскольниками вреда душевнаго, причиняемаго отторженіемъ отъ собора православныхъ“[3]). Въ этихъ видахъ, м. Платонъ, между прочимъ, совѣтывалъ священникамъ „прочитывать заблуждающимся съ толкованіемъ на то сочиненныя книги“...[4]). Для болѣе яснаго представленія хода противораскольничьихъ бесѣдъ, можно воспроизвести описаніе увѣщаній звенигородскимъ благочиннымъ протоіереемъ Емельяномъ совратившихся крестьянъ слободки Спасской. По пріѣздѣ въ село Коринское, къ которому принадлежала въ церковномъ отношеніи слободка Спасская, протоіерей Емельянъ сталъ уговаривать уклонившихся отстоять обѣдню вмѣстѣ съ православными. Цѣль, очевидно, была та, чтобы чрезъ богослуженіе, котораго совратившіеся начали чуждаться недавно, размягчить сердца раскольниковъ и такимъ образомъ подготовить ихъ къ принятію истины. Поэтому самую бесѣду благочинный откладывалъ на время послѣ обѣдни. Расчетъ благочиннаго однако не удался: раскольники „безъ стыда отреклись“ отъ участія въ православномъ богослуженіи. Вслѣдствіе этого благочинный вынужденъ былъ приступить къ увѣщанію безъ предварительной подготовки раскольниковъ къ

---

[1]) Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1788 г. января 21, № 3.

[2]) Тамъ же, дѣло 1776 г. іюня 6.

[3]) Инструкція благочиннымъ м. Платона, § 53.

[4]) Тамъ же.

воспріятію его пастырскихъ вразумленій. Онъ открылъ собесѣдованіе въ домѣ священника „при собраніи православныхъ“, и здѣсь „всѣ мѣры“ употреблялъ къ тому, чтобы поколебать заблужденіе отпадшихъ отъ церкви, разрѣшить ихъ сомнѣнія („дать точное на ихъ сомнѣнія рѣшеніе“) и „прямо при народѣ“ уличить ихъ „грубость и упорство“. Доказательства защищаемыхъ положеній протоіерей Емельянъ почерпалъ изъ св. Писанія, изъ „Увѣщанія“, сочиненнаго для раскольниковъ (разумѣется „Увѣщаніе“ м. Платона) и изъ другихъ „къ тому способныхъ сочиненій“[1]).

Продолжаемъ описаніе приводимаго факта, какъ имѣющаго для насъ значеніе еще съ другой стороны. Къ миссіонерской своей бесѣдѣ протоіерей Емельянъ напередъ готовился. Онъ даже „нарочно“ составилъ „отъ себя“ „увѣщанія“ для вразумленія заблудшихъ, быть можетъ, предварительно написалъ тетрадь съ опроверженіемъ раскольничьихъ лжеумствованій, и ею руководился въ полемикѣ съ уклонившимися съ истиннаго пути. „Состязаніе“ продолжалось четыре дня; оставилъ его протоіерей только потому, что убѣдился въ непреклонномъ упорствѣ старообрядцевъ, потому что раскольники рѣзко ему заявили, что „хотя-бъ пять лѣтъ въ тюрьмѣ-бъ морили, хотя-бъ два года были увѣщаемы, никогда не обратятся, а желаютъ въ двойной оброкъ записаться“[2]). Видимо, ревность архипастыря, по увѣщанію заблудшихъ, сообщалась и подчиненнымъ пастырямъ и они относились съ должнымъ тщаніемъ и энергіей къ возлагаемой на нихъ обязанности. Слѣдовательно, приведенная бесѣда протоіерея Емельяна съ раскольниками, служа разъясненіемъ того, въ чемъ состояли, вообще, противораскольничьи бесѣды при м. Платонѣ, какой онѣ носили характеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на ревность пастырей въ веденіи этихъ бесѣдъ, по примѣру своего архипастыря, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

---

[1]) Архивъ Московск. дух. консисторіи, дѣло 1780 г. января 11, № 32.—Другія дѣла свидѣтельствуютъ, что доказательства заимствовали и изъ старопечатныхъ книгъ непосредственно.—Тамъ же, дѣло 1776 г. іюня 6.

[2]) Тамъ же, дѣло 1780 г. января 11, № 32.

Если мы, далѣе, вникнемъ въ порядокъ увѣщаній, то вынесемъ заключеніе объ особенной настойчивости м. Платона въ пользованіи этимъ средствомъ. Увѣщанія рѣдко оканчивались однимъ приходскимъ пастыремъ. По требованію обстоятельствъ, Платонъ усиливалъ слово ближайшаго руководителя извѣстнаго общества вѣрующихъ помощью другихъ лицъ, которыхъ имѣлъ основанія считать за болѣе просвѣщенныхъ и болѣе искусныхъ въ веденіи бесѣдъ о предметахъ вѣры, которыхъ самый авторитетъ среди православныхъ не могъ не сообщаться и раскольникамъ, предрасполагая ихъ такимъ образомъ къ сознанію своего заблужденія и къ возвращенію въ лоно св. церкви. Для увѣщанія совратившихся въ расколъ жителей дворцовой Селинской волости (Московскаго уѣзда), ревностный архипастырь посылалъ особаго миссіонера изъ ученыхъ столичныхъ пастырей, даже на своемъ „коштѣ.“ Исключительнаго вниманія къ себѣ требовалъ выдающійся случай—уклоненіе въ расколъ большого числа крестьянъ (1593-хъ человѣкъ[1]). —Обыкновенно же, при неуспѣхѣ дѣйствій приходскаго священника, м. Платонъ поручалъ увѣщаніе совратившихся какому-либо благочинному, потому, нужно полагать, что на эту должность избирались лучшіе священники; чаще тому, именно, благочинному, въ вѣдомствѣ котораго обнаруживался печальный фактъ уклоненія въ старообрядчество. Когда въ 1779 г. митрополитъ Платонъ получилъ свѣдѣнія о распространеніи раскольничьихъ лжеумствованій въ селѣ Дмитровскомъ Звенигородскаго уѣзда, то онъ предписалъ „благочинному Павловскому, дабы въ помощь священнику (приходскому) всевозможное употребилъ стараніе о приведеніи заблуждающихъ къ познанію истины“[2]). Равнымъ образомъ и по поводу уклоненія въ расколъ одного семейства Спасской слободки, того же Звенигородскаго уѣзда, митрополитъ Платонъ далъ приказаніе „благочинному Звенигородскому ѣхать въ то село и оныхъ отъ церкви отлучившихся всемѣрно увѣщевать и стараться обратить на путь

---

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1783 г. мая 17, № 362.

[2]) Архивъ Москов. консистор., дѣло 1777 г. сент. 6.

истинный“[1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ увѣщаніе, при безуспѣшности наставленій приходскихъ пастырей, производилось въ подвѣдомыхъ духовныхъ учрежденіяхъ: духовныхъ правленіяхъ[2]) и консисторіи[3]). Для увѣщанія же захваченныхъ полиціею въ гуслицкихъ лѣсахъ значительнаго числа старообрядцевъ, м. Платонъ разсудилъ назначить двухъ изъ лучшихъ московскихъ протоіереевъ—„Басманническаго и Троицкаго“ и дать имъ въ помощь еще монаха Чудова монастыря Бенедикта, минуя священниковъ, въ приходахъ которыхъ жили взятые раскольники, частью по дальности разстоянія Гуслицъ отъ Москвы, а частью и по сознанію необходимости примѣнять лучшія силы для воздѣйствія на заблуждающихся, по отношенію къ которымъ ничѣмъ не обнаружили себя приходскіе пастыри[4]). Ревность архипастыря не исчерпывалась одними распоряженіями по духовенству касательно заблудшихъ. Имѣемъ основаніе утверждать, что доблестный іерархъ принималъ и непосредственное участіе въ дѣлѣ вразумленія уклонившихся отъ чистоты Христовой вѣры, а при неуспѣхѣ не стѣснялся снова поручать увѣщаніе кому-либо изъ выдающихся лицъ московскаго духовенства. „Ко увѣщанію привести его къ намъ“, читаемъ мы въ резолюціи м. Платона о проживавшемъ въ Москвѣ крестьянинѣ слободки Спасской, раскольникѣ Семенѣ Михайловѣ, виновномъ въ совращеніи въ расколъ своего отца, брата и матери. Когда же архипастырское убѣжденіе оказалось тщетнымъ, Платонъ послалъ упорнаго старообрядца „для увѣщанія и склоненія отъ раскола къ православной вѣрѣ въ Московскій Знаменскій монастырь къ игумену того монастыря Мокарію“[5]). Видно, что попечитель-

---

[1]) Архивъ Москов. консистор., дѣло 1780 г. января 11, № 32.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, дѣло 1779 г. іюня 1, № 14.

[4]) Тамъ же, дѣло 1776 г. іюня 6. Архивъ Св. Синода, дѣло 1776 г. іюня 29, № 331.

[5]) Архивъ Москов. консист., дѣло 1780 г. янв. 11, № 32.—Въ книгѣ Синицына („Преображенское и окружающія его мѣста“, Москва, 1895 г.) мы встрѣчаемъ интересное и по существу вполнѣ правдоподобное сообщеніе, будто м. Платонъ не однажды приглашалъ къ

ный архипастырь ставилъ своею задачею собственно обращеніе заблудшихъ, помимо всякихъ посторонннихъ интересовъ, и преслѣдовалъ свою цѣль неотступно, пока не оставались неиспытанными всѣ возможные для него способы привести непокоряющихся св. церкви къ сознанію неповрежденности православія.—Даже по отношенію къ изъявившимъ согласіе принять греко-россійское исповѣданіе митрополитъ Платонъ не прекращалъ своей пастырской заботливости, въ видахъ укрѣпленія ихъ въ истинахъ вѣры. Смотря потому, гдѣ происходило обращеніе и кто обращался, онъ предписывалъ продолжать наставленіе вразумившагося старообрядца тому или другому духовному лицу[1]). Склонившихся къ вступленію въ церковь Христову нѣкоторыхъ изъ захваченныхъ въ гуслицкихъ скитахъ раскольниковъ митрополитъ Платонъ для наставленія и присоединенія отослалъ къ Казанскому священнику—„изъ ученыхъ“, Алексѣю Ѳедорову[2]). „По учиненіи чрезъ ученаго священника отъ священнаго Писанія увѣщанія“, былъ присоединенъ къ св. церкви добровольно на то согласившійся раскольничій попъ Андрей Гавриловъ, бывшій московскій викарный священникъ[3]). Наставленіе же и присоединеніе бѣглаго попа Василія, пожелавшаго послѣ поимки возвратиться въ православіе, митрополитъ Платонъ поручилъ пастырской опытности настоятеля Богоявленскаго монастыря—архимандриту Серапіону[4]).

Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда увѣщаніе касалось лицъ, состоящихъ въ православіи, но явно обнаруживавшихъ склонность къ старообрядчеству, Платонъ подкрѣплялъ слово наставленія тѣмъ средствомъ, въ связи съ ко-

---

себѣ для увѣщанія главнаго вождя московскихъ ѳедосѣевцевъ Ковылина (стр. 136, примѣчаніе), но намъ не удалось провѣрить голословнаго утвержденія автора сочиненія, совершенно ненаучнаго.

[1]) Архивъ Москов. дух. консист., дѣло 1778 г. дек. (безъ числа), № 31; дѣло 1786 г. апрѣля 28, № 50.

[2]) Тамъ же, дѣло 1776 г. іюня 6. Архивъ Св. Синода, дѣло 1776 г. іюня 29, № 331.

[3]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1778 г. ноября 7, № 371. Архивъ Моск. Св. Синода конторы, дѣло 1778 г. сентября 10, № 274.

[4]) Архивъ Московск. консист., дѣло 1788 г. янв. 21, № 3.

торымъ увѣщаніе сильнѣе дѣйствуетъ на слабыхъ вѣрующихъ, вразумляя и воспитывая ихъ въ истинахъ чадъ св. церкви. Таково значеніе церковныхъ эпитимій. Но въ примѣненіи ихъ Платонъ наблюдалъ должную осторожность, чтобы вмѣсто пользы не принести вреда миссіонерскому дѣлу. Основаніемъ для нашего заключенія, служитъ слѣдующій фактъ. Въ 1779 г. архіепископъ Платонъ получилъ извѣстіе, будто православный крестьянинъ села Жилина, Филатъ Яковлевъ, обвѣнчался съ записной раскольницей, крестьянкою того же села, на Рогожскомъ кладбищѣ. Архіепископъ сперва передалъ это дѣло на разсмотрѣніе консисторіи. Консисторія подвергла Филата Яковлева оффиціальному допросу. На немъ виновный крестьянинъ подтвердилъ все, что говорилъ священнику и о чемъ послѣдній доносилъ вмѣстѣ съ благочиннымъ своему епархіальному начальству, именно, что, согласившись обвѣнчаться на Рогожскомъ кладбищѣ съ раскольническою вдовою Аксиніею Антоновою, онъ просилъ у священника „письма“, вѣроятно, удостовѣренія въ своемъ вдовствѣ. Священникъ отказалъ, и Филатъ Яковлевъ обвѣнчался въ желательномъ для себя мѣстѣ безъ всякаго письма. Къ этому показанію крестьянина священникъ прибавлялъ лишь то, что онъ „много увѣщевалъ (Филата Яковлева), что правовѣрному крестьянину не надлежитъ съ раскольницею сообщаться“, но Филатъ Яковлевъ не слушалъ его. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ фактомъ несомнѣннаго начала уклоненія въ расколъ православнаго крестьянина, встрѣчаемся съ примѣненіемъ къ заблуждающемуся увѣщанія и съ безуспѣшностью послѣдняго. Консисторія однако взглянула на вѣнчаніе Филата Яковлева по раскольничьему обряду совершеннно формально, безъ обсужденія внутренняго смысла поступка крестьянина. Она констатировала только незаконность брака и на этомъ основаніи составила опредѣленіе о расторженіи его и о наложеніи на крестьянина за содѣянное беззаконіе семилѣтней епитиміи. Между тѣмъ случай требовалъ большаго вниманія къ себѣ. Расторгнуть бракъ было не безопасно. Крестьянинъ видимо переживалъ роковой для себя моментъ. Онъ колебался, какъ будто задумывался, куда

ему окончательно склониться. Съ одной стороны онъ еще не порвалъ связи съ православною церковью, съ другой—фактически приравнивалъ самочинныя дѣйствія старообрядцевъ къ истинному богослуженію. Въ это время всякая рѣзкость, даже просто неосторожность въ мѣропріятіяхъ могли дать наклонъ въ сторону полнаго его отчужденія отъ церкви, тѣмъ легче, слѣдовательно, къ этимъ послѣдствіямъ могло повести разлученіе его съ своею избранницею, по чувству къ которой онъ, быть можетъ, и совершилъ первый важный шагъ на пути отступленія отъ православія. Полагаемъ, предвидя подобный печальный исходъ въ судьбѣ Филата Яковлева, Платонъ и измѣнилъ рѣшеніе консисторіи относительно Филата Яковлева, измѣнилъ, именно, въ видахъ необходимой поддержки слабаго члена церкви. Соглашаясь съ признаніемъ консисторіей незаконности брака, совершеннаго въ раскольничьей часовнѣ, Платонъ вмѣсто расторженія нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ подтвержденіе его по православному чиноположенію. „А за мнимое отъ раскольниковъ вѣнчаніе“ онъ повелѣлъ крестьянину „чрезъ полгода каждое воскресеніе предъ народомъ класть въ церкви по двадцати земныхъ поклоновъ, съ истиннымъ раскаяніемъ, что дерзнулъ примѣшатися раскольникомъ“. Оказанное снисхожденіе могло удерживать Филата Яковлева отъ рѣшительнаго отдѣленія отъ церкви, а наложенная эпитимія, не тяжкая сама по себѣ, способна была прояснять сознаніе заблуждавшемуся крестьянину, въ особенности чрезъ свой публичный характеръ, что раскольническое вѣнчаніе не есть истинное, что вступленіе въ бракъ, помимо св. церкви, есть беззаконіе, что тѣмъ болѣе всецѣлое уклоненіе въ старообрядчество есть тяжкій грѣхъ,—словомъ, поклоны предназначались для постепеннаго воспитанія въ крестьянинѣ покорности и преданности св. церкви, большей чистоты и твердости религіозныхъ убѣжденій. Дальнѣйшая исторія разсказываемаго случая вполнѣ оправдываетъ благоразуміе въ мѣропріятіяхъ архіепископа Платона по отношенію къ Филату Яковлеву. Когда мѣстный священникъ, въ силу распоряженія епархіальной власти, сталъ увѣщевать Филата Яковлева обвѣн-

чаться „правильнымъ браковѣнчаніемъ“ съ Аксиньей Антоновой, то Филатъ Яковлевъ рѣзко отвѣчалъ; „не только вѣнчаться въ другой разъ на одной женѣ, но и поклоновъ класть не хочу и въ церковь вашу ходить не буду“. Успѣль ему наказаніе архіепископъ, утверди, наприм., постановленіе консисторіи о полномъ лишеніи его имѣть общеніе съ раскольницею,—возможно, колеблющійся въ православіи крестьянинъ былъ бы совершенно потерянъ для церкви. Теперь же, хотя наложеніе эпитиміи раздражило крестьянина, но въ глубинѣ души онъ могъ успокоиваться предоставленнымъ ему правомъ повѣнчаться по православному чину съ своею избранницею. При этихъ условіяхъ еще оставалась надежда на перемѣну рѣшенія Филата Яковлева послѣ того, какъ исчезнетъ у него первый приливъ гнѣва. Такъ на самомъ дѣлѣ и случилось. При безуспѣшности увѣщаній приходскаго пастыря, архіепископъ Платонъ предписалъ увѣщевать заблуждающагося консисторіи; убѣжденія присутствующихъ членовъ подѣйствовали на крестьянина. Онъ согласился какъ обвѣнчаться въ православной церкви, такъ и эпитимію исполнить[1]). Такимъ образомъ, благодаря пастырской внимательности архіепископа Платона, растворенной благоснисходительностью, колеблющійся вѣрующій былъ сохраненъ для церкви при помощи увѣщанія, усиленнаго благоразумною церковно-юридическою мѣрою.

Кромѣ увѣщаній, искорененію вышеуказанной коренной причины раскола „невѣжества“ способствуетъ распространеніе въ народѣ просвѣщенія, преимущественно религіозно-нравственнаго, какъ средства, предохраняющаго православныхъ отъ увлеченія ложными идеями и отчасти разсѣивающаго ихъ даже среди самихъ старообрядцевъ по совмѣстности жизни раскольниковъ съ православными. Въ Твери Платонъ успѣлъ только кратко засвидѣтельствовать свои стремленія къ просвѣщенію народа.

Сдѣлавшись же московскимъ архипастыремъ, онъ при-

---

[1]) Впрочемъ, священникъ не успѣлъ обвѣнчать Филата Яковлева, за взятіемъ его въ военную службу.—Архивъ Московской дух. консисторіи, дѣло 1779 г. іюня 1, № 14.

ступилъ къ осуществленію своихъ просвѣтительныхъ плановъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Тотчасъ, по пріѣздѣ въ Москву, Платонъ принялся съ энергіей за дѣло наученія народа важнѣйшимъ истинамъ вѣры и нравственности. Лучшимъ, конечно, средствомъ для достиженія указанной задачи являются школы. До второй половины XVIII вѣка школьное дѣло у насъ стояло весьма невысоко. Въ царствованіе же Екатерины II стали заботиться объ учрежденіи народныхъ школъ, „полагая, что съ распространеніемъ въ народѣ образованія исчезнетъ между прочимъ и существующій расколъ“[1]). Императрица придавала большое значеніе вліянію архіепископа Платона на народное образованіе въ Москвѣ, и сама въ письмахъ просила его оказывать содѣйствіе ей въ задуманномъ благомъ дѣлѣ[2]). Платонъ, дѣйствительно, принялъ самое живое участіе въ заботахъ правительства о народномъ образованіи. Онъ слѣдилъ за направленіемъ преподаванія въ московскихъ пансіонахъ, преслѣдуя согласно волѣ императрицы, между прочимъ, ту цѣль, „чтобы народныя училища служили къ искорененію суевѣрія, развращенія и соблазна“[3]). Въ этихъ видахъ, онъ осматривалъ находящіяся въ Москвѣ училища, назначалъ въ нихъ хорошихъ законоучителей и слѣдилъ за преподаваніемъ закона Божія то самъ непосредственно, то чрезъ особыхъ лицъ. Подобное же вліяніе м. Платонъ имѣлъ и на училища, вновь заводимыя въ Москвѣ частными лицами. Обыкновенно самыя просьбы объ открытіи такихъ училищъ или пансіоновъ разсматривались при дѣятельномъ участіи депутатовъ съ духовной стороны, назначавшихся митрополитомъ. Затѣмъ митрополиту принадлежало право утвержденія законоучителей для этихъ училищъ, избиравшихся изъ московскихъ священниковъ[4]). Что же касается новоот-

---

[1]) Полн. Собр. Законовъ Росс. Имп., т. XXI, № 15507 (1782 г. сентября 7).

[2]) Письма Императр. Екатерины II къ м. Платону, № 5; напеч. въ Чтен. въ Обществ. истор. и древн. 1875 г., кн. 4, стр. 168.

[3]) Тамъ же.

[4]) Въ 1776 г. пруссакъ Раппе просилъ разрѣшенія открыть пансіонъ, для обученія благородныхъ дѣтей общеобразовательнымъ предметамъ. Московскій приказъ общественнаго призрѣнія, вѣдав-

крываемыхъ народныхъ училищъ, то въ нихъ желательное для митрополита направленіе обученія могло поддерживаться еще легче, потому что преподаваніе въ нихъ по большей части поручалось духовнымъ лицамъ, напр., въ Богородскѣ, Подолѣ, Никитскѣ закону Божію учили священники, а чтенію, письму и ариѳметикѣ діаконы и церковники. Платонъ, назначая чрезъ консисторію лицъ способныхъ для этой цѣли, поощрялъ ихъ къ дѣятельности наградами[1]).

Конечно, школъ было слишкомъ мало, чтобы удовлетворить запросамъ общества; онѣ только что открывались[2]). Въ виду этого, м. Платонъ требовалъ, чтобы прихожане сами „обучали дѣтей своихъ знать молитву Господню: Отче нашъ, Символъ вѣры, десять Божіихъ заповѣдей“[3]). Такъ какъ и среди взрослыхъ прихожанъ весьма многіе могли оказаться несвѣдущими даже „въ начаткахъ“ закона Божія то м. Платонъ побуждалъ приходскихъ священниковъ старательно уяснять своимъ пасомымъ при всякомъ случаѣ наиболѣе существенныя христіанскія истины и на исповѣди слѣдить за знаніемъ ихъ[4]).

Наилучшее средство для обученія взрослыхъ прихожанъ составляетъ проповѣдь. Въ Москвѣ, при Славяно-греко-латинской акамедіи издавна утвердился обычай толкованія катихизиса. Подобныя же толкованія велись въ Успенскомъ соборѣ и въ университетской церкви для студентовъ[5]). Указанныхъ мѣстъ однако было недостаточно для обширной древне-русской столицы. Платонъ имѣлъ возможность убѣдиться въ этомъ еще во дни юности, когда про-

---

шій дѣла объ открытіи училищъ, отнесся къ митрополиту, чтобы онъ отрядилъ двухъ ученыхъ особъ для присутствія при разсмотрѣніи просьбы Раппе. Митрополитъ назначилъ ректора и трехсвятительскаго протопопа, съ согласія которыхъ и состоялось дозволеніе приказа Христофору Раппе объ открытіи пансіона. Законоучителемъ же Платонъ утвердилъ кандидата, представленнаго Раппе-священника Александрова.—Арх. Моск. консист., дѣло 1786 г. мая 2.

[1]) Истор. м. епарх. управл., ч. III, кн. 1, прилож., стр. 93.

[2]) Полное Собр. Зак. Р. Имперіи, т. XXII, № 16342.

[3]) Инструкція благочиннымъ, § 50.

[4]) Тамъ же.

[5]) Исторія московскаго епарх. управленія, ч. II, кн. 2, стр. 305.

ходилъ должность академическаго катихизатора. Слушателей его поученій скоплялось такъ много, что, по замѣчанію самого Платона, „тѣснота и духота была чрезмѣрная, хотя палата была не мала“[1]). Очевидно, слѣдовало придать болѣе широкіе размѣры катихизаціи. И вотъ Платонъ, „чтобы просвѣщеніе закона Божія сколько возможно болѣе распространялось въ народѣ“, вскорѣ же по вступленіи на московскую каѳедру, учредилъ„ толкованіе катихизиса въ семи церквахъ“, помимо тѣхъ мѣстъ, гдѣ оно существовало ранѣе[2]). Консисторіи вмѣнялось въ обязанность за мѣсяцъ до начала каждаго слѣдующаго года представлять митрополиту списокъ будущихъ катихизаторовъ. Въ назначеніи наблюдалась очередь; говорившіе одинъ годъ освобождались въ слѣдующіе годы[3]). Обыкновенно, священники вели катихизическія бесѣды въ своихъ церквахъ, хотя иногда преосвященный Платонъ находилъ нужнымъ измѣнять установленный имъ самимъ порядокъ, вѣроятно, когда приходская церковь помѣстительностью и мѣстоположеніемъ не соотвѣтствовала задачамъ катихизаціи[4]). Толкованія катихизиса производились предъ обѣдней. Частью для извѣщенія прихожанъ о началѣ катихизическихъ бесѣдъ, а частью и для привлеченія большаго количества слушателей нѣкоторою внѣшнею торжественностью, митрополитъ распорядился предварять бесѣды „особеннымъ недолговременнымъ, яко напр., удареніемъ 50 разъ въ большой колоколъ благовѣстомъ“[5]). Толкованія катихизиса велись каждое воскресенье „непремѣнно“[6]). Впослѣдствіи, когда запросъ на катихизическія бесѣды увеличился, м. Платонъ, по просьбѣ прихожанъ присоединилъ къ семи пунктамъ еще нѣсколько[7]).

Помимо катихизическихъ поученій, м. Платонъ оста-

---

[1]) Автоб. м. Платона, напеч. въ Душ. Чт. 1887 г., авг., стр. 382.

[2]) Предписаніе м. Платона 1775 г. дек. 31: Арх. Моск. консист., дѣло 1786 г., № 4 (224).

[3]) Тамъ же.

[4]) Арх. Моск. консист., дѣло 1776 г. ноября 21, № 55.

[5]) Тамъ же, дѣло 1786 г. дек. 11, № 4 (224).

[6]) Тамъ же.

[7]) Тамъ же, дѣло 1786 г. № 52, дѣло 1786 г. № 4; сравн. Истор. Московск. епарх. управл., ч. III, кн. 1, стр. 87—88.

вилъ по прежнему очередныя проповѣди, къ произнесенію которыхъ назначалъ немногихъ, лучшихъ священниковъ[1]). Вмѣстѣ съ этимъ, такъ сказать, оффиціальнымъ проповѣдничествомъ ученые священники и діаконы призывались къ сказыванію поученій въ своихъ церквахъ. Самъ ревностный къ церковному учительству, Платонъ къ тому же побуждалъ и сотрудниковъ своихъ въ дѣлѣ пасенія стада Христова. Общее правило его для священнослужителей было, чтобы они поучали народъ, какъ можно чаще („почасту“). При этомъ отъ ученыхъ священниковъ и діаконовъ онъ требовалъ проповѣдей собственнаго сочиненія[2]). Митрополитъ опредѣлилъ и число такихъ поученій въ теченіе года для каждаго священника и діакона, сообразно съ его лѣтами и со степенью образованія[3]). Неученые же обязаны были читать предъ народомъ печатныя поученія изъ изданнаго Св. Синодомъ гомилетическаго сборника[4]). Въ особенности митрополитъ требовалъ поучать народъ во дни св. четыредесятницы, надѣясь, между прочимъ, прилежнымъ наставленіемъ побудить приступать къ св. таинамъ и тѣхъ, которые у исповѣди бываютъ, а отъ св. причастія уклоняются, „имѣя нѣкоторую къ раскольническому заблужденію наклонность“. Съ этою цѣлью имъ были разосланы по всѣмъ церквамъ и монастырямъ поученія объ исповѣди и причастіи собственнаго сочиненія, и священники подпискою обязаны были читать ихъ „непремѣнно“ „въ каждую недѣлю“. Впрочемъ, ученымъ священникамъ Платонъ не возбранялъ

---

[1]) Арх. Моск. конс., дѣло 1781 г. декабря 20, № 134 (141).—Нѣкоторые же священники сами отказывались отъ произношенія проповѣдей въ Большомъ Успенскомъ соборѣ или Чудовѣ монастырѣ, по отсталости отъ ученія или по недостаточной подготовкѣ къ проповѣдничеству.

[2]) Инстр. благоч., § 28.

[3]) Слушавшіе богословіе должны были говорить по 12 проповѣдей, если имъ было отъ роду не болѣе 40 лѣтъ,—по 8, если имъ было не свыше 50 лѣтъ, наконецъ, имѣвшіе свыше 60-ти лѣтъ говорили всего по 4.—Ист. Моск. епарх. упр., ч. III, кн. 1, стр. 90.

[4]) Сборникъ этотъ состоялъ главнымъ образомъ изъ проповѣдей самого м. Платона, съ прибавленіемъ поученій Гавріила, митрополита С.-Петербургскаго.—Указъ Св. Синода 1775 г. мая 20: Арх. Московск. консист., дѣло 1785 г. сент. 4, № 111.

и во дни великаго поста говорить, вмѣсто печатныхъ поученій, собственныя проповѣди соотвѣтствующаго содержанія, даже послѣднее похвалялъ предпочтительно предъ чтеніемъ печатныхъ поученій[1]).

Чтобы пастыри прилагали „всемѣрное стараніе“ къ наученію народа истинамъ вѣры посредствомъ проповѣдей, м. Платонъ вмѣнялъ благочиннымъ въ обязанность слѣдить за тѣмъ, насколько ревностно пастыри произносятъ поученія, воскресныя, праздничныя и вседневныя[2]). Равно и о катихизаторахъ благочинные должны были ежегодно „представлять, кто изъ нихъ съ отмѣннымъ прилежаніемъ, со удовольствіемъ и похвалою народа трудился и кто не съ надлежащимъ успѣхомъ или съ нерадѣніемъ“[3]). „Тщатливыхъ“ Платонъ поощрялъ наградами[4]). Такъ, катихизаторамъ митрополитъ напередъ объявлялъ свое „особливое вниманіе и уваженіе“[5]) и они, дѣйствительно, пользовались нѣкоторыми привилегіями по сравненію съ другими священниками: правомъ не участвовать въ крестныхъ ходахъ, почитаться наравнѣ съ благочинными и т. п.[6]). По окончаніи же катихизаторства, онъ выражалъ имъ за понесенные труды свою „благодарность“[7]). А нѣкоторые удостоивались особой похвалы митрополита за свою особую ревность въ толкованіи истинъ вѣры[8]). Вообще, „чѣмъ кто больше трудился“ въ проповѣдываніи слова Божія, тѣмъ большаго заслуживалъ отъ митрополита выраженія „удовольствія и благодарности“[9]). Неисправныхъ же въ церковномъ учительствѣ

---

[1]) Арх. Моск. консисторіи, книга резолюцій м. Платона, резолюція 1783 г. авг. 15, № 28.

[2]) Инстр. благ. м. Платона, § 28. Арх. Моск. дух. конс., дѣло 1776 г. іюля 18, № 1186; дѣло 1805 г. янв. 2, № 1.

[3]) Архивъ Московск. дух. консист., дѣло 1776 г. ноября 21, № 55.

[4]) Инстр. благоч. м. Платона, § 28.

[5]) Предписаніе м. Платона 1775 г. декабря 31: Архивъ Моск. дух. консист., дѣло 1776 г. ноября 21, № 55, дѣло 1786 г., № 4 (224).

[6]) Предписаніе м. Платона 1775 г. декабря 31: Ист. м. епар. управл., ч. III, кн. 1, стр. 87.—Въ подлинномъ полномъ видѣ помянутое предписаніе въ Архивѣ М. консисторіи не сохранилось.

[7]) Архивъ Моск. консисторіи, дѣло 1786 г., № 4 (224); дѣло 1776 г. ноября 21, № 55.

[8]) Тамъ же, дѣло 1776 г. ноября 21, № 55.

[9]) Тамъ же, дѣло 1776 г. января (безъ числа), № 2.

митрополитъ побуждалъ къ большей рачительности наказаніями: онъ дѣлалъ имъ выговоры, указывая на то, что „они безчестятъ санъ свой и ученіе“[1]), или же подвергалъ ихъ денежному штрафу[2]), „чтобы ихъ чрезъ то привести въ стыдъ и чувствіе, что они о своей, столь важной должности нерадятъ“[3]).

Лучшимъ же побужденіемъ къ проповѣдничеству для московскихъ пастырей служилъ примѣръ ихъ архипастыря. Митрополитъ Платонъ рѣдкое богослуженіе оставлялъ народъ безъ наставленія. Это былъ проповѣдникъ по призванію, старавшійся не упускать ни одного случая, чтобы напитать своихъ пасомыхъ духовною пищею: не было, можно сказать, празднества, замѣчаютъ біографы Платона, его современники, не было „собранія народнаго ко храмамъ Господнимъ нарочитаго, гдѣ бы гласъ его не былъ слышанъ“[4]). Многія изъ своихъ поученій московскій святитель направлялъ непосредственно противъ раскола, раскрывая въ нихъ мысли, по существу тѣ же, что и въ „Увѣщаніи“,—мысли, въ основѣ подрывавшія раскольничьи религіозныя представленія[5]).

---

[1]) Тамъ же, дѣло 1776 г. іюля 18, № 1186, дѣло 1776 г. августа 15, № 1404.

[2]) Обыкновенно по 50 коп.: Архивъ Моск. консисторіи, дѣло 1785 г. декабря 11.

[3]) Журналъ Московской духовной консисторіи 1785 г. января 17: Исторія м. епарх. управл., Розанова, ч. III, кн. 1, стр. 90.

[4]) Краткое начертаніе жизни преосвященнаго Платона: Поучительныя слова и другія сочин. арх. Платона, напеч. отъ Московской академіи, т. I, предисловіе.

[5]) Такъ, въ противовѣсъ раскольникамъ, строившимъ свои нелѣпыя сужденія на непониманіи связи между внѣшней и внутренней стороной христіанства, Платонъ устанавливаетъ истинное между ними отношеніе. Разсуждая о внутреннемъ и наружномъ богослуженіи, онъ замѣчаетъ: „для истиннаго Богопочитанія то и другое есть полезно и нужно“ (Поучительныя слова м. Платона, т. XIII, стр. 287—288). Внѣшняя сторона должна служить выраженіемъ внутренняго существа вѣры: „всѣ таинства, по наружности единой о нихъ разсуждая, суть священные обряды и Богослуженіе видимое. Нѣтъ сумнѣнія, что вся ихъ сила въ таинственной внутренности заключается, но открывается она наружными дѣйствіями“ (тамъ же, стр. 291). Однѣ наружныя формы безъ внутренней идеи теряютъ всякое значеніе: „знакъ безъ вещи означаемой не означаетъ ничего,

Описанный подъемъ проповѣдничества не могъ не сопровождаться благими послѣдствіями, между прочимъ, и для ослабленія раскола. Въ особенности сильное вліяніе производили одушевленныя рѣчи митрополита. У ѳедосѣевцевъ сохранились прямыя преданія о томъ, какъ Платонъ „силою

а потому перестаетъ быть и знакомъ“ (тамъ же, стр. 293), „есть ничто“ (тамъ же, стр. 294). „Знакъ, чтобъ былъ прямымъ знакомъ, надобно, чтобъ онъ имѣлъ наилучшее сходство съ вещію означаемою“ (тамъ же, стр. 292—293). „И потому свято сохраняя наружное Богослуженіе и всѣ вѣры обряды, наипаче должны уважать Богослуженіе внутреннее“ (тамъ же, стр. 292) Если же внѣшняя сторона вѣры имѣетъ значеніе только въ зависимости отъ внутренней, то и при сужденіи о раскольничьихъ разностяхъ необходимо принимать во вниманіе выражаемую ими внутреннюю идею. Но въ исповѣданіи главнѣйшихъ истинъ христіанства старообрядцы согласны съ церковью. Неодинаковость наблюдается только въ наружныхъ „мелкостяхъ“, въ обрядахъ. Ясно, что при православномъ знаменованіи обрядовъ въ однѣхъ разностяхъ „важности не заключается“ (поуч. слова м. Платона, т. XIV, стр. 619). Отсюда, по Платону, „неизвинительна“ приверженность старообрядцевъ къ буквѣ обряда, доводящая ихъ до отдѣленія отъ церкви, до вражды къ православнымъ членамъ ея (тамъ же, стр. 518—519).—Такъ какъ раскольники оправданіемъ для своего отдѣленія отъ церкви нерѣдко выставляли порочную жизнь нѣкоторыхъ православныхъ пастырей, какъ бы потемняющую чистоту всей церкви, то Платонъ въ своихъ поученіяхъ уясняетъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на эту ненормальность. „Соблазняетъ ли ихъ (раскольниковъ), какъ они говорятъ, наше житіе? разсуждаетъ Платонъ въ словѣ на день Архистратига Михаила. Но и они изъ числа слабостямъ подверженныхъ людей не исключены, церковь же всегда есть свята и непорочна, и ничьихъ грѣхами она не помрачается. По ученію слова Божія, хотябъ совершающій таины и не достоинъ былъ, но оныя самъ Богъ совершаетъ невидимо: для недостоинства одного не презритъ Богъ вѣры и добродѣтели другаго. Источникъ благодати, по златому ли течетъ или деревянному каналу, но всегда чистъ протекаетъ. Итакъ не остается ничего таковымъ ко извиненію, аще на путь истины не обратятся“ (поучит. слова м. Платона, т. V, стр. 112).—Показывая неосновательность отдѣленія старообрядцевъ отъ церкви, Платонъ вмѣстѣ съ тѣмъ останавливаетъ вниманіе на значеніи для спасенія человѣка единенія съ церковью. „Когда евангеліе говоритъ, что нѣкоторые овцы суть не отъ двора сего; то явно показываетъ, что не можетъ быть дворъ Христовъ, развѣ токмо единъ. Не сущіи во дворѣ семъ овцы, не суть овцы Христовы. Одинъ ковчегъ Ноевъ; внѣ онаго нѣтъ, кромѣ потопленія. Едина вѣра, едино крещеніе, одина церковь, едина глава церкви Христосъ. И потому о тѣхъ, кои бы думали воздвигнуть другой дворъ, кромѣ двора Христова, можемъ мы сказать, что всуе трудишася зиждущіи“ (поучит. слова м. Платона, т. XV, стр. 725).

своего слова колебалъ умы“ ихъ единомысленниковъ, побуждая „оставить заблужденія“[1]). Самъ Ковылинъ видѣлъ опасную силу въ церковномъ учительствѣ, особенно въ поученіяхъ м. Платона и употреблялъ средства, чтобы противодѣйствовать ихъ вліянію на московскія раскольничьи общества[2]).

Но возвести народъ въ сравнительно краткій промежутокъ времени на ту ступень пониманія началъ вѣры, съ которой для него невозможнымъ сдѣлалось бы уклоненіе въ расколъ, никто не въ состояніи; для этого нужно слишкомъ много благопріятныхъ условій, которыми народная масса не можетъ располагать по одной уже своей матеріальной необезпеченности. Вслѣдствіе этого, для пастыря церкви настоитъ необходимость предпринимать болѣе непосредственныя мѣры противъ всего того, что соблазнительно для невѣжественной толпы, что увлекаетъ ее въ расколъ. Простой народъ, не будучи въ силахъ возвыситься до пониманія внутренняго содержанія извѣстнаго религіознаго ученія, весьма часто мѣриломъ истины выставляетъ церковно-богослужебный порядокъ, а также нравственную жизнь послѣ-

---

Итакъ внѣ церкви нѣтъ спасенія, а потому состояніе въ расколѣ есть состояніе погибели, возбуждающее тяжкую скорбь матери-церкви по отдѣляющимся (поучит. слова м. Платона, т. V, стр. 112). Эта скорбь должна захватывать и каждаго истинно-вѣрующаго, какъ члена церкви. Отсюда Платонъ призываетъ своихъ православныхъ слушателей къ содѣйствію дѣлу обращенія заблудшихъ. „Не забудемъ, любезная братія, и слѣдующихъ словъ евангельскихъ, поучалъ онъ въ Сергіевскомъ храмѣ въ Рогожской. Суть, сказано, и ины овцы, яже не суть отъ двора сего, но притомъ приложено: и тыя ми подобаетъ привести (Іоанн. X, 16). Конечно, единаго Бога дѣло есть обратить человѣческое сердце. Но и мы о спасеніи ближняго попещися обязуемся“ (поучит. слова м. Платона, т. XV, стр. 725—726). „О, да уврачуется язва сія, восклицаетъ м. Платонъ въ другомъ словѣ! Да поревнуютъ о семъ пастыри: да поревнуетъ и всякъ, яко сынъ церкве, яко ближній о сочленѣ своемъ. Таковая ревность была бы угодна хотящему всѣмъ спастися. Тогда-то наше и Ангеловъ празднованіе было бы благопріятное, ибо они радуются о единомъ грѣшницѣ кающемся“ (поучит. слова м. Платона, т. V, стр. 113).

[1]) Рукопись библіотеки Кіевской духовной академіи, по „Описанію рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. И. Петрова, вып. I, Москва, 1891 г., № 57 (Аа, 189), л. 98.

[2]) Тамъ же, л. 92.

дователей этого ученія, и недостатки въ той и другой области считаетъ признаками несостоятельности самаго ученія. Отсюда становится понятнымъ значеніе и для ослабленія раскола общей пастырской попечительности о торжественности и благолѣпіи христіанскаго богослуженія, равно о поднятіи нравственности пасомыхъ. Поэтому мы должны сказать, хотя кратко, и объ этой сторонѣ дѣятельности м. Платона въ Московской епархіи.

Вскорѣ по занятіи святительской каѳедры древле-престольной столицы, Платонъ далъ предписаніе благочиннымъ представить въ консисторію подробныя свѣдѣнія о состояніи ввѣренныхъ ихъ вѣдомству церквей[1]). По отзыву благочинныхъ, одни изъ церковныхъ зданій оказались вполнѣ удовлетворительными и утварью достаточными; другія же церкви имѣли большія или меньшія неисправности. Митрополитъ потребовалъ отъ священнослужителей и прихожанъ „непремѣннаго“ исправленія замѣченныхъ ветхостей и назначилъ срокъ для выполненія своихъ резолюцій. А чтобы предписанія не остались только на бумагѣ, онъ подвергъ наказаніямъ тѣхъ священниковъ, о нерадѣніи которыхъ къ храму свидѣтельствовали замѣченныя неисправности. Смотря по важности церковныхъ неисправностей, митрополитъ однимъ объявлялъ выговоръ[2]), съ другихъ назначалъ штрафъ[3]), и при этомъ предупреждалъ, что если церковь не будетъ къ указанному въ резолюціи времени приведена въ благопріличный видъ, то священники могутъ быть лишены своихъ доходовъ, а священнослуженіе въ храмѣ вос-

---

[1]) Архивъ Моск. конс., дѣло 1776 г. мая 2; дѣло 1778 г. февраля 20.

[2]) „Стыдно, что въ такомъ богатомъ приходѣ иконостасу нѣтъ“ замѣтилъ, напр., митрополитъ священнику одного хорошаго села.— Арх. Моск. консисторіи, дѣло 1778 г. февраля 20.

[3]) „Приходъ богатый, а священники оба нерачительны“, писалъ митрополитъ по поводу ветхостей въ церкви села Раменья, Волоколамскаго уѣзда, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ „за неисправности съ каждаго священника взимать по три рубля“ (тамъ же, дѣло 1778 г. февраля 20; дѣло 1780 г. мая 27, № 16). За обнаружившіеся недочеты въ церкви села Спасскаго, Волоколамскаго уѣзда, преосвященный Платонъ распорядился взыскать съ каждаго священника по два рубля, а ветхости исправить къ назначенному сроку (тамъ же).

прещено[1]). Послѣднее обстоятельство служило сильнымъ побужденіемъ къ заботѣ о церковномъ благоустройствѣ не для однихъ только священнослужителей, столько же и для прихожанъ, тѣмъ болѣе, что Платонъ не останавливался на этой мѣрѣ: когда вызывала необходимость, онъ объявлялъ прихожанамъ о возможности совершеннаго закрытія церкви и о приписке ихъ прихода къ сосѣдней церкви, если они не возымѣютъ ревности по благоукрашенію своего храма[2]), и дѣйствительно приводилъ въ исполненіе свое намѣреніе[3]). Церкви же ветхія, негодныя для поправокъ, митрополитъ даже и не дозволялъ поправлять, а или требовалъ построенія новой[4]), или же приписывалъ тотъ приходъ къ другому приходу, особенно, когда онъ по количеству дворовъ принадлежалъ къ малочисленнымъ. Впрочемъ поступалъ въ этомъ отношеніи съ осторожностью, послѣ точныхъ справокъ о ветхостяхъ извѣстной церкви, проявляя при этомъ должную заботливость о причтѣ[5]).

И впослѣдствіи времени митрополитъ не разъ наводилъ справки о состояніи церквей своей епархіи съ тѣмъ,

---

[1]) Архивъ Моск. духовн. консисторіи, дѣло 1778 г. февраля 20; дѣло 1776 г. іюня 9.

[2]) Тамъ же, дѣло 1775 г. августа 8, № 78.

[3]) Тамъ же, дѣло 1778 г. февраля 20; дѣло 1779 г. октября 17, № 38.

[4]) Такъ, м. Платонъ относительно церкви села Архангельскаго (Волоколамскаго уѣзда, въ вотчинѣ помѣщика Шереметьева), которая отъ давняго построенія пришла въ ветхость, хотя утварью была изобильна, распорядился „помѣщику объявить, чтобы возыимѣлъ старанье о построеніи новой церкви, а въ старой за ветхостью священнослуженіе отправлять дозволяется только на одинъ годъ“.— Тамъ же, дѣло 1778 г. февраля 20.

[5]) Какъ на характерное для насъ во многихъ отношеніяхъ дѣло, можно указать на исторію закрытія церкви въ селѣ Даниловскомъ, Радонежскаго уѣзда. Освѣдомившись о ветхостяхъ Даниловской церкви, митрополитъ распорядился „подтвердить прихожанамъ, чтобъ о построеніи новой или о починкѣ ветхостей старались; иначе оная церковь имѣетъ быть упраздненною“. Вскорѣ московскому святителю пришлось убѣдиться въ крайнемъ убожествѣ Даниловской церкви, и онъ совсѣмъ воспретилъ чинить ту церковь. Обстоятельство это послужило побужденіемъ для прихожанъ ремонтировать свой храмъ. Такъ какъ Радонежское духовное правленіе не дозволило производить поправки въ церкви, на основаніи резолюціи ми-

чтобы побуждать прихожанъ и священнослужителей къ благоукрашенію ихъ[1]). При этомъ въ крайнихъ случаяхъ, когда прихожане не соглашались произвести на свои средства починокъ, изъ-за которыхъ не было необходимости церковь запечатывать, митрополитъ дозволялъ мѣстнымъ священнослужителямъ и церковныхъ старостамъ подъ наблюденіемъ благочиннаго расходовать на ремонтъ церковныя суммы[2]).

Вмѣстѣ съ заботою о благоукрашеніи приходскихъ церквей своей епархіи, митрополитъ старался о томъ же въ отношеніи московскихъ соборовъ и монастырей, благолѣпіе которыхъ, какъ въ нѣкоторомъ родѣ центральныхъ религіозныхъ пунктовъ, могло имѣть преимущественное воспи-

---

трополита, то прихожане обратились за разрѣшеніемъ къ самому митрополиту. Платонъ потребовалъ точныхъ справокъ о состояніи Даниловской церкви. По описанію свидѣтельствовавшаго благочиннаго, Даниловская церковь стѣнами была тверда, но „отъ погнитія исподнихъ бревенъ крайне обнизла и на полуденную сторону съ олтаремъ и трапезою весьма наклонилась... Кровля на церкви и трапезѣ тверда, а на алтарѣ ветха". Полы въ церкви обнизились; паперти обвалились. Одѣяніе на престолѣ бумажное; сосуды оловянные и т. д. „Какъ церковь малоприходна и ветха и утварью скудна, то потому, писалъ въ резолюціи митрополитъ Платонъ, церковь починивать не дозволять: но доколѣ попъ не выбудетъ или въ монастырь не пойдетъ, служить въ ней дозволить". Когда же не стало удерживающаго препятствія для совершеннаго закрытія церкви, многосемейный священникъ, нуждавшійся въ пропитаніи, выбылъ изъ села Даниловскаго (или умеръ, изъ дѣла не видно), Платонъ распорядился приписать Даниловское село къ ближайшему селу Рахманову, а въ церкви Даниловской исправлять службу лишь временно, пока она можетъ стоять.—Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1777 г. мая 16.

[1]) Тамъ же, дѣло 1780 г. мая 27, № 16; дѣло 1784 г. марта 12, № 20; дѣло 1785 г. мая 6, № 78.

[2]) Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1787 г. іюля 25, № 17.—Для поощренія же священнослужителей къ заботѣ объ увеличеніи церковныхъ доходовъ, на которые всего лучше можно было украшать церковь, митрополитъ разрѣшалъ консисторіи выдавать награды священнослужителямъ, понесшимъ для пріумноженія церковныхъ средствъ „излишніе сверхъ должности труды"; напримѣръ, въ 1790 г. Платонъ позволилъ выдать наградныхъ за увеличеніе свѣчного дохода. священнику (ружной) Ризположенской церкви 50 рублей, а церковникамъ 30 рублей.—Тамъ же, дѣло 1790 г. января 28, № 19.

тывающее значеніе для народа, особенно въ противовѣсъ стремленію московскихъ раскольниковъ превзойти московскія церкви благолѣпіемъ своихъ часовенъ. Съ этою цѣлью м. Платонъ исходатайствовалъ довольно значительныя суммы изъ государственнаго казначейства на обстройки московскихъ соборовъ, „ружныхъ церквей“ и монастырей[1]). На помянутыя средства были ремонтированы и украшены соборы: Большой Успенскій, Василія Блаженнаго, Сергіева лавра и монастыри: Богоявленскій, Андроніевскій. Митрополитъ самъ слѣдилъ за постройками, заботясь о томъ, чтобы матеріалы заготовлялись благовременно, чтобы цѣны на нихъ назначались умѣренныя, чтобы самая работа совершалась въ удобное время и чтобы въ расходованіи суммъ наблюдалась строгая отчетность[2]).

[1]) Указомъ императрицы Екатерины II мая 28 въ распоряженіе митрополита Платона и Синодальной конторы отпущены были слѣдующія суммы „на исправленіе разныхъ строеній въ московскихъ церквахъ и монастыряхъ“:

въ 1782 г.	. . . . .	36,938 руб. 41¾ коп.
„ 1783 г.	. . . . .	30,622 руб. 81¾ коп.
„ 1784 г.	. . . . .	18,666 руб. 66½ коп.
„ 1785 г.	. . . . .	8 тысячъ рублей.
„ 1786 г.	. . . . .	4 тысячи рублей.
		98,227 руб. 90 коп.

Затѣмъ къ этимъ суммамъ именнымъ указомъ 1781 г. іюля 7 было прибавленно еще 13,670 руб. на обстройку Андроніевскаго монастыря. Всего съ прежними исходатайствовано было, слѣдовательно, 111,897 руб. 90 коп.—Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1781 г. іюля 12, № 68.

[2]) Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1781 г. іюля 12, № 68.—При наблюденіи за церковными перестройками, знаменитый московскій святитель вмѣстѣ съ усердіемъ проявлялъ тонкій архитектурный вкусъ и знаніе дѣла, которые могли имѣть извѣстное значеніе и въ глазахъ приверженцевъ старины. Наиболѣе замѣтно это обнаружилось по отношенію къ собору Василія Блаженнаго. Разсматривая составленную архитекторомъ опись и смѣту ремонта церкви Василія Блаженнаго, Платонъ измѣнилъ ее въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ позднѣйшія пристройки къ храму были совершенно разобраны, какъ „не только не соотвѣтствующія древней архитектурѣ, но еще и отнимающія отъ ней настоящій видъ“. Затѣмъ при дальнѣйшемъ ремонтированіи замѣчательнаго памятника русскаго зодчества XVI в. митрополитъ поставлялъ непремѣннымъ условіемъ „отъ древности ни мало не отступать, не только въ другомъ чемъ, но ниже въ краскахъ, дабы не иная краска была поло-

Относительно совершенія богослуженія м. Платонъ требовалъ, чтобы священники не оставляли прихожанъ безъ службы Божіей, въ особенности въ великіе праздники. Въ Московской епархіи укоренился издавна неблагочинный обычай. Нѣкоторые священники ближнихъ къ Москвѣ бѣдныхъ, малоприходныхъ селъ въ первые дни Пасхи и Рождества Христова отправлялись въ Москву и нанимались служить въ домовыхъ церквахъ, а затѣмъ ходили съ молебнами по домамъ тѣхъ московскихъ обывателей, которые любили, чтобы у нихъ возможно большее число молебновъ было отслужено различными священниками. Эти поѣздки, вытекавшія изъ желанія священниковъ увеличить свои скудные доходы, возбуждали понятное неудовольствіе въ собственныхъ ихъ прихожанъ, такъ какъ послѣдніе во дни, наиболѣе священные для каждаго христіанина, лишались божественной службы. Нѣрѣдко бывали и жалобы со стороны прихожанъ, оставляемыхъ своими священниками[1]). Помимо неблагочинія, которое вводилось чрезъ неблаговременныя отлучки священниковъ изъ своихъ приходовъ, настроеніе крестьянъ такихъ селъ становилось удобовоспріимчивымъ для пропаганды расколоучителей. Въ виду этого, м. Платонъ строго воспретилъ помянутый „самовольный и неблагопристойный безпорядокъ“, вкравшійся въ церковно-богослужебную жизнь. Священникамъ съ подпискою было объявлено, чтобы они „своихъ церквей безъ служенія не оставляли и въ Москву славить отнюдь не въѣзжали подъ опасеніемъ неупустительнаго штрафованія“[2]); „чтобы божественная литургія во всѣ дни св. Пасхи непремѣнно была отправляема“[3]).

Въ самой Москвѣ наблюдался другой безпорядокъ, по характеру своему близко подходящій къ описанному. Приходскіе священники безъ всякаго дозволенія епархіальной

жена, какая была; а гдѣ не было, тамъ не класть“ и производить всѣ поправки въ соборѣ подъ обязательнымъ присмотромъ архитектора, „а безъ него не приступать ибо архитектура есть отмѣннаго вкуса“.—Тамъ же.

[1]) Архивъ Московской дух. консисторіи, дѣло 1786 г. іюля 3.

[2]) Тамъ же, дѣло 1781 г. апрѣля 12. № 56.

[3]) Тамъ же, дѣло 1780 г. апрѣля 8, № 32.

власти нерѣдко нанимали для отправленія богослуженія вмѣсто себя поступившихъ въ монастыри священниковъ, но не успѣвшихъ постричься, или прямо іеромонаховъ; при чемъ іеромонахи не стѣснялись отправлять даже мірскія требы, напр., браковѣнчаніе. Также ранніе священники за плату правили часто службу не въ тѣхъ церквахъ, къ которымъ были опредѣлены. Безпорядокъ этотъ выставлялъ въ крайне непривлекательномъ видѣ связь пастыря съ своими прихожанами. Выходило, что священникамъ приходы нужны какъ будто только для корыстныхъ цѣлей; какъ будто священники о томъ лишь старались, чтобы получить доходы съ меньшею затратою собственныхъ силъ. Для предотвращенія указаннаго зла, м. Платонъ предписалъ „монастырскимъ настоятелямъ, чтобы они изъ монастырей ни бѣлыхъ священниковъ, ни іеромонаховъ никуда ни подъ какимъ видомъ для служенія не увольняли, выключая только, когда имъ, настоятелямъ, отъ него то дозволено, или впредь дозволено будетъ, и то имъ служить только въ однихъ тѣхъ мѣстахъ, куда именно отъ него будетъ назначено, а не въ другихъ, гдѣ бы то ни было, подъ опасеніемъ оштрафованія, какъ настоятелей за слабое смотрѣніе, такъ и тѣхъ, кои бы дерзнули самовольно безъ его дозволенія гдѣ служить“[1]). Равнымъ образомъ и приходскимъ священникамъ митрополитъ внушалъ, что „попеченіе объ ихъ прихожанахъ поручено самимъ имъ“ и что потому исправлять богослуженіе для своихъ пасомыхъ должны они „сами со всякимъ раченіемъ безлѣностно“, а допускать до совершенія требъ раннихъ и домовыхъ священниковъ митрополитъ съ подпискою воспретилъ приходскимъ священникамъ[2]). Такъ какъ приходскіе священники приглашенія постороннихъ священнослужителей, для исправленія за себя требъ, оправдывали обыкновенно болѣзнью или необходимыми отлучками изъ прихода, то м. Платонъ установилъ „единожды навсегда“ такой порядокъ для случаевъ дѣйствитель-

[1]) Архивъ Московской духовной консисторіи, книга резолюцій м. Платона, резолюція 1784 г. апрѣля 12, № 4.

[2]) Тамъ же, дѣло 1778 г. февраля 14, № 19.

ной нужды: во время отлучекъ въ самомъ городѣ священники обязывались поручать требоисправленіе приходскимъ ближнимъ священникамъ; во время болѣзни или отъѣзда изъ города, не въ близкое разстояніе, право назначенія для исправленія должности отсутствующаго священнослужителя предоставлялось благочиннымъ, за исключеніемъ назначеній самого митрополита; при чемъ выборъ благочиннаго ограниченъ былъ кругомъ подвѣдомаго ему приходскаго духовенства[1]).

Требуя отъ приходскихъ пастырей неукоснительнаго собственноличнаго отправленія богослуженія въ своихъ церквахъ, м. Платонъ въ то же время настойчиво призывалъ духовенство къ совершенію богослужебныхъ чинопослѣдованій лишь тамъ, гдѣ ихъ должно отправлять, соблюдая при самыхъ священныхъ дѣйствіяхъ соотвѣтствующее ихъ важности и святости благочиніе. Указомъ Петра I 1722 г. мая 5, не отмѣненнымъ и въ царствованіе императрицы Екатерины II, приходскому духовенству дозволялись нѣкоторые денежные сборы съ раскольниковъ, проживавшихъ среди ихъ паствы[2]). Вѣроятно, пользуясь этимъ закономъ, сельскіе причты ходили съ молебнами и по записнымъ раскольникамъ. Изъ дѣлъ консисторскаго архива мы видимъ, что въ первые годы святительства Платона въ Московской епархіи отправленіе у раскольниковъ христіанскихъ милитвословій православнымъ духовенствомъ составляло явленіе обычное. Въ 1777 г. дьячекъ села Гуслицъ Петръ Васильевъ приносилъ архіепископу Платону даже формальную жалобу на несправедливый раздѣлъ священникомъ Алексѣемъ Михайловымъ доходовъ съ раскольничьихъ дворовъ отъ пасхальныхъ молебновъ, считая самое хожденіе по домамъ раскольниковъ, какъ и денежные сборы съ старообрядцевъ, вполнѣ законными: „въ прошедшую Пасху, ходя по приходу и по записнымъ раскольникамъ съ св. образами, приказалъ (т. е. священникъ) имъ (дьячку съ пономаремъ) давать по

---

[1]) Архивъ Московской духовной консисторіи, книга резолюцій м. Платона, резол. 1782 г. декабря 24, № 28.

[2]) Полное Собр. Зак. Росс. Имп., т. VI, № 4009. Полн. собран. постан. по вѣдом. правосл. испов., т. II, № 454, стр. 107—108.

одной денежкѣ, а самъ бралъ по десяти копѣекъ, большему хлѣбу и два малыхъ; съ правовѣрныхъ бралъ самъ по 6 коп., а имъ давалъ по одной копейкѣ“[1]). Равнымъ образомъ и священникъ не сомнѣвался ни въ законности хожденій для молебновъ къ раскольникамъ, ни въ справедливости дѣлаемыхъ съ нихъ сборовъ и потому опровергалъ лишь взводимое на него обвиненіе въ обидахъ причетниковъ при раздѣлѣ раскольничьихъ доходовъ. „А въ прошедшую недѣлю Пасхи, читаемъ мы въ показаніяхъ Алексѣя Михайлова, приходскимъ той церкве людямъ и записнымъ раскольникамъ въ хожденіе съ св. иконами за молебны по показанному просителю.... и находящемуся при томъ священникѣ пономарю..... чтобъ давать по одной деньгѣ, а правовѣрнымъ по одной копейкѣ, никому не приказывалъ; а за молебны приходскихъ людей обыкновеніе: какъ записные раскольники ему, священнику, давали, такъ и правовѣрные по 10, 6 и 4 копѣйки, такожъ изъ хлѣбовъ по большему одному, да по два малыхъ, тожъ неравнымъ подаяніемъ, отъ иныхъ и по одному онъ получалъ, ибо издревле отъ нихъ, прихожанъ, какъ ему священнику, такъ и всѣмъ той церкви священнослужителямъ давали поручно“[2]). Митрополитъ Платонъ строго воспретилъ какъ служить молебны у раскольниковъ, такъ и производить съ нихъ какіе бы то ни было сборы. Основанія понятны. Раскольники не желали принимать къ себѣ православныхъ священниковъ и ихъ священодѣйствія не признавали дѣйствительными. Отсюда священники, являясь въ старообрядческіе домы изъ-за одной только корысти, унижали православіе въ глазахъ раскольниковъ[3]).

Затѣмъ далѣе, въ отношеніи отправленія богослуженія преосвященный Платонъ желалъ, „чтобъ служба Божія совершаема была благоговѣйно“, а „спѣшно и въ два голоса читанобъ не было, чтобъ церковники въ чтеніи и пѣніи были исправны“, чтобы уставъ по возможности точно ис-

---

[1]) Архивъ Московской дух. консисторіи, дѣло 1777 г. іюля 11, № 25.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, дѣло 1794 г. января 16, № 72.

полнялся[1]), чтобы поученія читались „внятно, съ пристойнымъ произношеніемъ“[2]).

За истовымъ совершеніемъ богослуженія ревностный архипастырь наблюдалъ не чрезъ однихъ только благочинныхъ[3]); нерѣдко онъ самъ ходилъ по московскимъ церквамъ и монастырямъ[4]) и, если гдѣ усматривалъ недостатки, предпринималъ соотвѣтствующія мѣры къ уничтоженію ихъ[5]).

Гораздо болѣе, чѣмъ внѣшнее благолѣпіе раскольничьяго богослуженія, раскольниковъ, какъ и православныхъ изъ простого народа, соблазняли нѣкоторые нравственные недостатки членовъ Христовой церкви. Извѣстенъ фактъ, какъ Ковылинъ, чтобы ослабить „силу Платонова православія“ въ великій постъ угощалъ московскихъ властей обильнымъ мяснымъ обѣдомъ. Пораженные поступкомъ православныхъ вельможъ, ѳедосѣевцы съ ужасомъ выбѣжали изъ комнаты, въ которой пришлось имъ видѣть остатки скоромныхъ кушаній, „обѣщая послѣ этого положить животъ свой за православіе Ильи Алексѣевича“[6]).

На исправленіе нравственности общества Платонъ старался прежде всего вліять непосредственно, при помощи своего удивительнаго краснорѣчія. Но для большей плодотворности заботы о нравственности пасомыхъ, необходимо было призвать къ той же дѣятельности все духовенство, какъ ближайшихъ руководителей общества. Благочинническая инструкція показываетъ, что таково дѣйствительно и было желаніе ревностнаго архипастыря.

Изъ всего сказаннаго видно, что заботы м. Платона объ обращеніи заблуждающихся, также объ огражденіи православныхъ отъ уклоненія въ расколъ чрезъ распространеніе въ народѣ истинныхъ религіозныхъ понятій, чрезъ возвышеніе нравственности пасомыхъ и улучшеніе церковно-богослужебной стороны призывали къ широкой дѣятель-

---

[1]) Инструкція благочиннымъ м. Платона, § 25.

[2]) Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1785 г. сентября 4, № 111.

[3]) Инструкція благочиннымъ м. Платона, §§ 1, 54.

[4]) Жизнь м. Платона, Снегирева, ч. I, стр. 47.

[5]) Архивъ Московск. дух. консисторіи, дѣло 1800 г., № 21.

[6]) Рукопись библ. Кіевск. д. академ., № 57 (Аа., 189), л. и об. 98.

ности священнослужителей, въ особенности пастырей раскольничьихъ приходовъ. Ясно, духовенство, чтобы удовлетворять намѣреніямъ своего архипастыря, должно было само стоять на извѣстной умственной и нравственной высотѣ. Между тѣмъ дѣйствительность представляла факты весьма печальнаго свойства. Разразившаяся надъ Москвою въ 1771 г. моровая язва произвела сильное опустошеніе въ рядахъ служителей алтаря. Не имѣя въ своей епархіи достаточно достойныхъ кандидатовъ на открывшіяся мѣста, консисторія сдѣлала вызовъ духовенства изъ другихъ епархій. И вотъ „бродяги, которые на своихъ мѣстахъ не возмогли ужиться, бросились въ Москву и были опредѣляемы Синодальною конторою,—люди не только по большей части неспособные, но и невоздержные, а нѣкоторые безчинные“[1]). По произведенному Платономъ чрезъ благочинныхъ дознанію, оказывалось, что московскіе священнослужители были въ большинствѣ случаевъ малоученые и неудовлетворительнаго поведенія[2]). Выводъ отсюда очевиденъ. Слѣдовало приложить энергію къ исправленію самого духовенства, къ подъему его умственнаго и нравственнаго уровня; слѣдовало поставить его на ту высоту, съ которой бы оно могло противостоять сильнымъ вожакамъ раскола, такъ успѣшно привлекавшимъ православныхъ въ сѣти заблужденія, часто благодаря только своимъ личнымъ качествамъ.

Не изображая съ подробностью широкой попечительности преосвященнаго Платона о духовенствѣ своей епархіи, остановимся лишь на фактахъ, которые ближе стоятъ къ исторіи раскола. Священниковъ, нерадивыхъ къ дѣлу обращенія заблуждающихся, митрополитъ побуждалъ къ исполненію своего долга тѣми мѣрами, къ которымъ они не могли оставаться равнодушными. Къ борьбѣ съ расколомъ онъ

---

[1]) Автобіографія м. Платона, напеч. въ приложеніи къ сочин. Снегирева: „Жизнь Москов. м. Платона“, стр. 34.

[2]) Предписаніе м. Платона 1775 г. февраля 8 и репорты благочинныхъ съ приложеніемъ вѣдомостей о священно-церковно-служителяхъ.—Содержаніе ихъ см. въ Ист. м. епарх. управл., ч. III, кн. 1, стр. 14—16; примѣчанія, стр. 20—24.—Архивъ Моск. дух. консист. дѣло 1781 г. декабря 20, № 134 (141); ср. дѣло 1805, № 3.

обязывалъ духовенство „строжайшими подписками“[1]), „подъ опасеніемъ строжайшаго сужденія“ за нерадѣніе[2]). Приходскіе священники должны были въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ, по установленной Св. Синодомъ формѣ[3]), отмѣчать число раскольниковъ, проживающихъ среди ихъ паствы[4]). Прошенія же священнослужителей освободить ихъ отъ обязанности точно обозначать состоящихъ въ старообрядчествѣ ихъ прихожанъ вызывали вмѣстѣ съ отказомъ усиленныя подтвержденія митрополита: „въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ ежегодно раскольниковъ, въ приходѣ живущихъ, показывать...“, не требуя при этомъ отъ нихъ „никакихъ сказокъ и извѣстій“[5]). Но съ другой стороны Платонъ строго воспрещалъ священнослужителямъ за „взятки“ отмѣчать въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ православными тѣхъ изъ старообрядцевъ, которые почему-либо не хотѣли открыто объявлять о своей принадлежности къ расколу[6]). Помимо того, священники призывались тотчасъ же доносить митрополиту объ обнаружившихся въ ихъ приходахъ фактахъ уклоненія православныхъ въ расколъ.[7]). Эти извѣщенія священнослужителей о количествѣ проживающихъ среди ихъ паствы раскольниковъ, равно и о новыхъ случаяхъ перехода православныхъ въ старообрядчество, давая митрополиту необходимыя свѣдѣнія вообще о заблуждающихся изъ его паствы, въ тоже время служили основаніемъ для разслѣдованія относительно усердія приходскихъ пастырей къ искорененію раскола, и тогда въ результатѣ могла выясниться ревность или нерадѣніе пастырей къ противораскольничьей дѣятельности. Потому-то м. Платонъ иногда не подвергалъ священнослужителей никакимъ взысканіямъ за факты совращенія въ ихъ приходахъ или, вообще, за умноженіе раскольниковъ среди ихъ прихожанъ,—очевидно въ тѣхъ случаяхъ, когда не признавалъ ихъ виновными въ совершившихся отпаде-

---

[1]) Архивъ Моск. дух. консисторіи, дѣло 1794 г. января 16, № 72.
[2]) Тамъ же.
[3]) Указъ 1737 г. іюля 3.
[4]) Архивъ Моск. дух. консистор., дѣло 1794 г. января 16, № 72.
[5]) Тамъ же.
[6]) Тамъ же. Архивъ Св. Синода, дѣло 1800 г., № 633.
[7]) Архивъ Моск. дух. консист., дѣло 1780 г. января 11, № 32.

ніяхъ отъ церкви[1]). Напротивъ, священниковъ, замѣченныхъ въ неисполненіи предписываемыхъ отношеній къ заблуждающимся, митрополитъ посылалъ въ монастыри, заставляя тамъ „читать имъ ежедневное наставленіе, чтобы они о обращеніи заблуждающихъ старались и ревновали“, и потомъ обязывалъ ихъ подпискою, что „естьли и впредь заблуждающіе окажутся, то они будутъ лишены своихъ мѣстъ“[2]). И дѣйствительно приводилъ въ исполненіе свое намѣреніе. Когда, напр., м. Платонъ получилъ извѣстіе о происшедшемъ отпаденіи отъ церкви нѣсколькихъ крестьянъ Спасской слободки, Звенигородскаго уѣзда, онъ распорядился „попа, который своимъ нерадѣніемъ и невѣжествомъ допустилъ ихъ впасть въ расколъ, отъ церкви отрѣшить и по его вдовству и престарѣлости опредѣлить въ Савинъ монастырь“[3]).

Такъ же строго поступалъ м. Платонъ съ невоздержными и, вообще, какимъ бы то ни было образомъ возбуждавшими соблазнъ своимъ поведеніемъ въ прихожанахъ. Приведемъ примѣры. Въ селѣ Гжели существовалъ обычай: въ престольный праздникъ Успенія Божіей Матери и наканунѣ его торговцы ставили шалаши около церкви для продажи продуктовъ. Священники брали съ нихъ за то нѣкоторую плату въ свою личную пользу. Въ 1783 году священникъ Никита Семеновъ предложилъ собирать доходъ съ торговцевъ въ братскую кружку и раздѣлять между всѣми членами причта. Другой священникъ Козьма Григорьевъ не согласился жертвовать частью своихъ доходовъ и изругалъ Никиту Семенова за невыгодное предложеніе. Ссора произошла 14 августа и тѣмъ не окончилась. Въ самый праздникъ Успенія Козьма Григорьевъ, напившись пьянымъ, продолжалъ свои дерзости въ алтарѣ, по адресу Никиты Семенова, а дьячку нанесъ даже удары, равно и діакону, который хотѣлъ его вывести изъ церкви. О безчинныхъ дѣйствіяхъ Козьмы Григорьева Никита Семеновъ донесъ митрополиту, и Платонъ распорядился „попа Кузьму

[1]) Архивъ Моск. дух. консисторіи, дѣло 1777 г. сентября 6.
[2]) Тамъ же, дѣло 1787 г. мая 5.
[3]) Тамъ же, дѣло 1780 г. января 11, № 32.

отъ того мѣста отрѣшить, ибо въ томъ приходѣ раскольники имѣются, коимъ отъ такого попа одинъ соблазнъ и опредѣлить его или въ монастырь по вдовству, или искать другого мѣста“[1]). Подобнымъ же образомъ м. Платонъ отрѣшилъ отъ мѣста и велѣлъ искать въ уѣздѣ другого прихода священнику Михайловской слободки, который „за пьянствомъ и частыми отлучками въ Москву заставлялъ прихожанъ волочиться для исправленія требъ по сосѣднимъ священникамъ“, по отношенію къ раскольникамъ велъ себя соблазнительно для православныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ „жизнь свою опорочилъ постыднымъ невоздержаніемъ“. Разсуждая по этому поводу, м. Платонъ, между прочимъ, замѣчалъ: „въ томъ селѣ имѣется половина раскольниковъ, для исправленія коихъ потребенъ лучшій пастырь, а отъ такого опасно, чтобы и прочіе въ заблужденіе раскольническое не совратились“[2]).

Исключительный случай мы наблюдаемъ въ исторіи села Уполозъ. Священникъ этого села Стефанъ Филипповъ не читалъ изданныхъ митрополитомъ поученій. Діаконъ съ пономаремъ донесли о томъ чрезъ благочиннаго митрополиту. Самъ по себѣ фактъ нечтенія положенныхъ проповѣдей при богослуженіи относился къ нерадѣнію священника. Но доносчики подозрѣвали за нимъ большее. Сопоставляя отношеніе священника къ проповѣдямъ м. Платона съ тѣмъ обстоятельствомъ, что отецъ, мать и два родныхъ брата Стефана Филиппова состояли въ расколѣ, діаконъ съ пономаремъ высказывали сомнѣніе относительно правовѣрія своего священника. Предполагаемою склонностью Стефана Филиппова къ расколу, доносчики объясняли и тотъ фактъ, что священникъ поносилъ новоизданныя проповѣди, называя ихъ „бабьими сказками“, и не только самъ не читалъ ихъ, но и діакону воспрещалъ читать ихъ народу. На основаніи полученнаго доноса, митрополитъ предписалъ консисторіи немедленно произвести дознаніе, почему священникъ „проповѣдей не читаетъ, и подлинно ли тѣ слова (разумѣется названіе новоизданныхъ проповѣдей „бабьими сказками“)

[1]) Архивъ Моск. дух. консисторіи, дѣло 1783 г. сентября 12.
[2]) Тамъ же, дѣло 1783 г. января 27, № 21.

говорилъ“,—предписалъ затѣмъ „справиться, кто ево отецъ и братья, и подлинно ли они и жена его раскольники, и записные или нѣтъ“; самого же священника для испытанія „въ правовѣріи“ отослалъ въ монастырь. Какъ видно изъ послѣдствій разсматриваемаго дѣла, монастырское наблюденіе за православіемъ Стефана Филиппова не дало отрицательныхъ заключеній. Но консисторское слѣдствіе оказалось неблагопріятнымъ для Уполозскаго священника. Вызванные Стефаномъ Филипповымъ крестьяне говорили только о чтеніи имъ поученій въ св. четыредесятницу; относительно же воскресныхъ дней остального времени года они отказались свидѣтельствовать на томъ основаніи, что за дальностью разстоянія рѣдко бываютъ у богослуженія. Между тѣмъ допрошенные подъ присягою свидѣтели со стороны обвинителей, на которыхъ (свидѣтелей) находилъ возможнымъ ссылаться и священникъ, утверждали, что, „кромѣ прошедшаго великаго поста въ третье воскресенье чтобъ читалъ (поученія Стефанъ Филипповъ), не слыхали, но читаемы иногда были (поученія) діакономъ Кипріаномъ Гавриловымъ“, т. е. свидѣтели доносчиковъ разъясняли, когда собственно Стефанъ Филипповъ великимъ постомъ читалъ пропов҃дь: однажды въ годъ, въ недѣлю крестопоклонную. Единственный случай проповѣдничества Стефана Филиппова, очевидно, служилъ свидѣтелямъ обвиняемаго основаніемъ для завѣреній, что Стефанъ Филипповъ, вообще, читалъ новоизданныя поученія; показывать иначе они и не могли, вслѣдствіе рѣдкаго посѣщенія ими богослуженія. Что же касается родственниковъ Стефана Филиппова, то собранныя о нихъ свѣдѣнія вполнѣ подтвердили справедливость словъ діакона съ пономаремъ. Отецъ священника Стефана, Филиппъ Агаповъ былъ пономаремъ въ селѣ Гуслицахъ. Оттуда онъ вмѣстѣ съ своею женою бѣжалъ къ раскольникамъ. Въ 1776 г. его поймала въ гуслицкихъ лѣсахъ „свѣтская команда“ и вмѣстѣ съ другими бѣглыми раскольниками представила въ консисторію. По обращеніи изъ раскола, митрополитъ отослалъ его въ Спасо-Андроніевъ монастырь на покаяніе; тамъ Агаповъ вскорѣ и умеръ. О женѣ Филиппа Агапова узнано было также, что она состо-

итъ въ расколѣ, хотя мѣстопребываніе ея осталось неизвѣстнымъ. Братья священника Стефана, будучи исключены изъ духовнаго вѣдомства, перешли въ крестьянское сословіе, и раскольниками жили въ селѣ Люберцахъ (Московскаго уѣзда). Наконецъ, жена священника Стефана, по справкѣ, въ церковь ходила и въ послѣдній годъ была дважды у исповѣди и причастія, но раньше, въ теченіе шести лѣтъ не приступала къ евхаристіи. Не подтвердилось на слѣдствіи лишь обвиненіе въ порицаніи священникомъ Стефаномъ изданныхъ проповѣдей, такъ какъ единственными свидѣтелями приведенныхъ въ доносѣ словъ были, кромѣ діакона, дьячки—дѣти священника. Итакъ слѣдствіе выяснило, вмѣстѣ съ нерадѣніемъ священника къ долгу пастыря, и тотъ соблазнъ, который онъ могъ легко подавать лежавшимъ на немъ семейнымъ пятномъ: отецъ, мать и родные братья—раскольники, а жена 6-ть лѣтъ не пріобщалась св. тайнъ. Въ виду этого, м. Платонъ призналъ, что „попу въ селѣ Уполозахъ, гдѣ есть не мало раскольниковъ, остаться сумнительно, дабы вмѣсто наставленія не послѣдовало каковаго развращенія“. И дѣйствительно не оставилъ Стефана Филиппова въ Уполозахъ[1]).

Удаляя недостойныхъ священниковъ изъ селъ, зараженныхъ расколомъ, м. Платонъ старался опредѣлять туда пастырей ученыхъ и воздержной жизни. Уже въ 1776 г., по поводу открывшейся вакансіи священника при церкви Рождества Пресвятой Богородицы, что у рѣчки Рудни, митрополитъ разсуждалъ: „въ томъ селѣ должно быть неотмѣнно или изъ ученыхъ или хотя изъ неученыхъ, но трезвому, благоразумному и честному священнику, ибо въ томъ приходѣ имѣется записныхъ раскольниковъ тысяча семьсотъ человѣкъ; а діаконъ и церковники того села не годятся. Почему Консисторія сама должна выбрать или изъ студентовъ академіи или Троицкихъ желающихъ хорошаго, или изъ діаконовъ помянутыхъ качествъ и представить въ неумедленіи“[2]). Съ резолюціею подобнаго же характера мы встрѣчаемся въ дѣлѣ 1778 г., касательно выбора священ-

[1]) Архивъ Моск. дух. консисторіи, дѣло 1778 г. марта 10, № 6.
[2]) Тамъ же, дѣло 1776 г. октября 6.

ника для села Уполозъ. „А какъ въ томъ селѣ.... раскольниковъ не мало, писалъ митрополитъ, то изъ акамедіи и Троицкой семинаріи требовать изъ студентовъ достойнаго и желающаго къ производству во священника“[1]).

Памятникомъ попечительности м. Платона о пастыряхъ для приходовъ, зараженныхъ расколомъ, служатъ отношенія его къ причту села Гуслицъ. Подтверждая съ рельефностью высказанныя ранѣе положенія касательно пастырской заботливости м. Платона о священнослужителяхъ для раскольничьихъ селъ, исторія Гуслицъ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ эту заботливость митрополита съ нѣкоторыми новыми подробностями и, вообще, настолько характерна, что ее лучше изложить полностью. Въ началѣ 1804 г. прихожане гуслицкой волости подали прошеніе на имя московскаго викарія Серафима разрѣшить имъ замѣнить желѣзною „наполовину тесовую“ крышу на ихъ Ильинской церкви, а на главахъ, вмѣсто желѣзныхъ крестовъ, поставить деревянные, обитые жестью и вызолоченные въ виду того, что желѣзные кресты легко расшатывались во время бури. Такъ какъ въ это время преосвященный Серафимъ получилъ уже назначеніе на самостоятельную Вятскую епархію, то онъ отказался разсматривать просьбу гуслицкихъ прихожанъ. Чтобы не терять времени, гуслицкіе уполномоченные обратились съ своимъ дѣломъ къ митрополиту. Но митрополитъ, прежде чѣмъ отвѣтить такъ или иначе на просьбу гуслицкихъ повѣренныхъ, сдѣлалъ чрезъ консисторію запросъ гуслицкому причту и благочинному, „почему безъ дозволенія церковь покрыта и глава“ и добытыя такимъ образомъ свѣдѣнія предписалъ представить ему „вмѣстѣ съ благочиннымъ и однимъ попомъ Гуслицкимъ“. Изъ приведеннаго содержанія резолюціи м. Платона уже можно усматривать, что Платонъ слѣдилъ за церковно-религіозною жизнью Гуслицъ; оттого-то неизвѣстныя ему поправки въ гуслицкой церкви возбудили въ немъ недоумѣніе и желаніе разъясненія ихъ. То же заключеніе вытекаетъ и изъ другихъ дѣйствій м. Платона, одновременныхъ съ ука-

[1]) Архивъ Моск. дух. консисторіи, дѣло 1778 г. марта 10, № 6.

занными. По показанію въ консисторіи гуслицкихъ священниковъ Филиппа Михайлова и Ильи Алексѣева, по заявленію Новорождественскаго благочиннаго Петра Алексѣева, равно по документальной справкѣ консисторіи, оказалось, что исправленіе всѣхъ ветхостей, въ томъ числѣ главы, купола и крыши на Ильинской церкви производилось съ разрѣшенія преосвященнаго Серапіона, бывшаго викарія Московскаго (въ ту пору митрополита Кіевскаго) и совершалось подъ присмотромъ благочиннаго. Такимъ образомъ митрополитъ получилъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе относительно починокъ гуслицкой Ильинской церкви, почему и распорядился „о исправленіи ветхостей по просьбѣ прихожанъ исполнить". Только священникъ Илья Алексѣевъ, вѣроятно, избранный въ общемъ совѣтѣ гуслицкаго причта для явки къ митрополиту, не исполнилъ своевременно предписанія Платона на томъ будто бы основаніи, что ждалъ выздоровленія благочиннаго, вмѣстѣ съ которымъ ему надлежало явиться къ митрополиту; за это онъ былъ посланъ м. Платономъ „подъ начало въ Чудовъ на недѣлю". Изложенными дѣйствіями собственно слѣдовало ограничиться м. Платону, судя по содержанію прошенія гуслицкихъ крестьянъ. Но митрополитъ, вмѣстѣ съ разъясненіемъ касательно неизвѣстной ему церковной ремонтировки, съ самаго начала дѣла требуетъ еще „справки о приходѣ и о причтѣ"[1]). Затѣмъ приказываетъ явиться къ нему двумъ остальнымъ гуслицкимъ попамъ, Алексѣю Михайлову и Филиппу Михайлову, очевидно, для личныхъ разспросовъ ихъ. Наконецъ, предписываетъ „Консисторіи выправиться, сколько въ семъ приходѣ (т. е. Гуслицахъ) было расколь-

[1]) Консисторія, въ отвѣтъ на это приказаніе митрополита, представила выписку изъ клировыхъ вѣдомостей за 1798 годъ. Вотъ ея содержаніе. Въ Гуслицахъ двѣ церкви,—одна въ честь пророка Божія Иліи, другая въ память святителя Николая Чудотворца. Обѣ церкви деревянныя; церковной утвари въ нихъ довольно; иконостасы исправные. Приходскихъ дворовъ—859; въ нихъ душъ: мужескаго полу 1191, женскаго—1170; раскольниковъ: мужескаго полу—2035, женскаго—2033. Церковной земли, всей въ округѣ, 202 десятины 183 кв. саж. Священнослужители получаютъ содержаніе отъ приходскихъ людей и съ земли. Причта положено: 3 священника, 2 діакона, 3 дьячка и 3 пономаря.

никовъ, отселѣ за двадцать лѣтъ и сколько нынѣ". Всѣ эти предписанія м. Платонъ, видимо, направляетъ къ тому, чтобы провѣрить свои свѣдѣнія о гуслицкихъ священнослужителяхъ, чтобы точнѣе и подробнѣе знать о томъ, что это за пастыри, насколько дѣятельны они въ борьбѣ съ расколомъ и, вообще, насколько пригодны для Гуслицъ и не позволяетъ ли матеріальное обезпеченіе гуслицкаго духовенства увеличить въ Гуслицахъ штатъ священнослужителей и тѣмъ подкрѣпить пастырскія тамъ силы въ борьбѣ съ расколомъ. Вотъ доказательство пастырской бдительности м. Платона по отношенію къ гуслицкому причту. При этомъ вопросъ о церковныхъ починкахъ могъ стоять въ такомъ соотношеніи съ дѣломъ разслѣдованія м. Платона о гуслицкомъ причтѣ. Интересуясь церковно-религіозною жизнью Гуслицъ, какъ въ нѣкоторомъ родѣ гнѣзда раскольниковъ, м. Платонъ сталъ разспрашивать прихожанъ, подавшихъ ему прошеніе о разрѣшеніи церковнаго ремонта. Они дали нелестный отзывъ о своихъ священникахъ. Это и послужило началомъ и ближайшимъ поводомъ для болѣе точныхъ справокъ о гуслицкомъ причтѣ.

Произведенныя консисторіею выписки изъ исповѣдныхъ вѣдомостей представляли основанія къ заключеніямъ не въ пользу пастырской ревности гуслицкихъ священнослужителей. Число раскольниковъ въ Гуслицахъ, по вѣдомостямъ, колебалось около 4-хъ тысячъ, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Но если просматривать количество раскольниковъ съ 1790 г. по 1804, то получалось впечатлѣніе о возрастаніи и во всякомъ случаѣ о процвѣтаніи раскола въ Гуслицахъ. Раскольниковъ показано:

	Мужскаго пола	Женскаго пола	Всего слѣдовательно.	Разница противъ предшествующаго года.	Разница противъ количества раскольниковъ 1790 г.
за 1790 г.	1864.	1753.	3617.		
„ 1791 г.	1913.	1833.	3746.	Больше на 129.	Больше на 129.
„ 1792 г.	1951.	1833.	3784.	Бол. на 38.	„ „ 167.
„ 1793 г.	1976.	1890.	3866.	„ „ 82.	„ „ 249.
„ 1794 г.	2056.	2055.	4111.	„ „ 245.	„ „ 494.
„ 1795 г.	3106.	3111.	6217.	„ „2106.	„ „ 2600.
„ 1796 г.	2193.	2206.	4399.	Мен. на 1818.	„ „ 782.

Изъ представленной таблицы видно, что количество раскольниковъ въ 1795 г., по сравненію съ 1790 г., возросло необычайно (на 2600 ч.); въ 1796 же году цифра 1795 г. значительна уменьшена. Но тутъ возникало уже подозрѣніе на счетъ правильности показаній за 1796 г. Куда дѣвалось такъ много раскольниковъ. Обращеніе въ православную церковь 1818 душъ составило бы цѣлое событіе для Гуслицъ; его хорошо знало бы и епархіальное начальство. Очевидно, священники, послѣ почтенной цифры раскольниковъ за 1795 г., сами устрашились ея, почувствовали, что епархіальное начальство можетъ взглянуть неблагосклонно, если обратитъ вниманіе на чрезмѣрное возрастаніе у нихъ въ приходѣ раскола и потому понизили это число. Но такъ какъ показывать далѣе раскольниковъ православными было небезопасно, то съ 1800 г. они совсѣмъ перестаютъ отмѣчать въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ, сколько у нихъ въ приходѣ раскольниковъ. Въ 1804 г. они возводятъ въ систему писать въ вѣдомостяхъ только количество дворовъ, безъ обозначенія числа раскольниковъ, на томъ будто бы основаніи, что „они, священно-церковно-служители, неизвѣстны“, сколько въ оныхъ (дворахъ) имѣется мужеска и женска пола душъ, потому что кто у нихъ (раскольниковъ) родился, гдѣ и кѣмъ крещены, кто, когда и съ кѣмъ вѣнчанъ, и когда, кто и какихъ лѣтъ умеръ, о томъ они отъ нихъ писаннаго свѣдѣнія никогда никакого не получаютъ“. А за 1797—99 гг. совсѣмъ не подавали исповѣдныхъ вѣдомостей. Словомъ, всѣ свѣдѣнія м. Платона о гуслицкомъ причтѣ говорили за то, что гуслицкіе священники далеко не изъ тѣхъ пастырей, которые желательны для многораскольничьяго населенія. „Изъ выписки видно, писалъ митрополитъ въ своей резолюціи, колико умножился и умножается расколъ въ Гуслицахъ отъ нерадѣнія поповъ, кои болѣе живутъ въ себя и о временныхъ только своихъ выгодахъ думаютъ, а не о пользѣ церкви и спасеніи душъ. Притомъ, какъ мы извѣстились, житья не сходственно воздержнаго. Почему, дабы болѣе расколъ не умножился, польза церкви требуетъ опредѣлить (туда) другихъ лучшихъ пастырей, а сихъ нерадивыхъ оттуда вывести“. Соотвѣтственно высказанному мнѣ-

нію, митрополитъ предписалъ своему викарію, преосвященному Августину, учинить слѣдующее: „1) двухъ изъ гуслицкихъ поповъ вывести и опредѣлить въ другія мѣста, гдѣ нѣтъ раскольниковъ; а какъ одинъ вдовъ, то коли пожелаетъ, опредѣлить въ монастырь. 2) Оставить изъ трехъ одного, кто окажется состояніемъ честнѣе, воздержнѣе и благоразумнѣе. 3) На ихъ мѣста опредѣлить изъ ученыхъ, житья добраго, кроткаго и трезваго".

Вслѣдствіе приведенной резолюціи м. Платона, священникъ Филиппъ Михайловъ изъявилъ согласіе принять монашество и былъ уволенъ отъ должности. Изъ двухъ остальныхъ священниковъ преосвященный Августинъ предпочелъ оставить въ Гуслицахъ Алексѣя Михайлова. А Илью Алексѣева, „какъ онъ и производствомъ моложе священника Алексѣя, и состоянія не очень воздержнаго и въ законѣ Божіемъ весьма не свѣдущъ", преосвященный Августинъ предназначилъ къ переводу изъ Гуслицъ въ другое село (въ погостъ Кремични[1]).

На открывшіяся мѣста въ Гуслицахъ явились кандидаты. О переводѣ въ Гуслицы подалъ прошеніе митрополиту Платону священникъ села Дмитровскаго, Звенигородской округи, Козьма Лазаревъ. Побужденіемъ для перемѣны мѣста священника Козьма выставлялъ желаніе устыдить своимъ переходомъ крестьянъ села Дмитровскаго въ ихъ нерадѣніи къ храму, въ которомъ они не хотѣли, по своей бѣдности, исправить ветхостей, несмотря на его настойчивыя требованія. А такъ какъ въ Гуслицахъ числилось много старообрядцевъ и желательно было видѣть пастыря, способнаго къ борьбѣ съ расколомъ, то и съ этой стороны Лазаревъ рекомендовалъ себя какъ человѣка, пригоднаго для Гуслицъ: онъ уже успѣлъ четырехъ раскольниковъ въ селѣ Дмитровскомъ обратить на путь истинный, а другихъ, склонныхъ къ принятію заблужденія, удержать отъ раскола. Наконецъ, Лазаревъ напередъ обѣщался „всемѣрно стараться о обращеніи раскольниковъ" къ святой церкви и въ Гусли-

---

[1]) Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1804 г. февраля 28, по Вохонской десятинѣ.

цахъ. Митрополитъ, не дѣлая никакихъ заключеній, передалъ прошеніе Лазарева на разсмотрѣніе преосвященному Августину. Преосвященный Августинъ потребовалъ справки изъ Звенигородскаго духовнаго правленія. Онѣ оказались далеко не въ пользу Лазарева. Прежде всего, Лазаревъ не имѣлъ желательнаго образовательнаго ценза. Онъ учился въ Московской академіи, но прошелъ курсъ только до четвертаго класса. Затѣмъ, послужной списокъ Лазарева не свидѣтельствовалъ о надлежащей его исправности и въ исполненіи пастырскихъ обязанностей. Въ 1796 г. ему учиненъ былъ „строжайшій выговоръ“ „за мараніе исповѣдныхъ вѣдомостей“. Резолюціей предписано было тогда послать его въ монастырь на недѣлю подъ начало, съ подтвержденіемъ, „чтобы онъ впредь сего не дѣлалъ подъ опасеніемъ жестокаго штрафа“, хотя по особому прошенію онъ получилъ прощеніе. Наконецъ, и указаніе на противораскольничью дѣятельность оказалось не вполнѣ точнымъ: присоединено Лазаревымъ было къ св. церкви изъ раскола не 4, а 2 человѣка. Очевидно, такой кандидатъ не подходилъ къ потребностямъ с. Гуслицъ. Впрочемъ, въ немъ непредвидѣлось и надобности. Преосвященный Августинъ имѣлъ возможность сдѣлать лучшій наборъ. На его имя подали прошенія въ гуслицкіе священники три студента богословія: Лаврской семинаріи Матѳей Сокольскій и Андрей Потакинъ; Московской академіи Матѳей Звѣревъ. Преосвященный Августинъ подвергъ всѣхъ ихъ испытанію въ чтеніи и пѣніи и результаты своего экзамена выразилъ въ слѣдующихъ словахъ. Отмѣтка о Матѳеѣ Сокольскомъ: „слушанъ. Читаетъ и поетъ исправно. Сообщить о немъ въ Троицкую семинарію, какого онъ ученія и состоянія, и можетъ ли быть уволенъ, и съ справкою о немъ и о приходѣ представить“. Объ Андреѣ Потакинѣ: „слушанъ. Читаетъ хорошо, а поетъ не очень. Истребовать отъ Троицкой чрезъ сообщеніе извѣстія о его ученіи и состояніи и можетъ ли быть уволенъ, и съ справкою о немъ и о приходѣ представить“. О Матѳеѣ Звѣревѣ: „слушанъ. Читаетъ и поетъ исправно. Сообщить о немъ въ академію, какого онъ ученія... и съ справкою о немъ и о приходѣ представить“. Такимъ

образомъ преосвященный Августинъ, кромѣ собственнаго, личнаго испытанія просившихся въ гуслицкіе священники студентовъ, имѣлъ получить свѣдѣнія о нихъ отъ учрежденій, въ которыхъ они воспитывались. Начальство Троицкой семинаріи дало хорошіе отзывы и о Сокольскомъ и о Потакинѣ. Сокольскій, по отзыву, былъ изъ числа прошедшихъ полный трехлѣтній курсъ образованія; при этомъ значился „ученія изряднаго; состоянія (поведенія) очень хорошаго". Потакинъ изучалъ богословіе одинъ годъ; „ученія, отмѣченъ, хорошаго; состоянія честнаго". Касательно же увольненія ихъ для поступленія на мѣсто послѣдовала резолюція митрополита лишь о Сокольскомъ. Справка о Звѣревѣ была истребована нѣсколько раньше, когда онъ подавалъ прошеніе во священника въ село Знобишино, Московской округи. Тогда академія отвѣтила, что Звѣревъ „ученія хорошаго, состоянія честнаго и къ произведенію его во священника уволенъ быть можетъ". На основаніи приведенныхъ свѣдѣній, лучшимъ кандидатомъ изъ всѣхъ подавшихъ прошенія въ Гуслицы оказывался Сокольскій; потому Августинъ на немъ и остановился. „Какъ студентъ Сокольскій, писалъ онъ въ своей резолюціи, достойнѣе студента Звѣрева, а студентъ Потакинъ отъ семинаріи не уволенъ, священникъ же Дмитріевскій Козьма не изъ ученыхъ; то Сокольскому учинить производство во священника въ село Гуслицы на мѣсто уволеннаго священника Филиппа". Дѣло о Сокольскомъ не ограничилось одними свидѣтельствами о прежнемъ его хорошемъ поведеніи и достаточной теоретической подготовкѣ къ борьбѣ съ расколомъ. Предъ поставленіемъ во священника съ Сокольскаго въ консисторіи взято было еще обѣщаніе, „подъ страхомъ лишенія сана", что „ежели онъ будетъ произведенъ во священника, то проповѣдывать Слово Божіе обязуется нелѣностно..., житіе препровождать трезвенное, а упиваться и соблазновъ никакихъ паче же ссоръ и дракъ чинить ни съ кѣмъ и въ питейные домы для питія ходить не будетъ, и свою должность исправлять желаетъ со всякимъ тщаніемъ и ревностію, помня оное слово Божіе: проклятъ всякъ творяй дѣло Господне съ небреженіемъ". Митрополитъ Платонъ утвердилъ выборъ

преосвященнаго Августина относительно Сокольскаго подъ условіемъ, „ежели онъ (Сокольскій) достоинъ и благонравенъ“. Послѣдними словами митрополитъ какъ будто еще разъ напоминалъ викарію, какого пастыря онъ желаетъ видѣть въ Гуслицахъ, чтобъ преосвященный Августинъ внимательнѣе отнесся къ выбору туда священника[1]).

Вслѣдъ за опредѣленіемъ Сокольскаго въ Гуслицы, митрополитъ сдѣлалъ дополненія къ своей прежней резолюціи касательно гуслицкаго причта. Принимая во вниманіе содержаніе гуслицкихъ священнослужителей, достаточное болѣе, чѣмъ для наличнаго состава причта, м. Платонъ рѣшилъ, для большаго успѣха борьбы съ расколомъ, „опредѣлить въ Гуслицы еще ученыхъ двоихъ, оставивъ изъ двухъ одного четвертаго, яко викарія“[2]).

Между тѣмъ гуслицкіе прихожане явились съ ходатайствомъ предъ митрополитомъ за своихъ священниковъ. Въ короткій срокъ они подали на имя митрополита нѣсколько прошеній, съ опроверженіемъ взведеннаго на ихъ священниковъ обвиненія въ невоздержаніи и въ нерадѣніи о приходѣ, какъ клеветы, учиненной на нихъ „по досадѣ и злобѣ нѣкоторыхъ лицъ“. Заявляя о честности, трезвенномъ поведеніи своихъ священниковъ и пастырской ихъ ревности объ обращеніи заблуждающихся, прихожане просили митрополита пожалѣть вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ старость и „не лишать ихъ приходовъ, домовъ и отечествъ“ при послѣднихъ дняхъ жизни[3]). Настойчивостъ, съ какою защищали своихъ священниковъ гуслицкіе прихожане, побудила митрополита Платона навести новыя справки о гуслицкихъ священникахъ[4]). Въ виду того, что оффиціальная аттеста-

---

[1]) Сокольскій, послѣ обычныхъ ставленническихъ формальностей, былъ посвященъ въ Гуслицы, вмѣсто священника Филиппа Михайлова.—Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1804 г. іюля 24.

[2]) Тамъ же, дѣло 1804 г. февраля 28.

[3]) Священникъ Алексѣй Михайловъ былъ 72 лѣтъ.
„ Филиппъ Михайловъ 69 лѣтъ.
„ Илья Алексѣевъ 59 лѣтъ.

[4]) Изъ оффиціальныхъ данныхъ видно, что Алексѣй Михайловъ и Филиппъ Михайловъ опредѣлены были въ Гуслицы много ранѣе вступленія Платона на московскую каѳедру. Алексѣй Михайловъ

ція Алексѣя Михайлова и Ильи Алексѣева оказывалась удовлетворительною, дѣлъ и подозрѣній за ними никакихъ не числилось, поведенія они отмѣчены были „хорошаго“, къ тому же и въ послѣднихъ событіяхъ получили сильный урокъ для пастырской ревности и нравственной благонадежности,—митрополитъ Платонъ уступилъ просьбѣ гуслицкихъ крестьянъ. Онъ согласился „до времени священниковъ Алексѣя Михайлова и Илью Алексѣева оставить въ Гуслицахъ, обязавъ только ихъ подпискою, чтобъ жили честно и воздержно и ревновали бы заблуждающихъ обращать“. На открытую же четвертую священническую вакансію онъ опредѣлилъ бывшаго раскольника, полкового священника Никитина, какъ человѣка знакомаго съ расколомъ и способнаго къ миссіонерской дѣятельности, что призналъ и испытывавшій его преосвященный Августинъ[1]).

Съ цѣлью побужденія гуслицкихъ священниковъ къ болѣе ревностной борьбѣ съ расколомъ, а равно и къ возвышенію ихъ нравственной жизни, м. Платонъ, одновременно съ опредѣленіемъ въ Гуслицы лучшихъ пастырей, позаботился объ усиленіи надзора надъ гуслицкимъ причтомъ. Существующій надзоръ надъ Гуслицами въ лицѣ Новорождественскаго благочиннаго, м. Платонъ признавалъ неудовлетворительнымъ. Конечно, можно было винить въ недостаткѣ надлежащей бдительности благочиннаго, но отчасти слабость надзора обусловливалась удаленностью Гуслицъ

въ 1760 г., Филиппъ Михайловъ въ 1766 г; оба произведены во священники Московскимъ митрополитомъ Тимоѳеемъ. Слѣдовательно, не вина м. Платона, если въ такомъ важномъ раскольничьемъ центрѣ оказались малопросвѣщенные священники. Поводовъ же къ переводу ихъ до послѣдняго времени могло и не представиться. Что же касается Ильи Алексѣева, то едва ли будетъ ошибочно считать его за сына бывшаго гуслицкаго священника и благочиннаго Алексѣя Васильева. Вѣроятно, кандидата лучшаго Ильи Алексѣева для опредѣленія въ Гуслицы въ свое время не нашлось, а заслуги благочиннаго Алексѣя Васильева дали его сыну перевѣсъ надъ остальными просителями, если только они были.—Архивъ Московской дух. консист., дѣло 1804 г. сентября 21; ср дѣло 1777 г. іюля 11, № 25.

[1]) Архивъ Московск. духовн консисторіи, дѣло 1804 г. сентября 21.—Викаріемъ изъ четырехъ священниковъ былъ назначенъ Алексѣй Михайловъ, какъ „престарѣлый и по слабости малоспособный къ должности“.—Тамъ же.

отъ Новорождественскаго села (40 верстъ). Принимая все это во вниманіе, м. Платонъ поручилъ преосвященному Августину опредѣлить надъ гуслицкою церковью благочиннаго „другаго изъ лучшихъ, и который бы былъ не удаленъ отъ села Гуслицъ, и особливо велѣть ему надъ симъ причтомъ надсматривать". По справкѣ консисторіи, вблизи Гуслицъ находилось два священника, болѣе другихъ пригодныхъ для назначенія въ благочинные: священникъ села Павлова Димитрій Ивановъ и священникъ села Уполозъ Василій Константиновъ. Первый имѣлъ преимущество предъ Константиновымъ: онъ окончилъ полный богословскій курсъ ученія, между тѣмъ какъ Константиновъ ходилъ только до риторическаго класса. Затѣмъ Ивановъ имѣлъ лучшую аттестацію и отъ ближайшаго своего начальства. Благочиннымъ онъ былъ отмѣченъ поведенія „похвальнаго, жизни трезвой и воздержной". О Константиновѣ же благочинный выражался сдержаннѣе, показывая его просто поведенія „изряднаго". Митрополитъ Платонъ остановился на Ивановѣ; но прежде окончательнаго выбора благочиннаго надъ Гуслицами, онъ поручилъ своему викарію разсмотрѣть, можно ли „сего священника сдѣлать благочиннымъ"[1]). Преосвященный Августинъ, по надлежащемъ изслѣдованіи, призналъ Димитрія Иванова „способнѣйшимъ" къ благочинической должности, а потому онъ и былъ опредѣленъ благочиннымъ вмѣсто Новорождественскаго священника Петра Алексѣева[2]). Затѣмъ м. Платонъ обратилъ вниманіе на неравномѣрность распредѣленія церквей по благочиніямъ, сосѣднимъ съ Новорождественскимъ. Въ Новорождественскомъ благочиніи, къ которому принадлежали Гуслицы, числилось 27 церквей, между тѣмъ какъ въ Муравьищенскомъ 12 церквей, а въ Петропавловскомъ только 10.

---

[1]) Архивъ Московской дух. консисторіи, дѣло 1804 г. февраля 28.—Это распоряженіе, какъ и подобныя ему, повидимому, нерѣшительнаго характера, въ сущности должны быть признаны за выраженіе пастырской осмотрительности м. Платона, не желавшаго дѣлать опрометчивыхъ выборовъ, легко возможныхъ при поспѣшныхъ опредѣленіяхъ, безъ тщательныхъ нужныхъ справокъ.

[2]) Тамъ же, дѣло 1804 г. декабря 14.

Во избѣжаніе проистекавшихъ отсюда неудобствъ для надзора, Платонъ распорядился упомянутыя благочинія такъ раздѣлить, чтобъ предѣлы вѣдомства каждаго благочиннаго не простирались дальше 25-ти верстъ отъ мѣстопребыванія благочиннаго и чтобы въ каждомъ благочиніи состояло не болѣе 20 церквей. Послѣ этого въ консисторіи былъ составленъ подробный списокъ селъ сосѣднихъ благочиній—Новорождественскаго, Муравьищенскаго и Петропавловскаго, съ указаніемъ, въ какомъ разстояніи каждое изъ нихъ находится отъ мѣстопребываній всѣхъ трехъ благочинныхъ. Въ результатѣ благочиніе, въ составъ котораго входили Гуслицы, было сокращено; нѣкоторыя церкви были отчислены отъ него къ сосѣднимъ благочиніямъ и самое село Новорождественское приписано къ Быковскому благочинію[1]).

Разсмотрѣнные факты, касающіеся гуслицкаго причта, даютъ основаніе къ слѣдующему общему заключенію. М. Платонъ пользовался всѣми доступными ему способами, оффиціальными и неоффиціальными, для того, чтобы слѣдить, насколько приходскіе пастыри заботятся объ обращеніи раскольниковъ и своимъ поведеніемъ оправдываютъ званіе руководителей жизни ввѣренныхъ ихъ попеченію душъ. Пастырей, съ небреженіемъ творящихъ дѣло Божіе, м. Платонъ удалялъ изъ раскольничьихъ селеній; а если оставлялъ, то лишь подъ условіемъ обѣщанія ревностно стараться объ обращеніи заблудшихъ и провождать жизнь трезвенную. Вмѣсто выводимыхъ изъ раскольничьихъ селеній недостойныхъ пастырей, м. Платонъ опредѣлялъ кандидатовъ ученыхъ и воздержныхъ, къ выбору которыхъ относился съ разборчивостью. Для большаго же побужденія послѣднихъ къ противораскольничьей дѣятельности и къ жизни соотвѣтствующей ихъ высокому призванію, онъ усиливалъ надзоръ надъ священнослужителями раскольничьихъ селеній.

Итакъ попечительность м. Платона о возвышеніи пастырей приходовъ, зараженныхъ расколомъ, выражалась въ его наблюденіи за поведеніемъ и противораскольничьею дѣятельностью пастырей и въ изысканіи способовъ для по-

---

[2]) Архивъ Москов. дух. консисторіи, дѣло 1804 г. февраля 28.

бужденія ихъ къ достойному выполненію своего званія; всего же больше въ опредѣленіи въ раскольничьи приходы лучшихъ священниковъ по своей жизни и умственной подготовкѣ для пастырскаго служенія.

Если изъ всѣхъ указанныхъ мѣропріятій къ возвышенію пастырей слѣдуетъ признать наиболѣе радикальною мѣрою выборъ достойныхъ кандидатовъ на открывающіяся священническія вакансіи, то необходимо замѣтить, что и осуществленіе этой мѣры встрѣчало такія серьезныя затрудненія, которыхъ не имѣли въ своемъ примѣненіи остальныя формы проявленія попечительности м. Платона о достойныхъ посредникахъ между нимъ и народомъ. М. Платону далеко не всегда удавалось находить желательныхъ кандидатовъ для приходовъ, зараженныхъ расколомъ. Достойнѣйшіе питомцы духовныхъ школъ, въ которыхъ чувствовалась наибольшая нужда въ раскольничьихъ селеніяхъ, чаще другихъ и избѣгали этихъ приходовъ. Причина понятна. Возлагая большія обязанности на священниковъ, требуя особой корректности отъ нихъ въ поведеніи, раскольничьи приходы въ то же время давали скудное содержаніе духовенству, и тѣмъ худшими являлись со стороны доходовъ, чѣмъ большее количество въ нихъ проживало отщепенцевъ православія и чѣмъ, слѣдовательно, большая отвѣтственность требовалась отъ пастыря такого селенія. Въ первые годы своего служенія м. Платонъ имѣлъ много случаевъ сѣтовать на невозможность поставлять въ раскольничьи приходы лицъ съ надлежащею предварительною подготовкою къ пастырству. Въ 1784 г. эту мысль онъ выразилъ и въ рапортѣ Св. Синоду, по поводу синодальнаго указа объ опредѣленіи въ раскольничьи селенія ученыхъ священнослужителей. „Что же касается до доставленія въ таковыя мѣста ученыхъ священниковъ, писалъ м. Платонъ, то и о семъ мною ни при какомъ случаѣ не было опущено; но студенты итти туда никакъ не соглашаются“. Также, заявлялъ м. Платонъ, „никакъ согласиться не могутъ“ и ученые московскіе священники пойти въ раскольничьи села[1]). Пояснимъ сказанное фактами.

---

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1783 г. мая 17, № 362, л. 33.

Въ 1776 г., въ силу предписанія митрополита, консисторія отнеслась въ Славяно-греко-латинскую академію и Троицкую семинарію, не найдутся ли желающіе изъ студентовъ занять открывшееся мѣсто священника при церкви Рождества Пресв. Богородицы, что у рѣчки Рудни. Но ни въ академіи, ни въ семинаріи никто изъ студентовъ не согласился поступить въ село, въ которомъ многіе изъ прихожанъ числились въ расколѣ. Равнымъ образомъ и изъ ученыхъ діаконовъ ни одинъ не выразилъ желанія принять помянутое предложеніе. Пришлось искать кандидата въ с. Рудни изъ неученыхъ. Московскіе благочинные, на запросъ консисторіи, рекомендовали нѣсколько діаконовъ. Консисторія составила имъ реестръ; всѣхъ рекомендованныхъ было 15-ть. Но и изъ нихъ, при уменьшеніи общихъ требованій отъ кандидатовъ въ раскольничьи села, митрополитъ только немногихъ призналъ пригодными для священства. Большинство же, какъ видно изъ отмѣтокъ, онъ не считалъ подходящими лицами для священослуженія въ раскольничьемъ приходѣ. „Сумнителенъ“, „молодъ“, „не можетъ“, замѣчалъ онъ, или же совсѣмъ оставлялъ безъ своей отмѣтки, у кого поведеніе благочинными обозначено „средственнымъ“, „безподозрительнымъ“, „нехудымъ“, т. е. признано уже низшею административною инстанціей не вполнѣ удовлетворяющимъ предъявляемымъ къ священнику требованіямъ[1]). Въ 1778 г. м. Платонъ предписалъ консисторіи найти кандидата изъ студентовъ Троицкой семинаріи или Славяно-греко-латинской академіи для священнической вакансіи въ с. Уполозы, взамѣнъ отрѣшеннаго отъ должности Стефана Филиппова. Но когда консисторія составила о томъ докладъ, м. Платонъ измѣнилъ свою резолюцію. Быть можетъ, онъ принялъ во вниманіе только что поданное ему прошеніе Стефана Филиппова. Движимый человѣколюбіемъ, Платонъ находилъ нужнымъ поскорѣе опредѣлить на мѣсто бывшаго Уполозскаго священника, чтобы дать пропитаніе его малолѣтнимъ дѣтямъ, о чемъ Стефанъ Филипповъ заявлялъ въ своемъ прошеніи. Но главное—по-

[1]) Архивъ Моск. дух. консисторіи, дѣло 1776 г. октября 6.

лагаемъ—онъ къ тому времени успѣлъ убѣдиться, что студентовъ желающихъ итти въ Уполозы нѣтъ, какъ не оказалось ихъ для занятія мѣста при церкви Рождества Пресв. Богородицы, что у рѣчки Рудни. Подъ вліяніемъ указанныхъ обстоятельствъ, составилось новое распоряженіе м. Платона: „выбрать изъ уѣздныхъ двухкомплектныхъ или трехкомплектныхъ священника добраго и трезваго изъ такова приходу, гдѣ раскольниковъ нѣтъ, и опредѣлить его въ село Уполозы; а на мѣсто его опредѣлить сего Уполозскаго попа, освободивъ изъ монастыря“[1]). Дальнѣйшая исторія разсказаннаго дѣла также свидѣтельствуетъ, какъ трудно было отыскивать достойныхъ кандидатовъ для селъ, зараженныхъ расколомъ. Стефанъ Филипповъ, узнавши резолюцію митрополита о переводѣ его на мѣсто какого-либо „трезваго и добраго“ священника изъ двухштатнаго прихода, просилъ митрополита опредѣлить его въ с. Павлово, гдѣ три священника и одинъ изъ ученыхъ; послѣдняго онъ предлагалъ перевести въ с. Уполозы. М. Платонъ не обратилъ вниманія на прошеніе Стефана Филиппова и оставилъ въ силѣ свою прежнюю резолюцію, предоставлявшую консисторіи право избранія кандидата въ Уполозы на священническое мѣсто. Консисторія же, чтобы быть справедливою, не назначила павловскаго священника къ переводу. Но съ другой стороны она затруднялась подыскать хорошаго священника для Уполозъ. Пришлось употребить нѣкоторое насиліе. Сначала консисторія постановила перевести въ Уполозы священника с. Ивановскаго Михаила Аѳанасьева, а на его мѣсто послать Стефана Филиппова. Но Стефана Филиппова не принялъ владѣлецъ крестьянъ с. Ивановскаго, графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, къ покровительству котораго обратился Михаилъ Аѳанасьевъ, совсѣмъ не желавшій такой перемѣны. Хотя м. Платонъ и предписалъ поступить по консисторскому опредѣленію, однако консисторія не сочла нужнымъ дѣйствовать противъ графа и опредѣлила перевести въ с. Уполозы священника с. Озерецкаго, Андрея Герасимова. Андрей Герасимовъ то-

[1]) Архивъ Моск. дух. консисторіи, дѣло 1778 г. марта 10, № 6.

же былъ противъ перевода въ Уполозы, находя его для себя разорительнымъ. На этомъ основаніи онъ просилъ оставить его на прежнемъ мѣстѣ; просили за него и прихожане. Тѣмъ не менѣе, Платонъ не измѣнилъ консисторскаго опредѣленія, очевидно, потому, что не надѣялся инымъ способомъ найти болѣе или менѣе подходящаго кандидата во священника для раскольничьяго селенія[1]). Да и переведенный въ с. Уполозы такимъ образомъ священникъ, какъ показали послѣдствія, былъ весьма посредственный[2]). Недостаткомъ хорошихъ кандидатовъ объясняется и то обстоятельство, что м. Платонъ одобрялъ иногда избранныхъ самими прихожанами кандидатовъ во священники для раскольничьихъ селъ[3]).

Трудность отыскиванія достойныхъ лицъ для пастырскаго служенія побудила м. Платона обратить серьезное вниманіе на тѣ заведенія, которыя преслѣдовали и должны были преслѣдовать цѣль подготовленія священно-церковнослужителей.

До м. Платона Московская епархія кандидатовъ на священныя должности получала изъ Славяно-греко-латинской академіи и Троицкой семинаріи. Но количество воспитанниковъ, обучавшихся въ этихъ заведеніяхъ, далеко не шло въ параллель съ обширностью епархіи[4]). Тѣмъ болѣе, что сравнительно значительный процентъ академистовъ и отчасти лаврскихъ семинаристовъ выбывалъ въ свѣтскія вѣдомства[5]). Чтобы удовлетворить запросамъ епархіи на образованныхъ духовныхъ юношей, м. Платонъ рѣшился завести нѣсколько новыхъ школъ и вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) Архивъ Моск. дух. консисторіи, дѣло 1778 г. марта 10, № 6.

[2]) Тамъ же, дѣло 1787 г. мая 5.

[3]) Тамъ же, дѣло 1783 г. января 27, № 21.

[4]) Вѣдомость о священнослужителяхъ 1775 г. Въ Архивѣ Моск. консисторіи эта вѣдомость не сохранилась. Содержаніе ея напечатано въ Ист. м. еп. управл., ч. III, кн. I, примѣч. 37.—Предписаніе м. Платона 1804 г. марта 3: Арх. Московской консист., дѣло 1799 г. декабря 30, № 10.

[5]) Архивъ Моск. дух. консисторіи, дѣло 1786 г. ноября 8, № 137; дѣло 1787 г. ноября 17, № 44; дѣло 1787 г. февраля 15, № 216, дѣло 1802 г. октября 15, № 32, и др.—Исторія Славяно-греко-латинской академіи, Смирнова, стр. 237—244. Истор. Троицк. семинаріи, стр. 106—109.

увеличить число воспитанниковъ въ существовавшихъ уже разсадникахъ духовнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ были открыты семинаріи: въ подмосковномъ Перервинскомъ монастырѣ, въ Калугѣ—въ Лаврентьевѣ монастырѣ, въ Звенигородѣ—въ Саввинскомъ монастырѣ (1775 г.) и въ Дмитровѣ (1777 г.[1]). Впослѣдствіи къ нимъ присоединилась еще Виѳанская семинарія[2]). Устроивши школы, м. Платонъ постаралсяя наполнить ихъ учащимися. Само духовенство XVIII в. мало интересовалось учебными заведеніями, потому что и безъ нихъ достигало конечной цѣли воспитанія—опредѣленія своихъ дѣтей на священно-церковнослужительскія мѣста. Дѣйствительно, вѣдомости о дѣтяхъ священнослужителей поражаютъ малымъ количествомъ учащихся подростающаго поколѣнія духовенства, напр., за 1786 г. дѣтей священно-церковнослужителей 56 церквей Ивановскаго сорока въ возрастѣ до 15-ти лѣтъ обозначено „обученыхъ“ 5, „необученыхъ“ 103; по Пречистенскому сороку у духовенства 75 церквей дѣтей до 15-ти лѣтъ отмѣчено „обученыхъ“ 13, „необученыхъ“ 89; въ Срѣтенскомъ и Никитскомъ сорокахъ обученыхъ насчитывалось 11 противъ 203 необученыхъ[3]). Въ уѣздахъ процентъ необученыхъ былъ, конечно, еще большій, чѣмъ въ Москвѣ. Чтобы побудить духовенство отдавать своихъ дѣтей въ духовныя училища, м. Платонъ объявилъ, что онъ будетъ опредѣлять на священнослужительскія мѣста „предпочтительно“ тѣхъ, „кои хотя нѣкоторое въ семинаріи препровождали время, обучаясь полезнымъ для нихъ самихъ и для церкви наукамъ“[4]). За

[1]) Государственный и СПБ. Глав. Архивъ М. И. Д., разрядъ XVIII, дѣло 1774 г., № 277: прошеніе м. Платона на высочайшее имя 1776 г іюня 29.—Автобіографія м. Платона, напеч. въ Душеп. Чт. 1887 г., августъ, стр. 408. Исторія Московск. епарх. управл., ч. III, кн. I, стр. 19. Жизнь м. Платона, Снегирева, стр. 57.

[2]) Послѣдняя была открыта по изволенію императора Павла I. Любимое мѣсто уединенія м. Платона, Виѳанская пустынь такъ понравилась императору Павлу I, что онъ приказалъ преобразовать здѣшнія постройки въ двухклассный монастырь и при немъ открыть семинарію.—Указъ 1797 г. мая 1: Полное Собр. Зак. Р. Имперіи, т. XXIV, № 17949. Автобіографія м. Платона, напеч. въ Душеп. Чт. 1887 г., сентябрь, стр. 11, 14—15.

[3]) Арх. Моск. дух. консисторіи, дѣло 1787 г. марта 17.

[4]) Тамъ же, журналъ 1776 г. августа 10; ср. дѣло 1785 г. де-

лучшими же и бѣдными воспитанниками семинаріи Платонъ сталъ зачислять праздныя священно-церковнослужительскія мѣста ранѣе окончанія ими образованія[1]). Сильнымъ средствомъ для увеличенія числа учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ м. Платона было, между прочимъ, значительное матеріальное ихъ улучшеніе. На содержаніе своихъ школъ м. Платонъ исходатайствовалъ казенныя суммы[2]), пополняя ихъ притомъ монастырскими[3]) и своими собственными средствами[4]), а также пожертвованіями частныхъ благотвори-

---

кабря 16, № 34; дѣло 1799 г. декабря 30, № 10.

[1]) Архивъ Троицкой семинаріи, дѣло 1789 г., № 18; Архивъ Моск. дух. консисторіи, дѣло 1783 г. іюня 22, № 162; дѣло 1789 г. ноября 16, № 21.

[2]) Автобіогр. м. Платона, нап. въ Душ. Чт., августъ, стр. 408, сентябрь, стр. 11.—Архивъ Моск. дух. консисторіи, дѣло 1776 г., № 8. Архивъ Троицк. семинаріи, дѣло 1789 г., № 25. Архивъ Виѳанской семинаріи, дѣло 1807 г. Указъ импер. Екатерины II 1775 г. декабря 20: Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 17949. Жизнь м. Платона, Снегирева, стр. 74 (календарь Платона).

[3]) Архивъ Троицкой семинаріи, дѣло 1799 г., № 16. Перервинская же семинарія содержалась исключительно на средства монастыря.—Государственный Архивъ, разрядъ XVIII, дѣло 1774 г., № 277. Автобіогр. м. Платона, напеч. въ Душ. Чт. 1887 г., авг., стр. 408.

[4]) М. Платонъ учредилъ нѣсколько стипендій въ Троицкой семинаріи и Славяно-греко-латинской академіи для лучшихъ учениковъ, которые прибавляли съ тѣхъ поръ къ своимъ фамиліямъ названіе „Платоновы“. Для этой цѣли онъ пожертвовалъ по 4000 руб. на каждое изъ упомянутыхъ заведеній (Архивъ Троицк. семинаріи, дѣло 1789 г., № 25. Учрежденіе для студентовъ Московской академіи, содержимыхъ коштомъ Платона, м. Московскаго, напеч. въ Исторіи Моск. академіи Смирнова, приложеніе, № 5). Затѣмъ въ 1796 г. Платонъ положилъ въ банкъ воспитательнаго дома 6000 рублей, чтобы проценты шли на содержаніе воспитанниковъ и служащихъ въ Троицкой семинаріи (Архивъ Троицк. семин., дѣло 1796 г., № 3, № 25). Съ возведеніемъ Виѳаніи въ разрядъ второклассныхъ монастырей и съ опредѣленіемъ особаго штатнаго содержанія для Виѳанскаго монастыря, м. Платонъ отчислилъ на содержаніе вновь открытой Виѳанской семинаріи 20000 рублей, которые были внесены имъ прежде на Виѳанскій монастырь (Архивъ Троицк. семинаріи, дѣло 1799 г., № 1). Помимо перечисленныхъ вѣчныхъ вкладовъ, Троицкая семинарія пользовалась временно (съ 1 октября 1789 г. по 2-е мая 1807 г.) процентами съ 4000 руб. изъ капитала (10000 р.), внесеннаго на имя Сергіевой лавры (тамъ же, дѣло 1799 г., № 1; дѣло 1813 г., № 39). Какъ видно, вклады, обезпечивающіе процвѣтаніе учебныхъ заведеній, положены были м. Платономъ довольно значительные.

телей[1]), на которыя онъ умѣлъ вызывать состоятельныхъ людей[2]). Благодаря указаннымъ источникамъ, преосвященному Платону удалось устроить при Московской академіи общежитіе („бурсу"), съ казеннымъ содержаніемъ для бѣднѣйшихъ воспитанниковъ, которые при прежнихъ порядкахъ, по недостатку средствъ, не могли учиться въ школахъ, хотя бы и желали того[3]). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ м. Платонъ самъ назначалъ дѣтей священнослужителей для отправленія въ то или другое изъ духовно-учебныхъ заведеній, что и отмѣчалъ въ представляемыхъ ему вѣдомостяхъ о священно-церковнослужителяхъ[4]). Отдавать же въ свѣтскія учебныя заведенія своихъ дѣтей священнослужителямъ безъ особаго своего разрѣшенія Платонъ воспрещалъ[5]). Предпринятыя преосвященнымъ Платономъ мѣры для распространенія духовнаго просвѣщенія сопровождались благими послѣдствіями. Ряды готовящагося на служеніе церкви юношества быстро возрастали, и Московская академія, а равно и Троицкая семинарія никогда, ни прежде ни послѣ, не видѣли въ своихъ стѣнахъ такой массы учащихся, какъ при ревнителѣ духовнаго образованія, митрополитѣ Платонѣ. Число учениковъ Московской академіи

если принять во вниманіе тогдашнюю цѣнность денегъ.—По заключеніямъ пр. Ключевскаго, русскій рубль первой половины XVIII в. равнялся 9—10 рублямъ 80-хъ годовъ XIX в. Приблизительно, слѣдовательно, почти въ такомъ же отношеніи къ настоящему рублю можно считать рубль второй половины XVIII в.—Русскій рубль XVI—XVIII вв.: Чтен. въ Общ. истор. и древн. росс. 1884 г., кн. I, стр. 67—72.

[1]) Архивъ Троицк. семинаріи, дѣло 1796 г., № 27; дѣло 1791 г. № 35. Архивъ Моск. консист., дѣло 1791 г. октября 20, № 19; дѣло 1800 г., № 41. Истор. Моск. акад., стр. 272—275. Истор. Троицк. сем., стр. 210—211.

[2]) Одно время Платонъ сдѣлалъ было добровольный сборъ съ духовенства, но императрица Екатерина воспретила подобный способъ увеличенія содержанія школъ и деньги приказала раздать обратно.—Духовныя школы, Знаменскаго, стр. 616.

[3]) Исторія Славяно-греко-латинской академіи, Смирнова, стр. 261, 270—271.

[4]) Архивъ Моск. дух. консисторіи, дѣло 1778 г. февраля 20; дѣло 1780 г. мая 27, № 16; дѣло 1787 г. марта 17.

[5]) Тамъ же, дѣло 1777 г. мая 16, по Ивановскому сороку, вязка 11.

теперь доходило до 1000—1600[1]), тогда какъ прежде ихъ было не болѣе 250—300[2]); точно такъ же и въ Троицкой семинаріи оно достигало при м. Платонѣ 350 человѣкъ, между тѣмъ какъ до него оно колебалось между 90 и 200 чел.[3]).

Заботясь о распространеніи духовнаго образованія, м. Платонъ напрягалъ всѣ силы своего высокодаровитаго и просвѣщеннаго ума къ усовершенствованію школьнаго образованія. Для приготовленія лучшихъ учителей въ свои заведенія, онъ отправлялъ нѣкоторыхъ изъ способнѣйшихъ учениковъ въ Академію Наукъ, Московскій университетъ, Филологическую семинарію Дружескаго Общества, иногда въ заграничные университеты: Оксфордскій и Геттингенскій, дабы „собирать, какъ онъ самъ выражался, плодъ познаній и съ цвѣтовъ свѣтской учености“[4]). Самому преподаванію онъ сообщилъ больше естественности, освободивши его отъ оковъ безплодной схоластики,—направленія, которое заставляло ученика вращаться въ общихъ, ни къ чему непригодныхъ понятіяхъ. Латинскій языкъ при м. Платонѣ потерялъ свое исключительное право въ преподаваніи. Преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, равно составленіе сочиненій со времени Платона стало производиться не только на языкѣ латинскомъ, но и на русскомъ. Послѣдній введенъ былъ даже въ кругъ изучаемыхъ въ школѣ предметовъ, ибо „нелѣпо, писалъ Платонъ, пріучать къ языку латинскому, а родную рѣчь бросать“[5]). Обстоятельство это, несомнѣнно, имѣло весьма важное значеніе. Питомцы школъ пріучались уже на ученической скамьѣ разсуждать на томъ языкѣ, на которомъ имъ слѣдовало впослѣдствіи учить

---

[1]) Исторія Славяно-греко-латин. акад., Смирнова, стр. 261.

[2]) Автобіогр. м. Платона, напеч. въ Душ. Чт. 1887 г., августъ, стр. 408.

[3]) Ист. Троиц. сем., Смирнова, стр. 35, 238—240.—Въ 1804 г., по словамъ самого м. Платона, всѣхъ учащихся въ духовныхъ училищахъ числилось до 2000 чел.—Архивъ Моск. дух. консисторіи, дѣло 1799 г. декабря 30, № 10, резолюція 1804 г. марта 3.

[4]) Жизнь м. Платона, Снегирева, ч. I, стр. 53. Духовн. школы, Знаменскаго, стр. 682.

[5]) Архивъ Троицк. семин., дѣло 1766 г., № 11. Архивъ Виѳанской семинаріи, дѣла 1800 г.: „Наставленіе для учениковъ риторики и піитики“.

свою паству. Кругъ изучаемыхъ наукъ, помимо введенія русскаго языка, былъ расширенъ нѣкоторыми предметами[1]). Изъ нихъ наибольшую практическую услугу могло оказать ученикамъ изученіе греческаго языка и исторіи—церковной и гражданской. При знаніи греческаго языка будущіе пастыри церкви легко могли вращаться въ богатомъ матеріалѣ отеческихъ твореній, авторитетомъ которыхъ всегда такъ дорожили раскольники. Знакомство же съ исторіею человѣчества, въ особенности съ церковно-историческими событіями, какъ бы самымъ опытомъ, научало обращенію съ пасомыми и, между прочимъ, съ заблуждающимися.

Задачи школьнаго образованія м. Платонъ не ограничивалъ однимъ сообщеніемъ ученикамъ полезныхъ свѣдѣній. Онъ былъ убѣжденъ, что плодотворность ученія „не столько зависитъ отъ остроумія и краснорѣчія, сколько отъ чистоты и непорочности сердца учителева“[2]). Поэтому, поставивши себѣ цѣлью „снабдить церковь лучшими священнослужителями“[3]), онъ, наряду съ развитіемъ мыслительныхъ способностей юношей, усердно наблюдалъ за нравственнымъ воспитаніемъ будущихъ пастырей. Его собственныя отношенія къ учителямъ и къ ученикамъ были проникнуты духомъ неподдѣльной любви; того же онъ требовалъ отъ преподавателей[4]). Наказанія сдѣлались теперь мѣрами къ исправленію, а не юридическимъ возмездіемъ за совершенный проступокъ, какъ было прежде. Учителямъ предписывалось знать характеръ своихъ питомцевъ и соотвѣтственно особенностямъ каждаго, прилагать тѣ или иныя мѣры[5]). Помимо того, въ наказанія введено было больше гуманности. Сѣченіе розгами позволялось въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ и только ректору или, съ его разрѣшенія, префек-

---

[1]) Исторія Славяно-греко-латинской акад., Смирнова, стр. 260.

[2]) Автобіографія м. Платона, напеч. въ Душеп. Чтен. 1887 г., августъ, стр. 382.

[3]) Архивъ Моск. духовн. консисторіи, дѣло 1799 г. декабря 30, № 10, резолюція 1804 г. марта 3.

[4]) Инструкція м. Платона семин. инспекторамъ, §§ 12, 28; напечат. въ Истор. Троиц. сем., стр. 150—152. Инструк. семинаристамъ, §§ 5 и 6; напеч. тамъ же, стр. 452—456.

[5]) Инструкція м. Платона семинар. инспекторамъ, § 20.

ту[1]). Вмѣсто физическихъ наказаній, Платонъ предписывалъ школьному начальству приводить учениковъ къ своей должности моральными увѣщаніями[2]). Съ другой стороны и воспитанникамъ внушалось „повиноваться начальству не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть (Рим. 13, 5)“[3]), а въ отношеніяхъ между собою руководиться началами братской любви и вѣжливости[4]). Дѣйственность всѣхъ подобныхъ требованій была расчитана на лучшіе естественные инстинкты дѣтской природы, чувство чести и стыда. Задача начальства была только развивать эти прирожденныя каждому человѣку качества. Поэтому одна изъ инструкцій прямо предписывала учителямъ „вперять въ учениковъ благородное честолюбіе, которымъ бы они, яко пружиною, были управляемы въ поступкахъ“[5]).

Въ силу всѣхъ указанныхъ дисциплинарныхъ усовершенствованій, „школа становилась, дѣйствительно, школою, а не прежнимъ подражаніемъ обществу гражданскому, члены котораго связывались между собою только извѣстными правилами оффиціальной субординаціи и дисциплины“[6]). Воспитывая въ своихъ питомцахъ и внѣшнюю вѣжливость и внутреннее благородство, она поднимала въ нихъ сознаніе собственнаго достоинства; а это было, несомнѣнно, дорого для будущаго пастыря, потому что возвышало его авторитетъ въ глазахъ паствы и пріучало къ истинно-гуманному обхожденію съ людьми, открывая такимъ образомъ болѣе широкій путь для вліянія на общество.

Итакъ и въ Московской епархіи такъ же, какъ и въ Тверской, м. Платонъ важнѣйшею мѣрою для искорененія раскола считалъ увѣщанія, проникнутыя духомъ христіанской любви къ заблуждающимся; къ нимъ присоединялъ

---

[1]) Инструк. м. Платона полицеймагистрамъ, пунктъ 8; напеч. въ Истор. Тр. сем., стр. 153—156.

[2]) Резолюція м. Платона 1783 г. апрѣля 24,—приведена у Смирнова: Исторія Славяно-греко-латинской академіи, стр. 261.

[3]) Инструк. семинаристамъ 1787 г., § 30; напечат. въ Исторіи Троицкой семин., стр. 456—464.

[4]) Тамъ же, § 20.

[5]) Инстр. м. Платона семинарскимъ инспекторамъ, § 30.

[6]) Духовныя школы въ Россіи, Знаменскаго, стр. 710.

заботы о распространеніи въ народѣ просвѣщенія, объ улучшеніи церковно-богослужебной стороны и нравственности пасомыхъ, равно и о возвышеніи самихъ пастырей. Всѣ эти мѣры, которыя можно охарактеризовать выраженіемъ „духовныя мѣры," были вполнѣ цѣлесообразны, потому что направлялись противъ дѣйствительныхъ причинъ раскола: увѣщанія разсѣивали мракъ невѣжества въ средѣ заблуждающихся, открывая своею любвеобильностью доступъ въ упорныя сердца приверженцевъ старины; распространеніе истинныхъ религіозныхъ понятій въ народѣ ограждало слабыхъ членовъ церкви отъ уклоненія въ сѣти старообрядческаго лжеученія; улучшеніе же церковно-богослужебной стороны и нравственности пасомыхъ отнимало поводы къ соблазну у невѣжественной толпы; а воспитаніе достойныхъ священнослужителей, какъ посредниковъ между архипастыремъ и народомъ, представлялось необходимымъ Платону для проведенія въ паству его идей и для составленія противовѣса талантливымъ вожакамъ раскола.

III.

Наряду съ духовными мѣрами въ борьбѣ съ расколомъ нерѣдко необходимы мѣры гражданскаго свойства. Неразумная горячая ревность къ вѣрѣ, служащая вмѣстѣ съ невѣжествомъ главнымъ корнемъ раскола, можетъ доходить въ раскольникахъ иногда до крайности, до нападенія на православную церковь. Тогда любовь къ пасомымъ должна побуждать истиннаго пастыря къ изысканію способовъ для огражденія своей паствы отъ вредныхъ раскольничьихъ дѣйствій. Наше Русское государство, какъ государство православное, предоставляетъ православной церкви извѣстныя права во внѣшнемъ государственномъ строѣ и караетъ за нарушенія ихъ. Отсюда пастыри въ своей борьбѣ съ расколомъ могутъ опираться и на гражданскія узаконенія, предназначенныя къ охранѣ интересовъ господствующаго исповѣданія, а при возникновеніи новыхъ церковныхъ осложненій, они имѣютъ возможность ходатайствовать предъ гражданской властью о разъясненіи и дополненіи прежнихъ законоположеній. Въ противораскольничьей дѣятельности м.

Платона мы встрѣтимъ примѣненіе гражданскихъ мѣропріятій того и другого характера, какъ существовавшихъ ранѣе его святительства, такъ и изданныхъ по его вліянію.

Прежде всего въ огражденіи отъ преслѣдованій раскольниковъ нуждались многіе изъ новообратившихся. Переходъ въ православіе старообрядцевъ нерѣдко возбуждалъ чувства негодованія въ бывшихъ его единовѣрцахъ и желаніе вернуть познавшаго истину опять въ раскольничье общество. Въ средствахъ, для достиженія своей цѣли, раскольники не стѣснялись. Тогда положеніе новообращеннаго становилось тягостнымъ и небезопаснымъ для его религіознаго состоянія. Уговоры, соединенные часто съ прямымъ преслѣдованіемъ,—всѣ подобныя мѣры способны были поколебать, наконецъ, убѣжденія еще неокрѣпшаго члена церкви. Отсюда поддержка противъ козней раскольниковъ переходящихъ въ православіе старообрядцевъ становилась совершено необходимою. Потому-то и митрополитъ Платонъ, какъ пастырь добрый, съ отеческою отзывчивостью отно сился къ нуждамъ новообращенныхъ. Представимъ факты.

Въ 1781 году пріѣхавшіе въ Москву стародубскіе купцы-раскольники, братья Павелъ и Иванъ Марковы приняли православіе. Боясь возвращаться на родину, въ старообрядческія слободы, они подали просьбу въ московскій магистратъ о записи ихъ въ московское купечество. Магистратъ послалъ запросъ въ Новгородъ-Сѣверское намѣстническое правленіе для полученія свѣдѣній, нѣтъ ли какихъ препятствій къ увольненію Марковыхъ отъ слободскаго раскольничьяго купечества. Обратившіеся же въ православіе купцы напередъ высказывали увѣренность, что родичи ихъ и односельчане, вслѣдствіе одного только принятія ими, братьями Марковыми, греко-россійскаго исповѣданія, постараются выдумать несуществующій въ дѣйствительности какой-либо предлогъ къ удержанію ихъ въ слободѣ (въ посадѣ „Клинцы"), чтобы потомъ опять „втащить ихъ въ пагубную сѣть". Примѣръ у нихъ былъ на глазахъ: судьба старшаго брата, котораго за обращеніе изъ раскола подвергали „изнуренію и истязаніямъ", лишь бы заставить его отказаться отъ ненавистнаго слобожанамъ никоніанства. Поэтому купцы Мар-

ковы обратились къ московскому архіепископу, прося его снестись съ магистратомъ, чтобы магистратъ записалъ ихъ въ московское купечество, безъ предварительнаго извѣстія о нихъ отъ слободской раскольничьей конторы; а потомъ, чтобы далъ знать намѣстническому правленію, въ вѣдомствѣ котораго находились раскольничьи слободы, для сообщенія слободской раскольничьей конторѣ о выключкѣ ихъ изъ вѣдѣнія конторы. Запросъ московскаго магистрата въ намѣстническое правленіе о Марковыхъ имѣлъ законныя основанія, но положеніе Марковыхъ было совсѣмъ не то, которое предполагалъ законъ, требуя предварительныхъ справокъ относительно желающихъ переписаться изъ одного мѣста въ другое. И архіепископъ Платонъ призналъ исключительность положенія купцовъ Марковыхъ, понялъ опасность, угрожающую ихъ вѣрѣ и принялъ новообратившихся подъ свое покровительство. Согласно просьбѣ купцовъ Марковыхъ, московскій святитель дѣйствительно ходатайствовалъ предъ Новгородъ-Сѣверскимъ намѣстническимъ правленіемъ, „дабы сихъ просителей въ разсужденіи ихъ обращенія ко святѣй церкви и дабы сіи по возвращеніи въ прежнее мѣсто не могли чего отъ раскольниковъ претерпѣть или и паки ими совращены быть, благоволено было по требованію московскаго магистрата, въ московское купечество уволить“[1]).

Еще съ большею рельефностью выступаетъ предъ нами необходимость извѣстнаго покровительства новообращенныхъ въ дѣлѣ Зарайской мѣщанки Акилины Зайцевской[2]), и тѣмъ цѣннѣе посему является для насъ обнаруженное здѣсь м. Платономъ стремленіе оказать новообратившейся должную защиту. 15-ти лѣтъ Зайцевская, по ея словамъ, принуждена была своимъ отцомъ сдѣлаться мнимою женою московскаго купца Василія Монина, записного раскольника, безпоповца. Весь обрядъ вѣнчанія ихъ состоялъ въ томъ, что Монинъ, „пришедши съ нею города Зарайска въ соборную церковь, приложился къ образу чудотворца Николая“, такъ что свое сожитіе съ Мониным Зай-

[1]) Архивъ Моск. дух. консист., дѣло 1782 г. декабря 19, № 142.
[2]) Тамъ же, дѣло 1788 г. декабря 18., № 68.

цевская признавала беззаконнымъ. Чрезъ 6 лѣтъ „всемогущій гласъ Божій“, воззвалъ ее ко святой церкви, и она, улучивъ удобный моментъ, удалилась изъ дома Монина, находящагося въ селѣ Покровскомъ, захвативъ съ собою свое имущество. Заявляя митрополиту о своемъ желаніи присоединиться къ св. церкви, Зайцевская просила его исхлопотать ей билетъ на свободное жительство въ Москвѣ, во избѣжаніе возможныхъ преслѣдованій со стороны Монина. И митрополитъ, отославъ Зайцевскую „для наставленія и присоединенія ко святѣй Церкви“ къ одному изъ московскихъ священниковъ и предписавъ консисторіи „по присоединеніи учинить по ея прошенію разсмотрѣніе и опредѣленіе“, вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился, согласно просьбѣ Зайцевской, „сообщить въ Управу Благочинія, чтобъ ей дать видъ о свободномъ отъ мнимаго мужа жительствѣ до рѣшенія въ Консисторіи дѣла“. Видъ этотъ дѣйствительно оказался необходимымъ Акилинѣ Ивановнѣ. Купецъ Монинъ тотчасъ же, по уходѣ изъ его дома Зайцевской, заявилъ въ управу благочинія о побѣгѣ отъ него законной жены и похищеніи ею его имѣнія на 1230 рублей; Монинъ просилъ задержать Зайцевскую. Управа благочинія поступила бы, несомнѣнно, по заявленію Монина, если бы не имѣла свѣдѣній о Зайцевской изъ консисторіи. Теперь же она не удовлетворила его просьбы. Но Монинъ былъ человѣкъ богатый; отсюда легко понять, почему въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ полиція явно становится на сторону Монина. Просимаго Зайцевскою билета она все-таки не выдала, несмотря на ходатайство митрополита, не выдала, конечно, по проискамъ Монина. Затѣмъ, пользуясь благорасположеніемъ полиціи, Монинъ сталъ настойчиво преслѣдовать Зайцевскую. Дошло до того, что, встрѣтивъ однажды Зайцевскую на Каменномъ мосту, Монинъ схватилъ ее за волосы, билъ немилосердно, снялъ съ ея шеи жемчугъ, отнялъ отъ нея нѣкоторыя другія вещи и въ заключеніе съумѣлъ ее же отправить на „съѣзжій дворъ“ (въ полицейскій участокъ), гдѣ она, какъ бы виновная въ какомъ преступленіи, содержалась почти безъ пищи. При такихъ обстоятельствахъ Зайцевская снова обратилась къ

митрополиту. Участливый святитель, желая оказать ей поддержку, отнесся теперь въ губернское правленіе. Однако и губернское правленіе не удовлетворило просьбы Зайцевской относительно вида на жительство. Такъ прошло полгода. Наконецъ, терпѣніе Зайцевской истощилось. Она не выдержала и вмѣстѣ съ Мониным подала прошеніе на высочайшее имя о прекращеніи ихъ бракоразводнаго дѣла. Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній касательно послѣдующей судьбы Зайцевской. Тѣмъ не менѣе съ увѣренностью можемъ утверждать, что это вторичное сближеніе Зайцевской съ Мониным не прошло безслѣдно для чистоты ея вѣрованій. Въ этомъ насъ убѣждаетъ то обстоятельство, что не Монинъ началъ уступку; первая пошла на нее Зайцевская. Затѣмъ и то, что Зайцевская, какъ видно изъ ея прошенія на высочайшее имя, опять признала законными свои связи съ Мониным, которыя признаны уже были ею беззаконными, по переходѣ въ православіе, и которыя можно было оправдывать развѣ только съ раскольничьей, безпоповской точки зрѣнія. Между тѣмъ такого печальнаго исхода могло и не послѣдовать, если бы неокрѣпшей въ новыхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ была оказана необходимая помощь, если бы ходатайство митрополита Платона за Зайцевскую было удовлетворено помянутыми нами ранѣе учрежденіями.

Но главныя вторженія въ православную церковь совершаются чрезъ дѣятельность проповѣдниковъ „лженменнаго знанія“. Религіозное же состояніе этихъ лицъ рѣдко бываетъ доступно для духовнаго вразумленія. Расколоучителями выступаютъ обыкновенно люди, дошедшіе въ своемъ заблужденіи уже до той степени упорства, съ которой почти не остается надежды для поворота на истинный путь. Къ тому же житейскія выгоды, съ которыми весьма часто соединяется ихъ положеніе въ расколѣ, служитъ поддержкою ихъ ожесточенія. Извѣстный, наприм., Ковылинъ, если вѣренъ фактъ, передаваемый Синицынымъ, не стыдился даже предъ самимъ митрополитомъ оправдывать свое пребываніе въ расколѣ значеніемъ, которое онъ имѣетъ въ обществѣ московскихъ ѳедосѣевцевъ: тамъ, у себя въ Пре-

ображенскомъ, онъ, по его словамъ, „не ниже патріарха“, а принятіе православія „сравняетъ его со всякимъ ничтожнымъ крестьяниномъ“[1]). По этой-то крайней закоренѣлости расколоучителей, не поддающейся пастырскому вразумленію, по большей части прекращеніе ихъ пропаганды не можетъ быть достигнуто никакимъ другимъ средствомъ, кромѣ внѣшняго принудительнаго воспрещенія ея.

Въ этомъ духѣ поступаетъ и м. Платонъ по отношенію къ расколоучителямъ, начиная съ перваго года своего управленія Московскою епархіею. Уже въ 1775 году обнаруживаются характерныя черты его дѣятельности противъ лжеучителей. Въ апрѣлѣ этого года одинъ изъ московскихъ благочинныхъ представилъ архіепископу задержаннаго въ селѣ Покровскомъ бродягу, раскольничьяго монаха Герасима, который, проживая въ различныхъ мѣстахъ Москвы, производилъ соблазнъ среди православныхъ. Такъ какъ въ то время въ Москвѣ былъ Св. Синодъ, то преосвященный Платонъ передалъ бѣглаго монаха въ Св. Синодъ, для поступленія съ нимъ по закону, „дабы онъ, какъ здѣсь, такъ и нигдѣ не могъ чинить правовѣрнымъ какого соблазна“[2]). Въ предупрежденіе же появленія подобнаго рода зловредныхъ ханжей и на будущее время, Платонъ просилъ Св. Синодъ войти въ соглашеніе съ гражданскою властью, чтобы были предприняты мѣры къ уничтоженію съ одной стороны случаевъ безписьменнаго пребыванія въ столицѣ разнаго рода бродягъ, а съ другой—укрывательства ихъ московскими раскольниками[3]). Въ отвѣтъ на это ходатайство преосвященнаго Платона послѣдовалъ указъ правительствующаго Сената 29 сентября того же 1775 года. Сенатъ предписывалъ гражданскому начальству „имѣть строжайшее наблюденіе..., чтобы отъ раскольническихъ ханжей раз-

---

[1]) Преображенское и окружающія его мѣста, Москва, 1895 г., стр. 136, примѣчаніе.

[2]) По распоряженію Св. Синода, Герасимъ былъ заключенъ въ консисторскую тюрьму.

[3]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1775 г. мая 11, № 406; ср. Истор. моск. епарх. управл., ч. III, кн. 1, примѣч. 218, стр. 91—92.

вращенія простому народу не происходило, а особливо въ Москвѣ, въ селѣ Покровскомъ и Преображенскомъ, да въ Рогожской слободѣ, гдѣ по большей части сіи вредные люди укрываются", и чтобы „принимать къ себѣ въ домы раскольническихъ учителей никто не отваживался"[1]).

Приведеннымъ указомъ Сената архіепископъ Платонъ пріобрѣлъ полную возможность обращаться къ помощи свѣтской власти для пресѣченія дѣйствій раскольничьихъ лжеучителей. Въ потребныхъ обстоятельствахъ Платонъ, дѣйствительно, потомъ пользуется полученнымъ правомъ. Въ 1778 г. прихожане приселка Никольскаго, Московскаго уѣзда, составили приговоръ и вмѣстѣ съ своимъ священникомъ донесли архіепископу, что крестьяне ихъ села, раскольники Алексѣй Сергѣевъ и Аѳанасій Тихоновъ совращаютъ съ истиннаго пути своихъ односельчанъ. Приводя какихъ-то неизвѣстныхъ людей для совершенія богослуженія въ своихъ домахъ, они, по заявленію священника съ прихожанами, убѣждали православныхъ не ходить въ церковь Божію. Опираясь на сенатское распоряженіе 1775 г. относительно лжеучителей, архіепископъ Платонъ съ энергіею взялся за дѣло пріостановленія открывшейся пропаганды. Въ своей резолюціи относительно расколоучителей въ с. Никольскомъ, московскій архипастырь повелѣваетъ подвѣдомой ему консисторіи „сообщить немедленно въ Дворцовую Контору, въ Губернскую и въ Комиссію о предосторожностяхъ, требуя, дабы раскольникамъ православныхъ соблазнять и превращать строго воспрещено было; а съ развратителями поступлено было по законамъ непремѣнно, и имъ въ оное село въѣздъ имѣть воспретить". При этомъ Платонъ, для большаго успѣха, не упускаетъ случая воспользоваться и другими, такъ сказать, неоффиціальными средствами, благодаря которымъ исполненіе самыхъ законныхъ требованій могло быть произведено подлежащими лицами скорѣе и съ большимъ вниманіемъ. Расчитывая, вѣроятно, на дружественныя или просто добрыя свои отношенія съ „Главнымъ Дворцовой Конторы", онъ посылаетъ

---

[1]) Полн. Собр. Законовъ Росс. Имперіи, т. XX, № 14372.

Андроніевскаго архимандрита „персонально попросить“ его о томъ, чтобы предприняты были должныя мѣры противъ совратителей. Результатъ указанныхъ дѣйствій московскаго святителя, какъ видно изъ дѣла, послѣдовалъ благопріятный. Дворцовая контора приказала сельскому управителю произвести разслѣдованіе по содержанію доноса священника и прихожанъ. Раскольники сознались предъ управителемъ въ томъ, что въ праздничные дни „по обыкновенію своему они призываютъ къ себѣ въ домы живущихъ въ подмосковномъ селѣ Преображенскомъ трудниковъ для отправленія вечерни, заутрени и часовъ“. Но какъ свое, такъ и участіе „трудниковъ“ въ совращеніи православныхъ въ ихъ согласіе они упорно отрицали. Крестьяне же, напротивъ, стояли за справедливость представленнаго ими и священникомъ доноса и, въ подтвержденіе истинности своихъ словъ, ссылались на извѣстные имъ факты завлеченій въ старую вѣру раскольникомъ Аѳанасьевымъ Антона Осипова, Сергѣевымъ— Василія Никитина. Впрочемъ, свидѣтелей не могли выставить потому будто бы, что уговоры происходили тайно, въ домахъ. Такимъ образомъ фактъ совращенія юридически оставался не вполнѣ доказаннымъ. Тѣмъ не менѣе гражданская власть сдѣлала все, чего вправѣ былъ въ данномъ случаѣ ожидать отъ нея преосвященный Платонъ. Раскольникамъ строго, съ подпискою, было подтверждено не отваживаться совращать въ свое согласіе православныхъ, равно не приглашать сторонникъ въ свои дома, подъ опасеніемъ жестокаго за то наказанія, а сельской полицейской власти заказано было смотрѣть за раскольниками и развратителей въ с. Никольское не допускать[1]).

Не всегда однако такъ легко удавалось митрополиту Платону прекращать вредныя дѣйствія расколоучителей. Въ 1777 г. преосвященный Платонъ получилъ заявленіе отъ священно-церковнослужителей с. Ильинскаго, Звенигородскаго уѣзда, о томъ, что нѣкоторые изъ ихъ прихожанъ, крестьяне деревни Луцкой, несмотря на ихъ пастырскія увѣщанія, уклонились въ расколъ. Виновникомъ печаль-

---

[1]) Архивъ Московск. дух. консисторіи, дѣло 1778 г., декабря 21.

наго происшествія причтъ выставлялъ крестьянина села Дмитровскаго Василія Фадѣева, который самъ совершалъ и всѣ требы для совращенныхъ имъ лицъ. Такъ какъ Фадѣевъ принадлежалъ къ экономическому вѣдомству, то архіепископъ направилъ въ коллегію экономіи требованіе о присылкѣ помянутаго раскольника въ консисторію для допроса. Но прежде чѣмъ Фадѣевъ взятъ былъ коллегіею экономіи, до Платона дошли новыя извѣстія о соблазнительныхъ дѣйствіяхъ расколоучителя. Благочинный, священникъ села Уборъ, рапортовалъ своему преосвященному объ увлеченіи въ расколъ и перекрещиваніи Фадѣевымъ состоявшей въ православіи одной женки деревни Веледниковой. Совершенно о такомъ же совращеніи и перекрещиваніи, тоже женщины, доносилъ епархіальному преосвященному священникъ села Дмитровскаго. По словамъ послѣдняго, Фадѣевъ, кромѣ того, уговаривалъ еще многихъ другихъ (23 чел.) отступить отъ св. церкви, обѣщая имъ на свои деньги исхлопотать билеты о записи въ расколъ и, вообще, чинилъ большой соблазнъ правовѣрнымъ. Слѣдовало, очевидно, поспѣшить воспрепятствовать фактическому переходу въ расколъ тѣхъ изъ православныхъ, убѣжденія которыхъ замѣтно клонились въ сторону старообрядчества: нужно было не допускать ихъ до оффиціальной записи въ расколъ, которую облегчалъ имъ Фадѣевъ, вѣроятно въ томъ расчетѣ, что послѣ этой записи возвращеніе для нихъ въ православіе не такъ будетъ легко. По этимъ соображеніямъ попечительный іерархъ обращается съ нарочнымъ ходатайствомъ предъ тѣмъ начальствомъ, которое своевременнѣе могло разрушить затѣю появившагося лжеучителя. О намѣреніи Фадѣева Платонъ написалъ гражданскому губернатору, графу Остерману. Свое письмо къ нему онъ заключалъ слѣдующими словами: „а какъ таковой показаннаго раскольника Фадѣева поступокъ есть не только къ соблазну святѣй Церкве, но и указами, по прошествіи срока[1]), который уже минулъ, записывать кого-либо въ расколъ запрещено, по-

[1]) Именнымъ указомъ 1764 г. марта 3 былъ назначенъ 4-хъ мѣсячный срокъ для записи въ двойной раскольничій окладъ; къ нему

чему, Ваше Сіятельство, прошу онаго раскольника и подобныхъ ему до таковой записки не допускать и чрезъ то пресѣчь случай къ распространенію сего вреднаго Церкви и обществу заблужденія". Ходатайство имѣло силу. Графъ отвѣтилъ вскорѣ. Въ своемъ письмѣ онъ успоконвалъ болѣзновавшаго о заблуждающихся святителя тѣмъ, „что безъ указнаго повелѣнія записки въ раскольническій окладъ Губернскою Канцеляріею производимо быть не можетъ". Къ этому графъ прибавлялъ, что онъ все-таки приказалъ губернской канцеляріи учинить выправку, положенъ ли крестьянинъ Василій Фадѣевъ въ раскольничьемъ окладѣ и, согласно съ нею, въ первомъ же засѣданіи губернскаго присутствія составить опредѣленіе. Между тѣмъ Фадѣевъ, вызванный въ консисторію для разслѣдованія, „подлинно ли онъ совращалъ и перекрещивалъ", отказался дать какія бы то ни было показанія на томъ основаніи, что онъ, какъ записной раскольникъ, не подсуденъ духовному начальству. Сознался лишь въ покупкѣ богослужебныхъ книгъ: напрестольнаго евангелія, апостола и постной тріоди. Какъ видно, Фадѣевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ упорныхъ раскольниковъ, которые съ презрѣніемъ относились къ духовной власти и относительно которыхъ законъ предписывалъ епархіальнымъ архіереямъ, „ничего собою не предпринимая, отписываться въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ", дабы послѣдній могъ входить въ сношеніе съ Сенатомъ и въ случаѣ надобности имѣть о нихъ сужденіе на общихъ конференціяхъ[1]).

Поэтому архіепископъ Платонъ сообщилъ о Фадѣевѣ Св. Синоду. Результатомъ его донесенія былъ указъ, присланный изъ Св. Синода въ коллегію экономіи и къ московскому губернатору „о учиненіи помянутому раскольнику Фадѣеву, чтобъ онъ раскольнической прелести не разсѣевалъ и другихъ противныхъ дѣйствій не чинилъ, строжайшаго запрещенія". Но пока тянулось сношеніе съ Сино-

прибавленъ былъ потомъ еще трехмѣсячный срокъ указомъ 1765 г. января 19-го. Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, т. XVI, № 12067, п. 1, т. XVII, № 12315.

[1]) Указъ импер. Екатерины II 1766 г. января 9: см. справку въ Арх. Моск. конс., въ разсматриваемомъ дѣлѣ 1777 г. сентября 6.

домъ, Фадѣевъ продолжалъ убѣждать крестьянъ въ церковь не ходить, къ св. тайнамъ не приступать. И въ селѣ Дмитровскомъ, дѣйствительно, нашлось новыхъ 18 душъ, которыя, подъ вліяніемъ рѣчей Фадѣева, стали чуждаться св. церкви. Наконецъ, 10 іюля 1779 г. Фадѣеву былъ объявленъ въ коллегіи экономіи вышепомянутый указъ Св. Синода, съ должнымъ подтвержденіемъ силы его. Вмѣстѣ съ тѣмъ коллегія отъ себя уже предписывала вотчинному начальству имѣть за Фадѣевымъ „крѣпкое смотрѣніе, чтобъ онъ обращался въ хлѣбопашествѣ и другихъ крестьянскихъ работахъ и жилъ добропорядочно, а противныхъ законамъ поступковъ ни подъ какимъ видомъ не чинилъ“. Дальше мы не видимъ никакихъ жалобъ священниковъ на Фадѣева. Вѣроятно, настойчивое воспрещеніе Фадѣеву пропаганды чрезъ гражданскую власть усмирило, наконецъ, фанатичнаго расколоучителя[1]).

Еще болѣе любопытнымъ въ разсматриваемомъ отношеніи должно быть признано дѣло о совращеніи въ расколъ жителей Селинской волости. Къ сожалѣнію, оно не сохранилось въ Архивѣ Московской консисторіи; о немъ мы знаемъ лишь изъ синодальнаго источника[2]). Послѣдній же передаетъ далеко не всѣ желательныя подробности, какихъ мы вправѣ были бы ожидать отъ консисторскаго изложенія дѣла. На основаніи извѣстныхъ намъ данныхъ, обстоятельства совращенія жителей Селинской волости въ расколъ представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ Селинской волости появились бродяги-расколоучители, „совращавшіе легкомысленныхъ обывателей отъ прямаго спасительнаго пути и заводившіе въ разныхъ мѣстахъ сборища“. Для предотвращенія ихъ пагубной дѣятельности, архіепископъ Платонъ испыталъ возможныя для него способы духовнаго вразумленія. Успѣха не послѣдовало. Главная причина безуспѣшности происходила отъ того, что расколоучители заграждали православнымъ пастырямъ доступъ къ уклонявшимся въ расколъ. Они доводили своихъ

---

[1]) Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1777 г. сентября 6. Архивъ Св. Синода, дѣло 1778 г. августа 13, № 419.

[2]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1783 г. мая 17, № 362.

послѣдователей „до такой степени заблужденія и упрямости“, что совращаемыя ими лица не только церковныхъ поученій не слушали, „но оставя совсѣмъ входъ въ церковь, и священниковъ, которые могли бы въ разговорахъ имъ сколько-нибудь ихъ заблужденіе изъяснять и совѣсть ихъ поправлять, въ домы свои не пущали, чрезъ что и прилагаемые къ тому способы пресѣкались и оставались безплодными“. Число совратившихся въ Селинской волости было поразительное. Въ рапортѣ Св. Синоду съ экстрактомъ о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ за 1782 г. архіепископъ Платонъ замѣчалъ, что прихожане Воздвиженской церкви, дворцовой Селинской волости, „какъ отъ приходскаго ихъ священника Петра Анисимова доношеніемъ представлено, числомъ 1593 души, состоятъ всѣ записавшимися въ расколъ“. Св. Синодъ недовѣрчиво отнесся къ представленнымъ свѣдѣніямъ относительно умноженія раскольниковъ въ Селинской волости. Онъ признавалъ запись въ расколъ „толикаго множества обоего пола людей“ „дѣломъ немаловажнымъ“, но не находилъ возможнымъ „на одномъ показаніи священническомъ утвердиться и къ разсмотрѣнію приступить“. Поэтому Св. Синодъ потребовалъ отъ преосвященнаго московскаго отобрать, отъ кого надлежитъ, обстоятельныя свѣдѣнія, когда, гдѣ и кто именно, какихъ лѣтъ и по какимъ законамъ въ расколъ записаны. Гражданскія учрежденія вполнѣ точныхъ справокъ относительно записи въ расколъ селинскихъ обывателей не представили. По вѣдомости Московскаго губернскаго правленія и Московскаго губернскаго департамента, записныхъ раскольниковъ Селинской волости значилось 845 чел. (на основаніи указа 1765 г. января 19). Но, по показаніямъ селинскихъ священнослужителей, ихъ насчитывалось 1368 человѣкъ. Изъ остальныхъ жителей большинство, хотя и не объявляли себя записанными въ расколъ, однако отъ хожденія въ церковь и отъ принятія христіанскихъ требъ совсѣмъ отреклись, почему и были показаны тоже состоящими въ расколѣ[1]), такъ что изъ всего прихода въ 1598 душъ

[1]) По Духовному Регламенту, ч. II, л. 70 и указу Св. Синода 1737 г. іюля 3, пункту 7.

оставалось въ православіи только 5-ть человѣкъ, да и тѣ были „не безсумнительны“, такъ какъ не принимали св. причастія, хотя и исповѣдывались.

Невозможно допустить, чтобы архіепископъ Платонъ не употребилъ всѣхъ доступныхъ ему средствъ для подавленія распространявшагося въ Селинской волости заблужденія; чтобы онъ послѣ духовнаго вразумленія не примѣнилъ къ главнымъ виновникамъ соблазна внѣшнихъ мѣръ пресѣченія ихъ зловредной дѣятельности. Правда, прямыхъ указаній для рѣшенія высказаннаго предположенія мы не имѣемъ, но это одно еще не обязываетъ насъ съ необходимостью къ составленію заключенія отрицательнаго свойства касательно примѣненія Платономъ гражданскихъ мѣръ противъ селинскихъ лжеучителей. Изъ дѣла видно, что архіепископъ Платонъ въ своемъ доношеніи безъ повода не сообщалъ Св. Синоду и о духовныхъ средствахъ, предпринятыхъ имъ противъ усиленія раскола въ Селинской волости, но послѣдующія обстоятельства обнаружили, что эти средства были примѣняемы имъ даже въ болѣе усиленной степени, чѣмъ разсуждалъ о нихъ Св. Синодъ. Не будь этихъ особыхъ вызывающихъ обстоятельствъ[1]), синодальные архивные документы такъ же умалчивали бы о духовныхъ средствахъ подавленія селинскаго раскола, какъ не говорятъ они теперь о гражданскихъ. Къ положительному же утвержденію, по вопросу о примѣненіи Платономъ гражданскихъ воздѣйствій въ борьбѣ съ селинскими расколоучителями насъ приводятъ нѣкоторыя достаточно вѣскія косвенныя соображенія.

Здѣсь мы должны прежде всего упомянуть объ аналогичныхъ случаяхъ въ практикѣ епархіальнаго управленія м. Платона, на которыхъ мы останавливались ранѣе и изъ которыхъ мы вправѣ сдѣлать то общее заключеніе, что м. Платонъ обыкновенно, при недѣйствительности духовныхъ мѣръ въ борьбѣ съ дѣйствіями пропагандистовъ, старался прекратить ихъ вредную дѣятельность путемъ воспрещенія имъ распространенія лжеученія чрезъ гражданскія учре-

---

[1]) См. стр. 168 настоящаго изслѣдованія.

жденія. Такъ дѣйствовалъ онъ противъ монаха Герасима, противъ расколоучителей въ приселкѣ Никольскомъ, противъ Фадѣева. Странно было бы думать, что только въ селинскомъ расколѣ Платонъ отступилъ отъ обычнаго своего пріема. Затѣмъ самое обращеніе Платона въ Св. Синодъ служитъ доказательствомъ предшествовавшаго примѣненія московскимъ архіепископомъ всѣхъ доступныхъ ему мѣръ борьбы съ возникшимъ соблазномъ. Если обращается, то конечно, послѣ того, какъ уже испыталъ имѣвшіяся въ его собственномъ распоряженіи средства и убѣдился въ недѣйствительности ихъ. Для того, несомнѣнно, и „изъясняетъ“ Св. Синоду о необычайномъ совращеніи, чтобы изыскать новые способы борьбы съ открывшимся зломъ, недоступные непосредственно для него, какъ епархіальнаго архіерея. Въ объясняемомъ нами смыслѣ понималъ донесеніе московскаго преосвященнаго и Св. Синодъ. Если въ Россіи, писалъ онъ Сенату, „совращеніе правовѣрныхъ въ другія иновѣрныя религіи законами строжайше запрещено и по оному согласно съ законами исполняется, то не менѣе вниманія заслуживаетъ и сіе, чтобъ и означеннымъ невѣждамъ совращать легкомысленныхъ людей въ заблужденіе попущаемо не было“. Такимъ образомъ Св. Синодъ, оттѣняя предъ Сенатомъ въ указываемомъ имъ случаѣ „исполненіе согласно съ законами“, тѣмъ даетъ понять, что въ приложеніи къ селинскимъ лжеучителямъ законъ не исполнялся лицами, приставленными для соблюденія его; настаивая на томъ, чтобы „не были попущаемы“ факты совращенія въ расколъ, Св. Синодъ опять намекаетъ на дѣйствительность противоположнаго характера, т. е. что въ Селинской волости попущенія расколоучителямъ происходили.

Далѣе, Св. Синодъ, предлагая вниманію Сената многочисленность совратившихся, проситъ Сенатъ „о удаленіи изъ селеній лжеучителей, яко коварныхъ и самыхъ вредныхъ обществу людей, равнымъ образомъ и о пресѣченіи заводимыхъ ими сборищъ и о допущеніи приходскихъ и нарочно опредѣленныхъ учительныхъ священниковъ въ домы тѣхъ прельщенныхъ людей“. Сенатъ собственно ничего новаго не постановляетъ, а только напоминаетъ Московскому

главнокомандующему, сенатору П. Д. Еропкину „о принятіи потребныхъ мѣръ“ для пресѣченія открывшагося совращенія, въ виду того, что благоустройство и благочиніе въ Московской губерніи законъ поручалъ главнокомандующему, предоставляя въ его распоряженіе полицію, сельскую и городскую. Главнокомандующій же Москвы, вслѣдствіе приведеннаго указа Сената, чрезъ губернское правленіе подтверждаетъ „земскимъ исправникамъ неусыпно стараться таковыхъ бродягъ и бѣглыхъ ловить и поступать съ ними по законамъ“. Итакъ донесеніе Платона о селинскомъ расколѣ въ концѣ концовъ вызываетъ сенатское подтвержденіе ранѣе изданныхъ узаконеній относительно бродягъ-лжеучителей; невѣроятно, чтобы архіепископъ Платонъ, минуя существовавшія постановленія о пропагандистахъ, чрезъ Св. Синодъ сталъ бы побуждать прямо высшую правительственную инстанцію къ обсужденію селинскаго соблазна и къ приведенному опредѣленію о немъ. Самый фактъ подтвержденія прежнихъ указовъ свидѣтельствуетъ уже о возникавшей необходимости такого подтвержденія, приводитъ къ тому заключенію, что чиновники игнорировали приложеніемъ этихъ указовъ къ соблазнительному явленію; иначе, при существованіи узаконеній, воспрещающихъ пропаганду, и безъ поводовъ къ нарушенію ихъ, немыслимо допустить повтореніе тѣхъ же указовъ.

Новый свѣтъ на наши предположенія проливаютъ подробности синодскаго указа по поводу уклонившихся въ расколъ жителей Селинской волости, полученнаго архіепископомъ московскимъ 30 декабря 1786 года. Св. Синодъ предписывалъ московскому преосвященному слѣдующія руководственныя правила на будущее время: „естьли гдѣ окажутся бродяги (подобные селинскимъ), разсѣивающіе пагубныя ученія къ совращенію поселянъ отъ св. церкви къ своему заблужденію и о томъ дойдетъ до свѣдѣнія приходскихъ священниковъ или духовныхъ управителей, то велѣть не входить самимъ для отвращенія отъ себя подозрѣнія въ сыскъ, кольми паче во истязаніе таковыхъ, а только развѣдавъ достовѣрно и не разглашая давать знать пристойнымъ образомъ немедленно въ городахъ

городничимъ, а въ протчихъ селеніяхъ земскимъ исправникамъ, репортуя при томъ и его преосвященству, а ему, преосвященному, по тѣмъ репортамъ ко искорененію таковыхъ развратниковъ къ помянутому главнокомандующему въ Москвѣ генералъ-аншефу, сенатору и кавалеру П. Д. Еропкину доставлять свѣдѣнія, не упуская времени". Если указъ воспрещаетъ священникамъ лично самимъ приступать къ розыску лжеучителей и тѣмъ болѣе какимъ бы то ни было внѣшнимъ принудительнымъ мѣропріятіямъ, то, нужно полагать, были соотвѣтствующаго характера поводы къ изданію его; очевидно, онъ былъ вызванъ жалобою раскольниковъ на мнимыя притѣсненія ихъ духовенствомъ. Дѣятельное участіе духовенства въ примѣненіи къ расколоучителямъ гражданскихъ мѣръ, хотя бы это участіе не выходило за предѣлы законныхъ требованій, вѣроятно, расколоучителями объяснялось въ смыслѣ притѣсненій ихъ со стороны духовенства, выставлялось, какъ нарушеніе высочайшаго указа о непритѣсненіи раскольниковъ[1]). На помянутомъ указѣ могли основываться и чиновники въ своемъ потворствѣ дѣйствіямъ расколоучителей. Безъ внушительныхъ побужденій чиновники, конечно, не могли стать на сторону лжеучителей; несомнѣнно, бродяги-совратители, въ избыткѣ „насыщавшіе свое корыстолюбіе" отъ совращаемыхъ, не скупились въ матеріальныхъ приношеніяхъ для пріобрѣтенія выгоднаго для нихъ благорасположенія чиновниковъ.

Такимъ образомъ приведенное дѣло свидѣтельствуетъ о томъ, что гражданскіе чиновники, задобренные расколоучителями, потворствовали ихъ вреднымъ для православной церкви дѣйствіямъ, формально основываясь на законѣ императрицы Екатерины не чинить раскольникамъ никакого притѣсненія, такъ что митрополиту приходилось чрезъ посредство Св. Синода обращаться въ Сенатъ за разъясненіемъ и подтвержденіемъ существующихъ узаконеній относительно бродягъ-расколоучителей.

Если факты потворства гражданскихъ чиновниковъ встрѣчались по селамъ, то такія лица, какъ Ковылинъ и

[1]) 1764 г. марта 3: Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, т. XVI, № 12067, п. 3.

Никита Павловъ, лично сами, можно сказать, были застрахованы отъ вмѣшательства митрополита. Въ дѣлахъ московскаго консисторскаго архива не сохранилось ни одного свидѣтельства о стремленіи митрополита Платона пресѣчь ихъ пропаганду. Полагаемъ, такихъ случаевъ и не было, потому что заправилы старообрядческихъ кладбищъ старались разсѣивать раскольничьи заблужденія тайно, выступая съ внѣшней стороны, при покровительствѣ богато задаренной полиціи, неуязвимыми предъ духовною властью.

Однимъ изъ средствъ распространенія въ народѣ раскольничьихъ воззрѣній и хулы на православную церковь въ рукахъ расколоучителей служили старообрядческія книги. Дѣйствовавшее въ царствованіе императрицы Екатерины II законодательство предусматривало могущія проистекать вредныя послѣдствія для чистоты вѣры отъ безцензурныхъ изданій религіозно-нравственнаго содержанія. Поэтому оно повелѣвало „церковныя книги, богословскія письма печатать не инако, какъ съ апробаціи Св. Синода“; а „изъ иностранныхъ государствъ таковыхъ на россійскомъ діалектѣ книгъ въ Россію какъ подданнымъ оныя, такъ и иноземцамъ ни подъ какимъ видомъ отнюдь не вывозить“[1]). Несмотря однако на прямыя воспрещенія пропуска въ Россію заграничныхъ изданій по предметамъ вѣры, раскольники все-таки вывозили нужныя для себя книги „множественнымъ числомъ“; онѣ печатались преимущественно въ польскихъ типографіяхъ. Задача московскаго святителя при указанныхъ условіяхъ сводилась къ тому, чтобы слѣдить за появлявшимися въ его епархіи соблазнительными книгами и изыскивать средства къ пресѣченію этого зла. Такъ какъ воспрепятствовать ввозу въ Россію заграничныхъ книгъ могла только пограничная стража, то архіепископъ и старается воздѣйствовать на нее единственнымъ доступнымъ ему способомъ. Онъ сообщаетъ въ Св. Синодъ о найденныхъ раскольничьихъ книгахъ заграничнаго происхожденія „на благоусмотрѣніе“. А къ чему клонилось это „благоусмотрѣніе“, московскому преосвященному извѣстно было.

---

[1]) Полное собраніе законовъ Росс. Имперіи, т. XI, № 8832.

Св. Синодъ обыкновенно входилъ въ сношеніе съ Сенатомъ, вызывая Сенатъ къ подтвержденію „неопустительнаго во всѣхъ пограничныхъ мѣстахъ смотрѣнія, чтобъ чрезъ оныя изъ другихъ государствъ въ Россію церковныя и другія на россійскомъ языкѣ печатанныя внѣ Россіи книги вывозить никому ни подъ какимъ видомъ попущаемо не было". Одинъ разъ, въ отвѣтъ на доношеніе митрополита Платона, Св. Синодъ имѣлъ даже намѣреніе пресѣчь распространеніе въ Россіи заграничныхъ книгъ религіознаго содержанія чрезъ воздѣйствіе на польское правительство, при посредствѣ русскаго посла въ Варшавѣ. Въ этомъ смыслѣ Св. Синодъ отнесся въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ. Коллегія представила ходатайство Синода на разсмотрѣніе императрицы Екатерины. Но высочайшею властью было разъяснено, что „препятствіе ввоза въ Имперію запрещенныхъ товаровъ, не исключая и книгъ—есть дѣло Сената", и что вмѣшиваться „во внутреннія распоряженія постороннихъ державъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ не можно". Что же касается найденныхъ у кого-либо недозволенныхъ заграничныхъ книгъ, то ихъ Платонъ обыкновенно повелѣвалъ отбирать на храненіе въ какую-нибудь ризницу, чаще всего въ Чудовскую, или отсылать въ Св. Синодъ, „дабы оныя къ соблазну правовѣрныхъ не могли быть по происку раскольниковъ употребляемы"[1]).

Впослѣдствіи времени, когда къ православной церкви стали присоединяться старообрядцы на началахъ единовѣрія, Св. Синодъ ограничилъ воспрещеніе касательно заграничныхъ религіозныхъ книгъ. Такъ какъ единовѣрцы совершали богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, то Св. Синодъ сталъ дозволять употребленіе старообрядцами книгъ, „какого бы они изданія ни были", если только „никакой въ нихъ противности святѣй церкви усмотрѣно не будетъ". По прежнему Св. Синодъ считалъ необходимымъ отбирать только книги, „наполненныя ругательствами противу православной церкви и ея обрядовъ", „яко развратныя и кло-

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1781 г. іюля 25, № 411 (359); дѣло 1786 г. ноября 4, № 379.

нящіяся къ нарушенію тишины и покоя". Соотвѣтственно этому распоряженію Св. Синода долженъ былъ, конечно, поступать и м. Платонъ[1]).

Наряду съ пропагандою расколоучителей и распространеніемъ ими въ народѣ раскольничьихъ книгъ, какъ мы видѣли изъ исторіи роста московскаго старообрядчества, пребываніе въ старообрядческихъ обществахъ бѣглыхъ священнослужителей грекороссійской церкви также производило большой соблазнъ въ православныхъ, смущая и склоняя слабыхъ вѣрующихъ въ сторону раскола. Такъ смотрѣлъ на бѣглыхъ поповъ и м. Платонъ. Онъ называлъ ихъ „бродягами, развратниками"[2]), чрезъ самочинныя дѣйствія которыхъ „раскольническое заблужденіе возрастаетъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вполнѣ справедливо полагалъ, что „если надлежащія къ прекращенію того заблужденія средства не будутъ употреблены, то можетъ изъ того воспослѣдовать нарушеніе покоя церковнаго и общественнаго[3]). Къ принятію же этихъ необходимыхъ мѣръ, для пресѣченія проистекавшаго отъ бѣглаго старообрядческаго духовенства соблазна, м. Платонъ имѣлъ полное основаніе въ дѣйствовавшихъ прямыхъ постановленіяхъ относительно бѣглыхъ поповъ, церковныхъ и гражданскихъ[4]). Къ тому же бѣглые попы и діаконы, какъ бродяги, подходили подъ указы, предоставлявшіе епархіальному начальству право слѣдить за раскольничьими бродягами вообще[5]). Но привлечь къ своему суду бѣглыхъ священнослужителей, по силѣ государственныхъ узаконеній, московскій преосвященный могъ не иначе, какъ

---

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1798 г. октября 5, № 618.

[2]) Архивъ Московской духовной консисторіи, отношенія по вопросу о раскольникахъ 1800 г. № 46, отношеніе м. Платона къ гр. И. П. Салтыкову отъ 8 ноября 1800 г.

[3]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1778 г. ноября 7, № 371, л. 6.

[4]) Указъ общей конференціи Пр. Сената и Св. Синода 1722 г. іюля 16. Полное собраніе законовъ Росс. Импер., т. VII, № 4052. См. справку въ Архивѣ Моск. дух консист., въ дѣлѣ 1779 г. іюня 1, № 14.

[5]) Указы Св. Синода и Сената 1775 г. ноября 5 (Полн. собран. зак., т. XX, № 14372); 1786 г. декабря 30,—Сената 1786 г. ноября 19.— См. справку въ Архивѣ Москов. духовн. консисторіи, въ дѣлѣ 1788 г. января 21, № 3; въ Архивѣ Св. Синода, въ дѣлѣ 1775 г. ноября 12, № 409 (513); 1783 г. мая 17, № 362.

чрезъ полицейскія власти. И вотъ тутъ-то находилась крѣпкая стѣна препятствій мѣропріятіямъ Платона.

Раннѣйшія свидѣтельства о дѣйствіяхъ м. Платона противъ бѣглыхъ поповъ мы находимъ въ архивѣ Св. Синода. Въ 1778 г. въ Св. Синодѣ разбиралось два дѣла о бѣглыхъ попахъ Московской епархіи: одно по рапорту Московской синодальной конторы, другое по доношенію самого архіепископа Платона. По первому дѣлу Св. Синодъ, между прочимъ, предписалъ Московской полицеймейстерской канцеляріи „наблюдать, чтобы бѣглые попы и монахи нигдѣ принимаемы и укрываемы не были“[1]). Точно такъ же и по второму изъ упомянутыхъ дѣлъ Св. Синодъ отправилъ указы въ Москву, въ губернскую и полицеймейстерскую канцеляріи, чтобы „находящіеся на раскольническомъ кладбищѣ бѣглые іеромонахи, попы и діаконы, на основаніи прежде посланныхъ о томъ изъ Правительствующаго Сената въ 1775 году въ главную полицеймейстерскую канцелярію и ея контору указовъ сысканы и разосланы были по командамъ, кто куда слѣдуетъ, а съ держателями поступлено было бы по законамъ“[2]). Журналы Св. Синода подписаны архіепископомъ Платономъ; нужно поэтому полагать, что опредѣленія состоялись согласно желаніямъ самого Платона. Изъ рапортовъ не видно подробнаго хода дѣлъ, но самое обращеніе московскаго архіепископа въ Св. Синодъ, вызвавшее напоминаніе губернской и полицеймейстерской канцеляріямъ объ узаконеніяхъ относительно бродягъ, показываетъ, что Платонъ имѣлъ уже возможность убѣдиться въ безуспѣшности непосредственныхъ сношеній съ помянутыми учрежденіями и теперь надѣялся достигнуть своей цѣли, пользуясь авторитетомъ высшей духовной инстанціи.

Ожиданія однако не оправдались. Свѣтскія лица, на обязанности которыхъ лежало исполненіе узаконеній о бѣглыхъ попахъ, такъ же мало придавали значенія побужденіямъ со стороны Св. Синода, какъ и личнымъ требованіямъ московскаго святителя. Характерно особенно то, что отношеніе полиціи къ розыску бѣглыхъ поповъ не измѣняется

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1778 г. мая 17, № 370, л. 4—6.
[2]) Тамъ же, дѣло 1778 г. ноября 7, № 371, л. 8, 15.

даже вслѣдъ за упомянутыми синодскими указами. Въ архивѣ Московской консисторіи мы встрѣчаемъ дѣло за 1779 г., касающееся бѣглыхъ поповъ, и поведеніе въ немъ полиціи по отношенію къ бѣглымъ попамъ выступаетъ въ прежнемъ видѣ; причемъ какъ въ первоначальномъ, подробномъ изображеніи факта, оно рисуется съ большею рельефностью, чѣмъ въ синодальныхъ документахъ.

Изъ слѣдственнаго дознанія относительно повѣнчанія православнаго крестьянина Филата Яковлева съ записной раскольницей на Рогожскомъ кладбищѣ, архіепископъ Платонъ узналъ о пребываніи въ обществѣ московскихъ поповцевъ бѣглаго попа Ильи. Энергичный архипастырь тотчасъ же предписалъ консисторіи „требовать отъ полиціи, чтобъ показанной раскольнической попъ сысканъ былъ и присланъ въ духовную команду въ силу указовъ“. Такъ какъ полицеймейстерская канцелярія долгое время ничего не отвѣчала консисторіи на ея требованіе о поимкѣ бѣглаго попа Ильи, то Платонъ предписалъ „вторично сообщить“ о томъ же въ полицеймейстерскую канцелярію. И тогда только получился рапортъ отъ полиціи, въ которомъ она извѣщала консисторію, что „раскольническій попъ Илья неоднократно на помянутомъ Рогожскомъ кладбищѣ сыскиванъ былъ, но въ сыску ево не оказалось“. Архіепископъ однако недовѣрчиво отнесся къ сообщенію полиціи. Свое сѣтованіе на дѣйствія полиціи онъ выразилъ въ резолюціи по этому случаю. „По многимъ дѣламъ въ консисторіи, писалъ архіепископъ, оказывается, что они (т. е. бѣглые попы) кроются въ Покровскомъ селѣ и въ Рогожскомъ: почему и удобно могутъ уловлены быть, естьли только приложено будетъ надлежащее и справедливое стараніе“. При этомъ однимъ выраженіемъ неудовольствія на потворство полиціи раскольникамъ, какъ на важную причину укрывательства бѣглыхъ священнослужителей, Платонъ не ограничился. Предполагая, что виновниками злоупотребленія являются низшіе полицейскіе чиновники, онъ снова, только съ большею настойчивостью, потребовалъ отъ полиціи, „чтобъ всевозможныя въ силу указовъ употребляемы были средства къ изловленію онаго и другихъ раскольническихъ поповъ“, и направилъ свое

требованіе къ „самому оберъ-полицеймейстеру“. Однако отвѣтъ изъ полиціи и на этотъ разъ получился тотъ же, что и раньше: искали, но не нашли[1]). Быть можетъ, къ этому времени, дѣйствительно, уже не было въ Москвѣ попа Ильи; раскольники, предупрежденные услужливыми чиновниками, скрыли на время отыскиваемаго попа. И полиція формально могла считать себя правою предъ духовнымъ начальствомъ.

Поведеніе полиціи вынуждало преосвященнаго Платона искать справедливости въ представителяхъ высшей гражданской власти въ Москвѣ; тогда полиція относилась внимательнѣе къ заявленіямъ епархіальнаго архіерея. Случай съ подобными чертами мы наблюдаемъ въ 1787 году. Недовольный дѣйствіями управы благочинія касательно розыска бѣглыхъ поповъ, митрополитъ написалъ главнокомандующему Москвы, сенатору П. Д. Еропкину. Главнокомандующій повелѣлъ управѣ благочинія произвести розыскъ бѣглыхъ поповъ, проживавшихъ среди раскольниковъ. Вниманіе главнокомандующаго къ просьбѣ митрополита побудило и полицейскихъ чиновниковъ отнестись съ большею рачительностью къ поимкѣ бѣглыхъ поповъ. Въ результатѣ оказался задержаннымъ раскольничій попъ Василій Стефановъ, хотя при обстановкѣ, умаляющей активность участія полиціи въ этомъ фактѣ; онъ былъ схваченъ вслѣдствіе крика трапезнаго священника Богоявленскаго монастыря. Этимъ полиція и ограничила свою розыскную дѣятельность, обнаруженную, видимо, лишь затѣмъ, чтобы имѣть нѣкоторое фактическое оправданіе предъ своимъ начальникомъ. Къ розыску же другихъ бѣглыхъ поповъ и діакона она отнеслась съ прежнимъ равнодушіемъ. Хотя Василій Стефановъ оговорилъ на допросѣ еще двухъ поповъ, пребывавшихъ у московскихъ старообрядцевъ—Алексѣя Федорова Тамбовской епархіи и Илью Васильева изъ г. Саратова, также діакона Харлампія Козьмина изъ г. Пронска, тѣмъ не менѣе мы не видимъ, чтобы полиція приложила усердіе къ отысканію этихъ священнослужителей, какъ того требовала консисторія[2]).

[1]) Архивъ Москов. дух. консисторіи, дѣло 1779 г. іюня 1, № 14.
[2]) Тамъ же, дѣло 1788 г. января 21, № 3.

Побужденія со стороны главныхъ представителей московской администраціи къ исполненію полиціею требованій епархіальной власти возможны были лишь при сочувствіи начальниковъ губерніи интересамъ церкви. Главнокомандующій Еропкинъ относился со вниманіемъ къ заявленіямъ Платона. Другіе же начальники губерніи далеко не настолько были расположены поддерживать солидарность съ духовною властью по дѣламъ раскола. Вслѣдствіе сего, при нихъ игнорированіе со стороны полицейскихъ чиновниковъ законными требованіями московскаго святителя принимало размѣры гораздо большіе, чѣмъ при Еропкинѣ. До насъ дошло весьма характерное въ этомъ отношеніи консисторское дѣло 1792 года, когда московскимъ главнокомандующимъ состоялъ князь Прозоровскій.

Благочинный Ивановскаго сорока, протоіерей Троицкой церкви въ Серебренникахъ и священникъ Сергіевской церкви въ Рогожской донесли м. Платону, что за Рогожскою заставою, на раскольническомъ кладбищѣ, находится четыре бѣглыхъ попа. Два изъ нихъ до уклоненія въ расколъ, по ихъ заявленію, состояли священниками въ Московской же епархіи: Максимъ въ селѣ Озерецкомъ, Прокопій Емельяновъ въ селѣ Трубинѣ Малоярославскаго уѣзда. Другихъ двухъ протоіерей и священникъ называли лишь по имени. То были Алексѣй Федоровъ и Илья Алексѣевъ; послѣдній, вѣроятно, тотъ самый, котораго отыскивали на кладбищѣ въ 1779 году. Комплектъ рогожскихъ священнослужителей дополнялъ діаконъ Харлампій Козьминъ, который уже однажды былъ пойманъ и посланъ въ свою епархію (Коломенскую), но противъ кладбища, по Коломенской дорогѣ, былъ отбитъ раскольниками. Консисторія, въ силу резолюціи митрополита, сообщила о бѣглыхъ священнослужителяхъ въ губернское правленіе „для разсмотрѣнія и поступленія по указамъ“. Изъ полученнаго затѣмъ извѣщенія губернскаго правленія видно, что на кладбищѣ полиція производила обыскъ, но ни поповъ, ни діакона тамъ не отыскала. Староста же и нѣкоторые другіе члены кладбища утверждали, будто у нихъ ихъ и совсѣмъ не было. По увѣренію вліятельнѣйшихъ лицъ кладбища, изъ разыскивае-

мыхъ священнослужителей къ нимъ пріѣзжалъ иногда только попъ Алексѣй Ѳедоровъ, который жилъ обыкновенно въ разныхъ раскольничьихъ обществахъ. Равнымъ образомъ пріѣзжалъ къ нимъ будто бы временно и діаконъ Харлампій, но по дорогѣ въ Москву былъ взятъ въ консисторію, и о дальнѣйшей его судьбѣ раскольники отозвались неизвѣстностью. Показанія же Троицкаго благочиннаго и Сергіевскаго священника они считали недостаточно точными: не указано, кто отбивалъ и противъ какого собственно кладбища,—по Коломенской дорогѣ два кладбища, одно за Рогожскою заставою, другое—за Коломенскою. Хотя подобныя разсужденія раскольниковъ сами по себѣ уже возбуждали подозрѣніе относительно своей правдивости, тѣмъ не менѣе полиція приняла ихъ за истину; напротивъ, къ свидѣтельству православныхъ священниковъ отнеслась недовѣрчиво. Къ нимъ являлся отъ пристава 17 части квартальный „порутчикъ“ за объясненіемъ, на какомъ основаніи они предполагаютъ пребываніе на кладбищѣ бѣглыхъ священнослужителей, которыхъ по обыску тамъ не оказывается. Впрочемъ, священники дали должный отпоръ придирчивости полиціи. Они сказали, что безъ позволенія консисторіи не могутъ дать никакихъ объясненій относительно своего доноса.

Послѣ этого полиція сочла достаточнымъ взять подписку съ главнѣйшихъ лицъ Рогожскаго кладбища въ томъ, что старообрядцы дадутъ знать въ полицейскій участокъ или въ управу благочинія, если у нихъ появятся разыскиваемые бѣглые священнослужители. Конечно, нелѣпо было надѣяться на какое-либо практическое значеніе этого письменнаго обязательства, разсчитывать, чтобы рогожцы сами стали выдавать въ силу одной подписки тѣхъ лицъ, привлеченіе которыхъ въ свое общество часто стоило имъ матеріальныхъ затратъ, соединялось съ другими немалыми пожертвованіями и—что всего важнѣе—безъ которыхъ они не могли обойтись, не измѣняя своей религіозной догмы. Все это, несомнѣнно, понимали сами полицейскіе чиновники. Поэтому истинный мотивъ для отобранія полиціею отъ старообрядцевъ подписки о выдачѣ ей бѣглыхъ поповъ

должно искать не въ тѣхъ соображеніяхъ, какія выставляла полиція оффиціально. Полагаемъ, полиціею руководило желаніе скрыть свои угожденія старообрядцамъ отъ отвѣтственности предъ закономъ.

Неискренность дѣйствій полиціи чѣмъ дальше, тѣмъ выступала яснѣе. Послѣ безуспѣшныхъ первыхъ поисковъ полиціи на кладбищѣ, митрополитъ снова подтвердилъ „благочинному и священнику рогожскому, чтобы они усмотря, ежели какіе есть у раскольниковъ попы бродяги, объ оныхъ бы представляли“. И что же? Поименованные въ резолюціи священники вскорѣ же дали знать митрополиту о проживаніи на Рогожскомъ кладбищѣ бѣглыхъ священнослужителей. Въ ихъ рапортѣ указывалось 4 попа: 1) Алексѣй Федоровъ,—о мѣстопребываніи его они сообщали подробно: большею частью укрывается въ домѣ своего зятя, въ 17 части, во 2 кварталѣ, подъ № 164, въ Сергіевскомъ приходѣ; 2) бывшій протопопъ города Пронска, Емельянъ Васильевъ; 3) бывшій Волоколамской округи въ с. Елизаровѣ, а потомъ переведенный въ Гжатскій уѣздъ попъ Евпсихій Петровъ; 4) Суздальской епархіи села Вѣшки бывшій попъ Василій и діаконъ Харлампій Козьминъ, тотъ самый, о которомъ живущіе на кладбищѣ показали, что у нихъ его нѣтъ. Такимъ образомъ Троицкій благочинный и рогожскій священникъ изъ прежде находившихся на кладбищѣ поповъ называли лишь одного Алексѣя Федорова. Относительно же другихъ поповъ—Максима, Прокопія и Ильи они свидѣтельствовали, что ихъ дѣйствительно теперь нѣтъ на кладбищѣ. Получивъ этотъ доносъ, митрополитъ распоряжается прописать указы Св. Синода и Правительствующаго Сената и требовать чрезъ губернское правленіе отъ управы благочинія „поступленія по онымъ“, но отвѣта приходится ждать болѣе двухъ лѣтъ, и онъ былъ опять обычнаго содержанія: разыскиваемыхъ поповъ не нашлось на кладбищѣ[1]).

Изъ приведеннаго факта потворство полиціи становилось очевиднымъ. Въ самомъ дѣлѣ, о пребываніи на кладбищѣ бѣглыхъ священнослужителей знаютъ живущіе въ

[1]) Архивъ Моск. духовн. консист., дѣло 1792 г. іюня 15, № 13.

Рогожской части православные священники, знаютъ, слѣдовательно, вообще обыватели той части, и только полиція, которой для обозрѣнія доступны самыя жилища раскольниковъ, никакъ не можетъ отыскать ихъ. Такое потворство не могло быть допущено полиціею, при сознаніи возможности подвергнуться за него отвѣтственности, безъ увѣренности въ благопріятномъ ей настроеніи главнаго своего начальника въ Москвѣ. Въ ея поведеніи слѣдуетъ видѣть до нѣкоторой степени отраженіе взглядовъ самого главнокомандующаго. Потому-то и м. Платонъ, судя по содержанію дѣла, не продолжалъ своей настойчивости въ привлеченіи полицейскихъ чиновниковъ къ охранѣ интересовъ церкви чрезъ князя Прозоровскаго, признавая безполезнымъ искать содѣйствія несочувствующаго начальника. Дѣйствительно, по показанію раскольника Дмитрія Ѳедорова[1]), когда, вслѣдствіе доноса священника Сергіевской церкви, бѣглому рогожскому духовенству грозило подвергнуться законному преслѣдованію, старообрядцы „просили покровительства и защищенія г-на главнокомандующаго князя Прозоровскаго.... и получили удовольствіе“. Главнокомандующимъ „было приказано словѣсно тогда бывшему въ Москвѣ Оберъ-полицеймейстеру Глазову въ ономъ учинить защищеніе“[2]).

---

[1]) Въ Петербургѣ, въ тайной экспедиціи.

[2]) Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1794 г., № 2834, об. 54—л. 55.—Московское гражданское начальство при князѣ Прозоровскомъ становилось строго на почву закона въ отношеніи бѣглыхъ поповъ только по особымъ какимъ-либо обстоятельствамъ. Такою оно заявило себя въ розыскѣ бѣглаго попа, освящавшаго домовую церковь у раскольника Дмитрія Ѳедорова. Усердіе обусловливалось особыми отношеніями къ Дмитрію Ѳедорову главнокомандующаго. Дмитрій Ѳедоровъ жаловался на Прозоровскаго въ Сенатъ и самой императрицѣ по своимъ торговымъ дѣламъ (Государственный Архивъ М. И. Д., разр. VII, дѣло 1794 г., № 2834, об. 6), наполняя при этомъ прошенія, по словамъ Прозоровскаго, „изреченіями непристойными“ для личности князя „и въ укоризну для мѣста“ главнокомандующаго. Жалобы имѣли успѣхъ, такъ что князь рѣшилъ было не входить въ разбирательство дѣлъ Дмитрія Ѳедорова, „давъ уголовной Палатѣ предложеніе, чтобы обо всемъ прямо относилась Правительствующему Сенату“ (тамъ же, л. 1). При этихъ условіяхъ, естественно, отъ московскаго начальства нельзя было ожидать потворства Дмитрію Ѳедорову.—Са-

При разсмотрѣніи дѣятельности м. Платона въ отношеніи бѣглыхъ поповъ, большой интересъ имѣетъ исторія о бѣгломъ попѣ Никитѣ.—Никита былъ сынъ священника Коломенской епархіи, Григорія Иванова; воспитаніе получилъ домашнее и на первыхъ порахъ своей службы состоялъ пономаремъ въ приходѣ своего отца. Въ 1764 г. Московскимъ митрополитомъ Тимофеемъ Никита былъ опредѣленъ священникомъ въ село Спасителево, гдѣ и находился около 20 лѣтъ[1]). Если вѣрить собственному заявленію Никиты, онъ „велъ себя добропорядочно и прихожанами былъ любимъ“. Читая „многіе книги“, Никита „предпріялъ меры, чтобы себя спасти“. Въ Москвѣ онъ имѣлъ близко зна-

мый фактъ, интересующій насъ, состоялъ въ слѣдующемъ. Викарій м. Платона, преосвященный Серапіонъ, на основаніи дошедшихъ до него свѣдѣній объ освященіи часовни въ домѣ раскольника Дмитрія Ѳедорова, сообщилъ губернатору относительно розыска лица, освящавшаго часовню, такъ какъ, если часовня освящена, „то, писалъ пр. Серапіонъ, конечно сіе учинено попами бѣглыми и къ отысканію и къ отсылкѣ слѣдующими...: указами и изъ Св. Синода духовной, а изъ Правительствующаго Сената гражданской командѣ предписано находящихся у раскольниковъ поповъ яко бѣглыхъ ловить и представлять духовной командѣ“. Губернаторъ тотчасъ же предписалъ оберъ-полицеймейстеру „всемѣрное приложить стараніе отыскать, кто оную (т. е. часовню въ домѣ раскольника Дмитрія Ѳедорова) святилъ“ (тамъ же, л. 9—10). Затѣмъ, послѣ словеснаго объясненія съ пр. Серапіономъ по поводу изложеннаго дѣла, ордеромъ своимъ оберъ-полицеймейстеру онъ „вторично“ предписывалъ „напрелѣжнѣйше приказать о непремѣнномъ изысканіи того попа, которой освященіе оной церкви чинилъ и представить въ непродолжительномъ времени“ (тамъ же, л. 21). Вскорѣ губернаторъ сообщалъ о своихъ распоряженіяхъ генералъ-прокурору въ такихъ выраженіяхъ: „по поводу онаго (т. е. освященія часовни въ домѣ купца Ѳедорова) я не оставилъ дать строжайшее приказаніе Оберъ-полицеймейстеру въ отысканіи того попа, который смѣлъ безъ дозволенія оную освятить“(тамъ же, л. 12). Тонъ приказаній показываетъ, насколько дѣятельно губернаторъ заботился о примѣненіи закона къ раскольнику Ѳедорову, непріязненному для князя главнокомандующаго. Правда, полиція не отыскала попа, освящавшаго часовню, но важна ея внимательность, усердіе (тамъ же, об. 21). Успѣхъ же поисковъ въ данномъ случаѣ не зависѣлъ отъ рвенія къ дѣлу: освящавшій часовню іеромонахъ Серапіонъ по освященіи уѣхалъ на Иргизъ, откуда временно пріѣзжалъ въ Москву (тамъ же, л. 23).

[1]) Никита имѣлъ четверо дѣтей; двое изъ нихъ служили въ Москвѣ, при церкви Николая Заяицкаго, одинъ священникомъ, другой дьячкомъ.

комаго бѣглаго попа Алексѣя Ѳедорова, пребывавшаго на Рогожскомъ кладбищѣ. Никита заходилъ къ нему въ свои пріѣзды въ столицу. „Читая съ нимъ всегда старообрядческія книги", онъ пріобрѣлъ „къ нимъ навыкъ, пленился" ими и въ 1784 г. перешелъ въ старообрядчество. Къ тому времени Никита былъ вдовъ. Для лучшаго наученія старообрядчеству, Никита, по переходѣ въ расколъ, удалился на Иргизъ, въ Успенскій раскольничій монастырь, и находился подъ руководствомъ тамошнихъ священниковъ Сильвестра и Іоасафа. Послѣ монастырскаго искуса Никиту причислили къ Рогожскимъ попамъ. Попечители кладбища посылали его обыкновенно въ разныя раскольничьи селенія: въ Гуслицкую волость, Вохонскую, Куньевскую[1]). Въ этомъ районѣ Никита и дѣйствовалъ около 15 лѣтъ. При извѣстной своей добропорядочности и долговременности пребыванія въ одной мѣстности, Никита, немудрено, пользовался привязанностью къ себѣ раскольниковъ[2]), уваженіемъ знавшихъ его и сильно увлекалъ православныхъ въ старообрядчество. По заявленію одного изъ приходскихъ священниковъ, Никита „такое въ крестьянахъ произвелъ ученіе, что они, отложась отъ церкви Божіей, свои отправляютъ службы и чрезъ него, Никиту, крестятся, погребаются, вѣнчаются и пріобщаются[3]) и въ свое ученіе стараются другихъ крестьянъ своихъ обращать, толкуя явно правость своего заблужденія"[4]).

Приходскіе священники неоднократно сообщали митрополиту о зловредной дѣятельности Никиты. Въ 1794 г. доносилъ на Никиту московскому архипастырю священникъ Преображенскаго погоста, Дмитрій Аѳанасьевъ. Преосвященный Платонъ предписалъ „консисторіи о поимкѣ и присыл-

---

[1]) Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1800 г. № 3435, л. 74—77.

[2]) Тамъ же, л. 36, ср. 38.

[3]) Упоминаются часовни, въ которыхъ Никита совершалъ для старообрядцевъ богослуженіе, въ деревнѣ Заволиньѣ (тамъ же, об. 35) и въ деревнѣ Старой (Архивъ Московск. духов. консист., дѣло 1794 г. декабря 3, № 1124, л. 1).

[4]) Государствен. Архивъ М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1800 г. № 3435, л. 36.

къ бѣглаго попа поступить по указамъ и куда надлежитъ сообщить". Консисторія вывела на справку указъ Св. Синода 1786 г. декабря 30 и, сообразно съ резолюціею митрополита, снеслась съ губернскимъ правленіемъ[1]). Видимо, губернское правленіе нерадиво отнеслось къ заявленію епархіальнаго начальства, и Никита по прежнему продолжалъ свою соблазнительную дѣятельность. Въ 1797 г. мы встрѣчаемъ новый оффиціальный доносъ на Никиту высокопреосвященному Платону отъ священника Воздвиженской церкви Якова Петрова (какого села, неизвѣстно). По сношенію съ главнокомандующимъ, княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ, изъ губернскаго правленія послѣдовалъ указъ земскому суду, но опять не видно изъ дѣла, чтобы что-нибудь было „сдѣлано по тому предписанію земскимъ судомъ"[2]). Заявленія м. Платона оставались безплодными: Никита по прежнему дѣйствовалъ въ избранномъ районѣ. Такъ продолжалось до 1800 г., пока не вступилъ въ должность комиссара Коломенскаго округа Наумовъ[3]).

Наумовъ усвоилъ понятія о полицейскомъ правѣ, не мирившіяся съ допущеніемъ дѣятельности Никиты въ своемъ округѣ. Въ письмѣ м. Платону онъ такъ излагалъ свои идеи. „Право полицейское есть основаніе порядочному теченію всѣхъ дѣлъ, въ планѣ государственномъ показанныхъ. Посему на многихъ мѣстахъ подтверждается полиціи сельской и градской смотрѣть, чтобъ законъ во всѣхъ чертахъ своихъ дѣйствовалъ. Двѣ власти составляютъ твердость государственную,—духовная и гражданская, подлежащія указамъ всепресвѣтлѣйшей особы Государя Императора. Посему народъ, отлагаясь отъ власти духовной, отлагается отъ власти гражданской, повиноваться духовной власти обязывающей, и слѣдовательно обращается противъ обѣихъ властей и указовъ Императорскихъ, отъ повсемѣстнаго уваженія къ которымъ сильнѣе колесо правленія дѣйствуетъ. Итакъ нуж-

---

[1]) Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1794 г. декабря 3, № 1124, л. 1—3.

[2]) Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. 38.

[3]) Тамъ же, л. 35.

но, чтобъ власть полицейская преслѣдовала всякое развращеніе повиновенія духовной власти, располагающей своихъ преданныхъ къ выполненію обязанностей гражданской власти“[1]).

Выѣхавъ для обозрѣнія своего округа по вступленіи въ должность Коломенскаго земскаго комиссара, Наумовъ въ селѣ Павловѣ, или Вохнѣ, встрѣтилъ приходскаго священника Димитрія Иванова съ жалобою на совращеніе въ расколъ крестьяниномъ Игнатомъ Семеновымъ дѣвицы Варвары, съ которою Семеновъ, неизвѣстно гдѣ, и обвѣнчался. При своихъ воззрѣніяхъ на обязанности полиціи, Наумовъ произвелъ разслѣдованіе, предположивъ заранѣе, „что скрывается тутъ вредное уловленіе несмысленныхъ въ заблужденіе какимъ-нибудь хитрецомъ“. Слѣдствіе привело его къ признанію „злодѣемъ, низлогающимъ власть церковную, попа Никиту“. Какъ бы въ подтвержденіе добытыхъ свѣдѣній, Наумовъ получилъ затѣмъ въ с. Запонорьѣ письменную жалобу отъ приходскаго священника Михаила Васильева на совращеніе въ расколъ православныхъ тѣмъ же попомъ Никитою[2]). Съ другой стороны то же разслѣдованіе возбудило у Наумова сильное подозрѣніе относительно поведенія засѣдателей Похвиснева и Канищева, въ части которыхъ проживалъ попъ Никита: „они знали про его житье, но давали ему жить свободно“[3]). Словомъ, изслѣдованіе обнаружило вредную дѣятельность Никиты и укрывательство его полицейскими чиновниками.

Наумовъ предпринялъ мѣры къ поимкѣ Никиты[4]). Когда же узналъ, что на богослуженіи, совершаемомъ Никитою, старообрядцы не именуютъ государя „благочестивѣй-

---

[1]) Государственный Архивъ М. И. Д., разр. VII, дѣло 1800 г., № 3435, об. 47—л. 48.

[2]) Тамъ же, л. 35—36.

[3]) Тамъ же, об. 38.—Впослѣдствіи Наумовъ уже категорически заявлялъ, что попъ Никита дѣйствовалъ въ избранномъ районѣ, „укрываемъ будучи прежними земскими чиновниками“, изъ которыхъ въ ту пору въ земскомъ судѣ состояли „двое, Похвиневъ и Канищевъ; поелику они, имѣя его пребываніе въ своихъ частяхъ, допускали его жить, какъ человѣка сыскиваемаго“.—Тамъ же, л. 52.

[4]) Тамъ же, л. 47.

шимъ"; когда представилось комиссару, что попъ Никита является распространителемъ сего „вреднаго ученія", — Наумовъ усугубилъ свою дѣятельность, рѣшивъ непримѣтнымъ образомъ сыскать и переловить попа Никиту и другихъ ему подобныхъ"[1]). Хотя въ розыскѣ Никиты, какъ бѣглаго попа, Наумовъ выступалъ въ сущности выполнителемъ законныхъ требованій духовной власти предшествующихъ лѣтъ, однако его дѣйствія не получили одобренія начальника губерніи. Бывшій въ то время Московскимъ военнымъ губернаторомъ графъ Салтыковъ 2-ой выразилъ порицаніе Наумову за то, что онъ „коснулся деликатной матеріи до вѣры или лучше сказать суевѣрія относящейся"[2]). Ему казалось вполнѣ достаточнымъ требованіе отъ раскольниковъ выполненія гражданскихъ повинностей и соблюденія внѣшней общественной тишины; законы касательно церковной жизни графъ игнорировалъ. Посему въ донесеніи[3]) генералъ-прокурору Салтыковъ умалчивалъ о соблазнительныхъ дѣйствіяхъ Никиты и оттѣнялъ неподлежащую осужденію общую мысль о терпимости къ раскольникамъ, затушевывая ею моральную необходимость и юридическую законность прекращенія соблазнительныхъ дѣйствій Никиты и ему подобныхъ лицъ. „Извѣтъ о существованіи раскольниковъ,

---

[1]) Государственный Архивъ М. И. Д., разр. VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. 36—38.

[2]) Тамъ же, л. 34.

[3]) По своему несочувствію дѣйствіямъ комиссара, графъ, несомнѣнно, не далъ бы имъ никакого хода, если бы въ нихъ не было такихъ чертъ, которыя не позволяли графу отнестись къ нимъ соотвѣтственно своему взгляду на раскольниковъ; если бы комиссаръ къ своему доносу на Никиту не примѣшивалъ политическаго элемента. Отсюда понятное раздраженіе графа на Наумова, сопровождавшееся не однимъ даже порицаніемъ комиссара за вмѣшательство въ религіозныя дѣла, но и явнымъ желаніемъ, вообще, дурно охарактеризовать Наумова, какъ чиновника, предъ генералъ-прокуроромъ. Салтыковъ порицалъ Наумова предъ Обольяниновымъ и за то, что онъ „завелъ ненужное письменное сношеніе съ земскимъ судомъ, какъ бы съ другимъ мѣстомъ, а не тѣмъ, гдѣ самъ онъ первенствуетъ", за то, что Наумовъ „отлучился изъ города безъ нужды"; вспоминалъ и то, что комиссаръ, въ бытность въ Коломенскомъ уѣздномъ судѣ секретаремъ, „начальствомъ не съ хорошей стороны отмѣченъ" —Тамъ же, л. и об. 34.

разсуждалъ графъ, по суевѣрію своему церковнымъ преданіямъ непокоряющихся, не есть матерія новая, а вообще извѣстная, какъ и то, что они отправляютъ молитвословіи свои по ихъ обрядамъ“[1]); „раскольники внутри самой столицы терпимы“[2]). Отсюда, по мнѣнію графа, „таковыхъ раскольниковъ лучше оставить при томъ издавна укоренившемся суевѣріи и заблужденіи ихъ, чѣмъ заводить слѣдствіи и тѣмъ ихъ разстроивать, выключая тѣхъ случаевъ, гдѣ отъ нихъ нарушеніе тишины и неповиновеніе высочайшей власти и законамъ оказываться будетъ, въ чемъ и имѣть за ними кому слѣдуетъ смотрѣніе“. Исходя изъ своихъ взглядовъ, Салтыковъ распорядился произвести негласное разслѣдованіе чрезъ особаго чиновника, нѣтъ ли дѣйствительно въ Коломенскомъ округѣ „такихъ развратовъ, кои могутъ нарушать общее спокойствіе и противиться высочайшей власти“. При этомъ онъ просилъ генералъ-прокурора „снабдить совѣтомъ, какой дать сему дѣлу ходъ, когда по предписанному... развѣдыванію откроется не больше какъ то, что помянутые крестьяне (т. е. Коломенскаго округа) суть обыкновенные раскольники“[3]). Словомъ, въ дѣйствіяхъ военнаго губернатора просвѣчивала односторонность, незаконный наклонъ въ пользу раскольниковъ[4]).

Между тѣмъ Наумовъ выступаетъ изъ предѣловъ своей должности. Увлекаясь своимъ открытіемъ, тѣмъ, что раскольники не титулуютъ въ богослуженіи государя „благочестивѣйшимъ“, руководясь предположеніемъ, что попъ Никита является распространителемъ этого ученія, Наумовъ пишетъ такое письмо м. Платону. „Открывъ по вступленіи моемъ въ должность земскаго коммиссара слѣдствіемъ мо-

---

[1]) Государственный Архивъ М. И. Д., разр. VII, дѣло 1800 г., № 3435, об. 33.

[2]) Тамъ же, л. 34.

[3]) Тамъ же, об. 33—об. 34.

[4]) Вслѣдъ за начальникомъ губерніи и губернаторъ (Аршеневскій) свидѣтельствовалъ предъ генералъ-прокуроромъ о тишинѣ среди раскольниковъ, о томъ, что „въ повинностяхъ не было остановки“ отъ нихъ, полагая довольнымъ „сохранять всѣхъ и каждаго въ надлежащемъ порядкѣ, не касаясь совѣсти“ (тамъ же, л. 61—62). Того же мнѣнія держалось губернское правленіе (тамъ же, об. 52).

имъ.... злое ученіе бѣглаго попа Никиты, привязавшаго къ себѣ многихъ несмысленныхъ по Коломенскому округу..., я по преданности моей къ службѣ Государя Императора объ оном подробно донесъ на сихъ дняхъ гражданскому моему начальству... Осмѣливаюсь теперь просить Ваше Высокопреосвященство, кому надлежитъ предписать по секрету, чтобъ всѣ священники Коломенскаго округа, каждый по своему приходу, дали мнѣ знать, сколько со вступленія Государя Императора на престолъ отложилось отъ церкви Божіей прихожанъ, раздѣливъ погодно, или по крайней мѣрѣ сколько сихъ отпало въ нынѣшнемъ году. Мнѣ сіе нужно для убѣдительнаго представленія моему начальству къ сокращенію сего зла“[1]).

Понятно, высокопреосвященный Платонъ скептически отнесся къ письму комиссара. По его порученію, викарій, преосвященный Серапіонъ, запросилъ начальника губерніи о согласіи на требованіе Коломенскаго комиссара. Графъ Салтыковъ въ отношеніи письма Наумова оказался солидарнымъ съ м. Платономъ. Онъ „крайне удивился“ письму, какъ потому, что оно было „наполнено выраженіями, званію и должности земскаго комиссара несоотвѣтствующими“, такъ и потому, что „по заведенному порядку всѣ нижнимъ мѣстамъ нужныя свѣдѣнія“ не могутъ быть требуемы въ дѣлахъ такого рода „мимо своей команды“[2]). Согласія, соотвѣтствующаго требованію комиссара отъ м. Платона, графъ не далъ. Но въ отвѣтѣ преосв. Серафиму графъ позволялъ себѣ ничѣмъ не оправдываемое напоминаніе („впредь покорнѣйше прося“) „о удержаніи духовенства церквей Коломенскаго уѣзда отъ распространенія преслѣдованій раскольниковъ, кромѣ развѣ важнѣйшихъ и явнѣйшихъ ихъ по-

[1]) Государственный Архивъ М. И. Д., разр. VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. 47—48.—Для сыска же бѣглаго попа Никиты комиссаръ въ ночь на 1-е октября явился въ деревню „Заволинье“ вооруженнымъ, окруженнымъ своими помощниками съ заряженными ружьями, кистенями и саблями, и будто бы билъ двухъ крестьянъ, а къ груди одного приставлялъ даже кинжалъ. Крестьяне заволновались и устроили за нимъ погоню, такъ что комиссару пришлось скрываться отъ разсвирѣпѣвшей толпы у крестьянина сосѣдняго села (тамъ же, л. и об. 56, л. 59).

[2]) Тамъ же, л. и об. 45.

ступковъ“[1]). Сопоставляемъ отвѣтъ графа съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Наумовъ предпринялъ свою дѣятельность противъ Никиты вслѣдствіе извѣта сельскихъ священниковъ. Возникаетъ заключеніе относительно основанія для замѣчанія графа: въ заботливости духовенства объ охранѣ православной паствы отъ соблазнительныхъ дѣйствій Никиты и ему подобныхъ графъ видѣлъ преслѣдованіе раскольниковъ; поэтому порицалъ дѣйствія священниковъ и предупреждалъ отъ нихъ, обнаруживая такимъ образомъ въ своихъ дѣйствіяхъ прежнее направленіе[2]).

Если московскіе начальники не всегда наблюдали должную законность и безпристрастіе въ исторіи о бѣгломъ попѣ Никитѣ, то центральная власть выступала съ большею корректностью. Мнѣніе Салтыкова о терпимости къ раскольникамъ, какъ мнѣніе общаго характера, генералъ-прокуроръ одобрялъ[3]). Точно такъ же и относительно Наумова, Обольяниновъ выражался въ предѣлахъ закона: устранить комиссара отъ должности, если онъ къ ней неспособенъ, зависѣло отъ начальника губерніи[4]). Но на земскихъ засѣда-

---

[1]) Архивъ Московской духовной консисторіи, отношенія по вопросу о раскольникахъ 1800 г. № 46, отнош. гр. Салтыкова пр. Серафиму отъ 8 октября 1800 г. за № 2175.

[2]) Что же касается Наумова, то Салтыковъ вытребовалъ его къ себѣ для объясненія. Наумовъ показался ему человѣкомъ „нетрезвымъ“, „дерзкимъ“, „кичащимся своими свѣдѣніями, не имѣющимъ понятія о средствахъ къ соблюденію тишины“ въ простомъ народѣ, особенно среди раскольниковъ, и потому Салтыковъ распорядился произвести разслѣдованіе объ его дѣйствіяхъ на мѣстѣ, когда получилъ прошеніе отъ крестьянъ, которыхъ онъ билъ.—Государственный Архивъ М. И. Д., разр. VII, дѣло 1800 г., № 3435, об. 45, л. 59—60.

[3]) „Если по развѣданію, писалъ онъ въ отвѣтъ Салтыкову на донесеніе, окажется, что они подлинно только обыкновенныя раскольники и между ними нѣтъ ничего противнаго законнымъ постановленіямъ и власти, то оставить ихъ въ покоѣ и не заводить никакого слѣдствія“.—Тамъ же, л. 43.

[4]) Тамъ же, об. 43.—Позднѣе Наумовъ былъ вытребованъ въ Петербургъ (тамъ же, об. 49), допрошенъ въ тайной экспедиціи и высочайше повелѣно было опредѣлить его къ иной должности (тамъ же, л. 70). Распоряженія Салтыкова относительно насильственныхъ поступковъ Наумова съ раскольниками (крестьянами с. Заволинья) получили высочайшее одобреніе (тамъ же, л. 63—66).

телей, Похвиснева и Канищева, позволявшихъ попу Никитѣ пребывать въ ихъ участкѣ, генералъ-прокуроръ предлагалъ Салтыкову обратить „строгое вниманіе“, предать „за таковое должности ихъ пренебреженіе суду по законамъ, подтвердивъ наистрожайше, чтобы нигдѣ таковыя злоупотребленія не были“[1]). Когда же исторія съ бѣглымъ попомъ Никитою стала извѣстна государю, то послѣдовало „высочайшее повелѣніе бѣглаго попа Никиту какъ бродягу и развратника судить и наказать по закону“[2]). Это повелѣніе, послѣ поимки попа Никиты[3]), принимаетъ еще болѣе строгую форму: бѣглаго попа Никиту „наистрожайше судить и по суду строжайше наказать, (а) по наказаніи отправить въ Нерчинскъ въ каторжную работу“[4]).

Салтыковъ же и послѣ розыска попа Никиты остается съ прежними тенденціями. Когда Никита раскаялся и получилъ высочайшее прощеніе[5]), Салтыковъ обратился съ

---

[1]) Государственный Архивъ М. И. Д., разр. VII, дѣло 1800 г. № 3435, л. 54.

[2]) Тамъ же, л. 49.

[3]) Высочайшее повелѣніе произвело полное воздѣйствіе. Московскій военный губернаторъ далъ предписаніе о розыскѣ бѣглаго попа Никиты по всей губерніи (Архивъ Московской духовной консисторіи, отношенія по вопросу о раскольникахъ № 46, отношеніе гр. Салтыкова м. Платону отъ 23 окт. 1800 г. за № 2386; Государственный Архивъ М. И. Д., разр. VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. 50), и онъ вскорѣ же былъ задержанъ въ Москвѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ (тамъ же, л. 67).

[4]) Тамъ же, л. 67.—Графъ препроводилъ Никиту для суда надъ нимъ, какъ надъ духовнымъ лицомъ, пр. Серафиму за отсутствіемъ тогда митрополита въ Москвѣ (тамъ же, л. 73). Вскорѣ затѣмъ Салтыковъ повторилъ свой запросъ о духовномъ судѣ надъ попомъ Никитою. Викарій отвѣтилъ, что ожидается относительно Никиты резолюція высокопреосвященнаго Платона (тамъ же, об. 89). „Коль (же) скоро, писалъ графъ уже Обольянинову, онъ по лишеніи священническаго званія ко мнѣ присланъ будетъ, нимало немедля отправлю его къ криминальному суду и наказанію по высочайшему повелѣнію въ отношеніи Вашего Высокопревосходительства мнѣ объявленному“ (тамъ же, об. 89). Строгость назначеннаго наказанія Никитѣ обусловливалась, несомнѣнно, усвоеніемъ виновности Никиты отчасти элемента противогосударственнаго преступленія.

[5]) На прошеніе Никиты присоединиться къ церкви, государь отвѣтилъ отмѣною назначеннаго ему наказанія, повелѣвъ его привести въ Петербургъ и отдать „на покаяніе“ Петербургскому архі-

ходатайствомъ предъ генералъ-прокуроромъ за Похвиснева и Канищева (не за Наумова) объ освобожденіи ихъ отъ уголовнаго суда за укрывательство попа Никиты, мотивируя при этомъ свое ходатайство, между прочимъ, тѣмъ, что „попъ Никита сысканъ въ Москвѣ, гдѣ и жилъ, а туда (т. е. въ Коломенскій округъ) наѣзжалъ временно". Окраска давалась несоотвѣтствующая дѣйствительности. Обольяниновъ же, „въ разсужденіи наѣзда только попа Никиты времянно въ Коломенскій уѣздъ", о чемъ онъ судилъ на основаніи донесенія Салтыкова, справедливо полагалъ поступить сообразно съ этимъ и съ земскими засѣдателями[1]); иначе говоря: предписывалъ судить засѣдателей соотвѣтственно степени участія ихъ въ укрывательствѣ и, если они совсѣмъ невиновны, то и отнестись къ нимъ, какъ къ невиновнымъ.

Итакъ дѣятельность бѣглаго попа Никиты была соблазнительна; для прекращенія ея м. Платонъ не однажды обращался къ посредству гражданской власти въ Московской губерніи, но безуспѣшно. Разслѣдованіе комиссара Наумова, смотрѣвшаго на полицейскую власть, какъ на помощницу до нѣкоторой степени духовной, подтвердило съ одной стороны соблазнительный характеръ дѣятельности Никиты, съ другой—обнаружило укрывательство бѣглаго попа полицейскими чиновниками. Предпринятый Наумовымъ розыскъ Никиты не получилъ одобренія военнаго губернатора, хотя въ розыскѣ Никиты Наумовъ являлся выполнителемъ законныхъ требованій духовной власти пред-

---

епископу Амвросію (Государственный Архивъ, разр. VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. 79, л. 82). Никиту вытребовали отъ викарія и отправили въ Петербургъ (тамъ же, л. 109). На дорогѣ Никита заболѣлъ и пріобщался св. таинъ у православнаго священника въ Валдайскомъ уѣздѣ (тамъ же, л. 111). Проосвященный Амвросій поручилъ Никиту для „очищенія совѣсти и для усмотрѣнія истиннаго его покаянія" благочинному Александро-Невской лавры, который и присоединилъ Никиту къ церкви (тамъ же, л. 114). Послѣ того Никита былъ препровожденъ, по распоряженію пр. Амвросія, въ Валаамовъ монастырь „для пребыванію на покаяніи".—Архивъ Св. Синода, дѣло 1801 года, февраля 1, № 87 (570).

[1]) Государственный Архивъ М. И. Д., разр. VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. и об. 151, л. 153.

шествовавшихъ лѣтъ. Считая достаточнымъ выполненіе раскольниками гражданскихъ повинностей и соблюденіе общественной тишины, графъ Салтыковъ затушевывалъ моральную необходимость и юридическую законность прекращенія соблазнительной дѣятельности Никиты общими сужденіями о терпимости къ раскольникамъ и наблюдаемою тишиною среди нихъ. При дальнѣйшемъ ходѣ событій, Наумовъ, сперва, повидимому, желавшій наблюдать интересы церкви, выступаетъ изъ предѣловъ полномочій комиссара, допуская поступки, прямо заслуживавшіе порицанія, и безъ нужды осложняя дѣйствія митрополита, а Салтыковъ, умѣряя Наумова, находитъ новые поводы для обнаруженія предосудительнаго наклона своей власти въ пользу старообрядчества. Центральное начальство дѣйствуетъ съ большею корректностью.—Словомъ, исторія о бѣгломъ попѣ Никитѣ съ одной стороны свидѣтельствуетъ о соблазнительной дѣятельности Никиты и о безуспѣшности дѣйствій м. Платона противъ зловреднаго попа, съ другой—съ подробностями раскрываетъ причины неуспѣховъ въ дѣйствіяхъ московскаго архипастыря.

Пристрастіе къ раскольникамъ Московскаго военнаго губернатора, графа Салтыкова обнаруживается яснѣе въ событіяхъ, слѣдовавшихъ за поимкою бѣглаго попа Никиты.— При допросѣ Никиты обнаружилось, что на „старообрядческомъ кладбищѣ находится еще нѣсколько ему подобныхъ бѣглыхъ же поповъ“. Естественно было бы ожидать: гражданское начальство тотчасъ предприметъ мѣры къ поимкѣ этихъ поповъ, такъ какъ они подходили подъ помянутое высочайшее повелѣніе по дѣлу о попѣ Никитѣ. Въ дѣйствительности предъ нами раскрывается иная картина. Генералъ-фельдмаршалъ разрѣшаетъ старообрядцамъ торжественный выносъ одной умершей дѣвицы „при частныхъ полицейскихъ чиновникахъ подъ предводительствомъ трехъ поповъ ихъ“[1]).

[1]) Архивъ Московской духовной консисторіи, отношенія по вопросу о раскольникахъ 1800 г. № 46; отношеніе гр. Салтыкова къ м. Платону отъ 6 ноября 1800 г. за № 2572.

ной столицы возмутило Платона до глубины души. Онъ „скорбѣлъ всѣмъ сердцемъ“, когда узналъ о совершеніи раскольниками обряда погребенія въ священныхъ облаченіяхъ, при выносѣ „погребательномъ предъ лицемъ царствующаго града“[1]). „Объясняюсь Вашему Сіятельству по обязательству Епископа христіанскаго, отъ Бога на меня возложенному, писалъ онъ по этому поводу графу, что какъ изъ многихъ о семъ случаѣ ко мнѣ донесеній, мнѣ стало быть извѣстно сіе новое и никогда въ Москвѣ не бывшее явленіе, многихъ, особливо истинною къ благочестію ревностію правимыхъ привело не только во удивленіе, но и въ движеніе съ христіанскою ревностію сходственное. Особливо, что сіе учинено въ самое то время, въ кое, по повелѣнію Благочестивѣйшаго Государя Императора, попъ Никита, яко бѣглецъ, бродяга и развратникъ пойманъ и велѣно его отдать подъ судъ и наказать по закону, а оные попы, такіе жъ бѣглые бродяги и развратники, о коихъ думаю и Преосвященный Серафимъ Вашему Сіятельству сообщилъ и о коихъ, надѣюсь, Полиція всегда не безъизвѣстна“[2]).

Оффиціально графъ основаніемъ для своихъ дѣйствій выставлялъ намѣреніе „вывѣдать обстоятельнѣе“ о бѣглыхъ попахъ на Рогожскомъ кладбищѣ. „Но какъ формальное отыскиваніе ихъ на кладбищѣ при взятой уже ими послѣ попа Никиты осторожности могло быть тщетнымъ, всякое же принужденіе (могло) произвесть необыкновенное движеніе, то, писалъ графъ митрополиту, рѣшился я воспользоваться слѣдующею простотою ихъ“. Раскольники просили объ „отправленіи хотя нѣкоторыхъ духовныхъ обрядовъ ихъ при открытомъ присутствіи священниковъ ихъ, изъ коихъ“ въ то время предстояла „имъ надобность въ выносѣ тѣла одной умершей дѣвицы чрезъ недальнее отъ кладбища разстояніе; я, согласясь на сіе, далъ подъ рукою Полиціи знать, чтобъ не препятствовала имъ въ томъ“[3]).

---

[1]) Архивъ Московской духовной консисторіи, отношенія по вопросу о раскольникахъ 1800 г., № 46; отношеніе м. Платона къ гр. Салтыкову отъ 8 ноября 1800 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, отношеніе гр. Салтыкова къ м. Платону отъ 6 ноября 1800 г. за № 2572.

Безъ сомнѣнія, объясненіе графомъ своего поступка не имѣло искренности: то былъ простой дипломатическій пріемъ противъ блюстителя церковныхъ интересовъ въ Москвѣ. Странно, въ самомъ дѣлѣ, подумать, чтобы представитель гражданской власти въ первопрестольной столицѣ сталъ низкимъ обманомъ дѣйствовать противъ раскольничьихъ поповъ,—это было бы несогласно съ высотою его положенія; странно тѣмъ болѣе, что графъ самъ выражалъ опасеніе прибѣгать даже къ законнымъ способамъ розыска бѣглыхъ поповъ, чтобы не возбудить какого движенія среди раскольниковъ. Неискреннимъ считалъ объясненіе графа и м. Платонъ. Потому-то, для охраны интересовъ церкви, онъ также пользуется дипломатическимъ пріемомъ, намѣренно оттѣняя мысль, формально выраженную графомъ въ отношеніи къ нему. „Какъ сіе, писалъ митрополитъ графу, Вашимъ Сіятельствомъ учинено съ благоразумнымъ намѣреніемъ, дабы лучше узнать сихъ бѣглыхъ поповъ, и чрезъ то конечно употребить надлежащіе способы къ пресѣченію таковыхъ соблазновъ, то симъ себя и успокоивая и обязанъ молить Господа Бога, да все устроитъ къ покою и тишинѣ церкви и общества“[1]).

Истинное намѣреніе графа было другое, и оно просвѣчивало въ его отношеніи къ м. Платону. „Удостовѣрясь о существованіи у нихъ и прочихъ поповъ“, графъ, по его словамъ, отнесся „о томъ къ кому слѣдовало“ „для испрошенія и объ нихъ дальнѣйшихъ повелѣній“[2]). Какого характера было обращеніе Салтыкова къ высшей власти относительно поповъ, онъ умалчивалъ предъ Платономъ. Но Платонъ самъ могъ понять, къ чему оно направлялось. Если бы графъ имѣлъ въ виду поступить по закону съ бѣглыми попами, пребывавшими на Рогожскомъ кладбищѣ, то сноситься съ монаршею волею для него не открывалось потребности, особенно послѣ высочайшаго распоряженія о попѣ Никитѣ; значитъ, Салтыковъ съ другимъ намѣреніемъ

[1]) Архивъ Московской духовной консисторіи, отношеніе гр. Салтыкова къ м. Платону отъ 8 ноября 1800 г.

[2]) Тамъ же, отношеніе гр. Салтыкова къ м. Платону отъ 6 ноября 1800 г. за № 2572.

писалъ въ Петербургъ о трехъ попахъ. Такъ и было въ дѣйствительности. Сообщая генералъ-прокурору о трехъ бѣглыхъ рогожскихъ попахъ, Салтыковъ просилъ разрѣшить, „нужно ли и сихъ поповъ, кои уповательно со стороны нашего духовенства никакихъ видовъ не имѣютъ, и о именахъ коихъ собираю я свѣдѣнія, отъ старообрядцевъ отобрать и также, какъ и попа Никиту, предать суду“[1]).

На этотъ осторожный запросъ, по докладу генералъ-прокурора, послѣдовалъ высочайшій отвѣтъ, вполнѣ согласный съ предшествующимъ распоряженіемъ о бѣгломъ попѣ Никитѣ: „высочайше повелѣно съ бѣглыми попами поступить какъ съ бѣглецами по закону“[2]). И если бы Салтыковъ получилъ извѣщеніе о состоявшемся высочайшемъ повелѣніи, то ему ничего другого не оставалось бы, какъ только выполнить его. Случилось однако такъ, что, вслѣдъ за ранѣе упомянутымъ своимъ обращеніемъ на имя генералъ-прокурора отъ 5 ноября, московскій военный губернаторъ отъ 11 ноября уже весьма положительно просилъ „о исходатайствованіи Высочайшаго повелѣнія о попахъ ихъ, кромѣ извѣстнаго бѣглаго Никиты. По мнѣнію моему, писалъ Салтыковъ, лучше бы кажется ихъ впредь до времени оставить... для успокоенія сихъ суевѣровъ“[3]).. Тогда получилось высочайшее соизволеніе „трехъ, оказавшихся у старообрядцевъ, поповъ оставить въ прежнемъ положеніи, не требуя къ суду“[4]). Отъ 19 ноября 1800 г. Салтыковъ извѣщалъ о семъ высокопреосвященнаго митрополита[5]).

Стоившіе столькихъ хлопотъ розыски бѣглыхъ священнослужителей получали свой смыслъ въ дальнѣйшихъ къ нимъ отношеніяхъ м. Платона. Если соблазнъ отъ бѣглыхъ

---

[1]) Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. 100.

[2]) Тамъ же, л. 101.

[3]) Тамъ же, л. и об. 89.—Въ томъ же духѣ ходатайствовалъ о бѣглыхъ попахъ предъ государемъ и оберъ-полицеймейстеръ Эртель: тамъ же, л. и об. 115.

[4]) Тамъ же, л. 105, л. 106.

[5]) Архивъ Московской духовной консисторіи, отношенія по вопросу о раскольникахъ 1800 г., № 46; отношеніе гр. Салтыкова къ м. Платону отъ 19 ноября 1800 г. за № 2748.

священнослужителей происходилъ влѣдствіе совершенія ими у старообрядцевъ богослужебныхъ требъ, то, слѣдовательно, задача архипастыря, какъ искоренителя всего, посредствомъ чего раскольники завлекали въ свое заблужденіе православныхъ, должна была направляться къ отнятію у бѣглыхъ священнослужителей нѣкогда данныхъ имъ духовныхъ полномочій. Само собою понятно, прежде всякаго сужденія объ этихъ полномочіяхъ бѣглыхъ духовныхъ лицъ, необходимо было убѣдиться въ достовѣрности ихъ рукоположенія и священнослуженія въ православной церкви. Отсюда распоряженія Платона, слѣдовавшія и общепринятому порядку въ подобнаго рода дѣлахъ, подвергать допросу бѣглыхъ поповъ и производить соотвѣтственныя съ показаніями допрашиваемыхъ справки. Если допрашиваемый принадлежалъ къ той же Московской епархіи, то свѣдѣнія о немъ легко могли быть найдены консисторіею въ ея собственныхъ документахъ[1]). При иноепархіальномъ же происхожденіи бѣглаго священнослужителя, Московская консисторія вынуждалась провѣрять его чрезъ консисторію указываемой имъ епархіи. Такъ, узнавши изъ словъ Василія Стефанова о томъ, что до побѣга въ расколъ онъ состоялъ священникомъ въ г. Чебоксарахъ, Казанской губерніи, Московская консисторія сносилась съ Казанскою, чтобы убѣдиться въ истинности показаній Василія Стефанова[2]).

Убѣждаемые отказаться отъ раскольничьихъ заблужденій, бѣглые священнослужители иногда оставались непреклонными. Тогда м. Платонъ примѣнялъ къ нимъ тѣ

---

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1778 г. ноября 7, № 371, л. 4.

[2]) Василій Стефановъ, оставшись трехлѣтнимъ сиротою по смерти отца своего, священника Архангельской церкви г. Чебоксаръ, воспитывался у родного своего дяди, дьячка той же церкви; учился затѣмъ въ Казанской семинаріи до инфимическаго класса. Женившись на дочери священника Успенской церкви того же города Чебоксаръ, онъ вскорѣ (въ 1754 г.) опредѣленъ былъ на мѣсто тестя преосвященнымъ Лукою. Въ расколъ бѣжалъ въ 1764 году вмѣстѣ съ женою; жилъ преимущественно у московскихъ старообрядцевъ, хотя временно бывалъ и въ другихъ городахъ.—Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1788 г. января 21, № 3: справка Казанской консисторіи.—Изложенныя оффиціальныя свѣдѣнія о пресловутомъ въ исторіи московскаго раскола попѣ Василіи

статьи церковнаго и гражданскаго закона, которыя лишали недостойнаго священнослужителя духовныхъ преимуществъ, полученныхъ имъ въ православной церкви. Въ 1787 году Московская синодальная контора, главнымъ членомъ которой состоялъ м. Платонъ, доношеніемъ представляла Св. Синоду о лишеніи Семена Васильева Гастеева[1]) „за его отъ церкви отторженіе и паствы своей немаловременный побѣгъ и жительство у раскольниковъ священства“, соглашаяся въ то же время съ мнѣніемъ Коломенской консисторіи о Гостеевѣ: „отослать по принадлежности въ разсужденіе прежняго его жительства въ Тульскую казенную палату для опредѣленія, къ чему, по разсмотрѣнію оной палаты, годнымъ окажется“[2]). Изъ рапорта м. Платона въ Св. Синодъ отъ 12 іюня 1808 года видно, что подобнымъ же образомъ митрополитъ передавалъ на благоусмотрѣніе Св. Синода свое заключеніе о лишеніи священнаго сана перешедшаго въ безпоповщину бывшаго волоколамскаго священника Алексѣя Θеодорова „и объ отсылкѣ его въ Московское губернское правленіе на разсмотрѣніе и опредѣленіе, куда годнымъ окажется“[3]).

Въ Св. Синодѣ опредѣленія м. Платона о бѣглыхъ попахъ обыкновенно получали утвержденіе. Слушаніе доношенія Московской синодальной конторы Св. Синодъ заключилъ слѣдующимъ постановленіемъ: „лишить священства вовсе и въ знакъ совершеннаго его изъ священнаго причта исключенія остричь ему на головѣ и бородѣ волосы, а потомъ его, свѣтскаго уже человѣка, отослать для опредѣленія въ другой родъ жизни въ Тульское Намѣстническое правленіе“[4]). Точно такую же санкцію, только безъ упоми-

---

разсѣиваютъ сомнѣнія нѣкоторыхъ историковъ въ дѣйствительности его священствованія въ православной церкви до перехода въ расколъ,—А. Іоаннова: Полное истор. изв. о расколѣ, ч. IV, стр. 38; Н. И. Субботина: Исторія Бѣлокриницкой іерархіи, т. I, Москва, 1874 г., стр. 42.

[1]) Бывшій попъ Коломенской епархіи села Прудовъ.—Архивъ Св. Синода, дѣло 1787 г. декабря 22, № 348, л. 1, об. 3.

[2]) Тамъ же, л. и об. 7.

[3]) Тамъ же, дѣло 1808 г. іюня 20, № 490 (771), л. 6.

[4]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1787 г. декабря 22, № 348, л. 10.

нанія объ исполненіи въ консисторіи внѣшнихъ знаковъ разстриженія, Св. Синодъ придалъ опредѣленію Платона о попѣ Алексѣѣ Ѳедоровѣ: „оное Синодальнаго Члена преосвященнаго митрополита Московскаго мнѣніе о лишеніи священника Алексѣя Ѳедорова священства во вся и объ отсылкѣ его въ Губернское правленіе для опредѣленія, куда годнымъ окажется, есть правильное, утвердить во всей его силѣ“[1]).

Разстриженный попъ, отосланный въ гражданское вѣдомство, уже не могъ проявить своей вредной дѣятельности; разстригу и раскольники не могли принимать къ себѣ, тѣмъ болѣе, что у лишенныхъ священства отбиралась ставленая грамота[2]).

Отношенія м. Платона къ бѣглымъ священнослужителямъ, приносившимъ раскаяніе въ своемъ заблужденіи, не могли быть одинаковыми съ его отношеніями къ бѣглому раскольничьему духовенству, оставшемуся упорнымъ въ старообрядчествѣ. Собственно чрезъ одно уже раскаяніе бѣглыхъ священнослужителей прекращался проистекавшій отъ нихъ соблазнъ для православныхъ. Скажемъ болѣе, отъ обращенія къ православію тѣхъ, которые поставлены были по сану своему въ числѣ руководителей народнаго религіознаго самосознанія, можно было ожидать благотворнаго вліянія на православныхъ и на старообрядцевъ. Такое значеніе возвращенію въ церковь Христову бѣглыхъ священнослужителей придавалъ и м. Платонъ. Въ доказательство можемъ сослаться на одну изъ его резолюцій. Получивъ отъ архимандрита Богоявленскаго монастыря извѣщеніе о совершеніи чинопринятія надъ попомъ Стефановымъ, м. Платонъ писалъ: „къ священнику Сергіевскому въ Рогожской послать указъ, который велѣть прочесть всенародно въ Церкви, прописавъ, что онъ (т. е. попъ Василій) обратился самопроизвольно, съ отрицаніемъ заблужденія раскольническаго и съ обѣщаніемъ съ клятвою быть всегда въ соединеніи съ Церковію“[3]).

---

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1808 г. іюня 20, № 490 (771), л. 7—8.

[2]) Тамъ же, дѣло 1787 г. декабря 22, № 348, л. 7.

[3]) Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1788 г. января 21, № 3.

Тѣмъ не менѣе отношенія къ возвращавшимся въ православную церковь старообрядческимъ священнослужителямъ не могли останавливаться на одномъ присоединеніи ихъ къ церкви. Безъ испытанія твердости убѣжденій снова вступившаго въ общеніе съ церковью бѣглаго священнослужителя нельзя было вполнѣ довѣрчиво отнестись къ его раскаянію. Если онъ былъ пойманный, то его заявленіе о перемѣнѣ своихъ убѣжденій легко могло быть лживымъ. Не разъ упоминаемый нами ранѣе попъ Василій Стефановъ, дѣйствительно, послѣ присоединенія къ церкви, „яко песъ возвратился на свои блевотины",—перелѣзши чрезъ оградную стѣну Богоявленскаго монастыря, онъ бѣжалъ[1]). При добровольномъ обращеніи къ церкви бѣглаго священнослужителя, чистосердечность раскаянія могла и не возбуждать сомнѣнія; но тутъ оставалась еще сильною опасность собственнаго перерѣшенія въ пользу раскола, особенно подъ вліяніемъ раскольничьихъ убѣжденій и обѣщаній жизненныхъ выгодъ. Вслѣдствіе этого, возникала необходимость въ предосторожности, предусмотрѣнной и положительными церковно-гражданскими постановленіями относительно старообрядческаго духовенства. Платону оставалось лишь примѣняться къ этимъ постановленіямъ.

Судъ надъ бѣглыми священнослужителями, добровольно возвращавшимися въ церковь, былъ естественно снисходительнѣе, чѣмъ надъ продолжавшими упорно держаться старообрядчества. Хотя, читаемъ мы въ утвержденномъ м. Платономъ опредѣленіи консисторіи о бѣгломъ попѣ Андреѣ Гавриловѣ[2]), хотя за чинимое имъ на кладбищѣ „укрывательство і исправленіе у раскольниковъ служеній и требъ и слѣдовало по лишеніи священства отдать (его) въ гражданскій судъ; но поелику онъ, Гавриловъ, безъ всякаго принужденія и поимки, явясь самъ собою приноситъ

[1]) Архивъ Московской дух. конс., дѣло 1788 г. января 21, № 3.

[2]) Андрей Гавриловъ былъ сельскимъ священникомъ въ Суздальской епархіи. Въ 1773 г. перешелъ въ Москву въ викарные; въ 1775 году, по подговору купца Якова Прохорова, бѣжалъ къ старообрядцамъ на Рогожское кладбище.—Архивъ Св. Синода, дѣло 1778 г. ноября 7, № 371, л. 1.—Архивъ Москов. Св. Синода конторы, дѣло 1778 г. сентября 10, № 274.

о своемъ заблужденіи раскаяніе, то для того, освободя его отъ гражданскаго суда..., священнослуженіе, которое онъ самовольно оставилъ въ силу духовнаго регламента 9 пункта запретить, съ обязательствомъ, чтобъ онъ того священнослуженія и никакихъ требъ не исправлялъ и рукою не благословлялъ, подъ опасеніемъ гражданскаго истязанія“[1]). Это запрещеніе въ священнослуженіи, составляя церковное наказаніе за побѣгъ, могло въ то же время до нѣкоторой степени связывать соблазнительную дѣятельность бѣглаго священнослужителя, въ случаѣ его новаго уклоненія въ расколъ.—По запрещеніи въ священнослуженіи, раскаявшагося священнослужителя отсылали въ какой-либо монастырь „для принесенія о содѣянномъ грѣхѣ покаянія“ и по удобству, съ какимъ въ монастырѣ можно было наблюдать за поведеніемъ возвратившагося изъ старообрядчества духовнаго лица. Настоятелю поэтому вмѣнялось въ обязанность „наистрожайше надсматривать“ за отправляемымъ къ нему бѣглымъ попомъ, „не будетъ ли сумнительнымъ въ правовѣріи“[2]) и въ особенности требовалось слѣдить, „чтобъ онъ съ раскольниками отнюдь никакого обхожденія имѣть и чрезъ то паки въ расколъ возвратиться не могъ“[3]).

Итакъ, считая дѣятельность бѣглыхъ священнослужителей соблазнительною для православныхъ, м. Платонъ, на основаніи существующихъ узаконеній, употреблялъ усилія къ розыску и поимкѣ таковыхъ лицъ, стараясь преодолѣвать возникавшіе при этомъ немалыя затрудненія; относительно непреклонныхъ въ своихъ заблужденіяхъ онъ представлялъ на усмотрѣніе Св. Синода мнѣніе объ изверженіи ихъ изъ сана и о передачѣ въ гражданское вѣдомство, надѣясь тѣмъ отнять у нихъ возможность къ соблазну; раскаявавшихся въ своемъ побѣгѣ подвергалъ за переходъ къ старообрядцамъ запрещенію въ священнослуженіи, связывая такимъ образомъ имъ способы къ соблазнительнымъ дѣйствіямъ, въ случаѣ обратнаго уклоненія въ расколъ,— отправлялъ затѣмъ ихъ въ монастыри для испытанія въ

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1778 г. ноября 7, № 371, об. 5.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, дѣло 1776 г. іюня 29, № 331, л. 2.

искренности обращенія и для предохраненія отъ новыхъ увлеченій старообрядчествомъ, а чрезъ то для огражденія и слабыхъ членовъ своей паствы отъ могущаго опять произойти соблазна, если бы послѣдовалъ вторичный ихъ побѣгъ.

Если соблазнительнымъ для православныхъ являлось пребываніе въ раскольничьихъ обществахъ бѣглыхъ поповъ, то неменьшій соблазнъ въ простолюдинахъ производило стремленіе представителей раскола къ выдающемуся украшенію своихъ молеленъ и къ постройкѣ новыхъ. Какъ высшее іерархическое лицо въ епархіи, м. Платонъ обязанъ былъ слѣдить за предосудильными раскольничьими постройками и предпринимать мѣры для сокращенія публичнаго чрезъ нихъ „оказательства“ старообрядцами раскола[1]). Гражданскія узаконенія приходили тутъ на помощь московскому святителю. Они не дозволяли отнюдь „нигдѣ, никому“ „строить на новыхъ и на старыхъ мѣстахъ вмѣсто старыхъ вновь часовенъ“, а существующія требовали „оставлять въ прежнемъ состояніи“[2]). Впрочемъ, приведеніе ихъ въ силу, при нарушеніяхъ раскольниками, могло быть достигнуто также только чрезъ посредство гражданскихъ блюстителей закона. Отсюда и плодотворность мѣропріятій м. Платона поставлялась въ зависимость отъ того, насколько гражданскіе чиновники оказывали свое содѣйствіе представителямъ духовной власти. Что же касается пріемовъ дѣйствій м. Платона по вопросу о раскольничьихъ часовняхъ, то въ существѣ своемъ они сходны съ обозначенными нами ранѣе способами его дѣйствій противъ расколоучителей, бѣглыхъ поповъ и распространенія раскольничьихъ книгъ. Прослѣдимъ по самымъ дѣламъ, какъ поступалъ м. Платонъ, когда раскольники стремились привлекать православныхъ въ свое общество незаконнымъ устройствомъ и украшеніемъ своихъ часовенъ.

---

[1]) Указъ Св. Синода 1734 г. іюня 26.—См. въ Архивѣ Московской духовной консисторіи справку—въ дѣлѣ 1777 г. августа 18, № 26, въ дѣлѣ 1786 г. іюня 17.

[2]) Полное Собран. Зак. Россійск. Импер., т. IX, № 6592—См. справку въ Архивѣ Московской духовной консисторіи, въ дѣлѣ 1777 г. августа 18, № 26; 1786 г. іюня 17.

Въ 1777 году московскому архіепископу было донесено о постройкѣ „немалой горницы“ въ саду записнымъ раскольникомъ, крестьяниномъ Московскаго уѣзда Михайловской слободы Василіемъ Матвѣевымъ и о богослужебныхъ собраніяхъ въ ней старообрядцевъ. М. Платонъ, согласившись съ представленнымъ ему консисторскимъ опредѣленіемъ освидѣтельствовать подозрительное зданіе и, если въ немъ что окажется изъ церковной утвари, отобрать[1]), замѣтилъ: „только о сломкѣ требовать, если чрезъ частнаго смотрителя и благочиннаго будетъ подлинно найдено, что то строеніе есть раскольническая часовня“. Необходимость осторожности оправдалась. При осмотрѣ владѣлецъ называлъ свое зданіе простымъ лѣтнимъ помѣщеніемъ, а не молельнею; совершеніе же въ немъ службъ церковныхъ рѣшительно отрицалъ. Полнымъ незнаніемъ объ отправленіи „въ горницѣ“ богослужебныхъ чинопослѣдованій отозвался и сотскій, на котораго ссылался приходскій священникъ въ своемъ доносѣ. Внѣшность же зданія сама по себѣ не давала основанія признать его непремѣнно раскольничьей часовней. Равнымъ образомъ и внутри, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ образковъ и лампадъ, ничего не нашлось такого, за что горницу безъ колебаній слѣдовало бы считать молельней. Несмотря на неблагопріятный исходъ слѣдствія, цѣль была достигнута. Изъ дѣла не видно, чтобы соблазнительныя моленія въ помянутой горницѣ продолжали совершаться послѣ осмотра и чтобы горница отстраивалась опять раскольниками въ видѣ настоящей раскольничьей часовни; иначе приходскій священникъ не преминулъ бы извѣстить о томъ митрополита. Вѣроятно, раскольникъ, напуганный произведеннымъ дознаніемъ, уже болѣе не рѣшался превращать свою „горницу въ саду“ въ часовню[2]). Итакъ, судя по разсказанному дѣлу, архіепископъ Платонъ, при полученіи свѣдѣній о подозрительныхъ раскольничьихъ постройкахъ, распоряжался объ отобраніи изъ нихъ церковной утвари, а требованіе уничтоженія незаконной молель-

[1]) На основаніи именного указа 1735 г. сентября 4: П. С. З., т. IX, № 6802, п. I.

[2]) Архивъ Московской дух. конс., дѣло 1777 г. августа 18, № 26.

ни предварялъ необходимыми справками, если характеръ доноса вызывалъ на провѣрку, достигая иногда однимъ разслѣдованіемъ прекращенія соблазна.

Отъ 1786 г. мы имѣемъ дѣло о построеніи часовни въ деревнѣ Кузовлевѣ Вохонской десятины. Безошибочность сообщеній о противозаконности этой часовни не возбуждала сомнѣнія, такъ какъ извѣщавшіе о ней чрезъ благочиннаго священно-церковно-служители упоминали о такихъ подробностяхъ, которыя не допускали возможности принять за часовню зданіе съ инымъ предназначеніемъ: снаружи раскольники еще не успѣли поставить креста на вновь выстроенномъ зданіи, но внутри отдѣлали его „по подобію св. церквей“ и привлекали на свои собранія не только православныхъ села Глинки, къ которому принадлежала въ церковномъ отношеніи деревня Кузовлева, но и крестьянъ другихъ приходовъ. Поэтому преосвященный Платонъ, не считая необходимымъ произвести напередъ повѣрку полученныхъ свѣдѣній, сразу приказалъ „консисторіи сообщить въ Губернское правленіе съ прописаніемъ надлежащихъ до сего указовъ и требовать надлежащаго по сему въ силу законовъ разсмотрѣнія и опредѣленія“[1]). Помянутое дѣло служитъ такимъ образомъ доказательствомъ фактическаго примѣненія Платономъ узаконеній о недозволенныхъ раскольничьихъ строеніяхъ, безъ предварительныхъ о нихъ справокъ, когда не возникало сомнѣнія въ противозаконности зданія. Но ни для сужденія о послѣдствіяхъ распоряженій, подобныхъ приведенному, ни вообще для составленія заключеній о предпринимавшихся затѣмъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ м. Платона, на основаніи исторіи кузовлевской часовни, у насъ нѣтъ данныхъ.

Этотъ пробѣлъ восполняютъ частью сохранившіяся дѣла, касающіяся раскольничьей часовни въ с. Хотѣичахъ, частью дѣла, относящіяся къ исторіи московскихъ раскольничьихъ кладбищъ. Изъ нихъ мы убѣждаемся въ трудностяхъ, какія приходилось преодолѣвать м. Платону въ стремленіи къ сокращенію соблазнительнаго вида старообрядческихъ ча-

[1]) Архивъ Московской дух. консист., дѣло 1786 г. іюня 17.

совенъ. По поводу старообрядческаго зданія съ богослужебнымъ предназначеніемъ въ с. Хотѣичахъ, консисторія, согласно резолюціи м. Платона, требовала объясненій отъ губернскаго правленія[1]). Пока губернское правленіе медлило отвѣтомъ, раскольники поставили на выстроенной часовнѣ три осьмиконечныхъ креста, повѣсили колокола и при полномъ звонѣ стали открыто совершать крестные ходы. Соблазнъ усиливался. Приходское духовенство съ благочиннымъ искало защиты у митрополита. По требованію преосвященнаго Платона, губернское правленіе, хотя и не тотчасъ, все же предписало Бронницкому земскому нижнему суду произвести осмотръ часовни. Но послѣдній выполнитель указа губернскаго правленія, дворянскій засѣдатель Шелеповъ, командированный Бронницкимъ судомъ для разслѣдованія дѣла о раскольничьей часовнѣ въ Хотѣичахъ, обнаружилъ явно-недобросовѣстное отношеніе къ своему порученію: ни часовни съ осьмиконечными крестами и колоколами онъ не нашелъ въ томъ селѣ, ни крестныхъ хожденій и, вообще, совершенія раскольничьяго богослуженія онъ слѣдствіемъ будто бы не могъ подтвердить. Подозрительное зданіе, по его осмотру, представляло обыкновенный амбаръ съ нѣсколькими образками, которые хранятся тамъ крестьянами во избѣжаніе закопченія ихъ въ избахъ. Такимъ образомъ гражданское слѣдствіе совсѣмъ не оправдывало доноса приходскаго духовенства съ благочиннымъ. Поэтому митрополитъ распорядился „взять отъ благочиннаго и приходскаго священника объясненіе“, сообразно съ дознаніемъ дворянскаго засѣдателя. Тутъ-то открылись въ истинномъ свѣтѣ дѣйствія лица, командированнаго въ Хотѣичи Бронницкимъ земскимъ судомъ. Оказалось, дворянскій засѣдатель, по пріѣздѣ въ Хотѣичи, нашелъ раскольничье кладбище и часовню, которая помѣщалась на кладбищѣ, запертыми. Запечатавъ ихъ своею печатью, онъ отложилъ освидѣтельствованіе часовни до слѣдующаго дня. Очевидно, это допущено было съ намѣреніемъ, такъ какъ подозрительность поведенія засѣдателя въ тотъ день по от-

[3]) Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1787 г. января 14, по Вохонской десятинѣ.

ношенію къ раскольникамъ бросалась въ глаза православнымъ. Раскольники поняли маневръ засѣдателя. Ночью они взломали крышу часовни и вынули изъ нея церковную утварь, спилили кресты и попрятали колокола. Освидѣтельствованіе же происходило наутро, когда въ часовнѣ дѣйствительно ничего, напоминающаго молельню, уже не оставалось. Потачка, оказанная раскольникамъ засѣдателемъ, послужила поощреніемъ для старообрядцевъ еще къ большимъ противозаконнымъ дѣйствіямъ. По отъѣздѣ засѣдателя, раскольники не удовлетворились однимъ возобновленіемъ часовни; они прибавили къ ней еще ограду и 1-го августа устроили изъ ней торжественный крестный ходъ на рѣку съ образами, при колокольномъ звонѣ, съ попомъ въ полномъ облаченіи. Тогда митрополитъ, не надѣясь уже болѣе на справедливость низшихъ уѣздныхъ и губернскихъ властей, написалъ П. Д. Еропкину. И только по распоряженію главнокомандующаго были прекращены „чинимыя въ селѣ Хотѣичахъ раскольниками непозволенности“[1]).

Если не легко было митрополиту Платону подавлять соблазнительныя дѣйствія раскольниковъ въ селахъ, то примѣненіе репрессивныхъ мѣръ къ недозволеннымъ строительнымъ замысламъ на соблазнъ православныхъ среди московскихъ раскольниковъ требовало отъ митрополита еще большихъ усилій. Такъ, при главнокомандующемъ графѣ Чернышевѣ раскольники начали строить въ Преображенскомъ „каменное зданіе, имѣющее видъ церкви“, т. е. съ главою, алтарными выступами и отдѣльной колокольней. Построеніе церкви въ центрѣ московскихъ безпоповцевъ могло служить „соблазномъ для православныхъ и поводомъ къ раскольническому заблужденію“. Митрополитъ Платонъ потребовалъ отъ губернскаго правленія прекращенія незаконной соблазнительной постройки. Но правленіе, ссылаясь на указъ императрицы 1764 г. марта 3 не чинить раскольникамъ притѣсненія и на словесное разрѣшеніе главнокомандующаго Чернышева, отказало митрополиту[2]).

---

[1]) Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1788 г. іюля 4, по Вохонской десятинѣ.

[2]) Содержаніе консисторскаго дѣла по этому предмету пере-

Подобный и даже болѣе рельефный фактъ потворства гражданской власти московскимъ старообрядцамъ въ ущербъ интересамъ православія мы встрѣчаемъ также въ исторіи Рогожскаго кладбища. Представитель рогожцевъ, Никита Павловъ, воспользовавшись своею дружбою съ высшими московскими властями, добился позволенія главнокомандующаго князя Прозоровскаго построить на Рогожскомъ кладбищѣ новую каменную часовню вмѣсто прежней, будто бы обветшавшей. Получивши же разрѣшеніе на устройство небольшой молельни, Никита Павловъ приступилъ къ созиданію обширнаго пятиглаваго собора. Обманъ однако былъ вскорѣ открытъ. Начальству, естественно, было заставить прекратить постройки и наказать ослушниковъ. Но, къ удивленію, Прозоровскій ограничился лишь требованіемъ уничтоженія алтарныхъ выступовъ и сокращенія пяти главъ на одну, не нарушая огромнаго размѣра часовни. Конечно, подобныя дѣйствія раскольниковъ не могли быть неизвѣстными м. Платону. И онъ, нужно полагать, не остался равнодушнымъ зрителемъ возведенія обширнаго рогожскаго собора. Разсчитывая на свою прежнюю близость къ императрицѣ, м. Платонъ, вѣроятно, теперь обратился непосредственно къ высшей государственной власти. Поэтому нельзя не согласиться съ предположеніемъ проф. Субботина, что объясненія о построеніи собора на Рогожскомъ кладбищѣ были потребованы императрицею отъ князя Прозоровскаго, именно, вслѣдствіе жалобы м. Платона. Впрочемъ, раскольники успѣли ранѣе построить часовню, чѣмъ пришелъ указъ императрицы къ князю Прозоровскому, хотя построили ее въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, согласно требованіямъ главнокомандующаго[1]).

Обязанности московскаго святителя по сокращенію соблазна отъ построенія новыхъ недозволенныхъ часовенъ

дано въ Исторіи московск. епарх. управленія, ч. III, кн. 1, стр. 95—96; сравн. донесен. главноком. Москвы, кн. Прозоровскаго отъ 25 октября 1792 г., напеч. въ Прибавл. въ Творен. св. отцевъ 1882 г., кн. 1, стр. 247.

[1]) Донесеніе кн. Прозоровскаго имп. Екатеринѣ II отъ 25 октября 1792 г., напечат. въ Прибавленіяхъ къ Творен. св. отцевъ 1882 г., книг. I, стр. 244—248.

облегчались и упрощались; исполненіе закона гражданскимъ начальствомъ даже предупреждало дѣйствія духовной власти, когда такъ же, какъ и въ отношеніи бѣглыхъ поповъ, оказывались какія-либо особыя обстоятельства, побуждавшія московское гражданское начальство къ строгому соблюденію требованій закона. Мы имѣемъ свѣдѣнія объ одномъ такомъ случаѣ.

Въ 1794 г. московскій раскольникъ, купецъ первой гильдіи, тотъ самый Дмитрій Ѳедоровъ, о которомъ мы упоминали ранѣе[1]), устроилъ въ своемъ каменномъ домѣ часовню[2]), поставилъ иконостасъ[3]) съ царскими, сѣверными и южными дверями, внутри алтаря—престолъ и жертвенникъ, сдѣлалъ клиросы[4]) и сталъ увѣрять народъ въ полученіи имъ будто бы „особаго дозволенія“ на устроеніе у себя старообрядческой молельни, разумѣя дозволеніе верховной власти. По городу распространялась молва объ освященіи часовни при многолюдномъ собраніи. „Дерзновенный“ поступокъ Дмитрія Ѳедорова „приводилъ въ смущеніе обратившихся съ расколу“, служилъ „къ общему соблазну и спокойства нарушенію“[5]). Отмѣченная нами, при изложеніи исторіи о бѣглыхъ попахъ, непріязнь князя Прозоровскаго къ Дмитрію Ѳедорову, хорошо извѣстная подчиненнымъ главнокомандующаго, вызвала представителей гражданской власти въ Москвѣ на строгое примѣненіе закона въ отношеніи недозволенной постройки самовольнаго раскольника. Губернаторъ, несмотря

---

[1]) Дмитрій Ѳедоровъ былъ сынъ діакона села Стараго Яма, Московской епархіи. По смерти родителей остался сиротою. Въ 1770—71 г. онъ уволился изъ духовнаго сословія, записался въ московское купечество и жилъ нѣкоторое время у извѣстнаго попечителя Рогожскаго кладбища Никиты Павлова. Здѣсь онъ принялъ старообрядчество вмѣстѣ съ женою и дѣтьми (Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1794 г., № 2834, л. и об. 43), разбогатѣлъ и сталъ вліятельнымъ человѣкомъ въ поповщинѣ. Впослѣдствіи намъ не однажды придется встрѣчаться съ нимъ.

[2]) Длиною около 9 саженей, шириною въ 7 саженей.

[3]) Онъ былъ весь рѣзной и вызолоченный; нѣкоторые образа были въ ризахъ, частью изъ серебра; украшены жемчугомъ и другими цѣнными камнями.—Государственный Архивъ, М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1794 г., № 2834, л. 4.

[4]) Тамъ же, л. 3.

[5]) Тамъ же, об. 25, л. 21, л. 10.

на просьбу Дмитрія Ѳедорова о дозволеніи отправлять въ устроенной имъ часовнѣ богослуженіе[1]), распорядился „запечатать царскіе и южные двери“ въ часовнѣ, прямо съ тою цѣлью, чтобы въ ней „не могло отправляемо быть служеніе“. Сѣверныя же двери онъ оставилъ открытыми „для смотрѣнія за утварію“[2]). Дмитрій Ѳедоровъ возражалъ противъ дѣйствій губернатора. При этомъ онъ разсказывалъ ему о волненіяхъ старообрядцевъ въ Новгородъ—Сѣверской губерніи по дѣлу, однородному съ возбужденнымъ, давая понять, что подобныя же волненія могутъ послѣдовать и за репрессаліями губернатора; угрожалъ также жалобою императрицѣ. Губернаторъ представилъ о „буйностяхъ“ Дмитрія Ѳедорова главнокомандующему, прося предписанія, какъ ему поступить „въ семъ весьма деликатномъ дѣлѣ, сколько относительно для уваженности правительства, столь наименьше во избѣжаніе нарѣканія, что якобы сіе есть слѣдствіемъ черезъ меня Вашего ему мщенія“[3]). Между тѣмъ къ губернатору поступило отношеніе преосвященнаго Серапіона по тому же предмету. Сообщая о замыслѣ Дмитрія Ѳедорова, преосвященный викарій, „по возложенной (на него) должности“, просилъ губернатора, „кому слѣдуетъ приказать изыскать, подлинно ли прописаннымъ раскольникомъ церковь устроена и освящена, кѣмъ именно и когда и съ чьего дозволенія.... и поступить по указамъ“[4]). Вскорѣ затѣмъ преосвященному Серапіону случилось лично бесѣдовать съ губернаторомъ о соблазнительной постройкѣ. Въ результатѣ къ часовнѣ былъ приставленъ полицейскій караулъ[5]): „сіе имѣло наилучшее дѣйствіе, ибо не только смущеніе въ обратившихся совершенно кончилось, но даже и самые раскольники упрекали Дмитрія Ѳедорова въ обманѣ, что онъ ихъ лживо увѣрялъ въ имѣющемся дозволеніи на устроеніе оной церкви“[6]). О всемъ происходившемъ московское гра-

[1]) Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1794 г., № 2834, л. 21.

[2]) Тамъ же, об. 3.

[3]) Тамъ же, л. и об. 2.

[4]) Тамъ же, л. 10.

[5]) Тамъ же, об. 21.

[6]) Тамъ же, об. 25.

жданское начальство извѣщало своевременно бывшаго въ то время генералъ-прокуроромъ Александра Николаевича Самойлова[1]), заявляя, что „сей случай требуетъ непремѣннаго отъ Правительства вниманія, дабы бъ изъ сего не вышло каковыхъ непріятностей"; что необходимо „скорѣе преградить такое дерзновеніе, ибо сей Ѳедоровъ есть совершенный бунтовщикъ и человѣкъ весьма вредный". При этомъ князь Прозоровскій старался оградить себя отъ подозрѣнія въ пристрастіи къ ненавистному раскольнику ссылкою на оберъ-полицеймейстера Глазова, отъ котораго онъ преимущественно получалъ свѣдѣнія о Дмитріѣ Ѳедоровѣ[2]). Генералъ-прокуроръ по болѣзни не сразу приступилъ къ соотвѣтствующимъ распоряженіямъ[3]).

Тѣмъ временемъ Дмитрій Ѳедоровъ самъ отправилъ по почтѣ прошеніе генералъ-прокурору. Прошеніе было составлено искусно. Въ основу его Дмитрій Ѳедоровъ поставлялъ высокія „достоинства" лица, съ просьбою къ которому обращался, его „великодушіе" и „благосклонность" (благорасположеніе) къ себѣ. Заступничество генералъ-прокурора помогло ему противъ разорительныхъ притѣсненій московскаго начальства въ торговыхъ дѣлахъ: по представленію генералъ-прокурора, согласно прошенію Дмитрія Ѳедорова, всѣ дѣла Дмитрія Ѳедорова, тянувшіеся нѣсколько лѣтъ (7), высочайше повелѣно было окончить въ шестинедѣльный срокъ. Въ благодарность за такую высочайшую милость Дмитрій Ѳедоровъ устроилъ у себя храмъ, чтобы молить о здравіи государыни. „Но нынѣ і отъ того отклоненъ... писалъ Дмитрій Ѳедоровъ, какъ будто у меня только таковой въ покояхъ храмъ"; такіе храмы публично открыты на кладбищахъ и даже съ главами и крестами. Также въ Стародубьѣ и на Иргизѣ есть храмы съ колокольнями. Въ виду сего, онъ просилъ воззрѣть на его „бѣднѣйшее і огорчительное состояніе" и разрѣшить распечатать его молитвенный домъ[4]).

---

[1]) Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1794 г., № 2834, л. 8, 9, 12.

[2]) Тамъ же, об. 1.

[3]) Тамъ же, л. 5, л. 11.

[4]) Тамъ же, л. 6—об. 7.

По докладу генералъ-прокурора, императрица приказала вытребовать[1]) Дмитрія Ѳедорова въ Петербургъ для объясненія[2]). На допросѣ Дмитрій Ѳедоровъ оправдывалъ свой поступокъ[3]) указами 1762 и 64 гг. о нечиненія раскольникамъ притѣсненій, послѣ чего обращаться за разрѣшеніемъ къ гражданской и духовной власти онъ считалъ „излишнимъ отягощеніемъ оныхъ". Въ угрозахъ же произвести волненія, по подобію новгородъ-сѣверскихъ, онъ не признался, давъ совсѣмъ другое объясненіе своимъ словамъ московскому губернатору. Относительно того, какъ поступить съ Дмитріемъ Ѳедоровымъ, генералъ-прокуроръ „изъяснялся" съ высокопреосвященнымъ Гавріиломъ. Петербургскій митрополитъ призналъ постройку непозволительною. Но примѣненіе строгихъ мѣръ взысканія за самовольство не находилъ удобнымъ. Онъ считалъ достаточнымъ иконостасъ разобрать, образа разставить по стѣнамъ, престолъ вынести, а самовольнаго раскольника подвергнуть денежной пенѣ[4]). Самойловъ согласился съ мнѣніемъ митрополита относительно иконостаса и престола. Достаточное же наказаніе для Дмит-

---

[1]) Не дѣлая Ѳедорову притѣсненій и оставивъ церковь запечатанною.—Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1794 г., № 2834, л. 17.

[2]) „Подтвердивъ московскимъ присутственнымъ мѣстамъ, чтобы они дѣло его въ положенный срокъ всемѣрно окончили".—Тамъ же, л. 15—18.

[3]) Въ экстрактѣ, посланномъ генералъ-прокурору московскимъ главноуправляющимъ, говорится объ освященіи храма въ домѣ купца Ѳедорова іеромонахомъ Серапіономъ, куда онъ тотчасъ по освященіи и уѣхалъ (тамъ же, л. 23), на основаніи показанія самого Дмитрія Ѳедорова. Также въ докладѣ генералъ-прокурора императрицѣ передается, „что онъ раскольничью церковь въ домѣ своемъ дѣйствительно сдѣлалъ, которая освящена, а потомъ и Божія служба въ ней произведена проѣзжавшимъ изъ Иргизскихъ скитовъ іеромонахомъ Серапіономъ" (тамъ же, л. 41). Въ Петербургѣ же, въ отвѣтахъ на вопросы тайной экспедиціи, Дмитрій Ѳедоровъ отрицалъ освященіе своей часовни: литургія въ ней совершалась іеромонахомъ Серапіономъ будто бы на походномъ его престолѣ (тамъ же, об. 44). Быть можетъ, Дмитрій Ѳедоровъ давалъ неодинаковыя показанія въ разное время, то сознаваясь въ освященіи часовни, то отрицая этотъ фактъ.

[4]) Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1794 г., № 2834, л. 41—42.

рія Ѳедорова онъ видѣлъ въ содержаніи его подъ стражей. Затѣмъ, „для удержанія своевольства“ раскольника, Самойловъ полагалъ обязать Дмитрія Ѳедорова „строгою подпискою“[1]). Въ соотвѣтствіи съ мнѣніемъ генералъ-прокурора, императрица повелѣла, „чтобы сей Федоровъ въ присутствіи чиновника изъ Управы благочинія самъ разобравъ иконостасъ, раздѣляющій алтарь съ церковью, разстановилъ его по стѣнамъ. Престолъ же вынести ему изъ комнаты сей вонъ и употребленія изъ него никакова въ предъ не дѣлать: а покрывала бывшіи на престолѣ долженъ онъ сложить въ одно мѣсто такимъ образомъ, чтобы можно жъ было печать Управы благочинія приложить; наконецъ взять съ сего Ѳедорова строгую подписку, что впредь ничего въ родѣ семъ содѣяннаго дѣлать онъ не будетъ подъ опасеніемъ строгаго взысканія и наказанія“[2]).

Такимъ образомъ, благодаря обостренности отношеній московскаго гражданскаго начальства съ Дмитріемъ Ѳедоровымъ, незаконная соблазнительная постройка была видоизмѣнена энергичными дѣйствіями гражданскаго начальства, при весьма слабомъ участіи духовнаго.

Митрополиту Платону оставалось при этомъ лишь слѣдить за событіемъ, не принимая въ немъ активнаго участія. А что слѣдилъ онъ, это видно изъ одного его письма къ преосвященному Амвросію, гдѣ Платонъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что Дмитрій Ѳедоровъ „построилъ было уже церковь, но покойная государыня императрица, по свойственному ей благоразумію, приказала оную упразднить—чѣмъ много мы, грѣшные, порадованы; да и весь царствующій градъ порадовался“[3]).

---

[1]) Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1794 г., № 2834, л. 42.

[2]) Тамъ же, л. 41.

[3]) Письма м. Платона къ пр. Амвросію, № 54, напеч. въ Правосл. Обозрѣн. 1869 г., т. II, стр. 41.—Впрочемъ, Дмитрій Ѳедоровъ немного обращалъ вниманія на запрещенія правительства. Въ 1799 году генералъ-прокуроръ, князь Лопухинъ получилъ свѣдѣнія о томъ, что Дмитрій Ѳедоровъ началъ дѣлать куполъ надъ своей молельней. Генералъ-прокуроръ лично предупреждалъ Дмитрія Ѳедорова: „по знаемости моей васъ и по личной привязанности совѣ-

Противозаконныя и соблазнительныя дѣйствія московскихъ раскольниковъ привели, наконецъ, къ тому, что при Павлѣ I изданъ былъ законъ объ уничтоженіи Преображенскаго кладбища. Есть основаніе думать, что появленіе этого закона совершилось не безъ участія московскаго святителя, хотя трудно съ достовѣрностью сказать, въ чемъ собственно обнаружилось здѣсь вліяніе м. Платона. Быть можетъ, Платонъ описывалъ императору вредъ для церкви отъ раскольничьихъ кладбищъ, въ особенности отъ Преображенскаго кладбища, и просилъ сократить ихъ соблазнительный характеръ. Павелъ же I, какъ человѣкъ религіозный и весьма строгій, счелъ за лучшее совсѣмъ уничтожить то изъ кладбищъ, которое казалось ему главнымъ гнѣздомъ раскола. Однако московская полиція и на этотъ разъ не устояла на высотѣ своего призванія. Получивши солидные подарки[1]) отъ преображенцевъ, она медлила выполненіемъ указа, и онъ въ концѣ концовъ остался лишь на бумагѣ, вслѣдствіе скорой смерти императора[2]).

При всемъ томъ раскольники не могли не видѣть, какая опасная сила скрывается для ихъ прочнаго существованія въ лицѣ митрополита Платона[3]), и потому изыскивали средства, чтобы освободиться отъ этого своего врага. Послѣдняго достигнуть удалось до нѣкоторой степени Ѳедо-

---

тую вамъ отъ подобныхъ затѣй воздержаться, чтобъ не навлечь на себя гнѣва всеавгустѣйшаго нашего монарха и не подвергнуть себя законному наказанію“ (Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1794 года, № 2834, л. и об. 63). Въ отвѣтномъ письмѣ генералъ-прокурору Дмитрій Ѳедоровъ заявлялъ, что онъ „і мысли о таковомъ безпорядкѣ не імѣлъ і никогда не согласится учинить сего“ (тамъ же, л. 64—65). Тѣмъ не менѣе церковь въ домѣ Дмитрія Ѳедорова существовала и послѣ. О ней онъ упоминаетъ въ вѣдомости, представленной на высочайшее разсмотрѣніе 7 октября 1800 года (Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1800 года, № 3435, л. 224). Вѣроятно, Дмитрій Ѳедоровъ возобновилъ часовню съ удаленіемъ отъ должности московскаго главнокомандующаго нерасположеннаго къ нему князя Прозоровскаго.

[1]) Передаютъ, будто Ковылинъ поднесъ оберъ-полицеймейстеру большой пирогъ, начиненный 1000 полуимперіаловъ.

[2]) Рукопись библіотеки Кіевск. дух. академіи № 57 (Аа., 189), л. и об. 87.

[3]) Тамъ же, л. 92.

сѣвцамъ, впрочемъ однимъ только имъ. Ковылинъ, пользуясь расположеніемъ къ себѣ министра внутреннихъ дѣлъ, князя А. Б. Куракина, подалъ чрезъ него прошеніе на высочайшее имя, съ приложеніемъ подробнаго „плана“, на какомъ ѳедосѣевцы желали обезпечить существованіе и процвѣтаніе своего общества. 3-мъ пунктомъ этого „плана“ ѳедосѣевцы ходатайствовали предъ императоромъ Александромъ I „не подчинять во внутренности богадѣленный домъ во всѣхъ до него отношеніяхъ никакому надзору и отчету властямъ духовнымъ, кромѣ единыхъ внѣшнихъ повинностей вѣдомству управы благочинія или полиціи“. Смыслъ этого пункта своевременно хорошо былъ понятъ составленною для обсужденія просьбы преображенцевъ комиссіею изъ министра внутреннихъ дѣлъ и с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера Балашова, ранѣе проходившаго ту же должность въ Москвѣ и потому хорошо знавшаго условія дѣйствительной жизни обывателей Преображенскаго кладбища. Задачи благотворительности, изъ которыхъ исходили ѳедосѣевцы въ своей просьбѣ на высочайшее имя, по заявленію комиссіи (собственно Балашова), и прежде никогда не встрѣчали стѣсненій для своего осуществленія, а потому ссылка на нихъ была истолкована комиссіею, лишь какъ хитрый пріемъ раскольниковъ скрыть истинныя свои намѣренія отъ законодательной власти. По объясненію комиссіи, общество московскихъ ѳедосѣевцевъ 3-мъ пунктомъ домогалось, „чтобъ положительно сказано было, что оно не подлежитъ ни духовной ни гражданской власти и кромѣ полицейскихъ повинностей остается совершенно независимымъ и отдѣльнымъ“. Поэтому, заключала комиссія, дозволить существованіе Преображенскаго богадѣленнаго дома можно только съ ограниченіями и, между прочимъ, непремѣнно поставивъ его въ надлежащую зависимость отъ гражданскаго начальства. О духовной власти въ составленной по сему случаю запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ и оберъ-полицеймейстера Балашова не упоминалось.

Первая неудача однакоже не остановила Ковылина въ его замыслахъ. Министръ и оберъ-полицеймейстеръ считали полезнымъ, для уясненія дѣла, передать измѣненныя

ими правила для существованія Преображенскаго кладбища на „заключеніе“ самимъ старообрядцамъ. Изъ этого теперь и старается извлечь выгоды для своего общества Ковылинъ. Видя, что освободиться отъ зависимости гражданской власти нѣтъ возможности, Ковылинъ проситъ, чтобы въ 3-мъ пунктѣ было обозначено, что Преображенскій богадѣленный домъ „по общему порядку подвергается зависимости... „одного“ гражданскаго начальства, что необходимо нужно, дабы оградить насъ, заявилъ Ковылинъ, отъ присвоенія надъ нами себѣ начальства властью духовенства“. Но употребить такую желательную ѳедосѣевцамъ категорическую форму выраженія о совершенномъ изъятіи ихъ изъ епархіальнаго вѣдѣнія и объ исключительномъ подчиненіи только гражданскому начальству комиссія не нашла удобнымъ: „сіе могло бы, разсуждала она, соединено быть съ нѣкоторымъ оскорбленіемъ духовной власти“. По существу же комиссія соглашалась, „чтобы заведеніе состояло въ независимости духовнаго начальства“ и только предлагала не упоминать объ этомъ „въ актѣ, коимъ оно утверждено быть должно“[1]).

Не удовлетворяясь заключеніемъ комиссіи, Ковылинъ подалъ записку князю Куракину, въ которой жаловался на злоупотребленія священниковъ по отношенію къ раскольникамъ. Нѣкоторые изъ старообрядцевъ, писалъ онъ, по разнымъ причинамъ, даютъ православнымъ священникамъ деньги, чтобы они записывали ихъ въ своихъ вѣдомостяхъ бывшими у исповѣди и причастія. А предъ смертію дѣлаютъ завѣщанія похоронить ихъ на отведенныхъ намъ отъ правительства кладбищахъ. И тутъ православные священники, если не сойдутся въ цѣнѣ, съ родственниками умершихъ старообрядцевъ, заявляютъ въ консисторію, „что якобы мы ихъ дѣтей духовныхъ схоронили на своихъ кладбищахъ“. Консисторія сообщаетъ о томъ полиціи; начинается разслѣдованіе. Исправникъ, яко хранитель закона, приказываетъ „тѣло вырыть изъ земли и осмотрѣть..., не удавлены ли или не утоплены ли, не убиты ли, которые погребены

[1]) Архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, дѣло департамента Общихъ Дѣлъ 1809 г. мая 18, № 5 (24).

при многочисленномъ собраніи народа". Потомъ слѣдуетъ допросъ; отсылка въ судъ, „который чиня новыя изслѣдованія, волоча по году и по два иногда, рѣшаетъ тутъ въ пользу погребателей, а въ противномъ случаѣ отсылаетъ въ уголовную палату". По уваженію къ таковымъ притѣсненіямъ, Ковылинъ просилъ снова „о неподчиненіи духовной власти учрежденнаго въ Москвѣ богадѣленнаго дома"[1]).

Дѣйствительная картина далеко однако не соотвѣтствовала жалобѣ Ковылина. Факты погребенія православныхъ на раскольничьемъ кладбищѣ, несомнѣнно, существовали, какъ видно изъ дѣлъ того времени. Крестьянинъ, напримѣръ, раскольникъ имѣлъ дѣтей, крещенныхъ по православному. Они умирали; раскольникъ предавалъ ихъ погребенію по-раскольнически на раскольничьемъ кладбищѣ[2]). Бывали и другія обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ раскольнику становилось возможнымъ погребеніе православнаго по-раскольнически. Въ 1782 году крестьянинъ деревни Нагатиной, записной раскольникъ, отвезъ на Преображенское кладбищѣ состоявшаго въ православіи и напутствованнаго по чиноположенію православной церкви своего больного дядю, не имѣвшаго ухода и средствъ для пропитанія; отвезъ его на кладбище подъ предлогомъ доставить ему необходимый уходъ, пищу и леченіе, отправилъ, слѣдовательно, его какъ бы въ благотворительную больницу. Больной вскорѣ скончался и былъ погребенъ по-раскольнически на кладбищѣ. Въ огражденіе православныхъ отъ такихъ дѣйствій раскольниковъ, митрополитъ Платонъ только требовалъ отъ свѣтской власти надлежащаго подтвержденія, кому слѣдовало, „дабы таковыхъ дерзновенныхъ Православной Церкви предосудительныхъ и соблазнительныхъ поступковъ отъ раскольниковъ происходить не могло"[3]). Подобныя-то дѣйствія духовной власти и послужили для Ковылина основаніемъ къ помянутому нареканію на православ-

[1]) Архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, дѣло департамента Общихъ Дѣлъ 1809 г. мая 18, № 5 (24).

[2]) Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1783 года августа 27.

[3]) Тамъ же, дѣло 1782 г. января 24, № 28.

ное духовенство за притѣсненія будто бы имъ старообрядцевъ. Такимъ образомъ въ защитѣ собственно нуждалась православная церковь, а не старообрядцы.

Тѣмъ не менѣе князь Куракинъ принялъ сторону раскольниковъ. По запискѣ, поданной Ковылинымъ, онъ составилъ слѣдующее мнѣніе. „Я полагаю, что по терпимости, въ разсужденіи старообрядцевъ наблюдаемой, нужно конечно оградить ихъ отъ таковаго притѣсненія. Дѣйствіе, о которомъ Ковылинъ представляетъ, основаніе свое имѣетъ въ злоупотребленіяхъ священниковъ. Съ человѣкомъ, въ расколъ вступающимъ, они за деньги условливаются, естьли не скрывать сей его поступокъ, по крайней мѣрѣ, можно показывать его въ числѣ духовныхъ дѣтей и вносить въ реестръ говѣвшихъ. По сему нужно, чтобъ отъ духовнаго начальства взяты были въ предупрежденіе сего особыя мѣры, которыя коль скоро пресѣкутъ сей подлогъ, отнимется у нихъ право называть духовными дѣтьми тѣхъ, кои бывъ въ расколѣ никогда не говѣли, а симъ самымъ отымутъ и способы имѣть притязаніе къ таковымъ похороненнымъ. Старообрядцамъ же въ непремѣнную обязанность поставить не погребать тѣлъ умершихъ безъ вѣдома и дозволенія полиціи, которая давать оныя будетъ по учиненіи надлежащихъ о умершемъ выправокъ“. Такимъ образомъ министръ внутреннихъ дѣлъ высказался за огражденіе старообрядцевъ отъ предполагаемыхъ притѣсненій ихъ православнымъ духовенствомъ, за необходимость побудить духовное начальство, въ предупрежденіе сихъ злоупотребленій, принять особыя мѣры и за подчиненіе старообрядцевъ одной только полиціи. Мнѣніе министра высочайше повелѣно было внесть въ Комитетъ министровъ. Здѣсь оно было одобрено, а 24 февраля 1809 года на комитетское журнальное опредѣленіе послѣдовала высочайшая апробація.

Пристрастіе, оказанное старообрядцамъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, возмутило оберъ-прокурора Св. Синода. Получивъ секретное сообщеніе о высочайшей волѣ, чтобъ приняты были мѣры со стороны духовнаго начальства „къ пресѣченію подлоговъ священниками якобы старообрядцамъ чинимыхъ“, онъ истребовалъ по высочайшему пове-

лѣнію „комитетское о семъ разсужденіе“ и затѣмъ вошелъ съ особымъ докладомъ къ государю императору. Въ немъ князь Голицынъ выставлялъ слѣдующія соображенія. „1) Въ запискѣ поданной купцомъ Ковылинымъ Министру Внутреннихъ дѣлъ относительно подлоговъ со стороны священниковъ, якобы чинимыхъ, не сказано, гдѣ и кѣмъ именно дѣланы сіи злоупотребленія. 2) Довѣренность Ковылину дана отъ Московскихъ только старообрядцевъ. 3) Мнѣніе Министра Внутреннихъ дѣлъ было таковое, дабы сдѣлать повсемѣстное предписаніе о принятіи со стороны Духовнаго начальства мѣръ къ предупрежденію помянутыхъ подлоговъ, на что и Комитетъ согласился“. 4) Жалобы раскольниковъ епархіальнымъ архіереямъ на приходскихъ священниковъ, будто они „для собственной своей корысти дѣлаютъ имъ разныя притѣсненія, какъ-то: исправляютъ у нихъ въ домахъ противу воли христіанскія требы; принуждаютъ хоронить умершихъ на общихъ кладбищахъ и ходить каждогодно на исповѣдь“, вызвали уже предписаніе церковной власти. Въ 1800 году Св. Синодъ особымъ указомъ требовалъ отъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ: „секретно подтвердить священно-церковнослужителямъ, чтобъ они къ уклонившимся отъ православной вѣры противу воли ихъ не входили и чтобы бывшихъ и не бывшихъ у исповѣди и святаго причастія прихожанъ въ духовныхъ росписяхъ по самой сущей справедливости, не дѣлая притѣсненія и не требуя у нихъ за требы, особливо же за исповѣдь ни подъ какимъ видомъ излишняго и бывшихъ у исповѣди и причастія не бывшими, а не бывшихъ бывшими не писали подъ опасеніемъ за таковыя злоупотребленія не токмо лишенія чиновъ ихъ, но и отсылки въ свѣтскую команду для поступленія по законамъ“[1]).—На основаніи сказаннаго оберъ-прокуроръ заключалъ, „что: 1) Святѣйшимъ Синодомъ сдѣланы уже достаточныя предписанія въ 1800. году, и 2) что генеральное нынѣ предписаніе дѣлать духовенству о воздержа-

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода 1809 года мая 19, № 4678, л. 1—9.—Самый указъ Св. Синода 1800 г. марта 22 см. въ Архивѣ Св. Синода, въ дѣлѣ 1800 г. марта 8, № 131 (633).

ніи его отъ злоупотребленій необслѣдованныхъ, гдѣ, когда и отъ кого оныя происходили,—по одной просьбѣ Московской только губерніи старообрядцевъ, было бы крайне обидно Православному Духовенству".—Не удовлетворяясь однимъ изложеніемъ приведенныхъ соображеній, оберъ-прокуроръ тутъ же предъ высочайшею властью разоблачалъ истинныя намѣренія старообрядцевъ, полагая ихъ ни въ чемъ иномъ, какъ только въ томъ, чтобы „посредствомъ лжеучителей своихъ совратить болѣе въ расколъ". При этомъ онъ представлялъ недавній примѣръ, подтверждавшій справедливость его заключенія. Протоіерей Владимірской церкви въ С.-Петербургѣ, при посѣщеніи больного цеховаго мастера Петра Прокофьева для напутствованія, узналъ, что его склоняли въ расколъ. Но Петръ „чистосердечно объявилъ (протоіерею), что онъ никогда въ расколѣ не бывалъ и впредь въ оную ересь отъ святой церкви уклоняться не намѣренъ". Несмотря на то, чрезъ нѣсколько дней петербургская купчиха Чуркина, тетка больного, „взяла насильно его изъ дому, посадила въ карету, увезла, перекрестила въ чану, и онъ отъ того чрезъ три часа умеръ".—Соображенія князя Голицына произвели свое дѣйствіе. Вслѣдствіе его доклада, государь императоръ 21 августа 1809 года „указать соизволилъ не дѣлать предписаній духовенству".

Такимъ образомъ, благодаря представленію оберъ-прокурора, особыхъ распоряженій со стороны Св. Синода объ огражденіи раскольниковъ отъ притѣсненій духовенства на имя московскаго первосвятителя не воспослѣдовало. Полнаго же освобожденія отъ духовнаго надзора Ковылинъ все-таки достигъ[1]). Послѣ этого м. Платонъ со скорбью въ сердцѣ предавалъ обращеніе ѳедосѣевцевъ къ православію одной волѣ Божіей. Вотъ въ какихъ словахъ сообщается объ этомъ въ раскольничьихъ преданіяхъ. „Пораженный освобожденіемъ ѳедосѣевцевъ отъ надзора духовной власти, митрополитъ Платонъ замолкъ въ своихъ противодѣйствіяхъ

[1]) Архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, дѣло департамента Общихъ Дѣлъ 1809 г. мая 18, № 5.—Архивъ Св. Синода, дѣло канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода 1809 г. мая 19, № 4678.

распространенію Ѳедосѣевскаго ученія: если этотъ народъ исправенъ въ исправленіи гражданскихъ обязанностей, то обращеніе его къ православію надо предоставить волѣ Господа: будетъ время, когда онъ изберетъ достойнѣйшаго на это дѣло“[1]).

Итакъ, вмѣстѣ съ духовными мѣрами, м. Платонъ пользовался въ Московской епархіи и гражданскимъ законодательствомъ противъ усиленія раскола, и предпринимавшіяся имъ для ослабленія раскола гражданскія мѣры такъ же, какъ и духовныя, слѣдуетъ признать вполнѣ цѣлесообразными, потому что онѣ направлялись противъ дѣйствительныхъ причинъ роста раскола,—имѣли въ виду огражденіе новообращенныхъ отъ преслѣдованій раскольниковъ, воспрещеніе расколоучителямъ пропаганды, увлекавшей православныхъ въ расколъ, пресѣченіе служившей поддержкою расколу соблазнительной дѣятельности бѣглыхъ священнослужителей, сокращеніе распространенія вредныхъ книгъ, равно и соблазнительнаго оказательства раскола. Вытекая же не изъ желанія преслѣдованія раскольниковъ за ихъ расколничьи убѣжденія, даже не изъ намѣренія мѣрами внѣшняго принужденія расшатывать расколъ и подъ тѣсноту гражданскихъ правъ приводить раскольниковъ въ церковь, а единственно изъ побужденій необходимой защиты самихъ православныхъ отъ раскольничьихъ вторженій,—словомъ, нося только предохранительный характеръ, основывающійся на любви къ немощнымъ чадамъ св. церкви, нуждающимся въ защитѣ, гражданскія мѣры м. Платона противъ раскола не стояли на противорѣчіи и съ евангельскимъ отношеніемъ къ заблуждающимся, даже, напротивъ, предполагались имъ.

Подводимъ итогъ всему доселѣ сказанному о пастырскихъ мѣропріятіяхъ м. Платона противъ московскаго раскола. Изобрѣтателемъ какихъ-либо новыхъ мѣръ Платонъ

---

[1]) Рукопись библіотеки Кіевской духовной академіи, № 57 (Аа., 189), об. 92.

не былъ: въ Московской епархіи онъ примѣняетъ тѣ же мѣры, что и въ Тверской, только съ большею подробностью,— мѣры, въ общемъ своемъ видѣ указанныя еще Большимъ Московскимъ соборомъ. Въ характерѣ же примѣненія этихъ мѣръ онъ является выдающимся среди русскихъ іерарховъ по настойчивому проведенію истинно-евангельскаго воззрѣнія на борьбу съ заблуждающимися, соотвѣтственно своему взгляду на расколъ. Примѣняемыя м. Платономъ противъ раскола мѣры какъ духовныя, такъ и гражданскія были вполнѣ цѣлесообразны, направляясь и противъ общихъ основныхъ причинъ раскола и противъ причинъ отличительныхъ роста его въ Московской епархіи. Значитъ, противораскольничья дѣятельность Платона въ качествѣ московскаго первосвятителя должна, по справедливости, считаться дѣятельностью весьма высокаго достоинства. Благодаря своей умной, энергической, цѣлесообразной противораскольничьей дѣятельности, проникнутой духомъ любви, Платонъ, несомнѣнно, весьма много сократилъ размѣры роста раскола въ Московской епархіи. Безъ ней расколъ достигъ бы несравненно большаго распространенія, чѣмъ это произошло въ дѣйствительности. Воспрепятствовать же совершенно росту раскола въ Московской епархіи за время своего управленія ею, тѣмъ болѣе окончательно обезсилить его, Платонъ не могъ. Въ числѣ причинъ процвѣтанія московскаго старообрядчества были такія, которыя не могли быть захвачены никакою архипастырскою дѣятельностью; таковы отмѣченныя нами ранѣе: тяготѣніе старообрядцевъ къ Москвѣ, снисходительное законодательство Екатерины II, общественное бѣдствіе 1771 года, имѣвшія первостепенное значеніе въ усиленіи раскола въ Москвѣ, а отсюда и въ ея окрестностяхъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить талантливость основателей Преображенскаго и Рогожскаго кладбищъ, непренебрегавшихъ притомъ въ стремленіи къ достиженію своихъ цѣлей никакими средствами, часто прямо безчестными; предосудительное потворство раскольникамъ гражданскихъ чиновниковъ; наконецъ, понятная невозможность быстраго проведенія въ жизнь всѣхъ предпринимаемыхъ м. Платономъ мѣръ къ устраненію невѣжества и уничтоже-

нію питавшихъ расколъ церковныхъ непорядковъ. Словомъ, благія послѣдствія пастырскія мѣропріятія м. Платона противъ московскаго раскола, несомнѣнно, имѣли, но, по независѣвшимъ отъ Платона причинамъ, далеко не тѣ, какихъ они заслуживали по своему высокому достоинству.

Но если слѣдуетъ заключить похвалою архипастырскія мѣропріятія м. Платона противъ московскаго раскола, то подобная же оцѣнка должна быть высказана и по отношенію къ его дѣятельности противъ раскола въ санѣ тверского архіепископа, какъ однородной съ противораскольничьей дѣятельностью на московской каѳедрѣ.

ГЛАВА V.

Дѣятельность митрополита Платона по учрежденію единовѣрія.

Православный характеръ идеи единовѣрія. Идея единовѣрія до м. Платона. Развитіе м. Платономъ въ „Увѣщаніи“ принципіальныхъ основъ единовѣрія и распространеніе ихъ чрезъ то же сочиненіе. Первые случаи проведенія м. Платономъ идеи единовѣрія въ дѣйствительную жизнь. Отрицательное отношеніе м. Платона къ просьбамъ раскольниковъ благословеннаго священства въ письмахъ къ преосвященному Меѳодію. Преступность просьбы московскихъ старообрядцевъ на имя московскаго главнокомандующаго о законной іерархіи. Анализъ сношеній московскихъ старообрядцевъ съ высочайшею властью въ 1799 г., съ показаніемъ вѣрности взгляда на нихъ м. Платона и правильности его сужденій относительно наиболѣе надежнаго практическаго осуществленія идеи принятія старообрядцевъ въ церковь при старыхъ обрядахъ. Историко-критическое обозрѣніе выработки правилъ м. Платона единовѣрія. Окончательное выясненіе намѣреній крайней партіи рогожскихъ раскольниковъ и послѣдствія сего. Роль при этомъ М. Платона. Заботливость м. Платона объ устроеніи для единовѣрцевъ церкви; выборъ священника. Дѣло объ отводѣ единовѣрцамъ кладбища. Отношеніе м. Платона къ распространенію единовѣрія среди уѣздныхъ московскихъ раскольниковъ.

Дѣятельность Московскаго митрополита Платона по отношенію къ единовѣрію тѣсно связана со всею, вообще, исторіею учрежденія въ Москвѣ единовѣрія. Многіе факты, относясь непосредственно къ исторіи московскаго единовѣрія, но не прямо къ дѣятельности м. Платона по единовѣ-

рію, имѣютъ однако значеніе для яснаго представленія объ участіи м. Платона въ единовѣрческомъ вопросѣ. Эти побочные факты составляютъ, такъ сказать, естественный фонъ, при изображеніи котораго виднѣе и понятнѣе самая дѣятельность м. Платона по учрежденію единовѣрія. Поэтому мы считаемъ болѣе удобнымъ разсматривать дѣятельность м. Платона по отношенію къ единовѣрію въ связи съ событіями, сопровождавшими ее. Къ тому же документы, относящіеся сюда, имѣютъ первостепенный интересъ.

Обрядъ не составляетъ неизмѣняемой части христіанской вѣры. Сила его въ православномъ знаменованіи. Если обрядъ выражаетъ правильныя религіозныя идеи, то онъ можетъ быть допущенъ церковью къ употребленію безъ нарушенія чистоты вѣры. Фактовъ, подтверждающихъ высказанное положеніе, въ одной христіанской древности можно найти немало. Исторія передаетъ, что въ единой истинной церкви, въ различныхъ самостоятельныхъ частяхъ ея, нерѣдко даже въ одно и то же время, наблюдалось разнообразіе въ обрядахъ, и миръ церковный чрезъ то не нарушался: помѣстныя церкви съ одними обрядами не осуждали другія церкви помѣстныя, содержавшія иные обряды за одни только различія въ обрядовой области, коль скоро всѣ разнообразные обряды выражали православныя мысли. Довольно на этотъ разъ вспомнить различіе въ богослужебныхъ чинопослѣдованіяхъ, не исключая литургіи[1]), неодновременность празднованія праздниковъ[2]), неодинаковость многихъ соборныхъ постановленій[3]).

[1]) См. Собраніе древнихъ литургій восточныхъ и западныхъ, СПБ., вып. I—V.

[2]) Евсевій Памфилъ. Церковная исторія, СПБ., 1858 г., томъ I, книга V, стр. 280—285.—Другой древній историкъ Созоменъ, повѣствуя о разнообразіи обычаевъ въ различныхъ христіанскихъ церквахъ, замѣчаетъ: „безумно было бы христіанамъ, согласнымъ въ главныхъ пунктахъ вѣрованія, раздѣляться между собою изъ за обычаевъ; ибо во всѣхъ Церквахъ, хотя онѣ исповѣдуютъ одно и то же ученіе, нельзя найти однѣхъ и тѣхъ же по всему сходныхъ, преданій".—Церковная Исторія Эрмія Созомена Саламинскаго, СПБ., 1851 г., книга VII, стр. 517—520.

[3]) Подробныя разсужденія объ этомъ см. въ изслѣдованіи проф. Кипарисова: „О церковной дисциплинѣ", Сергіевъ Посадъ, 1897 г., стр. 146—150.—Здѣсь авторъ приходитъ къ такому заключенію: „едва

Но право измѣнять обряды, оставлять прежніе или вводить новые принадлежало всегда церковной власти, а не частнымъ членамъ церкви. Отсюда тѣ, которые не хотѣли признавать производимыя церковью измѣненія въ обрядахъ и упорно отстаивали свои излюбленныя, обнаруживая неповиновеніе церкви, погрѣшали противъ истиннаго воззрѣнія на измѣняемость обряда и противъ присущаго церкви полномочія производить таковыя измѣненія. Посему справедливо были осуждаемы церковью, какъ неправомыслящіе. Такъ, и вселенскіе и помѣстные соборы осуждали четырнадесятниковъ, не хотѣвшихъ принять постановленія 1-го вселенскаго собора относительно времени празднованія Пасхи[1]), хотя осуждаемые продолжали держаться обычая, до 1-го вселенскаго собора сохранявшагося въ восточныхъ церквахъ[2]).

Поэтому и Большой Московскій соборъ вполнѣ законно осудилъ русскихъ неразумныхъ ревнителей старины, которые, въ слѣпой приверженности къ буквѣ усвоеннаго ими обряда, искажали основной взглядъ церкви на условность и измѣняемость обряда и на право церковной власти производить обрядовыя измѣненія, дойдя до рѣшительнаго непо-

---

ли существуетъ хотя одинъ соборъ, который между всѣми постановленіями не имѣлъ бы такого, цѣлію котораго было измѣненіе существующей дисциплины, установленіе новаго факта, поправку къ дѣйствующей дисциплинѣ и т. п. И это было въ приложеніи къ предметамъ разнообразнаго достоинства,—начиная отъ предметовъ важности совсѣмъ незначительной до предметовъ важности безспорной. Наша Книга правилъ даже къ одному изъ апостольскихъ правилъ, именно 85, имѣетъ такое замѣчаніе: „относительно постановленій Апостольскихъ (которыя это правило, какъ извѣстно, признаетъ подлинными) время и провидѣніе Божіе открыли нужду въ новомъ правилѣ“—разумѣется 2-е правило Трулльскаго собора. Это, конечно, яркій примѣръ дополненія къ правилу, почитающемуся авторитетнымъ“. А м. Платонъ въ одной изъ своихъ инструкцій по поводу правилъ, помѣщенныхъ въ Кормчей, выражается такимъ образомъ: „многія правила относились къ настоящимъ обстоятельствамъ и по временамъ имѣли нужду нѣкоторыя отмѣняемы быть“.— Исторія Московской Славяно-греко-латин. академіи, С. Смирнова, стр. 298.

[1]) 2-го вселенскаго соб. правило 7, Антіохійскаго собора правило 1, Лаодикійскаго соб. правило 7.

[2]) Евсевій Памфилъ. Церковная исторія, томъ I, кн. V, стр. 280—285; срав. т. II, СПБ., 1849 г., кн. 3, стр. 180—183.

виновенія церкви[1]). Расколовожди требовали всецѣлаго возвращенія къ старымъ обрядамъ, изрыгая хулу на новоисправленные книги и обряды, и церковь, принявшую ихъ, называя еретическою. Возвратиться, при этихъ условіяхъ, къ старому церковному порядку значило сознательно вступить на путь погрѣшностей и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить ту мысль, что обрядъ есть нѣчто неизмѣняемое, т. е. укрѣпить во всей русской церкви неправильный взглядъ на обрядъ и осудить ее на рѣшительный религіозный застой.— Съ другой стороны, соборъ 1666 и 67 гг., выходя изъ права церковной власти относительно внѣшней стороны жизни церкви, могъ и дозволить ревнителямъ старины употребленіе старыхъ книгъ и обрядовъ, если бы находилъ къ тому достаточно побужденій, если бы ревнители старины признавали законность введенія исправленныхъ книгъ и обрядовъ и просили оставить имъ старые только по снисхожденію къ ихъ немощной совѣсти; тогда они имѣли бы оправданіе для своей исключительности.

Итакъ, если русская церковная власть XVII вѣка на законномъ основаніи отдѣлила отъ церкви приверженцевъ старины, какъ развивавшихъ неправильное воззрѣніе на обрядъ, не повиновавшихся церкви и порицавшихъ ее за производимыя обрядовыя измѣненія, то столь же законнымъ представляется съ общецерковной точки зрѣнія на обрядъ принятіе въ церковь старообрядцевъ безъ запрещенія упо-

[1]) Т. Филипповъ въ своихъ рѣчахъ о нуждахъ единовѣрія порицалъ Большой Московскій соборъ за запрещеніе старыхъ обрядовъ. Онъ заявлялъ, выражаясь языкомъ св. Писанія: „отцы наши ядоша терпкое, а зубомъ чадъ ихъ оскомины быша“ т. е. отцы наши поступили неправильно, положивши запрещеніе на старые обряды, а мы вынуждены теперь нести на себѣ бремя ихъ ошибокъ (Современные церковные вопросы, СПБ., 1882 г., стр. 347). Но тогда же проф. Нильскимъ, Чельцовымъ, протоіереемъ Васильевымъ (Христіан. Чтеніе 1873 г.—май, іюнь, 1874 г.—іюнь) указаны были должныя границы принципу, на которомъ основывалось его воззрѣніе. Развивая положеніе о широкой свободѣ обряда, Филипповъ забывалъ, кому принадлежитъ право свободнаго выбора богослужебныхъ обрядовъ, упускалъ изъ вида, что только церковь располагаетъ властью въ одно время дозволить, въ другое запретить то или иное изъ внѣшней стороны своей жизни въ соотвѣтствіи съ современными потребностями своихъ членовъ.

требленія излюбленныхъ ими формъ, отмѣненныхъ патріархомъ Никономъ и Большимъ Московскимъ соборомъ, когда они оставили свой узкій взглядъ на обрядъ, признавъ правильными исправленные книги и обряды и, вмѣсто „прекословія“ изъ за нихъ, просили, какъ снисхожденія, разрѣшенія на употребленіе старыхъ обрядовъ.

Мысль о дозволеніи ревнителямъ старины оставаться при старыхъ книгахъ и обрядахъ и находиться въ единеніи съ церковью предносилось сознанію представителей русской церкви съ самаго начала раскола.—Уже патріархъ Никонъ не воспрещалъ протопопу Іоанну Неронову держаться при богослуженіи въ Большомъ Успенскомъ соборѣ старыхъ обрядовъ. Въ „Записках“ о жизни Неронова повѣствуется, какъ нѣкогда старецъ Григорій[1]) заявлялъ патріарху: „иностранные власти нашихъ Служебниковъ не хулятъ но и похваляютъ“, и патріархъ на это отвѣчалъ: „обои де добры—все де равно, по коимъ хощешь, по тѣмъ и служишь“[2]). Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же „Записокъ“ говорится о томъ, что старецъ Григорій умолилъ протопопа съ братіей не четверить аллилуія. „Тіи же послушаша старца, говорили аллилуія на крылосахъ по дважды, въ третье: слава Тебѣ Боже“. И „по вся дни—старецъ... приходилъ въ соборную церковь, и аллилуія на крылосахъ протопопъ и з братіею говори по дважды, и до поѣздки старцовы. Патріархъ же ничтоже имъ глагола“[3]). Далѣе въ покаянномъ своемъ посланіи царю Алексѣю Михайловичу Нероновъ заявляетъ, что онъ на соборѣ „о книгахъ никогда истязанъ“ не былъ[4]), т. е. былъ судимъ собственно не за служеніе по старымъ книгамъ; это служеніе не считалось безусловно предосудительнымъ.

[1]) Отправленный въ ссылку протопопъ Нероновъ бѣжалъ оттуда опять въ Москву и проживалъ тайно у духовника государя. Принявъ иноческій санъ съ именемъ Григорія, онъ явился къ патріарху. Патріархъ отвелъ ему келью на Троицкомъ подворьѣ, надѣясь на его возвращеніе въ церковь. Къ этому времени и относятся событія, разсказанныя въ „Записках о жизни протопопа Нерона“.— Матеріалы для исторіи раскола, изд. Н. Субботинымъ, т. I, Москва, 1875 г., стр. 134—167.

[2]) Матеріалы для исторіи раскола, т. I, стр. 157.

[3]) Тамъ же, стр. 162—163.

[4]) Тамъ же, стр. 243.

Патріархъ Іоакимъ, когда получилъ свѣдѣнія объ отправленіи богослуженія въ Новгородской области по старопечатнымъ книгамъ, нисколько не усомнился въ истинности богослужебныхъ чинопослѣдованій, и только далъ предписаніе на будущее время не совершать богослуженія по старымъ книгамъ[1]).

Въ самомъ началѣ XVIII вѣка старообрядческій инокъ Филаретъ спрашивалъ преподобнаго Исаакія, въ схимѣ Іоанна, основателя Саровской пустыни, нельзя ли устроить у нихъ церковь съ богослуженіемъ по старопечатнымъ книгамъ, „такъ какъ, заявлялъ Филаретъ, мы обыкли по нихъ въ нарѣчіи и во всемъ говорить". Исаакій, подумавъ, далъ отвѣтъ утвердительный: „аще нынѣ къ ней (т. е. къ церкви) приступите и обратитесь съ покаяніемъ и въ познаніе пріидете, тогда и церковь у васъ будетъ, такожде и старопечатнымъ книгамъ можно же быти, понеже бо и въ старопечатныхъ книгахъ, что и въ новонарѣчныхъ печатано, и нѣсть порочны старыя книги, но паче и похвальны, кромѣ того, что отъ неискуства въ нихъ введенныхъ нарѣчій и пословицъ отъ переводчиковъ и переписчиковъ". Самъ обѣщался ходатайствовать о томъ предъ архіереями, убѣдилъ Филарета присутствовать при православномъ богослуженіи, употребляя старые обряды и книги; и Филаретъ дѣйствительно стоялъ на клиросѣ, въ церкви Исаакія, „чтяше и пояше по обыкности своей по старорѣчію"[2]).

Въ 1738 году на имя Астраханскаго преосвященнаго Иларіона послѣдовало прошеніе отъ терскихъ казаковъ. Какъ видно изъ прошенія, казаки еще во времена Петра I подвергались насмѣшкамъ за ношеніе бороды, за свое платье и двуперстное сложеніе, но великій императоръ тогда же

---

[1]) Дополненіе къ Актамъ Историч., т. VII, № 63.

[2]) „Іеросхимонаха Іоанна, основателя Саровской пустыни, сказаніе о обращеніи раскольниковъ заволжскихъ 1700—1705 г.": Братское Слово 1875 г., т. I, № 3, стр. 494—498.—Оригиналъ рукописи помянутаго „Сказанія" находится въ Саровской пустынѣ. Копія съ него есть въ Хлудовской библіотекѣ. Съ этой послѣдней „Сказаніе" напечатано проф. Субботинымъ въ Братскомъ Словѣ. Содержаніе „Сказанія" передано Сахаровымъ въ Прав. Обозр. 1874 г., т. III, № 11—12, Субботинымъ въ Душеполезномъ Чтеніи 1903 г., №№ 10—12.

назвалъ эти обычаи ихъ „дѣломъ маломочнымъ“, и они потомъ даже принимали присягу двуперстно. Несмотря на давность существованія у нихъ двуперстія, хожденія посолонь, священникъ ихъ Ѳедоръ Ивановъ, побуждаемый своимъ сыномъ, священникомъ Аѳанасіемъ Ѳедоровымъ, сталъ требовать отъ казаковъ отказаться отъ указанныхъ обычаевъ. Вслѣдствіе сего казаки и обратились къ архіепископу. Преосвященный Иларіонъ отправилъ особый указъ, съ цѣлью убѣжденія казаковъ принять троеперстіе. Въ отвѣтъ на него къ преосвященному Иларіону явились уполномоченные терскихъ казаковъ съ личнымъ ходатайствомъ за двуперстіе; въ остальномъ они не противились великороссійской церкви. Преосвященный согласился на просьбу казаковъ: „нынѣ вамъ въ двоеперстномъ крестѣ до указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода уступаемъ, а о томъ Святѣйшему Правительствующему Синоду со мнѣніемъ своимъ предлагать будемъ, ибо оного мнѣ самому учинить не возможно“. Впослѣдствіи къ казакамъ посылаемъ былъ священникъ для увѣщанія, но безуспѣшно. Въ 1744 г. благочинный доносилъ, что казаки состоятъ „въ немаломъ расколѣ“, и этотъ расколъ онъ усматривалъ въ томъ, что казаки „изображеніе креста знаменуютъ на себѣ двоеперстнымъ, а не троеперстнымъ сложеніемъ“. Консисторія стала угрожать казакамъ „не токмо духовнымъ, но и гражданскимъ наказаніемъ“, „если паки въ своемъ двоеперстіи и упряметвѣ будутъ“. Но казаки дали подписку, что никакого раскола у нихъ нѣтъ и не было: „объявляемъ, в нашемъ гребенскомъ войскѣ расколу не имеетца, ибо какъ отцы наши и дѣды и прадѣды издревле состояли въ православной вѣре христіянской и крестились двоеперстнымъ крестомъ, такоже и мы“. Убѣдившись въ православіи казаковъ, архіепископъ Иларіонъ указами предписалъ священникамъ станицъ, чтобы они „въ изображеніи троеперстнаго сложенія креста принужденія и нападковъ не чинили и взятковъ бы никакихъ съ нихъ не брали, понеже у нихъ кромѣ креста иного расколу никакого нѣтъ“. Относительно же самого двуперстія преосвященный Иларіонъ замѣтилъ, что въ немъ „находится не весьма великой расколъ“. Словомъ, преосвященный Иларіонъ

считалъ возможнымъ единеніе казаковъ съ православною церковью и при двуперстіи, уступая ихъ привычкѣ, въ виду православнаго значенія двуперстія[1]).

Въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II распространился слухъ, оказавшійся впослѣдствіи невѣрнымъ, будто заграничные раскольники согласны возвратиться въ Россію и присоединиться къ церкви, если имъ будутъ оставлены старые обряды. По этому случаю членами Св. Синода, митрополитомъ Новгородскимъ Димитріемъ Сѣченовымъ и Псковскимъ епископомъ Гедеономъ Криновскимъ, составлено было „разсужденіе“[2]). Признавая наиболѣе „пристойнымъ“ для церкви, чтобы чада ея при единствѣ догматовъ вѣры „и въ самыхъ бы обрядахъ единый видъ имѣли и (вообще) ничѣмъ бы другъ отъ друга не разнствовали“, синодальные члены однако заявляютъ, что обряды не тожественны по своему значенію съ догматами вѣры, что „они не составляютъ существа спасенія человѣческаго“. Если же спасаетъ человѣка „не перстное сложеніе“ и „не число просфоръ“, если „въ тогожъ Бога вѣрить учатъ старыя и новыя книги“, то члены Св. Синода не видятъ основаній къ запрещенію употреблять ихъ тѣмъ изъ заблуждающихся, которые „намѣреніе и желаніе“ имѣютъ „въ соединеніе прійти не инако, какъ только (съ тѣмъ), чтобъ оставлены были при нихъ нѣкоторые за обыкновенные у нихъ обряды, какъ-то: седмь просфоръ, сложеніе двуперстное..., хожденіе по солицу, чтеніе по старопечатнымъ книгамъ“, обѣщаясь во всемъ прочемъ, особенно въ догматахъ вѣры „мудрствовать и содержать по мудрствованію и содержанію православныхъ“. Снисхожденіе къ заблуждающимся въ обрядовой области представляется имъ еще болѣе необходимымъ, въ виду возможныхъ для заблуждающихся худшихъ послѣдствій при ихъ невѣжествѣ: „лучше попустя имъ то (когда уже инако быть

[1]) Документы, содержащіе изложенныя свѣдѣнія, напечатаны въ Кавказскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1875 г., № 10, стр. 326—337. Они заимствованы изъ Ставропольской духовной консисторіи, куда были переданы изъ Астраханской, вскорѣ послѣ учрежденія самостоятельной Ставропольской епархіи.

[2]) Оно напечатано въ Братскомъ Словѣ 1883 г., № 5, стр. 229—239, съ замѣчаніями Н. И. Субботина.

не можно), спасти ихъ души присоединеніемъ къ святой церкви, нежели, не попущая, оставить заблуждать и погибать". Въ противномъ случаѣ выйдетъ разореніе заповѣди Божіей за преданія человѣческія.

Итакъ мысль о возможности единенія старообрядцевъ съ церковью при соблюденіи старыхъ книгъ и обрядовъ высказывалась гораздо ранѣе м. Платона, высказывалась, начиная отъ самой эпохи происхожденія раскола и доходя до дней Платона. Только эта идея выражалась не вполнѣ въ ясной, опредѣленной формѣ и не имѣла настоящаго своего практическаго приложенія.

То и другое выпало на долю Платона. Платонъ первый съ ясностью развилъ мысли о возможности единовѣрія и произвелъ сильное вліяніе на осуществленіе ихъ въ дѣйствительности, особенно благодаря благопріятному собственному настроенію старообрядцевъ.

Къ началу 2-й половины XVIII вѣка среди раскольниковъ стала замѣтнѣе ощущаться потребность въ полной іерархіи. Она развивалась подъ вліяніемъ безобразій бѣглыхъ поповъ, трудности сманиванія ихъ, наконецъ, и принципіальной мысли, что безъ епископа церкви быть не можетъ. Какъ бы въ отвѣтъ на назрѣвшее желаніе старообрядцевъ найти себѣ архіерея, являются одинъ за другимъ самозванцы. Бѣжавшій съ дороги колодникъ, разстрига Епифаній, выдаетъ себя среди старообрядцевъ за истиннаго архіерея и святотатственно творитъ поставленія во діаконы и попы (1725—1735[1]). Черный діаконъ Амвросій принимается рас-

[1]) Полное историческое извѣстіе о расколѣ, Іоаннова, ч. III, стр. 25—41; ч. IV, стр. 105. Книга монаха Виталія о церкви и старообрядцахъ, рукопись библіотеки Кіевской дух. академіи, по „Описанію рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ" Н. И. Петрова, вып. 1, № 96 (Аа., 128), об. 81, об. 93.—Рукопись нѣкогда принадлежала библіотекѣ Михайловскаго Никодимова монастыря, затѣмъ м. Макарію. Первыя 13 главъ ея напечатаны въ Христіанскомъ Чтеніи 1854 г., ч. I, стр. 396—436. Ненапечатанными остаются доселѣ главы 14—17. Самая интересная изъ нихъ глава 14 „о поискѣ старообрядцевъ стариннаго себѣ архіерея" (об. 72—об. 143). Содержаніе ея передавалось многими изслѣдователями раскола: м. Макаріемъ (Исторія Русскаго раскола), Мельниковымъ (Очеркъ поповщины), недавно Скворцовымъ (Православ. Путеводитель 1903 г., іюль, августъ) и другими.

кольниками за епископа Аѳиногена, будто бы поставленнаго Сибирскимъ митрополитомъ Антоніемъ. Чернецъ Аѳимъ пріобрѣтаетъ санъ архимандрита отъ Аѳиногена и потомъ (1753 г. 11 апрѣля) въ условленное время (въ великій четвергъ) возлагаетъ на себя архіерейское облаченіе, въ полной увѣренности, что молитвы хиротоніи читаетъ надъ нимъ въ этотъ моментъ Аѳиногенъ. А Аѳиногенъ, къ стыду старообрядцевъ, къ тому времени уже обрилъ бороду, снялъ рясу и поступилъ въ польскій полкъ[1]).—Появленіе самозванныхъ архіереевъ и поставленныхъ ими поповъ убѣждало старообрядцевъ въ необходимости отыскать для себя законнаго архіерея. И они истощали средства на пріобрѣтеніе такого архіерея: домогались его за границей[2]), искали въ Россіи[3]), хотѣли сами себѣ поставить епископа мощами какого-либо святителя—главою св. Іоанна Златоуста или рукою митрополита Іоны или Филиппа, но всѣ ихъ старанія оставались безуспѣшными, то вслѣдствіе несогласія православныхъ архіереевъ удовлетворить ихъ желанію, то по причинѣ возникавшихъ внѣшнихъ препятствій[4]), то, наконецъ, вслѣдствіе разногласія въ средѣ самихъ старообрядцевъ, изъ какого общества избирать кандидата—изъ безпоповцевъ или поповцевъ, кто молитвы читать будетъ при хиротоніи, бѣглый попъ или безпоповщинскій наставникъ; при поставленіи рукою или главою какого-либо святого,—согласенъ ли будетъ на такое посвященіе святитель и т. д.[5]).

Указанныя обстоятельства создавали весьма удобную почву въ старообрядческомъ мірѣ для открытія единовѣрія. Писатель эпохи возникновенія единовѣрія, монахъ Виталій

---

[1]) Іоанновъ. Полное истор. извѣстіе о расколѣ, ч. IV, стр. 23—46. Книга монаха Виталія, рукопись библіотеки Кіевской духовной академіи, № 96, об. 93--об. 104.

[2]) Въ Греціи, въ Яссахъ, у Грузинскаго архіепископа Аѳанасія, въ Польшѣ—у греческаго митрополита Евсевія.

[3]) Предлагали перейти къ нимъ Тихону Воронежскому, Іоанникію Олонецкому, просили себѣ епископа у Крымскаго митрополита.

[4]) Въ Грузію, напримѣръ, не получили пропуска по наставшимъ тамъ политическимъ замѣшательствамъ.

[5]) Книга монаха Виталія, рукоп. библ. Кіевской духовной академіи, № 96, об. 78—об. 81; об. 104—об. 111.—Полное историческое извѣстіе о расколѣ, Іоаннова, ч. II, стр. 93—100; ч. IV, стр. 104—107.

въ этомъ, именно, смыслѣ изображаетъ религіозное настроеніе своихъ единомысленниковъ предъ появленіемъ единовѣрія. По его словамъ, „в стародубскихъ слободахъ и в протчихъ мѣстахъ книжниковъ и начетчиковъ, начальниковъ и руководителей, и самозванниковъ священное писаніе и правилы соборные непрестанно тревожили и приводили весь покой ихъ въ смущеніе и замѣшательство, и тревожила совѣсть внутрь обличающая ихъ, потому что всюду видѣли вопіющіе законы сопротивное имъ..., что церковь и священство, истинное христіанство безъ священноначальниковъ быть и существовать благодатію святаго Духа не можетъ. А наипаче всего приводитъ въ чювство народъ и обнажаетъ прелесть ихъ вышеписанное Архипастырство тѣхъ лживыхъ самозванцовъ и весьма опасное отъ соборной церкви бѣглое и безблагодатное священство, яко то на великой вредъ душамъ человѣческимъ[1]).

Отъ такого состоянія религіознаго раздумья и неудовлетворительности переходъ къ желанію искать разрѣшенія своихъ недоумѣній у высшихъ представителей православной церкви являлся вполнѣ естественнымъ. Оставалось только воспользоваться случаемъ—пойти на встрѣчу открывшейся нуждѣ старообрядцевъ и дать ей то направленіе, при которомъ она могла бы окончиться благими послѣдствіями для церкви. „Увѣщаніе“ м. Платона по своему содержанію дѣйствительно явилось лучшимъ отвѣтомъ на назрѣвшіе запросы въ старообрядчествѣ. Въ немъ настойчиво раскрывалась мысль, что новыя и старыя книги въ одного и того же Бога учатъ вѣровать, что тѣ и другіе обряды хороши, коль скоро выражаютъ православныя истины, и что церковь всегда готова принять заблуждающихся въ свои объятья, оставивши имъ старые обряды, если только они пожелаютъ вступить въ общеніе съ нею. И всѣ эти мысли, какъ мы замѣтили при разборѣ „Увѣщанія“, изложены были Платономъ съ большою убѣдительностью, глубокимъ чувствомъ и въ доступной формѣ. Неудивительно, если „Увѣщаніе“ при своихъ достоинствахъ, при собственной подготовкѣ раскольниковъ къ воспріятію его идей, произвело сильное, даже, полагаемъ, рѣ-

[1]) Рукоп. библ. Кіевской дух. академіи, № 96, л. и об. 121; ср. л. 123.

шающее вліяніе на умы лучшей части раскольниковъ. Это была искра, брошенная въ готовый горючій матеріалъ; коснулась его и—матеріалъ вспыхнулъ: разсужденія о пріобрѣтеніи законнаго священства сдѣлались злобою дня для старообрядцевъ, мысль объ удовлетвореніи важнѣйшей религіозной нужды чрезъ сношеніе съ высшей властью русской церкви получила распространеніе среди старообрядцевъ; идея единовѣрія взволновала весь старообрядческій міръ.

Такъ, несомнѣнно, происходило въ стародубскихъ слободахъ. По разсказу монаха Виталія, главный дѣятель въ учрежденіи единовѣрія въ Стародубьѣ, инокъ Никодимъ, къ мысли относительно единенія съ православною церковью пришелъ, „размышляя в себѣ и собирая прочихъ окрестныхъ мѣстъ народа мнѣніи“ о „пореченіи“ Симеона Солунскаго: „без епископа законнаго, соборной церкви быть никакъ невозможно“. Это убѣжденіе усилилось у него подъ вліяніемъ совѣта графа Румянцева-Задунайскаго просить законнаго священства для себя у Св. Синода и увѣренія графа оказать свое содѣйствіе начинаніямъ Никодима. Но совѣтъ графа все-таки оставался безпочвеннымъ для Никодима, потому что не носилъ характера совѣта, исходящаго отъ церковной власти. Никодимъ при немъ одномъ не надѣялся на успѣшное воздѣйствіе на народъ, особенно зная „неукротимое свирѣпство“ слобожанъ и привычку ихъ „къ расколамъ и ко всякому буйству“. Окончательный поворотъ въ мысляхъ Никодима, рѣшеніе просить законной іерархіи у Св. Синода созрѣло лишь подъ впечатлѣніемъ чтенія „увѣщательной книжицы преосвященнаго Платона изданной отъ Святѣйшаго Синода, гдѣ написано снисходительно ко всѣмъ старообрядцемъ отлучившимся соборныя церкве, дабы всякъ небоязненно подавалъ письменно и словесно мнѣніе свое пастыремъ церковнымъ, кто чево требуетъ“. „Увѣщаніе“ воодушевило Никодима „смѣлостью и дерзновеніемъ“ къ тому, чтобы увѣрять слобожанъ, что имъ „точно дано будетъ отъ Святѣйшаго Синода свободное священство“ согласно ихъ просьбѣ, „на всѣхъ старинныхъ обрядахъ“[1]).

[1]) Книга монаха Виталія, рукопись библіотеки Кіевской дух. академіи, № 96, л. 123—об. 124.

Переписка инока Никодима и его единомысленниковъ по дѣлу объ единовѣріи пополняетъ замѣчанія монаха Виталія о значеніи „Увѣщанія“ для устроенія единовѣрія. Въ „перепискѣ“ неоднократно „Увѣщаніе“ приводится, какъ главное основаніе для обращенія старообрядцевъ за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній къ представителямъ православной церкви.—Уже въ довѣренности Никодиму слобожане заявляютъ: „чувствуя, что св. правительствующій Синодъ содержимыя нами и за свято почитаемыя, какъ двуперстное сложеніе, такъ и прочіе старинные обряды церковные, благосклонно признаетъ не разрушающими ни Слова Божія, ни догматовъ, ни правилъ церковныхъ, при чемъ сожалѣя о насъ, дозволяетъ въ напечатанной въ 1767 году книжицѣ Увѣщаніи на листѣ 82 каждому изъ отлучившихся церкви желаніе свое письменно выяснять пастырямъ церковнымъ въ разсужденіи сего и возымѣли мы смѣлость св. правительствующій Синодъ всепокорнѣйше просить“[1]) и т. д.

Приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ говорится объ „Увѣщаніи“ въ прошеніи инока Никодима въ Св. Синодъ отъ 5 января 1784 г. „А какъ чувствуемъ, что св. правительствующій Синодъ, сожалѣя о насъ дозволяетъ въ напечатанной въ 1767 г. книжицѣ Увѣщаніи на листѣ 82 каждому изъ отлучившихся старообрядчества ради Грекороссійской церкви, желаніе свое изъяснять пастырямъ церковнымъ, при чемъ и содержимыя нами и за свято почитаемыя какъ двухперстное въ изображеніи креста святаго сложеніе, такъ и прочіе старинные обряды церковные признаетъ неразрушающими ни Слова Божія, ни догматовъ вѣры, ни правилъ седьми вселенскихъ соборовъ и девяти помѣстныхъ, потому и осмѣливаемся св. правительствующій Синодъ всепокорнѣйше просить“[2]).

На „Увѣщаніе“, какъ на основаніе для своихъ дѣйствій, опираются старообрядцы въ прошеніяхъ, поданныхъ нѣкоторымъ вліятельнымъ частнымъ лицамъ: самому митропо-

---

[1]) Переписка старца Никодима и его единомысленниковъ по дѣлу о единовѣріи 1781—1787 г., напеч. въ Православ. Обозрѣніи 1867 г., т. XXII, апрѣль, стр. 515.

[2]) Тамъ же, стр. 526.

литу Платону, Петербургскому митрополиту Гавріилу и князю Потемкину, на помощь которыхъ разсчитывали въ дѣлѣ устроенія единовѣрія. Въ прошеніи м. Платону (8 декабря 1783 г.) инокъ Никодимъ видитъ „неоспоримое доказательство отличнаго усердія“ московскаго святителя „о соединеніи церковномъ въ разсужденіи изданныя въ 1767 г. книжицы Увѣщанія“, а 82 листъ ея выставляется имъ основаніемъ для изъясненія пастырямъ церковнымъ желанія старообрядцевъ „посредствомъ снисхожденія къ немощнѣйшимъ изліять“ на нихъ „высокую свою милость“, т. е. принять ихъ въ лоно церкви съ оставленіемъ старыхъ обрядовъ, на условіи прописанныхъ Никодимомъ 12 пунктовъ.— Изъ другихъ прошеній для насъ наибольшій интересъ имѣетъ прошеніе на имя м. Гавріила отъ 4 ноября 1787 г.[1]). Изнемогши отъ неудачныхъ хлопотъ о благословенномъ священствѣ, старообрядцы (Иринархъ съ братіей) настойчиво просятъ первенствующаго члена Св. Синода „помянуть обѣщанія свои какъ на словахъ, такъ и въ печать произведенныя“: „въ книжицѣ Увѣщанія (листа 85), что всѣ ихъ сомнѣнія будутъ рѣшены“. Ходатайствуя о благословенномъ священствѣ, они основаніемъ для снисхожденія

---

[1]) Переписка старца Никодима и его единомысленниковъ по дѣлу о единовѣріи: Православное Обозрѣніе 1867 года, т. XXII, апрѣль, стр. 518—519.—Въ раннѣйшемъ прошеніи старообрядцевъ на имя м. Гавріила отъ 28 декабря 1783 г. о значеніи „Увѣщанія“ для просителей говорится въ выраженіяхъ, почти тождественныхъ съ вышеупомянутымъ прошеніемъ м. Платону отъ 8 декабря 1783 года: „извѣстное вашего святѣйшества ко всѣмъ великодушіе и разныя архипастырскія о соединеніи церковномъ попеченія въ разсужденіи изданныя 1767 года книжицы „Увѣщанія“ есть неоспоримое доказательство отличнаго усердія. Въ которой книжицѣ на листѣ 82 каждому изъ отлучившихся Грекороссійской церкви дозволяется свои изъяснять пастырямъ церковнымъ желанія. Въ разсужденіи сего изъ числа общества нашего“ и т. д... просятъ быть въ церковномъ единеніи „при старообрядчествѣ“ своемъ чрезъ посредство 12 пунктовъ (тамъ же, стр. 523).—Въ прошеніи князю Потемкину старообрядцы, отмѣчая „матернее Ея Императорскаго Величества отличное великодушіе“, проявившееся „чрезъ изданную въ 1767 году книжицу „Увѣщаніе“, руководятся опять „Увѣщаніемъ“ („возымѣли смѣлость“) для изъясненія своихъ желаній пастырямъ церковнымъ (тамъ же, стр. 524).

въ среднихъ вещахъ, между прочимъ, выставляютъ опять изданную отъ лица Св. Синода книжицу „Увѣщаніе“[1]).

Очень возможно, что „Увѣщаніе“ имѣло вліяніе на самыя первыя попытки фактическаго учрежденія единовѣрія, хотя онѣ и кончились неудачно. Мы разумѣемъ присоединеніе къ церкви старообрядцевъ селенія Знаменки, Херсонской губерніи, Словенскимъ архіепископомъ Никифоромъ Θеотоки, бывшимъ потомъ Астраханскимъ, на правахъ единовѣрія. Что побудило указанныхъ старообрядцевъ обратиться къ преосвященному Никифору за благословеннымъ священствомъ, точныхъ историческихъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. Предположеніе же, что они, какъ выходцы изъ Молдавіи, гдѣ стояли въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ православнымъ епископамъ, не имѣли свойственнаго другимъ раскольникамъ предвзятаго мнѣнія о православной церкви[2]), хотя нѣсколько проливаетъ свѣтъ на это обстоятельство, все-таки въ достаточной мѣрѣ не объясняетъ его. Нѣтъ ничего удивительнаго, если признать, что и эта часть старообрядцевъ была увлечена къ единенію съ св. церковью „Увѣщаніемъ“ м. Платона. Неизвѣстнымъ знаменитое полемическое сочиненіе не могло оставаться для знаменскихъ раскольниковъ. Если же согласиться, что они ранѣе были расположены къ православной іерархіи, то „Увѣщаніе“ должно было произвести на нихъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ даже на стародубскихъ жителей. Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что преосвященный Никифоръ, послѣ изданія Св. Синодомъ „Увѣщанія“, не считалъ уже нужнымъ обращаться къ высшей церковной власти за предварительнымъ разрѣшеніемъ присоединенія старообрядцевъ на началахъ извѣстнаго впослѣдствіи единовѣрія. Возможность этого факта была для него необходимымъ послѣдствіемъ того взгляда на обрядовыя разности, какой былъ высказанъ м. Платономъ въ изданномъ отъ лица Св. Синода „Увѣщаніи“, который вполнѣ согласовался съ апостольскимъ и святоотеческимъ ученіемъ объ этомъ предметѣ. Посему какъ

[1]) Переписка старца Никодима: Православное Обозрѣніе 1867 г., т. XXIII, май, стр. 60, 62.

[2]) Братское Слово 1892 г., т. I, стр. 129.

въ письмѣ своемъ м. Гавріилу, такъ впослѣдствіи въ „Краткомъ повѣствованіи о обращеніи раскольниковъ селенія Знаменки", препровожденномъ въ Св. Синодъ, преосвященный Никифоръ ссылался, между прочимъ, и на „Увѣщаніе"[1]).

Изъ сказаннаго видно, что, хотя всецѣло православная идея единовѣрія высказывалась гораздо ранѣе м. Платона, но, именно, Платону принадлежитъ своевременное, болѣе ясное раскрытіе въ „Увѣщаніи" положеній, изъ которыхъ съ необходимостью вытекала мысль о возможности единенія старообрядцевъ съ церковью при старыхъ обрядахъ, и что чрезъ посредство своего полемическаго сочиненія Платонъ произвелъ сильное вліяніе на фактическое осуществленіе идеи единовѣрія.

Высказавши съ ясностью въ „Увѣщаніи" высокопросвѣщенный взглядъ на обрядъ, Платонъ не остался при одной теоріи возможности единенія старообрядцевъ съ православною церковью при сохраненіи ими дониконовскихъ обрядовъ и книгъ. Уже въ документахъ Тверской епархіи, на заявленіе желавшихъ присоединиться къ св. церкви раскольниковъ съ сохраненіемъ старыхъ обрядовъ, мы встрѣчаемъ знаменательную резолюцію архіепископа Платона „о попущеніи имъ (т. е. обращавшимся изъ раскола) крестное знаменіе по разрѣшительномъ Св. Синода дозволеніи употреблять по прежнему", принимая тайны въ той церкви православной, въ какой пожелаютъ, у священника по собственному выбору[2]). Къ сожалѣнію, собственноручнаго подлинника этой интересной резолюціи мы не отыскали. Въ дѣлѣ значится только „выписка изъ резолюціи Архіепископа Платона подъ № 1221". Быть можетъ, самая резолюція была положена на журналѣ консисторіи по этому дѣлу. Также мы не располагаемъ свѣдѣніями касательно исполненія этой

---

[1]) Оригиналъ письма и „Краткой повѣсти" находится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, рукопись № 194, л. 146—об. 147, л. 154—167.—Оригиналъ писанъ на латинскомъ языкѣ; къ нему приложенъ русскій переводъ, который съ незначительными измѣненіями напечатанъ въ Братскомъ Словѣ 1892 г., т. I, стр. 121—123, 128—138.

[2]) Архивъ Тверской духовной консисторіи, дѣло по Успенскому собору г. Ржева 1772 г., № 54, л. 15—16.

резолюціи. Было ли по ней представленіе въ Св. Синодъ и какъ отнесся послѣдній къ принятію Платономъ раскольниковъ въ церковь съ допущеніемъ старыхъ обрядовъ, мы лишены возможности высказаться съ надлежащею рѣшительностью, по отсутствію необходимыхъ свѣдѣній. Впрочемъ наибольшую степень важности въ указанномъ фактѣ имѣетъ для насъ то, что сохранилось, именно, распоряженіе Платона о присоединеніи къ церкви раскольниковъ съ оставленіемъ для нихъ наиболѣе важнаго изъ старыхъ обрядовъ—двуперстія. Приведенный фактъ во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что Платонъ еще въ санѣ тверского архіепископа благопріятно относился къ принятію раскольниковъ въ церковь съ оставленіемъ для нихъ старыхъ обрядовъ.

Въ томъ же духѣ дѣйствуетъ преосвященный Платонъ въ санѣ московскаго первосвятителя. Тутъ постепенно, но съ глубокимъ пониманіемъ дѣла, уясняется Платономъ и сужденіями и дѣйствіями, какъ и въ какихъ предѣлахъ могла быть проведена въ дѣйствительную жизнь идея единовѣрія. Обращаемся къ фактамъ.—Въ 1781 году изъ Стародубья отправлялся въ Москву, на родину, а оттуда въ Петербургъ, монахъ Рождественскаго монастыря Герасимъ Князевъ, томимый сомнѣніями о бѣгломъ священствѣ и мыслью о присоединеніи къ грекороссійской церкви. Этимъ случаемъ поспѣшилъ воспользоваться извѣстный дѣятель по единовѣрію, инокъ Никодимъ. Совѣтуясь съ Герасимомъ, какъ имъ начать свое дѣло, онъ просилъ его въ посѣщеніе столицъ освѣдомиться съ мнѣніемъ представителей русской церкви[1]). Герасимъ, прибывъ въ Москву, „немедленно явился (къ) преосвященному Платону Архіепископу, пересказовалъ ему о своемъ умышленіи и просилъ наставленія“. И „Преосвященный слышавше похвалилъ яко дѣло добро и Божіе есть“[2]), т. е. одобрилъ начинаніе стародубцевъ.

Герасимъ, нѣтъ сомнѣнія, свой разговоръ съ Платономъ и другими потомъ архипастырями въ Петербургѣ по-

[1]) Рукописная книга монаха Виталія, об. 124—л. 125. Переписка старца Никодима: Правосл. Обозр. 1867 г. апрѣль, стр. 506—507.

[2]) Рукописн. книга монаха Виталія, л. 125.

вѣдалъ московскимъ собратіямъ. Возможно, далѣе, что послѣдніе, какъ также занятые мыслью „о законномъ священствѣ на старые обряды", поспѣшили воспользоваться благопріятнымъ отношеніемъ къ Герасиму представителей русской церкви, чтобы предупредить своихъ соперниковъ—стародубцевъ и пріобрѣсти архіерея для Москвы вмѣсто Стародубья. Дѣйствительно, изъ письма Платона къ Никифору Ѳеотоки[1]) мы узнаемъ, что какіе-то старообрядцы ранѣе 23 сентября 1781 г. обращались къ преосвященному Платону и въ Св. Синодъ съ своими замыслами. Полагаемъ, что это были старообрядцы Московской епархіи, обращавшіеся къ Платону, какъ къ мѣстному архіепископу. Но какъ самъ преосвященный Платонъ, такъ и Св. Синодъ, членомъ котораго тогда состоялъ московскій святитель[2]), на этотъ разъ отказали раскольникамъ[3]). Причина отрицательнаго отношенія къ до-

[1]) Приложеніе № 1, л. 168—169.—Указываемые нами въ цитатахъ листы изъ приложеній относятся къ размѣткѣ по листамъ, помѣчаемой нами на поляхъ въ приложеніяхъ и соотвѣтствующей размѣткѣ документовъ по листамъ въ подлинникахъ.

[2]) Преосвященный Платонъ присутствовалъ въ Св. Синодѣ до 1782 года.

[3]) Г. Нечаевъ, стараясь оправдать заимствованный имъ у предшествующихъ изслѣдователей отрицательный взглядъ на отношеніе м. Платона къ учрежденію единовѣрія, не довѣряетъ ни перепискѣ старца Никодима объ одобреніи м. Платономъ начинаній Герасима, ни свидѣтельству монаха Виталія, книги котораго онъ однако не читалъ, а знакомъ съ нею только чрезъ посредство Муравьева, м. Макарія и пр. Верховскаго,—авторовъ, нужно замѣтить, признававшихъ правдивость повѣствованія единовѣрческаго писателя. Положительнымъ свидѣтельствамъ очевидцевъ и участниковъ событій онъ предпочитаетъ собственное произвольное предположеніе, будто въ письмѣ преосвященнаго Платона къ архіепископу Никифору Ѳеотоки отъ 23 сентября 1781 года рѣчь идетъ о стародубцахъ и что, именно, къ нимъ относятся слова: „просили они у меня, просили у Св. Синода, но по весьма серьезнымъ соображеніямъ имъ было отказано" (Православный Собесѣдникъ 1903 года, іюль—августъ, стр. 48—49). „Догадку" свою объ отрицательномъ отношеніи м. Платона къ ходатайству Герасима Нечаевъ подкрѣпляетъ отсутствіемъ упоминанія имени Платона въ прошеніи Никодима м. Гавріилу, что будто бы неестественно при упоминаніи другихъ лицъ, „обѣщавшихъ Герасиму оказать отеческое милосердіе" (тамъ же, стран. 51) Помимо странности отношенія къ свидѣтельствамъ очевидцевъ и участниковъ событій—отрицанія ихъ безъ всякихъ основаній, должно замѣтить еще слѣдующее. Какъ видно изъ прошеній инока

могательствамъ старообрядцевъ объясняется отчасти въ самомъ письмѣ. Для Платона не составляло тайны настроеніе московскихъ старообрядцевъ, намѣренія, съ которыми они обращались къ нему и въ Синодъ. Платону были извѣстны какъ „нравы ихъ“, такъ и дурныя послѣдствія, которыя могли произойти изъ удовлетворенія желаній просителей. Онъ опасался за соблазнъ, который могъ возникнуть, вслѣдствіе полученія старообрядцами іерархіи отъ господствующей церкви.

Отъ подобнаго соблазна архіепископъ Платонъ предостерегалъ и преосвященнаго Никифора. Получивъ письмо Никифора касательно священника, котораго московскій ар-

---

Никодима м. Гавріилу и князю Потемкину, до 10 сентября 1781 г. прошеній отъ стародубскихъ старообрядцевъ въ Св. Синодѣ не было; отъ 10 сентября 1781 г. стародубцы только обѣщаются обратиться съ таковыми прошеніями въ Св. Синодъ: „и когда прошеніе отъ насъ съ объявленіемъ нашего желанія подано будетъ на разсмотрѣніе вашему высокопреосвященству, потомъ въ святѣйшій Синодъ, тогда уже высокопреосвященнѣйшій владыко, начатой къ намъ изливаться вашей архипастырской милости не пресѣцая, окончательно оной изліянной быть благоволите“ (Правосл. Обозр. 1867 г., т. XXII, стр. 507). Въ прошеніи отъ того же числа и года кн. Потемкину читаемъ: „какъ ваша свѣтлость равномѣрно святѣйшіе архипастыри и высокопреосвященнѣйшіе отцы къ намъ бѣдствующимъ щедро отеческое милосердіе оказать обѣщались, только бы отъ насъ прошеніе въ св. Синодъ вступило. Въ надеждѣ такихъ оказуемыхъ милостей мы и остались, и сочиня прошеніе со объясненіемъ нашихъ желаній имѣемъ всепокорнѣйше вашей свѣтлости на разсмотрѣніе и потомъ въ св. Синодъ представить оное“ (тамъ же, стр. 508). А отъ 10 сентября до 23 срокъ слишкомъ незначительный для событій такихъ важныхъ и по существу не требовавшихъ спѣшности, какъ подача старообрядцами въ Св. Синодъ прошенія, обсужденіе его Св. Синодомъ и т. п. Если же до 23 сентября 1781 г. собственно въ Синодъ стародубскіе ходатаи по дѣлу объ единовѣріи еще не обращались, то, слѣдовательно, и не къ стародубскимъ раскольникамъ относится выраженіе пастыря московскаго въ письмѣ къ архіепископу Словенскому.—Недоумѣніе же Нечаева, почему въ прошеніи м. Гавріилу, наряду съ именами Иннокентія Псковскаго, князя Потемкина, самого м. Гавріила, нѣтъ имени м. Платона, разрѣшается просто тактичностью Никодима. Гавріилъ, какъ извѣстно, находился въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ Платономъ (Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія 1877 г., мартъ, стран. 58—60, примѣчаніе), а потому и упоминаніе имени московскаго архіепископа въ прошеніи Гавріилу скорѣй могло вредить дѣлу, чѣмъ облегчать успѣхъ.

хіепископъ считалъ недостойнымъ сана за его нетерпимыя преступленія и котораго однакоже новообращенные раскольники избрали себѣ въ пастыри, Платонъ вынесъ заключеніе, что „обращеніе ихъ было не чистосердечное“, такъ же, какъ московскихъ старообрядцевъ; иначе, казалось Платону, они нашли бы себѣ иного священника. При нечистосердечности же обращенія знаменскихъ старообрядцевъ, изъ принятія ихъ въ церковь съ дозволеніемъ употреблять старые обряды могло выйти не иное что, „какъ хроманіе на оба колѣна“; получился бы ни расколъ, ни единовѣріе. По виду старообрядцы были бы единовѣрцы, какъ присоединившіеся къ церкви на извѣстныхъ допустимыхъ условіяхъ; по убѣжденіямъ же ихъ слѣдовало причислить къ раскольникамъ, такъ какъ обнаруженная неискренность ихъ обращенія не позволяла имъ отказываться отъ раскольничьихъ воззрѣній. Образованіе же общества, лишь по виду единовѣрческаго, а по внутреннимъ свойствамъ раскольничьяго, могло сопровождаться послѣдствіями совершенно нежелательными. Старообряцы за одну видимую принадлежность къ церкви пріобрѣтали преимущества, весьма важныя для себя, въ смыслѣ удовлетворенія своей настоятельной потребности въ священнослужителяхъ. Ихъ общество посему могло увеличиться многими другими раскольниками. Старообрядцы могли даже увлечь на свою сторону уже перешедшихъ въ православіе: „невѣжды ближе къ невѣждамъ“. Тогда возникло бы раскольничье скопище, которое эксплоатировало бы довѣріе православныхъ архипастырей, для котораго послѣдніе по недоразумѣнію поставляли бы соотвѣтствовавшихъ раскольничьимъ тенденціямъ общества священнослужителей, какъ выбираемыхъ самими старообрядцами, и, слѣдовательно, способствовали бы негласному процвѣтанію раскола. Поэтому, по мнѣнію Платона, принять старообрядцевъ въ церковь можно лишь при искренности ихъ обращенія изъ раскола, при отреченіи отъ раскольничьихъ воззрѣній; только когда между ними и православными не останется „никакого различія“, препятствующаго спасенію человѣка.—Итакъ, выходя изъ факта неискренности обращенія знаменскихъ старообрядцевъ къ церкви, Платонъ рекомендовалъ осторож-

ность въ дѣйствіяхъ къ нимъ, подобно своему и синодальному отношенію къ обращавшимся къ нему и въ Св. Синодъ предполагаемымъ нами московскимъ старообрядцамъ.

Но свои мысли онъ излагалъ недостаточно ясно. Настаивая со всею силою на необходимости отказа знаменскимъ старообрядцамъ, Платонъ сравнительно слабо оттѣнялъ свое предположеніе относительно нечистосердечности ихъ обращенія, разсуждая съ поспѣшностью, столь обычною въ простомъ письмѣ. Никифоръ же былъ увѣренъ въ искренности новоприсоединявшихся. Остановивъ свое вниманіе на томъ, что съ рельефностью выставлялось Платономъ,—на необходимости отказа знаменскимъ старообрядцамъ, онъ не придалъ должнаго значенія высказанному Платономъ какъ бы мимоходомъ предположенію о нечистосердечности ихъ обращенія и поэтому недоумѣвалъ, особенно представляя воззрѣнія Платона, выраженныя въ „Увѣщаніи“. Въ отвѣтномъ письмѣ Платону Никифоръ защищалъ свои распоряженія, какъ правильныя: ради οἰκονομίας онъ находилъ законнымъ принятіе старообрядцевъ въ церковь, съ позволеніемъ оставаться имъ при своихъ старыхъ книгахъ и обрядахъ[1]).

---

[1]) Безъ сомнѣнія, упоминаемое письмо м. Платона къ архіепископу Никифору, взятое одиноко, можетъ возбуждать недоумѣнія и подать поводъ къ неправильнымъ выводамъ. Въ подобное заблужденіе введенъ былъ Грековъ. Остановившись только на одномъ письмѣ Платона, не сопоставивъ его съ другими документами, Грековъ заключилъ, что Платонъ не сочувствовалъ единовѣрію до введенія его Никифоромъ въ селеніи Знаменкѣ. А такъ какъ Грекову извѣстно было одобреніе Платономъ начинаній инока Герасима, то онъ предположилъ, что бесѣда Герасима съ Платономъ происходила послѣ 23 сентября 1781 года, которымъ помѣчено письмо Платона къ Никифору, и что въ этотъ промежутокъ успѣлъ повліять на перемѣну убѣжденій Платона Никифоръ (Начало единовѣрія въ русской церкви, Екатеринославъ, 1895 г., стр. 19—21; 39—40). Мнѣніе Грекова вноситъ путаницу въ воззрѣнія Платона: оно представляется явною нелѣпостью при сопоставленіи его съ идеями Платона, рельефно выраженными въ „Увѣщаніи“, и съ его распоряженіями въ Твери относительно старообрядцевъ, просившихъ присоединенія къ церкви съ дозволеніемъ двуперстія. Затѣмъ оно опровергается какъ свидѣтельствами монаха Виталія, такъ и „перепискою старца Никодима“. По разсказамъ участника въ событіяхъ монаха Виталія, Герасимъ Князевъ, послѣ одобренія Платономъ предпріятій стародубскихъ слобожанъ, отправился въ С.-Петербургъ; былъ тамъ у

Обрадованный предварительными благопріятными начинаніями чрезъ черноризца Герасима, Никодимъ въ 1783 г. отправился самъ для хлопотъ объ единовѣріи. Какъ и Герасимъ, онъ сперва прибылъ въ Москву[1]). 9 декабря Никодимъ съ товарищами явился къ преосвященному Платону съ формальнымъ прошеніемъ[2]). Московскій архипастырь, настроенный подозрительно недавнею предосудительною просьбою раскольниковъ, встрѣтилъ стародубцевъ уже не такъ, какъ Герасима; онъ „показалъ себя весьма неприступна". Однакоже отнесся къ стародубцамъ вполнѣ внимательно, пробесѣдовавъ съ ними „около трехъ часовъ". Платонъ не возражалъ противъ желанія старообрядцевъ имѣть своего епископа, показывая тѣмъ, что дать или не дать самостоятельнаго епископа для изъявлявшихъ желаніе присоеди-

---

архіепископа Гавріила, епископа Иннокентія, у князя Потемкина. Возвратившись въ слободы, Герасимъ повѣдалъ здѣсь „братіи все подробну, яже видѣ и слыша от преосвященныхъ и князя Потемкина". Послѣ того Никодимъ осторожно, сперва обращаясь лишь къ наиболѣе склоннымъ послѣдовать его убѣжденіямъ, потомъ „открытно и явно" по всѣмъ слободамъ сталъ старообрядцевъ „уговаривать быть согласными къ лучшему", а несогласныхъ „тяжко обличать священнымъ писаніемъ о заблужденіи ихъ и поносить яко преступниковъ Божія закона". Увѣщанія Никодима съ товарищами произвели „великое смущеніе" въ народѣ, такъ что ихъ намѣревались даже убить. Никодимъ съ сотрудниками дали клятву другъ другу „всѣмъ стоять крѣпко и неподвижно". И только послѣ всѣхъ этихъ событій „въ 1781 году въ сентябрѣ месецѣ Никодимъ совѣтомъ братіи послалъ" Герасима въ С.-Петербургъ съ письмами къ архіепископу Гавріилу и князю Потемкину (Рукописная книга монаха Виталія, об. 125—л. 128). Эти письма (см. ихъ въ Правосл. Обозр. 1867 г., апрѣль, стр. 506—508) помѣчены 10 сентября 1781 г. Слѣдовательно, бесѣда Герасима съ Платономъ падаетъ на время значительно ранѣйшее сентября 1781 г., когда писано письмо Платономъ Никифору, и, значитъ, Никифоръ своимъ отвѣтомъ Платону, который послѣдовалъ изъ Полтавы отъ 26 октября 1781 года (Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, латинская рукопись № 194, л. 171—об. 174: здѣсь находится самый отвѣтъ Никифора Платону Московскому съ датою), никакъ не могъ повліять на предшествующія его убѣжденія. Мнѣніе Грекова въ нѣсколько измѣненномъ видѣ повторяется Нечаевымъ: Правос. Собес. 1903 года, іюль—августъ, стр. 40.

[1]) Рукописная книга монаха Виталія, л. и об. 133.

[2]) Оно напечатано Верховскимъ: Правосл. Обозрѣніе 1867 г., апрѣль, стр. 518—519; 511—513.

ниться къ церкви, съ сохраненіемъ старыхъ книгъ и обрядовъ, не составляло само по себѣ существа дѣла. Но старался увѣриться въ ихъ убѣжденіяхъ, насколько они на самомъ дѣлѣ близки къ правильному пониманію идеи возможности единенія старообрядцевъ съ церковью при старыхъ обрядахъ. Поэтому, судя по письму Никодима въ слободу Климову, Платонъ требовалъ рѣшительнаго отзыва относительно разностей грековосточной церкви, не принимаемыхъ старообрядцами, изъ-за которыхъ они производили расколъ. Онъ допытывался, воспитали ли они въ себѣ правильное, необходимое въ данномъ случаѣ, воззрѣніе на „всѣ преданности грекороссійской церкви“, разумѣется на употребляемые ею обряды и книги, что они „не развращаютъ ни слова Божія, ни догматовъ вѣры, ни правилъ церковныхъ“ (п. I). Само собою понятно, одно признаніе старообрядцами обрядовъ православной церкви правильными не могло еще съ достаточной несомнѣнностью свидѣтельствовать объ оставленіи ими враждебной настроенности противъ церкви. Поэтому Платонъ хотѣлъ, чтобы старообрядцы самыми дѣйствіями подтверждали свое единеніе съ церковью, тотъ возвышенный взглядъ на обрядовыя разности, о которыхъ великій іерархъ съ такою силою разсуждалъ въ „Увѣщаніи“. Правильное пониманіе идеи общенія христіанъ при обрядовыхъ разностяхъ требовало фактическаго молитвеннаго общенія соблюдающихъ разные обряды: „ежель я в вашъ монастырь пріѣду съ преданностями грекороссійскія церкве, чтобъ допущать меня обще с даннымъ вамъ архіереемъ в церковномъ служеніи обществовать, а ему въ Успенскомъ соборѣ съ нами обществовать“ (п. 2), т. е. допускать православныхъ присутствовать при богослуженіи просителей и даже священнодѣйствовать въ имѣющихся открыться церквахъ, соблюдая исправленные обряды, а остающимся, по присоединеніи къ церкви, при своихъ обрядахъ, въ особенности ихъ духовенству не стѣсняться присутствовать и совершать богослуженіе вмѣстѣ съ православными въ православныхъ церквахъ. Испытаніе убѣжденій просителей было вѣрное. На первый пунктъ они соглашались, но отвѣтомъ на второй они показали, что находятся еще на ступени младенцевъ по вѣрѣ.

Они высказались, что ихъ „обществу будетъ весьма несовмѣстно“ (т. е. нежелательно, несоотвѣтственно убѣжденіямъ общества) допускать въ свой храмъ для священнодѣйствія архіерея православнаго съ православными обрядами, хотя бы онъ служилъ вмѣстѣ съ ихъ архіереемъ; равно и позволять своему архіерею священнодѣйствовать съ православнымъ архіеремъ по новымъ обрядамъ. Возвыситься до полнаго усвоенія мысли объ обрядовыхъ разностяхъ, какъ онѣ развиваются въ „Увѣщаніи“, просители оказались пока не въ состояніи. Фактически они отдавали безусловное предпочтеніе старымъ обрядамъ, обнаруживали одностороннее пристрастіе къ нимъ. Поэтому Платонъ не выразилъ согласія на свободный переходъ изъ православной церкви въ общество намѣревающихся присоединиться къ церкви съ старыми обрядами. Онъ требовалъ отъ повѣренныхъ, „чтобы впредь отъ грекороссійской церкви къ себѣ въ общество кромѣ записныхъ не принимать“ (п. 3[1]). Никодимъ съ сообщниками на этотъ пунктъ согласились „безпрекословно“. Рѣчи Никодима и его товарищей, обѣщаемыя ими обязательства соотвѣтственно требованіямъ Платона являлись „многими доказательствами“ искренности намѣреній Никодима и его сотрудниковъ. Хотя было ясно, что просители еще не совсѣмъ отрѣшились отъ своихъ старообрядческихъ тенденцій въ отношеніи обрядовыхъ разностей, однако настолько уже освобождались отъ нихъ, что по снисхожденію могли быть приняты церковью въ общеніе. По всему этому Платонъ подъ конецъ бесѣды „объявилъ себя весьма благосклоннымъ“ къ старообрядцамъ. Окончательное разрѣшеніе вопроса не входило въ сферу власти московскаго митрополита по прошенію стародубскихъ старообрядцевъ. Оттого онъ далъ совѣтъ имъ ѣхать въ Петербургъ, прибавивъ: „ежели до меня дойдетъ и насъ спросятъ, то мы знаемъ, что писать“, „и такъ благопріятнымъ образомъ отпустилъ“ ихъ.—Одинъ изъ товарищей Никодима, не удовлетворившись подписью къ письму, засвидѣтельствовалъ свой восторгъ отъ посѣщенія Платона въ особой припискѣ: „а о преосвященномъ Платонѣ

[1]) Подробнѣе о семъ будетъ сказано ниже.

доношу, что не туне о немъ слава, но политичный сего свѣта кавалеръ". Умные просители поняли смыслъ обращенія съ ними московскаго святителя. Первоначальную неприступность Платона они объясняли не его несочувствіемъ учрежденію единовѣрія, а просто тактичностью Платона. Освѣдомившись съ воззрѣніями посѣтителей, Платонъ отнесся благосклонно къ нимъ, и они были въ восторгѣ отъ него, увидѣвъ въ этомъ фактѣ подтвержденіе составившемуся въ обществѣ высокому мнѣнію о Платонѣ. Ничего подобнаго мы не услышали бы отъ самихъ ходатаевъ по дѣлу объ учрежденіи единовѣрія, если бы Платонъ не сочувствовалъ ихъ начинаніямъ. Московскій архіепископъ не самымъ начинаніямъ ихъ не сочувствовалъ, а тому, что было въ ихъ хлопотахъ еще близкаго къ расколу и потому предосудительнаго[1])

Тѣмъ же характеромъ запечатлѣны дѣйствія м. Платона нѣсколько позднѣйшаго времени. Отъ 19 декабря 1787 г. мы имѣемъ свѣдѣнія отъ нѣкоего инока Варлаама, будто м. Платонъ передавалъ ему слѣдующія слова черезъ священника Успенской церкви, что въ Таганкѣ: „я старообрядцевъ удовольствую благословеннымъ священствомъ и домовою церковію, когда объявятъ свое соединеніе святой соборной и апостольской греко-россійской церкви и почитать будутъ насъ за христіанъ и еретиками не порицать и во время службы божественной новообрядцевъ не отлучать; когда и я буду у нихъ, службу по старымъ книгамъ чтобы дозволили отправлять, а новопечатныя книги за исправныя почитать и не порицать. Также и о сложеніи дву перстовъ, когда они порицанія и клятвы положенныя весьма

---

[1]) Приложеніе № 2.—Помѣщаемое нами въ приложеніи „копія съ письма Никодимова въ Климову" достаточно обнаруживаетъ поспѣшность и неосновательность высказанной въ повышенномъ тонѣ „догадки" г. Нечаева объ отрицательномъ отношеніи м. Платона къ учрежденію единовѣрія: „въ высшей степени невѣроятно, чтобы Платонъ раздѣлялъ и находилъ исполнимой смѣлую надежду старообрядцевъ получить отъ Синода отдѣльнаго епископа"; „во всей исторіи первыхъ хлопотъ нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что были колебанія у Платона относительно возбужденнаго вопроса" (Православный собесѣдникъ 1903 г., іюль—августъ, стр. 51—52; 57).

почитаютъ за тягость, за которыя наиболѣе отдираются соборной церкви, ежели сему всему покорятся, то оныя клятвы и будутъ разрѣшены съ сношеніемъ четверопрестольныхъ патріарховъ". И среди московскихъ старообрядцевъ, по свидѣтельству того же инока Варлаама, находились желавшіе поступить по мнѣнію Платона: „на сіе предложеніе его преосвященства есть нѣкоторые изъ старообрядцевъ въ Москвѣ согласны, которыя и намѣреваются входъ имѣть къ митрополиту къ прозьбѣ"[1]).

Приведенные факты показываютъ, что преосвященный Платонъ, развивши съ ясностью въ „Увѣщаніи" идею единовѣрія, одобрялъ и первыя попытки къ осуществленію ея, когда замѣчалъ у старообрядцевъ чистосердечное желаніе единенія съ церковью, но отказывалъ старообрядцамъ въ просьбахъ, когда не видѣлъ искренности въ ихъ намѣреніяхъ, вообще, настаивалъ на большой осторожности при допущеніи старообрядцевъ въ церковь съ сохраненіемъ старыхъ обрядовъ и самъ своими дѣйствіями оправдывалъ это положеніе.

Въ 1794 году для присутствованія въ Синодъ былъ вызванъ другъ Платона, архимандритъ Меѳодій. Вскорѣ затѣмъ Меѳодій былъ назначенъ Воронежскимъ архіереемъ (въ 1795 г.[2]). Какъ присутствующему въ Синодѣ, Меѳодію пришлось участвовать въ обсужденіи вопроса о раскольникахъ; а въ качествѣ Воронежскаго архипастыря разсматривать просьбу донскихъ старообрядцевъ „о законномъ священствѣ на старые обряды". Оба эти обстоятельства послужили для Платона поводомъ выразить въ письмахъ къ Меѳодію нѣкоторыя мысли относительно фактическаго прове-

[1]) Рукопись библ. Черниговской дух. семинаріи № 144, об. 179—об. 180.

[2]) Меѳодій Смирновъ учился въ Троицкой семинаріи и Московской академіи. Въ этихъ заведеніяхъ онъ и проходилъ первые годы своей службы въ качествѣ учителя, префекта и ректора Троицкой семинаріи, потомъ ректора Московской академіи, откуда вызванъ былъ въ Петербургъ. Кромѣ Воронежской, послѣдовательно управлялъ епархіями—Коломенской (1798—99 г.), Тульскою (1799-1803), Тверскою (1803-1814). Умеръ въ санѣ архіепископа Псковскаго (1815 г.), куда былъ перемѣщенъ незадолго до смерти (1814 г.).—Чтенія въ Обществѣ любителей дух. просвѣщенія 1877 г., мартъ, стр. 45.

денія идеи единовѣрія. Поднятый вопросъ о раскольникахъ Платонъ считаетъ въ нихъ настолько труднымъ, что страшится за удовлетворительное разрѣшеніе его и только молитъ Бога о счастливомъ исходѣ. „Молю Бога, писалъ Платонъ Меѳодію отъ 25 іюля 1794 г., чтобы дѣло о раскольникахъ, возложенное на васъ, получило счастливый исходъ, хотя опасаюсь, что это дѣло не такъ легко, чтобы этотъ узелъ болѣе трудный, чѣмъ Гордіевъ, могъ быть разрѣшенъ съ счастливомъ успѣхомъ“[1]). Въ чемъ состояла эта трудность, Платонъ пока не опредѣлялъ. Однако показывалъ, что то была не случайная фраза, а выраженіе его убѣжденія: въ другихъ письмахъ къ Меѳодію онъ снова повторялъ, что „дѣло раскольниковъ и важно и серьезно“, что „это дѣло общее“[2]). Отношеніе же къ этому вопросу представителей церкви, казалось Платону, не соотвѣтствовало степени важности предмета. „Прискорбно, писалъ онъ Меѳодію отъ 22 мая 1796 г., и то, что даже въ частныхъ письмахъ осмѣливаются предписывать такія вещи, и въ дѣлѣ такомъ серьезномъ и тяжкомъ, какъ бы играютъ“[3]). А отъ поверхностнаго отношенія къ вопросу о раскольникахъ онъ ожидалъ не благихъ послѣдствій, а лишь „соблазна“[4]). Поэтому заявлялъ, что „считающіеся православными, даже приставленные къ кормилу церкви, дѣлу церкви вредятъ“[5]).

Въ связи съ отмѣченными мыслями преосвященнаго Платона стоятъ другія его разсужденія въ тѣхъ же письмахъ къ преосвященному Меѳодію по обоимъ изъ указанныхъ поводовъ, только выраженныя неясно, если брать ихъ отрывочно.—Отъ 22 мая 1796 г. Платонъ писалъ Меѳодію: „дѣло о раскольникахъ принимаетъ, повидимому, такой оборотъ, что имъ дозволено будетъ то, чего они просятъ, что по моему мнѣнію будетъ ничто иное, какъ камень соблаз-

---

[1]) Извлеченіе изъ писемъ Москов. м. Платона къ арх. Меѳодію.—Чтенія въ Обществѣ любит. дух. просвѣщ. 1877 г., мартъ, стр. 48.

[2]) Тамъ же, стр. 50, ср. 51.

[3]) Тамъ же, стр 51.

[4]) Тамъ же.

[5]) Тамъ же, стр. 52.

на“[1]). Платонъ не объясняетъ, почему онъ опасается удовлетворенія просьбы раскольниковъ.—Неясны разсужденія преосвященнаго Платона также и по поводу просьбы донскихъ старообрядцевъ. Донскіе старообрядцы просили Воронежскаго еп. Меѳодія „о законномъ священствѣ на старые обряды“. Меѳодій сообщилъ объ этомъ фактѣ м. Платону, вѣроятно, прося его совѣта, какъ лучше поступить въ трудномъ дѣлѣ. Отъ Платона получился такой отвѣтъ. „Не можетъ быть имъ дозволено то, чего они просятъ, безъ тяжкаго оскорбленія и соблазна для другихъ. Моя мысль та, чтобы ты не представлялъ этого въ Синодъ. Пусть они сами, какъ хотятъ, хлопочутъ; наше дѣло отвергнуть эту безумную и беззаконную просьбу,— что неоднократно у меня случалось. Я никогда не дозволялъ своимъ священникамъ совершать какую-либо церковную службу у раскольниковъ, по ихъ такъ называемымъ старымъ обрядамъ и старымъ книгамъ. Ибо этого нельзя сдѣлать безъ предосужденія нашего святого обряда и книгъ и авторитета церковнаго“[2]). Между тѣмъ Меѳодій запросилъ донскихъ казаковъ, какъ они смотрятъ на просьбу старообрядцевъ. Отвѣтъ казаковъ онъ также сообщилъ Платону. Платонъ былъ въ восторгѣ отъ этого отвѣта. „Ничего пріятнѣе, ничего благоразумнѣе, писалъ онъ Меѳодію отъ 25 августа 1796 года, ничего основательнѣе и ничего благочестивѣе не только желать, но и представить нельзя. Пишутъ будто вдохновенные Духомъ Святымъ. Меня особенно то удивляетъ, что такъ чувствуютъ, такъ публично отвѣчаютъ тѣ, объ искренней которыхъ религіозности, и даже о наклонности къ расколу, едва ли кто можетъ сомнѣваться... Ибо этотъ отвѣтъ ясно внушаетъ, что изъ дозволенія совершать службу по древнимъ обрядамъ и древнимъ книгамъ не выйдетъ никакой пользы; даже оно и не желательно. Желалъ бы я знать, какъ поймутъ это по отзывѣ въ Петербургѣ, и что изъ этого будетъ; ибо не сомнѣваюсь, что всякій признаетъ великую важность этого писанія. Я же сохраню его, какъ

[1]) Извлеченіе изъ писемъ Москов. м. Платона къ арх. Меѳодію: Чтенія въ Обществѣ люб. дух. просвѣщенія 1877 г., мартъ, стр. 51.

[2]) Тамъ же, стр. 50.

сокровище, потому что можетъ случиться, что раскольники станутъ себѣ просить церкви въ Москвѣ. Я ничего не въ состояніи лучше придумать, чѣмъ бы закрыть имъ ротъ, какъ представивъ эту бумагу“[1]).

Первое впечатлѣніе отъ этихъ писемъ не въ сторону положительнаго разрѣшенія Платономъ вопроса объ учрежденіи единовѣрія. Такъ и кажется, что Платонъ не желалъ учрежденія единовѣрія[2]). Но когда вчитываешься въ нихъ, то возникаютъ сомнѣнія: одно въ нихъ становится непонятнымъ, другое необъяснимымъ съ точки зрѣнія первоначальнаго вывода. Если раскольники стремились къ единенію съ церковью, при сохраненіи только старыхъ обрядовъ, то почему преосвященный Платонъ такъ категорически называетъ эту просьбу „безумною“ и еще сильнѣе „беззаконною“ и смѣло требуетъ „отвергнуть“ ее? Если Платонъ съ такимъ одушевленіемъ и съ такою силою собственнаго убѣжденія доказывалъ въ „Увѣщаніи“ безразличіе старыхъ и новыхъ обрядовъ для спасенія человѣка, то почему вдругъ совершеніе церковныхъ службъ по старымъ книгамъ у раскольниковъ онъ считаетъ непозволительнымъ для своихъ священниковъ, беззаконнымъ, предосудительнымъ авторитету церкви и „тяжко“ оскорбительнымъ для православныхъ? Зачѣмъ, далѣе, онъ такъ подчеркиваетъ свое непозволеніе своимъ священникамъ отправлять богослуженіе у раскольниковъ по ихъ старымъ обрядамъ и старымъ книгамъ? присоединившіеся къ церкви уже не раскольники. Почему Платонъ, разсуждая о просьбѣ раскольниковъ, нигдѣ не говоритъ, что они не могутъ быть приняты въ общеніе съ церковью при своихъ старыхъ обрядахъ изъ-за этихъ обрядовъ, а выражается: „не можетъ быть дозволено

---

[1]) Извлеченіе изъ писемъ Москов. м. Платона къ арх. Меѳодію: Чтенія въ Обществѣ люб. дух. просвѣщенія 1877 г., мартъ, стр. 51—52.

[2]) П. Казанскій, дѣйствительно, на основаніи писемъ митрополита Платона къ Меѳодію, высказалъ отрицательное сужденіе объ отношеніи митрополита Платона къ единовѣрію, считая его „противникомъ“ единовѣрія.—Православное Обозрѣніе 1876 г., т. I, стр. 474—476.—Замѣтка по поводу писемъ м. Гавріила.—Его мнѣніе повторяетъ потомъ Нечаевъ: Православный Собесѣдникъ 1903 года, іюль - августъ, стр. 60—64.

имъ *то, чего они просятъ*"? Какъ будто этими оборотами рѣчи онъ оттѣняетъ несходство ихъ просьбы съ желаніемъ вступленія въ союзъ съ церковью при старыхъ обрядахъ. Непонятна и такая радость Платона по случаю отвѣта казаковъ, если этотъ отвѣтъ содержалъ простое отрицаніе единовѣрія. Непонятно, почему Платонъ считаетъ его столь поучительнымъ для Петербурга и собирается посредствомъ этого отвѣта „закрыть ротъ" московскимъ раскольникамъ, если они станутъ просить себѣ церкви.

Послѣ недоумѣній является невольное желаніе знать точнѣе обстоятельства, при которыхъ написаны письма; всего болѣе, какъ понималъ Платонъ просьбу раскольниковъ. О синодальныхъ разсужденіяхъ[1]), изъ самыхъ писемъ видно, Платонъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній. „Увѣдомь меня, писалъ онъ Меѳодію, какой ты получишь отвѣтъ на свое донесеніе (о донскихъ раскольникахъ)... Что дѣлается или ожидается въ Петербургѣ, я ничего не знаю"[2]). Значитъ, объ ихъ просьбѣ онъ могъ судить преимущественно по аналогіи съ домогательствами, хорошо ему извѣстными, своихъ московскихъ раскольниковъ: заключеніе особенно естественное, если вспомнить выдающееся значеніе московскихъ старообрядческихъ обществъ вообще для раскольниковъ.—О зависимости же донскихъ старообрядцевъ отъ московскихъ, наряду съ стародубскими и иргизскими, свидѣтельствуютъ документы. Немного позднѣе вышеупомянутыхъ писемъ Платона къ Меѳодію (1799 г.) старообрядцы, „жительствующіе въ городѣ Черкасскомъ и во околичности онаго", съ горечью жаловались на отсутствіе у себя своихъ священниковъ: какъ они, такъ и предки ихъ получали таковыхъ „съ великимъ затрудненіемъ" (въ числѣ другихъ центральныхъ старообрядческихъ мѣстъ—Иргиза и Стародубья) „и отъ Московскаго кладбищенскаго общества"[3]).—Выводъ изъ сказаннаго очевидный: для правильнаго сужденія объ

[1]) О нихъ можно судить по дѣлу Св. Синода 1796 г., № 377; содержаніе послѣдняго передано пр. Жмакинымъ въ Христ. Чтеніи 1900 г., № 12.

[2]) Чтенія въ Обществѣ люб. дух. просв. 1877 г., мартъ, стр. 50.

[3]) Архивъ Новгородскихъ митрополитовъ въ библіотекѣ Александро-Невской лавры, дѣло 1799 г. іюня 7, № 49 (9), л. 30—31.

отрицательныхъ воззрѣніяхъ Платона въ письмахъ къ Меѳодію, необходимо выяснить домогательства извѣстныхъ м. Платону московскихъ раскольниковъ.

Около 1792 года московскіе старообрядцы обращались съ своею просьбою о законной іерархіи къ московскому главнокомандующему, вѣроятно, уже послѣ того, какъ убѣдились въ невозможности найти удовлетвореніе своимъ стремленіямъ у м. Платона и Св. Синода. Подлинное содержаніе прошенія ихъ остается неизвѣстнымъ. О немъ мы узнаемъ лишь отчасти изъ оффиціальной записки Петербургскаго митрополита Гавріила. Петербургскіе старообрядцы хотѣли устроиться съ благословеннымъ священствомъ на началахъ, высказанныхъ въ прошеніи главнокомандующему московскими ихъ собратіями, почему и приложили копію съ этого прошенія къ своему прошенію. Судя по запискѣ, въ прошеніи были выставлены условія, на которыя не могло послѣдовать согласія высшей духовной власти. Раскольники домогались собственно не единенія съ православной церковью, а только заимствованія отъ нея полной для себя іерархіи и санкціонированія своего положенія на отдѣльное, совершенно самостоятельное существованіе въ государствѣ, по образцу обществъ инославныхъ исповѣданій[1]).

Испытавъ безуспѣшно для своихъ намѣреній представителей духовной власти, потерпѣвъ неудачу въ просьбѣ на имя главнокомандующаго, московскіе старообрядцы обратились непосредственно къ высочайшей волѣ. Неудачи не смутили ихъ. Видно, желанія ихъ были не случайны; намѣренія слишкомъ опредѣленны и серьезны. Для подачи прошенія государю императору они избрали довѣренныхъ купцовъ Дмитрія Ѳедорова и Митрофана Ильина Иванова.

---

[1]) Записка м. Гавріила датирована 9-мъ ноября 1792 г.; слѣдовательно, прошеніе московскихъ старообрядцевъ на имя главнокомандующаго относится ко времени раннѣйшему 1792 г.—Записка напечатана была сперва Соловьевымъ въ Правосл. Обозрѣн 1875 г., ноябрь, стр. 432—434. Въ 1882 г. Н. И. Субботинъ помѣстилъ ее снова въ Прибавленіяхъ къ Творен. св. отцевъ кн. I, XXIX, стр. 257–258. Подробнаго содержанія ея мы не передаемъ, въ виду того, что встрѣтимся съ желаніями московскихъ раскольниковъ по подлиннымъ документамъ.

Въ С.-Петербургѣ довѣренные явились къ генералъ-прокурору, князю Лопухину и представили ему свою просьбу на высочайшее имя. Она была принята генералъ-прокуроромъ; пункты ея поднесены государю 3 іюня 1799 года.

Подлиннаго текста прошенія намъ не удалось найти, но, думаемъ, копію съ пунктовъ его представляетъ записка, находящаяся въ Архивѣ Новгородскихъ митрополитовъ[1]), снятая для преосвященнаго Амвросія[2]). Къ этому выводу мы приходимъ на основаніи слѣдующихъ соображеній. 1) Выписка, какъ видно изъ ея содержанія, произведена изъ подлиннаго прошенія на высочайшее имя, поданнаго московскими старообрядцами. 2) Она состоитъ изъ 15 пунктовъ, а подлинная просьба московскихъ раскольниковъ отъ 3 іюня 1799 года дѣйствительно была изложена въ 15 пунктахъ: объ этомъ есть замѣчаніе у Дмитрія Ѳедорова въ прошеніи отъ 9 іюня 1799 года на имя архіепископа Амвросія. 3) По внутреннему своему содержанію выписка вполнѣ гармонируетъ съ помянутымъ подлиннымъ прошеніемъ Дмитрія Ѳедорова[3]), равно и съ прошеніемъ московскихъ старообрядцевъ главнокомандующему, содержаніе котораго мы узнаемъ изъ записки С.-Петербургскаго митрополита Гавріила.

---

[1]) Приложеніе № 3, л. 91—96.

[2]) С.-Петербургскій митрополитъ Амвросій, въ мірѣ Андрей Ивановичъ Подобѣдовъ, родился въ 1742 году отъ священника Московской губерніи, воспитывался въ Троицкой семинаріи, гдѣ и проходилъ на первыхъ порахъ должности библіотекаря, катихизатора и учителя. Въ 1768 году принялъ монашество и переведенъ въ Славяно греко-латинскую академію сперва проповѣдникомъ, потомъ ректоромъ и архим. Заиконоспаскаго монастыря. Въ 1778 году посвященъ въ викарія Московской епархіи, въ 1781 году назначенъ на Крутицкую каѳедру, а въ 1785 г. переведенъ архіепископомъ въ Казань. Съ 1795 года присутствовалъ въ Св. Синодѣ, живя почти все время въ Петербургѣ. Въ 1799 году пожалованъ архіепископомъ Петербургскимъ, а въ 1801 году получилъ титулъ митрополита Новгородскаго съ назначеніемъ первенствующимъ членомъ Св. Синода. Умеръ въ 1818 году. Съ Московскимъ митрополитомъ Платономъ состоялъ въ неразрывной дружбѣ, поддерживавшейся при разлукѣ взаимной перепиской.—Архивъ Московской Святѣйшаго Синода Конторы, дѣла: 1778 г. мая 7, № 125, 1785 г. апрѣля 7, № 63, 1782 г. мая 4, № 129.—Православное Обозрѣніе 1869 года, первое полугодіе, приложеніе, стр. 2—3.

[3]) Содержаніе его будетъ изложено ниже.

4) Въ выпискѣ нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ на событія, происшедшія вслѣдъ за подачею старообрядцами прошенія на высочайшее имя отъ 3 іюня 1799 года: ни на высочайшій указъ 3 іюня 1799 г., ни на сношенія съ архіепископомъ Амвросіемъ. 5) Просьба старообрядцевъ на высочайшее имя представляла значительный интересъ для архіепископа Амвросія, такъ какъ она послужила причиной послѣдовавшихъ высочайшихъ повелѣній на его имя и потому копія съ него была естественна для Амвросія. 6) Недоумѣніе можетъ возбуждать помѣщеніе этой выписки не въ началѣ дѣла, гдѣ ему слѣдовало быть по смыслу, а въ концѣ. Но перевязка архивныхъ бумагъ, вообще нужно сказать, не всегда соотвѣтствуетъ хронологическому порядку ихъ, а интересующая насъ выписка, несомнѣнно, и произведена позднѣе нѣкоторыхъ изъ бумагъ, послѣдовавшихъ за прошеніемъ отъ 3 іюня. Словомъ, по нашему мнѣнію, должно признать разбираемую выписку за копію съ той бумаги, которая подавалась генералъ-прокуроромъ государю императору въ видѣ пунктовъ просьбы старообрядцевъ.

Основная мысль просьбы московскихъ старообрядцевъ на высочайшее имя отъ 3 іюня 1799 года просвѣчиваетъ уже въ начальныхъ словахъ, составляющихъ какъ бы заглавіе ея: „содержаніе старообрядческой церкви і общественнаго порядка, на какихъ расположеніяхъ быть следуетъ“. Старообрядцы ищутъ не единенія съ православною церковью, а наилучшаго устроенія своей особой „старообрядческой церкви“.—Какъ бы боясь, чтобы государь императоръ иначе не понялъ ихъ намѣренія, они предупредительно заявляютъ въ I-мъ же пунктѣ, что „все старообрядческія мысли и чувства“ они содержатъ „усердно и ревностно“, принимаютъ ихъ „за самое святейшее утвержденіе“, признаютъ за ними божественное происхожденіе отъ Самого Господа, Его святыхъ апостоловъ и ихъ преемниковъ, такъ что считаютъ ихъ для себя дороже всего на свѣтѣ.—Отъ дней патріарха Никона до послѣдняго царствованія старообрядческая церковь подвергалась гоненіямъ и притѣсненіямъ, вслѣдствіе чего многіе старообрядцы бѣжали въ разныя мѣста, оставляя свои „сокровища“. Въ это время требовалось особенное усердіе

(„душевное и жалостное“) отъ послѣдователей старообрядчества къ „соблюденію цѣлости старообрядческой церкви“. Дѣйствительно, благодаря ревности старообрядцевъ къ „древнему чину и уставу“, они „безъ всякихъ примесовъ соблюдены... во всякой целости сохранены“ (п. 5).

Льстиво восхваляя высочайшую милость какъ „несказанную“ (п. 5) и „отменную“ (п. 2), старообрядцы видятъ въ ней залогъ для своего благосостоянія. Хотя старообрядцы не упоминаютъ, какое собственно царское благоволеніе они разумѣютъ, но, само собою понятно, то, которое относилось до старообрядцевъ, касалось предоставленія имъ права употреблять старые обряды и имѣть священнослужителей, т. е. указъ императора Павла 1798 г. марта 12[1]) о единовѣрцахъ. Но такъ какъ этотъ указъ полезенъ былъ для нихъ лишь одною стороною—позволеніемъ имѣть священниковъ и сохранять старые обряды и не отвѣчалъ ихъ преднамѣреніямъ къ обособленію отъ православной церкви, то они хитро затушевываютъ неправильность своей ссылки однимъ лишь скрытымъ намекомъ на царское благоволеніе безъ опредѣленнаго указанія, въ чемъ, именно. оно выразилось (пун. 2, п. 5). Если отеческое благоснисхожденіе заботится о другихъ старообрядцахъ, „то и московскимъ долженствуетъ быть въблагосостояніи, въ мирѣ и тишинѣ, во всякомъ благоустройствѣ“.

Это благоустройство они понимаютъ въ томъ, чтобы „вседомовнѣ хранить і соблюдать всѣцелость“ (п. 5) старообрядческой церкви. Старообрядческое же „исповѣданіе о целости церкви“ обязательно („точно“) требуетъ быть въ ней архіепископу или епископу съ прочими священнослужителями (п. 2). И вотъ они „слезно“ просятъ государя императора, „впредь чтобы былъ источникъ священства непритеснительный“, какъ необходимый для спасенія (п. 2). Этотъ источникъ не пресѣкался бы у нихъ при существованіи своего самостоятельнаго епископства; поэтому къ пріобрѣтенію его и простираются ихъ чаянія.

Для лучшаго сохраненія „церковной нерушимости“, для болѣе надежнаго порядка въ управленіи, они испраши-

[1]) Ср. указъ 1784 г. марта 11.

ваютъ учредить при архіепископѣ особое духовное правленіе (п. 5). Послѣднее должны составлять два или три священника, депутаты отъ общества въ числѣ 3-хъ человѣкъ (п. 5) и, наконецъ, инокъ—представитель („судія“, „правитель“) иргизскихъ монастырей[1]). Какъ выборъ, такъ и отрѣшеніе отъ присутствованія въ духовномъ правленіи членовъ его, духовныхъ и свѣтскихъ предоставляется благоразсужденію самого общества. Во избѣжаніе могущихъ происходить безпорядковъ при выборахъ, послѣдніе лучше совершать чрезъ посредство кандидатовъ и баллотировки (п. 7). Представителями же иргизскихъ монастырей проэктируется настоятель и избранный отъ тѣхъ иргизскихъ монастырей соборный старецъ; они засѣдаютъ въ правленіи по очереди (п. 10). Объ избранныхъ членахъ правленіе доноситъ свѣтскому правительству, по указанію государя (п. 7).

Дѣла въ правленіи рѣшаются соборно (п. 10, 5). Правленіе пользуется правомъ по своимъ дѣламъ входить въ сношенія со всѣми правительственными учрежденіями и обязано давать необходимыя объясненія („отвѣтствія“) по требованіямъ послѣднихъ (п. 6). Въ вѣдомствѣ старообрядческаго духовнаго правленія должны находиться всѣ старообрядцы Московской губерніи (п. 6), иргизскіе монастыри (п. 10), желающіе изъ старообрядцевъ другихъ губерній (п. 8), которые не въ состояніи учредить своего духовнаго правленія (п. 8). Вѣдѣнію правленія подлежатъ означенныя лица по дѣламъ своего исповѣданія (п. 6). Правленіе разбираетъ и судитъ „блазнительныя поступки“ старообрядцевъ, не касаясь однако уголовныхъ преступленій (п. 10, 5). Оно рѣшаетъ вопросы о постриженіи въ монашество (п. 13). Наблюдаетъ, чтобы завѣдомо не содержалось въ вѣдомствѣ правленія бѣглыхъ никакого званія. Въ случаѣ открытія таковыхъ, оно отсылаетъ ихъ, куда слѣдуетъ по законамъ, дабы не было нареканія на старообрядцевъ (п. 14). Старообрядцы имѣютъ

[1]) Изъ депутатовъ одинъ—главный; другіе два—его помощники. Присутствованіе депутатовъ въ правленіи полагается необходимымъ, для лучшаго сохраненія началъ старообрядчества (п. 5). Необходимость присутствованія въ правленіи инока доказывается существованіемъ въ старообрядчествѣ монастырей на Иргизѣ и связи ихъ съ столичнымъ кладбищемъ (п. 10).

право на законное защищеніе своихъ интересовъ со стороны своего духовнаго правленія (п. 6). Оно выдаетъ паспорты и хранитъ ихъ (п. 8, 9). Правленію предоставляется право посылать священниковъ къ старообрядцамъ не Московской губерніи, желающимъ находиться въ вѣдѣніи Московскаго духовнаго правленія и выдавать имъ на проѣздъ и прожитіе паспорты (п. 8).

Пребывающихъ у старообрядцевъ бѣглыхъ поповъ и дьяконовъ, равно какъ и вновь добровольно переходящихъ къ нимъ „отъ церквей“ не считать бѣглыми и изъять изъ вѣдѣнія духовнаго начальства. Записавъ ихъ въ какомъ-либо гражданскомъ учрежденіи, выдать имъ оттуда письменные билеты на прожитіе; билеты должны храниться въ старообрядческомъ духовномъ правленіи (п. 9, 2). Семейства же ихъ прописывать, гдѣ кто пожелаетъ (п. 2). Церковныя чины, совершенные у нихъ до сихъ поръ, признавать дѣйствительными, какъ-то: браки (п. 6), постриженіе въ монашество (13) и т. д.—Монаховъ и монахинь, живущихъ въ старообрядческихъ монастыряхъ по Иргизу, въ керженскихъ лѣсахъ и по другимъ мѣстамъ, не требовать къ тяглу, за неимѣніемъ въ нихъ никакой надобности, или приписать ихъ къ тѣмъ монастырямъ и скитамъ, гдѣ они живутъ, съ оставленіемъ на нихъ государственныхъ податей и съ обязательствомъ единовременнаго, установленнаго на этотъ разъ взноса за оказавшихся помѣщичьихъ крестьянъ. Необходимость такой мѣры основывается на практическихъ неудобствахъ существующаго порядка: старики, увѣчные, вообще, неспособные ни къ какому тяглу вытребоваются для полученія паспортовъ лично. Помимо возникающаго отсюда затрудненія въ путешествіи, нѣкоторые помѣщики не даютъ пришедшимъ новыхъ отпусковъ и такимъ образомъ они безъ всякой надобности силою оставляются въ своихъ селахъ. Безпорядокъ этотъ, не оправдываемый никакимъ благоустройствомъ, ни гражданскимъ ни церковнымъ, составляетъ лишь насмѣшку надъ „старческимъ чиномъ“. Нѣкоторые же, за крайнею дальностью своей родины, совсѣмъ не въ состояніи лично являться за паспортами, а оставаясь безъ нихъ, они почитаются за бѣглыхъ и живутъ всегда

въ опасности подвергнуться за то гражданскому взысканію (пункты 12, 13).

Церковь на изложенныхъ началахъ открыть въ Москвѣ, на кладбищѣ за Рогожскою заставою, такъ какъ тамъ уже построены часовни—каменныя и деревянныя. Въ нихъ совершаются старообрядческими священнослужителями всѣ церковныя тайны по древнему чину (п. 4). Не совершается только безкровной жертвы, почему старообрядцы просятъ дозволить ихъ священнослужителямъ освятить церковь по древнему чину, а антиминсы приказать выдать изъ древнихъ хранилищъ времени патріарха Іосифа или другихъ раннѣйшихъ патріарховъ (п. 3). Денежные вклады, или другія какія пожертвованія, внесенныя старообрядцами въ пользу старообрядческой церкви, оставить неприкосновенными въ этой церкви ни для самихъ жертвователей, ни для ихъ наслѣдниковъ: назадъ не требовать и раздѣла св. вещамъ не чинить, хотя бы вкладчики или наслѣдники ихъ отступили въ иную вѣру и хотя бы отступившихъ оказалось большее количество по сравненію съ оставшимися въ старообрядческой церкви (п. 11).—Для погребенія умершихъ старообрядческой церкви отвести особыя кладбища въ городахъ и селахъ, гдѣ есть старообрядцы, въ предупрежденіе „негодованія“ при общемъ выносѣ „отъ церквей священнослужителями“, т. е. православными (п. 15).

Изложивъ свой проэктъ старообрядческой церкви, раскольники призываютъ высочайшую волю къ разсмотрѣнію его (п. 1) и конфирмаціи: благодѣянія, изливающіяся отъ престола на всѣхъ подданныхъ, есть показатель желанія государя видѣть своихъ подданныхъ наиболѣе счастливыми; а такъ какъ старообрядцы считаютъ для своего благоденствія необходимымъ устроеніе старообрядческой церкви на указанныхъ началахъ, то и просятъ „о ниспосланіи имъ особенной милости“—утвержденія предлагаемыхъ пунктовъ. Хотя и нѣтъ законоположенія касательно ихъ просьбы, но высочайшее милосердіе есть „основаніе законовъ“[1]).

Какъ показываетъ изложенная просьба, московскіе ста-

[1]) Приложеніе № 3, л. 91—96.

рообрядцы стремились совсѣмъ не къ единенію съ церковью. Ихъ цѣль, напротивъ, клонилась къ наибольшей удаленности отъ церкви, къ пріобрѣтенію совершенной обособленности и самостоятельности, къ наиболѣе прочному устройству своего общества, какъ общества раскольничьяго, съ объединеніемъ притомъ разныхъ старообрядческихъ обществъ подъ главенствомъ рогожскаго. Явная предосудительность намѣренія московскихъ старообрядцевъ, связь ихъ съ другими раскольничьими обществами достаточно объясняютъ и оправдываютъ отрицательныя сужденія м. Платона по единовѣрію, судившаго о всѣхъ старообрядческихъ домогательствахъ необходимо подъ угломъ знакомства съ старообрядцами своей епархіи.—„Беззаконный“ и „безумный“ характеръ домогательствъ московскихъ раскольниковъ возбуждалъ подозрѣніе въ освѣдомленномъ съ ихъ стремленіями московскомъ архипастырѣ относительно чистоты намѣреній старообрядцевъ и другихъ мѣстъ, какъ находившихся въ тѣсной связи и часто зависимости отъ старообрядцевъ древней столицы. Но Платонъ имѣлъ примѣры и противоположнаго свойства какъ въ Твери, такъ и въ Москвѣ (Герасимъ и Никодимъ). Отсюда съ одной стороны онъ сознавалъ необходимость сочувствія стремленіямъ старообрядцевъ, съ другой—нужду безусловнаго отрицанія ихъ просьбъ. Большее или меньшее проникновеніе въ замыслы различныхъ старообрядцевъ, болѣе или менѣе удачное разрѣшеніе ихъ просьбъ могло неодинаково отозваться на самихъ православныхъ. Вмѣсто пользы, можно было, пожалуй, принести вредъ церкви. Создавалась, такимъ образомъ, „серьезность“, „важность“ вопроса о раскольникахъ, его „общій интересъ“ и трудность удовлетворительнаго разрѣшенія. Все это великій московскій іерархъ понималъ лучше большинства своихъ современниковъ и потому требовалъ осторожности и глубокой обдуманности въ дѣйствіяхъ по учрежденію единовѣрія. Словомъ, и въ письмахъ къ Меѳодію Платонъ сохранялъ ту же точку зрѣнія на вопросъ о раскольникахъ, что и въ прежде упомянутомъ письмѣ къ Никифору Ѳеотоки и вообще въ дѣйствіяхъ, предшествовавшихъ письмамъ къ Меѳодію, раскрывая только свои взгляды съ нѣкоторыми новыми чертами.

Дальнѣйшія событія еще больше выясняютъ какъ вѣрность сужденія московскаго архипастыря по вопросу о дарованіи священства старообрядцамъ, такъ даютъ новые случаи къ пополненію этихъ сужденій и, вообще, къ болѣе ясному выраженію Платономъ своихъ убѣжденій въ отношеніи разсматриваемаго предмета.—Просьба московскихъ старообрядцевъ на высочайшее имя была удовлетворена императоромъ, но удовлетворена своеобразно. Государь собственноручно на просьбѣ начерталъ карандашемъ указъ такого содержанія. „Какъ они сами отзываются мною быть довольными, то и оставили бъ мнѣ съ преосвященнымъ Казанскимъ дѣло ихъ вѣдать и сему послѣднему снабдить ихъ священниками по ихъ одобреніямъ; о протчемъ оставляю, дабы не произошло недоразумѣнія, а о сумнѣніяхъ спрашиваться меня имъ же самимъ“[1]).

Мы не думаемъ, чтобы Павелъ I совершенно не понялъ истиннаго смыла прошенія московскихъ старообрядцевъ. Намъ представляется болѣе соотвѣтствующимъ существу предмета предположеніе, что императоръ хотѣлъ воспользоваться обращеніемъ къ нему старообрядцевъ, такъ сказать, въ миссіонерскихъ цѣляхъ. Онъ сознавалъ незаконность просьбы старообрядцевъ, видѣлъ невозможность выполненія ея въ полномъ видѣ, но самое ихъ обращеніе къ нему, выходившее изъ желанія обладать полною іерархіею, казалось ему, представляло удобную почву для привлеченія ихъ къ единенію съ церковью. Поставляя исходнымъ началомъ своихъ законоположеній отзывъ самихъ старообрядцевъ о немъ, заявленное ими довѣріе къ нему, онъ направлялъ свой указъ къ удовлетворенію ихъ просьбы относительно іерархіи по существу въ томъ же смыслѣ, въ какомъ уже ранѣе[2]) состоялось дозволеніе старообрядцамъ имѣть отъ православной церкви священниковъ и совершать богослуженіе по старымъ обрядамъ. Только московскіе старообряд-

[1]) Съ указа была снята копія и свѣрена генералъ-прокуроромъ Лопухинымъ для храненія ея вмѣстѣ съ подлинникомъ, изъ опасенія порчи подлиннаго текста, какъ писаннаго карандашемъ.—Приложеніе № 4, л. 2.

[2]) Указъ 1798. г. марта 12.

цы отданы были имъ въ вѣдѣніе не епархіальнаго архіерея. Отвѣчая на просьбу старообрядцевъ относительно архіепископа и священниковъ, онъ указалъ имъ архіепископа въ лицѣ находившагося въ то время въ С.-Петербургѣ, въ качествѣ синодальнаго члена, Казанскаго архіепископа Амвросія. Его онъ и уполномочилъ снабжать старообрядцевъ священниками. По существу здѣсь разницы не возникало, а для императора Павла такое подчиненіе московскихъ старообрядцевъ архіепископу, находящемуся въ Петербургѣ, могло представляться болѣе удобнымъ, такъ какъ, вмѣстѣ съ подчиненіемъ архіепископу, онъ оставлялъ старообрядцевъ въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи. Во избѣжаніе же недоразумѣній, Павелъ дозволеніемъ архіепископу Амвросію снабжать старообрядцевъ священниками и ограничилъ свои законоположенія; о подробностяхъ онъ умалчивалъ. Дальнѣйшее привлеченіе старообрядцевъ къ церкви Павелъ какъ бы предоставлялъ архіепископу.

Такимъ образомъ императоръ удовлетворилъ просьбѣ старообрядцевъ касательно іерархіи голько съ внѣшней стороны; по своему же существу просьба осталась неисполненною: самостоятельнаго старообрядческаго епископа, тѣмъ болѣе архіепископа съ особымъ управленіемъ, онъ не далъ имъ. Устроенія самостоятельной старообрядческой церкви на подобіе церквей инославныхъ исповѣданій, чего добивались просители, не послѣдовало. Выгоды указа состояли только въ томъ, что старообрядцы пріобрѣтали возможность имѣть у себя въ изобиліи всего болѣе необходимыхъ для нихъ священниковъ и діаконовъ правильнаго посвященія.

Конечно, при такой постановкѣ императоромъ Павломъ вопроса о московскихъ раскольникахъ, трудно было надѣяться на дальнѣйшее благопріятное разрѣшеніе его, когда по необходимости должно было послѣдовать выясненіе дѣйствительныхъ желаній старообрядцевъ. Какъ основанное на почвѣ не реальныхъ стремленій старообрядцевъ, а лишь на желаніи императора Павла присоединенія раскольниковъ къ церкви, оно не могло обѣщать благихъ послѣдствій. Такъ и случилось. Непрочность начатыхъ отношеній къ старообрядцамъ обнаружилась вскорѣ же.

Высочайшій указъ, послѣдовавшій отъ 3 іюня 1799 г. на просьбу московскихъ старообрядцевъ, сообщенъ былъ генералъ-прокуроромъ архіепископу Амвросію и довѣреннымъ старообрядцевъ. При этомъ князь Лопухинъ объявилъ довѣреннымъ, чтобы они для принятія дальнѣйшихъ распоряженій явились къ архіепископу Амвросію[1]). Купцы Дмитрій Ѳедоровъ и Митрофанъ Ильинъ не замедлили отправиться къ преосвященному Амвросію. Но явились не просто для принятія распоряженій преосвященнаго, а съ заявленіемъ о тѣхъ же непозволительныхъ претензіяхъ, которыя съ подробностью были ими высказаны въ прошеніи на имя государя.

Согласно высочайшему указу, старообрядцы просили архіепископа Казанскаго (отъ 9 іюня 1799 г.) произвести формальное, законное опредѣленіе къ нимъ, съ выдачею необходимыхъ письменныхъ документовъ, находящихся издавна у нихъ священниковъ: Алексѣя Ѳедорова, Андрея Андреянова, Ѳедора Христофорова, Петра, Іоанна, Карпа и Алексѣя Кузмина (изъ Ржева, временно отлучившагося въ Стародубье); діаконовъ: Харлампія Козмина и Петра, обѣщаясь необходимыя справки о нихъ представить послѣ, когда онѣ будутъ собраны; а устроивши у нихъ такимъ образомъ священство, указать, „какое будетъ при ономъ учрежденіе“. При этомъ повѣренные напередъ объясняли, „на какомъ основаніи содержаніе старообрядческой церкви і общественнаго порядка быть должно“. Они хотѣли видѣть устройство ея на основѣ 15 пунктовъ, поднесенныхъ отъ лица общества государю императору. Не довольствуясь одной ссылкою на эти пункты, они предлагали архіепископу Амвросію („не благоугодно-ли будетъ“) „при открытіи Святей церкви і священству“ не нарушать „цѣлости“ старообрядческой церкви, „снисходя народному обычаю іздавныхъ лѣтъ приобыкшему во оной старообрядческой цѣлости“, соблюдать „весь нашъ обрядъ вѣры во всякой цѣлости“, не вводить „никакихъ новостей“, никакой новой формы для богослуженія, ни теперь, ни тѣмъ болѣе не дозволять впослѣдствіи ничего подобнаго священникамъ („блазнительныхъ поступковъ“), но разрѣшить лишь „свободно пользоваться правами богослуженія по обрядамъ, отъ предковъ наслѣдованыя і

[1]) Приложеніе № 5, л. и об. I.

нынѣ въ обществѣ ихъ содержанныхъ". Муро оставить у нихъ староосвященное, разбавляемое масломъ, такъ какъ они его признаютъ достаточнымъ для своей цѣли: „миромъ не снабжать, ібо наше общество признаетъ довольнымъ быть староосвященнаго мира, а по скудости з добавленіемъ освященнаго масла". Воспретить посѣщеніе ихъ храмовъ лицамъ другихъ обрядовъ: „никто обряда другой веры в наше общество во святыя церкви... властно не входилъ бы для молитвоприношенія і священникамъ таковаго поступка никому не дозволять". Напротивъ, ищущимъ полнаго присоединенія къ ихъ обществу не возбранять. Присоединять же ихъ „порядкомъ і обрядомъ темъ, какой нынѣ у нихъ состоитъ, не изъключая никакой персоны". Въ довершеніе повѣренные представляли свое заявленіе съ прежней претензіей на объединеніе всѣхъ старообрядцевъ въ одномъ обществѣ на выработанныхъ ими принципахъ, безъ всякаго уполномочія называя себя, помимо московскаго рогожскаго общества, повѣренными петербургскихъ старообрядцевъ, 34 керженскихъ скитовъ, крестьянъ разныхъ волостей Воронежской губерніи[1]).

Понятно, преосвященный Амвросій не могъ согласиться на чисто расколничьи желанія повѣренныхъ. Въ своемъ опредѣленіи по этому случаю онъ старается поставить требованія старообрядческихъ представителей въ должныя границы. Выяснивъ на основаніи оффиціальнаго сообщенія генералъ-прокурора полномочія Дмитрія Ѳедорова съ товарищемъ, какъ представителей старообрядческаго общества лишь московскаго, преосвященный Амвросій и прошенія ихъ объ опредѣленіи къ нимъ священниковъ ограничиваетъ предѣлами только этого общества. Поэтому прямо исключаетъ изъ списка священниковъ, представленныхъ ему повѣренными, Алексѣя Ржевскаго, какъ отправляющаго службу не у московскихъ,а у стародубскихъ старообрядцевъ[2]). Относительно же порядка опредѣленія священниковъ, отправленія ими богослуженія безъ введенія новостей, относительно управленія, способа матеріальнаго содержанія священнослужителей и т. п.

[1]) Приложенія, № 10, л. 7—8.

[2]) Тамъ же, № 11, л. и об. 9, пунктъ 3.

пунктовъ преосвященный Амвросій разсуждаетъ въ предѣлахъ выработанныхъ имъ условій (въ 4-хъ пунктахъ).

Согласно высочайшему указу 3 іюня 1799 года, предоставлявшему Амвросію право снабжать старообрядцевъ священниками по ихъ одобреніямъ, Амвросій указываетъ порядокъ[1]), какихъ собственно священниковъ они должны избирать и рекомендовать ему для опредѣленія къ нимъ, обозначаетъ ихъ обязанности, равно отмѣчаетъ нѣкоторыя обязательства для старообрядцевъ въ отношеніи вновь опредѣляемыхъ къ нимъ священниковъ; окончательное же рѣшеніе по нѣкоторымъ пунктамъ отлагаетъ до выясненія по нимъ желаній старообрядцевъ.—Священники могутъ быть избираемы изъ всѣхъ епархій изъ числа лицъ „поведенія честнаго“ и изъ добровольно желающихъ перейти къ старообрядцамъ. Здѣсь, конечно, возможны неправильныя рекомендаціи. Во избѣжаніе ихъ, Амвросій обязываетъ старообрядцевъ давать подробныя свѣдѣнія объ избираемыхъ священникахъ,—отмѣчать ихъ имена, лѣта, составъ ихъ семействъ, согласіе на переходъ къ старообрядцамъ, ихъ прежнее мѣстослуженіе: епархію, городъ или село, церковь. Для бѣглыхъ же указывать причины оставленія ими своихъ приходовъ. Всѣ эти подробности открывали возможность предварительной провѣрки старообрядческихъ одобреній относительно избираемыхъ ими священниковъ при посредствѣ справокъ въ епархіальныхъ консисторіяхъ и, слѣдовательно, опредѣленія только лицъ, заслуживающихъ довѣрія (п. 1). Бѣглыхъ священниковъ, пребывающихъ уже у старообрядцевъ, совершенно не допускать къ священнодѣйствію пр. Амвросій не находилъ удобнымъ, но на будущее время онъ воспрещалъ старообрядцамъ принимать къ себѣ таковыхъ и представлять

[1]) Положеніе, „на какомъ основаніи священники опредѣляемы и содержимы быть должны“, составлено преосвященнымъ Амвросіемъ вслѣдъ за полученіемъ копіи съ высочайшаго повелѣнія. Копія была получена 7 іюня, а постановленіе подписано 8-мъ іюня. 8-го же іюня пр. Амвросій увѣдомилъ Св. Синодъ о послѣдовавшемъ высочайшемъ опредѣленіи по просьбѣ московскихъ старообрядцевъ; 9-го такое же увѣдомленіе отправилъ митрополиту Московскому Платону, а 12-го начальнику Московской губерніи, графу Салтыкову и преосвященному Серапіону, викарію московскаго митрополита.—Приложенія, № 6, л. 3; № 9, л. 48; № 16, л. 44; № 17, л. 26.

о нихъ ему (п. 3.). Обязанности опредѣляемыхъ къ старообрядцамъ священниковъ кратко обозначаются арх. Амвросіемъ а) въ отправленіи богослуженія по старопечатнымъ книгамъ съ принесеніемъ (положенныхъ) моленій о царской фамиліи, б) въ пастырскомъ руководствѣ пасомыхъ старообрядцевъ „на основаніи правилъ соборныхъ и святыхъ отецъ“, с) въ безукоризненности собственнаго нравственнаго поведенія и въ соблюденіи обязанностей возлагаемыхъ на нихъ гражданскими законами (п. 2.). Старообрядцы обязывались опредѣляемымъ священникамъ выдавать содержаніе, помимо доходовъ за требоисправленіе; размѣръ его требовалось обозначать при представленіи священника къ опредѣленію (п. 1). Опредѣленныхъ священниковъ старообрядцамъ воспрещалось отрѣшать самовольно безъ архіепископа (п. 3). Наконецъ, кому наблюдать за поведеніемъ священниковъ, на кого возложить церковное письмоводство, веденіе обысковъ, метрическихъ книгъ и исповѣдныхъ вѣдомостей, куда и когда представлять эти записи—все подобное Амвросій полагалъ разрѣшить послѣ мнѣнія по сему предмету самого старообрядческаго общества (п. 4[1]).

Изложенныя условія пр. Амвросій передалъ на соглашеніе повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ: объявилъ имъ выработанное положеніе, выдалъ имъ копію съ него за своею подписью, а на словахъ добавилъ, чтобы въ своемъ мнѣніи повѣренные указали, гдѣ желаютъ „быть подъ судомъ при могущихъ случиться какихъ-либо слѣдственныхъ дѣлахъ“[2]).

Пункты преосвященнаго Амвросія, какъ видно изъ содержанія ихъ, направляли единеніе старообрядцевъ съ церковью къ дальнѣйшему шагу.

При такой категоричности требованій арх. Амвросія, старообрядцамъ оставалось или совершенно отказаться отъ выгодъ высочайшаго указа, или согласиться на условія преосвященнаго Амвросія. Такъ какъ въ этихъ условіяхъ все же было удовлетвореніе желаніямъ старообрядцевъ относительно священнослужителей, которымъ дозволялось отпра-

[1]) Приложенія, № 8, л. и об. 5.

[2]) Тамъ же, № 8, л. 6; № 11, л. 9.

влять богослуженіе съ соблюденіемъ старыхъ обрядовъ, то повѣренные старообрядцевъ избрали послѣднее, тѣмъ болѣе, что условія были слишкомъ общаго содержанія. Вполнѣ не отказываясь отъ своихъ претензій, повѣренные Дмитрій Ѳедоровъ съ товарищемъ просятъ[1]) теперь лишь объ опредѣленіи къ нимъ священнослужителей, пребывающихъ уже у нихъ на кладбищѣ, обязуясь по пріѣздѣ въ Москву прислать требуемыя свѣдѣнія о нихъ, и только одному священнику (бывшему Коломенской епархіи, города Бронницъ, Архангельской соборной церкви) Ѳедору Христофорову, случайно пріѣхавшему въ С.-Петербургъ, просятъ выдать письменный видъ на проѣздъ въ Москву[2]).

На пониженный тонъ старообрядческихъ повѣренныхъ преосвященный Амвросій отвѣтилъ резолюціею о временномъ допущеніи поименованныхъ ими священниковъ и діаконовъ къ отправленію христіанскихъ требъ на кладбищѣ. Въ принципѣ онъ признавалъ представляемыхъ старообрядцами священниковъ и діаконовъ достойными преданія церковному суду за оставленіе своихъ приходовъ. Но принимая во вниманіе ихъ долговременное пребываніе у старообрядцевъ, одобреніе ихъ поведенія старообрядческими повѣренными, наконецъ, видимую терпимость гражданскаго начальства къ ихъ пребыванію у старообрядцевъ, преосвященный Амвросій отнесся къ нимъ снисходительно: онъ позволилъ имъ по прежнему оставаться при кладбищенскомъ молитвенномъ храмѣ московскихъ старообрядцевъ, отложивъ, однако, окончательное опредѣленіе ихъ съ разрѣшеніемъ совершать литургію впредь до полученія о нихъ необходимыхъ свѣдѣній отъ старообрядцевъ и епархіальныхъ архіереевъ. О Ѳедорѣ Христофоровѣ, какъ отмѣченномъ старообрядцами изъ какой епархіи, онъ тутъ же распорядился навести справки у коломенскаго преосвященнаго. Что же

---

[1]) Они все-таки и въ этомъ прошеніи по прежнему называютъ себя повѣренными многихъ обществъ, помимо московскаго, и настаиваютъ дозволить имъ „нерушимо пользоваться правами богослуженія по обрядамъ отъ предковъ ихъ наслѣдованныхъ і нынѣ въ обществѣ ихъ содержанномъ“.

[2]) Приложенія, № 12, л. 10—11.

касается выдачи паспорта для Ѳедора Христофорова, то онъ не находилъ къ тому препятствій[1]).

Итакъ, въ отвѣтъ на домогательства московскихъ старообрядцевъ самостоятельной раскольничьей іерархіи, независимаго управленія и объединенія разныхъ своихъ обществъ, императоръ Павелъ указомъ предложилъ имъ существовавшее уже въ церкви единовѣріе (хотя безъ этого имени), предоставляя разработку началъ для него архіепископу Амвросію. Такъ какъ указъ Павла и условія Амвросія имѣли прямой интересъ для раскольниковъ, то повѣренные, хотя уже послѣ безуспѣшнаго изъясненія предъ Амвросіемъ дѣйствительныхъ, чисто раскольничьихъ желаній своихъ довѣрителей, все-таки согласились принять высочайшій указъ и условія преосвященнаго Амвросія и получили отъ него разрѣшеніе на отправленіе богослуженія своимъ бѣглымъ попамъ и діаконамъ[2]). Само собою понятно, личное согласіе повѣренныхъ, даже искреннее вовсе не могло быть тождественнымъ мнѣнію довѣрителей. Старообрядцы получали то, чего не просили и на ходатайство о чемъ полномочій своимъ повѣреннымъ не давали. Надѣяться же на перемѣну ими своихъ убѣжденій чрезъ одинъ указъ, насильственно привлекавшій ихъ къ единенію съ церковью, было немыслимо. Другими словами: здѣсь не было и не могло состояться единовѣрія, на которое разсчитывалъ императоръ Павелъ и въ силу указа котораго производилъ соотвѣтственныя распоряженія преосвященный Амвросій.

---

1) Приложенія, № 13, об. 11. Архивъ Новг. митр., дѣло 1799 г. іюня 7, № 49 (9), л. 17.

2) Въ смыслѣ изложенной резолюціи Амвросія повѣреннымъ старообрядцевъ выданъ былъ (11 іюня 1799 г.) указъ изъ походной конторы архіепископа вмѣстѣ съ паспортомъ для священника Ѳедора Христофорова (приложенія, № 14, л. 81—82). О своихъ распоряженіяхъ по высочайшему указу пр. Амвросій сообщилъ генералъ-прокурору для всеподданнѣйшаго донесенія (тамъ же, № 15, л. и об. 15). Но князь Лопухинъ не согласился въ этомъ отношеніи съ преосвященнымъ архіепископомъ. „Разумъ, писалъ князь, и образъ указа (3 іюня 1799 г.) доказываютъ, что Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы распоряженія по сей части оставались въ единственномъ свѣдѣніи вашемъ и ни куда и ни чрезъ кого болѣе не проходили“. Поэтому князь долгомъ приверженности своей къ Амвросію поставлялъ сообщить ему, не признаетъ ли онъ „благопристойней-

Московскій святитель обнаружилъ наиболѣе вѣрное пониманіе совершавшагося событія. Получивъ сообщеніе архіепископа Амвросія о содержаніи высочайшаго указа отъ 3 іюня 1799 г., преосвященный Платонъ, согласно желанію Амвросія „о полученіи увѣдомить“[1]), писалъ отъ 22 іюня.— „Преосвященнѣйшій Владыко, любезный о Господѣ братъ и пріятель! Извѣстіе, какое ваше преосвященство заблагоразсудили мнѣ сообщить, что по имянному высочайшему указу дозволенно вашему преосвященству въ Москвѣ давать раскольникамъ священниковъ, я получилъ и въ консисторію сдалъ“[2]).

Уже въ этомъ простомъ увѣдомленіи просвѣчиваетъ взглядъ м. Платона на отношенія Амвросія къ старообрядцамъ въ силу высочайшаго указа 3 іюня 1799 года. Платонъ кратко, но вѣрно опредѣляетъ то, что составляло дѣйствительный фактъ, не одни бумажныя предписанія,—отмѣчаетъ тѣ условія, которыя могли быть принятыми на Рогожскомъ кладбищѣ, именно: опредѣленіе туда священниковъ архіепископомъ Амвросіемъ по указу Павла. Конечно, одно полученіе старообрядцами отъ православнаго архіерея священнослужителей не устанавливало еще фактически единенія ихъ съ церковью, какъ не устанавливало его принимание ими бѣглыхъ поповъ и діаконовъ. Расколъ оставался на кладбищѣ по прежнему; только теперь облегчалось для раскольниковъ пріобрѣтеніе священнослужителей. Посему м. Платонъ въ своемъ отвѣтѣ Амвросію не перестаетъ называть рогожскихъ старообрядцевъ по прежнему прямо „раскольниками“. Отъ болѣе же ясныхъ и рѣшительныхъ сужденій онъ пока воздерживался.

шимъ донести о семъ непосредственно отъ себя Его Императорскому Величеству“ (тамъ же, № 18, л. и об. 18). Тогда архіепископъ представилъ всеподданнѣйшій рапортъ лично отъ своего имени о своихъ распоряженіяхъ касательно московскихъ старообрядцевъ. Къ рапорту преосвященный Амвросій присоединилъ копію съ „даннаго имъ повѣреннымъ объявленія“ (тамъ же, № 19, л. 20—21).

[1]) Приложенія, № 9, л. 48.

[2]) Письма пр. Платона къ пр. Амвросію, № 52: Православное Обозрѣніе 1869 г., т. II, приложенія, стр. 40.

Въ перепискѣ со своими друзьями—преосвященнымъ Амвросіемъ и преосвященнымъ Меѳодіемъ Платонъ выражался откровеннѣе.—Издавъ первыя распоряженія, Амвросій какъ будто затѣмъ самъ началъ тревожиться, бояться за вредныя послѣдствія ихъ и сталъ изыскивать способы къ предотвращенію соблазна, въ случаѣ отрицательнаго исхода начатыхъ сношеній съ московскими старообрядцами. Онъ спѣшитъ уменьшить оффиціальность и гласность происходящаго явленія.—Съ этой цѣлью Амвросій уничтожаетъ силу выданнаго имъ повѣреннымъ указа изъ своей походной конторы, требуетъ возвращенія его, замѣняя указъ простымъ свидѣтельствомъ, документомъ, впрочемъ, вполнѣ достаточнымъ, для подтвержденія истинности произведеннаго имъ опредѣленія къ старообрядцамъ священнослужителей, особенно въ связи съ имѣвшейся у старообрядцевъ копіей съ высочайшаго указа 3 іюня[1]). Возвращенія указа, выданнаго изъ походной конторы, замѣны его свидѣтель-

[1]) Самый высочайшій указъ, составлявшій основаніе для распоряженія пр. Амвросія, въ свидѣтельствѣ не прописывался; о немъ упоминалось здѣсь лишь въ видѣ намека: „на извѣстномъ мнѣ и вамъ имѣющемся у васъ основаніи“. И предназначеніе давалось свидѣтельству болѣе узкое, такъ сказать, домашнее: извѣстность его должна была ограничиваться предѣлами одного старообрядческаго общества. Между тѣмъ указъ выдавался какъ „открытой“, выдавался „съ тѣмъ, чтобы (повѣренные) по пріѣздѣ въ Москву объявили оной, гдѣ слѣдуетъ“. Впрочемъ, свидѣтельство, уступая указу Амвросія въ оффиціальности, выигрывало предъ нимъ опредѣленностью и даже полнотою содержанія. Въ свидѣтельствѣ говорилось не объ условномъ допущеніи священниковъ къ отправленію требъ, какъ въ указѣ, а вообще объ опредѣленіи ихъ къ московской кладбищенской часовнѣ, для отправленія богослуженія и христіанскихъ требъ по старопечатнымъ книгамъ. Относительно справокъ, требуемыхъ указомъ объ опредѣляемыхъ священнослужителяхъ, въ свидѣтельствѣ не было рѣчи. Затѣмъ сравнительно съ указомъ прибавлялось, какъ вести себя священникамъ и какъ поступать съ старообрядцами: на основаніи правилъ соборныхъ и св. отецъ. Словами 2-го пункта условій, выработанныхъ Амвросіемъ, въ свидѣтельствѣ говорилось о возношеніи священниками при богослуженіи моленій о царствующемъ домѣ, объ исполненіи гражданскихъ законовъ и удерживаніи себя отъ проступковъ.—Приложенія, № 21, л. и об. 79; № 14, л. 81—82.

ствомъ Амвросій требовалъ письменно[1]), приказывалъ и лично, остававшемуся еще въ то время въ Петербургѣ повѣренному Митрофану Ильину[2]).

По тому же побужденію внести больше секретности въ свои сношенія съ раскольниками, преосвященный Амвросій стремится собрать всѣ документы, посланные имъ въ Москву представителямъ церковнаго и гражданскаго управленія. 13 же іюня онъ пишетъ московскому митрополиту.—„Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Милостивый мнѣ благодѣтель! —Отношеніе отправленное отъ меня къ свѣдѣнію Вашего Высокопреосвященства сего іюня 12 дня[3]) подъ № 2-мъ съ приложеніемъ (т. е. приложеніемъ копій съ высочайшаго указа отъ 3 іюня и отношенія князя Лопухина по содержанію сего указа) благоволите, признавъ секретнѣйшимъ, прислать ко мнѣ обратно“[4]). А въ письмѣ къ викарію Московской митрополіи, преосвященному Серапіону Дмитровскому къ требованію о возвращеніи отношенія о старообрядцахъ (отъ 12 іюня за № 9) и о сохраненіи въ секретѣ изложеннаго въ немъ Амвросій добавлялъ: „по сей части приложенное письмо къ преосвященному митрополиту прошу доставить немедля, взявъ предосторожность о сохраненіи

---

[1]) Въ письмѣ повѣренныхъ московскихъ старообрядцевъ преосвященный Амвросій, кромѣ того, уменьшалъ требованія относительно справокъ о священникахъ. Вѣроятно, не считая удобнымъ однажды допущенныхъ священнослужителей къ отправленію христіанскихъ требъ у старообрядцевъ отрѣшать, Амвросій выражался въ письмѣ, что въ справкахъ о нихъ „надобности дальной“ онъ не предвидитъ, и что эти справки повѣренные должны представить ему только для его свѣдѣнія и развѣ для того еще, чтобы могло быть выдано вмѣсто общаго свидѣтельства каждому изъ священнослужителей отдѣльное.—Приложенія, № 20, л. 23.

[2]) Послѣдній не могъ выполнить требованій архіепископа въ Петербургѣ, такъ какъ указъ уже увезенъ былъ въ Москву Дмитріемъ Ѳедоровымъ. И изъ Москвы указъ не тотчасъ былъ возвращенъ. Дмитрій Ѳедоровъ, у котораго хранился указъ, уѣхалъ изъ Москвы на Макарьевскую ярмарку прежде, чѣмъ прибылъ въ Москву изъ Петербурга Митрофанъ Ильинъ. Да и самъ Ильинъ тоже собирался на ярмарку. Требованія архіепископа Ильинъ обѣщался исполнить только по возвращеніи съ ярмарки.—Приложенія, № 29, л. 59.

[3]) Нужно читать 9-го. 12-ое поставлено ошибочно: подлинное отношеніе помѣчено 9 числомъ.—Приложенія, № 9, л. 48; ср. № 6, л. 3.

[4]) Приложенія, № 23, л. 22.

ежелибъ отъ него въ копію здано было“[1]). О таковомъ же возвращеніи отправленныхъ документовъ о старообрядцахъ Амвросій писалъ московскому военному губернатору, прося его вмѣстѣ съ тѣмъ о сохраненіи полученныхъ свѣдѣній въ строгой тайнѣ, такъ, какъ бы и не получалъ онъ ихъ[2]).

Среди этихъ поправокъ пр. Амвросія м. Платону представляются случаи для сужденій о сношеніяхъ съ московскими раскольниками. Въ оффиціальномъ письмѣ Амвросію м. Платонъ не выражалъ своихъ мыслей, по поводу требованія возвращенія присланныхъ къ нему бумагъ. Онъ коротко писалъ, что присланныя къ нему свѣдѣнія съ приложеніями онъ возвращаетъ[3]). Но въ частныхъ письмахъ Платона встрѣчаются подробности. Желаніе преосвященнаго Амвросія сохраненія втайнѣ своихъ сношеній съ старообрядцами м. Платонъ находилъ запоздалымъ. „Секретно содержать уже нельзя. Прежде о семъ не писано. Здано было въ консисторію; и всѣмъ стало извѣстно“[4]). Притомъ же намѣренія пр.

[1]) Приложенія, № 24, л. 22.

[2]) Тамъ же, № 22, л. 22.—Въ письмѣ повѣреннымъ о замѣнѣ указа свидѣтельствомъ, въ отношеніяхъ м. Платону и его викарію о возвращеніи бумагъ о старообрядцахъ, въ отношеніи пр. Коломенскому, отъ котораго Амвросій требовалъ сохраненія втайнѣ справокъ о Ѳедорѣ Христофоровѣ—во всѣхъ этихъ документахъ ничего не говорится о мотивахъ для поправокъ Амвросія. Въ отношеніи же графу Салтыкову Амвросій свое требованіе о возвращеніи отправленныхъ документовъ аргументируетъ ненадобностью ихъ для московскаго военнаго губернатора—„не нужно и не слѣдовало“: старообрядцы сами имѣютъ и копію съ высочайшаго указа, и свидѣтельство на опредѣленіе священниковъ, которыя по возникшей нуждѣ могутъ быть представлены, кому надлежитъ. Но, само собой понятно, объясненіе это недостаточное: для представителей власти лучше было знать о новыхъ законоположеніяхъ относительно старообрядцевъ, чтобы не стать къ нимъ не по своей винѣ въ фальшивыя отношенія. Правда, тайну труднѣе соблюсти при существованіи о ней въ различныхъ канцеляріяхъ документальныхъ свѣдѣній. Но никакого секрета въ данномъ случаѣ не требовалось по существу дѣла: присоединеніе къ церкви должно быть гласнымъ, а не тайнымъ. Отъ кого таить, отъ православныхъ или отъ раскольниковъ?! То и другое нелѣпо.

[3]) Приложенія, № 27, л. 47.

[4]) Письма пр. Платона къ пр. Амвросію, № 53; напеч. въ Православномъ Обозрѣніи 1869 г., т. 2, стр. 41.—Точно также запоздалыми оказались заботы пр. Амвросія въ отношеніи графа Салтыкова. Возвращая полученныя отъ архіепископа Амвросія бумаги о старо-

Амвросія казались м. Платону безцѣльными, ибо „раскольники, писалъ Платонъ, получивъ то (т. е. документы объ опредѣленіи къ нимъ священнослужителей) уже, думаю, разгласили по вселенной“[1]).

Не здѣсь, по его мнѣнію, слѣдовало наблюдать осторожность. Осмотрительность требовалась при самомъ началѣ сношеній съ старообрядцами. Съ чувствомъ явнаго неодобренія происходившихъ сношеній, даже негодованія, отвѣ-

обрядцахъ, Салтыковъ заявлялъ о невозможности сохранить ихъ втайнѣ, потому что получилъ ихъ не какъ секретныя и успѣлъ уже дать приказаніе провести ихъ „формальнымъ актомъ“ для надлежащаго исполненія (приложенія, № 26. л. 43). Только преосвященный Коломенскій отвѣчалъ Амвросію, что справки о священникѣ Христофоровѣ произведены имъ домовымъ образомъ и подъ видами, удаляющими свѣдѣніе о нихъ другихъ. (Архивъ Новгородскихъ митроп. дѣло 1799 г. іюня 7, № 49 (9), л. 61–63). Да преосвященный Серапіонъ обѣщался взять предосторожность, о какой писалъ къ нему архіепископъ Амвросій, препровождая къ послѣднему требуемое обратно отношеніе и обѣщаясь не медля доставить приложенное къ сему отношенію письмо м. Платону. Относительно же сдачи м. Платономъ въ консисторію присланныхъ арх. Амвросіемъ документовъ преосвященный Серапіонъ самъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній, и его сообщеніе, что бумаги отъ митрополита въ копію не сданы, невѣрно: (приложенія, № 25, л. 25).

[1]) Письма м. Платона къ пр. Амвросію, № 53: Православное Обозрѣніе 1869 г., т. 2, приложеніе, стран. 41.—Московскій архипастырь не ошибался. Вслѣдъ за высочайшимъ указомъ 3 іюня 1799 года послѣдовали прошенія на имя пр. Амвросія отъ другихъ старообрядцевъ: стародубскихъ (Архивъ Новг. митр., дѣло 1799 г. № 49, л. 83 84), донскихъ (тамъ же, л. 30—35), петербургскихъ (тамъ же, л. 36—37), екатеринбургскихъ (тамъ же, л. 97—99). Видно было, что свѣдѣнія объ успѣхахъ московскихъ раскольниковъ быстро распространялись между старообрядцами не одной Москвы. – Случилось нѣчто даже большее. Московскіе старообрядцы сами стали требовать отъ пр. Амвросія, чтобы прописывать высочайшій указъ въ опредѣленіяхъ священниковъ и сообщать объ этихъ опредѣленіяхъ гражданскому начальству согласно условіямъ Амвросія опять съ прописаніемъ именного указа 3 іюня. И пр. Амвросій не только сношеніе съ гражданскимъ правительствомъ призналъ нужнымъ, но самъ еще ходатайствовалъ о порученіи старообрядческихъ священнослужителей ближайшему вѣдѣнію епархіальныхъ архіереевъ, въ виду трудности его для него самого, по отдаленности мѣстъ и „по неимѣнію для всякихъ переписокъ извѣстныхъ особъ“: епархіальные архіереи должны опредѣлять священнослужителей къ старообрядцамъ и сообщать о томъ пр. Амвросію, какъ и „о всякихъ нужныхъ по дѣламъ старообрядческимъ обстоятельствахъ“: епархіальнымъ

чалъ онъ Амвросію на его требованіе обратной присылки бумагъ о старообрядцахъ. „Возвращаю съ большимъ удовольствіемъ, нежели съ каковымъ получилъ. Когдабъ оно (дѣло о раскольникахъ) въ такомъ видѣ никогда не возвращалось“[1]).

А тотъ способъ, которымъ велось дѣло съ старообрядцами, по мнѣнію Платона, не могъ окончиться желательными результатами: единенія съ православною церковью не могло послѣдовать, при чисто раскольничьихъ убѣжденіяхъ и намѣреніяхъ старообрядцевъ, отъ которыхъ они не отказывались. „Какія изъ сего слѣдствія произойдутъ, писалъ Платонъ арх. Амвросію, время откроетъ; а только думаю, что скоро не только я, но и вы облегчены будете. Ибо ихъ намѣреніе точное, чтобъ учинивъ сей первый шагъ, и въ немъ получивъ удачу, далѣе итти; а именно,—имѣть своихъ раскольническихъ епископовъ“[2]). Тѣмъ менѣе Платонъ ожидалъ благихъ плодовъ отъ начатаго дѣла, что во главѣ его состоялъ раскольникъ Дмитрій Ѳедоровъ, извѣстный Платону, какъ nequissimus bipedum, nullius conscientiae, nullius religionis (негоднѣйшая скотина, человѣкъ безъ всякой совѣсти, безъ всякой религіи[3]).

Самъ же лично м. Платонъ, какъ истинный пастырь, скорбѣлъ, при очевидной безпорядочности въ разрѣшеніи вопроса о московскихъ старообрядцахъ. Вотъ что писалъ онъ преосвященному Меѳодію по случаю высочайшаго указа 3 іюня 1799 года и поправокъ Амвросія къ своимъ распоряженіямъ. „Дѣла раскольниковъ, tohu va vohu, ввѣрены въ моей епархіи другому пастырю, Казанскому. Если что объ нихъ, или ко мнѣ, или къ другимъ писано отъ Казан-

---

архіереямъ старообрядцы должны подавать установленныя закономъ метрическія исповѣдныя книги; самимъ же старообрядцамъ опредѣленныхъ священниковъ не отрѣшать и бѣглыхъ впредь не принимать. Амвросій затруднился только относительно прописки высочайшаго указа 3 іюня 1799 г. какъ въ опредѣленіяхъ, такъ и въ сообщеніяхъ о нихъ гражданскому начальству и просилъ по сему предмету высочайшаго разъясненія.—Приложенія, № 30, л. 54—55.

[1]) Письма м. Платона къ пр. Амвросію, № 53; напечат. въ Православномъ Обозрѣніи, т. II, стр. 40.

[2]) Тамъ же, № 54, стр. 41.

[3]) Тамъ же.

скаго, все это пошло опять въ Петербургъ, по распоряженію Казанскаго архіерея.—Что изъ этого выйдетъ, не знаю. Между тѣмъ раскольники торжествуютъ, а мы скорбимъ и оплакиваемъ состояніе церкви Христовой. Будемъ умолять милосердіе Божіе, чтобы своею милостію утѣшилъ Сіонъ, и чтобы воздвиглись стѣны Іерусалима“[1]). Но съ другой стороны Платонъ какъ будто бы былъ и доволенъ тѣмъ, что вопросъ о раскольникахъ перенесенъ былъ въ Петербургъ. Онъ слишкомъ ясно представлялъ всю серьезность этого вопроса и трудность достойнаго разрѣшенія его. Поэтому въ письмахъ къ пр. Амвросію онъ прямо заявлялъ: „я весьма радъ, что сіе дѣло трудное и опасное меня миновало и почитаю сіе дѣйствіемъ милостивыхъ Божіихъ о мнѣ судебъ. Почему и прошу васъ всеприлежно употребить стараніе, чтобы и впредь, какъ я, такъ и правленіе московскія православныя паствы, отъ сего освобождены были, чѣмъ много меня и паству московскую обяжете“[2]).

Тѣмъ не менѣе Платонъ намѣчалъ принципы для разрѣшенія затронутаго вопроса. „Сіе дѣло (т. е. учрежденія единовѣрія) весьма важное: чрезъ 160 лѣтъ церковь противу сего стояла; потребенъ совѣтъ обще всѣхъ пастырей россійскія церкве и общее положеніе, и при томъ соблюсти честь церкве, что она не напрасно столько противу подвизалася и осуждала толикими опредѣленіями, толикими провозглашеніями, толикими изданными сочиненіями, толикимъ установленіемъ присоединенія ихъ къ церкви; дабы не остаться намъ въ стыдѣ и противники не возгласили бы прежнее: *побѣдихомъ*, да уже и кричатъ“[3]). Итакъ, по мнѣнію м. Платона, вопросъ объ учрежденіи единовѣрія, настолько важный, что для разрѣшенія его единичныхъ силъ недостаточно. Съ учрежденіемъ единовѣрія онъ предвидитъ возможность такихъ противорѣчій и возраженій со стороны раскольни-

[1]) Письмо м. Платона къ пр. Меѳодію отъ 20 іюля 1799 года: Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія 1877 г., мартъ, стран. 55.

[2]) Письма м. Платона къ пр. Амвросію, № 54: Православ. Обозрѣніе 1869 г., т. II, приложеніе, стр. 41.

[3]) Письма м. Платона къ пр. Амвросію, № 53; Православное Обозрѣніе 1869 г., т. II, приложеніе, стр. 41.

ковъ, которыя могутъ сопровождаться новыми бѣдствіями для церкви. Для разрѣшенія вопроса о присоединеніи старообрядцевъ съ позволеніемъ имъ совершать богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, необходимъ, если не прямо помѣстный соборъ русской церкви, то, по крайней мѣрѣ, „совѣтъ“ русскихъ пастырей, взаимное обсужденіе. Затѣмъ столь же необходимымъ признаетъ м. Платонъ выработку общаго положенія, опредѣляющаго условія единенія старообрядцевъ съ православною церковью.—Не безразлично также относится онъ къ названію присоединяющихся на новыхъ началахъ къ церкви, на началахъ сохраненія православныхъ догматовъ вѣры и повиновенія церкви при употребленіи старыхъ обрядовъ: „не они старообрядцы, а мы: они же новообрядцы; и ежели ихъ не называть раскольниками, по крайней мѣрѣ новообрядцами“[1]). Платонъ хочетъ точнѣе обозначить ихъ состояніе, вѣроятно потому, что наблюдалъ уже случаи злоупотребленія старообрядцевъ, раскольничествовавшихъ и послѣ формальнаго, или внѣшняго присоединенія къ церкви.

Итакъ происходившія сношенія архіепископа Амвросія, вслѣдствіе указа императора Павла, м. Платонъ опредѣлялъ какъ простое снабженіе раскольниковъ священнослужителями, безъ дѣйствительнаго привлеченія ихъ къ союзу съ церковью. Считая необходимою осмотрительность въ дѣлѣ о старообрядцахъ, преосвященный Платонъ признавалъ запоздалыми и безцѣльными стремленія архіепископа Амвросія сократить гласность своихъ сношеній съ старообрядцами, въ видахъ огражденія церкви отъ могущаго произойти вреда въ случаѣ отрицательнаго исхода этихъ сношеній. Желательное разрѣшеніе вопроса онъ находилъ невозможнымъ безъ отреченія раскольниковъ отъ своихъ раскольничьихъ убѣжденій и при веденіи сношеній чрезъ человѣка весьма ненадежной репутаціи. Оплакивая безпорядочность въ дѣлѣ о раскольникахъ, преосвященнный Платонъ однако выносилъ и утѣшеніе для себя изъ устраненія отъ участія въ разрѣшеніи столь труднаго и отвѣтственнаго вопроса.

[1]) Письма м. Платона къ пр. Амвросію, № 53: Православное Обозрѣніе 1869 г., т. II, приложеніе, стр. 41.

Тѣмъ не менѣе указывалъ принципы для правильнаго разрѣшенія дѣла: соборное обсужденіе, выработку общаго положенія, опредѣляющаго отношенія къ церкви желающихъ при старыхъ обрядахъ присоединиться къ ней, подысканіе подходящаго имени для присоединяющихся на новыхъ началахъ. Словомъ, проницательный іерархъ справедливо признавалъ неправильными петербургскія сношенія съ московскими старообрядцами и предначертывалъ основанія для должнаго разрѣшенія вопроса объ учрежденіи единовѣрія.

Чѣмъ дальше шли событія, тѣмъ сильнѣе оправдывался взглядъ м. Платона на печальную исторію сношеній съ московскими старообрядцами по именному указу 3 іюня 1799 года. Здѣсь прежде всего нашему вниманію предносится присланное пр. Амвросію „изъясненіе“ Дмитрія Ѳедорова отъ 30 іюня.—По пріѣздѣ въ Москву, Дмитрій Ѳедоровъ явился къ военному губернатору и предъявилъ ему полученные въ Петербургѣ документы. Со стороны Салтыкова онъ не встрѣтилъ никакихъ препятствій, такъ какъ графъ имѣлъ уже свѣдѣнія о новыхъ распоряженіяхъ касательно московскихъ старообрядцевъ. Затѣмъ Дмитрій Ѳедоровъ пригласилъ прихожанъ кладбища на 24-ое іюня въ молитвенный храмъ. Здѣсь торжественно прочитанъ былъ высочайшій указъ и опредѣленія преосвященнаго Амвросія. По словамъ автора „изъясненія“, старообрядцы, „какъ священники такъ і общество, вси весма несказанно возрадовахуся“ монаршей милости. Тотчасъ они принесли благодарственное моленіе съ колѣнопреклоненіемъ Подателю всѣхъ благъ Господу Богу; молились за здравіе и долгоденствіе „безъ-примѣрнаго в свете і премудраго в милостехъ Павла Перваго“ и всей высочайшей фамиліи. Но нашлись среди старообрядцевъ недовольные,—это попечители кладбища, купцы Архипъ Петровъ Обертышевъ, Иванъ Козьминъ Сидоровъ и Ѳаддей Михайловъ. Несмотря на то, что два послѣднихъ были даже неграмотные, названныя лица однако стояли во главѣ управленія кладбищемъ: принимали священниковъ, штрафовали ихъ и, вообще, „всякое духовное распоряженіе“ находилось въ ихъ волѣ. Попечители выступили съ противодѣйствіемъ Дмитрію Ѳедорову настолько энергичнымъ,

что Дмитрій Ѳедоровъ оказался „не въ силахъ“ привести въ фактическое исполненіе сообщенныхъ имъ обществу распоряженій высшей власти. Противники Дмитрія Ѳедорова „начали внушать“ представителямъ московской администраціи, военному и гражданскому губернаторамъ, также оберъ-полицеймейстеру Эртелю, что будто онъ „сіе произвелъ безъ согласія общества“, что находящіяся у него предписанія „фальшивыя“, что общество, довѣрившись ему, допустило нѣчто „весьма опасное“. Вслѣдствіе высказанныхъ ими подозрѣній, и графъ Салтыковъ, и гражданскій губернаторъ Архаровъ „неоднократно призывали“ къ себѣ Дмитрія Ѳедорова, разсматривали документы и разспрашивали о подлинности ихъ. Графъ, повидимому, вполнѣ соглашался съ Дмитріемъ Ѳедоровымъ и обѣщалъ ему свою помощь противъ дѣйствій Обертышева съ товарищами.—„А наконецъ, пишетъ Дмитрій Ѳедоровъ, сего іюня 29-го дня призванъ я былъ къ оберъ-полицеймейстеру Ѳедору Ѳедоровичу Эртель, і его превосходительство крайнѣ со мной строго і жестоко поступилъ, поносилъ і выражалъ такія слова для меня весма обидные і в самаго подлейшаго человѣка вмѣнилъ і запретилъ строгимъ словомъ, чтобы я ниже заикнуться могъ о данныхъ мнѣ отъ вашего преосвященства бумагахъ, і ежели объ оныхъ гдѣ упомяну толко, в тужъ минуту обрею полъ головы і полъ бороды і сосланъ будешь въ Сибирь і с великимъ безчестіемъ велелъ вытолкать вонъ“. На заявленія объ этихъ дѣйствіяхъ оберъ-полицеймейстера графъ отвѣчалъ лишь совѣтомъ подать на него жалобу. Теперь, опираясь на высочайшій указъ, относившій разсмотрѣніе дѣлъ о старообрядцахъ къ самому государю и преосвященному Амвросію, Дмитрій Ѳедоровъ сообщалъ о всемъ этомъ архіепископу, ожидая отъ него повелѣній на сей случай, такъ какъ попечители намѣрены вслѣдствіе „усильствія своего і впредь не исполнять данныхъ полезныхъ обществу предписаній“[1]).

Для выясненія причинъ возникшаго раздора на кладбищѣ, необходимо обратить вниманіе на слѣдующія обстоя-

[1]) Приложенія, № 28, л. 27—29.

тельства. Съ одной стороны Обертышевъ съ товарищами не признаютъ подлинности документовъ Дмитрія Ѳедорова, не считаютъ его уполномоченнымъ своего общества и, вообще, противодѣйствуютъ повѣреннымъ; противодѣйствуютъ, по объясненію Дмитрія Ѳедорова, по своему „любоначалію“. Съ другой стороны, по заявленію того же Дмитрія Ѳедорова, „все общество на ономъ положеніи (онымъ положеніемъ) остается весма довольнымъ“, чего „і самые противящіеся не могутъ опорочить“,—ходатайство предпринято имъ „по согласію“ общества[1]). Нѣсколько позднѣе раздора на кладбищѣ не видно. Самъ Обертышевъ съ товарищами, во время отъѣзда Дмитрія Ѳедорова и Митрофана Ильина на ярмарку, замѣняютъ ихъ на кладбищѣ какъ повѣренныхъ, на случай нужныхъ сношеній съ преосвященнымъ Амвросіемъ[2]). И на одномъ изъ документовъ попечители кладбища подписываются вмѣстѣ съ повѣренными, какъ повѣренными своего общества[3]). Принимаютъ бумаги привезенные Дмитріемъ Ѳедоровымъ, выдаютъ подлинное свидѣтельство одному изъ священниковъ на проѣздъ въ какой-то городъ, посылаютъ другого изъ священниковъ съ копіею „свидѣтельства“ въ село Городецъ Нижегородской губерніи къ старообрядцамъ[4]), несмотря на то, что документы касались лишь московскихъ старообрядцевъ и распоряжаться священниками самимъ старообрядцамъ воспрещалось[5])

Сопоставляя всѣ эти данныя, мы приходимъ къ такому заключенію. Попечители не были противъ ходатайствъ Дмитрія Ѳедорова и Митрофана Ильина. Но они соглашались на устройство старообрядческой церкви лишь на началахъ, выраженныхъ въ 15 пунктахъ, поднесенныхъ государю 3 іюня 1799 года. При введеніи ихъ въ дѣйствіе, они надѣялись остаться по прежнему хозяевами кладбища и занять даже при этомъ болѣе видное положеніе во всемъ старообрядческомъ мірѣ. Но ожиданія попечителей не сбылись: пункты

---

[1]) Приложенія, № 28, л. 27—29.
[2]) Тамъ же, № 29, л. и об. 59.
[3]) Тамъ же, № 40, л. 6; № 41, примѣчаніе, об. 74.
[4]) Тамъ же, № 53, л 78.
[5]) Тамъ же, № 21, л. 79; № 8, об. 5; сравн. № 11, л. 9.

прошенія старообрядцевъ не получили высочайшаго утвержденія; привезенными документами поставлялся предѣлъ ихъ самоуправству на кладбищѣ. Тогда попечители, естественно, закричали, что полномочій на такія ходатайства, не вообще полномочій, а, именно, полномочій на ходатайства съ ограниченіемъ правъ попечителей, не было отъ общества и начали употреблять усилія, чтобы не лишиться своей власти на кладбищѣ. Общество же, не заинтересованное въ властолюбивыхъ стремленіяхъ попечителей, довольно осталось полученіемъ необходимаго для себя—священниковъ. Дмитрій Ѳедоровъ оказался не въ состояніи осилить кладбищенскихъ попечителей. Послѣдніе, какими были полновластными хозяевами кладбища во всей его жизни, такими и остались. Повѣренные уступили попечителямъ. Пунктъ для раздора между ними прекратился. Отстоявъ же свою власть на кладбищѣ, Обертышевъ съ товарищами принимаютъ высочайшій указъ и условія Амвросія въ той ихъ части, въ которой они не нарушали ихъ правъ на кладбищѣ. Они поддерживаютъ сношенія съ преосвященнымъ Амвросіемъ исключительно съ тѣмъ, чтобы получать отъ него трудно прежде добываемыхъ священниковъ, которыми продолжаютъ распоряжаться по прежнему самопроизвольно. Словомъ, произошло то самое, о чемъ писалъ м. Платонъ: раскольники остались раскольниками, извлекая выгоды изъ сношеній съ православнымъ архіепископомъ въ предѣлахъ своихъ раскольничьихъ убѣжденій.

При такихъ условіяхъ, необходимо было ожидать скораго конца установленіямъ на Рогожскомъ кладбищѣ по именному указу 3 іюня. Дѣйствительно, конецъ не замедлилъ послѣдовать. 12 іюля преосвященный Амвросій вошелъ къ государю съ докладомъ о старообрядцахъ. Здѣсь, между прочимъ, онъ отмѣчалъ предосудительныя особенности въ просьбахъ московскихъ старообрядцевъ по сравненію съ старообрядцами, получавшими до тѣхъ поръ священниковъ отъ Синода. Московскіе старообрядцы и другіе, примкнувшіе къ нимъ, просили устроенія у нихъ церквей при томъ непремѣнномъ условіи, „чтобы по печатнымъ формамъ высочайшихъ имянъ Императорскаго Величества и всей Им-

нераторской фамиліи на ектеніяхъ и прочихъ мѣстахъ при богослуженіяхъ не возносить; такъ же Синода и Епархіальнаго Архіерея не поминать, и мира Святаго отъ Архіереевъ не брать". Между тѣмъ ранѣе Синодъ снабжалъ священниками только тѣхъ изъ старообрядцевъ, которые обѣщались поминать по новопечатнымъ формамъ высочайшую фамилію, Синодъ, епархіальнаго епископа, синклитъ и воинство,— обѣщались муро брать отъ епархіальнаго архіерея и, вообще, соблюдать все то, что необходимо для единенія съ церковью: „чего законы и порядокъ требуютъ". Заключеніе изъ приведеннаго пункта слѣдовало ясное: единеніе съ церковью московскихъ старообрядцевъ и примкнувшихъ къ нимъ можетъ происходить лишь при отреченіи ихъ отъ своихъ предразсудковъ, при сохраненіи всѣхъ необходимыхъ пунктовъ, которые признаны Св. Синодомъ обязательными для старообрядцевъ, ищущихъ законнаго священства. Но отмѣтивъ предосудительность условій, выставленныхъ московскими старообрядцами, Амвросій не имѣлъ мужества высказаться за необходимость соблюденія всѣхъ ихъ. Онъ представлялъ только, въ качествѣ обязательнаго требованія отъ старообрядцевъ, возносить высочайшія имена „въ служеніяхъ по точному изображенію въ старопечатныхъ книгахъ". Въ остальномъ Амвросій изъ снисхожденія уступалъ старообрядцамъ[1]).

Докладъ представленъ былъ государю чрезъ статсъ-секретаря Неплюева. Государь, соизволяя на донесеніе арх. Амвросія, противъ его разсужденій объ обязательности возношенія старообрядцами при богослуженіи высочайшихъ именъ собственноручно написалъ: conditio sine qua non и чрезъ статсъ-секретаря приказывалъ архіепископу Амвро-

[1]) Приложенія, № 30, л. и об. 55, п. 4.—Пунктами Амвросія и свидѣтельствомъ на опредѣленіе священнослужителей къ рогожской часовнѣ старообрядцы обязывались „службу Божію отправлять и требы преподавать по старопечатнымъ книгамъ, принося въ служеніяхъ, гдѣ и когда надлежитъ, моленіе о здравіи его Императорскаго Величества, супруги Его, Ея Императорскаго Величества, Наслѣдника Его и всей Высочайшей фамиліи" (тамъ же, № 8, об. 5 (об. 80); № 21, л. 72). Донесеніе, вѣроятно, вызывалось дошедшими до пр. Амвросія свѣдѣніями о несоблюденіи старообрядцами помянутаго условія во всей силѣ.

сію внушить старообрядцамъ: „такъ какъ они сами добровольно къ Его Величеству во всѣхъ дѣлахъ до священнослуженія и обрядовъ своихъ отнестись пожелали, и Его Величеству оныя довѣрили, то сіе и есть, выключая уже обязанности ихъ по вѣрноподданству, статья, которая ими самими должна считаться первѣйшею и къ духовнымъ чувствіямъ совѣсти ихъ наиближайшею". Что же касается поминованія Синода и епархіальнаго архіерея, то оно „въ сей предметъ не входитъ, и можетъ оставаться по принятымъ ими правиламъ"[1]).

Вслѣдствіе того, что старообрядцы представили статью, нарушающую ихъ вѣрноподданическія обязанности, на имя пр. Амвросія данъ былъ высочайшій рескриптъ о прекращеніи съ ними всякаго сношенія. Впрочемъ императоръ собственноручно прибавлялъ къ рескрипту: „естьли рѣчь о поминовеніи меня и фамиліи по древнимъ обыкновеніямъ, то на сіе я соизволяю; а естьли же совсѣмъ не хотятъ поминать или съ какою-нибудь выдумкою subintelligitur, то прекратите всякое сношеніе, оставя все по прежнему"[2]).

На послѣдній случай государь поручалъ генералъ-прокурору „имѣть наистрожайшее наблюденіе надъ образомъ ихъ мыслей". Неповиновеніе, обнаруженное старообрядцами въ вопросѣ относительно формы возношенія высочайшихъ особъ, давало поводъ подозрительно относиться, вообще, къ поведенію старообрядцевъ и, при замѣчаніи у нихъ „какой-либо наклонности къ неспокойству", поступковъ несогласныхъ „съ долгомъ верноподданныхъ", виновныхъ отыскивать и наказывать уже „не какъ раскольниковъ, но какъ ослушниковъ законовъ и не повинующихся власти". Такому же наказанію предать и утруждавшихъ просьбою государя императора, вслѣдствіе которой состоялся указъ 3 іюня[3]).

Чтобы можно было лучше судить о смыслѣ употребляемой старообрядцами формы, государь приказалъ истребовать таковую отъ нихъ. О желаніи государя Неплюевъ сообщилъ пр. Амвросію[4]). Такъ какъ петербургскіе старооб-

[1]) Приложенія, № 31, л. 55в.
[2]) Тамъ же, № 33, об. 55в.
[3]) Тамъ же, № 32, л. 1—2.
[4]) Тамъ же, № 31, л. 55в.

рядцы сами заимствовали обряды отъ московскихъ, то преосвященный Амвросій разсудилъ потребовать форму возношенія высочайшихъ именъ отъ московскихъ; отъ петербургскихъ „нетвердо бъ было показаніе“. Между тѣмъ повѣренные московскихъ старообрядцевъ къ тому времени уже уѣхали изъ Петербура. Поэтому арх. Амвросій отправилъ имъ письмо въ Москву[1]).

Въ немъ пр. Амвросій просилъ старообрядцевъ сообщить самыя точныя свѣдѣнія о томъ, какъ у нихъ при богослуженіи совершается моленіе о царствующемъ домѣ. Амвросій просилъ повѣренныхъ написать, „не опуская ни слова“, соглашаются ли старообрядцы „чинить воспоминаніе то по новопечатнымъ формамъ“. Если не соглашаются, то объяснить „въ самой истинѣ... дабы послѣ не могло выйти какой разности и слѣдствій предосудительныхъ“, какимъ образомъ возносятъ они и намѣрены возносить на будуще время высочайшія имена: а) на великой и сугубой ектеніяхъ, в) на многолѣтіи и с) на великомъ выходѣ. Объявить „не обинуясь“ и въ томъ случаѣ, если никакъ несогласны совершать воспоминанія высочайшихъ особъ при своемъ богослуженіи. Для большей вѣрности преосвященный архіепископъ требовалъ отъ повѣренныхъ, чтобы они скрѣпили отвѣтъ подписью своею и 2-хъ или 3-хъ священниковъ[2]).

Письмо это преосв. Амвросій отправилъ чрезъ московскаго военнаго губернатора. Графъ Салтыковъ, какъ говорилось въ отношеніи при препровождаемомъ письмѣ, долженъ былъ письмо Амвросія передать самъ „лично“ кому либо изъ адресатовъ, т. е. Дмитрію Ѳедорову или Митрофану Ильину. Для большей силы, выразить при этомъ, кому будетъ выдано письмо, свое „начальничье приказаніе“, чтобъ отвѣтъ по нему, запечатанный въ конвертъ, представленъ былъ ему же и не позднѣе первой почты. Съ этой почтой фельдмаршалъ обязывался отправить къ пр. Амвросію полученный имъ „кувертъ, яко казенный и нужнѣйшій“[3]).

---

[1]) Приложенія, № 34, л. 56.

[2]) Тамъ же, № 35, л. и об. 4.

[3]) Тамъ же, № 36, л. 57.

Салтыковъ не могъ однако исполнить требованія арх. Амвросія тотчасъ же по полученіи, потому что ни одного изъ адресатовъ въ Москвѣ въ то время не находилось. При такихъ условіяхъ Салтыкову ничего болѣе не оставалось, какъ только дожидаться возвращенія въ Москву адресатовъ и извѣстить о томъ преосвященнаго Амвросія. Такъ Салтыковъ и поступаетъ[1]).

19 іюля преосвященный Амвросій получилъ отъ повѣреннаго Митрофана Ильина извѣщеніе объ отъѣздѣ его и Дмитрія Ѳедорова на Макарьевскую ярмарку и о выборѣ на время отсутствія ихъ, для сношеній съ пр. Амвросіемъ, попечителей кладбища—Обертышева съ товарищами[2]). Поэтому пр. Амвросій, вслѣдъ за упомянутымъ отношеніемъ къ графу, пишетъ новое отношеніе о передачѣ посланнаго конверта на имя Дмитрія Ѳедорова и Митрофана Ильина купцу Архипу Петрову Обертышеву[3]). Обертышевъ дѣйствительно прислалъ чрезъ графа Салтыкова отвѣтъ пр. Амвросію, но отвѣтъ недостаточный противъ требованій преосвященнаго. Отвѣчать же болѣе обстоятельно и рѣшительно Обертышевъ не считалъ возможнымъ, при отсутствіи повѣренныхъ Дмитрія Ѳедорова и Митрофана Ильина и многихъ старообрядцевъ кладбища. Полагая, что послѣ 1-го августа старообрядцы возвратились съ ярмарки, пр. Амвросій снова пишетъ (отъ 8 августа) гр. Салтыкову потребовать отъ старообрядцевъ отвѣта на письмо „обстоятельнѣйшаго и рѣшительнаго въ скоромъ времени“ и, не замедляя, представить къ нему[4]). Между тѣмъ повѣренные возвратились съ ярмарки и поспѣшили отправить отвѣтъ на письмо пр. Амвросія (11 августа), предупредивъ полученіе вторичнаго его требованія отъ 8 августа[5]).

Прося извиненія за промедленіе, которое произошло по причинѣ отъѣзда на ярмарку, повѣренные московскихъ старообрядцевъ заявляли, что они полученнаго „возраженія

---

[1]) Приложенія, № 38, л. 64.
[2]) Тамъ же, № 29, л. и об. 59.
[3]) Тамъ же, № 37, л. 60.
[4]) Тамъ же, № 39, л. и об. 65.
[5]) Тамъ же, № 40, л. 5—6.

и не ожидали“ со стороны преосвященнаго Амвросія. Они были увѣрены, что статья касательно возношенія высочайшихъ особъ „была окончена и рѣшена довольнымъ трактованіемъ“ ихъ во время свиданія съ преосвященнымъ въ С.-Петербургѣ. Имъ казалось, что священники и діаконы опредѣлены къ нимъ „съ полнымъ дозволеніемъ отправлять службу Божію по прежнему“[1]). Вслѣдствіе же требованія архіепископа представитъ письменный отвѣтъ по означенному пункту, повѣренные предлагали вопросъ о формѣ поминовенія высочайшей фамиліи на обсужденіе въ собраніи общества. На послѣднемъ „согласно всѣ утвердили тоже мнѣніе, которое изъяснено было самолично“ пр. Амвросію повѣренными. Поминать царствующій домъ по новопечатнымъ формамъ старообрядцы не соглашались „ни подъ какимъ видомъ“. „Они опредѣлили по прежнему приносить Господу Богу моленіе о высочайшемъ здравіи и благоденствіи самодержавнѣйшаго и Богомъ хранимаго Великаго Государя нашего Царя Павла Петровича всея Россіи и супруги Его Великія Государыни царицы Маріи Ѳеодоровны, Государя Наслѣдника и всей высочайшей фамиліи по имянамъ со отечествами на всѣхъ ектеніяхъ и гдѣ-бы ни было неупустительно и точно симъ означеннымъ выраженіемъ возносить“. Къ этому старообрядцы прибавляли замѣчанія относительно поминовенія высочайшей фамиліи на великомъ выходѣ: „можете ясно видѣть, что на великомъ выходѣ въ старопечатныхъ служебникахъ воспоминать высочайшія имена довольно резону не находится. то на оный случай таковое важное воспоминаніе непогрѣшительно оставлено и умолчано быть можетъ по нашему общественному обряду“. Описанный способъ возношенія высочайшихъ именъ старообрядцы признавали „весьма“ достаточнымъ „къ соблюденію тишины и спокойствія въ совѣсти человѣческой“. Отвѣтъ

[1]) Обозначенное ковычками послѣднее выраженіе читается въ „свидѣтельствѣ“ на опредѣленіе священнослужителей (тамъ же, № 21, л. 79.) Нѣтъ сомнѣнія, пр. Амвросій относилъ его къ совершенію богослуженія по старымъ книгамъ, а старообрядцы могли относить его къ той богослужебной практикѣ, которая существовала въ ихъ раскольничьемъ обществѣ въ то время (тамъ же, ср. № 12, об. 10) и разнилась отъ положенной по старопечатнымъ книгамъ.

скрѣпленъ подписями повѣренныхъ—Дмитрія Ѳедорова и Митрофана Ильина, попечителей кладбища—Архипа Петрова Обертышева и Ивана Сидорова и 3-хъ священниковъ[1]).—Тотъ же отвѣтъ вторично былъ посланъ отъ 17 августа чрезъ гр. Салтыкова[2]).

Но послѣдней бумаги пр. Амвросій не дожидался. Онъ призналъ достаточнымъ отвѣтъ, присланный ему непосредственно. Для выясненія вопроса о моленіи за царствующій домъ, Амвросій распорядился произвести выписку изъ старопечатнаго служебника 7159 г. (1651 г.). Какъ видно изъ выписки, возношеніе высочайшихъ именъ полагалось на ектеніяхъ—сугубой и литійной, на отпустѣ—въ многолѣтіи, на проскомидіи—при вынманіи частицъ изъ пятой просфоры и на великомъ выходѣ. Моленіе на ектеніяхъ, на отпустѣ и на проскомидіи должно было совершаться по слѣдующей формѣ: „о благовѣрномъ, богохранимомъ царѣ..., о благовѣрной царицѣ..., о благовѣрномъ и благородномъ царевичѣ“ и т. д.; при этомъ всѣ поминаемыя лица назывались по именамъ и отчествамъ[3]). Старообрядцы на ектеніяхъ прямо соглашались возносить высочайшія имена, а требованіямъ служебника совершать воспоминанія высочайшихъ особъ въ многолѣтіи и на проскомидіи соотвѣтствовало выраженіе „отвѣта“ поминать „гдѣ ни было неупустительно“. Въ формѣ же возношенія высочайшихъ именъ старообрядцы позволяли неточность: въ своихъ моленіяхъ они опускали титулъ „благовѣрный“ вопреки тексту служебника.

Относительно воспоминаній на великомъ выходѣ въ старопечатномъ служебникѣ говорилось условно. Не всегда по нему предписывалось возносить высочайшія имена, а только въ присутствіи царя: „аще ту Царь есть глаголетъ сице: да помянетъ Господь Богъ благородіе Твое во царствіи своемъ“[4]). Въ этой условности текста служебника старообрядцы находили основаніе къ уклоненію отъ поименнаго поминовенія высочайшихъ особъ на великомъ выходѣ. А

---

[1]) Приложенія, № 40, л. 5—6.
[2]) Тамъ же, № 41, л. 72—74.
[3]) Тамъ же, № 42, л. и об. 38.
[4]) Тамъ же, л. 39.

желали ли они воспоминать царя при обстоятельствѣ, означенномъ въ служебникѣ, въ письмѣ повѣренныхъ не содержалось на то прямого отвѣта. Судить объ этомъ можно лишь по сопоставленію нѣкоторыхъ данныхъ. Какъ видно изъ прошенія повѣренныхъ архіепископу Амвросію отъ 9 іюня, московскіе старообрядцы имѣли рѣшительное намѣреніе не допускать къ своимъ моленіямъ лицъ другихъ обрядовъ, не „исключая никакой персоны“[1]). Если убѣжденія довѣрителей-старообрядцевъ остались таковыми и послѣ согласія ихъ повѣренныхъ на пункты Амвросія, то слѣдовало заключить, что довѣрители не считали возможнымъ отворять дверей своихъ молеленъ и для государя. Отсюда и въ отвѣтѣ ихъ можно видѣть безусловный отказъ совершать поминовеніе государя на великомъ выходѣ, пока онъ не принадлежалъ къ ихъ обществу по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ.

Какъ бы то ни было, преосвященный Амвросій понялъ отвѣтъ старообрядцевъ въ смыслѣ нежеланія ихъ совершать моленія за царствующій домъ по точной формѣ даже старопечатныхъ книгъ[2]). И вотъ онъ отправляетъ генералъ-прокурору Беклешову копіи какъ съ своего письма повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ, такъ и съ отвѣта ихъ на него, прося вмѣстѣ съ тѣмъ Беклешова назначить время для личныхъ обсужденій возникшаго вопроса[3]). Состоялось ли предполагавшееся свиданіе пр. Амвросія съ Беклешовымъ, свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ. Документы свидѣтельствуютъ только, что въ тотъ же день пр. Амвросій подлинный отвѣтъ московскихъ старообрядцевъ и выписку изъ старопечатнаго служебника отправилъ къ Неплюеву для всеподданѣйшаго донесенія, съ собственнымъ вышеотмѣченнымъ мнѣніемъ[4]). Государь принялъ свѣдѣнія о старообрядцахъ ad referendum и рескриптомъ отъ 20 августа оставлялъ старообрядцевъ „въ прежнемъ ихъ положеніи“[5]).

[1]) Приложенія, № 10, л. 8.

[2]) Тамъ же, № 44, л. 66.

[3]) Тамъ же, № 43, л. 3.

[4]) Тамъ же, № 44, л. 66; № 40, л. 5—6; № 42, л. 39.

[5]) Тамъ же, № 45, л. 69.—Впослѣдствіи пр. Амвросій имѣлъ случай свидѣтельствовать яснѣе, какою собственно неточностью

Объявивъ старообрядцамъ о состоявшемся высочайшемъ рескриптѣ[1]), преосвященный Амвросій сообщалъ затѣмъ о рескриптѣ всѣмъ тѣмъ, кому находилъ нужнымъ имѣть свѣдѣнія о немъ[2]), въ томъ числѣ и Московскому митрополиту Платону[3]). А отъ 5 сентября 1799 года преосвященный Платонъ извѣщалъ уже своего друга о полученіи имъ „увѣдомленія о оставленіи раскольниковъ въ прежнемъ положеніи“[4]).—Такъ исполнилось предсказаніе м. Платона: „скоро не только я, но и вы (пр. Амвросій) будете облегчены“[5]).

вызванъ былъ высочайшій рескриптъ о прекращеніи съ старообрядцами сношеній: старообрядцы отреклись отъ употребленія титула „благовѣрный“ при моленіи о высочайшихъ особахъ.—Приложенія, № 65, об. 206—л. 207.

[1]) При этомъ пр. Амвросій требовалъ отъ старообрядцевъ возвращенія выданныхъ имъ документовъ—„свидѣтельства“ на опредѣленіе священниковъ и пунктовъ постановленія („объявленія“).—Приложенія, № 46, л. 70.

[2]) Московскому военному губернатору Салтыкову (приложенія, № 47, об. 70), генералъ-прокурору Беклешову (тамъ же, № 50, л. 7).

[3]) Архивъ Новгородскихъ митрополитовъ въ библіотекѣ Александро-Невской лавры, дѣло 1799 г. іюня 7, № 49 (9), об. 70.—Рапортуя государю о своихъ распоряженіяхъ по приведенію въ исполненіе высочайшаго рескрипта, Амвросій прибавлялъ, что онъ теперь съ старообрядцами „сношенія имѣть не будетъ“ (приложенія, № 48, л. 71) и о содержаніи помянутаго всеподданѣйшаго рапорта для свѣдѣнія сообщалъ статсъ-секретарю Неплюеву (тамъ же, № 49, об. 71).

[4]) Письма м. Платона къ преосвященному Амвросію, № 55: Православное Обозрѣніе 1869 г., т. II, приложеніе, стр. 41—42.

[5]) Срав. стр. 339 настоящаго изслѣдованія.—Прошло довольно времени послѣ отправленія московскимъ старообрядцамъ сообщенія о прекращеніи съ ними сношеній по высочайшему рескрипту; а старообрядцы все не возвращали ни „свидѣтельства“ на опредѣленіе священнослужителей, ни пунктовъ постановленія. Пр. Амвросій начиналъ уже безпокоиться, какъ бы не вышло какихъ злоупотребленій изъ нихъ. 26 сентября онъ написалъ фельдмаршалу Салтыкову, чтобы тотъ принялъ съ своей стороны мѣры къ истребованію у старообрядцевъ выданныхъ имъ за его скрѣпою документовъ, теперь уже недѣйствительныхъ (приложенія, № 51, л. 75). И только въ октябрѣ пр. Амвросій получилъ ихъ отъ графа Салтыкова вмѣстѣ съ письмомъ Дмитрія Ѳедорова. Причиною промедленія въ возвращеніи документовъ Дмитрій Ѳедоровъ выставлялъ независящее отъ его воли обстоятельство: подлинное свидѣтельство будто бы дано было имъ одному священнику на проѣздъ въ другой городъ, и онъ не могъ скоро получить его обратно (приложенія, № 52, л. 76; № 53, л. 77—78).

Итакъ въ описанной попыткѣ учредить единовѣріе на Рогожскомъ кладбищѣ преосвященый Платонъ обнаружилъ истинное пониманіе дѣла, показалъ свою дальновидность, опредѣливъ настоящій характеръ сношеній съ раскольниками, предсказавъ скорый, печальный исходъ ихъ и намѣтивъ принципы для установленія болѣе надежныхъ и правильныхъ сношеній съ старообрядцами, обращающимися съ своими просьбами къ православной церкви.

Неудачный исходъ вопроса о московскомъ единовѣріи направилъ разрѣшеніе его къ тому лицу, который яснѣе другихъ представлялъ, при какихъ условіяхъ оно могло осуществиться.—Какое впечатлѣніе произвело на старообрядцевъ прекращеніе съ ними сношеній, объ этомъ находятся нѣкоторыя замѣчанія въ оффиціальномъ письмѣ Дмитрія Ѳедорова пр. Амвросію отъ 11 октября. Но въ немъ звучитъ нота лжи и лести, доведенной до крайности и неестественности. Кто повѣритъ искренности такихъ разсужденій Дмитрія Ѳедорова: „с какимъ восхищеніемъ і с какою неизреченною радостію наше общество в томъ высочайшемъ указѣ усмотрели объявленное намъ дрожайшее данное отъ устъ Его Императорскаго Величества благоволеніе по природному своему всемилостивѣйшему великодушію, і того всемилостивѣйшаго монаршаго благоволенія ізобразить словъ і силъ моихъ не достаетъ і всенижайшей наичювствительнѣйшей благодарности я довольно ізъяснить не в состояніи“; „отеческую милость признаемъ і чювствуемъ со всеподданнѣйшею нашею рабскою благодарностію“[1]).

По неоффиціальнымъ свѣдѣніямъ дѣло обстояло иначе. Среди рогожскихъ старообрядцевъ довольно насчитывалось искренно желавшихъ законной іерархіи и единенія съ церковью. Эта вторая партія, партія умѣренныхъ старообрядцевъ, была немногочисленна и, естественно, затушевывалась первою партіею, партіею крайнихъ ревнителей старины, пока дѣйствія послѣдней имѣли успѣхъ, тѣмъ болѣе, что и умѣреннымъ старообрядцамъ предоставлялось, повидимому, удовлетвореніе чрезъ сношенія съ преосвященнымъ

[1]) Приложенія, № 53, л. и об. 77.

Амвросіемъ. Такъ какъ намѣренія второй партіи расходились съ замыслами первой партіи, то рескриптъ 20 августа вызвалъ въ партіи умѣренныхъ старообрядцевъ совсѣмъ не тѣ чувства, о какихъ писалъ Дмитрій Ѳедоровъ. Неуспѣхъ дѣйствій первой партіи побудилъ представителей второй партіи къ самостоятельнымъ энергичнымъ хлопотамъ прямо уже о соединеніи съ церковію при старыхъ обрядахъ.

Въ дѣлахъ Архива Новгородскихъ митрополитовъ есть пункты просьбы старообрядцевъ[1]), какихъ—не указано. Сравнивая же содержаніе этихъ пунктовъ съ пунктами прошенія, позднѣе поданнаго московскими старообрядцами м. Платону[2]), мы приходимъ къ заключенію, что просители одни и тѣ же лица. За это говоритъ сходство, иногда до буквальности, тѣхъ и другихъ пунктовъ между собою[3]). Разница незначительная. Въ пунктахъ, поданныхъ позднѣе московскими старообрядцами, не содержится упоминанія о томъ, чтобы бѣглыхъ священниковъ и мірянъ, умершихъ въ старообрядчествѣ, не лишать церковнаго поминовенія (п. 11); чтобы старообрядческіе священно-церковнослужители носили одежду, принятую за древнюю у нихъ, старообрядцевъ, и, вообще, въ своемъ внѣшнемъ поведеніи, равно какъ и въ поведеніи своихъ домашнихъ, не допускали ничего, могущаго служить поводомъ къ соблазну и ропоту въ народѣ (п. 14); чтобы до освященія у просителей собственнаго храма позволено было ихъ священникамъ съѣздить туда, гдѣ есть старообрядческія (единовѣрческія) церкви и, отлитургисавъ, привести оттуда св. тайны для пріобщенія нуждающихся (п. 5). Пункты эти впослѣдствіи могли быть опущены потому, что легко разрѣшались на почвѣ остальныхъ условій или на основѣ существующихъ въ церкви положеній. Куда-либо путешествовать за св. дарами не пришлось бы старообрядцамъ при союзѣ ихъ съ церковью: церковь освятила бы для нихъ храмы и поста-

[1]) Приложенія, № 54, л. 88—90.

[2]) Тамъ же, № 55.

[3]) Сходные пункты въ прошеніяхъ старообрядцевъ пр. Амвросію и пр. Платону: 1=2; 2=3; 3=7; 4=4 и 3; 6=5; 7=6; 8=8; 9=9; 10=10; 12=12; 13=13; 15=16 и 1.

вила имъ совершителей таинъ. Снисхожденіе къ просьбѣ о сохраненіи вообще старыхъ обрядовъ, естественно, предполагало оставленіе старообрядцамъ принятыхъ ими обычаевъ во внѣшнемъ поведеніи и одеждѣ священнослужителей. Также и поминовеніе умершихъ ихъ родственниковъ церковь не могла воспретить, разъ она молится за всѣхъ отъ вѣка скончавшихся. Какъ бы взамѣнъ приведенныхъ пунктовъ, старообрядцы впослѣдствіи пополнили свое прошеніе другими, показавшимися имъ болѣе важными (11, 14, 15, частью 10 пункт.), стараясь притомъ, вообще, точнѣе выражать свои желанія. Словомъ, при обращеніи къ новому лицу, старообрядцы вновь и редактировали условія своей просьбы.

Помѣщеніе разбираемыхъ пунктовъ въ дѣлѣ Архива Новгородскихъ митрополитовъ, среди бумагъ, относящихся къ сношенію старообрядцевъ съ пр. Амвросіемъ, показываетъ, что прошеніе съ этими пунктами подано было старообрядцами въ С.-Петербургѣ пр. Амвросію. Но Амвросій не могъ вступить съ просителями въ переговоры на основаніи высочайшаго рескрипта. Однако пункты просьбы показались ему настолько заслуживающими вниманія, что онъ распорядился оставить съ нихъ копію; а просителямъ посовѣтывалъ хлопотать чрезъ своего епархіальнаго преосвященнаго. Думаемъ, старообрядцы словесно передали о семъ м. Платону; быть можетъ, ему сообщилъ о томъ же и пр. Амвросій. Намекъ на предварительные переговоры старообрядцевъ съ московскимъ митрополитомъ и на извѣщеніе пр. Платона о намѣреніяхъ старообрядцевъ пр. Амвросіемъ можно отчасти видѣть въ письмѣ м. Платона архіепископу Амвросію отъ 6 октября 1799 г. Здѣсь м. Платонъ, между прочимъ, писалъ: „о раскольникахъ подумаю, ибо еще отъ нихъ ко мнѣ формальнаго прошенія нѣтъ. Дѣло весьма важное; рану одну лѣча, крайне опасно, чтобъ не сдѣлать ее большею“[1]). Ободренные Платономъ[2]), руководи-

[1]) Письма м. Платона къ пр. Амвросію, № 56: Православное Обозрѣніе 1869 г., т. II, стр. 43.

[2]) Можетъ быть, нѣкоторые пункты вставлены были старообрядцами въ прошеніе подъ вліяніемъ предварительныхъ переговоровъ съ м. Платономъ.

тели партіи умѣренныхъ старообрядцевъ составили прошеніе на имя московскаго митрополита и начали убѣждать своихъ собратьевъ къ подписи его.

Стремленіе старообрядцевъ умѣренныхъ къ соединенію съ церковью сокращало число членовъ первой партіи, вообще наносило ударъ раскольничьимъ замысламъ этой партіи и потому встрѣтило сильную оппозицію со стороны вожаковъ крайнихъ раскольниковъ[1]). 3 ноября, по иниціативѣ Дмитрія Ѳедорова, на кладбищѣ былъ созванъ соборъ („сборъ"), съ цѣлью выработки средствъ для противодѣйствія желаніямъ первой партіи искать единенія съ православною церковью. На соборѣ было постановлено, „чтобы не пущать на кладбище тѣхъ, которые подписались и подписываются къ прошенію о церкви и священнослужителяхъ" митрополиту московскому; „чтобы кто гдѣ увидитъ сихъ просителей, яко желающихъ соединиться съ грекороссійскою церковію, кричалъ беее, то есть, какъ козлы блеютъ; чтобы попы ихъ къ нимъ въ домы не ходили и на кладбищѣ никакихъ требъ не отправляли". Для защиты своихъ интересовъ и болѣе успѣшнаго противодѣйствія начинаніямъ второй партіи, члены первой партіи избрали Дмитрія Ѳедорова, Митрофана Ильина и Егора Матвѣева. Дмитрій Ѳедоровъ не откладывалъ своихъ дѣйствій. 8 ноября онъ остановилъ въ часовнѣ послѣ часовъ народъ и съ амвона сталъ говорить о томъ, какое несчастіе посѣтило ихъ: изъ среды ихъ самихъ возстали еретики, хулящіе ихъ; подъ еретиками онъ разумѣлъ подписывавшихся къ прошенію митрополиту Платону. Считая только своихъ единомысленниковъ право исповѣдующими Христову вѣру, Дмитрій Ѳедоровъ „всячески старался опорочить Грекороссійскую церковь и желающихъ соединиться съ нею просителей". Со слезами онъ призывалъ рогожцевъ „не впасть въ таковую погибель", но стоять единодушно и твердо, подобно соловецкимъ страдальцамъ, претерпѣвшимъ нѣкогда мученія за вѣру Христову[2]).

---

[1]) Приложенія, № 65, л. 208.

[2]) Русскій архивъ 1864 г., изданіе 2-е, Москва, 1866 г., стр. 125—126.—Напечатанное здѣсь „заключеніе" сообщено Д. Иловай-

Враждебныя дѣйствія партіи крайнихъ старообрядцевъ все-таки не остановили умѣренныхъ старообрядцевъ въ ихъ намѣреніяхъ. 12 ноября 1799 г. отъ нихъ послѣдовало формальное прошеніе на имя преосвященнаго Платона[1]). Подобно другой партіи московскихъ поповцевъ, подававшихъ прошеніе на высочайшее имя[2]), и эти старообрядцы просили „объ открытіи святыхъ церквей и о снабдѣніи правильными священниками". Но при этомъ они желали воспользоваться не одними монаршими щедротами, какъ 1-я партія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „пастырскимъ благоснисхожденіемъ"[3]). Разница прошенія умѣренныхъ старообрядцевъ по сравненію съ домогательствами крайнихъ рогожцевъ выступала затѣмъ съ большею опредѣленностью. Въ то время какъ первая партія стремилась пріобрѣсти для себя независимаго отъ православной церковной власти самостоятельнаго архіепископа и отдѣльное духовное правленіе[4]), партія умѣренныхъ старообрядцевъ соглашалась на подчиненіе Св. Синоду и своему епархіальному преосвященному; желала лишь изъятія изъ вѣдѣнія консисторіи[5]). Если партія крайнихъ старообрядцевъ не считала вполнѣ правильными священнодѣйствія грекороссійской церкви и потому принимала священниковъ послѣ нѣкоторой „исправы" своимъ мvромъ[6]),

скимъ. Откуда оно взято, нельзя опредѣлить. Иловайскій заявляетъ, что онъ знаетъ, кѣмъ написано оно, однако своихъ свѣдѣній не опубликовываетъ. Повидимому, означенный документъ представляетъ письмо одного изъ партіи просителей единовѣрія у м. Платона.— Платонъ былъ освѣдомленъ о происходившемъ на Рогожскомъ кладбищѣ.—Срав. приложенія, № 76, л. 23.

[1]) Изслѣдователи, по неимѣнію подъ руками всѣхъ необходимыхъ документовъ, обыкновенно полагали, что къ м. Платону 1799 г. ноября 12 подавали прошеніе тѣ же московскіе старообрядцы, которые имѣли сношенія по дѣлу о благословенномъ священствѣ съ императоромъ Павломъ. Изъ этого смѣшенія различныхъ просителей вытекали разныя неправильныя сужденія объ единовѣріи и въ частности объ отношеніи м. Платона къ единовѣрію.

[2]) Приложенія, № 3, л. 91—96.

[3]) Начало прошенія м. Платону московскихъ старообрядцевъ.— Приложенія, № 55.

[4]) Приложенія, № 3, л. 91—93, п. 1, 5, 6, 7.

[5]) Прошеніе старообрядцевъ м. Платону, п. 6: приложеніе № 55.

[6]) Она состояла въ отреченіи „съ проклятіемъ" отъ грекороссійской церкви, какъ бы еретичествующей, и въ помазаніи своимъ

то партія умѣренныхъ всѣ таинства православной церкви, совершаемыя по новымъ книгамъ, признавала „въ дѣйствительной ихъ силѣ“, обязываясь получать отъ православной церкви и святое мvро[1]). Если крайніе старообрядцы стремились къ учрежденію церкви, совершенно независимой и обособленной отъ грекороссійской церкви, къ устроенію ея по подобію инославныхъ церквей[2]), то умѣренные старообрядцы, напротивъ, высказывали желаніе единенія „въ мирѣ и любви“ съ грекороссійскою церковью и прекращенія распри и порицаній за обрядовыя разности[3]).

Но при пунктахъ, сближавшихъ умѣренныхъ старообрядцевъ съ церковью, въ прошеніи ихъ содержались условія, обособлявшія просителей отъ грекороссійской церкви. Подобно крайнимъ старооообрядцамъ, и умѣренные просили оставленія для нихъ старыхъ книгъ и обрядовъ; просили по старымъ книгамъ освящать имъ антиминсы и церкви (п. 4), старымъ двуперстнымъ сложеніемъ благословлять епископу старообрядческихъ священниковъ и старообрядцевъ (п. 9), по старымъ книгамъ и со старыми обрядами позволить священнослужителямъ совершать богослуженіе (п. 3); при старообрядческихъ церквахъ священникамъ отбывать налагаемыя на нихъ наказанія за проступки (п. 12); духовниками священникамъ имѣть старообрядческихъ же священниковъ (п. 8) и не требовать ихъ священниковъ къ соборнымъ моленіямъ въ православныхъ церквахъ (п. 5). Съ другой стороны къ ихъ моленіямъ никого изъ православныхъ не допускать, напротивъ, желающимъ дозволять присоединяться къ нимъ, издавна уклонившимся отъ православной церкви, хотя и не записаннымъ раскольниками (п. 5). Среди приведенныхъ пунктовъ, обособлявшихъ просителей отъ православной церкви, были нѣкоторые невиннаго свойства, но были условія и предосудительныя. Въ общемъ между ними, взятыми въ полнотѣ, открывались про-

мvромъ „въ знакъ обращенія отъ ереси мнимой и усовершенствованія священства“.—Приложенія, № 65, об. 207.

[1]) Прошеніе старообрядцевъ м. Платону, п. 10, 11, 14, 7; прил. №55.

[2]) Приложенія, № 3, л. 91—96.

[3]) Прошеніе старообрядцевъ м. Платону 1799 г., п. 16: приложеніе № 55.

тиворѣчія, которыя могли наводить на сомнѣнія и возбуждать недовѣріе къ искренности стремленій старообрядцевъ. Словомъ, характеръ пунктовъ позволялъ разсматривать ихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія и тѣмъ предопредѣлялъ неодинаковость сужденій о нихъ.

Получивъ прошеніе отъ старообрядцевъ, м. Платонъ „довольно разсуждалъ“ о немъ самъ лично, „яко о дѣлѣ для церкви важномъ“[1]). Оставаясь вѣрнымъ своему взгляду на способъ рѣшенія вопроса объ учрежденіи единовѣрія при посредствѣ взаимнаго обсужденія, или „совѣта“ пастырей церкви, м. Платонъ передалъ прошеніе старообрядцевъ послѣ собственнаго обсужденія къ „прилежному“ разсмотрѣнію „Консисторіи вкупѣ съ обрѣтающимися въ Москвѣ Архимандритами и всѣхъ сороковъ благочинными“[2]). Прежде чѣмъ положить такую или иную рѣшительную резолюцію на прошеніе старообрядцевъ, онъ хотѣлъ узнать мнѣнія другихъ лицъ изъ духовенства, высказанныя „по совѣсти и безпристрастному сужденію о семъ важномъ дѣлѣ“[3]).

Мнѣнія духовенства раздѣлились: одни отнеслись подозрительно къ просьбѣ старообрядцевъ, другіе, напротивъ, вѣрили въ искренность ихъ намѣреній. Отсюда и отвѣтили на просьбу: одни отрицательно, другіе положительно, признавая лишь необходимымъ внести нѣкоторыя ограниченія въ предложенныя старообрядцами условія для единенія ихъ съ церковью. Къ первому разряду принадлежатъ мнѣнія большинства изъ представителей московскаго духовенства,—мнѣніе, подписанное 12-ю лицами: 4 архимандритами[4]), 5-тью протоіереями[5]) и 3-мя благочинными—священ-

[1]) Приложенія. № 56 (начало).

[2]) Тамъ же.

[3]) Послѣднія слова буквально содержатся собственно въ мнѣніяхъ московскаго духовенства. Но, судя по характеру рѣчи, они взяты изъ несохранившагося въ подлинникѣ предписанія м. Платона, при которомъ московскій митрополитъ препровождалъ прошеніе старообрядцевъ на обсужденіе духовенства.—Прилож., № 57, об. 14, л. 15.

[4]) Арсеніемъ—Саввинскаго монастыря, Сергіемъ—Крестовоздвиженскаго монастыря, Іоанникіемъ—Высокопетровскаго и Иракліемъ —Златоустовскаго.

[5]) Покровскимъ—Аѳанасіемъ Михайловымъ, Казанскимъ—Дмитріемъ Аегровскимъ, Спасскимъ—Василіемъ Іоанновымъ, Трехсвяти-

никами[1]); затѣмъ 2 отдѣльныхъ мнѣнія—протопресвитера Дмитрія и Таганскаго благочиннаго, священника Ивана Васильева. Второй разрядъ составляетъ мнѣніе меньшинства, подписанное 2-мя протоіереями[2]) и 3-мя священниками[3]).

Первая группа священнослужителей въ своихъ сужденіяхъ исходила изъ стремленія старообрядцевъ къ обособленности, доходящей до предосудительности. Силу прошенія составители этой группы мнѣній усматривали, именно, въ томъ, что старообрядцы „отъ своего суемудрія, противленія святой истинѣ и упорства ни на шагъ не отступаютъ"; что они „основать новую церковь усиливаются на тѣхъ своихъ любимыхъ правилахъ, кои отъ православной нашей церкви въ неправильности ясно изобличены, доказаны и проклятію преданы"[4]). Вообще, „не мало не склонны къ соединенію съ православною грекороссійскою церковію"; напротивъ, „хотятъ торжественнымъ образомъ на вѣки отторгнуться ея"[5]). Преданность старообрядцевъ обрядовымъ своимъ отличіямъ, ревнивое обереганіе ими своей отдѣльности приводили составителей мнѣнія къ мысли, что старообрядцы испрашивали позволенія отъ церкви на то, что „они всегда дѣлали и нынѣ дѣлаютъ и по открытіи ихъ церкви тоже дѣлать обѣщаются"[6]). Заявленіе же о мирѣ и любви съ сынами православной церкви казалось имъ ничтожнымъ, при закрытіи отъ соблюдающихъ новые обряды дверей своихъ собраній для молитвеннаго общенія. „Сіе ли докажетъ съ ихъ стороны миръ къ намъ, любовь и соединеніе искренносердечное съ православною церковію"[7]),

---

тельскимъ—Василіемъ Прокофьевымъ, Николаевскимъ, что на Пупышахъ, Петромъ Алексѣевымъ.

[1]) Воскресенскимъ на Дмитровкѣ—Андреемъ Иларіоновымъ, Троицкимъ—Егоромъ Семеновымъ, Николаевскимъ на Пескахъ—Иваномъ Петровымъ.

[2]) Рогожскимъ—Ефиміемъ и Казанскаго собора—Дмитріемъ.

[3]) Старобасманнымъ — Михаиломъ, Ризположенскимъ — Василіемъ Семеновымъ, Симеоновскимъ—Стефаномъ Никитинымъ.

[4]) Приложенія, № 57, л. 25.

[5]) Тамъ же, л. 15

[6]) Тамъ же, об. 25

[7]) Тамъ же, л. и об. 25

заключали составители разсматриваемаго мнѣнія сопоставленіе двухъ послѣднихъ положеній!

Въ прошеніи старообрядцевъ они видѣли хитрую ловушку, придуманную съ цѣлью нанести ударъ церкви и увеличить своихъ сообщниковъ на счетъ ея членовъ. Новая церковь вымышлена просителями за тѣмъ, „чтобы заблужденіе отступниковъ, допущенное и утвержденное самою православною церковію, торжественно вездѣ и всегда текло и безпрепятственно всюду разливалось“[1]). Желаніе прекращенія „распри и хулы за содержаніе разныхъ обрядовъ“ въ сущности есть искусно скрытый способъ предотвратить церковь отъ вредныхъ для общества просителей обличеній въ заблужденіяхъ[2]), такъ сказать, усыпить церковь для удобства осуществленія старообрядцами коварныхъ тайныхъ замысловъ. Удовлетвореніе просьбы старообрядцевъ, при остающейся у нихъ „всей силѣ упорства и суемудрія“[3]), внесетъ раздѣленіе въ церковь: одна часть будетъ истинная, другая—заблуждающаяся, и однако послѣдняя, какъ допущенная самою церковью, будетъ считаться законною частью истинной церкви; будетъ, слѣдовательно, „законозаблуждающая“[4]), по внѣшности единою съ церковью Христовою. Тогда „на тверди церковной“ произойдетъ нѣчто несообразное; свѣтъ сообщится со тьмою[5]). Даже не старообрядчество соединится съ православіемъ, а православіе съ старообрядчествомъ, потому что православіе дѣлаетъ уступку старообрядчеству, а не старообрядчество православію[6]): „опредѣливъ законное священство и обязавъ оное слѣдовать и угождать похотямъ“ старообрядцевъ, церковь „отдаетъ какъ бы нѣкоторую справедливость ихъ заблужденіямъ и противленію святой истинѣ“[7]).

Описанное явленіе можетъ возбудить опасныя недоумѣнія. „Простымъ благочестивымъ очамъ можетъ предста-

---

[1]) Приложенія, № 57, л. 20.
[2]) Тамъ же, об. 20.
[3]) Тамъ же, об. 25.
[4]) Тамъ же, об. 22.
[5]) Тамъ же, л. 26.
[6]) Тамъ же, об. 24—об. 25.
[7]) Тамъ же, л. 26.

виться страннымъ", какъ это надъ „разномудрствующими церквами верховный Пастыреначальникъ единъ", и въ одномъ отдѣленіи онъ учитъ христіанъ православно, въ другомъ, въ „угожденіе непокорствующимъ святой истинѣ старообрядцамъ, будетъ учить суевѣрію и предразсудкамъ", и какъ это церковь сама попускаетъ такое раздѣленіе, попускаетъ тѣ заблужденія, въ которыхъ ранѣе обличала старообрядцевъ, и обличала съ пользою, превосходящею нынѣ ожидаемую[1]); слово Божіе не вяжется съ такимъ „обузданіемъ" святой истины[2]).—Опасность усиливается, когда просимая церковь устроена будетъ архипастыремъ великимъ, мудрымъ, въ просвѣщенномъ и здравомудрствующемъ свѣтѣ уже давно заслужившимъ громкую славу, имени своему всегдашнее отъ всѣхъ уваженіе и почтеніе"[3]).

Послѣдствія могутъ быть печальныя. Слабымъ въ вѣрѣ, пожалуй, покажется, что „заблужденія церковію дозволяются". Отсюда ни студеные ни теплые къ вѣрѣ, однако почитавшіе доселѣ для себя „за честь, за непремѣнную обязанность и за самое преимущество" принадлежать къ церкви, не будутъ уже имѣть начала, удерживающаго ихъ въ православіи. Тѣмъ больше опасности откроется для религіозныхъ убѣжденій тѣхъ, которые и раньше „колебались о точномъ православіи, не понимая по простотѣ своей и непросвѣщенію, на чьей сторонѣ оно находится, на сторонѣ ли церкви или на сторонѣ отпадшихъ отъ нея"[4]).

Лжеучители воспользуются благопріятнымъ для себя настроеніемъ многихъ православныхъ чадъ и, подъ покровомъ своей принадлежности къ церкви, „хитрословесіемъ и лестью" станутъ увлекать колеблющихся въ свое лжеученіе, т. е. убѣждать къ отступленію отъ матери своей церкви[5]). Тогда тѣ, которыхъ дотолѣ удерживало въ православіи сознаніе незаконности старообрядческаго общества, легко могутъ уклониться въ расколъ, „знатно умноживъ сон-

---

[1]) Приложенія, № 57, об. 22—л. 23, л. 26, об. 17—л. 18.
[2]) Тамъ же, об. 20.
[3]) Тамъ же, л. и об. 23.
[4]) Тамъ же, об. 23—л. 24.
[5]) Тамъ же, л. 19.

мище“ неправомыслящихъ[1]). Истинныя побужденія старообрядцевъ откроются[2]), но, „сожалѣть будетъ поздно“[3]). Употребленная хитрость со стороны старообрядцевъ заградитъ пастырямъ уста на обличеніе; прежнія обличительныя сочиненія могутъ послужить лишь поводомъ къ глумленію надъ церковью, и затмится святая истина[4]).

Несостоятельность просьбы старообрядцевъ составители разсматриваемаго мнѣнія видятъ въ самомъ внутреннемъ содержаніи прошенія. Хотя старообрядцы умалчиваютъ объ истинныхъ побужденіяхъ для своей просьбы, однако не трудно догадаться, что зданіе основывается ими на пескѣ и потому клонится къ разрушенію. Просители „и не хотя“, все же сами признаютъ свою „нынѣшнюю“ церковь „незаконною“ и „неистинною“, въ которой нельзя получить спасенія. Не отступая отъ заблужденій, они домогаются признанія своего общества въ церковномъ отношеніи законнымъ. Другими словами: старообрядцы требуютъ признанія законности за тѣмъ, чего сами не считаютъ законнымъ[5]). Далѣе, старообрядцы стремятся къ учрежденію явленія „безпримѣрнаго“ въ исторіи церкви[6]) и въ то же время сами доказываютъ безцѣльность этого учрежденія. Они просятъ устройства новой церкви, но сами признаютъ за древніе многіе московскіе храмы, особенно соборы и монастыри, чтутъ ихъ святыни и даже ссылаются на нихъ (хотя неправильно) для обоснованія своихъ заблужденій. „При сей достойно почитаемой отъ всѣхъ, равно и отъ нихъ древности и святыни нововводныя церкви уже будутъ совсѣмъ излишни“[7]). Правда, въ этихъ древнихъ храмахъ совершается богослуженіе не по старымъ книгамъ, но просители сами не относятъ къ существу вѣры книги и обряды (п. 16) и совершаемыя по новымъ книгамъ и съ новыми обрядами богослужебныя дѣйствія принимаютъ за истинныя и дѣй-

[1]) Приложенія, № 57, л. 24.
[2]) Тамъ же, об. 19.
[3]) Тамъ же, л. 22.
[4]) Тамъ же, об. 19—л. 20.
[5]) Тамъ же, об. 18—л. 19.
[6]) Тамъ же, л. и об. 15.
[7]) Тамъ же, об. 15—л. 16.

ствительныя: они не протестуютъ противъ мvра для своей церкви, освященнаго по новому чиноположенію (п. 7), предоставляютъ свободному выбору брачущихся совершеніе брака въ грекороссійской церкви или старообрядческой, новоустроенной, когда одно лицо изъ вѣнчающихся принадлежитъ къ грекороссійской церкви, другое—къ старообрядческой (п. 14); ходатайствуютъ также не возбранять старообрядцамъ, желающимъ, пріобщаться св. таинъ въ грекороссійской церкви (п. 11)[1]).

Справедливо, что касательно обрядовъ, какъ не относящихся къ существу вѣры, можетъ быть допущено снисхожденіе. Для разъясненія сего положенія, составители мнѣнія производятъ историческую справку. Она приводитъ ихъ къ убѣжденію, что завѣтъ Апостола довольно примѣнялся къ раскольникамъ, что церковь многократно предлагала „средства самыя легкія, для отступниковъ выгодныя и... кроткія“, при всемъ томъ доселѣ не могла воздѣйствовать на „кременистыя“ сердца ихъ. Они отвѣчали буесловіемъ, хулою; ихъ общество отъ снисхожденія не уменьшалось, скорѣе увеличивалось. На основаніи прежнихъ опытовъ, составители мнѣнія выражаютъ опасеніе, чтобы и теперь „требуемое отступниками безпримѣрное.... снисхожденіе“ не обратилось для церкви „въ новое тягчайшее зло“. Снисхожденіе должно быть одобрено лишь при условіи, когда отъ него „явное и несомнительное видится церкви пріобрѣтеніе“. Въ случаѣ же „сомнительномъ“ есть опасность поздняго раскаянія[2]). Унія не можетъ быть терпима тамъ, гдѣ есть основанія бояться за гибельный исходъ ея. Она не можетъ быть допущена между единоплеменными и бывшими сынами одной грекороссійской церкви. Унія терпима только между иноплеменными и иновѣрными, потому что тогда переходъ изъ одной половины въ другую затрудняется національнымъ различіемъ и самыми вѣроисповѣдными особенностями[3]).

По всѣмъ приведеннымъ резонамъ, составители мнѣнія не находятъ возможнымъ „безъ страха истязанія на

[1]) Приложенія, № 57, л. 16—об. 17.
[2]) Тамъ же, об. 20—об. 22.
[3]) Тамъ же, об. 24.

страшномъ судѣ Христовѣ“[1]) согласиться на открытіе старообрядцами церкви на предложенныхъ ими условіяхъ[2]).

Отдѣльное мнѣніе Таганскаго благочиннаго не содержитъ въ себѣ ничего новаго по сравненію съ изложеннымъ. Оно только кратко передаетъ нѣкоторыя изъ мыслей, выраженныхъ въ предшествующемъ мнѣніи. Таганскій благочинный сомнѣвается въ искренности намѣренія старообрядцевъ. Ему кажется непонятнымъ, зачѣмъ старообрядцы просятъ для себя церкви, когда церковь ихъ не отвергала отъ себя; отторглись отъ нея они сами. Недовѣріе къ просителямъ усиливается у благочиннаго при сопоставленіи 16 и 5 пунктовъ просьбы. Единенія въ мирѣ и любви не можетъ послѣдовать при нежеланіи допускать на свои моленія брады бріющихъ, знаменующихся тремя перстами: „противный противнаго себѣ любить не можетъ“. Исполненіе просьбы старообрядцевъ вмѣсто мира принесетъ раздоръ; вмѣсто благихъ плодовъ произведетъ слѣдствія печальныя: оно будетъ равносильно раздѣленію церкви на двѣ. Результатъ сего—„побѣда и торжество“ старообрядевъ, какъ достигшихъ своей цѣли, а въ средѣ православныхъ—„сомнѣнія, соблазнъ и смятеніе“. Можетъ быть, намѣреніе старообрядцевъ въ томъ и состоитъ, чтобы чрезъ возобновленіе старыхъ обрядовъ церковь „поколебать“, „привлечь сыновъ ея на свою сторону“ и зло посмѣяться надъ православными пастырями. Отъ болѣе подробнаго обсужденія прошенія старообрядцевъ Таганскій благочинный отказывался частью по краткости времени, частью по болѣзни, а частью потому, что пункты прошенія, по его сознанію, требовали „вящшаго для познанія ихъ хитрости вниманія“[3]).

Небольшое мнѣніе протопресвитера Димитрія, по своему характеру примыкающее къ предшествующимъ, сводится къ слѣдующему. Принять въ церковь старообрядцевъ можно лишь на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ церковь принимала ихъ до сихъ поръ, т. е. по чину, изложенному въ концѣ „Увѣщанія“,—послѣ проклятія „всѣхъ ересей и отступствъ“, послѣ

[1]) Приложенія, № 57, об. 20.
[2]) Тамъ же, л. и об. 26.
[3]) Тамъ же, об. 34—л. 36.

исповѣданія православныхъ истинъ и нелицемѣрнаго обѣщанія находиться въ единеніи съ церковью до послѣдняго издыханія. Донустить же въ церковь старообрядцевъ безъ отреченія отъ того, за что на нихъ положена клятва, безъ раскаянія въ заблужденіяхъ, безъ обѣщанія исправленія для церкви предосудительно: можно подумать, будто прежде они „неповинно связаны были клятвою“[1]).

Изъ анализа изложенныхъ мнѣній нетрудно убѣдиться, гдѣ коренилась главная ошибка ихъ. Составители разсмотрѣнной группы мнѣній, остановившись на пунктахъ, обособлявшихъ старообрядцевъ отъ православныхъ, преувеличили подлинное значеніе ихъ и, въ увлеченіи своимъ соображеніемъ, ослабили до крайности противоположные пункты, придавъ послѣднимъ несвойственный смыслъ. Они впали въ односторонность сужденія. Если бы старообрядцы дѣйствительно домогались устройства для себя церкви, оставаясь при всѣхъ раскольничьихъ заблужденіяхъ и если бы церковь уступила при этомъ условіи на ихъ просьбу, тогда составители отрицательныхъ мнѣній были бы совершенно правы. Но они упустили изъ вида, что движеніе къ союзу съ церковью первѣе всего исходило изъ среды самихъ старообрядцевъ и совершалось при обстоятельствахъ настолько существенныхъ, насколько существеннымъ слѣдуетъ считать признаніе истиннымъ всего строя церкви: вѣроученія, таинствъ, іерархіи до желанія подчиняться Св. Синоду и епархіальному архіерею.

Послѣднія соображенія, ускользнувшія отъ вниманія составителей разсмотрѣнной группы отрицательныхъ мнѣній, не были оставлены другою группою священнослужителей. У ней, напротивъ, пункты, сближавшіе просителей съ церковью, послужили исходнымъ началомъ для сужденія о прошеніи. Эта группа священнослужителей придавала полное значеніе увѣреніямъ старообрядцевъ въ „сердечномъ пріятіи евангельскаго ученія Христова“[2]), признанію грекороссійской церкви истинною, книгъ и обрядовъ ея „законными и душеспасительными“, угодниковъ ея, иконъ

[1]) Приложенія, № 57, об. 33—об. 34.

[2]) Тамъ же, л. 29.

святыми и достопоклоняемыми[1]). Положивъ подобныя заявленія старообрядцевъ въ основу своего мнѣнія, священнослужители 2-й группы, далѣе, разсуждали такимъ образомъ. Если, по Апостолу, царствіе Божіе не въ словеси, но въ силѣ, то, при сходствѣ съ церковью въ существенномъ, старообрядцы не могутъ быть отвергнуты изъ-за одной своей приверженности къ старымъ книгамъ и обрядамъ, ибо сила вѣры не въ старости и не въ новости книгъ и обрядовъ[2]). Сама русская церковь до патріарха Никона разнилась въ обрядахъ съ греческою, однако изъ-за того не происходило церковнаго раздѣленія[3]). Признаніе старообрядцами существенныхъ пунктовъ вѣры даетъ имъ право на позволеніе церкви оставаться при старыхъ книгахъ и обрядахъ, если только они „ищутъ сего отъ церкви, яко матерняго снисхожденія слѣпотѣ ихъ и закоснѣлости, требуя по настоящему времени аки младенцы млека и предоставляя церкви Божіей надежду впредь удовлетворить ихъ совершенною пищею“[4]). „Малое соблажненіе“ должно призирать, когда изъ того можетъ послѣдовать великая душевная польза[5]). Примѣры снисхожденія наблюдаются и въ ветхомъ завѣтѣ и въ апостольскія времена[6]). Да и долгъ истиннаго пастыря слѣдовать Господу Іисусу Христу, приходившему взыскать и спасти погибшаго, подражать его Апостолу, ищущему да всяко нѣкіи пріобрящетъ[7]). Требованія же старообрядцевъ предосудительныя, не мирившіяся съ ихъ желаніемъ союза съ церковью и соблазнявшія первую группу священнослужителей, составители разсматриваемаго мнѣнія предлагали просто измѣнить настолько, чтобы ими не нарушалась идея единенія старообрядцевъ съ церковью[8]).

Безъ измѣненія они оставляли пункты седьмой и съ девятаго по шестнадцатый включительно, выражая на нихъ

---

[1]) Приложенія, № 57, л. 28.
[2]) Тамъ же, об. 28.
[3]) Тамъ же, л. и об. 29.
[4]) Тамъ же, об. 27 – л. 28.
[5]) Тамъ же, л. 29.
[6]) Тамъ же, об. 28.
[7]) Тамъ же, л. и об. 27.
[8]) Тамъ же, об. 27.

полное согласіе, особенно похваляя желаніе сохраненія съ обѣихъ сторонъ церковнаго мира (п. 16). Въ другіе пункты они вносили поправки, ограниченія или поясненія. Относительно клятвъ высказали такое замѣчаніе: клятвы положены не на старые обряды, а на противниковъ церкви за ихъ противленіе (п. I). Соглашаясь на дарованіе старообрядцамъ особыхъ священниковъ, они протестовали противъ бѣглыхъ священниковъ, какъ измѣнниковъ своему долгу и потому мало подходящихъ для младенствующихъ въ вѣрѣ; могутъ быть въ числѣ вѣрующихъ по раскаяніи, но не въ числѣ пастырей (п. 2). Книги нельзя дозволить лишь несходныя въ существенныхъ пунктахъ; антиминсы лишь выдаваемые ими самими за освященные патріархами (п. 3—4). Участіе старообрядческихъ священниковъ въ соборныхъ моленіяхъ оставляли на произволъ священниковъ, но запрещеніе посѣщать православнымъ храмы новоприсоединяющихся находили непозволительнымъ; исключеніе для лицъ сомнительныхъ въ благочиніи. Присоединять же къ старообрядческой церкви изъ незаписныхъ раскольниковъ соглашались только издавна уклонившихся отъ церкви и то присоединять безъ всякой церемоніи (п. 5). Должны быть подчинены епархіальному архіерею и отъ него поставленной власти „безъ изъятія“ (п. 6). Старообрядческія священники всего лучше могутъ свидѣтельствовать свое братство съ православными священниками и избѣгнуть „нѣкоего подозрѣнія“ исповѣданіемъ своихъ грѣховъ предъ общимъ духовникомъ или предъ особо назначеннымъ отъ архіерея (п. 8).—Въ заключеніе составители этого мнѣнія находили цѣлесообразнымъ отличить новоприсоединяющихся отъ раскольниковъ и самымъ названіемъ. Придумываніе такого названія они предоставляли архипастырю[1]).

Выработанныя мнѣнія составители той и другой группы покорно повергали прозорливому суду „воззвавшаго ихъ къ сужденію“, предавали „въ вышнее и духа святаго озаренное благоразсмотрѣніе“ почитаемаго своего святителя[2]).

Въ декабрѣ 1799 года священнослужители представили свои мнѣнія высокопреосвященному митрополиту. Умный

[1]) Приложенія, № 57, об. 29 - л. 33.

[2]) Тамъ же, об. 26, л. 33, об. 34.

владыка отнесся къ нимъ „со всякимъ тщаніемъ“, сколько требовала „важность матеріи“[1]). Нѣтъ сомнѣнія, у Платона составилось извѣстное рѣшеніе по прошенію старообрядцевъ прежде отзыва о немъ духовенства, и оно было того же характера, въ какомъ онъ высказался позднѣе письменно; если бы пр. Платонъ думалъ отказать просителямъ, онъ не сталъ бы справляться съ мнѣніями духовенства. Самъ онъ полагалъ возможнымъ принять старообрядцевъ въ общеніе съ церковью, но вопросъ признавалъ столь важнымъ, что слѣдовать одному собственному сужденію не находилъ разумнымъ; могли быть указаны такія стороны въ предметѣ, изъ-за которыхъ лучше своевременно измѣнить мнѣніе. Неодинаковость до противоположности мнѣній духовенства побудили Платона еще серьезнѣе взглянуть на прошеніе старообрядцевъ. Превозмогло у Платона собственное представленіе, какъ болѣе сродное его духу. Притомъ оно теперь подкрѣплялось мнѣніемъ одной группы духовенства, хотя меньшей. Опасенія же другой группы сильнѣе только убѣждали Платона въ необходимости оградить православныхъ отъ соблазна, который могъ быть вызванъ удовлетвореніемъ просьбы старообрядцевъ. И вотъ Платонъ, „призвавъ въ помощь Пастыреначальника Христа“[2]), положилъ резолюцію въ смыслѣ возможности допущенія старообрядцевъ въ церковь при старыхъ обрядахъ, лишь съ нѣкоторыми ограниченіями выставленныхъ ими условій.

Уже изъ мнѣній духовенства отрицательной группы м. Платонъ убѣждался въ возможности превратнаго объясненія принятія старообрядцевъ въ церковь при старыхъ обрядахъ. Раскольники и, вообще, лица, враждебно настроенные противъ церкви могли толковать допущеніе старыхъ обрядовъ, хотя бы лишь для нѣкоторыхъ членовъ церкви, какъ несомнѣнный знакъ того, что церковь совершила поворотъ назадъ, что наконецъ-то она „свое прегрѣшеніе, а ихъ истину познала“. Нѣкоторые, по заявленію пр. Платона, „уже дерзали мыслить и говорить“ въ этомъ родѣ. „Дабы развратные не протолковали“ превратно учрежденіе единовѣрія и

[1]) Приложенія, № 56, (начало).
[2]) Тамъ же.

чтобы, вообще, „вѣдомо было, по какой винѣ церковь таковое творитъ снисхожденіе“; митрополитъ Платонъ счелъ нужнымъ выразить взглядъ церкви на принципы основанія единовѣрія.

Причины возникновенія раскола, его сущность достаточно выяснены во многихъ полемическихъ сочиненіяхъ. И теперь церковь не измѣняетъ своего прежняго воззрѣнія на этотъ предметъ. „И нынѣ, разсуждаетъ Платонъ, не можетъ быть о всемъ томъ (о погрѣшностяхъ въ старыхъ книгахъ, ихъ поправленіи и о заблужденіи отторгшихся) иная церкви мысль, развѣ каковая ею доселѣ за истину признана и признается“. Судя по прошенію, старообрядцы еще не совсѣмъ освободились отъ раскольничьихъ предразсудковъ. Желаніе сохраненія излюбленныхъ формъ внѣшняго богопочтенія обнаруживало у просителей представленіе объ обрядѣ и о правѣ церкви въ отношеніи обрядовъ недостаточно ясное, одностороннее, пристрастное. Среди пунктовъ прошенія были и прямо предосудительные, не гармонировавшіе съ общецерковнымъ ученіемъ, которые потому не могли быть приняты церковью. Но всѣ они касались сторонъ второстепенныхъ. Въ существенномъ же просители мыслили православно. Идея единенія съ церковью усвоялась ими для спасенія достаточнымъ образомъ, хотя еще не во всей силѣ. Правда, нѣкоторые „Богомъ просвѣщенные и совершенно соединялись“ съ церковью, но число ихъ было невелико по сравненію съ количествомъ заблуждающихся. Явленіе это убѣждало церковь въ трудности разсѣянія заблужденій быстро, сразу у всѣхъ отторгшихся, желающихъ присоединиться къ церкви. А между тѣмъ не принимать ихъ въ союзъ съ церковью изъ-за несущественныхъ предразсудковъ значило совсѣмъ лишать спасенія изъ-за того, изъ-за чего они по существу не могли быть отринуты. Изъявлявшіе готовность вступить въ церковь старообрядцы въ дѣлѣ вѣры подобны были младенцамъ, какъ дѣйствительно называли ихъ нѣкоторые изъ обсуждавшихъ прошеніе. Они требовали млека, нуждались въ снисхожденіи къ своимъ предразсудкамъ и располагали къ любвеобильному отношенію тѣмъ особенно, что погрѣшали

„въ невѣдѣніи“. Церковь, какъ „мать сердобольная“, не могла отвергнуть таковыхъ. Тутъ благовременно предносился примѣръ Апостола, „иже немощнымъ бысть, яко немощенъ, да немощныхъ пріобрящетъ“. Посему церковь „разсудила за благо“ оказать „нѣкоторое снисхожденіе“ просителямъ въ той надеждѣ, что они „со временемъ Богомъ просвѣтятся“, по вступленіи въ ея нѣдра, подъ воздѣйствіемъ благодатной силы, постепенно возрастутъ и окрѣпнутъ и такимъ образомъ „ни въ чемъ въ неразнствующее съ нею пріидутъ согласіе“, достигнутъ духовной зрѣлости. Слѣдовательно, задача церкви сводилась къ отсѣченію непозволительнаго элемента въ пунктахъ старообрядцевъ, къ постепенному воспитанію у просителей правильнаго пониманія мысли о соединеніи съ церковью, идеи единовѣрія. Церковь, оказывая снисхожденіе по отношенію къ изъявившимъ желаніе вступить въ общеніе съ нею, должна только была заботиться не допускать чего-либо такого, что могло служить „соблазномъ“ для правовѣрныхъ[1]).

Итакъ единеніе съ церковью новообращавшихся старообрядцевъ, по мысли Платона, могло совершиться на началахъ любвеобильнаго снисхожденія, по которому церковь, въ видахъ привлеченія заблудшихъ ко спасенію, вправѣ позволить присоединявшимся все то, что не служитъ къ ущербу чистоты вселенской истины и къ соблазну православныхъ.

Изложенныя сужденія составляютъ основныя положенія. Они развиваются затѣмъ м. Платономъ въ пунктахъ, обнимающихъ болѣе частныя отношенія новоприсоединявшихся къ церкви. Прежде всего въ пунктахъ, не составляющихъ предметовъ вѣры.

Такъ какъ старообрядцы вступали въ единеніе съ православными и вмѣстѣ съ ними становились „чадами единыя Святыя Соборныя и Апостольскія Церкве“, то, понятно, „распри, раздоры и хулы ни съ единныя стороны“, не должны ужъ были болѣе слышаться „за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для богослу-

[1]) Второе мнѣніе м. Платона, прибавленное къ замѣчаніямъ на пункты прошенія старообрядцевъ: приложенія, № 56.

женія". „Требованіе, по замѣчанію Платона, благое и достойное, чтобъ оное было отъ всѣхъ сохраняемо въ точности"[1]).

Въ силу того же единенія просителей съ церковію, ихъ уже болѣе неприлично называть „раскольниками или старообрядцами". Здѣсь впервые усвояется присоединяющимся къ св. церкви съ сохраненіемъ старыхъ обрядовъ имя „единовѣрцевъ", и все общество ихъ называется „единовѣрческою церковію". Это названіе предложено было старообрядцамъ м. Платономъ, и они согласились на него. Однако имя „раскольниковъ" по прежнему остается за тѣми, которые и послѣ учрежденія единовѣрія „въ упорствѣ и во отторженіи отъ церкви пребываютъ"[2]).

Равнымъ образомъ и клятвы „праведно", по собственному сознанію старообрядцевъ, „прежде на нихъ возложенныя", должны быть сняты съ просителей, потому опять, что „они сближаются, или паче соединяются съ церковію и истину ея, и таинства, и священство ея признаютъ дѣйствительными". Надъ тѣми же изъ старообрядцевъ, которые изъза своихъ особыхъ обрядовъ не находятъ въ себѣ нравственной возможности соединиться съ церковію, надъ „отторгающимися отъ церкви", клятвы эти и „впредь" тяготѣютъ[3]).

Подъ клятвами пр. Платонъ въ своихъ замѣчаніяхъ на прошеніе старообрядцевъ, судя по смыслу его словъ, разумѣлъ клятвы, положенныя на „отторгающихся" за ихъ „отторженіе" отъ церкви. Отторгающіеся же отъ церкви, иначе раскольники, за свое отторженіе отъ церкви, т. е. за расколъ, подвергнуты были клятвѣ Большимъ Московскимъ соборомъ. Слѣдовательно, эту клятву имѣлъ въ виду и м. Платонъ въ первомъ пунктѣ своихъ замѣчаній. Но московскіе старообрядцы выражались о клятвахъ недостаточно опредѣленно. Они просили разрѣшенія, вообще, „отъ клятвъ" прежде положенныхъ будто бы на старые обряды, не обозначая, кѣмъ и когда положенныхъ. Соотвѣтственно ихъ словоизложенію, и м. Платонъ высказалъ желаніе тоже об-

---

[1]) Пунктъ 16-й правилъ м. Платона единовѣрія.

[2]) Первое мнѣніе, присовокупл. м. Платономъ къ отдѣльнымъ замѣчаніямъ на каждый изъ пунктовъ прошенія старообрядцевъ.

[3]) Пунктъ I.

щаго характера: „отъ клятвъ прежде на нихъ возложенныхъ разрѣшить; не должна болѣе тѣми клятвами ихъ совѣсть быть отягощаема“[1]).

Если клятвы были положены на раскольниковъ за ихъ отторженіе отъ церкви, то, слѣдовательно, „церковь возложила на нихъ оныя праведно“[2]).

Московскіе старообрядцы, какъ видно изъ ихъ прошенія, да и, вообще, всѣ раскольники полагали и полагаютъ, что соборная клятва 1667 г. изречена на самые старые обряды. Противъ такого воззрѣнія нѣкоторые любители церковности справедливо замѣчали, что подвергнуть проклятію старые обряды соборъ не могъ: это значило произнести анаѳему большинству изъ своихъ членовъ и всей русской церкви, какъ державшейся этихъ обрядовъ до введенія новоисправленныхъ. Отвергая на этомъ основаніи приведенный взглядъ, они старались утвердить ту мысль, что соборъ 1666—1667 г. наложилъ клятвы не на самые обряды, а на употребленіе ихъ въ будущемъ; иначе говоря, соборъ подвергъ клятвѣ „всѣхъ тѣхъ, которые, не смотря на послѣдовавшее на соборѣ воспрещеніе употреблять сіи обряды, продолжали держаться ихъ и послѣ собора“[3]),—подвергъ клятвѣ исключительно за одно употребленіе старыхъ обрядовъ, помимо всякихъ другихъ причинъ.

Есть однако вѣскія соображенія, подрывающія въ одинаковой мѣрѣ оба приведенныя мнѣнія о соборной клятвѣ.

Прежде всего въ данномъ случаѣ мы должны остановиться на тѣхъ убѣжденіяхъ собора 1666—1667 гг., которыя составляли принципіальную почву въ рѣшеніи разбираемаго вопроса. Изъ соборныхъ опредѣленій мы узнаемъ, что соборъ читалъ и „утвердилъ“ посланіе константинопольскаго патріарха Паисія къ патріарху Никону[4]). Между тѣмъ въ грамотѣ Паисія развивается такой взглядъ на обряды, который ни въ какомъ случаѣ не позволялъ собору, безъ про-

[1]) Замѣчанія м. Платона на 1 пунктъ прошенія старообрядцевъ.

[2]) Тамъ же.

[3]) Т. Филипповъ. Современные церковные вопросы, СПБ., 1882 г., стр. 282—283.

[4]) Дѣянія Московскихъ соборовъ 1666—1667 г. Книга соборныхъ дѣяній, л. 16.

тиворѣчія самому себѣ, наложить клятву ни на самые обряды, ни на употребленіе ихъ. „Аще случится, разсуждаетъ между прочимъ константинопольскій патріархъ, нѣкоей церкви разнствовати отъ другія въ нѣкихъ чинѣхъ ненужныхъ и существительныхъ вѣры, сирѣчь, не прикасающихся свойственнымъ составомъ вѣры, но малыхъ, якоже есть время литургіи и подобныхъ[1]), сіе не единое разлученіе творитъ, токмо егда сохраняется таяжде вѣра непреложно“[2]). Расколъ бываетъ въ томъ только случаѣ, когда, при согласіи „въ вящшихъ догматѣхъ православныхъ“, отдѣляющіеся отъ церкви „имутъ и нѣкая своя чуждая отъ соборныя мысли церковныя“[3]). Итакъ, по взгляду Паисія и, слѣдовательно, всего собора, различіе въ обрядахъ не важно; при рѣшеніи вопроса о расколѣ, при сужденіи объ отдѣленіи отъ церкви изъ-за обрядовъ, имѣютъ значеніе „мысли церковныя“, внутреннее знаменованіе обрядовъ. Отсюда соборъ могъ наложить клятву на обряды или употребленіе ихъ въ одномъ только случаѣ, если бы нашелъ въ нихъ еретическія мысли. Но ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ соборныхъ постановленіяхъ. Причиною отмѣны старыхъ книгъ и обрядовъ отцы собора считали не еретическій характеръ ихъ, а простое несходство съ древними книгами и уставоположеніями грекороссійской церкви[4]). Укажемъ для примѣра на соборныя разсужденія о молитвѣ Іисусовой. Предписывая употреблять молитву Іисусову въ формѣ: „Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ“, соборъ основаніемъ для своего требованія полагаетъ желаніе послѣдовать „древнему преданію святыхъ и богоносныхъ отцевъ, яко же видится и писано во многихъ древнихъ греческихъ и словенороссійскихъ харатейныхъ книгахъ“. И „непрекословящимъ“ даже разрѣшилъ употребленіе помянутой молитвы въ прежнихъ выраженіяхъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне

[1]) Ниже Паисій причисляетъ къ неважнымъ разностямъ и самый важный пунктъ раскольничьихъ разногласій—сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія и священническаго благословенія.—Скрижаль, издан. п. Никономъ, Москва, 1656 г., ч. 1, стр. 740—743.

[2]) Скрижаль, ч. I, стр. 645.

[3]) Тамъ же, стр. 644—645.

[4]) Книга соборныхъ дѣяній, л. 3, ср. л. 8.

Божій, помилуй насъ", показывая тѣмъ прямо, что ничего еретическаго онъ не усматриваетъ въ прежней формѣ молитвы[1]).

Защитники помянутыхъ воззрѣній на соборную клятву видятъ основаніе для своихъ мнѣній въ самомъ соборномъ текстѣ. Дѣйствительно, соборный текстъ[2]), взятый отрывочно, одинаково благопріятствуетъ какъ тому положенію, что клятвы были наложены на самые обряды, такъ и тому, что имъ подвергнуто употребленіе обрядовъ. Но изъ того же самаго текста, при отрывочномъ пониманіи его, можно и еще съ большимъ правомъ вывести третье мнѣніе,—то самое, которое высказываетъ м. Платонъ, что клятва положена на лицъ, отдѣляющихся отъ церкви, за ихъ непокорство церкви. Уже одно это обстоятельство обнаруживаетъ несостоятельность указаннаго соображенія, для подтвержденія того или иного взгляда на соборную клятву. Поэтому нужно или совсѣмъ отказаться отъ него, или же разбирать соборный текстъ въ связи съ предшествующими и послѣдующими фактами, при свѣтѣ которыхъ видна была бы справедливость лишь одного взгляда и незаконность всякаго другого.

Когда п. Никонъ спрашивалъ константинопольскаго п. Паисія о томъ, какъ поступить ему съ Іоанномъ Нероновымъ и Павломъ, епископомъ Коломенскимъ, которые являлись противниками его исправленій, то Паисій призналъ необходимымъ отдѣлить ихъ отъ церкви, если „по первомъ и второмъ наказаніи" пребудутъ „неисправлени", „да не питаютъ овецъ Христовыхъ смертною пажитію"[3]). Смертная пажить ихъ, несомнѣнно, заключалась не въ содержаніи старыхъ обрядовъ; одни обрядовыя различія Паисій уже не

---

[1]) Книга соборныхъ дѣяній, л. и об. 33.

[2]) Онъ читается такъ: „аще кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святой восточной церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословити и противлятися намъ: и мы таковаго противника, данною намъ властію отъ всесвятаго и животворящаго Духа... проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника..., и отъ Церкве Божія отсѣкаемъ, дондеже уразумится и возвратится въ правду покаяніемъ.—Книга соборныхъ дѣяній, л.7.

[3]) Скрижаль, стр. 711—713.

призналь достойными осужденія. Вина епископа Павла и протопопа Аввакума состояла, по грамотѣ, въ томъ, что они, не желая отказаться отъ старыхъ книгъ и обрядовъ, порицали вмѣстѣ съ тѣмъ патріаршія молитвы и литургію и тщались „принести новины своя и сокровенныя молитвы, яко исправленіе“[1]), т. е. хулили новоисправленный церковно-богослужебный порядокъ и настойчиво требовали введенія опять старыхъ обычаевъ, придавая имъ, очевидно, характеръ догматической неизмѣнности. Старые же обряды служили для нихъ лишь „знаменемъ ереси и раздора“[2]). Отсюда соборъ, усвоившій взглядъ восточнаго патріарха, если подвергъ раскольниковъ клятвѣ, то, очевидно, не за содержаніе старыхъ обрядовъ, а за другой ихъ проступокъ, который необходимо соединялся съ содержаніемъ старыхъ обрядовъ,—за ихъ неповиновеніе церковной власти и за хулы ихъ на церковь. Слѣдовательно, соборная клятва падала не на употребленіе обрядовъ, тѣмъ болѣе не на самые обряды, а лишь на лицъ, которые изъ-за этихъ обрядовъ отдѣлялись отъ церкви, признавая ее еретическою, и для которыхъ обряды являлись только символомъ церковнаго противленія.

А что, дѣйствительно, отцы собора поступили, при изреченіи клятвы, согласно съ взглядомъ константинопольскаго патріарха, доказательство этому мы находимъ въ самыхъ соборныхъ дѣяніяхъ. Въ опредѣленіяхъ относительно Стоглаваго собора соборъ 1667 г. отожествляетъ свои клятвы съ клятвами, о которыхъ рѣчь идетъ въ „Жезлѣ Правленія“[3]). „Клятва же и проклятіе, еже писано есть въ книгѣ жезлъ, возводится, по замѣчанію отцовъ, на Аввакуму-

[1]) Скрижаль, стр. 715.

[2]) Тамъ же, стр. 712.

[3]) Вотъ это мѣсто: „аще кто нынѣ начнетъ прекословити о изложенныхъ винахъ на соборѣ семъ великомъ отъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, яже исправиша и узаконоположиша о аллилуіи, и о крестѣ, и о прочихъ винахъ, яже писаны суть въ соборномъ изложеніи настоящаго сего собора въ лѣто отъ Божія по плоти рожденія 1667, и въ книзѣ правленія жезла: да будетъ по апостолу Павлу, въ правду самоосужденъ и наслѣдникъ клятвѣ сего собора, писаннѣй въ соборномъ дѣяніи его, яко преслушникъ Божій, и святыхъ отецъ правиломъ противникъ“.—Книга соборн. дѣяній, л. и об. 93.

ма бывшаго протопопа, и на Лазаря попа..., и Ѳеодора діакона, и на прочихъ ихъ единомысленниковъ и единомудренниковъ и совѣтниковъ ихъ", т. е. какъ на нихъ самихъ, такъ и на всѣхъ ихъ послѣдователей. За что же возводится?—„За ихъ ложное писаніе, неправедное обличеніе и смущеніе"[1]). Изъ постановленій собора 1666 г. относительно нѣкоторыхъ расколоучителей мы можемъ точнѣе опредѣлить, въ чемъ состояла вина подпавшихъ соборной анаѳемѣ. Такъ, вину протопопа Аввакума соборъ 1666 г. опредѣляетъ слѣдующими словами: „писа хулы на святаго символа исправленіе, на тріехъ первыхъ перстовъ въ креста воображеніи сложеніе, на исправленіе книжное и на исправители, на согласіе пѣнія церковнаго; оклевета же и священники московскія, аки невѣрующія во Христа вочеловѣчьшася, и не исповѣдующія его воскресенія; еще же аки именующихъ несовершенна быти царя со отцемъ на небеси Христа Господа и духа святаго не истиннаго исповѣдующихъ, и иныя многія симъ подобныя лжи и клеветы не убояся Бога написати; книмъже приложи яко епилогъ мятежословіе, возбраняя православнымъ христіаномъ отъ священниковъ новоисправленныхъ книгъ во священнодѣйствіи употребляющихъ божественныхъ таинъ комканія сподобляется"[2]). И на соборѣ не только не подчинился убѣжденіямъ отцовъ, но, „злобу злобѣ прилагая, укори (еще) въ лице весь освященный соборъ, вся неправославными нарицая"[3]). Подобными же хулами охуждали грекороссійскую церковь и другіе расколоучители[4]). Общую характеристику ихъ отношеній къ св. церкви соборы 1666-1667 г. обрисовываютъ такимъ образомъ: „нарицаху книги печатныя новоисправленныя и новопреведенныя при Никонѣ бывшемъ патріархѣ, быти еретическія и растлѣнны, и чины церковныя яже исправишася со греческихъ и древнихъ россійскихъ книгъ злословиша, имены хулными нарицаша ложно, и весь архіерейскій чинъ и санъ уничижиша... и глаголаша

---

[1]) Книга соборн дѣяній, об. 16.
[2]) Дѣянія собора 1666 г., л. и об. 16.
[3]) Тамъ же, об. 16.
[4]) Тамъ же, л. 22—23.

церкви быти не церкви, архіереи не архіереи, священники не священники“[1])...; „писанія лестна, ученіе неправедное и вся скверна и не благочестна“[2]). Свое „зломысліе и лжеученіе“ расколоучители старались „устно“ и „письменно“ разсѣивать въ народѣ. И „простыя чада“, дѣйствительно, стали думать, что „ересьми многими и антихристовою скверною осквернены церкви, и чины, и таинства, и послѣдованіе церковное“[3]), и, вслѣдствіе этого, начали отдѣляться отъ „церковнаго входа и молитвы“[4]). Понятно, за подобное враждебно-хульное отношеніе къ церкви, раскольники вполнѣ заслуживали церковнаго отлученія, такъ какъ для послѣдняго, по слову Спасителя, достаточно одного непослушанія церкви. (Мѳ. XVIII, 17).

Итакъ снесеніе соборныхъ постановленій между собою показываетъ, что клятва положена не на самые старые обряды и книги, и не на одно простое употребленіе ихъ, а на лицъ, которые, ратуя за старые обряды, въ то же время поносили „хулами нестерпимыми“ церковь, какъ еретическую, и потому наложена была вполнѣ справедливо[5]). „Проклятію собора 1667 г. подлежатъ тѣ, которые не только содержатъ обряды стоглаваго собора, но по случаю сихъ обрядовъ являются противниками православной церкви, дондеже уразумятся“[6]).

Если клятва наложена соборомъ на раскольниковъ за ихъ хулы на церковь и неповиновеніе церковной власти и положена „дондеже уразумятся и возвратятся въ правду покаяніемъ“[7]), то необходимымъ условіемъ для разрѣшенія старообрядцевъ отъ клятвы, очевидно, должно признать обращеніе ихъ къ церкви. Раскаяніе, по смыслу соборнаго

---

[1]) Книга соборныхъ дѣяній, об. 1.

[2]) Дѣянія собора 1666 г., л. 11.

[3]) Тамъ же, об. 37.

[4]) Тамъ же.

[5]) Обстоятельныя сужденія о клятвѣ собора 1667 г., послужившія и для насъ руководствомъ, см. въ изслѣдованіи: „О клятвѣ Московскаго собора 1667 г., СПБ., 1893 г.

[6]) „Изъясненіе о проклятіи... собора 1667 г.“ Московскаго митрополита Филарета, напечат. Сапѣлкинымъ: „Свѣдѣнія о единовѣрческихъ церквахъ“, Москва, 1858 г., л. 45.

[7]) Книга соборныхъ дѣяній, л. 7.

опредѣленія, уничтожаетъ причину анаѳемы и, вслѣдствіе этого, должно вести къ прекращенію дѣйствій соборной клятвы. Разъ нѣтъ этого раскаянія, и клятва не можетъ быть снята съ виновныхъ. Отсюда необходимое слѣдствіе: всеобщаго разрѣшенія соборной клятвы не должно быть до тѣхъ поръ, пока есть „отторгающіеся отъ церкви"; но съ другой стороны отъ клятвы свободными становятся тѣ, кои сознаютъ свою вину и желаютъ соединиться съ православной церковью. Для фактическаго же клятвеннаго разрѣшенія каждаго вновь обращающагося, церковь во всѣ времена считала достаточнымъ одного іерейскаго или архіерейскаго разрѣшенія, и потому, именно, что священникъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ не вопреки соборному постановленію, а, напротивъ, являлся какъ разъ выполнителемъ намѣреній собора. Оттого мы должны признать вполнѣ справедливымъ и то замѣчаніе м. Платона, чтобы „надъ каждымъ принимаемымъ къ дозволяемой церкви" читать „епископу или пресвитеру съ возложеніемъ руки разрѣшительную молитву"..., въ ознаменованіе разрѣшенія его „отъ всѣхъ клятвъ, имъ же отъ церкви отторженіемъ отъ нея подверглся есть"[1]).

Принципъ единенія съ церковію новоприсоединявшихся развивается затѣмъ въ правилахъ 2, 6, 12, 10, 7, 14, опредѣляющихъ отношеніе ихъ къ церкви по существеннымъ пунктамъ вѣры, по вопросу объ іерархіи и таинствахъ. Въ силу важности помянутыхъ вопросовъ въ христіанской догматикѣ, въ рѣшеніи ихъ не оставалось мѣста для какой бы то ни было уступки со стороны церкви въ пользу новоприсоединявшихся. Послѣдніе должны были признать законность православной іерархіи, дѣйствительность православныхъ таинствъ и ждать опредѣленія относительно своихъ поповъ и ихъ священнодѣйствій; безъ этого не могло послѣдовать единеніе старообрядцевъ съ церковью.

Послѣ же того, какъ старообрядцы признали истинность православной іерархіи[2]), для существа дѣла собственно было безразлично, дать ли старообрядцамъ отдѣльную

---

[1]) Мнѣніе м. Платона на 1 пунктъ прошенія старообрядцевъ.
[2]) Пунктъ 10 прошенія старообрядцевъ.

полную іерархію или только однихъ священниковъ: въ томъ и другомъ случаѣ іерархія новоустрояемой церкви была бы православна, потому что исходила бы отъ православнаго источника. И преосвященный Филаретъ московскій вполнѣ справедливо раздѣлялъ мнѣніе о возможности дарованія единовѣрцамъ особаго архіерея. Только осуществленіе своего проекта онъ считалъ полезнымъ лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ,—когда церковь чрезъ дарованіе единовѣрцамъ особаго архіерея могла надѣяться достигнуть наибольшаго привлеченія раскольниковъ въ свои нѣдра. Такъ напр., при появленіи австрійскаго священства, учрежденіе особаго единовѣрческаго епископа могло составить, по мысли святителя, противовѣсъ самозваннымъ архіереямъ и потому допустить его въ ту пору „было бы не безполезно“[1]).—Словомъ, дать или не дать особаго епископа присоединявшимся къ церкви старообрядцамъ зависѣло не отъ принципіальнаго рѣшенія вопроса объ іерархіи, а отъ частныхъ соображеній церкви, которыя, конечно, должны были гармонировать съ общими основами единовѣрія.

Такъ мыслилъ и м. Платонъ[2]). Но, послѣ неудачнаго исхода просьбы крайнихъ рогожскихъ старообрядцевъ о самостоятельномъ архіепископѣ, въ прошеніи умѣренныхъ старообрядцевъ уже совсѣмъ не было рѣчи о самостоятельномъ старообрядческомъ епископѣ, и вслѣдствіе этого м. Платонъ не имѣлъ нужды входить въ подробное разсмотрѣніе вопроса объ особомъ старообрядческомъ епископѣ. Просители заранѣе соглашались подчиняться епархіальному православному епископу, въ данномъ случаѣ самому м. Платону; просили только дать имъ отдѣльныхъ приходскихъ священниковъ и діаконовъ. Преосвященный Платонъ нашелъ возможнымъ дозволить епископамъ посвящать для старообрядцевъ священнослужителей по ихъ просьбѣ только послѣ своего „разсмотрѣнія и разсужденія“, поставивши старообрядческую іерархію въ полную зависимость отъ пра-

[1]) Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета, т. V, ч. II, стр. 563, Москва, 1888 г.

[2]) См. стр. 309—312 настоящаго изслѣдованія.

вославныхъ епархіальныхъ архіереевъ по всѣмъ духовнымъ дѣламъ и по суду, за исключеніемъ тѣхъ преступленій, разбирательство которыхъ существующимъ законодательствомъ для всѣхъ лицъ безразлично отнесено въ гражданское вѣдомство[1]). При этомъ для новоприсоединявшихся, согласно ихъ просьбѣ, м. Платонъ допустилъ нѣкоторыя даже льготы сравнительно съ православными. Новоприсоединявшіеся были совершенно изъяты изъ подчиненія епархіальной консисторіи; дѣла ихъ епископъ вѣдалъ при помощи старообрядческихъ же священниковъ[2]), имъ самимъ дано право избирать себѣ священниковъ[3]); наконецъ, старообрядческимъ священникамъ позволено было не являться къ соборнымъ моленіямъ[4]).—Просьбу же старообрядцевъ за бѣглыхъ поповъ пр. Платонъ отклонилъ. Для юнаго общества требовались руководители болѣе надежные, чѣмъ бѣглые попы, своимъ побѣгомъ уже достаточно обнаружившіе религіозную неустойчивость, заявившіе себя „предателями церкви, совѣсти и сана своего“. Поручать такимъ лицамъ воспитаніе въ мѣру духовной зрѣлости неокрѣпшихъ въ вѣрѣ справедливо представлялось Платону не безопаснымъ[5]).

Вмѣстѣ съ признаніемъ истинности православной іерархіи, старообрядцы, присоединяясь къ св. церкви, какъ тоже существенную сторону Христовой вѣры, должны были принять безъ всякаго поправленія, „въ дѣйствительной силѣ“ и священныя тайны грекороссійской церкви[6]). Признавая православную іерархію и православныя таинства дѣйствительными и не имѣя своихъ отдѣльныхъ епископовъ, которымъ исключительно присвоено церковью право освященія св. мѵра, новоприсоединявшіеся, естественно, могли получать св. мѵро, необходимое для совершенія мѵропомазанія, лишь отъ православныхъ епископовъ[7]). Далѣе, такъ какъ таинства, имѣвшія совершаться въ новоучреждаемой церкви,

[1]) Пункты: 2, 6, 12.
[2]) Пунктъ 6.
[3]) Пунктъ 2.
[4]) Пунктъ 5.
[5]) Пунктъ 2.
[6]) Пунктъ 10.
[7]) Пунктъ 7.

должны были имѣть одинаковую силу съ совершаемыми въ православныхъ церквахъ, то принятіе ихъ въ той или другой церкви по существу не могло возбуждать какихъ-либо недоразумѣній. Выходя изъ этого положенія, м. Платонъ безъ всякаго затрудненія разрѣшилъ брачущимся, по собственному ихъ желанію, вѣнчаться въ православной или во вновь открываемой церкви въ томъ случаѣ, когда одно лицо изъ вѣнчающихся будетъ принадлежать къ православнымъ членамъ церкви, другое къ числу изъявившихъ желаніе вступить въ церковь съ сохраненіемъ старыхъ обрядовъ[1]). По тѣмъ же соображеніямъ исповѣдь старообрядческихъ священниковъ м. Платонъ предоставилъ совѣсти самихъ исповѣдующихся, не удовлетворивши въ этомъ отношеніи просьбы старообрядцевъ, чтобы старообрядческія священники исповѣдывались только у старообрядческихъ священниковъ[2]). Вообще, стоя на принципіальной почвѣ, можно было дозволить свободно каждому вѣрующему, держащемуся старыхъ или новыхъ обрядовъ принимать таинства, гдѣ кто пожелаетъ, въ православной или въ новоустрояемой церкви. Этого и желали московскіе старообрядцы. Для просителей указанный пунктъ, дѣйствительно, м. Платонъ рѣшилъ въ смыслѣ положительномъ[3]). Согласіе же на него для православныхъ встрѣчало серьезныя практическія препятствія. Если бы новоприсоединявшіеся правильно понимали идею единовѣрія, тогда можно было бы разрѣшить безъ всякаго ограниченія и православнымъ принимать таинства въ новоустрояемой церкви. Но изъ 5 пункта прошенія московскихъ старообрядцевъ Платонъ легко могъ убѣдиться, что желающіе вступить въ церковь Христову съ соблюденіемъ своихъ старыхъ обрядовъ не оставляли своего неправильнаго представленія объ обрядахъ православной церкви. Предубѣжденіе ихъ въ этомъ отношеніи столь было сильно, что они не хотѣли даже имѣть молитвеннаго общенія съ употребляющими новоисправленные обряды. Правда, м. Платонъ нашелъ предосудительнымъ желаніе старообрядцевъ не принимать

[1]) Пунктъ 14.
[2]) Пунктъ 8.
[3]) Пунктъ 11.

на общія моленія православныхъ и практическое выполненіе его предоставилъ „благоразсужденію священниковъ съ наставленіемъ епископа“, тѣмъ не менѣе пунктъ этотъ ясно характеризовалъ предубѣжденное настроеніе старообрядцевъ противъ православной церкви, которое, конечно, осталось у нихъ и послѣ неодобренія его. При такихъ обстоятельствахъ желаніе старообрядцевъ дозволить православнымъ свободно принимать таинства въ просимой ими церкви, очевидно, могло совершаться лишь при отреченіи православныхъ отъ своихъ обрядовъ. Допустить же это для всѣхъ членовъ церкви пр. Платонъ не считалъ безопаснымъ. Подобное позволеніе старообрядцы могли, пожалуй, превратно истолковать, будто церковь дозволила единовѣріе потому, что „свое прегрѣшеніе, а ихъ истину познала“, и такимъ способомъ убѣждать православныхъ къ переходу въ свое общество, общество младенствующихъ въ вѣрѣ. Слѣдовательно, результатъ могъ оказаться нежелательный: немощные члены могли заразить здоровыхъ. Во избѣжаніе такихъ послѣдствій, м. Платонъ вполнѣ законно ограничилъ принятіе православными таинствъ отъ священниковъ новоустрояемой церкви только случаями „крайней нужды“, смертною, напримѣръ, опасностью, при отсутствіи вблизи православнаго священника[1]).

Относительно исповѣди и св. причастія старообрядцы просили: „не выписывать ко взысканію штрафныхъ денегъ“ съ непринимавшихъ таинства „по каковымъ либо встрѣтившимся обстоятельствамъ“. Вмѣсто денежнаго штрафа, они желали предоставить исправленіе нерадивыхъ въ исполненіи христіанскаго долга „духовнымъ ихъ отцамъ“ при посредствѣ церковныхъ епитимій. Пунктъ этотъ вполнѣ соотвѣтствовалъ идеѣ таинства. Посему преосвященный Платонъ не только одобрилъ его, но высказалъ желаніе, чтобы „и всѣ православные отъ онаго штрафа были освобождены, а наказываны бъ они были за духовное преступленіе духовными епитиміями; сіе бы сходственнѣе было съ духовнымъ прегрѣшеніемъ“. Впрочемъ свое мнѣніе Платонъ выражалъ

[1]) Пунктъ 11.

условно, въ виду того, что установленіе исповѣдного штрафа относилось къ сферѣ гражданскаго вѣдомства. На долю Платона здѣсь оставалось лишь предложить вопросъ „благоразсмотрѣнію Святѣйшаго Синода“, конечно съ цѣлью, не найдетъ ли Св. Синодъ возможнымъ ходатайствовать предъ высочайшею волею объ отмѣнѣ штрафныхъ денегъ за небытіе на исповѣди и у св. причастія и для православныхъ[1]).

Что же касается священнодѣйствій, совершенныхъ бѣглыми попами, о признаніи которыхъ дѣйствительными просили старообрядцы, если только совершители ихъ не были самозванцы или правильно изверженные, то преосвященный Платонъ, руководствуясь принципіальною постановкою вопроса, призналъ дѣйствительными тѣ изъ таинствъ, которыя могли быть правильно совершенными у старообрядцевъ; таково крещеніе, бракосочетаніе[2]).

---

[1]) Пунктъ 13.—Св. Синодъ, помимо принципіальныхъ соображеній, имѣлъ достаточно свидѣтельствъ практической невыгоды отъ закона о взиманіи штрафныхъ денегъ за небытіе на исповѣди. „Изъ дѣлъ, произведенныхъ въ Синодѣ немного позднѣе, оказывалось“, что нерадящіе объ исполненіи христіанскаго долга касательно исповѣди и св. причастія, „единственно для избѣжанія платежа за то штрафа, объявляли себя старообрядцами“ (разумѣется единовѣрцами). Такимъ образомъ узаконенная (высочайшимъ указомъ 1798 г. марта 12) свобода отъ штрафа для старообрядцевъ, вступавшихъ въ единеніе съ церковью на особыхъ началахъ, съ одной стороны давала имъ предъ православными „выгоду“, а съ другой „служила нѣкоторымъ слабымъ въ вѣрѣ и нерадящимъ о должностяхъ христіанскихъ поводомъ къ удаленію отъ православной церкви“. По намеку ли м. Платона, или по собственному сознанію, совпавшему съ убѣжденіемъ московскаго святителя, только Св. Синодъ, вскорѣ же послѣ доношенія м. Платона о старообрядцахъ, ходатайствовалъ предъ монаршею волею о замѣнѣ денежнаго штрафа за небытіе на исповѣди духовными исправленіями, по усмотрѣнію духовниковъ: публичными земными поклонами, стояніемъ на колѣнахъ въ церкви или притворѣ, наиболѣе упорныхъ—посылкою въ монастырь. Духовныя мѣры Св. Синодъ предпочиталъ денежному штрафу не къ „послабленію нерадящихъ о семъ спасительномъ долгѣ“, но дабы „привесть (ихъ) въ вящшее возчувствованіе своего прегрѣшенія и къ искреннему о томъ раскаянію“.—Архивъ Св. Синода, дѣло 1801 г. января 9, № 29 (657).

[2]) Пунктъ 10.

Въ разсужденіи по несущественнымъ пунктамъ вѣры, въ которыхъ, далѣе, развивались начала единовѣрія, преосвященный Платонъ слѣдовалъ положенію: не позволять того, что можетъ служить „соблазномъ“ для православныхъ. Поэтому онъ безъ затрудненія согласился на допущеніе для старообрядцевъ излюбленныхъ ими старыхъ книгъ и обрядовъ, согласился выполнить желаніе просителей хиротонисать для нихъ священнослужителей[1]), освящать церкви и антиминсы[2]), позволить отправлять богослуженіе[3]), сообразно съ дониконовскою церковною практикою, по старопечатнымъ книгамъ. Не вполнѣ удовлетворенною осталась просьба старообрядцевъ относительно того, чтобы епископы „благословляли старообрядческихъ священниковъ и старообрядцевъ, слагая два перста, „по обыкновенію древле бывшему въ Россіи“. Въ виду могущаго происходить отсюда соблазна для православныхъ, м. Платонъ предоставилъ рѣшеніе вопроса объ архіерейскомъ благословеніи „благоразумію и совѣсти каждаго епископа“[4]), т. е. епископъ получалъ право благословлять старообрядцевъ двуперстно только тогда, когда онъ надѣялся, что изъ такого его поступка не выйдетъ никакого вреда для православной паствы; въ противномъ же случаѣ онъ не долженъ былъ оказывать снисхожденіе старообрядцамъ.—Полное затѣмъ исключеніе изъ правилъ, дозволяющихъ новоприсоединявшимся старые обряды, составлялъ пунктъ 15. Послѣ высочайшихъ рескриптовъ 12 іюля и 20 августа 1799 года старообрядцы въ прошеніи на имя м. Платона уже безъ всякихъ оговорокъ выражали готовность „во всѣхъ служеніяхъ приносить моленіе о всей Высочайшей фамиліи по данной отъ Святѣйшаго Синода формѣ“. Митрополитъ Платонъ написалъ на этотъ разъ такое замѣчаніе: „сіе необходимо потребно“[5]).

Заключеніе ко всѣмъ изложеннымъ пунктамъ составляетъ вопросъ о переходѣ изъ православія въ единовѣріе.

---

[1]) Пунктъ 2.
[2]) Пунктъ 4.
[3]) Пунктъ 3.
[4]) Пунктъ 9.
[5]) Пунктъ 15.

Если единовѣріе есть также православіе, то вопроса о переходѣ изъ православія въ единовѣріе собственно не должно быть. Онъ возникалъ лишь вслѣдствіе не совсѣмъ правильнаго пониманія идеи единовѣрія старообрядцами, искавшими единенія съ церковью. Предразсудки новоприсоединявшихся побуждали ограждать отъ нихъ православныхъ. Создавалась потребность заботиться о томъ, чтобы не причинить вреда церкви, чтобы не подать повода къ распространенію неправильныхъ представленій среди тѣхъ, которые ихъ до того времени не имѣли. Поэтому митрополитъ Платонъ вполнѣ благоразумно „въ церкви нашей православной доселѣ бывшихъ“ категорически воспретилъ принимать въ новооткрываемую церковь: „никакъ до такового присоединенія не допускать ихъ“[1]). Разрѣшеніе же вопроса касательно незаписныхъ старообрядцевъ въ принципѣ должно было послѣдовать, безъ всякаго сомнѣнія, положительное: единовѣріе и учреждалось съ цѣлью привлеченія въ церковь раскольниковъ, независимо отъ того, будутъ ли они записные или незаписные. Но, при примѣненіи на практикѣ указаннаго положенія, могли возникнуть злоупотребленія; можно было опасаться, какъ бы просители, какъ не вполнѣ еще освободившіеся отъ раскольничьихъ предразсудковъ, не стали увлекать православныхъ въ свое общество, подъ предлогомъ присоединенія къ церкви незаписныхъ раскольниковъ. Значитъ, слѣдовало поступить такъ, чтобы съ одной стороны предупредить возможность злоупотребленія, съ другой—не закрыть дверей въ церковь для тайныхъ раскольниковъ изъ-за одной формальной записи ихъ православными. Въ виду сего, преосвященный Платонъ соглашался на присоединеніе къ новооткрываемой церкви незаписныхъ раскольниковъ лишь послѣ тщательнаго разслѣдованія со стороны епископа относительно убѣжденій присоединяемаго и указалъ казавшійся ему наиболѣе вѣрнымъ признакъ для сужденія о томъ, дѣйствительно ли издавна удалившійся отъ православія ищетъ присоединенія къ единовѣрію, или же вполнѣ православный. Предполагая, что

[1]) Пунктъ 5.

нельзя встрѣтить такого православнаго, который бы рѣшительно уклонялся отъ исполненія своихъ христіанскихъ обязанностей, м. Платонъ вывелъ отсюда заключеніе, что тотъ, кто „никогда дотолѣ въ церковь не ходилъ и таинствъ ея не принималъ“, принадлежитъ къ расколу и только считается православнымъ[1]). Правда, и въ этомъ случаѣ могло быть присоединеніе къ единовѣрію дѣйствительно православнаго; но разъ онъ систематически и въ теченіе весьма долгаго времени уклонялся отъ церкви и ея таинствъ, то присоединеніе такого человѣка къ единовѣрію для него лично могло оказаться весьма полезнымъ, а для другихъ православныхъ не могло быть соблазнительнымъ, въ виду, именно, весьма давняго его фактическаго отклоненія отъ православной церкви.

Изъ анализа мнѣній м. Платона на прошеніе московскихъ старообрядцевъ можно видѣть, что ими, скажемъ словами м. Филарета, просителямъ предоставлялось „все, что могло быть допущено, безъ нарушенія чистоты православія. Идти далѣе значило бы (уже) не приближать къ православію и къ церкви отчужденныхъ, а увлекать православіе съ праваго пути, и благоустроенный міръ церкви погружать въ хаосъ раскольническихъ самочиній и нестроеній“[2]).

Свое мнѣніе относительно учрежденія въ Москвѣ единовѣрія митрополитъ Платонъ представилъ Святѣйшему Синоду, присоединивши къ нему копіи съ прошенія московскихъ старообрядцевъ и съ мнѣній московскаго духовенства. Въ собраніи Синода представленіе Платона о старообрядцахъ впервые заслушано было 28 февраля 1800 г.[3]). Мнѣніе м. Платона Св. Синодъ призналъ возможнымъ

---

[1]) Пунктъ 5.

[2]) Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета, т. V, ч. II, Москва, 1888 г., стр. 562.

[3]) Присутствовали: архіепископъ С.-Петербургскій Амвросій, архіепископъ Ярославскій Павелъ, архіепископъ Псковскій Иринеій, архимандритъ Юрьевскій Михаилъ, полевой оберъ-священникъ, протоіерей Павелъ Озерецковскій. Духовникъ же государя, протопресвитеръ Исидоръ, состоявшій тогда также членомъ Св. Синода, равно оберъ-прокуроръ Св. Синода въ этомъ засѣданіи не были.

„утвердить“, за исключеніемъ сужденія о бѣглыхъ попахъ[1]). Св. Синодъ незадолго передъ тѣмъ, по доношенію Павла, епископа Нижегородскаго, высказался за позволеніе старообрядцамъ оставаться при прежнихъ бѣглыхъ священнослужителяхъ[2]), также поступалъ дотолѣ и первенствовавшій теперь членъ Св. Синода архіепископъ Амвросій въ сношеніяхъ съ московскими старообрядцами[3]). Согласиться послѣ сего съ отрицательнымъ мнѣніемъ московскаго митрополита о бѣглыхъ попахъ для Св. Синода, въ частности для архіепископа Амвросія, значило подписать распоряженіе, противоположное своимъ прежнимъ оффиціальнымъ. Полагаемъ, здѣсь и лежала причина, почему Св. Синодъ на первыхъ порахъ не принялъ мнѣнія м. Платона относительно бѣглыхъ поповъ. Онъ согласился не допускать бѣглыхъ поповъ лишь на будущее время, какъ того желали и старообрядцы. Ранѣе же состоявшихъ въ обществѣ старообрядцевъ поповъ Св. Синодъ полагалъ оставить для новоприсоединявшихся, „естьли они кромѣ отлучки своей никакихъ другихъ пороковъ за собою не имѣютъ и явятся къ нему, Преосвященному, съ истиннымъ смиреніемъ“. Затѣмъ члены Синода „взяли на особенное примѣчаніе“ пунктъ 13. Окончательнаго однако постановленія по доношенію м. Платона не состоялось въ этомъ собраніи Синода. Въ журналѣ было записано: „доложить для рѣшительнаго о всемъ семъ дѣлѣ положенія Святѣйшему Синоду впредь“[4]).

Сужденія Св. Синода о бѣглыхъ попахъ и, вообще, о прошеніи московскихъ старообрядцевъ не остались тайною для раскольниковъ. Партія, несогласная съ подавшими прошеніе м. Платону, не замедлила воспользоваться ими для своихъ преступныхъ дѣйствій. Раскольники стали распространять молву, будто въ Св. Синодѣ состоялось опредѣленіе, благопріятное для ихъ бѣглыхъ поповъ, и выдавали будто бы за подлинно подписанный архіепископомъ Амвросіемъ, какой-то документъ на право священнодѣйствія бѣглымъ по-

---

[1]) Приложенія, № 58, л. и об. 126.
[2]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1797 г. ноября 2, № 494.
[3]) Приложенія, № 14, л. 81—82.
[4]) Тамъ же, № 58, об. 126—л. 127.

памъ. Раскольники ликовали, поставляя въ затрудненіе епархіальную власть, а, быть можетъ, и гражданскую. Вотъ что писалъ другу своему преосвященный Платонъ отъ 5 марта 1800 г. о происходившемъ въ своей епархіи. „О раскольникахъ указъ для насъ нерадостенъ; а для нихъ напротивъ. Ибо, уже слышно, они его достали. Взяли силу.— Теперь у меня таскается одинъ попъ по всей епархіи и служитъ у раскольниковъ: показываетъ билетъ за вашею рукою, что ему служить у раскольниковъ дозволено. Что съ нимъ дѣлать? Увѣдомить губернатора? Но что онъ сдѣлаетъ? Уже и сообщали: они отрицаются, говоря, что имъ нужды до того нѣтъ. Кажется, уже имъ и въ церквахъ нужды нѣтъ. Могутъ себѣ поступать, какъ хотятъ. Ecce quo tandem pervenimus! A Deo expectanda meliora (вотъ до чего мы, наконецъ, дожили! Отъ Бога должно ожидать лучшихъ временъ“[1]).

Дѣло учрежденія единовѣрія м. Платонъ считалъ настолько важнымъ, что и послѣ своего оффиціальнаго доношенія не рѣшался отстаивать свое мнѣніе безусловно. Его смущали отрицательныя сужденія подавляющаго большинства московскаго духовенства. Отъ 8 марта 1800 г. онъ писалъ пр. Амвросію. „О раскольникахъ дѣло, едва ли бы не лучше было, когда бъ имъ совсѣмъ въ просьбѣ отказано; такъ всѣ почти здѣсь думаютъ“[2]). Платонъ не отказывается отъ взгляда, высказаннаго имъ въ доношеніи, но сознаетъ, что принципъ относительно рѣшенія дѣла, признаваемый имъ наиболѣе надежнымъ, не проведенъ надлежащимъ образомъ. Вопросъ требовалъ болѣе тщательнаго, болѣе независимаго обсужденія, чѣмъ это происходило въ дѣйствительности. Быть можетъ, многочисленность отрицательныхъ мнѣній побуждала Платона нѣсколько даже ослабить силу своего доношенія. Онъ высказывалъ опасенія за послѣдствія, которыя предвидѣть было трудно, и совершенно отклонилъ случай стѣснить до нѣкоторой степени свободное сужденіе Св. Синода по его доношенію. „О раскольникахъ, про-

[1]) Письма м. Платона къ пр. Амвросію, № 59; въ Православномъ Обозрѣніи 1869 г., т. II, стр. 47.

[2]) Тамъ же, № 60, стр. 47.

сящихъ церкви, писалъ Платонъ пр. Амвросію въ іюлѣ (29) 1800 года, чтобъ имъ дать по моему представленію, я не предвижу, кромѣ нехорошихъ слѣдствій, а чтобъ дать оную тѣмъ, кои сами собою проискиваютъ, и того хуже. Какъ сіе дѣло требуетъ свободнаго разсужденія, а не принаравливанія въ обстоятельствамъ, то я мнѣніе дать недоумѣваю. А прошу пастыреначальника Христа, да васъ просвѣтитъ и наставитъ“[1]).

Вторичное разсужденіе по доношенію м. Платона о старообрядцахъ Св. Синодъ имѣлъ 24 августа того же 1800 г. и въ томъ же составѣ своихъ членовъ, что и 28 февраля. Теперь Св. Синодъ окончательно рѣшилъ учредить въ Москвѣ для старообрядцевъ церковь на просимомъ ими мѣстѣ, на основаніи высочайшаго указа 1798 г. марта 12 и мнѣнія московскаго митрополита, измѣнивъ въ послѣднемъ только пунктъ касательно бѣглыхъ поповъ, соотвѣтственно своимъ сужденіямъ 28 февраля. Остальное онъ принялъ безъ поправокъ, согласившись и на предложеніе м. Платона о духовномъ наказаніи—епитиміею не бывшихъ у исповѣди и причастія старообрядцевъ, вмѣсто взысканія за то денежнаго штрафа. 27 августа журналъ былъ подписанъ. Оставалось лишь написать протоколъ[2]). Но тутъ послѣдовали событія, потребовавшія выясненія хода дѣла о московскихъ старообрядцахъ предъ высочайшей властью.

Партія раскольниковъ, несогласныхъ съ подавшими прошеніе м. Платону, представила государю новую свою просьбу. Ее подалъ тотъ же Дмитрій Ѳедоровъ, который ранѣе являлся въ С.-Петербургъ въ качествѣ повѣреннаго отъ своего общества. Къ прошенію онъ приложилъ довѣренность[3]). По своему обычаю, Дмитрій Ѳедоровъ намѣревался проложить путь къ высочайшему снисхожденію лестью и неправдою. Прежде чѣмъ излагать просьбу, онъ хитро от-

[1]) Письма м. Платона къ пр. Амвросію, № 64: Православное Обозрѣніе 1869 г., т. II, приложеніе, стр. 52.

[2]) Приложенія, № 61, л. 544, 550, 557.

[3]) Довѣренность подписана 29-мъ февраля, прошеніе 1-мъ марта 1800 г. Для опредѣленія времени подачи прошенія государю императору имѣютъ значеніе слѣдующія данныя. Къ прошенію приложено ходатайство старообрядцевъ посада Добрянки предъ рогож-

тѣняетъ драгоцѣнность каждой минуты времени государя императора, какъ назначенной для дѣлъ первостепенной важности („важнѣйшихъ дѣлъ"), деликатно сознается, что, вслѣдствіе сего, не слѣдовало бы и „осмѣливаться утруждать" особу государя, а съ другой стороны подчеркиваетъ, какъ „любезно отеческому сердцу" государя то, что должно быть любезно, т. е. „благо и спокойствіе" вѣрноподданныхъ. Подыскавъ оправданіе своему намѣренію, онъ потомъ уже какъ бы „съ благоговѣніемъ" повергаетъ просьбу къ высочайшему престолу. Здѣсь умѣстно Дмитрій Ѳедоровъ приводитъ фактъ, которымъ подтверждался указанный имъ государственный принципъ. Онъ упоминаетъ о монаршемъ благоволеніи къ старообрядцамъ 3 іюня 1799 года, послѣдовавшемъ въ отвѣтъ на ихъ вѣрноподданническое „усердіе и ревность". За каковую милость старообрядцы „во всемъ государствѣ"(!) будто бы ничѣмъ инымъ не знаютъ выразить „всеподданническую благодарность", какъ только молитвою о здравіи государя, т. е. стремится лукаво поколебать основанія для послѣдовавшаго прекращенія съ ними высочайшихъ сношеній. Теперь, получивъ „вѣрящее письмо" отъ своего общества, Дмитрій Ѳедоровъ подноситъ его въ подлинникѣ государю, осмѣливаясь просить конфирмаціи его: хотя нѣтъ „государственнаго законоположенія", касающагося просьбы, но воля государя, его „милосердіе" есть основаніе законовъ[1]).

Такимъ образомъ все прошеніе предназначалось служить хитрымъ приступомъ къ довѣренности, въ которой уже, какъ адресованной Дмитрію Ѳедорову, желанія старообрядцевъ высказывались безъ стѣсненія. Сношенія съ старообрядцами, домогавшимися устроенія особой церкви отъ

скими заправилами о бѣгломъ попѣ Іоаннѣ Стефановѣ, захваченномъ полицейскими чиновниками. Это ходатайство подписано 14-мъ сентября 1800 года (Государственный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, разрядъ VII, дѣло 1800 года, № 3435, л. и об. 219). Высочайшее распоряженіе по прошенію послѣдовало 21-го сентября 1800 г. (приложенія, № 62, л. и об. 1). Значитъ, прошеніе подано было Дмитріемъ Ѳедоровымъ государю въ срокъ между 14-мъ и 21-мъ сентября 1800 года.

[1]) Приложенія, № 60, л. и об. 209, л. 218.

императора Павла, были прекращены. Старообрядцы теперь намѣреваются возстановить ихъ и возвратить монаршее благоволеніе; помѣшать своимъ противникамъ, искавшимъ соединенія съ церковью чрезъ прошеніе на имя м. Платона и достигнуть осуществленія нѣкоторой доли своихъ исконныхъ раскольничьихъ стремленій. Планъ ихъ дѣйствій строится на извращеніи фактовъ, направленномъ преимущественно къ обвиненію архіепископа Амвросія въ незаконныхъ будто бы распоряженіяхъ, вызвавшихъ печальныя послѣдствія для старообрядцевъ.

24 іюня 1799 года старообрядцы получили чрезъ Дмитрія Ѳедорова объявленіе о высочайшемъ къ нимъ благоволеніи, т. е. благопріятный для своихъ замысловъ высочайшій указъ отъ 3 іюня 1799 года. Съ чувствомъ радостнаго до слезъ умиленія и молитвы о здравіи государя императора приняли старообрядцы монаршее благоволеніе. Но преосвященный Амвросій выдалъ имъ чрезъ Дмитрія Ѳедорова указъ изъ походной своей конторы и „объявленіе“, которые не соотвѣтствовали высокомонаршей волѣ и даны были „въ противность“ ихъ просьбы на высочайшее имя. Высочайшимъ указомъ (3 іюня 1799 года) повелѣно было преосвященному Амвросію снабжать старообрядцевъ священниками по ихъ одобреніямъ, а въ сомнѣніяхъ спрашиваться самого государя. Преосвященный же Амвросій позволилъ себѣ, въ формѣ обязательнаго предписанія для старообрядцевъ, требовать справокъ о священникахъ, не только о приходящихъ вновь, но и издавна у нихъ находившихся, и разрѣшать имъ священнослуженіе, только когда не оказывалось по справкѣ препятствій. Позволилъ дать „письменное наставленіе“, т. е. правила, опредѣляющія положеніе старообрядцевъ съ подчиненіемъ общества во всѣхъ дѣлахъ ему, преосвященному. Разрѣшивъ священникамъ все совершать по прежнему, онъ затѣмъ свой указъ вытребовалъ обратно. Потребовалъ потомъ отъ старообрядческаго общества письменно возношенія моленій за императорскую фамилію по „новопечатному уставу..., будемъ ли мы въ служеніи произносить или не будемъ и какъ впредь произносить будемъ“. Получивъ такой „неожиданный вопросъ“

отъ преосвященнаго Амвросія, противорѣчившій его прежнему положенію, старообрядцы, „съ немалымъ содроганіемъ сердецъ“, отправили архіепископу письменный отвѣтъ, какимъ образомъ въ ихъ обществахъ—въ монастыряхъ и молитвенныхъ храмахъ происходитъ моленіе за государя и его фамилію. Отвѣтъ ихъ Амвросій представилъ государю. А 22 августа 1799 г. послѣдовалъ высочайшій указъ („высокомонаршее благоволеніе и щедроотеческое снисхожденіе“!?) прекратить съ старообрядцами всякое сношеніе и оставить ихъ на прежнемъ положеніи. Посему и всѣ бумаги возвращены ими архіепископу Амвросію.

Между тѣмъ они приготовили къ освященію находящіеся на кладбищѣ молитвенные храмы, каменные и деревянные, истративъ на то „знатный капиталъ“... Вслѣдствіе истребованія преосвященнымъ Амвросіемъ своихъ „бумагъ“ обратно, въ старообрядческихъ обществахъ произошло „разглашеніе“, будто государь учиненныя милости возвратилъ въ свои нѣдра и что теперь старообрядцамъ по прежнему придется испытывать всякія гоненія и утѣсненія. Образовалась небольшая партія, не совершенно единомысленная всему обществу. Вожаки ея подговорили нѣсколькихъ старообрядцевъ другихъ толковъ, пользуясь ихъ слабоумiемъ или невѣденіемъ и обратились къ митрополиту Платону, прося устроить имъ церковь на условіи 16 пунктовъ, „умышленно“ умалчивая о мѣстѣ для такой новой церкви. М. Платонъ свое мнѣніе объ устроеніи новой церкви съ мнѣніемъ консисторіи и благочинныхъ представилъ въ Правительствующій („Святѣйшимъ“ не называютъ!) Синодъ. Число подписавшихъ къ прошенію м. Платонъ въ доношеніи выставляетъ до 250, основываясь „единственно“ на показаніяхъ просителей; въ дѣйствительности ихъ только 72: чтобы составить 250, нужно считать и малолѣтнихъ дѣтей. Въ заключеніе м. Платонъ проситъ разрѣшенія устроить новую церковь на Рогожскомъ кладбищѣ.

Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, общество старообрядцевъ довѣряетъ Дмитрію Ѳедорову войти, куда слѣдуетъ, съ разъясненіемъ, какая будетъ „обида“ и „огорченіе“ для кладбищенскихъ старообрядцевъ, если малое

число не единомысленныхъ имъ просителей, принадлежащихъ къ разнымъ толкамъ, достигнетъ устроенія церкви на кладбищѣ не на томъ положеніи, на какомъ общество ихъ пребываетъ уже 30-ый годъ; если кладбище, на устройство котораго истрачены большія суммы, поступитъ въ распоряженіе московскаго митрополита. Пусть просители, какъ „разномнѣнцы“, не будутъ допущены на кладбище, а, какъ соединяющіеся съ великороссійскою церковью, пусть ищутъ себѣ иного мѣста, въ тѣхъ великороссійскихъ церквахъ, которыхъ въ Москвѣ немало: это „приличнѣе для нихъ и его высокопреосвященства“. Во вторыхъ, общество проситъ Дмитрія Ѳедорова ходатайствовать о разрѣшеніи освятить приготовленный для священнодѣйствія молитвенный каменный храмъ на кладбищѣ, пребывающимъ у старообрядцевъ священникамъ, число которыхъ по желанію можетъ быть увеличено на сей разъ приглашенными („на общественномъ коштѣ“) съ Иргиза и изъ Стародубья священнослужителями[1]).

Государь не удовлетворилъ прошенія старообрядцевъ всецѣло. Старообрядцы не получили позволенія освятить рогожскую свою часовню, не возстановили прерванныхъ сношеній съ государемъ, въ цѣляхъ лучшаго обособленія и устройства своего общества на чисто раскольничьихъ принципахъ. Но намѣреніямъ партіи, искавшей единенія съ церковью, они воспрепятствовали. Отъ 21 сентября 1800 г. генералъ-прокуроръ Обольяниновъ сообщалъ архіепископу Амвросію высочайшую волю, „чтобы старообрядцы оставлены были въ прежнемъ ихъ положеніи и въ обряды ихъ не вмѣшиваться, а представленіе Московскаго Митрополита объ освященіи ихъ церкви оставить безъ всякаго дѣйствія“. Высочайшее распоряженіе мотивировано изъясненнымъ во всеподданнѣйшемъ прошеніи несогласіемъ самихъ старообрядцевъ на освященіе рогожской церкви по представленію м. Платона[2]).

---

[1]) Приложенія, № 59, л. 210—об. 217.

[2]) Приложенія, № 62, л. и об. 1.—На вышеизложенномъ прошеніи имѣется надпись: „по Высочайшему повелѣнію оставлено безъ отвѣта“ (Государственный Архивъ, дѣло 1800 г., разр. VII. № 3435,

Исполнивъ высочайшую волю[1]), преосвященный Амвросій рѣшилъ выяснить предъ государемъ истинный ходъ дѣла о московскихъ старообрядцахъ, извращаемый партіею, не желавшею единенія съ церковью. Съ этою цѣлью онъ отправилъ на имя генералъ-прокурора (26 сентября 1800 г.) подробное оффиціальное отношеніе съ обстоятельнымъ изложеніемъ важнѣйшихъ свѣдѣній о московскихъ старообрядцахъ, искавшихъ единенія съ церковью. Вполнѣ согласно съ документами пр. Амвросій писалъ о прошеніи помянутыхъ старообрядцевъ открыть для нихъ церковь на началахъ 16 пунктовъ и объ отношеніи къ сему прошенію митрополита Платона. При этомъ пр. Амвросій оттѣнялъ неправильность старообрядческой довѣренности Дмитрію Ѳедорову въ передачѣ донесенія м. Платона относительно мѣста для новой церкви. „Ежели, заявлялъ пр. Амвросій, излагая заключеніе изъ доношенія м. Платона, дозволено будетъ просителямъ дать церковь, то чтобъ оную (не освятить, какъ нынѣ утруждавшіе высочайшую Его Императорскаго Величества особу прошеніемъ своимъ старообрядцы прописываютъ а) устроить повелѣть по настоятельному ихъ прошенію на нынѣшнемъ ихъ въ Москвѣ кладбищѣ". Далѣе пр. Амвросій изображалъ положеніе дѣла о московскихъ старообрядцахъ въ Св. Синодѣ: предполагавшееся синодальное рѣшеніе удовлетворить желаніямъ просителей церкви у м. Платона, неокончательность этого рѣшенія и, наконецъ, совершенную отмѣну его, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія отъ 21 сентября 1800 г. Принимая же во вниманіе указъ 1798 г. 12 марта и существовавшее фактическое примѣненіе его: на основаніи сего указа открыты старообрядческія церкви съ законнымъ священствомъ въ Нижнемъ Новгородѣ, Твери, Торжкѣ, Курскѣ и даже въ самомъ Петербургѣ, пр. Амвросій отъ лица Св. Синода испрашивалъ и для московскихъ старообрядцевъ высочайшаго дозволенія

л. 209). Нужно полагать, это замѣчаніе имѣло въ виду собственно оффиціальный отвѣтъ старообрядцамъ, въ которомъ по существу нужды не открывалось.

[1]) Предложеніе по содержанію отношенія Обольянинова было внесено архіепископомъ Амвросіемъ въ Св. Синодъ 23 сентября 1800 года.—Приложенія, № 63, л. 2.

„на устроеніе церкви, кромѣ Рогожскаго кладбища, въ другомъ удобномъ мѣстѣ, гдѣ пожелаютъ“[1]).

Къ изложенному отношенію пр. Амвросій приложилъ копіи съ прошенія московскихъ старообрядцевъ и резолюціи на него м. Платона, для лучшаго усмотрѣнія истины. Всѣ эти бумаги предназначались для всеподданѣйшаго донесенія.

Помимо указаннаго отношенія съ приложеніями, пр. Амросій „призналъ за нужное“ отправить генералъ-прокурору еще особую „записку“ объ обстоятельствахъ, касающихся московскихъ старообрядцевъ, не желавшихъ вступать въ соединеніе съ церковью. Его собственное желаніе совпало на этотъ разъ съ требованіемъ Обольянинова сообщить („для примѣчанія“) свѣдѣнія о старообрядцахъ, „не пріемлющихъ церквей и священниковъ отъ архіереевъ на основаніи Синодскаго положенія высочайше утвержденнаго“[2]).

Записка[3]) направлена къ уясненію дѣйствій крайней партіи рогожскихъ старообрядцевъ.—Старообрядцы, не желавшіе единенія съ церковью, въ послѣднемъ прошеніи государю жаловались на утѣсненія, которыя будто бы они испытывали раньше и которыя имъ предстоитъ претерпѣвать снова, вслѣдствіе незаконныхъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствій архіепископа Амвросія. Посему пр. Амвросій разъясняетъ, что всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ онъ объявлялъ о высочайшей милости, касавшейся старообрядцевъ, не принимающихъ церквей и священниковъ на синодскомъ положеніи; именно, о высочайшемъ указѣ 1798 года, послѣдовавшемъ чрезъ Владимирскаго гражданскаго губернатора относительно бѣглыхъ поповъ, чтобы архіереи „не сыскивали ихъ чрезъ своихъ подчиненныхъ“, а представляли „всякое за ними наблюденіе свѣтскому начальству“. И преосвященный Амвросій увѣренъ въ сохраненіи этого порядка. Въ противовѣсъ ложному изображенію отношеній пр. Амвросія къ

---

[1]) Приложенія, № 64, л. 5—об. 7.

[2]) Приложенія, № 65, л. 205; ср. дѣло Архива Новгород. митрополитовъ 1799 г., № 49 (9), л. 85.

[3]) Приложенія, № 65, л. 206—208.

московскимъ старообрядцамъ по указу 3 іюня 1799 г., Амвросій кратко говоритъ о своихъ опредѣленіяхъ, какъ согласныхъ съ помянутымъ высочайшимъ указомъ, и отмѣчаетъ истинную причину прекращенія съ московскими старообрядцами сношеній государя. Такъ какъ старообрядцы, несогласные на соединеніе съ церковью, утверждали, будто раздѣленіе между ними произведено нѣкоторыми отступниками отъ ихъ общества, вслѣдствіе истребованія пр. Амвросіемъ отъ нихъ обратно бумагъ, то пр. Амвросій показываетъ, что „несогласіе“ происходило у самихъ повѣренныхъ съ своими довѣрителями и притомъ такое „великое“, что, „ежелибъ онаго высочайшаго отрѣшенія не послѣдовало, много бы затруднилось и начальство тамошнее“. Въ доказательство своего замѣчанія пр. Амвросій прилагалъ въ подлинникѣ письмо къ нему Дмитрія Ѳедорова[1]).

Опровергнувъ клеветы, преосвященный Амвросій раскрываетъ истинныя намѣренія крайнихъ старообрядцевъ, почему они не присоединяются къ умѣреннымъ, чего домогаются и почему оказываютъ противодѣйствіе просящимъ церкви у м. Платона. Причину, по которой старообрядцы, подававшіе прошеніе на высочайшее имя объ устройствѣ у себя церкви, не желаютъ присоединяться къ старообрядцамъ, просящимъ церкви у м. Платона, пр. Амвросій указываетъ въ существенномъ различіи убѣжденій обѣихъ партій: одна предана государю и ищетъ сближенія съ церковью, другая не хочетъ ни того, ни другого. Доказательство подозрительныхъ отношеній къ государю крайнихъ старообрядцевъ усматривалось изъ ихъ отношенія къ формѣ поминовенія царствующаго дома, о чемъ сказано было Амвросіемъ раньше, и потому о немъ вновь онъ не говоритъ. Для показанія же ихъ глумленія надъ церковью, обиднаго для православныхъ, пр. Амвросій останавливается

[1]) Въ Государственномъ Архивѣ при „запискѣ“ такого письма не находится. Вѣроятно, подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть „изъясненіе“, присланное Дмитріемъ Ѳедоровымъ пр. Амвросію отъ 30 іюня 1799 года, которое хранится въ Архивѣ Новгородскихъ митрополитовъ (дѣло 1799 г., № 49, л. 27-29). Быть можетъ, генералъ-прокуроръ удовлетворился однимъ прочтеніемъ „изъясненія“ и возвратилъ его обратно, оставивъ у себя только „записку“.

на „исправѣ“, употребляемой ими при принятіи священниковъ не только бѣглыхъ, но даже опредѣляемыхъ архіереями (разумѣются опредѣленія самого Амвросія). Въ отношеніи цѣли стремленій крайнихъ московскихъ старообрядцевъ, пр. Амвросій повторяетъ извѣстное намъ. Онъ даетъ понять, что замыслы старообрядцевъ направляются къ устройству самостоятельной церкви на раскольничьихъ началахъ, для чего и сооружена ими обширная каменная часовня[1]). Чтобы показать незаконность просьбы объ освященіи часовни, онъ выводитъ на справку незаконность самаго построенія ея: начатая „самовольно“ и возбуждавшая подозрѣніе своими размѣрами относительно намѣреній строителей постройка была воспрещена именнымъ указомъ[2]). Старообрядцы, присоединявшіеся къ церкви, отдѣляясь отъ крайнихъ рогожскихъ ревнителей старины, уменьшали и ослабляли ихъ общество, нанося такимъ образомъ сильный ударъ намѣреніямъ попечителей кладбища. Поэтому тянувшіе къ церкви старообрядцы подвергались оклеветаніямъ отъ своихъ противниковъ. Подрывая силу прошенія старообрядцевъ, „непримиримыхъ съ церковью“, разоблаченіемъ ихъ истинныхъ намѣреній, пр. Амвросій въ заключеніе приводитъ увѣреніе старообрядцевъ, присоединявшихся къ церкви, что „ежели тѣ церквей на своихъ основаніяхъ имѣть не будутъ, то скоро большая часть ихъ присоединится къ нимъ“.

Дополненіемъ къ изложеннымъ свѣдѣніямъ о старообрядцахъ послужило частное письмо одного изъ виднѣйшихъ просителей единенія съ церковью, московскаго купца 1-ой гильдіи Григорія Александрова къ петербургскому своему собрату, нѣкоему Василію Алексѣеву. Тутъ Григорій Александровъ изобличаетъ клеветы Дмитрія Ѳедорова на

---

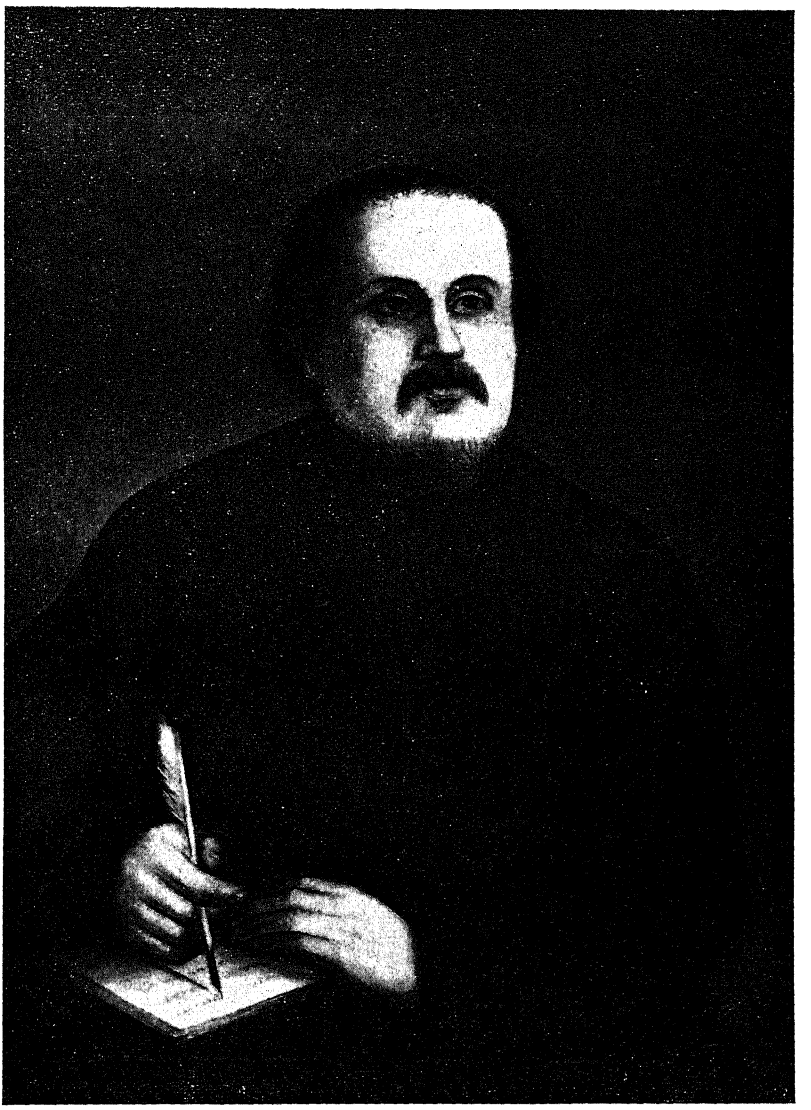
[1]) Преосвященный Амвросій неточно указываетъ годъ начала постройки часовни: „около 1795 г“. Постройка часовни начата въ 1791 году, какъ то видно изъ оффиціальнаго донесенія московскаго главнокомандующаго въ отвѣтъ на запросъ императрицы относительно этой часовни, тогда строившейся.—Донесенія князя Прозоровскаго Екатеринѣ II отъ 25 октября 1792 г., напеч. въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ, 1882 г., кн. I, стр. 244—248.

[2]) См. стр. 272 настоящаго изслѣдованія.

просителей церкви у м. Платона, будто къ прошенію подписались не старообрядцы и не прихожане Рогожскаго кладбища. „По чистой совѣсти“ онъ увѣряетъ, что, за исключеніемъ одного, пожелавшаго присоединиться къ ихъ намѣреніямъ, просители всѣ члены Рогожскаго кладбища. Старообрядцами состоятъ издавна; у нѣкоторыхъ предки даже со времени Петра I платили двойной окладъ; на то они имѣютъ квитанціи. Какъ прихожане кладбища, они тратили на нужды его большія суммы. Малое число подписавшихся подъ прошеніе митрополиту Платону онъ объяснялъ тѣми насильственными воздѣйствіями кладбищенскихъ хозяевъ на желавшихъ подписаться, о которыхъ замѣчено раньше: непозволеніемъ священникамъ являться къ нимъ ни съ какими требами. Зная по слуху о предположеніи Св. Синода утвердить представленіе м. Платона, Григорій Александровъ выражаетъ надежду, что и государь императоръ позволитъ имъ устроить просимую церковь, если не на кладбищѣ, то въ другомъ мѣстѣ: „хотя и знатная сумма дана на кладбище на разныя утвари, но Богъ с нимъ, мы согласны и в Москве или готовою где или вновь выстроить“. Письмо Григорія Александрова Василій Алексѣевъ передалъ преосвященному Амвросію, а послѣдній препроводилъ его къ генералъ-прокурору. Обольяниновъ же представилъ письмо государю[1]).

Донесеніе преосвященнаго Амвросія о старообрядцахъ, просившихъ церкви у м. Платона, государь принялъ „съ высочайшимъ милосердіемъ“. Но, прежде окончательнаго рѣшенія, онъ пожелалъ видѣть подлинникъ прошенія старообрядцевъ. Посему генералъ-прокуроръ потребовалъ отъ петербургскаго архіепископа немедленной доставки къ нему подлиннаго прошенія, съ тѣмъ же „нарочнымъ“, съ которымъ Обольяниновъ извѣщалъ Амвросія о желаніи государя. Теперь, когда выяснились клеветы Дмитрія Ѳедорова, и Обольяниновъ начинаетъ осторожнѣе относиться къ докладамъ по церковнымъ вопросамъ. Онъ предлагаетъ преосвященному Амвросію дополнить „особо“ свое мнѣніе,

[1]) Приложенія, № 76, л. 21—23.



Григорій Александровъ.

Рисунокъ 3

если онъ, Амвросій, находитъ то нужнымъ, „дабы на случай рѣшенія Обольяниновъ могъ соображаться церковнымъ постановленіямъ[1]).

Преосвященный Амвросій о высочайшемъ изволеніи извѣстилъ синодальнаго оберъ-прокурора съ тѣмъ, чтобы тотъ приказалъ немедленно сыскать въ канцеляріи Св. Синода требуемое дѣло и прислать къ нему[2]). 7 октября въ 4 часа утра получилъ приказаніе оберъ-прокурора оберъ-секретарь Савицкій, а въ 6 часовъ требуемое дѣло было отослано имъ уже въ Невскую лавру къ архіепископу. Однако оберъ-секретарь оговаривался: быстрѣе выполнить предписаніе оберъ-прокурора онъ никакъ не могъ за нескорымъ отысканіемъ того, у кого дѣло и за разведеніемъ моста[3]). Въ тотъ же день преосвященный Амвросій препровождалъ къ генералъ-прокурору „все дѣло отъ Московскаго преосвященнаго присланное“, съ объясненіемъ: прошеніе московскихъ старообрядцевъ представлено Св. Синоду въ копіи, а подлинникъ, по существующему порядку, остался въ Московской консисторіи; о немедленной присылкѣ его Амвросій обѣщался писать съ первой же почтой[4]).

Такъ какъ государь выразилъ желаніе видѣть собственно подлинникъ прошенія старообрядцевъ, то синодальное дѣло о московскихъ старообрядцахъ, какъ не содержавшее требуемаго подлинника, было возвращено генералъ-прокуроромъ обратно пр. Амвросію, съ замѣчаніемъ, чтобы „оригинальное прошеніе старообрядцевъ за ихъ подписаніемъ“ было доставлено ему для доклада государю, какъ только оно будетъ получено. При этомъ Обольяниновъ снова обнаружилъ осторожное отношеніе къ санкцированію положенія о сторообрядцахъ. Онъ просилъ архіепископа Амвросія увѣдомить его, „не имѣетъ ли Святѣйшій Синодъ чего-либо вопреки или несогласнаго съ прошеніемъ старообрядцевъ или не предполагаетъ ли чѣмъ-нибудь замѣчаній Митрополита пополнить“[5]). Въ Св. Синодѣ уже было

[1]) Приложенія, № 66, л. и об. 7.
[2]) Тамъ же, № 67, л. и об. 3.
[3]) Тамъ же, № 68, л. 5.
[4]) Тамъ же, № 69, л. 17.
[5]) Тамъ же, № 70, л. 9.

выработано опредѣленіе отъ 24 августа 1800 года. Поэтому преосвященный Амвросій отправилъ его къ генералъ-прокурору (октября 8) въ отвѣтъ на помянутое затребованіе. А 9 октября оберъ-секретарь извѣщалъ оберъ-прокурора какъ о возвращеніи „вчера въ 3 часа пополудни“ петербургскимъ архіепископомъ представленія м. Платона о старообрядцахъ, такъ и объ отсылкѣ къ петербургскому преосвященному для отправленія въ Гатчину неподписаннаго Св. Синодомъ опредѣленія о дачѣ церкви московскимъ старообрядцамъ, которое, по перепискѣ набѣло, было отправлено архіепископу въ тотъ же день, т. е. 8 октября[1]).

Въ отвѣтъ на желаніе государя императора преосвященный Амвросій потребовалъ отъ московскаго викарія, епископа Серафима, подлиннаго прошенія искавшихъ союза съ церковью старообрядцевъ[2]). Серафимъ получилъ письмо архіепископа 15 октября „въ половинѣ четвертаго часа по полудни“. Отвѣтить съ первой же почтой не оставалось никакой возможности; почта отправлялась въ 9-мъ часу, а нужное дѣло слѣдовало привезти еще изъ Троицкой лавры, чего скоро нельзя было выполнить въ осеннее бездорожье. Зная, что „по тяжелой почтѣ легкихъ писемъ не принимаютъ и опасаясь дожидаться слѣдующей легкой почты, дабы не сдѣлать промедленія въ дѣлѣ, по высочайшей волѣ требуемомъ“, преосвященный Серафимъ испытывалъ крайнее недоумѣніе и страхъ. Къ счастью, онъ узналъ (тутъ только), что письма отправляются еще по особенному эстафету. Съ этимъ эстафетомъ (16 октября 1800 г.) викарій московскаго митрополита и отправилъ требуемый подлинникъ прошенія старообрядцевъ. Архіепископъ Амвросій получилъ его 22-го октября, въ 9-мъ часу утра, и въ тотъ же часъ отправилъ его въ канцелярію генералъ-прокурора[3]).

Государь жилъ въ Гатчинѣ. Тамъ находился и генералъ-прокуроръ. 25 октября Обольяниновъ потребовалъ доставить къ нему „поскорѣе прошеніе Московскихъ старообрядцевъ за собственноручнымъ ихъ подписаніемъ со всѣми

---

[1]) Приложенія, № 73, л. 6.

[2]) Архивъ Новгородскихъ митрополитовъ, дѣло 1800 г., № 41, л. 8.

[3]) Приложенія, № 75, л. и об. 10; № 78, л. 27.

документами къ оному принадлежащими такъ, чтобы оно завтра къ докладу непремѣнно поспѣло“[1]). Однако высочайшее разсмотрѣніе просьбы старообрядцевъ послѣдовало не 26, а 27 октября. Государь собственноручно написалъ на подлинномъ прошеніи: „быть по сему“[2]). При этомъ императоръ выразилъ желаніе возвратить конфирмованное подлинное прошеніе старообрядцамъ, какъ „для большаго впечатлѣнія въ сердца ихъ неограниченнаго милосердія“ монарха, такъ и „для возбужденія въ нихъ желанія къ сближенію или соединенію ихъ съ церковію“[3]). Въ то же время послѣдовалъ высочайшій, именной указъ на имя Синода объ устроеніи церкви для московскихъ старообрядцевъ на основаніи представленія митрополита Платона и о дозволеніи устроять старообрядческія церкви и „впредь на подобномъ основаніи“[4]).

Высочайшій указъ объ устроеніи старообрядческихъ (единовѣрческихъ) церквей, вмѣстѣ съ подлиннымъ прошеніемъ старообрядцевъ, препровождены были генералъ-прокуроромъ арх. Амвросію отъ того же 27 октября[5]). А отъ 28 октября Амвросій предлагалъ Св. Синоду для исполненія о послѣдовавшемъ высочайшемъ соизволеніи, относительно устроенія единовѣрческихъ церквей на основаніи положенія м. Платона и желанія императора Павла касательно подлиннаго прошенія московскихъ старообрядцевъ[6]), извѣщая о томъ и генералъ-прокурора[7]).

По содержанію предложенія арх. Амвросія, Св. Синодъ постановилъ въ засѣданіи отъ 29 октября 1800 года послать указъ преосвященному Московскому Платону о высочайшемъ соизволеніи на его представленіе относительно устроенія церкви для старообрядцевъ, препроводивъ при немъ подлинное высочайше конфирмованное прошеніе старообрядцевъ, для выдачи просителямъ изъ консисторіи подъ

---

[1]) Приложенія, № 79, л. 28.
[2]) Тамъ же, № 55.
[3]) Тамъ же, № 80, л. 11.
[4]) Тамъ же, № 80, л. 12 (П. С. З, т. XXVI, 19621).
[5]) Тамъ же, № 80, л. 11.
[6]) Тамъ же, № 81, л. 13.
[7]) Тамъ же, № 82, л. 31.

роспись, съ внушеніемъ о неограниченномъ монаршемъ милосердіи къ нимъ. Въ виду высочайшаго соизволенія на учрежденіе единовѣрія на основаніи мнѣнія м. Платона, Св. Синодъ оставлялъ уже безъ всякаго дѣйствія свое журнальное опредѣленіе отъ 24 августа, принимая такимъ образомъ и относительно бѣглыхъ поповъ мнѣніе м. Платона[1]). Объ исполненіи высочайшаго изволенія относительно представленія м. Платона объ учрежденіи единовѣрія Св. Синодъ доносилъ государю всеподданѣйшимъ рапортомъ и отъ 31 октября извѣщалъ о своихъ дѣйствіяхъ генералъ-прокурора[2]).

Высочайше утвержденное положеніе м. Платона относительно единовѣрія Св. Синодъ считалъ достаточнымъ настолько, что призналъ его общеобязательность для единовѣрческихъ церквей, какъ открытыхъ ранѣе 1800 г., такъ и впредь могущихъ открываться. Измѣненіе въ немъ онъ не находилъ нужнымъ допускать, развѣ что могло послужить „къ вящшему съ православною церковію соединенію“ старообрядцевъ. Въ этомъ смыслѣ были разосланы Св. Синодомъ по всѣмъ епархіямъ печатные указы отъ 6 февраля 1801 г. съ приложеніемъ копій съ пунктовъ прошенія московскихъ старообрядцевъ м. Платону и мнѣній на нихъ м. Платона. Подобный указъ получилъ и московскій святитель. Онъ написалъ на немъ: „отослать въ консисторію для исполненія“[3]).

---

[1]) Приложенія, № 83, л. и об. 693, л. 697.—Соотвѣтственно разсужденію Св. Синода, составленъ былъ протоколъ, съ заключеніемъ: для вѣдома сообщить Сенату („вѣдѣніе“) о состоявшемся высочайшемъ указѣ относительно старообрядцевъ.—Приложенія, № 84, л. и об. 202.

[2]) Приложенія, № 85, л. 32.

[3]) Тамъ же, № 96.—Платоновы начала единовѣрія остаются и доселѣ; добавлено къ нимъ немногое, именно слѣдующее. Въ 1881 г., согласно ходатайству единовѣрцевъ, Св. Синодъ, во-первыхъ, въ дополненіе къ 5 пункту опредѣлилъ точнѣе, что „издавна удалившимися отъ церкви“ слѣдуетъ считать уклонявшихся отъ принятія таинствъ православной церкви не менѣе пяти лѣтъ; во-вторыхъ, въ дополненіе къ 11 пункту дозволилъ, помимо смертной опасности, въ нѣкоторыхъ другихъ „особо уважительныхъ случаяхъ“ обращаться къ единовѣрческимъ священникамъ для исполненія христіанскаго долга исповѣди и св. причащенія, а чтобы это обращеніе не служило поводомъ къ переходу православнаго въ единовѣріе, право-

Между тѣмъ Дмитрій Ѳедоровъ, воспрепятствовавъ открытію единовѣрческой церкви на Рогожскомъ кладбищѣ по представленію м. Платона, въ октябрѣ 1800 г. подавалъ еще прошенія государю императору, опять добиваясь отъ высочайшей власти осуществленія завѣтныхъ раскольничьихъ намѣреній рогожцевъ касательно церковнаго устройства. Въ одномъ изъ этихъ прошеній онъ, въ качествѣ повѣреннаго отъ старообрядцевъ, ходатайствовалъ о высочайшемъ опредѣленіи къ старообрядцамъ въ Москву и Петербургъ нѣсколькихъ священниковъ[1]), „которыя по узнанію старообрядцевъ состоятъ поведенія добраго и хорошаго“[2]).

Какого числа подано Дмитріемъ Ѳедоровымъ прошеніе о священникахъ, изъ прошенія не видно, равно не видно и того, какой исходъ оно имѣло. Отсутствіе на прошеніи надписи Обольянинова служитъ показателемъ, что генералъ-прокуроръ или не нашелъ нужнымъ докладывать о немъ государю, или же докладывалъ одновременно съ другимъ прошеніемъ того же Дмитрія Ѳедорова отъ 7 октября 1800 г.

Въ этомъ послѣднемъ Дмитрій Ѳедоровъ захватываетъ большее число старообрядческихъ обществъ, чѣмъ въ предшествующемъ прошеніи. Вмѣстѣ съ ходатайствомъ о московскихъ и петербургскихъ старообрядцахъ, онъ проситъ о старообрядцахъ весьма многихъ другихъ мѣстъ русскаго

славный „обязывался представлять своему приходскому священнику полученное имъ отъ единовѣрческаго—свидѣтельство о бытіи у исповѣди и причастія“; наконецъ, въ-третьихъ, пунктъ 14 Св. Синодъ дополнилъ положеніемъ, которое составляло прямое развитіе этого пункта, именно, позволеніемъ „дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ православныхъ съ единовѣрцами, смотря по общему желанію ихъ родителей, крестить въ православной или единовѣрческой церкви, равно сподоблять и прочихъ св. таинствъ въ церкви православной или въ храмѣ единовѣрческомъ“.—Церковный Вѣстникъ 1881 г., № 37. опредѣл. Св. Синода 1881 г. 8 мая.

[1]) Именно, въ Москву на кладбище протоіерея Стефана Алексѣева изъ Успенскаго Каргопольскаго монастыря, Новгородской епархіи, дьякона Стефана Данилова, села Стараго Яма Московской епархіи, Пехрянской десятины, Демодѣдовской волости; въ С.-Петербургъ на старообрядческое кладбище—священника Андрея Андреянова С.-Петербургской епархіи, села Парголова.

[2]) Государственный Архивъ, разрядъ VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. 199.

государства. На высочайшее разсмотрѣніе онъ представляетъ двѣ вѣдомости. Въ одной указываетъ, въ какихъ мѣстахъ потребно открыть старообрядческія церкви, въ другой—перечисляетъ уже существующія у старообрядцевъ въ разныхъ мѣстахъ церкви и монастыри. Церквей къ открытію предназначено Дмитріемъ Ѳедоровымъ 56. Изъ нихъ три для Рогожскаго кладбища: теплая, холодная и одна еще при женскомъ старообрядческомъ монастырѣ. Священниковъ для Рогожскаго кладбища проектировано семь[1]). Для петербургскихъ старообрядцевъ Волковскаго кладбища назначена одна церковь и одинъ священникъ[2]). Одна церковь и одинъ священникъ[3]) указанъ для старообрядческаго кладбища при селѣ Ильинскомъ, Гуслицкой волости. Остальныя церкви предположены въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ—отъ Архангельска до Астрахани, отъ керженскихъ скитовъ до Николаева на рѣкѣ Бугѣ. Кромѣ открытія церквей, Дмитрій Ѳедоровъ ходатайствовалъ объ открытіи одного монастыря въ области войска Донского, въ урочищѣ Грушеваго Боярака, близъ Пятиизбянской станицы. Перечисляемыхъ въ другой вѣдомости, существовавшихъ у старообрядцевъ церквей—монастырскихъ и приходскихъ, въ вѣдомости показано 36. Это церкви раскольничьихъ монастырей и слободъ Черниговской губерніи, иргизскихъ монастырей и посадовъ Бѣлоруссіи. У частныхъ лицъ помянуто двѣ церкви: въ г. Вольскѣ, въ домѣ именитаго гражданина Василія Злобина, полотняная и въ Москвѣ, въ домѣ самого Дмитрія Ѳедорова[4]).

---

[1]) Алексѣй Ѳедоровъ, Тамбовской губерніи, а потомъ Пензенской епархіи, села Марьина; Алексѣй Козьминъ, села Колокольни, Тверской епархіи; Андрей Андреяновъ, села Колшева, Костромской епархіи; Петръ Егоровъ, Костромской епархіи, церкви Воскресенія, что въ Волуевѣ; Ѳедоръ Христофоровъ, соборной Бронницкой церкви, Коломенской епархіи; Георгій Георгіевъ Богомоловъ, села Филей, Крутицкой епархіи; Карпъ Григорьевъ, села Гольцева, Переяславской епархіи.

[2]) Пребывавшій тамъ бѣглый попъ Иванъ Александровъ, священнодѣйствовавшій раньше въ селѣ Калачевѣ, Шуйскаго уѣзда, Суздальской епархіи.

[3]) Извѣстный бѣглый попъ Никита Григорьевъ.

[4]) Приложенія, № 71, л. 221—224.

Представляя вѣдомости, гдѣ необходимы для старообрядцевъ церкви, Дмитрій Ѳедоровъ ходатайствовалъ о высочайшемъ позволеніи на открытіе ихъ. Для новооткрываемыхъ церквей онъ просилъ выдать древніе антиминсы, освященные до патріарха Никона; а освящать новыя церкви разрѣшить священнослужителямъ, находящимся у старообрядцевъ въ Москвѣ, Стародубьѣ, на Иргизѣ и въ другихъ мѣстахъ. Какъ новооткрываемыя церкви, такъ и существующія уже у старообрядцевъ Дмитрій Ѳедоровъ просилъ государя принять подъ свое „отеческое покровительство“ и „милостивѣйшее правленіе“.

Съ открытіемъ новыхъ церквей въ намѣченныхъ пунктахъ, старообрядцамъ, по излагаемому проекту, предоставлялось право записаться къ ближайшей церкви, чтобы такимъ образомъ образовать правильные приходы. Въ послѣднихъ всѣ требы должны были исправлять приходскіе священники „по обряду и обычаю древней церкви“. „В сходственность узаконеннаго порядка“, старообрядческіе священники обязывались вести записи совершаемымъ ими требамъ въ метрическихъ книгахъ, которыя должны быть при каждой старообрядческой церкви. На основаніи метрическихъ записей, священникамъ позволялось выдавать старообрядцамъ, по ихъ нуждамъ, „письменные свидѣтельствы“, за подписью своею и избраннаго повѣреннаго. Метрическія книги предписывалось священникамъ отсылать въ духовныя консисторіи, для удостовѣренія предъ правительствующимъ Синодомъ дѣйствительности совершенія у старообрядцевъ христіанскихъ требъ: крещенія, бракосочетанія и т. д. За небытіе на исповѣди старообрядцы подвергались установленному законному штрафу. Высказывалось только пожеланіе прекращенія этого „угнетенія“ совѣсти старообрядцевъ—желаніе уничтоженія штрафа, какъ не составляющаго значительнаго подспорья государственной казнѣ. Ближайшее наблюденіе за приходскими священнослужителями ввѣрялось нарочито избираемымъ изъ благоговѣйныхъ іереевъ благочиннымъ по два на каждыя четыре церкви[1]). Надзоръ же за

[1]) При раздѣлѣ церквей, для управленія Дмитрій Ѳедоровъ просилъ причислить къ помѣченнымъ въ 2-хъ его вѣдомостяхъ

благочинными поручался повѣренному старообрядцевъ, который о вредныхъ и соблазнительныхъ поступкахъ священнослужителей получалъ право доносить непосредственно самому государю, „безъ всякой утайки и излишняго примесу, по самой сущей справедливости“[1]), а въ сущности, за отсутствіемъ необходимаго контроля, по руководству своихъ личныхъ соображеній.

Такимъ образомъ старообрядцы снова ходатайствовали о самостоятельной церковной организаціи старообрядческихъ обществъ, съ объединеніемъ ихъ подъ управленіемъ одного повѣреннаго, входящаго въ сношеніе по дѣламъ общества съ высочайшею властью и имѣющаго надзоръ за всѣми старообрядческими церквами чрезъ благочинныхъ.

Объ особомъ старообрядческомъ епископѣ, о чемъ они хлопотали раньше, въ изложенной просьбѣ не упоминалось. Предшествующія неудачи побудили старообрядческихъ ходатаевъ отказаться отъ мысли о самостоятельномъ епископѣ: вмѣсто первенства представителей московскихъ старообрядцевъ надъ всѣми поповцами и лучшаго удовлетворенія раскольничьимъ религіознымъ нуждамъ чрезъ пріобрѣтеніе самостоятельнаго епископа, у старообрядцевъ первымъ лицомъ оказался членъ Св. Синода архіепископъ Амвросій, къ нимъ не переходившій и издававшій предписанія, обязывавшія ихъ къ соблюденію единенія съ православною церковью, вопреки желанію просителей. Заботясь объ организаціи всей поповщины, съ выдѣленіемъ особаго значенія своихъ выборныхъ, на этотъ разъ своего повѣреннаго (которымъ, конечно, разсчитывали быть виднѣйшіе изъ рогожскихъ раскольниковъ, въ родѣ Обертышева или Дмитрія Ѳедорова), старообрядцы въ отношеніи іерархіи удовлетворялись уже ходатайствомъ о признаніи только законности пребыванія у нихъ бѣглыхъ поповъ и дьяконовъ.

Чисто раскольничьи стремленія поповцевъ въ изложенной просьбѣ выступали съ ясностью, не оставлявшею мѣста недоразумѣнію, оправдывая съ рѣшительностью вѣрность взгляда м. Платона на преступность намѣреній этой

церквамъ старообрядческія молельни, не помянутыя въ прошеніи.

[1]) Приложенія, № 71, об. 224—л. 226.

части старообрядцевъ, и окончательно утверждая справедливость отрицательнаго отношенія Платона съ самого начала къ крайней партіи рогожскихъ ревнителей старины.

Смыслъ просьбы очевиденъ былъ и для высочайшей власти, особенно послѣ разъясненія архіепископа Амвросія. Посему высочайше повелѣно было старообрядцамъ въ просьбѣ отказать. Отказъ мотивированъ былъ несогласностью просьбы съ постановленіями церкви и незаконностью ходатайства одного повѣреннаго за всѣхъ старообрядцевъ, отъ которыхъ полномочій Дмитрій Ѳедоровъ не имѣлъ[1]).

Старообрядцы—Дмитрій Ѳедоровъ съ своими товарищами, Обертышевымъ[2]) и другими, не удовлетворились отказомъ. Они стали домогаться личной аудіенціи у государя. Послѣднее однако имъ не удалось. Въ бумагахъ Государственнаго Архива рукою Обольянинова написано: „докладывано октября 12 дня 1800 года. Гатчина. Отвѣтствовать, что быть имъ къ Государю Императору нѣтъ надобности“[3]).

Постепенное разоблаченіе клеветъ Дмитрія Ѳедорова, чрезъ отношеніе и записку преосвященнаго Амвросія отъ 26 сентября и чрезъ письмо Григорія Александрова, имѣло печальныя послѣдствія для его личной участи. Государь императоръ повелѣлъ Дмитрія Ѳедорова посадить въ Равелинъ петербургской крѣпости[4]). Дмитрія Ѳедорова вытребовали къ генералъ-прокурору и отправили въ тюрьму[5]).

---

[1]) Приложенія, № 72, л. 220; сравн. дѣло Государственнаго Архива 1800 г., разр. VII, № 3435, л. 221.

[2]) Обертышевъ теперь самъ находился въ Петербургѣ, не надѣясь, очевидно, на стойкость одного Дмитрія Ѳедорова.

[3]) Государственный Архивъ, разрядъ VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. 220; ср. приложенія, № 74, л. 19.

[4]) Государственный Архивъ, разр. VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. 25—26.

[5]) Товарищъ его, московскій купецъ Аѳанасій Муратовъ, видя, что Дмитрій Ѳедоровъ не возвращается отъ генералъ-прокурора, понялъ, куда его взяли. Муратовъ идетъ въ крѣпость и убѣждается въ вѣрности своего предположенія. Недолго думая, онъ рѣшается начать сношенія съ заключеннымъ Дмитріемъ Ѳедоровымъ, употребляя въ дѣйствіе средство, которое можетъ показывать, какимъ способомъ раскольники обыкновенно достигали своихъ цѣлей. Муратовъ предложилъ караульному солдату 15 рублей денегъ, съ тѣмъ,

Таковъ былъ исходъ ходатайствъ Дмитрія Ѳедорова объ устроеніи самостоятельной старообрядческой церкви для него самого, разсказанный нами для большей полноты картины событія, участіе въ которомъ пришлось принимать м. Платону. Для старообрядцевъ же послѣдствія не ограничились однимъ отказомъ ихъ стремленіямъ. Выясненіе ихъ намѣреній вызвало строгія высочайшія повелѣнія, которыя подъ конецъ неожиданно приняли направленіе противъ единовѣрцевъ вмѣсто раскольниковъ. Митрополитъ Платонъ при этомъ, въ силу своего положенія главнаго блюстителя интересовъ церкви въ Московской епархіи, тоже долженъ былъ принимать нѣкоторое участіе, хотя роль его тутъ являлась пассивною.

чтобы провели его къ Дмитрію Ѳедорову, или передали бы послѣднему письмо, вмѣстѣ съ бумагою и карандашемъ для отвѣта. Но рядовой не соблазнился предлагаемой суммой. Онъ попросилъ Муратова войти во дворъ, доложилъ начальству, и Муратовъ былъ задержанъ. За вѣрность рядовой получилъ 100 руб. награды. На допросѣ Муратовъ выставлялъ свой поступокъ безхитростнымъ желаніемъ переговорить съ Дмитріемъ Ѳедоровымъ о дѣлахъ на шелковой фабрикѣ и относительно дровяныхъ подрядовъ. Однако его оправданію не повѣрили: высочайше повелѣно было, наказавъ кнутомъ, сослать Муратова въ Нерчинскъ на работу. И Муратовъ, дѣйствительно, былъ наказанъ. Отъ 12 ноября графъ Паленъ доносилъ Обольянинову уже объ исполненіи наказанія Муратова кнутомъ и объ отсылкѣ его къ гражданскому губернатору Хотяинцеву для отправленія въ Нерчинскъ (Государственный Архивъ, разрядъ VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. 90—97).

Пробывъ въ заключеніи почти два мѣсяца, Дмитрій Ѳедоровъ рѣшилъ пожертвовать своими убѣжденіями, чтобы только получить свободу. Въ декабрѣ 1800 г. онъ въ особомъ прошеніи на имя генералъ-прокурора изъявилъ свое желаніе присоединиться къ единовѣрію. Тогда высочайше повелѣно было освободить Дмитрія Ѳедорова, взявъ съ него росписку, къ какой церкви (единовѣрческой) онъ желаетъ присоединиться. Въ требуемой роспискѣ она помѣчена 18 декабря 1800 г.) Дмитрій Ѳедоровъ отрекался отъ прежняго своего умствованія, заявлялъ о своемъ раскаяніи и желаніи присоединиться къ новооткрытой въ Москвѣ по высочайшему повелѣнію старообрядческой церкви, обязуясь признавать ея священнодѣйствія истинными и исполнять церковныя требованія. Выпущенному изъ крѣпости Дмитрію Ѳедорову выдали подорожную для проѣзда въ Москву и сообщили графу Салтыкову, чтобы не считать просрочкою время пребыванія его въ Петербургѣ (Государственный Архивъ, разр. VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. 164–171). О желаніи Дмитрія Ѳедорова вступить въ число единовѣрцевъ Оболья-

Изъ исторіи ходатайствъ Дмитрія Ѳедорова въ 1799 г. извѣстно, что прекращеніе сношеній государя съ московскими старообрядцами произошло изъ-за возношенія при богослуженіи царствующей фамиліи по точной формѣ старопечатныхъ книгъ. Вопросъ о формѣ поминовенія государя старообрядцами продолжался и послѣ того. По поводу донесенія коломенскаго комиссара Наумова о бѣгломъ попѣ Никитѣ въ 1800 г. отъ старообрядцевъ требовалось возношеніе имени государя по синодальной формѣ съ титулованіемъ императора „благочестивѣйшимъ и благовѣрнымъ“[1]). Эта форма сообщена была московскому митрополиту съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ ее гражданскому начальству въ Москвѣ, для введенія въ фактическое дѣйствіе у старообрядцевъ. Московскій военный губернаторъ и самъ имѣлъ предписаніе относительно формы поминовенія государя старообрядцами при богослуженіи. Предписаніемъ онъ обязывался сообщить о введеніи ея высокопреосвященному митрополиту. Въ этихъ видахъ графъ дѣйствительно писалъ митрополиту особое отношеніе. Изъ него мы узнаемъ, что, получивъ синодальную форму возношенія имени государя отъ викарія Московской митрополіи, преосвященнаго Дмитровскаго Серафима, графъ поручилъ раздать экземпляры ея старообрядцамъ—въ Москвѣ оберъ-полицеймейстеру, живущимъ въ остальныхъ мѣстахъ губерніи—гражданскому губернатору Аршеневскому. При этомъ графъ такъ объяснялъ предъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ пріемы своихъ дѣйствій: „какъ Вашему Высокопре-

---

иновъ сообщилъ преосвященному Амвросію, а преосв. Амвросій викарію м. Платона, съ добавленіемъ, чтобы присоединеніе совершено было прочтеніемъ молитвы, положенной въ мнѣніи м. Платона противъ I-го пункта прошенія старообрядцевъ. При письмѣ преосвященному Серафиму архіепископъ Амвросій отправилъ и копію съ подписки Дмитрія Ѳедорова. 5 января 1801 года Дмитрій Ѳедоровъ присоединенъ былъ къ единовѣрческой въ Москвѣ церкви (Приложенія, № 92, л. 1; № 93, л. и об. 2. Архивъ Новгородскихъ митрополитовъ въ библіотекѣ Александро-Невской лавры, № архива 17/81, № библіотеки 57в., дѣло 1801 г. декабря 20, л. 9—13).

[1]) Государственный Архивъ, разрядъ VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. 20.

освященству извѣстно, сколь преданы они своимъ обрядамъ и какое впечатлѣніе дѣлаетъ въ нихъ малѣйшая перемѣна опыхъ, то нужнымъ я поставилъ отличнѣйшимъ изъ здѣшнихъ старообрядцевъ лично о семъ объявить и при всѣхъ представленіяхъ и ссылкахъ ихъ на старинныя книги разными внушеніями до того довести, что они тѣ формы безъ всякихъ насильственныхъ средствъ приняли, въ полученіи опыхъ и въ слышаніи и исполненіи вышепомянутой Высочайшей воли Оберъ-Полицмейстеру дали подписку за рукоприкладствомъ 35 человѣкъ изъ собратій своихъ почетнѣйшихъ“[1]). Рапортовъ же отъ губернатора относительно

[1]) Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1800 г., № 46, отношеніе графа Салтыкова м. Платону отъ 11 ноября 1800 года за № 2650.—Нѣсколько пространнѣе о своихъ дѣйствіяхъ по введенію у старообрядцевъ синодальной формы возношенія имени государя Салтыковъ писалъ генералъ-прокурору. Сознаваясь предъ нимъ въ медленности своихъ дѣйствій, Салтыковъ извинялся соображеніями, изъ которыхъ просилъ Обольянинова не оставить сдѣлать нужное для его пользы употребленіе въ случаѣ какихъ-либо невыгодныхъ для него слуховъ. Графъ писалъ не объ окончательномъ исполненіи высочайшаго повелѣнія, а только предупредительно, подъ видомъ „полной откровенности“, извѣщалъ генералъ-прокурора о своихъ пріемахъ по введенію у старообрядцевъ синодальной формы возношенія имени государя императора. Заявивъ о своемъ правилѣ, какъ священнѣйшей обязанности „исполнять высочайшія повелѣнія съ возможною скоростію и точностію“, онъ далѣе основаніемъ для своихъ отношеній къ раскольникамъ ставилъ фанатичную привязанность сихъ суевѣровъ къ своимъ обрядовымъ особенностямъ даже въ самомъ малѣйшемъ. Выходя изъ сего представленія о раскольничьихъ воззрѣніяхъ, графъ считалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ привести въ исполненіе высочайшее изволеніе не строгостью, а при посредствѣ кроткаго внушенія имъ ихъ вѣрноподданической обязанности. Съ этою цѣлью онъ нѣсколько разъ призывалъ къ себѣ главнѣйшихъ лицъ изъ старообрядцевъ, убѣждалъ ихъ, давалъ время на размышленіе и совѣты съ обществомъ и достигъ, наконецъ, отъ нихъ обѣщанія дать на слѣдующей недѣлѣ подписку относительно исполненія высочайшей воли. Колебаніе свое раскольники объясняли не отсутствіемъ вѣрноподданическихъ чувствъ, не нежеланіемъ признавать государя „благочестивѣйшимъ“, а простою привязанностью къ буквѣ старинныхъ служебниковъ, въ которыхъ „сего титла..... не напечатано“ (Государственный Архивъ, разрядъ VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. и об. 85). Объясненіе Салтыкова Обольяниновъ представилъ государю, но ожидаемаго впечатлѣнія оно не произвело: „высочайше повелѣно (было) взять потпіску (отъ расколниковъ) ибо і в старопечатныхъ книгахъ благочестивымъ и благовѣрнымъ царемъ

исполненія имъ высочайшаго повелѣнія къ тому времени графъ еще не успѣлъ получить[1]).

Въ отвѣтъ на изложенное извѣщеніе преосвященный Платонъ писалъ кратко.—„Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь Мой!—Почтенное писаніе Вашего Сіятельства, коимъ извѣщаете о принятіи раскольниками формы, какъ возносить имя Государя Императора, я получилъ и за оное

въ молитвословіи произносится“ (тамъ же, л. 86). Впрочемъ графъ успѣлъ сообщить Обольянинову, для всеподданнѣйшаго представленія о послѣдующихъ своихъ дѣйствіяхъ по введенію у старообрядцевъ синодальной формы возношенія имени государя, ранѣе полученія извѣщенія о послѣднемъ высочайшемъ изволеніи. Приготовивъ нѣкоторыхъ изъ старообрядцевъ своими личными „всемѣрными увѣщаніями и убѣжденіями“ къ принятію присланной формы поминовенія имени государя, Салтыковъ поручилъ дальнѣйшее убѣжденіе Московскому оберъ-полицеймейстеру, генералъ-майору Эртелю. Эртель вручилъ раскольникамъ на ихъ кладбищѣ синодальную форму. Почетнѣйшіе изъ старообрядцевъ, въ количествѣ 35 человѣкъ, безъ упорства приняли ее и дали подписку. При этомъ, по донесенію, со стороны раскольниковъ не послѣдовало никакихъ выраженій негодованія, проявленій неповиновенія власти, тѣмъ болѣе вызывавшихъ примѣненіе насильственныхъ мѣръ (тамъ же, л. 87—89).

[1]) Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1800 г. № 46, отношеніе гр. Салтыкова къ м. Платону отъ 11 ноября 1800 г. за № 2650.—Гражданскій губернаторъ Аршеневскій полагалъ получить наиболѣе вѣрныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ и какія живутъ раскольники, отъ духовнаго начальства. Посему онъ обратился съ просьбой къ викарію московскаго митрополита прислать ему „непомедля“ необходимыя свѣдѣнія о раскольникахъ (тамъ же, отношеніе Аршеневскаго отъ 15 декабря 1800 г. за № 3323). Преосвященный Серафимъ передалъ требованіе губернатора въ консисторію. Консисторія представила справку, хотя не безъ выраженія того скрытаго недовольства, которое читается въ тонѣ отвѣта. Имѣются ли гдѣ по губерніи раскольническія общества, кромѣ извѣстныхъ двухъ московскихъ, консисторія отозвалась невозможностью знать ей о томъ. Въ силу указовъ 1786 г. декабря 30 и 1800 г. марта 22 и резолюцій митрополита, духовенству воспрещено входить въ изслѣдованіе о раскольникахъ, а возложена эта обязанность на свѣтское начальство. Въ исповѣдныхъ же вѣдомостяхъ отмѣчается только количество раскольниковъ, безъ точнаго обозначенія, кто они именно. Вѣдомость о томъ, сколько при какой церкви раскольниковъ, консисторія представила при рапортѣ преосвященному Серафиму, за исключеніемъ Дмитровскаго и Радонежскаго уѣздовъ, вслѣдствіе того, что духовными правленіями этихъ уѣздовъ въ консисторію присылаются одни экстракты, безъ обозначенія, сколько при какой церкви старообрядцевъ (тамъ же, рапортъ консисторіи отъ 22 декабря

благодаря, молю Бога, да сихъ заблуждающихъ приведетъ въ совершенное съ святою церковію соединеніе“[1]).

Затѣмъ далѣе, результатомъ выяснившихся убѣжденій старообрядцевъ, во главѣ которыхъ стоялъ Дмитрій Ѳедоровъ, было высочайшее повелѣніе отъ 1 ноября всѣмъ губернаторамъ, въ числѣ ихъ и главноуправляющему Московской губерніей, о неослабномъ наблюденіи за поведеніемъ старообрядцевъ и неукоснительномъ увѣдомленіи верховной власти въ случаѣ замѣченнаго какого-либо повода къ соблазну или обнаруженія неповиновенія власти[2]). Но на защиту раскольниковъ явилось московское гражданское начальство. Въ отвѣтъ на высочайшее повелѣніе отъ 1 ноября графъ Салтыковъ увѣрялъ Обольянинова, что „никакое непозволенное предпріятіе“ старообрядцевъ „безъ вниманія и преграды оставлено не будетъ“, успокоивая генералъ-прокурора относительно политической благонадежности раскольниковъ. „Старообрядцы, писалъ графъ Обольянинову, какъ въ Москвѣ, такъ и въ губерніи здѣшней живутъ толь тихо и спокойно и въ такомъ начальству повиновеніи, что объ нихъ до извѣстнаго вашему Высокопревосходительству представленія, кромѣ какъ по одному имени, а тѣмъ менѣе о каковомъ-либо неповиновеніи, или излишнемъ умствованіи и слышно не было“. Доказательство вѣрности своихъ словъ онъ видѣлъ въ принятіи ими синодальной формы возношенія имени государя безъ „малѣйшихъ непозволенныхъ движеній“[3]). Подобнымъ же образомъ и оберъ-полицеймейстеръ заявлялъ, что къ исполненію высочайшей воли имъ приняты всевозможныя мѣры и что онъ не замедлитъ увѣдомить генералъ-прокурора, если что-либо воспослѣдуетъ преступное со стороны раскольниковъ, но толь-

---

1800 г.). Большихъ свѣдѣній мы не имѣемъ о дѣйствіяхъ Аршеневскаго по введенію у старообрядцевъ формы Св. Синода возношенія имени государя императора.

[1]) Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1800 г. № 46, отношеніе м. Платона къ гр. Салтыкову отъ 13 ноября 1800 г.

[2]) Государственный Архивъ, разрядъ VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. 116.

[3]) Тамъ же, л. 124—125.

ко „по сіе время еще ничего такого противнаго не замѣчено“ имъ, несмотря на многочисленность старообрядцевъ въ столицѣ[1]).

Отзывы представителей гражданскй власти въ Москвѣ имѣли неожиданныя послѣдствія. Отъ 14 ноября 1800 г. Обольянииновъ сообщалъ Салтыкову и Эртелю, „чтобъ употреблено было наблюденіе за старообрядцами въ имѣніи церквей и священниковъ только тѣмъ, коимъ по высочайшей волѣ подъ вѣденіемъ епархіальныхъ Архіереевъ дозволено и высочайшая конфирмація на поднесенномъ прошеніи Московскихъ старообрядцевъ утверждена собственноручно“[2]).

На основаніи отношенія генералъ-прокурора съ приведеннымъ содержаніемъ, Салтыковъ обратился къ митрополиту Платону съ требованіемъ увѣдомить его о содержаніи высочайшей конфирмаціи, если она получена и о собственныхъ распоряженіяхъ высокопреосвященнаго относительно старообрядческихъ церквей и священниковъ, коихъ знать имена Салтыковъ находилъ нужнымъ для себя[3]). Платону, конечно, ничего болѣе не оставалось, какъ удовлетворить требованію военнаго губернатора. „Дѣло о дозволеніи имѣть старообрядцамъ Московскимъ церковь и священника, писалъ графу митрополитъ, находится въ Консисторіи. Почему я требованіе Вашего Сіятельства и препроводилъ къ Преосвященному Серафиму, дабы Его Преосвященство по оному надлежащее Вашему Сіятельству доставилъ свѣдѣніе“[4]).

Обращаемся къ дальнѣйшей дѣятельности м. Платона собственно по устроенію единовѣрческой церкви въ Москвѣ. По полученіи свѣдѣній о высочайшей конфирмаціи своего представленія о старообрядцахъ, митрополитъ Платонъ долженъ былъ позаботиться прежде всего о храмѣ для новоприсоединявшихся. Старообрядцы, какъ бывшіе прихожане Рогожскаго кладбища, просили освященія для себя рогож-

---

[1]) Государственный Архивъ, разрядъ VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. 115.

[2]) Тамъ же, л. и об. 105.

[3]) Приложенія, № 86.

[4]) Арх. Моск. дух. конс., дѣло 1800 г. № 46, отношеніе м. Платона графу Салтыкову отъ 20 ноября 1800 года.

ской каменной часовни. Соотвѣтственно ихъ просьбѣ, Платонъ въ своемъ представленіи въ Св. Синодъ, какъ мы видѣли ранѣе, ходатайствовалъ объ устроеніи церкви для присоединявшихся старообрядцевъ на Рогожскомъ кладбищѣ, не упоминая впрочемъ о каменной часовнѣ. Извѣстно намъ далѣе, что по прошенію Дмитрія Ѳедорова въ сентябрѣ 1800 г. высочайше повелѣно было представленіе митрополита Платона объ освященіи рогожской каменной часовни оставить безъ всякаго дѣйствія, хотя въ ту пору еще и не было такого ходатайства. Помянутое высочайшее повелѣніе осталось неизвѣстнымъ московскому архипастырю. Ему не было сообщено о немъ ни оффиціально, ни, очевидно, частно, старообрядцами, теперь единовѣрцами, которые, какъ видно изъ письма Григорія Александрова къ Василію Алексѣеву[1]), знали о послѣдствіяхъ прошенія Дмитрія Ѳедорова. Невѣдѣніемъ положенія вопроса о рогожской часовнѣ объясняется отношеніе м. Платона къ Салтыкову объ отводѣ для единовѣрцевъ помянутой часовни. Салтыковъ самъ находился въ такомъ же невѣдѣніи относительно высочайшаго распоряженія объ устроеніи единовѣрческой церкви на Рогожскомъ кладбищѣ, какъ и м. Платонъ. Но военный губернаторъ уже по собственному побужденію обнаружилъ сочувствіе раскольникамъ. Ходатайству преосвященнаго митрополита Салтыковъ отказалъ. Мотивъ отказа у него былъ благовидный: опасеніе за враждебныя столкновенія между старообрядцами, присоединявшимися къ церкви и остававшимися въ заблужденіи, которыя могли возникнуть, „вслѣдствіе, отнятія часовни“, и сопровождаться нарушеніемъ общественной тишины. Осторожность въ дѣйствіяхъ, касавшихся старообрядцевъ, графъ тѣмъ болѣе признавалъ необходимою, что секретными отношеніями препоручалось ему имѣть за старообрядцами „наипрележнѣйшее смотрѣніе и въ случаѣ малѣйшихъ ихъ движеній представлять“. Посему графъ считалъ первымъ своимъ долгомъ „предупреждать всякіе поводы, къ тому ихъ побудить могущіе“. Въ дѣйствительности, конечно, отнятія часовни здѣсь не происходило: часовня одинаково принадлежала

[1]) Приложенія, № 76, об. 22.

тѣмъ и другимъ старообрядцамъ. Справедливость же требовала правильнаго раздѣла между двумя группами владѣльцевъ мѣста и построекъ. Если м. Платонъ въ своемъ ходатайствѣ за интересы единовѣрцевъ могъ руководиться мыслью, что у рогожскихъ раскольниковъ, помимо каменной часовни, останется довольно изъ общаго имущества, то Салтыковъ полнымъ отказомъ ходатайству митрополита явственно нарушалъ права личной собственности одной группы лицъ въ пользу другой. Вмѣсто законнаго удовлетворенія такимъ или инымъ способомъ претензій единовѣрцевъ на каменную часовню[1]), Салтыковъ предлагалъ митрополиту („не угодно ли будетъ Вашему Высокопреосвященству"!) „дать сему небольшому сословію новообращающихся" церковь упраздненнаго Міусскаго кладбища или одну изъ малоприходныхъ ближе къ Камеръ-Коллежскому валу, „на что они конечно будутъ согласны", добавлялъ графъ съ оттѣнкомъ презрительности къ единовѣрцамъ и непріязненнаго чувства къ защитнику ихъ интересовъ[2]).

Одновременно съ отказомъ м. Платону Салтыковъ отправилъ донесеніе государю по вопросу о церкви для новообращавшихся московскихъ старообрядцевъ; написалъ о томъ же и генералъ-прокурору, прося его „содѣйствія". Всеподданнѣйшее донесеніе графа направлено было къ тому, чтобы испросить „высочайшаго благоизволенія" на отведеніе единовѣрцамъ для богослуженія какой-либо малоприходной въ Москвѣ церкви или церкви упраздненнаго Міусскаго кладбища, гдѣ единовѣрцы могли бы и погребаться. При этомъ графъ упоминалъ о требованіи московскаго митрополита передачи единовѣрцамъ рогожской каменной часовни, о своемъ отказѣ ходатайству Платона и о мотивѣ

---

[1]) Высочайшимъ рескриптомъ 1796 г. мая 8 предписано: гдѣ старообрядцевъ присоединяется больше къ единовѣрію, чѣмъ остается въ расколѣ, тамъ церкви должны переходить къ единовѣрцамъ, а раскольниковъ единовѣрцы должны удовлетворять деньгами за принадлежащую имъ часть по соглашенію. Подобнымъ же образомъ и раскольники обязывались вознаграждать единовѣрцевъ деньгами, если церкви (и вещи) оставались за раскольниками.—Архивъ Св. Синода, дѣло 1796 г. мая 8 (вмѣстѣ съ дѣломъ 1788 г. іюля 21), № 358, л. 2—об. 5.

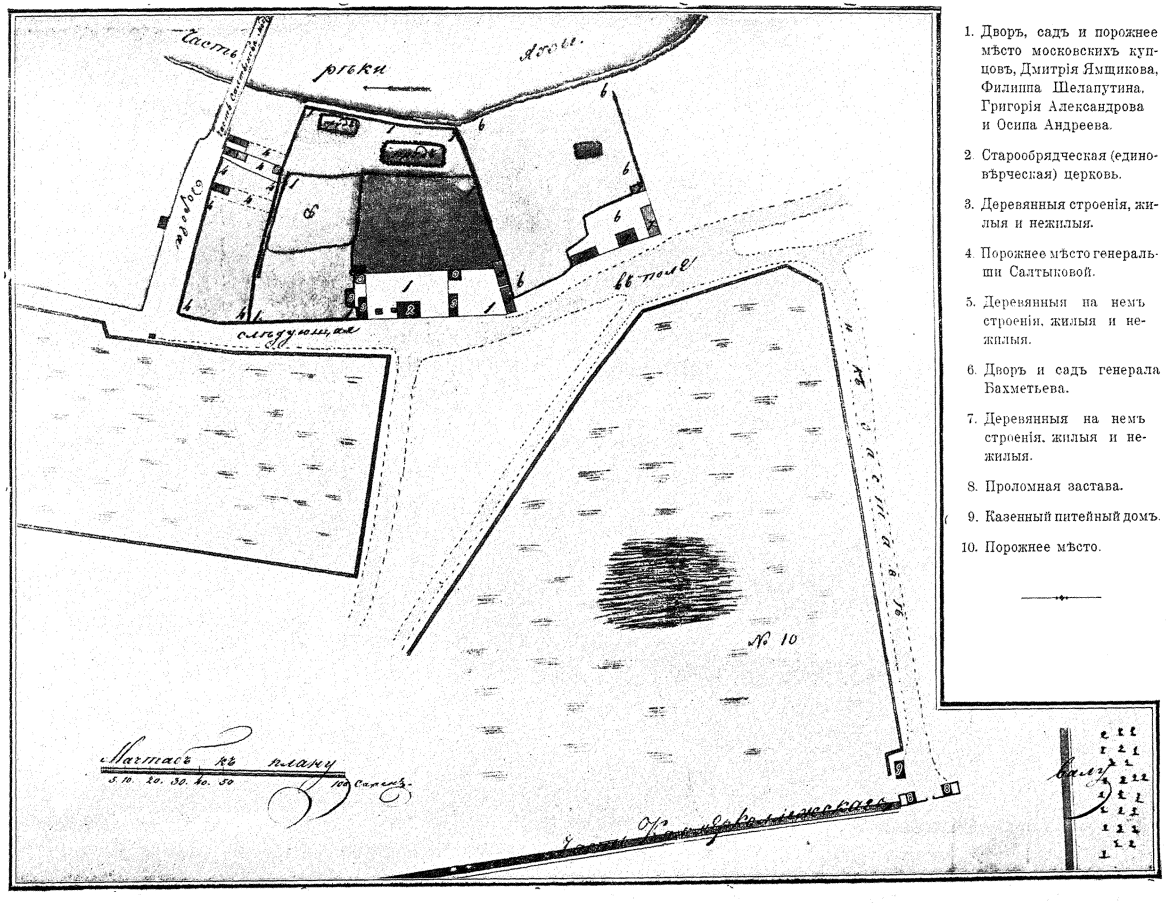
[2]) Приложенія, № 87.

отказа,—опасеніи вражды между старообрядцами и нарушенія общественной тишины[1]). Въ письмѣ же генералъ-прокурору Салтыковъ мотивировалъ свой отказъ Платону тѣмъ еще, „чтобъ..... Его Величества имя точно по синодальной формѣ возносящимъ дать нѣкоторую отраду, которой они не недостойны, тѣмъ паче что и попы[2]), безъ позволенія духовнаго начальства у нихъ бывшіе, по высочайшему повелѣнію оставлены“[3]). Какъ будто бы возношеніе имени государя по требуемой формѣ могло служить основаніемъ для причиненія обиды единовѣрцамъ, какъ будто этимъ возношеніемъ раскольники дѣлали одолженіе государству, уполномочивавшее ихъ на попраніе имущественныхъ правъ единовѣрцевъ и какъ будто единовѣрцы отказывались возносить имя государя по требуемой формѣ! Отъ правительства государства, гдѣ господствующимъ признается православное исповѣданіе вѣры, естественнѣе было бы ожидать покровительства сближающимся съ церковью, чѣмъ отдаляющимся отъ нея; отъ Салтыкова—единовѣрцамъ, а не раскольникамъ. Милость же, оказанная государемъ раскольникамъ относительно трехъ поповъ опять по представленію московскихъ властей (Салтыкова и Эртеля), само собою понятно, не могла служить основаніемъ для новаго снисхожденія, тѣмъ болѣе не безразличнаго для интересовъ другихъ лицъ. Вообще, доводы, представленные Салтыковымъ, не доказательны; своею неосновательностью они обнаруживаютъ только пристрастное отношеніе начальника губерніи къ раскольникамъ.

Что же касается исхода донесенія Салтыкова, то онъ напередъ опредѣлялся ранѣе состоявшимся высочайшимъ повелѣніемъ относительно рогожской часовни по поводу прошенія Дмитрія Ѳедорова и всеподданѣйшимъ донесеніемъ архіепископа Амвросія объ устроеніи церкви гдѣ-либо, помимо Рогожскаго кладбища, для изъявлявшихъ желаніе присоединиться къ православію согласно собственному ихъ желанію. При такомъ состояніи вопроса въ высшихъ правительственныхъ сферахъ о мѣстѣ для единовѣрческой церкви,

[1]) Приложенія, № 88, л. и об. 147.
[2]) См. стран. 261 настоящаго изслѣдованія.
[3]) Приложенія, № 88, л. и об. 146.

План № 1.



1. Дворъ, садъ и порожнее мѣсто московскихъ купцовъ, Дмитрія Ямщикова, Филиппа Шелапутина, Григорія Александрова и Осипа Андреева.
2. Старообрядческая (единовѣрческая) церковь.
3. Деревянныя строенія, жилыя и нежилыя.
4. Порожнее мѣсто генеральши Салтыковой.
5. Деревянныя на немъ строенія, жилыя и нежилыя.
6. Дворъ и садъ генерала Бахметьева.
7. Деревянныя на немъ строенія, жилыя и нежилыя.
8. Проломная застава.
9. Казенный питейный домъ.
10. Порожнее мѣсто.

Рисунокъ 4.

являлось совершенно послѣдовательнымъ высочайшее утвержденіе представленія Салтыкова объ отводѣ для единовѣрцевъ малоприходной церкви ближе къ выѣзду изъ Москвы или церкви упраздненнаго Міусскаго кладбища. Въ этомъ смыслѣ Салтыковъ получилъ высочайшій рескриптъ въ отвѣтъ на свое донесеніе и отношеніе генералъ-прокурора[1]). О высочайшемъ повелѣніи Салтыковъ сообщилъ преосвященному митрополиту, прося его увѣдомить о послѣдующемъ[2]).

Увѣдомленіемъ м. Платонъ не замедлилъ. Онъ отвѣчалъ графу, что писаніе его сіятельства препроводилъ къ преосвященному Серафиму „для надлежащаго исполненія“[3]). А Салтыковъ въ тотъ же день извѣщалъ Обольянинова все еще съ радостнымъ чувствомъ, что онъ „отнесся съ препровожденіемъ съ донесенія копіи къ преосвященнѣйшему Митрополиту Платону, для должнаго по сему съ его стороны исполненія“[4]). Однако плану графа относительно мѣста для единовѣрческой церки не суждено было осуществиться. Послѣдовали преграды, несмотря на высочайшую апробацію проекта. Причина лежала въ ложномъ основаніи проекта. Графъ выбиралъ мѣсто для единовѣрческой церкви по личному своему соображенію, не справляясь съ желаніемъ тѣхъ, для кого предназначалась церковь. Проектируемыя же графомъ мѣста имѣли существенное неудобство для единовѣрцевъ: крайнюю удаленность отъ ихъ жилищъ, затруднявшую посѣщеніе богослуженія, особенно совершаемаго въ ночное время. Поэтому единовѣрцы не приняли предложенія графа. Они предпочли устроить церковь на усадьбѣ, принадлежавшей „по крѣпости“ нѣкоторымъ изъ представителей своего общества. Избранное ими мѣсто находилось въ Рогожской части, за Салтыковымъ мостомъ, и составляло собственность купцовъ—Дмитрія Ямщикова, Филиппа Шелапутина, Григорія Александрова и Осипа Андреева. Для церкви единовѣрцы предназначали готовый домъ на указанной усадьбѣ, фасадомъ выходившій на улицу[5]).

[1]) Государств. Архивъ, разрядъ VII, дѣло 1800 г., № 3435, л. 149.
[2]) Приложенія, № 89.
[3]) Тамъ же, № 91.
[4]) Тамъ же, № 90, л. 150.
[5]) См. планъ № 1 (рисунокъ 4).

Съ просьбою освятить этотъ домъ они обратились къ московскому архипастырю. Преосвященный Платонъ отозвался на нужды общества. Отъ него послѣдовала резолюція: „устроить въ немъ церковь на время, доколѣ отъ нихъ или особая открытая сооружена, или какая изъ готовыхъ испрашиваема будетъ“[1]). Въ силу резолюціи митрополита, преосвященный викарій распорядился „освятить въ домѣ церковь“. Копія съ его дозволенія стала извѣстна оберъ-полицеймейстеру Эртелю. Эртель представилъ ее графу. Графъ тономъ начальника потребовалъ объясненія отъ преосвященнаго Серафима, такъ какъ, писалъ графъ, „отводъ старообрядцамъ для церкви мѣста по Высочайшему Государя Императора ко мнѣ послѣдовавшему повелѣнію зависитъ отъ меня, о чемъ изъ предписанія Высокопреосвященнаго Митрополита Платона и Вы, Милостивый Государь мой, не безъизвѣстны“[2]). Преосвященный Сарафимъ далъ отвѣтъ, кѣмъ избрано мѣсто для церкви и кѣмъ разрѣшено устроить на немъ единовѣрческую церковь[3]). На этомъ вопросъ и окончился. Церковь, благодаря покровительству м. Платона новоприсоединившимся, была открыта на указанной усадьбѣ, въ домѣ владѣльцевъ ея, и освящена въ честь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы[4]).

Удовлетворивши единовѣрцевъ въ отношеніи церкви, преосвященный Платонъ долженъ былъ позаботиться о выборѣ священника для нихъ. Здѣсь московскому архипастырю, согласно 2-му пункту положенія объ единовѣріи, слѣдовало сообразоваться съ собственными желаніями присоединившихся на высочайше утвержденныхъ началахъ. Выборъ единовѣрцевъ палъ на московскаго священника церк-

[1]) Приложенія, № 95.

[2]) Тамъ же, № 94.

[3]) Тамъ же, № 95.

[4]) На планѣ № 1 (рисун. 4) она значится подъ цифрою 2.—На той же усадьбѣ единовѣрческая церковь помѣщается до сихъ поръ. Только для отправленія богослуженія выстроены единовѣрцами въ разное время два каменныхъ пятиглавыхъ храма—во имя Живоначальной Троицы и Введенія во храмъ пр. Дѣвы Маріи, существующіе доселѣ. Первоначальная же домовая церковь уничтожена; часовня въ юговосточной сторонѣ нынѣшнихъ единовѣрческихъ храмовъ обозначаетъ мѣсто престола ея.—См. рисун. 5.

Современный видъ единовѣрческихъ храмовъ въ Москвѣ у Салтыкова моста.

Рисунокъ 5.

ви Николы Гастунскаго, Іоанна Петровича Полубенскаго. Возможно, что взявшій подъ свое особое попеченіе юное стадо архипастырь самъ же умѣлою рукою и направилъ выборъ на Полубенскаго, какъ вполнѣ отвѣчавшаго потребностямъ новообразовавшагося общества. Это былъ человѣкъ достаточно образованный, просвѣщенныхъ взглядовъ, съ запасомъ житейской опытности, отличавшійся безукоризненнымъ поведеніемъ и уже обнаружившій пастырскій тактъ. Полубенскій окончилъ курсъ въ Тверской семинаріи и 6 лѣтъ состоялъ учителемъ сперва Архангелогородской, потомъ воспитавшей его Тверской семинаріи. Посвященный во священника въ имѣніе графа Чернышева (Волоколамскаго уѣзда, Переяславской епархіи), онъ въ теченіе 4-хъ лѣтняго своего служенія въ Волоколамскомъ уѣздѣ проходилъ должность закащика надъ церквами и духовенствомъ г. Волоколамска и Волоколамскаго уѣзда, состоялъ депутатомъ по уголовнымъ дѣламъ, присутствовалъ въ Волоколамскомъ духовномъ правленіи въ качествѣ второго члена его. Въ Москву перешелъ (1781 г.) по просьбѣ прихожанъ церкви Николая въ Покровскомъ и состоялъ при этой церкви 15 лѣтъ. Овдовѣвъ (1793 г.), онъ хотѣлъ принять иночество въ Виѳанскомъ монастырѣ, но стѣсненныя семейныя обстоятельства вынудили его чрезъ три мѣсяца оставить свое намѣреніе. Послѣ того Полубенскій священствовалъ въ томъ приходѣ, съ котораго получилъ приглашеніе къ единовѣрческой церкви[1]). Въ то время ему было около 42 лѣтъ[2]). Полубенскій зналъ французскій языкъ, такъ что могъ пользоваться книгами, написанными на этомъ языкѣ[3]).

---

[1]) Изложенныя свѣдѣнія извлечены проф. Субботинымъ изъ послужного списка Полубенскаго за 1824 г. и напечатаны въ Душеполез. Чтеніи 1864 г., т. I, мартъ, отдѣлъ извѣстій и замѣтокъ, стр. 80–81. Въ Архивѣ Московской консисторіи намъ не удалось отыскать экземпляра послужного списка Полубенскаго ни за одинъ годъ его священствованія.

[2]) Судимъ по исповѣднымъ вѣдомостямъ, въ которыхъ Полубенскому значится за 1822 г. 64 года, за 1824 г.—66 л.—Архивъ Московской духовной консисторіи, книги исповѣдныхъ вѣдомостей Бронницкаго уѣзда, по Москов. единовѣрческой церкви за означенные года.

[3]) Письмо Полубенскаго къ Новгородскому митрополиту Серафиму, напеч. въ Душеполез. Чтеніи 1864 г., т. I, мартъ, стр. 87.

Самъ занимался учеными трудами, преимущественно полемическаго содержанія[1]). Митрополитъ Платонъ былъ высокаго мнѣнія объ учености Полубенскаго. За это говоритъ опредѣленіе Платономъ Полубенскаго къ университетской церкви, хотя это назначеніе было вскорѣ отмѣнено, вслѣдствіе противодѣйствія директора университета. Имѣемъ и письменный отзывъ м. Платона о просвѣщенности, равно и о высокой нравственности Полубенскаго, правда изъ времени послѣ опредѣленія Полубенскаго къ единовѣрческой церкви, однакоже по своему характеру сохраняющаго полное значеніе и для болѣе ранняго періода. Вотъ что писалъ пр. Платонъ Петербургскому митрополиту Амвросію въ декабрѣ 1803 г., по поводу строгаго отношенія духовной цензуры къ одному изъ сочиненій Полубенскаго: „священника Полубенскаго единовѣрческаго книгу прочелъ: не только въ ней ничего противнаго не нахожу, но и должно отдать честь его учености и свободности духа. Говорятъ, что духовная цензура не пропустила, не знаю почему, а губернаторъ пропустилъ. У пастыря же града руки связаны, вотъ порядокъ! буду читать другіе его томы[2]). Онъ житья хорошаго, добродѣтели строгой. Дай Богъ намъ имѣть такую духа свободность“[3]).

Просвѣщенность Іоанна Петровича, хорошая нравственная репутація, наконецъ, снискиваемое имъ уваженіе отъ начальства и прихожанъ, не случайно, безспорно, останавливавшихъ свои выборы на немъ, въ связи съ его возрастомъ служили ручательствомъ, что Полубенскій оправдаетъ ожиданія отъ него, сумѣетъ разсѣивать не всецѣло еще оставленныя единовѣрцами предубѣжденія противъ

---

[1]) Нѣкоторыя изъ полемическихъ сочиненій Полубенскаго изданы въ Братскомъ Словѣ 1886 г., т. II, стр. 15—32, 81—110.

[2]) По мнѣнію составителя примѣчаній къ письмамъ м. Платона къ пр. Амвросію, здѣсь разумѣется напечатанное въ 1803 г. сочиненіе Полубенскаго „О внѣшнемъ богослуженіи“, въ 4 ч.—Православное Обозрѣніе 1869 г., т. II, стр. 67.

[3]) Письма м. Платона къ пр. Амвросію, № 84: Правосл. Обозрѣніе 1869 г., т. II, приложеніе, стр. 67.

православной церкви и такимъ образомъ воспитывать юную паству въ мѣру возраста совершенна[1]).

Опредѣливши Полубенскаго къ единовѣрческой Введенской церкви, митрополитъ Платонъ преподалъ ему въ руководство слѣдующее письменное наставленіе. „Кои доселѣ въ церкви православной находились и тайны ея и требы принимали, отъ тѣхъ прошеній не принимать и никакъ къ сей единовѣрческой церкви не присоединять. Поступать, точно во всемъ на основаніи нашего въ Святѣйшій Синодъ представленія и высочайше Государемъ Императоромъ апробованнаго“[2]).

При дальнѣйшемъ устроеніи единовѣрческой церкви, открывалась нужда въ отводѣ единовѣрцамъ мѣста для по-

---

[1]) Преданность Полубенскаго ученымъ работамъ, его просвѣщенность, направленная въ постепенному сглаживанію въ своихъ прихожанахъ рѣзкостей въ обрядовыхъ воззрѣніяхъ выставлялась даже черезъ 24 года службы его при единовѣрческой церкви въ качествѣ обвиненія противъ него крайнимъ ревнителемъ старины, единовѣрческимъ церковнымъ старостою, купцомъ Сарачевымъ. 1825 года февраля 25 Сарачевъ просилъ Московскаго архіепископа Филарета отвести отъ нихъ протопресвитера Полубенскаго, потому что „ему, протопресвитеру, не столько нравятся старопечатныя книги, сколько соблазнительная, имъ сочиненная тетрадка, какъ кусковскій лѣшій перовскаго звалъ въ родительскую субботу“. Такъ думалъ Сарачевъ о сочиненіяхъ Полубенскаго!—Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1825 г. мая 5, по Ивановскому сороку, № 47, л. и об. 11.

[2]) Рукопись Румянцевскаго Музея № 269, л. 14. – Полубенскій служилъ при единовѣрческой церкви до 1825 г. и за свою полезную дѣятельность былъ отличенъ м. Платономъ наградами, въ то время дававшимися рѣдко: скуфьею (1806 г.), камилавкою (1811 г.), саномъ протоіерея (1807 г.) и протопресвитера (Душеполез. Чтеніе 1864 г., т. I, мартъ, стр 82). Въ 1825 году противъ него, какъ замѣчено въ предшествующемъ примѣчаніи, возсталъ купецъ Сарачевъ. Для большаго успѣха въ своемъ замыслѣ, Сарачевъ къ вышеупомянутому нареканію на ученые труды Полубенскаго присоединилъ другія обвиненія: будто протопресвитеръ 6 января „вмѣсто молитвы: силою и заступленіемъ честнаго креста твоего Господи и спаси насъ... щиталъ людей, первой, второй, третій и далѣе“; 8 февраля, въ недѣлю сыропустную, пришелъ къ литургіи „въ весьма хмѣльномъ видѣ“ и, стоя на клиросѣ, „плакалъ и смѣялся, а во время сугубой ектеніи закричалъ какимъ-то дикимъ голосомъ, отъ чего діаконъ, сказавши ектенію, пришелъ въ робость, содроганіе и замешательство, отъ коего произошла остановка въ богослуженіи“. Затѣмъ

гребенія умершихъ. И митрополиту Платону пришлось дать главное направленіе въ разрѣшеніи вопроса объ единовѣрческомъ кладбищѣ. Выполненіе же его резолюціи по обстоятельствамъ весьма осложнилось и затянулось не на одинъ годъ.

На первыхъ порахъ новоприсоединившіеся старообрядцы хотѣли хоронить умершихъ своихъ родственниковъ на

протопресвитеръ, сходя съ клироса („для пенія достойной и ко кресту) дважды едва не упалъ". Обвинялъ Сарачевъ протопресвитера также въ несносномъ обхожденіи съ старообрядцами. При этомъ Сарачевъ тенденціозно поставлялъ свои обвиненія въ связь съ малымъ приращеніемъ къ единовѣрію изъ раскола. Ими онъ объяснялъ охлажденіе нѣкоторыхъ единовѣрцевъ къ благословенному священству и возвращеніе ихъ въ расколъ; обѣдненіе церкви „съ умаленіемъ прихожанъ", доказывая сіе послѣднее неоконченностью строившагося новаго храма. Само собою понятно, при возродившемся непріязненномъ чувствѣ къ протопресвитеру, Сарачевъ терялъ довѣріе къ своимъ словамъ. Правда, обвиненія его могли и не быть настоящею выдумкою, но они легко могли основываться на извращеніи смысла дѣйствительныхъ фактовъ, не подлежащихъ осужденію. Счетъ протопресвитеромъ могъ имѣть совсѣмъ другой смыслъ и происходить предъ произнесеніемъ молитвы, при чемъ протопресвитеръ могъ забыться, и—произошла замѣтная пауза между предшествующимъ и послѣдующею молитвою, раздутая Сарачевымъ въ нѣчто предосудительное. Также порицаніе обхожденія протопресвитера съ прихожанами въ дѣйствительности могло стоять въ связи съ фактомъ 8 февраля и имѣть совсѣмъ иную окраску Протопресвитеръ замѣтилъ, напр., какіе-нибудь непорядки, выразилъ строгій выговоръ, а діаконъ, заглядѣвшись по любопытству, пропустилъ моментъ для своихъ дѣйствій, спутался и, естественно, сконфузился. При сходѣ же съ клироса, протопресвитеръ, страдая болѣзнью ногъ (на что есть указанія), могъ въ самомъ дѣлѣ „дважды" споткнуться и едва не упасть. Конечно, истина въ значительной долѣ могла раскрыться на слѣдствіи. Но слѣдствія не пришлось производить, хотя резолюціею преосвященнаго Филарета оно было назначено. Предъ открытіемъ слѣдствія выяснилось, что въ основѣ прошенія лежало только желаніе Сарачева увольненія протопресвитера отъ единовѣрческой церкви, выяснилось обѣщаніе прихожанъ обезпечить старика-протопресвитера пожизненною пенсіею въ размѣрѣ 500 руб. и обязательство вносить деньги впередъ на каждое полугодіе въ Московскую консисторію. При этихъ условіяхъ протопресвитеръ и самъ соглашался оставить свой постъ, по преклонности лѣтъ. Такимъ образомъ назначенное слѣдствіе не запятнало Полубенскаго, а заявленіе обвинителя, чего онъ собственно домогался, весьма понятное при воззрѣніи на просвѣтительные труды протопресвитера, характерно выраженномъ Сарачевымъ въ прошеніи, наконецъ, назначеніе протопресвитеру прихожанами пенсіи, свидѣтельствуютъ

томъ же Рогожскомъ кладбищѣ, на которомъ покоился прахъ ихъ предковъ. Но оставшіеся въ расколѣ старообрядцы не допустили ихъ къ тому[1]). Графъ Салтыковъ указывалъ единовѣрцамъ для погребенія Міусское кладбище. Но имъ единовѣрцы не могли воспользоваться, вслѣдствіе удаленности его отъ ихъ домовъ[2]). Въ результатѣ, по словамъ единовѣрцевъ, наблюдались случаи, когда умершіе ихъ, „вопреки всѣмъ, когда-либо бывшимъ слухамъ, перевозимы бывали съ мѣста на мѣсто и погребались послѣ многихъ ходатайствъ и продолженія времени". Преосвященный Платонъ вошелъ въ положеніе единовѣрцевъ. Впредь до окончательнаго выясненія вопроса о кладбищѣ, онъ позволилъ имъ хоронить умершихъ въ Покровскомъ монастырѣ, что въ Таганкѣ[3]).

Однако и Покровскій монастырь представлялъ для единовѣрцевъ большія неудобства. Здѣсь единовѣрцы по необходимости нерѣдко встрѣчались, при отправленіи своихъ погребальныхъ обрядовъ съ православными, тоже совершавшими отпѣваніе надъ умершими. Не вполнѣ освободившись еще отъ предвзятаго мнѣнія о новоисправленныхъ обрядахъ, они испытывали смущеніе въ своей немощной совѣсти отъ этой встрѣчи. Немалое затрудненіе созда-

какъ о настоящихъ мотивахъ обвиненія, такъ и общихъ добрыхъ отношеніяхъ прихожанъ къ протопресвитеру. Въ виду изъясненнаго, Полубенскій и могъ съ полнымъ сознаніемъ своей невиновности и заслугъ написать въ прошеніи объ увольненіи въ заштатъ: „я, нижеименованный, въ исполненіе желанія г.г. прихожанъ, и будучи на закатѣ жизни моей добровольно отойти съ честью отъ сего единовѣрческаго мѣста вседушно согласенъ". На его прошеніе послѣдовала такая резолюція преосвященнаго Филарета 5 мая 1825 г.: „по законной старости, уволить отъ дѣйствительнаго служенія, съ пособіемъ, означеннымъ въ приложенномъ при семъ проэктѣ условіи" (проектъ условія о пенсіи былъ приложенъ къ прошенію Полубенскаго объ увольненій въ заштатъ). Деньги выдавались Полубенскому до 1831 г. включительно. Въ послѣдній разъ о выдачѣ пенсіи Полубенскому записано въ журналѣ Московской консисторіи 1831 г.: 6 октября. Слѣдовательно, во 2-ое полугодіе 1831 г. Полубенскій скончался, имѣя отъ роду 73 года.—Архивъ Московской духовной консисторіи, дѣло 1825 г. мая 5, по Ивановскому сороку, № 47, л. 1—39.

[1]) Приложенія, № 101.

[2]) Тамъ же, № 104.

[3]) Тамъ же, № 101.

валось для нихъ также монастырскимъ положеніемъ относительно взносовъ за право погребенія въ монастырской оградѣ: „для недостаточныхъ людей и особливо за умирающахъ младенцевъ“ этотъ взносъ былъ „крайне чувствителенъ“. Зналъ ли митрополитъ Платонъ объ обязательности взноса для единовѣрцевъ, или единовѣрцы сами вначалѣ изъявили на него согласіе, указаній на то не имѣемъ. Предполагаемъ однако послѣднее, по трудности допущенія перваго: единовѣрцы непосредственно входили со своими нуждами къ м. Платону и потому легко могли прекратить злоупотребленіе въ отношеніи взносовъ, если бы оно существовало. Затѣмъ Покровскій монастырь назначался единовѣрцамъ для погребенія только на время. Погребенные въ немъ отдѣлялись отъ другихъ умершихъ единовѣрцевъ, съ отводомъ постояннаго мѣста для единовѣрческаго кладбища. Отсюда затруднительнѣе становилось будущее поминовеніе умершихъ, какъ похороненныхъ въ разныхъ мѣстахъ (совершеніе панихидъ на могилахъ). Единовѣрцы не могли не сознавать этого неудобства[1]). Къ тому же Покровскій монастырь лежалъ внутри Камеръ-Коллежскаго вала[2]), гдѣ по именному указу 1770 г. марта 25 погребеніе умершихъ воспрещалось[3]). Правда, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, въ томъ числѣ и Покровскомъ, оно дозволялось[4]). Но мотивы, вызвавшіе указъ 1770 г., выступали со всей силой при переполненіи монастырскаго кладбища: могло послѣдовать зараженіе воздуха[5]).

Итакъ Покровскій монастырь и съ точки зрѣнія интересовъ всего города, и съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ единовѣрцевъ не представлялъ удобствъ для погребенія тѣлъ умершихъ изъ новоприсоединившихся старообрядцевъ. Слѣдовало посему подыскивать другое, болѣе подходящее мѣсто.

Тутъ взоры единовѣрцевъ невольно остановились опять

---

[1]) Приложенія, № 101.
[2]) Тамъ же, № 104.
[3]) Тамъ же, № 107.
[4]) Тамъ же, № 107.
[5]) Тамъ же, 104.

на Рогожскомъ кладбищѣ, къ которому они такъ привыкли, въ которомъ остались ихъ вклады, остался прахъ ихъ предковъ. Теперь, съ присоединеніемъ ихъ къ церкви, прежніе ихъ вклады на поминовеніе и „на содержаніе веры“ не соотвѣтствовали уже намѣренію жертвователей. Посему они признавали справедливымъ за утрачиваемую собственность на Рогожскомъ получить хотя нѣкоторое удовлетвореніе въ отводѣ имъ изъ обширныхъ земель кладбища мѣста для погребенія умершихъ, если ужъ не при гробахъ ихъ предковъ, то „въ отдаленіи на особомъ праздномъ имѣющемся мѣстѣ“[1]). Избираемое единовѣрцами мѣсто для кладбища, какъ лежавшее внѣ Камеръ-Коллежскаго вала, вполнѣ соотвѣтствовало и требованію высочайшаго указа о московскихъ кладбищахъ. Намѣренія московскихъ единовѣрцевъ относительно мѣста для погребенія своихъ умершихъ на Рогожскомъ кладбищѣ тѣмъ болѣе представлялись осуществимыми, что за ними стоялъ примѣръ петербургскихъ единовѣрцевъ: въ Петербургѣ присоединившіеся къ церкви и оставшіеся въ расколѣ погребали своихъ умершихъ „на одномъ и томъ же кладбищѣ безъ всякаго прекословія“[2]). На Рогожскомъ же кладбищѣ съ царствованія Екатерины II разрѣшалось хоронить умершихъ, даже никогда не принадлежавшихъ къ рогожскимъ прихожанамъ, безпоповцамъ—перекрещеванцамъ[3]). Неимѣніе собственнаго кладбища, затрудненія, испытываемыя при погребеніи умершихъ, вызывали въ единовѣрцахъ чувство обиды, такъ какъ лишали ихъ равноправности съ лицами другихъ исповѣданій. Обида сильнѣе чувствовалась при мысли, что церковь ихъ дозволена высшею духовною и гражданскою властью, что желанія ихъ касались дѣла, въ которомъ, „яко не до живыхъ людей относящемся“, не могло быть ихъ личной выгоды[4]). При приверженности къ Рогожскому до пристрастія, единовѣрцамъ казалось даже, что неимѣніе ими мѣста для погребенія умершихъ на Рогожскомъ кладбищѣ много за-

[1]) Приложенія. № 97, № 101.
[2]) Тамъ же, № 97, об. 1.
[3]) Тамъ же, № 97, об. 1; № 101.
[4]) Тамъ же, № 101.

держиваетъ новыя присоединенія къ единовѣрію и охлаждаетъ религіозную ревность въ присоединившихся: „какъ многіе изъ желающихъ присоединиться къ единовѣрческой церкви единственно отвлекаются отъ того тѣмъ, что еще не опредѣлено присоединяющимся имѣть для похороненія тѣлъ мѣсто на общемъ Рогожскомъ кладбищѣ, такъ и самыя ужѣ подписавшіяся по той же причинѣ отъ хожденія въ церковь до времени нѣкоторыя воздерживаются“[1]). Въ надеждѣ пріобрѣсти себѣ позволеніе хоронить умершихъ невдалекѣ отъ мѣста погребенія своихъ предковъ, на какомъ-либо свободномъ участкѣ Рогожскаго кладбища, единовѣрцы подали прошеніе высокопреосвященному митрополиту и только на крайній случай просили отвести имъ кладбище въ приличномъ мѣстѣ при ихъ Введенской церкви[2]).

Но митрополитъ Платонъ, послѣ вышеупомянутаго высочайшаго повелѣнія касательно отведенія единовѣрцамъ рогожской каменной часовни, не находилъ удобнымъ снова начинать дѣло съ рогожскими раскольниками: если единовѣрческая церковь устроена на собственной землѣ единовѣрцевъ совершенно отдѣльно отъ Рогожскаго кладбища, то послѣдовательнѣе было поступить подобнымъ же образомъ и относительно мѣста для погребенія умершихъ единовѣрцевъ. Съ претензіями на одно мѣсто погребенія для умершихъ странно было входить въ предѣлы Рогожскаго кладбища, когда не удалось устроить на немъ самой новоблагословленной церкви. Въ этомъ смыслѣ дѣйствительно послѣдовала резолюція отъ м. Платона на прошеніе единовѣрцевъ о кладбищѣ. „Лучше и благопристойнѣе имъ[3]), писалъ высокопреосвященный митрополитъ, имѣть кладбище собственное свое или возлѣ церкви или по близости оныя, почему о томъ чтобъ назначено было для нихъ по сему особенное кладбище, куда надлежитъ и сообщить“. Такимъ образомъ м. Платонъ отклонялъ желанія единовѣрцевъ пріобрѣсти себѣ мѣсто для погребенія на Рогожскомъ кладбищѣ.

---

[1]) Приложенія № 97, об. 1.
[2]) Тамъ же, № 97, л. 2.
[3]) Тамъ же, № 97, л. 2, сравн. № 105, л. 15.

При несогласіи митрополита на устроеніе единовѣрческаго кладбища на Рогожскомъ, единовѣрцы, дѣйствуя въ предѣлахъ собственнаго же прошенія, должны были послѣдовать резолюціи преосвященнаго Платона относительно кладбища возлѣ Введенской ихъ церкви. Но тутъ-то и обнаружилось, насколько сильно было тяготѣніе ихъ къ прежнему своему религіозному центру, открылось, что перейти къ мѣсту около Введенской своей церкви они намѣревались лишь послѣ выясненія совершенной невозможности устроить свое кладбище на Рогожскомъ. Единовѣрцы не удовлетворились резолюціею своего архипастыря и не стали дожидаться выполненія ея. Консисторія успѣла только отнестись по ней въ губернское правленіе, а губернское правленіе представить графу Салтыкову[1]). Самое же разрѣшеніе вопроса о кладбищѣ по резолюціи м. Платона единовѣрцы предупредили.

Не достигнувъ осуществленія своего желанія у духовнаго начальства, они начали дѣйствовать черезъ гражданское. Ихъ церковный староста, купецъ 1-й гильдіи Иванъ Шелапутинъ съ просьбою объ отводѣ мѣста для погребенія умершихъ на Рогожскомъ кладбищѣ обратился теперь къ московскому военнному губернатору[2]). Однако и здѣсь единовѣрцевъ ожидала неудача. Впрочемъ на иной исходъ просьбы трудно было разсчитывать послѣ отказа графа Салтыкова въ вопросѣ о часовнѣ. Если графъ, какъ бы въ предупредительной заботливости объ общественной тишинѣ, не допустилъ единовѣрцевъ до устроенія своей церкви на Рогожскомъ, то, оставаясь послѣдовательнымъ, по тѣмъ же соображеніямъ онъ не могъ разрѣшить имъ имѣть кладбище въ одномъ мѣстѣ съ старообрядцами[3]). Дѣйствительно, графъ не далъ хода просьбѣ единовѣрцевъ въ смыслѣ всецѣло желательномъ для нихъ; въ чертѣ Рогожскаго кладбища онъ не позволилъ отдѣлить мѣсто для погребенія умершихъ единовѣрцевъ.

---

[1]) Приложенія, № 97, л. 1—об. 3.
[2]) Тамъ же, № 101.
[3]) Тамъ же, № 104.

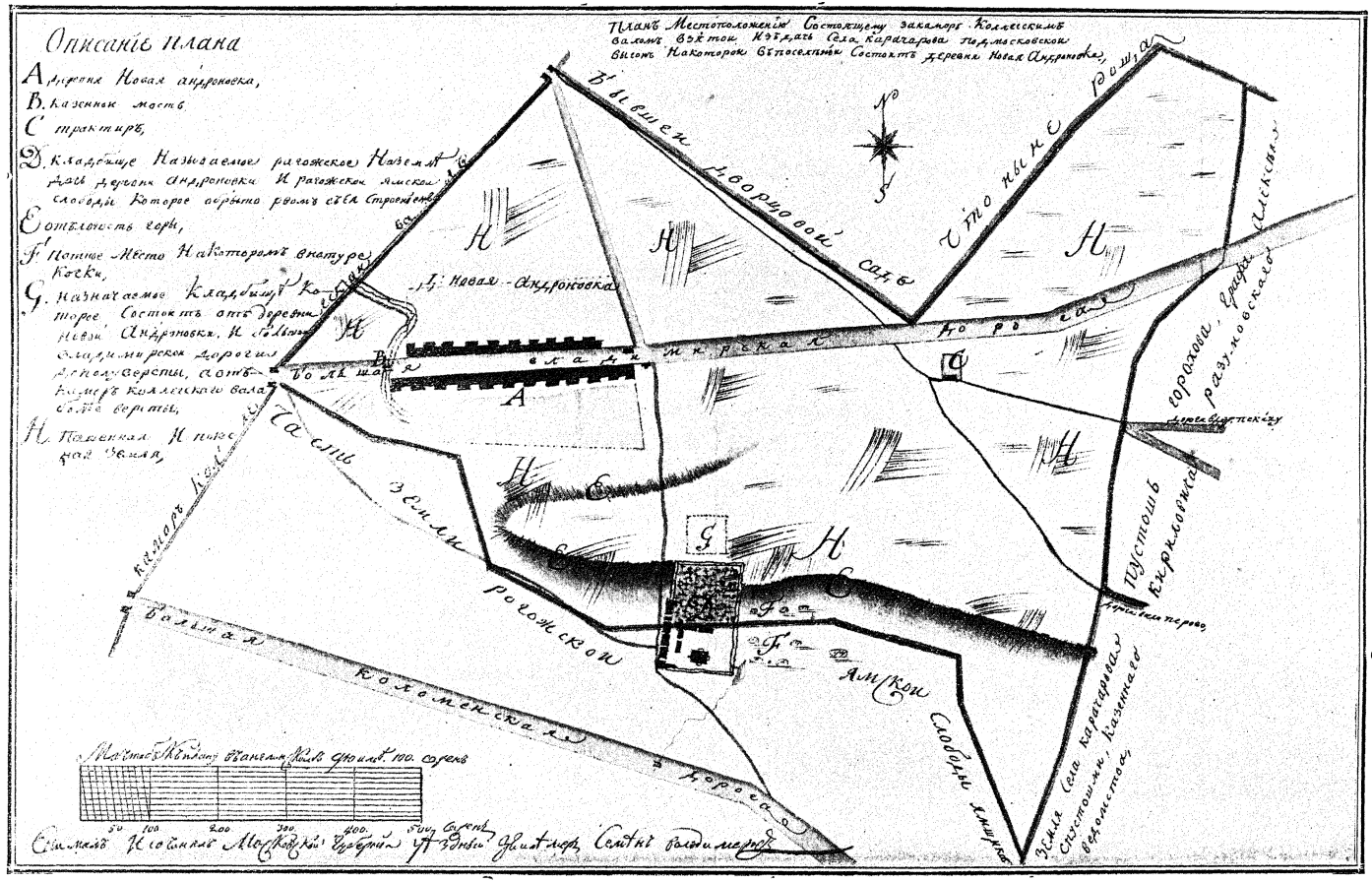
Убѣдившись въ невозможности устроиться на самомъ Рогожскомъ кладбищѣ, единовѣрцы переходятъ къ мѣсту подлѣ Рогожскаго. На этотъ разъ графъ оказалъ имъ снисхожденіе, поручивъ освидѣтельствовать землю, прилегающую къ Рогожскому[1]). По приказанію губернатора Аршеневскаго, осмотръ производилъ засѣдатель Московскаго земскаго суда Морисовъ. Назначаемое теперь единовѣрцами мѣсто подъ кладбище, по донесенію засѣдателя, состояло подъ городскимъ выгономъ подлѣ старообрядческаго кладбища. Къ отводу его въ размѣрѣ просимыхъ 60 саженей въ длину и ширину препятствій не предвидѣлось. Другого же удобнаго мѣста по близости единовѣрческой церкви не отыскивалось[2]). Сообщая о результатахъ свидѣтельствованія, Аршеневскій представлялъ своему начальнику и планъ мѣстности, въ которой единовѣрцы избирали себѣ кладбище[3]). Просимое подъ кладбище мѣсто обозначено на планѣ буквою $\mathcal{G}$[4]).

Проектируемое кладбище отстояло отъ Рогожскаго на разстояніи саженей 10. Притомъ же Рогожское кладбище было окопано особымъ земляным валомъ, а единовѣрцы обѣщались отведенное и имъ мѣсто также окопать и огородить еще заборомъ. При такомъ положеніи кладбищъ, „неминуемаго взаимнаго сообщенія“ между единовѣрцами и раскольниками не предвидѣлось и опасенія за нарушеніе общественной тишины не открывалось[5]). Посему Салтыковъ на отведеніе просимаго единовѣрцами мѣста согласился и приказалъ выдать имъ законный письменный документъ на владѣніе отведеннымъ мѣстомъ[6]). Мѣсто, дѣйствительно, было отмежевано единовѣрцамъ, и они не замедлили начать работы по окапыванію его[7]). Съ трехъ сторонъ обвели канавою („рвомъ“) и земляным валомъ, успѣли похоро-

---

[1]) Приложенія, № 98, л. 3.
[2]) Тамъ же, № 99, л. 4.
[3]) Тамъ же, № 100, л. 5.
[4]) См. планъ № 2 (рисунокъ 6).
[5]) Тамъ же, № 104.
[6]) Тамъ же, № 100, л. 5.
[7]) Тамъ же, № 102.

План № 2.



Рисунокъ 6.

нить трехъ умершихъ[1]), но затѣмъ вынуждены были искать новаго участка для своего кладбища.

Насколько единовѣрцы тяготѣли къ Рогожскому кладбищу, настолько же прихожане его не желали приближенія ихъ къ себѣ. Антагонизмъ старообрядцевъ къ бывшимъ своимъ соприхожанамъ за присоединеніе ихъ къ церкви былъ не менѣе силенъ, чѣмъ стремленіе единовѣрцевъ къ прежнему своему привычному мѣсту. Отсюда, если единовѣрцы употребляли всѣ силы, чтобы утвердиться вблизи могилъ своихъ предковъ, то и старообрядцы не менѣе старательно изобрѣтали средства, дабы оттѣснить ихъ отъ центра своего согласія. Въ этомъ желаніи однихъ приблизиться къ Рогожскому кладбищу, другихъ—отдалить „разномнѣнцовъ“, въ озлобленіи старообрядцевъ на единовѣрцевъ и въ происходившей вслѣдствіе того борьбѣ между тѣми и другими лежала причина продолжительности приведенія въ силу резолюціи м. Платона относительно единовѣрческаго кладбища, съ колебаніями то въ пользу старообрядцевъ, то въ пользу единовѣрцевъ.

Соединеніе единовѣрцевъ съ православной церковью, казалось старообрядцамъ, должно бы направлять единовѣрцевъ и въ отношеніи кладбища къ мѣстамъ погребенія умершихъ лицъ одной съ ними вѣры[2]). Если же единовѣрцы, несмотря на прекращеніе своего религіознаго единства съ рогожцами, стремятся къ тому же Рогожскому кладбищу, то въ этомъ старообрядцы усматривали знакъ безотчетно сознаваемаго самими введенскими прихожанами „ничтожества предпріятаго ими единовѣрчества“. Такъ разсуждали они гласно о дѣйствіяхъ единовѣрцевъ. Втайнѣ же, очевидно, думали совсѣмъ напротивъ; иначе зачѣмъ было такъ безпокоиться изъ-за явленія, ничего не значащаго. Вѣрнѣе всего, руководители кладбища опасались, какъ бы близость единовѣрцевъ не отозвалась гибельно на прочности рогожскаго общества, не послѣдовало бы увлеченія старообряд-

---

[1]) Московскій губернскій Архивъ, дѣла канцеляріи московскаго военнаго губернатора, опись томъ III, дѣло 1802 г. февраля 6, № 181366, л. 14.

[2]) Приложенія, № 102.

цевъ единовѣріемъ. Сосѣдство единовѣрцевъ тѣмъ большую возбуждало досаду въ рогожцахъ, что отведенная подъ единовѣрческое кладбище земля состояла въ пользованіи крестьянъ, преимущественно прихожанъ Рогожскаго кладбища. Отводъ земли, которую старообрядцы привыкли считать собственною, тенденціозно настроенному воображенію рогожцевъ представлялся посему насиліемъ, „сущимъ стѣсненіемъ“, результатомъ „явной вражды“ къ нимъ единовѣрцевъ[1]).

Для отстаиванія своихъ интересовъ, старообрядцы не постѣснялись поступиться истиной, толкуя факты превратно, искажая дѣйствительность. Въ этомъ направленіи они прежде всего воспользовались резолюціею московскаго митрополита. Подробно и точно преосвященный Платонъ не опредѣлялъ положенія единовѣрческаго кладбища. Онъ высказывалъ только желаніе, чтобы единовѣрцы имѣли кладбище собственное, чтобы оно находилось возлѣ ихъ Введенской церкви или по близости отъ нея. Значитъ, Платонъ въ своей резолюціи руководился двоякимъ соображеніемъ: мыслью объ отдѣльности единовѣрческаго кладбища отъ старообрядческаго и удобствомъ его для самихъ единовѣрцевъ: неудаленностью отъ ихъ церкви. Пространства же, на какомъ единовѣрческое кладбище должно отстоять отъ Рогожскаго, онъ не обозначалъ. Поэтому отводъ кладбища около Рогожскаго, однако отдѣльно отъ него, на разстояніи, которое не признавалось единовѣрцами могущимъ составить затрудненіе для отправленія погребальныхъ обрядовъ, иначе говоря, не считалось отдаленнымъ отъ церкви, не противорѣчилъ резолюціи м. Платона[2]). Но старообрядцы толковали резолюцію Платона нѣсколько въ иномъ смыслѣ, будто ею м. Платонъ воспрещалъ устроеніе кладбища не только въ чертѣ Рогожскаго, но и подлѣ него, на землѣ, прилегающей къ Рогожскому кладбищу, будто отвергнуто резолюціею его высокопреосвященства стремительное тѣхъ Введенской церкви приходскихъ людей желаніе, „дабы на имѣющемся праздномъ мѣстѣ къ Рогожскому кладбищу прилежащемъ имѣть имъ особенное

[1]) Приложенія, № 101.
[2]) Тамъ же, № 104.

для погребенія отдѣленіе“[1]). Здѣсь старообрядцы искажали прошеніе единовѣрцевъ, по которому не послѣдовало разрѣшенія московскаго митрополита: Платонъ не одобрилъ желанія единовѣрцевъ „имѣть отдѣленіе для погребенія на томъ же (Рогожскомъ) кладбищѣ на особомъ праздномъ мѣстѣ“[2]), а не на свободномъ участкѣ, „къ Рогожскому кладбищу прилежащемъ“ лишь, какъ выражались старообрядцы. Для приданія большей законности своимъ претензіямъ, они прибавляли противъ дѣйствительности, что отведенная подъ единовѣрческое кладбище земля со всѣхъ сторонъ обрыта рвами и земляными валами, „которые безъ всякаго разрыву соединены къ самому старообрядческому Рогожскому кладбищу“[3]), а не на промежуткѣ саженей 10.

Не стѣсняясь въ мотивахъ для своего ходатайства, они намѣренно преувеличивали значеніе отмежеванной подъ кладбище земли для экономическаго благосостоянія деревни. Ясно безъ доказательствъ, участокъ въ 60 саженей длинника и поперечника не могъ играть видной роли въ хозяйствѣ цѣлой деревни. Старообрядцы же, подчеркивая плодородіе отведенной подъ единовѣрческое кладбище земли, называемой ими хлѣбопашенной, въ зависимость отъ обладанія ею поставляли процвѣтаніе или будущность всей деревни: пользованіе ею будто бы поддерживало въ нихъ энергію („ободряло“) „къ бдительному обработыванію“, напротивъ, лишеніе ея легко могло „привести ихъ въ уныніе, свойственное человѣчеству, а затѣмъ въ ослабленіе отъ трудовъ земледѣлія и въ самую бѣдность“. Между тѣмъ, хитро прибавляли старообрядцы, по высочайшему манифесту 1801 года апрѣля 2, званіе земледѣльцевъ признавалось заслуживающимъ уваженіе и всякаго одобренія въ общемъ строѣ государства[4]). Слѣдовательно, ихъ заботливость о своихъ экономическихъ интересахъ вполнѣ законна.

Основываясь на изложенныхъ соображеніяхъ, крестьяне деревни Ново-Андроновки, подъ вліяніемъ убѣжденія рогож-

---

[1]) Приложенія, № 102.
[2]) Тамъ же, № 97, л. 2.
[3]) Тамъ же, № 102, сравн. № 104.
[4]) Тамъ же, № 102.

скихъ вождей, составили общественный приговоръ и 14 февраля 1802 г. подали его чрезъ сельскаго старосту въ Московское губернское правленіе при особомъ прошеніи[1]). Вслѣдъ затѣмъ они обратились 19 февраля того же года къ губернскому прокурору, какъ лицу, по закону обязанному защищать ихъ интересы: „ходатаю со стороны казенной и долженствующему казенныя земли и права защищать". Удовлетворенія по просьбѣ крестьянъ не послѣдовало. Тогда попечители старообрядческаго кладбища стали дѣйствовать сами отъ лица своего общества. Они явились къ военному губернатору и сперва бесѣдовали съ нимъ устно о предметѣ своей жалобы. Потомъ подали ему письменное прошеніе, „сопровождаемое стономъ и слезами"(!?). Но графъ не принялъ отъ нихъ прошенія. Старообрядцы однако не смутились. Они перенесли свою жалобу на высочайшее разсмотрѣніе.

Для послѣдней цѣли попечители Рогожскаго кладбища воспользовались проѣздомъ черезъ Москву Вятскаго губернатора Павла Рунича[2]), вѣдѣнію котораго высочайше ввѣрены были въ то время всѣ дѣла, касающіяся старообрядцевъ[3]). Они такъ же, какъ и предъ Салтыковымъ, сперва устно изложили Руничу свое дѣло, а потомъ „неотступно" просили его принять отъ нихъ письменное объясненіе. Жалуясь на московское начальство, какъ на не давшее имъ удовлетворенія по ихъ будто бы законной просьбѣ, какъ, напротивъ, объявившее имъ относительно отвода кладбища, „*что такъ сіе угодно его сіятельству*", старообрядцы прикидывались беззащитными, несправедливо обиженными и „рабски" просили Рунича содѣйствовать прекращенію „горько плача" ихъ—„отдалить отъ ихъ старообрядческаго Рогожскаго кладбища сближающихся, или паче сказать старающихся втесниться къ нимъ упоминаемыхъ церковно-приходскихъ людей (такъ они называли единовѣрцевъ) отводомъ имъ подъ погребеніе другаго вместо нынѣ назначеннаго мѣста"[4]).

---

[1]) Приложенія, № 102.

[2]) Тамъ же.—Руничъ ѣхалъ чрезъ Москву въ Вятку, куда, очевидно, былъ только что назначенъ.

[3]) Тамъ же, № 112, л. 40.

[4]) Тамъ же, № 102.

Руничъ согласился, и „по сему происшествію въ Москвѣ необходимостію поставилъ себѣ съ пути своего изъ Владиміра возвратиться на три дня въ Москву“[1]). Основаніемъ для ходатайства за старообрядцевъ Руничъ выставлялъ соображенія политическаго свойства—заботу объ общественномъ спокойствіи. „По разсужденію о благоспокойствіи каждаго исповѣдующаго истиннымъ или заблуждающимъ образомъ свою вѣру, по мнѣнію моему, писалъ Руничъ государю императору, есть то лучшее средство въ соблюденіи благоспокойствія общаго, чтобъ каждое исповѣданіе наслаждалось своими правами и выгодою, но отнюдь бывѣсомъ правды не нагибало ни на ту ни на другую сторону“. Такія соображенія особенно необходимыми признавалъ Руничъ въ отношеніи московскихъ старообрядцевъ: изъ давняго знакомства съ старообрядцами, жившими по Иргизу, Узеню и Уралу ему было извѣстно выдающееся значеніе для старообрядцевъ Рогожскаго кладбища, служившаго какъ бы „средоточіемъ цѣлаго ихъ общества“ (поповцевъ); посему обнаружившееся на немъ безпокойство легко сообщилось бы другимъ. Касательно просьбы рогожскихъ старообрядцевъ онъ высказался за согласіе съ мнѣніемъ митрополита Платона, насколько оно было извѣстно ему изъ объясненія старообрядцевъ[2]).

Упоминаніе о мнѣніи московскаго митрополита послужило основаніемъ для сообщенія извѣстнаго оттѣнка послѣдовавшему затѣмъ высочайшему повелѣнію.

Отъ 17 апрѣля 1802 года Салтыковъ получилъ такое высочайшее предписаніе: „Графъ Иванъ Петровичъ! Узнавъ, что прихожанамъ новоустроенной церкви во имя Введенія Пресвятой Богородицы, что за Салтыковымъ мостомъ, отве-

[1]) Приложенія, № 102.—Почему для принятія просьбы старообрядцевъ Руничу слѣдовало возвращаться въ Москву съ пути изъ Владиміра, рѣшительнаго отвѣта нельзя дать. Быть можетъ, письменнаго объясненія у старообрядцевъ не было изготовлено при первомъ ихъ обращеніи къ Руничу. Имъ требовалось время для составленія его, а между тѣмъ Руничъ уже отъѣзжалъ и дожидаться старообрядцевъ въ Москвѣ не желалъ. Имѣя собственныя соображенія ѣхать пока во Владиміръ, Руничъ и рѣшилъ возвратиться въ Москву уже изъ Владиміра по дѣлу рогожскихъ старообрядцевъ.

[2]) Тамъ же, № 102.

дено кладбище близъ старообрядческаго Рогожскаго противъ воли старообрядцевъ и съ отнятіемъ указанныхъ крестьянъ деревни Андроновки хлѣбопашенной ихъ земли, я нахожу нужнымъ примѣтить, что земской Судъ, учинившій сей отводъ, неправильно поступилъ, не снесясь въ ономъ съ Духовнымъ правительствомъ, по распоряженію коего прихожанамъ введенскія церкви предоставлено уже было имѣть погребеніе мертвыхъ въ Покровскомъ монастырѣ или на Міусскомъ кладбищѣ. Посему и поручаю вамъ сходственно мнѣнію преосвященнаго Митрополита Платона, основанному на взаимныхъ отношеніяхъ старообрядцевъ къ симъ введенскимъ прихожанамъ и на устроеніи церковной тишины и спокойствія землю имъ отведенную отъ деревни Андроновки, возвратить въ прежнее ея владѣніе, а прихожанамъ симъ объявить, чтобъ они слѣдовали рѣшенію, данному на ихъ прошеніе отъ Митрополита“[1]).

Понятно, какъ пріятно было это предписаніе Салтыкову, какъ уязвлено было имъ его самолюбіе. Онъ не могъ успокоиться однимъ сознаніемъ, что онъ обязанъ подчиняться волѣ государя императора, что, измѣняя свое распоряженіе, онъ исполняетъ долгъ службы. Онъ считалъ себя оскорбленнымъ тайно произведеннымъ кѣмъ-то злоупотребленіемъ, на почвѣ котораго создалось высочайшее повелѣніе: довѣріемъ высочайшей власти безъ предварительной провѣрки доносу, неправильно передававшему дѣло. Графъ не стерпѣлъ. Онъ написалъ объясненіе и отправилъ его даже раньше, чѣмъ исполнилъ высочайшее повелѣніе[2]).

Сущность высочайшаго повелѣнія отъ 17 апрѣля 1802 года сводилась къ слѣдующему: хлѣбопашенную землю Андроновскихъ крестьянъ близъ Рогожскаго кладбища, отведенную земскимъ судомъ подъ единовѣрческое кладбище

---

[1]) Московскій губернскій Архивъ, оп. т. III., дѣло 1802 г. февр. 6, № 181366, л. 8.

[2]) Ордеръ губернатору объ исполненіи помянутаго высочайшаго повелѣнія помѣченъ 26-мъ апрѣля 1802 года (тамъ же, л. 13), а рапортъ губернатора гр. Салтыкову объ исполненіи по ордеру— 1-мъ мая (тамъ же л. 14), между тѣмъ всеподданнѣйшее объясненіе гр. Салтыкова датировано 24 апрѣля того же года (приложенія, № 104).

вопреки желанію старообрядцевъ—владѣтелей и распоряженію духовнаго начальства и потому отведенную неправильно, возвратить крестьянамъ для сохраненія общественной тишины. Единовѣрцамъ же имѣть мѣсто погребенія, согласно резолюціи м. Платона, въ Покровскомъ монастырѣ или на Міусскомъ кладбищѣ. Требованіе согласія въ дѣйствіяхъ съ резолюціею московскаго митрополита ввело въ заблужденіе графа. Оно возбудило въ немъ подозрѣніе, что лицо, осмѣлившееся довести до свѣдѣнія государя дѣло объ единовѣрческомъ кладбищѣ „въ инообразномъ несправедливомъ видѣ“ есть митрополитъ Платонъ. Отсюда у него, вмѣстѣ съ разоблаченіемъ лживости доноса, стараніе набросить тѣнь на московскаго первосвятителя, съ допущеніемъ при этомъ сужденій неискреннихъ, утвержденій невѣрныхъ. Въ противоположность доносу, вызвавшему высочайшее повелѣніе, графъ рапортовалъ государю, что земля отведена подъ кладбище не земскимъ судомъ, а имъ самимъ и не изъ хлѣбопашеннаго поля деревни Андроновки, а изъ выгоннаго, праздно лежащаго, что отводъ этотъ совершенъ имъ по сообщенію изъ духовной консисторіи и не вопреки резолюціи м. Платона; что Міусское кладбище единовѣрцы находили неудобнымъ для себя, по отдаленности его отъ своихъ домовъ, почему митрополитъ и назначилъ имъ временно для погребенія Покровскій монастырь, въ которомъ по тѣснотѣ много погребать невозможно; что, въ видахъ сохраненія общественной тишины, отведено имъ кладбище для единовѣрцевъ, совершенно отдѣльное отъ Рогожскаго старообрядческаго. Отводъ же единовѣрческаго кладбища вблизи Рогожскаго старообрядческаго графъ оправдывалъ требованіемъ справедливости оказать „нѣкоторое снисхожденіе“ новоприсоединившимся „въ толь необходимомъ, но въ прочемъ весьма неинтересномъ дѣлѣ“. Единовѣрцы, утверждалъ графъ, особенно женщины, суевѣрны по отношенію къ умершимъ своимъ родичамъ. Прахъ ихъ они чтутъ настолько, что отдаленіе ихъ отъ могилъ предковъ можетъ произвести въ нихъ поворотъ въ сторону раскола. Тотъ же предразсудокъ, по мнѣнію графа, и изъ необратившихся удерживалъ многихъ отъ принятія единовѣрія. Сал-

тыковъ, напротивъ, надѣялся на благопріятныя послѣдствія отъ сосѣдства единовѣрческаго кладбища съ Рогожскимъ старообрядческимъ; употребленіе единовѣрцами на глазахъ старообрядцевъ обрядовъ, одинаковыхъ съ обрядами старообрядческими, можетъ возбуждать въ раскольникахъ желаніе присоединенія къ единовѣрію. Словомъ, графъ прикидывался предъ высочайшею властью защитникомъ интересовъ единовѣрія. Только онъ не выдержалъ до конца взятаго направленія. Въ рапортѣ онъ писалъ, что дошедшее до государя свѣдѣніе вытекало изъ эгоистическихъ расчетовъ доносчика, заботившагося не объ общественной пользѣ, а о личной выслугѣ; что преосвященный Платонъ пристрастно расположенъ къ единовѣрцамъ, такъ что требовалъ будто бы отъ него отдачи единовѣрцамъ каменной часовни рогожскихъ старообрядцевъ, на что онъ не согласился. Неумѣстныя замѣчанія графа о м. Платонѣ по поводу часовни являлись отображеніемъ настроенія графа, слѣдствіемъ возникшаго у него подозрѣнія относительно Платона и желанія подорвать довѣріе къ Платону государя. Порицаніемъ же расположенія м. Платона къ единовѣрцамъ Салтыковъ непримѣтно обнаруживалъ свое нерасположеніе къ юному обществу.

Въ заключеніе графъ, съ чувствомъ оскорбленнаго безпристрастія и прямодушія, извѣстныхъ государю, всеподданнѣйше просилъ: „не благоугодно ли будетъ противъ подобныхъ до управленія моего относящихся свѣденій требовать отъ меня предварительныхъ объясненій“, чтобы не подвергнуться „тому худому мнѣнію, которое оныя (тайные доносчики) нечувствительно навлекаютъ. Когда же Ваше Величество одно съ другимъ сообразить изволите, тогда всякое поправленіе распоряженій моихъ будетъ для меня пріятно, яко воля Государя правосуднаго и милостиваго, которую я всегда чту священнѣйшимъ закономъ“[1]).

Заключительныя строки объясненія показываютъ, какихъ послѣдствій ожидалъ отъ него графъ. Ему хотѣлось предотвратить отъ себя на будущее время подобныя нареканія.

---

[1]) Приложенія, № 104.

Въ настоящій же разъ ему пока не оставалось ничего, какъ только выполнить предписаніе монаршей воли. Особымъ „ордеромъ“ онъ рекомендовалъ губернатору „отведенное прихожанамъ новоустроенной введенской церкви для погребенія умирающихъ изъ нихъ мѣсто, близъ старообрядческаго кладбища состоящее, оставить въ прежнемъ его состояніи и владѣніи, возпретя тутъ погребать, а прихожанамъ симъ надлежащимъ порядкомъ объявить, чтобъ они въ разсужденіи таковаго для погребенія умирающихъ изъ нихъ потребнаго мѣста слѣдовали рѣшенію, данному на ихъ прошеніе отъ Преосвященнаго Платона Митрополита Московскаго“[1]). Фактически ордеръ былъ выполненъ чрезъ московскаго земскаго исправника: земля была возвращена въ прежнее состояніе и владѣніе, съ воспрещеніемъ впредь погребать на ней умершихъ; а старостѣ, купцу Шелапутину, объявлено, чтобы единовѣрцы касательно мѣста погребенія умершихъ слѣдовали резолюціи м. Платона[2]).

Итакъ стремленія единовѣрцевъ устроить свое кладбище около Рогожскаго старообрядческаго не осуществились независимо отъ митрополита Платона. Единовѣрцамъ предстояло отыскивать иное мѣсто для кладбища. Хотя въ высочайшемъ повелѣніи отъ 17 апрѣля 1802 г. говорилось о Покровскомъ монастырѣ и Міусскомъ кладбищѣ, какъ мѣстѣ для погребенія единовѣрцевъ, но упоминанія эти произошли вслѣдствіе неточностей „объясненія“ старообрядцевъ, по которому состоялось высочайшее повелѣніе. По общему же смыслу высочайшаго повелѣнія единовѣрцы должны были слѣдовать рѣшенію, положенному на ихъ прошеніе московскимъ святителемъ. Его и имѣютъ они теперь въ виду при выборѣ мѣста для погребенія. Въ прошеніи (15 мая 1802 г.) военному губернатору они намѣчаютъ кладбище неподалеку отъ Введенской своей церкви, около Камеръ-Коллежскаго вала и Проломной заставы[3]), мѣрою въ 60 саж. длины и ширины[4]). Для большей ясности, они представля-

[1]) Московскій губерн. Архивъ, оп. т. III, дѣло 1802 г. февраля 6, № 181366, л. 13.

[2]) Тамъ же, л. 14.

[3]) Приложенія, № 105, л. 15, срав. № 107.

[4]) Тамъ же, № 106, об. 17.

ли начальнику губерніи планъ мѣстности[1]), въ которой желали имѣть кладбище[2]).

Графъ предписалъ управѣ благочинія свѣрить планъ съ мѣстоположеніемъ и выяснить, что за земля, просимая единовѣрцами; не встрѣчается ли какихъ препятствій къ отводу ея подъ кладбище[3]). По порученію управы, планъ свѣренъ былъ съ мѣстоположеніемъ надзирателемъ надъ строеніями и квартирами Петровскимъ при частномъ приставѣ и архитекторѣ. Затѣмъ наведена была справка въ дѣлахъ чертежной. Просимая земля оказалась казенною пустопорожнею. Въ 1797 г. военный губернаторъ, князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ предназначилъ было ее къ отдачѣ подъ постройки, но послѣ него опредѣленіе его было отмѣнено. Салтыковъ предполагалъ производить на ней ученіе московскаго гарнизоннаго полка. Однако распоряженіемъ графа полкъ не пользовался; ученія на этомъ пространствѣ не происходило. Такимъ образомъ для отвода просимой земли препятствій не встрѣчалось. Тѣмъ не менѣе свидѣтельствовавшій показанную землю надзиратель осмотрѣлъ еще другое мѣсто, отведеніе котораго также стояло въ соотвѣтствіи съ резолюціей высокопреосвященнаго митрополита,—это мѣсто, находившееся внутри двора Введенской церкви. Для кладбища оно представлялось удобнымъ, такъ какъ было достаточно удалено отъ жилыхъ строеній и проѣздовъ, окружено оврагомъ и закрыто со всѣхъ сторонъ деревьями; составляло собственность просителей, отвести его подъ кладбище они соглашались; насчитывалось его болѣе 30 саж. въ длину и ширину[4]), какового пространства для перваго раза могло быть довольно[5]).

Затрудненіе къ отводу подъ кладбище того или другого изъ указанныхъ мѣстъ возникало изъ положенія обоихъ ихъ внутри Камеръ-Коллежскаго вала: именнымъ

---

[1]) Просимая единовѣрцами земля находится на планѣ въ мѣстности, означенной цифрою 10.—См. планъ № 1 (рисунокъ 4).

[2]) Приложенія, № 105, л. и об. 15.

[3]) Московскій губерн. Архивъ, дѣло 1802 г. февраля 6, оп. т. III, № 181366, л. 16,

[4]) Оно показано на планѣ № 1 (рисунокъ 4) подъ буквою Р.

[5]) Приложенія, № 106, об. 17.

указомъ 1770 г. марта 25 мѣста погребенія умершихъ опредѣлялись внѣ Камеръ-Коллежскаго вала; исключеніе допущено только для нѣкоторыхъ монастырей. Поступить вопреки высочайшему указу Салтыковъ не рѣшился. Онъ счелъ за лучшее представить вопросъ на благоразсмотрѣніе государя[1]). Въ отвѣтъ на его донесеніе состоялось отъ 7 іюля 1802 г. такое предписаніе императора Александра I.—„Графъ Иванъ Петровичъ! На донесеніе ваше о мѣстѣ для кладбища, просимомъ прихожанами новоустроенной введенской церкви, я не нахожу достаточной причины въ отводѣ имъ онаго отступать отъ общаго правила, коимъ всѣ кладбища удалены за Камеръ-Коллежскій валъ; а потому и считаю нужнымъ, чтобъ и они выбрали себѣ мѣсто внѣ города на точномъ основаніи указа 1770 года марта 25 дня“[2]). Такимъ образомъ и этому новому проекту по приведенію въ исполненіе резолюціи м. Платона не суждено было осуществиться.

Отъ 14 іюля 1802 года графъ рапортовалъ государю императору, что онъ имѣлъ счастье получить высочайшее повелѣніе и не приминетъ учинить по нему точнаго исполненія[3]). Дѣйствительно, графъ предписывалъ губернатору Аршеневскому „объявить прихожанамъ Новоустроенной Введенской церкви, чтобы они выбрали себѣ мѣсто для кладбища внѣ города“[4]). Итакъ единовѣрцамъ предстояло опять отыскивать мѣсто для своего кладбища.

Новыя изысканія ихъ остановились на 2-хъ участкахъ вблизи деревни Ново-Андроновки. Одно мѣсто единовѣрцы опять намѣчали противъ старообрядческаго Рогожскаго кладбища, только теперь нѣсколько дальше отъ него, по правую сторону Большой Владимірской дороги, если ѣхать изъ Москвы, позади крестьянскихъ дворовъ, на разстояніи отъ нихъ около 1/4 версты. На случай же несогласія андроновскихъ крестьянъ уступить этотъ участокъ подъ кладбище, единовѣрцы назначали другое мѣсто въ лѣвой сторонѣ той же деревни Андроновки, вблизи Гофъ-интендантской

[1]) Приложенія, № 107.

[2]) Московскій губернскій Архивъ, дѣло 1802 г. февраля 6, оп. т. III, № 181366, л. 21.

[3]) Тамъ же, л. 22.

[4]) Тамъ же, об. 22.

рощи. Изъ вновь избранныхъ мѣстъ они просили для кладбища сто саженей длины и ширины. Указанные участки, по донесенію московскаго земскаго исправника, были изъ числа назначенныхъ подъ московскій городской выгонъ. За „неутвержденіемъ“ же еще этого назначенія, выгонною землею пользовались андроновскіе крестьяне, засѣвая ее „хлѣбомъ и овощемъ“ частью сами непосредственно, частью чрезъ арендаторовъ. Никакого количества уступить изъ нея подъ единовѣрческое кладбище они не соглашались ни добровольно, ни за вознагражденіе[1]).

При недостаточной выясненности вопроса о просимыхъ участкахъ и военный губернаторъ выражался условно относительно отведенія земли для единовѣрческаго кладбища. „Если, предписывалъ графъ губернатору, мѣста, прихожанами введенской церкви для кладбища избираемые, деревни Андроновки крестьянамъ точно не принадлежатъ, а суть изъ числа земель городской выгонъ составляющихъ, засѣваются же хлѣбомъ по одному ихъ самохотѣнію, въ такомъ случаѣ одно изъ нихъ, которое удобнѣе окажется, посредствомъ Губернскаго Правленія тѣмъ прихожанамъ отвесть я согласенъ, а особенно, когда они согласятся еще замѣнить сіе той деревнѣ платою денегъ“[2]).

Вслѣдствіе такой условности предписанія начальствующаго въ Московской губерніи, губернаторъ предложилъ губернскому правленію навести справки, дѣйствительно ли просимая земля принадлежитъ къ выгонной. Правленіе послало указъ губернскому землемѣру. Землемѣръ отвѣтилъ въ смыслѣ принадлежности просимаго единовѣрцами участка къ городской выгонной землѣ, взятой изъ дачъ села Карачарова. Тогда правленіе поручило земскому суду вмѣстѣ съ землемѣромъ изслѣдовать, какое изъ намѣченныхъ мѣстъ „выгоднѣе и приличнѣе“ для кладбища и согласны ли единовѣрцы заплатить за него крестьянамъ[3]). Тутъ единовѣрцамъ опять открылся случай проявить свое тяготѣніе

---

[1]) Приложенія, № 109, л. 23, № 108, л. 24.

[2]) Московскій губернскій Архивъ, опись т. III, дѣло 1802 года февр. 6, № 181366, л. 25.

[3]) Приложенія, № 110, л. 29.

къ Рогожскому кладбищу. Они предпочли тотъ участокъ, который лежалъ ближе къ Рогожскому кладбищу. Староста Шелапутинъ подпиской обязался въ земскомъ судѣ заплатить за него андроновскимъ крестьянамъ единовременно 100 рублей[1]).

Но крестьяне выразили протестъ противъ отчужденія земли. Въ этомъ смыслѣ они подали просьбу въ земскій судъ. Такъ какъ жалобою заправляли тѣ же лица, что и раньше, т. е. рогожскіе попечители, дѣйствовавшіе черезъ крестьянъ, то и основанія въ общемъ выдвигались уже извѣстныя намъ, хотя есть дополненія и исключенія нѣкоторыхъ изъ прежнихъ доводовъ, примѣнительно къ иному положенію предназначенной подъ кладбище земли. Оставляя все то, что умѣстно было говорить о землѣ, прилегающей къ Рогожскому кладбищу, опуская свое толкованіе резолюціи м. Платона, крестьяне по прежнему ссылались на недостаточность имѣющейся у нихъ земли и на выдающееся значеніе отводимаго подъ кладбище участка въ ихъ хозяйствѣ, какъ изъ числа наиболѣе хлѣбородныхъ. Доказывали затѣмъ безусловность своихъ правъ на владѣніе отводимою землею, развивая этотъ аргументъ съ большею подробностью сравнительно съ предшествующими жалобами. По ихъ объясненію, намѣченные подъ кладбище участки, какъ и вся земля деревни Андроновки, входили не въ городскую выгонную, а въ отмежеванную отъ Андроньева монастыря къ селу Карачарову, которая въ опредѣленіи коллегіи экономіи 1770 г. мая 6 показана особо отъ городской выгонной[2]). Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія 1771 г. 23 сентября, она была окружена рвомъ, „дабы соединиться съ городомъ не могла“[3]). Земля же, находящаяся во владѣніи у карачаровскихъ и андроновскихъ крестьянъ, раздѣлена формально между обѣими деревнями рѣшеніемъ Московской казенной палаты, приведеннымъ въ исполненіе въ іюлѣ 1790 г. земскимъ исправникомъ и губернскимъ земле-

---

[1]) Приложенія, № 110, об. 29.

[2]) Тамъ же.

[3]) Московскій губернскій Архивъ, оп. т. III, дѣло 1802 года февраля 6, № 181366, л. 43.

мѣромъ. На владѣніе ея выданы были крестьянамъ межевыя книги и планы. Они переданы („уповательно“[1]) были потомъ для храненія въ Московскую казенную палату въ командорство графа Николая Александровича Зубова[2]). Къ этимъ главнымъ мотивамъ крестьяне прибавляли соображенія второстепенныя: враждебныя отношенія единовѣрцевъ, стремящихся всячески досадить имъ (о чемъ заявлялось и раньше) и отсутствіе необходимости для единовѣрцевъ въ испрашиваемой землѣ (что составляло добавленіе къ предшествующимъ доводамъ). Для кладбища крестьяне намѣчали другіе мѣста, какъ весьма удобныя: пустошь за Гофъинтендантскою рощею, на которой прежде находился казенный запасной придворный домъ, теперь уже сломанный; 2) недалеко отъ упомянутой пустоши продававшуюся крѣпостную землю генерала Хомутова; „а сія, писали старообрядцы, тѣмъ для нихъ приличнѣе, что и приходская ихъ введенская церковь состоитъ на купленной ими землѣ“,—3) смежную съ землею г. Хомутова пустошь „Благуша“ вѣдомства главной дворцовой канцеляріи. Земскій судъ, по просьбѣ крестьянъ-старообрядцевъ, представилъ губернскому правленію, но получилъ отъ него выговоръ[3]). Относительно же документовъ на землю губернское правленіе сообщило въ казенную палату. Тамъ однако не нашли ни межевыхъ книгъ, ни плановъ, ни самаго дѣла о раздѣлѣ земли между карачаровскими и андроновскими крестьянами[4]).

Несмотря на заявленный протестъ, губернское правленіе рѣшило отвести подъ кладбище землю, только не сто, а, согласно прежней просьбѣ, 60 саж. въ длину и ширину. Свое опредѣленіе оно мотивировало съ одной стороны настоятельной нуждой въ землѣ для кладбища и отсутствіемъ другихъ удобныхъ къ тому мѣстъ, а съ другой—незначи-

---

[1]) Московскій губернскій Архивъ, оп. т. III, дѣло 1802 года февраля 6, № 181366, л. и об. 43.

[2]) Приложенія, № 110, л. 30.

[3]) Московскій губернскій Архивъ, оп. т. III, дѣло 1802 года февраля 6, № 181366, л. 44.

[4]) Приложенія, № 110, об. 30.

тельностью количества ея, не могущаго отразиться на матеріальномъ благосостояніи цѣлой деревни, и вытекавшимъ отсюда подозрѣніемъ относительно чистоты побужденій андроновскихъ крестьянъ къ неуступчивости: одно недоброжелательство[1]). На случай же, если бы крестьяне дѣйствительно доказали принадлежность имъ назначеннаго подъ кладбище участка, правленіе постановило удовлетворить крестьянъ прирѣзкою къ ихъ владѣніямъ изъ смежныхъ городскихъ земель равнаго количества[2]).

Тогда за интересы крестьянъ вступился губернскій прокуроръ. Разсматривая журналъ правленія, онъ нашелъ его несогласнымъ съ дѣломъ. Военный губернаторъ и, въ сотвѣтствіи съ нимъ, гражданскій губернаторъ позволяли отвести землю подъ кладбище при условіи, если будетъ доказана принадлежность ея къ городской выгонной, а не крестьянской. Между тѣмъ удовлетворительной справки по сему не было представлено. Донесенія же земскаго исправника и губернскаго землемѣра прокуроръ считалъ несогласными между собою. Притомъ противъ нихъ стояли ссылки крестьянъ на документы, относительно которыхъ не произведено должной выправки[3]). Затѣмъ отвѣтъ изъ казенной палаты подписанъ былъ однимъ секретаремъ и потому противорѣчилъ указу 1776 г. марта 31, „что никакая исходящая (бумага) изъ присутственнаго мѣста безъ доклада членамъ вытти не можетъ“[4]). Далѣе правленіе не указало, какое собственно изъ двухъ намѣченнаго мѣста оно предназначаетъ подъ кладбище. Не выяснило также правленіе, почему оно не находитъ возможнымъ отвести подъ кладбище землю, предполагаемую къ вознагражденію крестьянъ за уступку ими своего участка единовѣрцамъ, равно не остановилось на разсмотрѣніи 3-хъ мѣстъ, указываемыхъ для кладбища крестьянами[5]). На основаніи изложенныхъ соображеній, губернскій прокуроръ возвратилъ журналъ пра-

---

[1]) Приложенія, № 109, л. 23.
[2]) Тамъ же, № 110, л. и об. 31.
[3]) Тамъ же, об. 31—л. 33.
[4]) Тамъ же, л. 33.
[5]) Тамъ же, л. 33—34.

вленію „къ скорейшему и точному начальственныхъ предписаній выполненію“[1]).

Правленіе однако не послѣдовало прокурору. Доводы, по которымъ правленіе ранѣе опредѣлило отвести землю, оно признавало болѣе серьезными, чѣмъ замѣчанія прокурора. Повторивъ ихъ, оно прибавляло только, въ отвѣтъ на требованія прокурора, что предназначаемые для единовѣрческаго кладбища участки оба состоятъ внутри поля, обрабатываемаго новоандроновскими крестьянами, т. е. находятся въ пользованіи однихъ и тѣхъ же лицъ и потому, значитъ, не особенно важно опредѣлять точно въ журналѣ, какую собственно землю правленіе предназначаетъ для единовѣрческаго кладбища. Отвести землю правленіе постановило безъ дальнѣйшихъ выправокъ. Окончательное же разрѣшеніе вопроса оно представило усмотрѣнію начальника губерніи, т. е. приступить ли къ отводу земли по своему опредѣленію, или прежде выполнить предложенія губернскаго прокурора[2]).

Графъ склонился на сторону правленія, обозначивъ при этомъ, какое мѣсто изъ просимыхъ двухъ онъ желаетъ отвести подъ кладбище. Отъ 24 февраля 1803 г. Салтыковъ далъ слѣдующее предписаніе Московскому губернскому правленію. „Разсмотрѣвъ представленіе сего Правленія отъ 6 числа текущаго мѣсяца о просимыхъ прихожанами новоустроенной здѣсь введенской церкви для кладбища мѣстахъ и планъ положеніе оныхъ означающій, я хотя и нахожу съ одной стороны, что противъ показанія крестьянъ деревни Андроновки, объявляющихъ, что сіи мѣста суть въ числѣ земель собственно селенію ихъ принадлежащихъ, точныхъ справокъ сіи права ихъ утвердить или отразить могущихъ не собрано; но съ другой видя изъ представленія Правленія во-первыхъ, что они всею землею своею сами не владѣютъ, а отдаютъ немалое количество въ наемъ стороннимъ людямъ, во 2-хъ, что земли для кладбища потребно въ длину и ширину только по 60-ти саженъ, каковая частица для хлѣбопашества большой разницы дѣлать не можетъ, а въ 3-ихъ, что помянутымъ прихожанамъ для кладбища другихъ удоб-

[1]) Приложенія, л. 34.
[2]) Тамъ же, л. 34.

ныхъ мѣстъ по близости церкви ихъ нѣтъ, признаю нужнымъ и для крестьянъ неотяготительнымъ, отвести первымъ изъ числа просимыхъ мѣстъ то, которое по близости такъ называемой Гофъ-интендантской рощи, что и предлагаю Губернскому Правленію исполнить въ непродолжительномъ времени, дабы прихожане не имѣли повода входить еще съ просьбами и вообще толь давно продолжающаяся о семъ переписка получила бы окончаніе. Крестьянамъ же, буде по дѣйствительной и достовѣрной выправкѣ окажется, что мѣсто сіе имъ точно принадлежитъ и въ землѣ терпятъ они недостатокъ свойственное имъ пропитаніе и содержаніе стѣсняющій, отвести такъ какъ Правленіе и назначило въ замѣнъ того въ другомъ мѣстѣ; а помянутымъ прихожанамъ на безпрепятственное владѣніе тѣмъ мѣстомъ дать надлежащій документъ“[1]).

На основаніи приведеннаго распоряженія графа, губернское правленіе послало указъ въ Московскій земскій судъ и губернскому землемѣру объ отводѣ подъ единовѣрческое кладбище участка близъ Гофъ-интендантской рощи. Мѣсто для кладбища дѣйствительно было отмежевано губернскимъ землемѣромъ Жилинымъ вмѣстѣ съ земскимъ исправникомъ. Единовѣрцамъ выданъ на него законный планъ, а андроновскимъ крестьянамъ объявленъ съ подпискою указъ губернскаго правленія. При этомъ изъ рапорта губернскаго правленія главноуправляющему по гражданской части въ Московской губерніи видно, что правленіе предписывало Московскому земскому суду и губернскому землемѣру представить копію съ выданнаго единовѣрцамъ плана для пріобщенія къ дѣлу. Своевременно этой копіи не было представлено въ губернское правленіе, такъ что правленіе постановило послать особый указъ губернскому землемѣру „о немедленномъ доставленіи съ выданнаго плана для свѣдѣнія къ дѣлу копіи“[2]). Представилъ ли землемѣръ послѣ того требуемую копію, неизвѣстно, только таковой въ дѣлѣ не находится, и никакихъ признаковъ

[1]) Московскій губернскій Архивъ, оп. т. III, дѣло 1802 года февраля 6, № 181366, л. 35—36.

[2]) Приложенія, л. и об. 37.

существованія ея при дѣлѣ нѣтъ.—Кладбище отведено было тамъ же, гдѣ помѣщается оно и доселѣ; только теперь мѣсто расширено.

Распоряженіе московскаго гражданскаго начальства относительно отвода единовѣрцамъ кладбища опять было обжаловано на высочайшее имя и чрезъ того же вятскаго губернатора, которому подавали просьбу попечители рогожскаго старообрядческаго кладбища по поводу назначенія единовѣрцамъ мѣста для погребенія умершихъ рядомъ съ Рогожскимъ ихъ кладбищемъ. Расчетъ жалобы былъ тотъ же, что и предшествующій: замалчиваніями, извращеніями, вообще путаницею въ изображеніи хода дѣла жалобщики надѣялись внушить неправильное представленіе о предметѣ своей жалобы и такимъ способомъ достигнуть выгоднаго для себя распоряженія. Логика ихъ была такова.

Какъ соединившіеся съ грекороссійской церковью, единовѣрцы „по справедливости“ должны имѣть и кладбище общее съ православными или возлѣ своей церкви. Сообразно съ этимъ, митрополитомъ Платономъ назначенъ имъ для погребенія Покровскій монастырь; указано имъ было еще Міусское кладбище. Но когда былъ назначенъ единовѣрцамъ Покровскій монастырь, на какое время, что слѣдовало послѣ того, какова была послѣдующая резолюція м. Платона относительно кладбища для единовѣрцевъ, кѣмъ было рекомендовано Міусское кладбище и какъ отнеслись къ нему единовѣрцы—о всемъ подобномъ въ жалобѣ умалчивалось,—умалчивалось потому, что отвѣты на эти вопросы представляли бы дѣло совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

Поставивъ въ основаніе неправильный тезисъ, жалобщики затѣмъ произвольно подводили къ нему другое положеніе: единовѣрцы (несмотря на справедливость и сообразныя съ нею существующія распоряженія относительно ихъ кладбища) будто бы домогательствомъ своимъ исходатайствовали себѣ у московскаго гражданскаго начальства для кладбища мѣсто около старообрядческаго Рогожскаго, такъ что крестьянамъ пришлось прибѣгнуть уже къ монаршей защитѣ. Получалось такое впечатлѣніе: единовѣрцы и московское гражданское начальство поступили незаконно въ

вопросѣ о мѣстѣ для единовѣрческаго кладбища. Предѣлы законности возстановлены были только высочайшею волею.

Несмотря на то, продолжали свои сужденія крестьяне, единовѣрцы опять избрали подъ кладбище участокъ въ дачахъ деревни Ново-Андроновки, и, хотя несомнѣнность принадлежности этой земли андроновскимъ крестьянамъ подтвердилась вторичною справкою въ казенной палатѣ[1]), тѣмъ не менѣе земля отведена, да еще съ немалымъ превосходствомъ противъ назначеннаго количества, т. е. выходило: въ Москвѣ поступлено уже противъ высочайшаго распоряженія. Хитрость старообрядческаго „объясненія“ заключалась здѣсь въ составленіи вывода, неправильность котораго не сразу могла быть замѣчена; при небольшомъ же сравнительно вниманіи къ смыслу жалобы легко могла и совсѣмъ ускользнуть отъ читателя. Высочайшій указъ 17 апрѣля 1802 года предписывалъ возвратить крестьянамъ отведенный подъ единовѣрческое кладбище участокъ подлѣ Рогожскаго старообрядческаго; а крестьяне въ своемъ „объясненіи“ писали такъ, какъ будто бы указомъ воспрещалось вообще брать землю подъ единовѣрческое кладбище изъ ихъ дачъ; иначе говоря: незамѣтно распространяли дѣйствіе высочайшаго указа на все андроновское поле.

Чтобы усилить доводы, крестьяне связывали свои интересы съ государственными, утверждая, что отнятіе у нихъ плодороднѣйшей земли (которую, кстати замѣчали крестьяне противъ показаній земскаго исправника[2]), они засѣваютъ сами, а если сдаютъ, то на законныхъ основаніяхъ и только худшую, незначительную часть изъ своего поля), будетъ сопровождаться нищетою и такимъ образомъ лишитъ ихъ возможности платить государственныя повинности. Въ тѣхъ же соображеніяхъ, они говорили о ненадобности отведенной земли для единовѣрцевъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, есть другія мѣста, удобныя для единовѣр-

---

[1]) Судя по этой справкѣ, и участокъ вблизи Рогожскаго кладбища, отведенный московскимъ начальствомъ подъ единовѣрческое кладбище и высочайше возвращенный крестьянамъ, принадлежалъ тоже, дѣйствительно, Ново-Андроновской деревнѣ.

[2]) Приложенія, № 108, л. 24.

ческаго кладбища, если бы единовѣрцы заботились только о прахѣ своихъ предковъ. При этомъ къ мѣстамъ, извѣстнымъ уже намъ изъ жалобы крестьянъ въ земскомъ судѣ[1]), они прибавляли еще православныя кладбища—Калитниковское и Семеновское, какъ будто бы близкія(?) къ Введенской единовѣрческой церкви. Наконецъ, для округленности своихъ сужденій, предлагали объясненіе дѣйствій единовѣрцевъ, выводя ихъ изъ одного желанія послѣднихъ, какъ располагающихъ громадными капиталами, оказать притѣсненіе и довести до разоренія старообрядцевъ, въ отмщеніе за возвращеніе, по высочайшему повелѣнію, участка близъ Рогожскаго кладбища[2]).

Составители жалобы не ошиблись въ своихъ преднамѣреніяхъ. Ловкое маскированіе истины, дѣйствительно, имѣло своимъ послѣдствіемъ заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, что въ Москвѣ поступлено „вопреки высочайшаго указа“[3]). И можно было ожидать соотвѣтствующаго высочайшаго распоряженія. Помѣшало тому предшествующее заявленіе графа Салтыкова—требовать предварительныхъ объясненій относительно подобныхъ жалобъ. Заявленіе это имѣло должную силу. Руководясь имъ, высшее начальство избѣжало опрометчивой поспѣшности. Графъ Кочубей потребовалъ напередъ увѣдомленія отъ московскаго военнаго губернатора, по какимъ основаніямъ нарушено высочайшее распоряженіе. Въ отвѣтъ на запросъ министра, Салтыковъ препроводилъ подробную выписку изъ дѣла объ единовѣрческомъ кладбищѣ при особомъ отношеніи. Надѣясь, что сопоставленіе выписки съ жалобою крестьянъ само собою разсѣетъ неправильное представленіе о дѣйствіяхъ московскаго гражданскаго начальства, Салтыковъ считалъ однако полезнымъ отмѣтить еще особо въ „отношеніи“ нѣкоторые пункты въ противовѣсъ жалобѣ.

Такъ какъ крестьяне обвиняли московское начальство въ несоблюденіи высочайшаго указа 1802 г. апрѣля 17, то Салтыковъ, въ оправданіе своихъ дѣйствій, выставлялъ также

---

[1]) См. стр. 444 настоящаго изслѣдованія.

[2]) Приложенія, № 112, л. 41,—об. 49.

[3]) Тамъ же, № 112, об. 40.

высочайшій указъ, послѣдовавшій притомъ позднѣе 1802 года апрѣля 17. Несомнѣнно, Салтыковъ здѣсь разумѣлъ вышеупомянутый нами именной указъ 1802 г. іюля 7, потому что въ выпискѣ, на которую онъ ссылался въ данномъ случаѣ, говорится только объ этихъ двухъ высочайшихъ указахъ. Изъ высочайшаго же дозволенія единовѣрцамъ отъ 7 іюля 1802 года выбрать мѣсто для кладбища внѣ города за Камеръ-Коллежскимъ валомъ само собою вытекало право военнаго губернатора на отведеніе земли, просимой единовѣрцами. Крестьяне не скрывали совершенно этого указа въ своей жалобѣ; но приводили его мимоходомъ, такъ, какъ будто бы имъ нисколько не измѣнялось ихъ основное положеніе о мѣстѣ для единовѣрческаго кладбища, основываемаго ими на высочайшемъ повелѣніи 1802 г. апрѣля 17. Такое глухое упоминаніе объ указѣ 1802 г. іюля 7 графъ, видимо, приравнивалъ къ преднамѣренному укрывательству высочайшаго указа и потому говорилъ объ утаиваньѣ его старообрядцами, результатомъ чего явилось неправильное представленіе о дѣйствіяхъ московскаго начальства.

Изъ мѣстъ, указываемыхъ крестьянами въ качествѣ удобныхъ для единовѣрческаго кладбища, Салтыковъ находилъ нужнымъ замѣтить только о Покровскомъ монастырѣ и Міусскомъ кладбищѣ, вѣроятно, какъ о назначенныхъ высочайше единовѣрцамъ, въ согласіи будто бы съ резолюціей митрополита Платона. О Покровскомъ монастырѣ графъ кратко повторялъ въ отношеніи то, о чемъ говорилось и въ выпискѣ: неудобство погребенія въ немъ единовѣрцевъ онъ выводилъ изъ соображеній гигіеническаго свойства. Касательно Міусскаго кладбища въ дѣлѣ, а отсюда и въ выпискѣ изъ него, была рѣчь лишь объ одной весьма невыгодной сторонѣ для единовѣрцевъ, объ отдаленности его отъ ихъ церкви и домовъ, почему оно не было принято ими. Въ „отношеніи“ къ министру разсужденія объ этомъ кладбищѣ пополнялись. Тутъ, сверхъ упоминанія объ отдаленности, графъ ограждалъ свои дѣйствія подобно тому, какъ и относительно Покровскаго монастыря, принципомъ заботливости о здоровьѣ населенія, на которомъ гибельно могло отразиться положеніе Міусскаго кладбища вблизи большой дороги и

самаго города. По послѣднимъ причинамъ онъ совершенно упразднилъ это кладбище[1]).

Выражая затѣмъ полную увѣренность въ законности своихъ распоряженій, Салтыковъ оттѣнялъ ту мысль, что крестьяне, чрезъ выдѣленіе изъ ихъ земли незначительнаго клочка, никакого стѣсненія и убытка терпѣть не могутъ и что сами-то они спокойно относятся къ отводу подъ единовѣрческое кладбище земли. Истинная подкладка жалобы лежитъ во взаимной враждебной настроенности старообрядцевъ и единовѣрцевъ, возникшей на почвѣ ихъ религіознаго различія: „первые и употребляютъ крестьянъ орудіемъ своимъ къ безпокойству послѣднихъ“. Посему графъ полагалъ болѣе цѣлесообразнымъ прирѣзать крестьянамъ, „въ замѣнъ сего лоскутка“, изъ смежной городской земли, чѣмъ переводить кладбище уже на четвертое мѣсто[2]).

Представленіе Салтыкова произвело надлежащее дѣйствіе. Въ отвѣтъ на него послѣдовалъ высочайшій указъ отъ 13 октября 1803 г. такого содержанія.—*„Господину генералъ-фельдмаршалу, Московскому военному губернатору, графу Салтыкову.*—Министръ внутреннихъ дѣлъ донесъ мнѣ о сдѣланномъ вами распоряженіи относительно отдачи прихожанамъ новоустроенной въ Москвѣ старообрядческой введенской церкви подъ кладбище ихъ земли, крестьянамъ деревни Андроновки принадлежащей. Уваживъ причины, вами изъясненныя, распоряженіе ваше объ отводѣ сей земли подъ кладбище утверждаю съ тѣмъ однако, чтобы вмѣсто отбранной у Новоандроновскихъ крестьянъ означенной земли, въ шестидесяти погонныхъ саженяхъ состоящей, отведенъ былъ имъ равный участокъ въ другомъ мѣстѣ, или

---

[1]) Здѣсь не излишне отмѣтить,—раньше въ письмѣ къ м. Платону Салтыковъ указывалъ иныя основанія для закрытія Міусскаго кладбища, именно: неимѣніе при немъ священника, малое число привозимыхъ на него тѣлъ, близость къ нему Лазаревскаго кладбища (приложенія, № 89) и самъ же хотѣлъ назначить его для единовѣрцевъ (тамъ же, № 88, об. 147). Тамъ или здѣсь графъ, очевидно, дѣйствовалъ неискренно.

[2]) Приложенія, № 113, л. 62—63.

бы потеря сія вознаграждена была уплатою соразмѣрной денежной суммы“[1]).

Салтыковъ получилъ этотъ указъ 22 октября 1803 г. Въ тотъ же день фельдмаршалъ рапортовалъ о семъ государю императору, съ прибавленіемъ, что онъ не приминетъ привести его въ исполненіе. Копію съ указа представилъ Правительствующему Сенату „къ свѣдѣнію“, а Московскому губернскому правленію предложилъ „учинить по оному точное исполненіе“ и его о томъ увѣдомить[2]). Губернское правленіе, по содержанію предложенія графа, послало указъ въ Московскій земскій судъ съ тѣмъ, чтобы „безъотлагательства времени“ отобраны были свѣдѣнія у андроновскихъ крестьянъ, землею или деньгами они желаютъ получить вознагражденіе за участокъ, отведенный подъ единовѣрческое кладбище. Если землею, то въ какомъ мѣстѣ находятъ для себя удобнѣе имѣть прирѣзку; если деньгами, то въ какомъ количествѣ. При этомъ правленіе давало наставленіе земскому суду, чтобы интересы одинаково были сохранены съ той и другой стороны: крестьянскіе и казенные. При нарѣзкѣ земли отвести такую, которая могла бы вполнѣ замѣнить взятую подъ кладбище, дабы крестьяне не понесли какого-либо убытка чрезъ обмѣнъ. Равнымъ образомъ, при опредѣленіи денежной суммы за землю, отведенную подъ единовѣрческое кладбище, сообразоваться приблизительно съ доходностью земли, чтобы не было нарушено „должной соразмѣрности“. Земскій судъ объ исполненіи предписанія правленія представилъ рапортъ, а правленіе о приведеніи въ силу высочайшаго указа донесло (іюня 28 1804 г.) московскому военному губернатору, которымъ въ это время состоялъ уже преемникъ графа Салтыкова, бывшій генералъ-прокуроръ, Александръ Андреевичъ Беклешовъ[3]).

Такимъ образомъ резолюція м. Платона имѣть единовѣрцамъ кладбище свое собственное, послѣдовавшая въ

---

[1]) Московскій губернскій Архивъ, оп. т. III, дѣло 1802 г. февр. 6, № 181366, л. 64.

[2]) Тамъ же, л. 65—66.

[3]) Приложенія, № 114, л. и об. 67.

концѣ 1801 года, получила окончательное свое фактическое осуществленіе только въ концѣ 1803 года, чрезъ двухлѣтній періодъ, по причинѣ желанія единовѣрцевъ пріобрѣсти мѣсто для своего кладбища на Рогожскомъ старообрядческомъ или поближе къ нему и противодѣйствія ихъ стремленію старообрядцевъ.

Примѣръ московскихъ старообрядцевъ, принявшихъ единовѣріе, при Платонѣ же вызвалъ подражаніе въ уѣздныхъ раскольникахъ, имѣвшихъ всегда близкую связь съ столичными старообрядцами. И тутъ доблестный московскій святитель принималъ живое и разумное участіе, насколько можно судить о томъ даже по немногимъ сохранившимся свѣдѣніямъ.

Въ Бронницкой округѣ, въ Михайловской слободѣ и сосѣднихъ селахъ, весьма многіе крестьяне состояли въ поповщинѣ. Въ одной Михайловской слободѣ ихъ насчитывалось до 200 дворовъ. Для богослуженія старообрядцы имѣли свои часовни. Попы же пріѣзжали къ нимъ временно съ Рогожскаго кладбища. Вслѣдствіе значительнаго количества старообрядцевъ, по причинѣ совмѣстной жизни раскольниковъ съ православными и родственнымъ связямъ между тѣми и другими, случаи отпаденія отъ церкви въ расколъ повторялись въ этихъ селеніяхъ нерѣдко. А старообрядцы Михайловской слободы выражали даже увѣренность, что скоро почти всѣ михайловскіе прихожане будутъ поповцами. Когда открылась въ Москвѣ единовѣрческая церковь, тогда у лучшихъ михайловскихъ старообрядцевъ явилось желаніе вступить въ союзъ съ церковью, съ правомъ отправленія у себя богослуженія по старопечатнымъ книгамъ. Въ виду сего намѣренія, они, какъ сами заявляли, и тѣхъ изъ православныхъ, которые склонялись уже къ переходу въ старообрядчество, уговаривали не отдѣляться пока отъ церкви. Наконецъ въ 1810 г. старообрядцы Михайловской слободы, въ числѣ 63 семействъ, обратились къ м. Платону вмѣстѣ съ 108-ю дворами православныхъ прихожанъ, прося устроить у нихъ единовѣрческую церковь. Платонъ, при обсужденіи просьбы, не ограничился соображеніями, основанными на непосредственныхъ рели-

гіозныхъ интересахъ просителей. Онъ принялъ еще во вниманіе практическія соображенія, которымъ придавалъ большое значеніе при окрытіи вообще новыхъ приходовъ. Разумѣемъ заботливость московскаго митрополита о матеріальномъ содержаніи причта[1]). Въ резолюціи онъ писалъ: „объявить просителямъ, когда число дворовъ изъ старообрядцевъ еще умножится, тогда могутъ надѣяться получить церковь". Такимъ образомъ желаніе старообрядцевъ привлечь къ единовѣрію православныхъ онъ (вначалѣ) отклонилъ. Но самимъ старообрядцамъ въ открытіи единовѣрческаго прихода онъ не отказывалъ окончательно. Указывая же причину временнаго отклоненія ихъ просьбы, онъ тѣмъ побуждалъ только старообрядцевъ къ заботѣ о привлеченіи къ единовѣрію другихъ раскольниковъ.—Съ другой стороны, несогласіемъ на открытіе самостоятельнаго единовѣрческаго прихода, преосвященный Платонъ не отвергалъ отъ церкви искавшихъ союза съ ней на началахъ единовѣрія и не отодвигалъ принятія ихъ въ церковь до того будущаго времени, когда они могутъ составить отдѣльный единовѣрческій приходъ. По его распоряженію, указомъ консисторіи предписано было священнику Михайловской слободы у просителей изъ старообрядцевъ „случающіяся требы....исправлять по старопечатнымъ книгамъ".

Однако присоединившіеся къ единовѣрію старообрядцы не удовольствовались однимъ приведеннымъ позволеніемъ. Они стали просить, чтобы и богослуженіе для нихъ отправлялось въ приходскомъ храмѣ по старопечатнымъ книгамъ. Сталкивались такимъ образомъ интересы изъявившихъ согласіе на присоединеніе къ единовѣрію старообрядцевъ съ интересами православныхъ. Если имѣть въ виду букву правилъ единовѣрія, то, конечно, слѣдовало просителямъ отказать рѣшительно. Но способствовавшій выработкѣ основныхъ началъ единовѣрія святитель самъ же и показалъ, какъ должно относиться къ нимъ при примѣненіи

[1]) Каковое содержаніе, какъ мы имѣли случай выше замѣтить, онъ поставлялъ въ связь съ нравственностью клириковъ и отсюда съ благотворнымъ или вреднымъ вліяніемъ ихъ на свою паству.—См. стр. 131—132 настоящаго изслѣдованія.

на практикѣ. Онъ руководится не просто буквальнымъ текстомъ правилъ, а внутреннимъ смысломъ ихъ, тѣмъ, что единовѣріе допущено для немощныхъ по вѣрѣ, учреждено для спасенія ихъ. Переходъ православныхъ въ единовѣріе не могъ быть разрѣшаемъ лишь въ томъ случаѣ, когда религіозныя понятія переходившихъ были чище, чѣмъ тѣхъ, въ общество которыхъ они переходили, когда, слѣдовательно, вмѣсто пріобрѣтенія, происходила нѣкоторая убыль для церкви, если не количественная, то качественная. Если же не возникало таковой опасности, тогда, естественно, и пунктъ, ограждавшій отъ нея, терялъ свое значеніе. Между тѣмъ въ разсматриваемомъ случаѣ слѣдовало подумать даже о противоположномъ. Старообрядцы селенія, въ которомъ до 200 дворовъ предано было старымъ книгамъ и обрядамъ, въ которомъ то и дѣло происходили отпаденія отъ церкви въ старообрядчество, просили о позволеніи совершать богослуженіе въ приходской церкви по старопечатнымъ книгамъ, указывая и на согласіе къ тому православныхъ. Тутъ нужно было обсудить, откуда большая настоитъ опасность для православныхъ, настолько подготовленныхъ къ старообрядчеству, что они изъявляли согласіе на отправленіе богослуженія по старопечатнымъ книгамъ въ своей церкви. При совершенномъ недопущеніи такихъ немощныхъ изъ православныхъ къ единовѣрію могли повторяться уклоненія въ расколъ. Позволеніе же употреблять въ приходскомъ храмѣ старые обряды и книги могло удерживать ихъ въ лонѣ церкви. При такомъ способѣ дѣйствій и неявные раскольники могли быть пріобрѣтены для церкви. Проницательный іерархъ понялъ истинное положеніе дѣла въ михайловскомъ приходѣ. Предварительно онъ произвелъ разслѣдованіе относительно настроенія михайловскихъ прихожанъ. При посредствѣ консисторіи и благочиннаго прихожанъ допрашивали подъ крестнымъ цѣлованіемъ по содержанію просьбы, и они показали, что дѣйствительно желаютъ, чтобы богослуженіе въ ихъ храмѣ отправлялось по старопечатнымъ книгамъ. Перечислить все-таки сразу формально весь михайловскій приходъ въ единовѣрческій было бы поспѣшно, нетактично: фактическое введеніе богослуженія въ приход-

скомъ храмѣ по старопечатнымъ книгамъ яснѣе могло показать, насколько было правдиво разслѣдованіе. По тому, какъ прихожане приняли бы перемѣну въ храмовомъ своемъ богослуженіи, должна была открыться возможность судить объ искренности ихъ заявленій въ прошеніи и на слѣдствіи. При подтвержденіи наклонности въ михайловскихъ прихожанахъ къ старообрядчеству можно было допустить для нихъ единовѣріе. Если же, напротивъ, выяснилось бы ихъ нежеланіе старообрядоваго богослуженія, тогда не поздно было позволить единовѣрцамъ устроить свою особую церковь, а въ православномъ храмѣ возстановить совершеніе богослуженія по исправленнымъ книгамъ. По приведеннымъ соображеніямъ, мы считаемъ весьма отвѣчающимъ религіознымъ запросамъ михайловскихъ жителей данное на этотъ разъ м. Платономъ словесное позволеніе приходскому священнику отправлять богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ[1]).

Дѣйствительно, старопечатныя книги были накуплены; богослуженіе стало отправляться по этимъ книгамъ, и тѣмъ въ приходѣ, по заявленію крестьянъ, все было успокоено, такъ что оправдалось предположеніе Платона относительно наклонности михайловскихъ прихожанъ къ старообрядчеству и подтвердилась полезность помянутаго ранѣе распоряженія Платона, изданнаго имъ для удержанія михайловскихъ прихожанъ отъ уклоненія въ расколъ. Сбылись до нѣкоторой степени и другія, лучшія ожиданія Платона: чрезъ 6 лѣтъ въ Михайловской слободѣ состояло еще 8 дворовъ единовѣрцевъ, обратившихся изъ старообрядчества[2]).

---

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло канцеляріи оберъ-прокурора 1816 г. ноября 20, № 5510.

[2]) Интересна послѣдующая исторія единовѣрія въ Михайловской слободѣ. Въ 1816 г. негласные михайловскіе единовѣрцы, какъ изъ бывшихъ старообрядцевъ, такъ и изъ прихожанъ, числившихся православными, стали хлопотать предъ управлявшимъ Московскою епархіею, архіепископомъ Августиномъ о формальномъ подтвержденіи разрѣшенія совершать имъ въ приходскомъ храмѣ богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, т. е. о формальномъ учрежденіи у нихъ единовѣрческаго прихода. Теперь не имѣли силы прежнія со-

Подводимъ итогъ всему сказанному нами о дѣятельности м. Платона по отношенію къ единовѣрію. Всецѣло православная идея возможности единенія старообрядцевъ съ церковью, при соблюденіи старыхъ обрядовъ, существовала въ церкви отъ начала раскола. Но только Платонъ ясностью и вполнѣ своевременно развилъ положенія, изъ которыхъ съ необходимостью вытекала идея возможности принятія отпадшихъ въ лоно св. церкви на началахъ любвеобильнаго снисхожденія, и произвелъ сильное вліяніе на распространеніе этой идеи. Развивши теорію возможности единенія старообрядцевъ съ церковью при старыхъ обрядахъ, Платонъ проводитъ ее въ дѣйствительную жизнь. Необходимымъ условіемъ при этомъ онъ считаетъ осторожность и глубокую обдуманность, одобряя лишь искреннія стремленія старооб-

---

браженія, по которымъ вопросъ объ оффиціальномъ открытіи единовѣрческаго прихода въ Михайловской слободѣ былъ временно отклоненъ м. Платономъ. Теперь не возбуждала сомнѣнія опасная наклонность михайловскихъ прихожанъ къ старообрядовому богослуженію. Она съ ясностью подтверждалась самымъ фактомъ шестилѣтняго существованія единовѣрія въ Михайловской слободѣ и новою просьбою михайловскихъ негласныхъ единовѣрцевъ формальнаго открытія у нихъ единовѣрческаго прихода. Равнымъ образомъ и заботы объ обезпеченіи причта на этотъ разъ не могли имѣть мѣста, такъ какъ количество единовѣрцевъ увеличивалось на счетъ вновь присоединившихся къ единовѣрію 8 дворовъ старообрядцевъ и 108 дворовъ прихожанъ, числившихся православными, но обнаружившихъ уже полную преданность старымъ книгамъ и обрядамъ. Посему благопріятное для просителей разрѣшеніе ходатайства представлялось вполнѣ естественнымъ и согласнымъ съ характеромъ резолюціи перваго учредителя въ Михайловской слободѣ единовѣрія. Тѣмъ не менѣе преосвященный Августинъ отказалъ михайловскимъ просителямъ даже въ томъ, что они имѣли,—въ неоффиціальномъ дозволеніи совершать богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ въ приходскомъ храмѣ, руководствуясь буквальнымъ смысломъ правилъ единовѣрія, не позволявшихъ перехода православнымъ въ единовѣріе. Такимъ образомъ преосвященный Платонъ опередилъ своего преемника въ широтѣ пониманія правилъ единовѣрія.—Отказъ преосвященнаго Августина послужилъ поводомъ для засвидѣтельствованія михайловскими (неоффиціальными) единовѣрцами полной преданности старообрядовому богослуженію и отсюда случаемъ къ подтвержденію проницательности м. Платона, вѣрности его сужденія относительно настроенія

рядцевъ къ единенію съ церковью и отвергая возбуждавшія подозрѣнія, и его воззрѣніе находитъ себѣ оправданіе въ ходѣ современныхъ событій. Отмѣчая неправильность въ сношеніяхъ съ московскими старообрядцами по именному указу 1799 года 3-го іюня, м. Платонъ предначертываетъ основанія для должнаго разрѣшенія вопроса объ учрежденіи единовѣрія. Кратко намѣчаемые имъ принципы для учрежденія единовѣрія развиваются затѣмъ подробно, когда, послѣ неудачнаго исхода сношеній съ старообрядцами по указу Павла I, вступила въ сношенія съ Платономъ партія московскихъ старообрядцевъ, истинно желавшихъ единенія съ церковью. Хотя м. Платонъ, оставаясь вѣрнымъ требованію осторожности и глубокой обдуманности въ разрѣшеніи труднаго и серьезнаго вопроса, не отстаивалъ безуслов-

---

михайловскихъ прихожанъ. Съ распоряженіемъ преосвященнаго Августина крестьяне не помирились. Двумя довѣренностями они уполномочили крестьянина Ивана Гаврилова на испрошеніе у государя императора или у Св. Синода позволенія устроить у себя церковь по образцу Введенской въ Москвѣ. Дѣйствительно, въ ноябрѣ того же 1816 г. Иванъ Гавриловъ подалъ прошеніе оберъ-прокурору Св. Синода по содержанію данныхъ ему довѣренностей, высказывая при этомъ увѣренность въ благотворномъ вліяніи устроенія у нихъ единовѣрія на старообрядцевъ, какъ проживавшихъ въ Михайловской слободѣ, которыхъ насчитывалось еще болѣе 100 дворовъ, такъ и въ сосѣднихъ селахъ, которыхъ въ прошеніи указывалось до трехсотъ. И только распоряженіе князя Голицына въ духѣ м. Платона успокоило михайловскихъ прихожанъ.—„Для удержанія единовѣрцевъ въ правилахъ нашея православныя церкви и дабы не уклонились они къ явному расколу, писалъ оберъ прокуроръ преосвященному Августину, единственнымъ средствомъ нахожу я удовлетвореніе въ ихъ просьбѣ. Основываясь на семъ, я полагаю, что естьли прошеніе помянутыхъ единовѣрцевъ села Михайловской слободы не удовлетворено по недостатку токмо числа дворовъ, то мнѣ кажется сіе не можетъ служить препятствіемъ, тѣмъ болѣе что и прочіе прихожане въ числѣ 108 дворовъ, которые также должны быть единовѣрцы, о томъ же просятъ, дабы въ приходской церкви ихъ отправляемо было богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ. Съ таковымъ дозволеніемъ можно ожидать и той желаемой пользы, что живущіе по близости Михайловскаго прихода часовенные раскольники, имѣя всегдашнее съ симъ приходомъ обращеніе и связи, могутъ оставить свое заблужденіе и присоединиться къ православной церкви“. — Архивъ Св. Синода, дѣло канцеляріи оберъ прокурора Св. Синода 1816 г. ноября 20, № 5510.

но своего оффиціальнаго доношенія, однако Св. Синодъ предполагалъ утвердить представленіе московскаго святителя о старообрядцахъ съ самыми незначительными измѣненіями. Высочайше оставленное безъ дѣйствія относительно открытія единовѣрія на Рогожскомъ кладбищѣ, вслѣдствіе лживаго освѣщенія вопроса предъ государемъ партіею крайнихъ рогожцевъ, представленіе м. Платона о старообрядцахъ получаетъ высочайшую санкцію безъ намѣченныхъ Св. Синодомъ измѣненій, когда истина была выяснена предъ императоромъ. На новыя прошенія повѣреннаго крайней партіи рогожцевъ послѣдовалъ высочайшій отказъ, а разоблаченіе клеветъ Дмитрія Ѳедорова сопровождалось частью печальными, частью неожиданными послѣдствіями какъ для его личной участи, такъ и для судьбы рогожскихъ раскольниковъ и единовѣрцевъ, при чемъ м. Платону пассивно приходилось участвовать въ событіяхъ. По утвержденіи положенія объ единовѣріи, м. Платонъ заботится о церкви для новоприсоединившихся, о священникѣ и объ устроеніи кладбища для нихъ, проявляя затѣмъ истинно-пастырское участіе въ отношеніи подражателей столичнымъ единовѣрцамъ. Словомъ, м. Платону принадлежитъ какъ теоретическое своевременное и ясное раскрытіе принципіальныхъ основъ единовѣрія вмѣстѣ съ сильнымъ вліяніемъ на распространеніе ихъ, такъ и наиболѣе разумное практическое осуществленіе идеи единовѣрія.

Разсмотрѣвши противораскольничью дѣятельность митрополита Платона, мы имѣемъ основанія сказать въ заключеніе, что она отличалась высокими достоинствами. Являясь результатомъ его высокопросвѣщеннаго взгляда на расколъ, она направлялась къ уничтоженію коренныхъ причинъ крѣпости раскола; будучи же запечатлѣна духомъ христіанской любви, она пріобрѣтала неотразимую силу среди раскольниковъ и, благодаря всему этому, сопровождалась, помимо обращеній къ православію заблуждающихся и укрѣпленія православныхъ въ ихъ убѣжденіяхъ, присо-

единеніемъ къ церкви отпадшихъ на началахъ разумнаго любвеобильнаго снисхожденія.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о томъ значеніи, какое имѣла противораскольничья дѣятельность м. Платона на послѣдующую борьбу съ расколомъ. Любвеобильность—наиболѣе характерная черта всей борьбы м. Платона съ расколомъ—положила свою печать и на борьбу его преемниковъ. Послѣ дѣятельности знаменитаго московскаго іерарха, одушевленной глубокою искреннею любовью къ заблуждающимся, становилось уже неестественнымъ и почти невозможнымъ возвращаться къ прежнимъ рѣзкимъ пріемамъ въ дѣйствіяхъ противъ старообрядцевъ, такъ что съ м. Платона начинается новая фаза въ характерѣ борьбы съ расколомъ. Благотворное вліяніе м. Платона на послѣдующую противораскольничью борьбу можно видѣть въ полемическихъ сочиненіяхъ послѣдующаго времени, въ которыхъ нѣтъ уже рѣзкостей предшествовавшаго періода; напротивъ, разсужденія ведутся въ спокойномъ, миролюбивомъ тонѣ; такова, напр., полемика І. П. Полубенскаго[1]). И Св. Синодъ теперь уже ни въ какомъ случаѣ не рекомендуетъ для обращенія раскольниковъ „прибѣгать къ инымъ средствамъ, кромѣ указываемыхъ достопримѣчательнымъ примѣромъ св. ревнителей о спасеніи душъ, т. е. духовнаго увѣщанія, растворенаго любовію, кротостію и долготерпѣніемъ“[2]). Также соборъ іерарховъ въ Казани (1885 г.) видитъ лучшее средство для прекращенія „распространенія всякихъ ересей и заблужденій“ въ „словѣ вразумленія“[3]) и въ этомъ смыслѣ самъ издаетъ „Пастырское воззваніе“, призывающее раскольниковъ предлагать свои „сомнѣнія на разсмотрѣніе и разрѣшеніе пастырямъ церкви“ безъ боязни, потому что церковь „готова ихъ принять, какъ любящая, милующая и прощающая матерь“[4]). Затѣмъ миссіонерскіе съѣзды, признавая расколъ болѣзнью духовною, главною

[1]) Братское Слово 1886 г., т. II, стр. 15–32; 81—110.

[2]) Указъ Св. Синода 1845 г. апр. 5, № 157.

[3]) Дѣянія епископовъ греко-россійскія церкви, собиравшихся въ Казани въ іюлѣ 1885 г., С.-ПБ., 1886 г., постановленія собора, стр. 11.

[4]) Тамъ же, Пастырское воззваніе, стр. 6.

мѣрою для борьбы съ нимъ, считаютъ „открытыя, проникнутыя духомъ пастырской кротости и растворяемыя христіанскою любовію собесѣдованія“[1]).—Только въ примѣненіи гражданскихъ мѣропріятій гуманныя идеи м. Платона не такъ скоро усвояются. Въ царствованіе Николая I пріобрѣтаетъ огромное вліяніе на гражданское законодательство по дѣламъ церкви Московскій митрополитъ Филаретъ. Для того, чтобы расколъ не „высоко поднималъ голову“[2]), м. Филаретъ предлагалъ рядъ стѣснительныхъ мѣропріятій по отношенію къ раскольникамъ, ограничивающихъ ихъ гражданскія и религіозныя права[3]): этими репрессаліями онъ надѣялся не просто оградить церковь отъ нападеній раскола на нее, какъ м. Платонъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поколебать внутреннюю силу старообрядчества и облегчить обращеніе тѣмъ, которые склонны къ православію и остаются въ расколѣ преимущественно изъ опасенія подвергнуться угнетенію[4]) со стороны прежнихъ своихъ единовѣрцевъ[5]). И только за послѣднюю четверть прошедшаго столѣтія въ отношеніи гражданскихъ мѣръ сталъ проводиться взглядъ осуществлявшійся сто лѣтъ назадъ м. Платономъ. За это время устанавливается убѣжденіе обращаться къ содѣйствію гражданской власти лишь для пресѣченія вторженій въ церковь Христову лжеучителей съ своими заблужденіями, совершающихся при посредствѣ ли прямой пропаганды или другихъ какихъ способовъ. Поэтому существующими постановленіями гражданская власть призывается „ограждать церковь отъ оскорбленій и не допускать заблуждающихъ къ внѣшнимъ оказательствамъ ереси и къ дѣйствіямъ могу-

---

[1]) Дѣянія 3-го всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда въ Казани, съ приложеніями постановленій 2-го миссіонерскаго Съѣзда въ Москвѣ..., Кіевъ, 1897 г., стр. 331, сравн. стр. 195—198.

[2]) Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета, т. IV, Москва, 1886 г., стр. 270.

[3]) Тамъ же, т. II, стр. 366—368; т. IV, стр. 330.

[4]) Тамъ же, т. IV, стр. 299.

[5]) Подробнѣе см. у Бѣликова: „Дѣятельность М. м. Филарета по отношенію къ расколу“, Казань, 1895 г., ч. III, стр. 145—408.

щимъ производить соблазнъ“[1]). Въ томъ же духѣ разсуждаютъ и миссіонерскіе съѣзды относительно примѣненія гражданскихъ мѣръ въ борьбѣ съ расколомъ[2]).

Конецъ.

---

[1]) Уставъ Духовныхъ Консисторій, С.-ПБ., 1898 г., ст. 20.

[2]) Дѣянія 3-го всероссійскаго миссіонерскаго Съѣзда въ Казани, съ приложеніями постановленій 2-го миссіонерскаго Съѣзда въ Москвѣ..., Кіевъ, 1897 г., стр. 233, 238—240, 296—302.

Приложенія.

№ 1.

Письмо[1]) Московскаго митрополита Платона къ Славенскому архіепископу Никифору Θеотоки относительно присоединившихся къ единовѣрію раскольниковъ (сел. Знаменки).

Л. 168. Πανιερωτάτῳ δεσπότῃ, ἐμοὶ δὲ ἐν Χριστῷ ἀγαπητῷ ἀδελφῷ εὖ χαίρειν.

Accepi Tuae sanctitatis litteras de sacerdote meae Deoceseae; de quo respondetur per meum Consistorium. Js est perversis moribus; cujus satis evidens argumentum est, quod cujus sit supposititium componere mandatum: quale crimen cum sit enorme, per leges et divinas et humanas non licebit utique, ut inter sacerdotes recenseatur. Miror adhuc, quod sic dicti neoconversi schysmatici talem sibi pastorem elegerint. O bonum
Об. 168. ovium pastorem, ut ajunt et cet..... Hoc non minus probat conversionem eorum non satis sinceram fuisse. Quod vero iis concessum sit, ut libris antiquis et ceremoniis utantur, timeo, ne quid inde in alios scandali redundet. Rogabant illi hoc a me; rogabant a SS. Synodo, sed propter validissimas rationes negatum est. Eorum mores, et quid inde in rem publicam sequi possit, nobis non incertum est. Si enim hoc iis concedatur, periculum est, ne omnes quoque per Russiani schysmatici id expetant. Quod si omnes expetiverint, major pars eorum
Об. 169. quoque, qui nostram adibant ecclesiam, eam derelinquent, et eorum turbae adhaerebunt: ignorantes propriores sunt ignorantibus. Si ecclisiae uniri desiderant, ita uniantur, ut nihil quid-

[1]) Заимствовано изъ „Оригинальной рукописи преосвященнаго Никифора графа Θеотоки, Архіепископа Словенскаго". Рукопись находится въ настоящее время въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ подъ № 194. Приводимое нами письмо писано преосвященнымъ Платономъ собственноручно, на латинскомъ языкѣ. Къ подлиннику въ рукописи приложенъ русскій переводъ (л. и об. 170), который мы помѣщаемъ съ измѣненіями.

quam inter nos et eos differat: alias non aliud quid erit, quam in utrumque genu claudicatio. Ceterum Deus O. M. prospiciat ecclesiae prosolita bonitate sua.—Libros per te mihi designatos quaesivi; sed quosdam non reperio: quidam in biblioteca synodali et non sunt in mea potestate. Ceterum commendo me amori Tuo et precibus meae tenuitati profuturis.

1781 septemb. 23 die.

Τοῦ σοῦ πανιερωτάτου εὐχέτης προθυμώτατος Πλάτων ἀρχιεπίσκοπος Μοσκοβίος πανιερώτατον ἀρχιεπίσκοπον Εὐγένιον ἀσπάζομαι εἰλικρινῶς.

(Переводъ).

Преосвященнѣйшему Владыкѣ, возлюбленному моему во Христѣ брату, радоватися!

Письмо Вашего Святѣйшества касательно священника моей епархіи я получилъ; о немъ отвѣтствуется чрезъ мою консисторію. Онъ человѣкъ испорченный, достаточно очевиднымъ доказательствомъ чего служитъ то, что онъ дерзнулъ составить подложное порученіе. Такъ какъ такое преступленіе слишкомъ велико, то ни по божескимъ, ни по человѣческимъ законамъ, конечно, нельзя позволить, чтобы онъ оставался въ числѣ священниковъ. Сверхъ того, я удивляюсь тому, что, такъ называемые, новообращенные раскольники избрали себѣ такого пастыря. О, добрый пастырь овецъ, какъ говорятъ, и проч!... Это не менѣе доказываетъ, что обращеніе ихъ было недостаточно искреннее. Что же касается того, что имъ позволено пользоваться старыми книгами и обрядами, то я опасаюсь, какъ бы не вышло отсюда какого большого соблазна для другихъ. Просили они этого у меня, просили у Св. Синода, но по весьма важнымъ соображеніямъ (имъ) отказано. Ихъ нравы и то, что изъ этого можетъ послѣдовать для общества, намъ не безызвѣстны. Въ самомъ дѣлѣ, если это имъ позволить, то возникаетъ опасность, какъ бы и всѣ русскіе раскольники не стали, вслѣдствіе этого, домогаться того же. А если всѣ они достигнутъ (сего), то большая часть и тѣхъ, которые вступили въ нашу церковь, оставитъ ее и присоединится къ ихъ скопищу: невѣжды ближе къ невѣждамъ. Если они желаютъ присоединиться къ церкви, то пусть присоединяются такъ, чтобы между нами и ими не было никакого различія, иначе не иное что будетъ, какъ хроманіе на оба колѣна. Впрочемъ Всеблагій Богъ да сохранитъ церковь по

обычной своей милости!—Книги, о которыхъ Вы писали, я искалъ; но нѣкоторыхъ не могу отыскать, нѣкоторые есть въ синодальной библіотекѣ, но онѣ не въ моей власти.—Впрочемъ препоручаю себя Вашей любви и Вашимъ святымъ молитвамъ.

1781 г. сент. 23 дня.

Вашего Преосвященства всеусердный богомолецъ, Платонъ, Архіепископъ Московскій; преосвященнаго архіепископа Евгенія сердечно привѣтствую.

№ 2.

Копія[1]) съ письма инока Никодима въ слободу Климову. — Сущность бесѣды Никодима и его товарищей съ м. Платономъ по вопросу объ открытіи единовѣрія въ Стародубьѣ: условія дарованія старообрядцамъ благословеннаго священства.

Государь мой, Михайла Егоровичъ!

Въ Москву при помощи божеской, 21 ноября прибыли, гдѣ по сіе число и находились въ Москвѣ благополучно. 9 декабря были у преосвященнаго Платона, и имѣли разговоры о предпріятіи нашего дѣла около трехъ часовъ; прежде показалъ себя преосвященный весьма неприступна, а наконецъ по многимъ нашимъ доказательствамъ, изволилъ себя объявить весьма благосклонна, но токмо со условіемъ: Ежели вамъ святѣйшій Синодъ соблаговолитъ дать на основаніи прошенія вашего епископа, то подпишете ль слѣдующее: а. Что в' грекороссійской церкви всѣ преданности не развращаютъ ни слова Божія, ни догматовъ вѣры, ни правилъ церковныхъ. в. Ежель я въ вашъ монастырь пріѣду съ преданностями грекороссійскія церкве, чтобъ допущать меня обще с' даннымъ вамъ архіереемъ в' церковномъ служеніи обществовать, а ему в' успенскомъ соборѣ с' нами обществовать. г. Чтобы вамъ впредь отъ грекороссійской церкви къ себѣ во общество кромѣ записныхъ непринимать. На что его преосвященству отъ насъ отвѣтствовано было слѣдующимъ образомъ: На а. Ежели святѣйшій сунодъ благоволитъ в' си-

[1]) Заимствована изъ рукописи Черниговской духовной семинаріи: „Разныя посланія письменныя“, № 144, об. 183—л. 185.

лу нашего прошенія конфермацію положить наивсегда, то и мы не отречемся. На в. Ежели не соблаговолите по древле церковному содержанію обще службу божію отправлять, то нашему обществу будетъ весьма несовмѣстно. На г. Въ силу чего ежели въпредь допущено неможетъ быть таковымъ, то оное безпрекословно подписать имѣемъ. Наконецъ изволилъ сказать: что оное до меня непринадлежитъ, а ежели до меня дойдетъ, и насъ спросятъ, то мы знаемъ что писать, извольте ѣхать въ санктпетербургъ: итакъ благопріятнымъ образомъ насъ отпустилъ, и сего дня мы намѣрены выѣхать в' санктпетербургъ. А о пространной исторіи прошу извинить, и когда Господь соблаговолитъ видѣтся с' вами, тогда имѣемъ обстоятельно пересказать. Вашего спасенія всеусердный желатель, убогій Никодимъ, нижайше кланяюсь.

Отъ 15 декабря 1783 года.

При семъ убогій и многогрѣшный старецъ Евдокимъ всенижайше кланяюсь, а о преосвященномъ Платонѣ вамъ государь доношу, что не туне о немъ слава, но политичный сего свѣта кавалеръ. Пафнутій боровскій покорнѣйше кланяюсь.

№ 3[1]).

Пункты прошенія московскихъ старообрядцевъ на высочайшее имя устроеніи самостоятельной старообрядческой (раскольничьей) церкви.

Л. 91. Содержаніе Старообрядческой церкви і общественнаго порядка на какихъ расположеніяхъ быть следуетъ, значитъ въ нижѣписанныхъ пунктахъ.

1. Наше исповѣданіе о целости церкви есть точно чтобъ быть при оной Архіепископу, или Епископъ съ протчими священнослужителями, и все наши старобрядческія мысли и чувства то приемлемъ что преданное Самимъ Богомъ, Апостолами и ихъ пріемниками за самое святейшее утвержденіе; И признаемъ себя всякой по ономъ ревностно и усердно, что всѣ дорожѣ оное намъ установлѣніе всего нашего въ светѣ человѣческаго иждивенія, однако всенижай-

---

[1]) №№ 3—31 заимствованы изъ Архива Новгородскихъ митрополитовъ, находящагося въ библіотекѣ Александро-Невской лавры, изъ дѣла 1799 г. іюня 7, № 49 библіотеки, № 9 архива.

ше сіе святое установленіе предаемъ высочайшей Вашего Имераторскаго Величества власти, всемилостивейшему изволенію и премудрому монаршему разсмотренію.

2. Отеческой знакъ высочайшей и отменной милости вашего Императорскаго величества, побудилъ насъ всеподданнейшихъ вернейшихъ сыновъ отцу отечества предстать и припасть къ священнейшему Вашего Императорскаго Величества престолу и слезно просить отнынѣ впредь чтобъ былъ источникъ священства непритеснительный яко необходимо нужно къ спасенію душъ нашихъ и пріемлемъ дерзновеніе Вашему Императорскому Величеству всенижайши представить дабы для нашего лучьшаго исправлѣнія изъ однаго
Об. 91. токмо Высочайшаго отѣческаго милосердія, всемилостивейше указать изволили чтобъ по добровольному желанію приходящихъ к намъ священниковъ и дияконовъ от церквей, непочитать за беглыхъ и чтобъ онымъ у насъ находящимся, священнослужителямъ ведомымъ невдуховныхъ, а въ гражданскихъ правленіяхъ съ жителями обще того места семейства-жъ ихъ приписывать вте места гдѣ кто пожелаетъ!

3. Ваше Императорское Величество по неизреченному къ поданнымъ своимъ милосердію высочайше, повелитѣ выдать изъ священной хранительницы Древней Антиминсъ священія Патріарха Иосифа или другихъ какихъ древнихъ архипастырей накоторомъ Всемилостивейше и дозвольте освятить церковь обретающимся у насъ священникамъ и діяконамъ по древнему чиноположенію.

4. Дабы по высочайшему Вашего Императорскаго Величества благоволѣнію оную церковь учредить нынѣ при столице за земляным валомъ, что зарагожскою заставою на кладбище гдѣ уже и имеется общественное наше старообрядческое собраніе для отправленія богослуженія в построенныхъ от насъ каменныхъ и деревянныхъ часовняхъ, в которыхъ также ныне священники отправляютъ по христіанскому долгу по древнему чиноположенію кромѣ безъ кровной жертвы вся тайны Церковныя.

5. И по симъ означеннымъ духовнымъ древнимъ обрядамъ по сходствію правильнаго Святыхъ Отецъ положенія враспорядкѣ церковнаго устройства, и надлежитъ
Л. 92. быть вышней церковной власти в такомъ случае и желалибъ мы удостоиться важнейшимъ симъ даромъ

то совсѣрадостнѣйшемъ нашимъ духомъ, крайнѣ душевно и сѣрдечно имѣть обязуемся при оной учрежденной старообрядоческой церкви церковнаго Архипастыря управляющаго оною древнѣ отеческою церковью не касаясь нимало другихъ новопреданныхъ обстоятельствъ, но какъ в томъ есть и состоитъ высочайшая власть Вашего Императорскаго Величества а также и оной церковной вышней власти быть в нашемъ старообрядческомъ обществѣ разсеянномъ по всему государству признаемъ, и оное несовместно будетъ никакимъ церковнымъ правиламъ, а темъ что и не можетъ послѣдовать въ народѣ спокойствіе и тишина но крайнее затрудненіе, но к лучшему народному способу по неимѣнію-жъ церковнаго архипастыря, и какъ будучи зависитъ и настоитъ каждаго изъ христианъ верноподданнаго ревность и душевное жалостное усердіе о соблюденіи целости той старообрядоческой церкви которое происходило в гонимыхъ и сильно притеснительныхъ случаяхъ отъ дней патріарха Никона до дней царствованія Вашего Императорскаго Величества. Но и въ таковыхъ горкоплачевныхъ долго прошедшихъ обстоятельствахъ хотя разшедшихся и отделившихся отъ своихъ сокровищь и отечества по разнымъ местамъ но однако по помощи божіей по ревности и усердію предковъ нашихъ и насъ всѣ те чины и уставы преданные отъ святыхъ отецъ ими и нами безъ всякихъ примесовъ соблюдены и святыя церкви по древнему тому чину и уставу во всякой целости сохранены, а ныне в столь цветущемъ и неописанномъ всерадостномъ открытомъ намъ времяни последовавшего отъ Высочайшаго Вашего Имераторскаго
Об. 92. Величества ізліяннаго, отеческаго несказаннаго милосердія и долженствуетъ намъ старообрядцамъ быть въ благосостояніи, в мире и тишинѣ во всякомъ благоустройствѣ вседомовнѣ хранить і соблюдать ея всѣцелость, и въ предохраненіе церковной нерушимости, и для жъ всеобщаго лучьшаго порядка и спокойствія всеподданнейши испрашиваемъ Высокомонаршаго дозволенія учредить отъ лица оной старообрядоческой церкви духовное правленіе изобретающихся у насъ двухъ или трехъ искуснейшихъ священниковъ, а также отъ лица нашего общества во охраненіе всехъ техъ церковныхъ обрядовъ должны мы изъбрать отъ общества нашего яко блюстителя или охранителя в теченіе делъ духовныхъ порядочнаго и основательнаго законнаго человѣка, под назва-

ніемъ депутата и к нему еще в помощь избрать двухъ человѣкъ, которыя и должны обще соборне в томъ духовномъ правленіи управлять всякое наше благоустройство, благосостояніе и повиновеніе, но отнюд уголовнаго преступленія несудить само а отсылать преступника куда следуетъ позаконамъ.

6. Сему-жъ правленію должно иметь Московской століцы и ея губерніи всехъ строобрядцовъ въ ведомствѣ своемъ; и во всехъ касающихся делахъ до обряда вѣры повинно ответствовать гражданскимъ правительствамъ и гдѣ слѣдовать будетъ, а также всеподданнѣйши дерзаемъ мы старообрядцы испрашивать высокомонаршаго благовоззренія дабы для собственнаго нашего напредидущія времена спокойствія и безпрепятственнаго во отправлѣніи веры всего богослуженія также дѣйствуемыя церковныя тайны и совершаемыя браки утверждать повсюду законными и во
Л. 83. всѣхъ делахъ духовныхъ въ случающихся нуждахъ требовать, должны намъ старообрядоческое общество отъ того учрежденнаго правленія узаконеннаго защищенія и повеленія, правление жъ сіе долженствуетъ иметь вслучающихся нашихъ духовныхъ делахъ сношеніе со всеми правительствами.

7. Во означенное правлѣніе показанныхъ персонъ какъ духовныхъ а равно и мирскихъ избирать и отрешать обществу по времянамъ и какъ заблагоразсудится в томъ препятствія ни съ которой стороны непроисходило а для лучшаго спокойствія согласія и тишины оной выборъ производить чрезъ кандидатовъ балатированіемъ, и по окончаніи выбора о техъ избранныхъ персонахъ темъ кандидатамъ представить и впредь представлять вышнему правительству куда повелено будетъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ!

8. В случае собрания наши старообрядцы прибывающія в другихъ губерніяхъ где неимеютъ изъ чего учредить духовное правленіе потому что священники для отправленія христіанскихъ требъ иногда приезжаютъ времянно, и въ такомъ случае пожелаютъ быть подъ веденіемъ московскаго учрежденнаго духовнаго правлѣния, то и соблаговолитѣ Всемилостивейшій Государь, оныхъ желающихъ въ ведомство правлѣнія московскаго принять а на случай нужды для отправления духовныхъ требъ для проезду и прожитія священнику отъ того московскаго духовнаго старообрядо-

ческаго правления давать темъ священникамъ пашпорты, о причисленіи жъ въ вѣдомство изъ другихъ губернияхъ
Об. 93. старообрядцовъ того правления московскаго о чемъ известить долженствуетъ оному правлѣнию вышнее правительство, куда повелено будетъ Вашимъ Императорскимъ величествомъ, откуда и той губерніи гдѣ находятся старообрядцы за известіе для лучьшаго порядка и знания, и дано будетъ предписаніе.

9. Нынѣ находящихся у насъ на лице священниковъ и діяконовъ, всемилостивейшій Государь, повелитѣ при объявлѣніи нашемъ записавъ в гражданскомъ правленіи где повелено будетъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, въ ведомствѣ состоять и дать имъ отъ того правленія для прожитія единовремянно письменные билѣты которыя и должны хранится в томъ духовномъ старообрядоческомъ правленіи!

10. Какъ будучи и есть единогласнаго с нами старообрядоческаго положенія в Саратовской губерніи иргискіе монастыри которые и зависимы состоятъ всеми обстоятельствами какъ духовными а равно и потребностями отъ сего московскаго старообрядческаго общества и притомъ нередко обращаются в столице для необходимыхъ нуждъ изо всехъ старообрядческихъ монастырей и скитовъ монахи и монахини с тѣмъ что и при означенномъ нашемъ кладбище состоитъ женской иноческой монастырь, и для того въ случае послѣдовавшихся касательствъ и делъ до означенныхъ монастырей и обретающихся в столице по случаю монаховъ и монахинь повелитѣ, Всемилостивейшій Государь, быть вродѣ правителей или подъ названіемъ судей надъ онымъ
Л. 74. чиномъ, во ономъ учрежденномъ духовномъ правленіи, въ заседаніи отъ техъ иргисъкихъ монастырей поочереди, настоятелю, и одному избранному отъ техъ монастырей соборному старцу, которые соборнѣ в томъ правленіи и полагать могутъ в случае открывшимся противномъ или блазнительномъ поступкѣ, во отварщеніе того поступка свое определеніе некасаясь отнюдь уголовнаго преступленія само а отсылать преступника куда следуетъ позаконамъ!

11. Бывшіе въ обществѣ нашемъ старообрядческомъ по усердію своему сооружили Святыя церкви и молитвенныя храмы давали денгами и разными церковными вещами, а потомъ отбывшия отъ старообрядческаго общества въ

другое положеніе, ужѣ техъ данныхъ вкладовъ ни самому ему ни наслѣдникомъ ево возвратно нетребовать и ничемъ недомогаться, но хотябъ и большее количество вознамерится отступить отсодержанія того церковнаго чиноположенія и приступить к другому обряду вѣры; также отъ оставшаго малаго числа общества техъ данныхъ въкладовъ нетребовать и разделу святымъ вѣщамъ никакова нечинить, а быть онымъ нѣдвижимымъ до скончанія лѣтъ живота; всѣподданѣйше и просимъ Вашего Императорскаго Величества, на сіе отеческаго благовозренія и всемилостивейшаго утвержденія!

12. Проживающияся по пачпортамъ въ старообрядческихъ монастыряхъ постриженныя монахи и монахини и по Иргиской степи вчернораменскихъ Керженскихъ лесахъ і по протчихъ пустынныхъ и непроходимыхъ мѣстахъ ради богомолия, таковыхъ Всемилостивейше, повеленобъ было
Об. 94. при всехъ техъ местахъ оставить безъ выгонки поелику на тяглахъ нужнейшей надобности в нихъ никакакой неимѣется и податей государственныхъ за ними несостоитъ! или

13. По вышнѣй судьбѣ Бога и по волѣ Вашѣй Высокомонаршей мы нижайшіе дерзаемъ испрашивать всемилостивейшаго Вашего Императорскаго Величества Отеческаго благовозренія, и повеления взирая на самой нашъ жалостной и горкоплачевной случай по душевнымъ обстоятельствамъ поелику до сего времяни проживающия из давныхъ лѣтъ по пачпортамъ за неспособностію на тяглахъ мужскій и женскій полъ всякаго чину и звания состоятъ постриженными, и притомъ иные въ великой старости, дряхлости, увечные, слепые, безногіе и самыя бѣднейшіе препровождающіе жизнь свою отъ христолюбиваго подаянія дѣнно и нощно и всегда непрестанно служа Богу и моля о здравіи царствованія Вашего Императорскаго Величества нынежъ оныя требуются для написанія вновь пачпортовъ во отечество свое всякаго на лицо, а другія господския совсемъ оставляютъ при техъ селахъ и деревняхъ недавая вновь отпусковъ, в такомъ случае пообязанности ихъ монашествомъ, постриженіемъ Богу и бывъ служа ему много лѣтъ въ монастыряхъ и пустынямъ, и потомъ въ отѣчествѣ оставится безо всякой в немъ надобности, жительствовать обще с мирскими, уже сіе несообразуется ни к какому благо-

устройству, ни къ божественному, и ни къ гражданскому,
Л. 95. а къ единственному притеснению и насмѣшекъ того старческаго чина а темъ что другимъ со всемъ за дальностію пути, нетъ никакихъ способовъ явится во отечество свое, отъ чего за симъ нужнейшимъ и невозможнымъ случаемъ лишаются техъ пашпортовъ а потомъ ужѣ почитаются за беглыхъ, и состоятъ уже отъ того в самой угрожаемой погибели, по немощи и старости своей, в такомъ случае дабы вся целость соблюдена была какъ божественная такъ и Ваша Государственная; повелитѣ Всемилостивейшій Государь, учинить чрезъ кого слѣдуетъ перепись, и где кто и в какой губерніи находится, то таковые къ тѣмъ же монастырямъ и къ скитамъ приписавъ сположеніемъ таковыхъ же податей каковы ныне на нихъ состоятъ, а оказавшихся господскихъ крестьянъ, полагая отъ какихъ кто летъ по волѣ Вашей Императорской, ко удовольствію помещиковъ положить единовремянное взысканіе, замужской и женской полъ чего кто стоитъ приписать и оныхъ къ темже монастырямъ и к скитамъ гдѣ кто находится со взысканіемъ Вашихъ Государственныхъ податѣй и по окончаніи таковой переписи ужѣ въ предь ожидать на сіе о постриженіи в монашество воли Вашей Высокомонаршей какимъ образомъ и кого произвесть къ постриженію должно враспоряженіи состоятъ во учрежденномъ томъ духовномъ правленіи.

14. Сіе-жъ учрежденное духовное правлѣніе наистрожайше наблюдать должно под опасеніемъ суда позаконамъ, чтобъ въ вѣдомствѣ оной бѣглыхъ никакого званія людей заведомо содержанобъ не было и естли каковыя могутъ открытся таковыхъ неминуемо обязуется отослать къ законному сужденію куда слѣдуетъ позаконамъ, дабы темъ не нарушить спокойствіе старообрядцовъ, на которыхъ невинное нареканіе происходитъ.

Об. 95. 15. Всемилостивейшій Государь, всѣподданнѣйше дерзаемъ изъ прашивать Вашего Высокомонаршаго благоволѣнія и милосердія. Высочайше повелитѣ при городахъ гдѣ есть старообрядцы селахъ и деревняхъ отъ вести для погребения мертвыхъ тѣлъ особыя кладбищи ибо непоредку случается выносъ мертвыхъ телъ общѣ отъ церквей священнослужителями, гдѣ и происходитъ в томъ случае иногда некоторыя негодованіи!

Изъвѣстно всему свету что главное Вашего Императорскаго Величества желаніе есть видѣть вѣрно подданныхъ вашихъ столь щастливыми и довольными, сколь далеко человеческое щастіе и удовольствіе можетъ на сей зѣмлѣ простираться, сию истинну ясно доказываютъ неизчисленныя Вашего Императорскаго Величества милости по которымъ всѣ мы верноподданые Ваши при глубочайшей благодарности наслаждаемся благодѣнствіемъ и тишиною въ таковомъ находясь общемъ положеніи и мы старообрядцы съ благоговеніемъ осмѣливаемся утруждать Ваше Императорское Величество, о ниспосланіи намъ особенной милости на вышеслѣдующія наши нижайшіе пункты, хотя-же и нетъ таковаго законоположения Государственнаго, о чемъ мы всеподданнѣйше, Ваше Императорское Величество утруждаемъ, но какъ со стороны Высочайшаго Императорскаго Престола
Листъ 96 й. отеческое Ваше милосердіе поставляется во основаніи законовъ, то мы по сему единому всѣподданнейши просимъ означенное наше расъположеніе удостоить, всемилостивейшею конфермаціею.

№ 4.

Высочайшій указъ Казанскому архіепископу Амвросію о снабженіи старообрядцевъ священниками и о подчиненіи старообрядцевъ непосредственному вѣдѣнію архіепископа Амвросія и самого государя.

Л. 2. Какъ они Сами отзывается мною быть довольными, то и оставилибъ мнѣ съ преосвященнымъ казанскимъ дѣло ихъ ведать и сему послѣднему снабдить ихъ священниками по ихъ одобрѣніямъ о протчемъ оставляю, дабы не произошло недоразумѣнія, а о сумнѣніяхъ спрашиваться меня имже Самимъ.

На подлинномъ подписано тако: Павелъ.

Съ подлиннымъ поверялъ Генералъ прокуроръ К. Лопухинъ. Сію копію хранить обще съ подлиннымъ впредосторожность будебы подлинной отъ долговременнаго лежанія съ дѣлами, къ прочтенію неясенъ, такъ какъ оной писанъ карандашемъ.

Іюня 3-го дня 1799 года. Въ Павловскѣ.

Съ засвидѣтельствованною копіею вѣрно: Коллежскій Совѣтникъ Михаилъ Сперанскій.

№ 5.

Отношеніе генералъ-прокурора князя Лопухина къ Казанскому архіепископу Амвросію при препровожденіи копіи съ высочайшаго указа 3 іюня 1799 г. съ объясненіемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ этотъ указъ.

Высокопреосвященнѣйшій владыко[1])!

Л. 1. Московскаго старообрядческаго общества повѣренные пріѣхали сюда для поданія прошенія ихъ Государю Императору и представили мнѣ пункты по коимъ они Его величество просить были намѣрены, и которые поднесены были мною Государю Императору. Его Императорское Величество разсмотрѣвъ ихъ соизволилъ своеручный по сему предмету дать указъ, съ коего копію при семъ препровождая къ вашему высокопреосвященству для надлежащаго
Об. 1. свѣдѣнія и поступленія, честь имѣю присоединить, что таковая-же дана мною въ Павловскѣ повѣреннымъ сего общества купцу Дмитрію Федорову и его товарищу, коимъ и объявлено, чтобъ явились къ вашему высокопреосвященству предваряя о семъ васъ, милостивый Архипастырь мой, въ прочемъ честь имѣю быть съ истиннымъ почитаніемъ Милостивый Архипастырь мой вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга К. Лопухинъ.

№ 4653. Іюня 7-го дня 1799 г.

№ 6.

Опредѣленіе архіепископа Амвросія по силѣ высочайшаго указа отъ 3 іюня 1799 г. и отношенія князя
Л. 3. Лопухина отъ 7 іюня того же года.

1799-го года іюня 7-го числа.—По силѣ полученнаго отъ Его Свѣтлости Господина Генералъ-Прокурора сообщенія и копіи съ имяннаго высочайшаго указа по поводу прошенія Московскаго Старообрядческаго общества повѣренныхъ о дачѣ имъ священниковъ опредѣлено: о полученіи онаго Его Свѣтлость увѣдомить, а повѣреннымъ о томъ

---

[1]) Помѣта: получено того жъ 7-го числа.

объявить и сдѣлать постановленіе на какомъ основаніи тѣ священники, какъ опредѣляемы, текъ и управляемы и содержимы быть должны; для вѣдома-же о семъ сообщить Преосвященному Митрополиту Московскому съ приложеніемъ копій какъ съ сообщенія такъ и высочайшаго онаго указа; а для свѣденія о семъ таковыяжъ копіи представить Святѣйшему Синоду.

Амвросій Архіепископъ Казанскій.

№ 7.

Отношеніе архіепископа Амвросія къ князю Лопухину о полученіи копіи съ именного указа 1799 года 3 іюня и отношенія князя Лопухина отъ 7 іюня того же года.

Свѣтлѣйшій князь! Милостивый Государь мой!

Л 4. Почтеннѣйшее писаніе вашея Свѣтлости съ приложеніемъ копіи съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества имяннаго указа по предмету прошенія отъ повѣренныхъ Московскаго Старообрядческаго общества, и которымъ мнѣ высочайше повелѣно снабжать ихъ священниками по ихъ одобреніямъ,—мною того-жъ 7-го числа полученъ, и по оному надлежащее поступленіе быть имѣетъ, въ прочемъ съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію честь имѣю быть вашея свѣтлости Милостиваго Государя моего...

№ 7. Іюня 8-го дня 1799 года.

№ 8.

Условія единенія старообрядцевъ съ православною церковью, предложенныя арх. Амвросіемъ повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ.

Л. 5 (л. 80). Во исполненіе имяннаго Его Императорскаго Величества Высочайшаго указа состоявшагося сего іюня 3-го дня, по прошенію повѣренныхъ Московскаго Старообрядческаго общества Дмитрія Ѳедорова и товарища его, въ которомъ изображено: „какъ они Сами отзываются мною быть довольными то и оставилибъ Мнѣ съ Преосвященнымъ Казанскимъ дѣло ихъ вѣдать, и сему послѣднему снабжать ихъ священниками по ихъ одобреніямъ. О прочемъ оставляю,

„дабы не произошло недоразумѣнія, а о сумнѣніяхъ спра„шиваться Меня имъ-же самимъ“. Амвросій Архіепископъ Казанскій оному повѣренному и товарищу его объявляетъ:

1-е. Священниковъ избирая изо всякихъ Епархій честнаго поведенія добровольно желающихъ представлять къ оному Архіепископу, прописывая о именахъ ихъ, лѣтахъ и семействѣ, изъ какихъ они Епархій, городовъ или уѣздовъ, селъ и отъ какихъ церквей. Сверхъ сего ежели они будутъ изъ отлучившихся отъ своихъ церквей, то когда и по какимъ причинамъ отъ оныхъ отлучились, и желаютъ-ли остаться для богослуженія у старообрядцовъ; также назначать какое имъ будетъ сверхъ полученія доходовъ за требоисправленіе, положеніе на годовое содержаніе. По таковомъ представленіи и по учиненіи съ Епархіальными преосвященными Архіереями справокъ, ежели неокажется препятствующихъ благословныхъ винъ, опредѣляемы будутъ, и о томъ-же дано будетъ знать какъ духовному такъ и гражданскому правительствамъ.

Об. 5 (об. 80). 2-е. Симъ опредѣляемымъ священникамъ службу Божію отправлять и требы преподавать по старопечатнымъ книгамъ, имѣя пастырское смотреніе за состоящими въ вѣдомствѣ ихъ старообрядцами, на основаніи правилъ соборныхъ и Святыхъ отецъ; принося въ служеніяхъ гдѣ и когда надлежитъ, моленіе о высочайшемъ здравіи и благоденствіи Его Императорскаго Величества, Супруги Его, Ея Императорскаго Величества, Наслѣдника Его, всей высочайшей фамиліи и прочихъ кого слѣдуетъ, наблюдая и ту всякую обязанность, каковую возлагаютъ на священниковъ гражданскіе законы и присяга вѣрности, также убѣгая всемѣрно вездѣ какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ дерскихъ поступокъ, коими-бы другіе могли быть озлоблены или огорчены, или возмущены къ нарушенію тишины и порядка общественнаго.

3-е. Старообрядческому обществу впредь бѣглыхъ священнослужителей къ себѣ непринимать и объ нихъ не представлять, а опредѣленныхъ Самимъ собою безъ представленія Архіепископу неотрѣшать.

4-е. А кому за поведеніемъ священниковъ и исправностію въ службѣ и порядкѣ имѣть смотреніе, и кому дѣлать при браковѣнчаніи надлежащіе обыски, такъ-же какъ имъ записывать рождающихся, бракомъ сочетавающихся и умирающихъ въ троечастные книги; а равно и въ исповѣд-

ныя вѣдомости о бывшихъ и небывшихъ у исповѣди и Святаго причастія и куда и въ какое мѣсто оные въ узаконенной срокъ подавать, повѣреннымъ согласясь съ обществомъ прислать къ Архіепископу мнѣніе.

Амвросій Архіепископъ Казанскій.

Іюня 8-го дня 1799 года. Въ С.-Петербургѣ.

Сіе положеніе слушали и съ онаго копію за подписаніемъ его Преосвященства приняли повѣренный купецъ Дмитрій Федоровъ, повѣренный Митрофанъ Ильинъ.

Л. 6. На словахъ имъ объявлено, дабы въ мнѣніи представлено было и о томъ, гдѣ имъ быть подъ судомъ при могущихъ случиться какихъ-либо слѣдственныхъ дѣлахъ.

Амвросій Архіепископъ Казанскій.

№ 9.

Отношеніе Казанскаго архіепископа Амвросія къ Московскому митрополиту Платону при препровожденіи копій съ высочайшаго указа отъ 3 іюня 1799 года и отношенія князя Лопухина отъ 7 іюня того же года.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Милостивый мнѣ благодѣтель!

Л. 48. Каково мною получено сообщеніе отъ Его Свѣтлости Господина Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Генералъ-Прокурора и Кавалера Князя Петра Васильевича Лопухина съ приложеніемъ копіи съ Имяннаго Высочайшаго указа послѣдовавшаго по прошенію Московскаго Старообрядческаго общества повѣренныхъ Дмитрія Ѳедорова и товарища его о снабденіи ихъ священниками, съ оныхъ прилагаю при семъ точныя копіи для свѣдѣнія вашего высокопреосвященства и Московской духовной консисторіи, прося о полученіи сего увѣдомить меня, въ прочемъ съ истиннымъ высокопочитаніемъ честь имѣю быть Вашего Высокопреосвященства милостиваго мнѣ благодѣтеля всеусердный богомолецъ и слуга

Амвросій Архіепископъ Казанскій.

№ 2. Іюня 9-го дня 1799 года. Въ С.-Петербургѣ.

№ 10.

Прошеніе повѣренныхъ московскихъ старообрядцевъ архіепископу Амвросію о дачѣ старообрядцамъ разныхъ обществъ священниковъ въ силу высочайшаго указа 3 іюня 1799 г. съ оставленіемъ издавна существующихъ унихъ всѣхъ религіозныхъ особенностей.[1])

Л. 7. Его Высокопреосвященству Правительствующаго Синода члену Амвросію Архіепископу Казанскому і Свіажскому і разныхъ орденовъ кавалеру:

От старообрядческихъ обществъ Московскаго Санктпетербурскаго отъ стародубскихъ монастырей і посадовъ также Нижегородской губерніи Керженскихъ лесовъ отъ тридцати четырехъ мужскихъ і женскихъ скитовъ Воронежской губерніи разныхъ волостей отъ крестьянъ повѣреннаго московска 2-й гильдіи купца Дмитрія Федорова.

Всепокорнѣйшее прошеніе.

Высочайше именнымъ Его Императорскаго Величества указомъ повелено Вашему Высокопреосвященству снабжать насъ священниками по одобреніямъ нашимъ і въ силу сего Высочайшаго Его Императорскаго Величества повеленія прошу вашего высокопреосвященства снабдить насъ тѣмъ священствомъ на основаніи высочайшаго указа і какое будетъ при оном учрежденіе благоволите Ваше Высокопреосвященство объявить мнѣ съ товарищемъ. Поелику на какомъ основаніи содержаніе старообрядческой церкви і общественнаго порядка быть должно отъ старообрядческаго московскаго общества при приговорѣ приложены 15 пунктовъ, которые і поднесены Его Императорскому Величеству а при томъ за нужное поставляю вашему Высокопреосвященству объяснить і должное при семъ моемъ нижайшемъ прошеніи общества нашего обдержность іли содержаніе неблагоугодно-ли будетъ принять сіе мое донесеніе врезонъ какъ снисходя народному обычаю іздавныхъ лѣтъ приобыкшему во оной старообрядческой цѣлости і приоткрытіи Святей,

Об. 7.

[1]) Помѣта: подано іюня 9 дня 1799 года.

церкви і священству учинить учрежденіе невводя никакихъ новостей нодозволитъ свободно ползоватся правами богослуженія пообрядамъ отъ предковъ нашихъ наслѣдованныя і нынѣ во обществѣ нашемъ содержанныхъ не іздавая—никакой вновь формы къ богослуженію і миромъ также неснабжать ібо наше общество признаетъ довольнымъ быть староосвященнаго мира, а по скудости здобавленіемъ освященнаго масла, и весь нашъ обрядъ веры соблюденъ былъ во всякой цѣлости а колми паче обретающимися у насъ священниками блазнительныхъ поступокъ ни жалобъ не было какъто во время жъ службы божіей дабы никто обряда другой веры внаше общество во святыя церкви і молитвенника храмы властно невходили для молитвоприношенія і имъ священникамъ таковаго поступка никому недозволять і непристойныхъ церковныхъ требъ никакихъ неотправлять разве кто совершенно пожелаетъ вступить въ нашъ обрядъ веры таковымъ невозъпрещать, но онымъ вновь приходящимъ присоединить порядкомъ і обрядомъ темъ какой нынѣ у насъ состоитъ неизъключая никакой персоны і нынѣ у насъ находящихся въ Московскомъ обществе при кладбищѣ священниковъ снабдить атестатами і впредь священнодействовать онымъ дозволить. Ктожъ именно присемъ прилагаю реестръ: по протчимъ-же мѣстамъ находящихся священниковъ нынѣ точнаго свѣденія дать немогу а по собраніи справокъ ізъ тѣхъ местъ вашему высокопреосвященству донесу і тако ожидаю на сіе отъ вашего высокопреосвященства милостивой резолюціи. Означеннаго общества повѣренной Московской купецъ Дмитрій Федоровъ писалъ сіе своеручно і руку приложилъ. Іюня 9 дня на 1799 году.

Л. 8.

Московскаго общества повѣренной купецъ Митрофанъ Ивановъ Ильинъ руку приложилъ. Находящіяся при кладбищи Московскомъ священники и діаконы бывшіе при отъездѣ нашемъ въ Санктпетербургъ. Св: Алексѣй Федоровъ. Св: Андрей Андреяновъ. Св: Ѳедоръ Христофоровъ. Св: Ржевскій—Алексѣй Кузминъ, которой на время отлучился въ стародубскіи слободы. Священникъ Петръ. Священникъ Іоаннъ. Священникъ Карпъ. Діаконъ Харлампіи Козминъ. Діаконъ Петръ.

Об. 8.

Которыхъ-же оные священники и діаконы Епархіевъ городовъ і селъ теперь припомнить немогу, а по собраніи объ нихъ изъ Москвы сведеніе доставлено быть имеетъ.

№ 11.

Опредѣленіе архіеп. Амвросія по поводу означеннаго прошенія повѣренныхъ московскихъ старообрядцевъ: пр. Амвросій поставляетъ въ должныя границы раскольничьи претензіи просителей.

Л. 9. 1799-го года Іюня 9-го дня.—По поданному отъ повѣренныхъ Московскаго Старообрядческаго общества Дмитрія Федорова и товарища его прошенію объ опредѣленіи къ нимъ означенныхъ въ реестрѣ священниковъ и прочемъ опредѣлено: 1-е. Хотя они и объявляютъ себя въ прошеніи повѣренными не токмо отъ Московскаго Старообрядческаго но и отъ Санктпетербурскаго и другихъ губерній таковыхъ же обществъ; но какъ въ сообщеніи отъ Его Свѣтлости, Господина Генералъ-Прокурора означены они только повѣренными отъ Московскаго Старообрядческаго общества, то посему и объявить имъ, что они должны просить о священникахъ не для другихъ, а только для Московскаго общества. 2-ое. На какомъ основаніи опредѣляемые къ нимъ священники должны какъ службу божію такъ и требы мірскія отправлять, равно какимъ образомъ должны они быть управляемы и содержимы учиненное нами положеніе дать имъ на соглашеніе. 3-е. По настоящемъ утвержденіи сего положенія представленнымъ при прошеніи священникамъ кромѣ Алексѣя Ржевскаго и діаконамъ хотя и дать свидѣтельство о бытіи имъ по прежнему при Московской кладбищенской ихъ часовнѣ, но настоящее ихъ къ оной утвержденіе и опредѣленіе и самое въ священнослуженіи дозволеніе послѣдуетъ тогда, когда по обѣщанію повѣренныхъ дано будетъ знать, кто они и откуда, и по учиненнымъ справкамъ изъ Епархій. 4-е. Касательно же требованій о невведеніи при служеніи ихъ новостей, и присмотрѣ за священниками и прочемъ объ ономъ значится въ вышеписОб. 9. санномъ положеніи. И о семъ всемъ имъ повѣреннымъ объявить съ подпискою въ чтеніи или слушаніи ими, въ походной конторѣ.

Амвросій Архіепископъ Казанскій.

Оное опредѣленіе слушали Повѣренный купецъ Дмитрій Федоровъ. Повѣренный купецъ Митрофанъ Ильинъ [1]).

Іюня 9-го дня 1799-го года. Въ С.-Петербургѣ.

---

[1]) Собственноручная подпись сихъ купцовъ.

№ 12.

2-е прошеніе повѣренныхъ московскихъ старообрядцевъ объ опредѣленіи къ ихъ обществу рекомендуемыхъ ими, находящихся на кладбищѣ нѣсколькихъ бѣглыхъ священнослужителей съ сокращеніемъ претензій относительно своей религіозной обособленности.

Л. 10. Его Высокопреосвященству Синодальному члену Амвросію Архіепископу Казанскому и Свіажскому і разныхъ ординовъ кавалеру.

Отъ Старообрядческихъ обществъ московскаго отъ Стародубскихъ слободъ отъ разныхъ монастырей і посадовъ Нижегороцкой губерніи, Керженскихъ лесовъ оттритцати четырехъ скитовъ Воронежской губерніи отъ разныхъ волостей крестьянъ повереннаго Московской второй гильдіи купца Дмитрія Федорова.

Всепокорнейшее прошеніе.

Высочайше имяннымъ Его Императорскаго величества указомъ повелено вашему высокопреосвященству снабжать насъ священниками по одобреніямъ нашимъ: і въ силу сего высочайшаго Его Императорскаго Величества повеленія прошу Вашего Высокопреосвященства снабдить насъ означеннымъ священствомъ на основаніи высочайшаго указа, а равнымъ образомъ нынѣ у нихъ находящихся священниковъ і діаконовъ, которыя іздавныхъ летъ у насъ священнодѣйствуютъ безъ всякаго порока і подозренія снабдить атестатами і впредь онымъ священникамъ и діаконамъ повеоб. 10. леть быть при отправленіи богослуженія по старинному обряду веры свободнаго действія і оставить нерушимо ползовается правами богослуженія по обрядамъ отъ предковъ нашихъ наследованныхъ і нынѣ во обществе нашемъ содержанномъ опоказанныхъ-же священникахъ і діаконахъ присемъ прилагаю реэстръ а потому всепокорнейше і прошу вашего высокопреосвященства учинити милостивую

резолюцію: означеннаго общества повѣренной московской второй гильдіи купецъ Дмитрій Федоровъ писалъ сіе своеручно і руку приложилъ іюня 9-го на 1799 году. Поверенной Московскаго общества купецъ Митрофанъ Ивановъ сынъ Ильинъ руку приложилъ.

Прн отъезде нашемъ ізъ Москвы в Саннетербурхъ во обществе нашемъ при кладбище были священники і діаконы а именно:

Священникъ Алексѣй Федоровъ. Священникъ Андрей Андреяновъ. Священникъ Петръ. Священникъ Іоаннъ. Священникъ Карпъ. Коломенской епархіи города Бронницъ Соборной Архангельской церкви священникъ Федоръ Христофоровъ, Діаконъ Харалампіи Козминъ. Діаконъ Петръ.

О Вышеозначенныхъ священникахъ і діаконахъ которыхъ они епархій, церквей, городовъ и селъ нынѣ сведеніа доставить не могу а по приездѣ вмоскву і по собраніи справокъ доставлено быть імеетъ внепродолжительномъ вре-
Л. 11. мени, а означенной священникъ Коломенской епархіи Федоръ Христофоровъ нынѣ послучаю находится здесь всанъпетербургѣ которой желаетъ на сихъ дняхъ отправится обратно в Москву втакомъ случае благоволите ваше высокопреосвященство для проезду до Москвы оному Священнику Христофорову дать видъ.

Поверенной купецъ Дмитрій Федоровъ.

№ 13.

Резолюція арх. Амвросія на 2-ое прошеніе повѣренныхъ московскихъ старообрядцевъ: опредѣленіе просимыхъ священниковъ и діаконовъ къ молитвенному храму московскаго кладбищенскаго старообрядческаго общества для исправленія христіанскихъ требъ, кромѣ литургіи.

Об. 11. Хотя означенныхъ священниковъ и діаконовъ яко отлучившихся отъ своихъ должностей надлежалобы болѣе предать законному сужденію; но какъ они по показанію повѣренныхъ состоятъ во отправленіи богослуженія и христіанскихъ требъ изъ давныхъ летъ, и отъ правительства гражданскаго повидимому были терпимы, а при томъ и въ поведеніи добропорядочномъ одобряются,

то на основаніи Имяннаго Его Императорскаго Величества высочайшаго указа Іюня 3-го числа о снабдѣніи ихъ священниками состоявшагося, и оставаться имъ для исправленія богослуженія и требъ христіанскихъ кромѣ литургій при Кладбищенскомъ Московскаго Старообрядческаго общества, молитвенномъ храмѣ по прежнему съ тѣмъ, что настоящее ихъ опредѣленіе съ дозволеніемъ отправлять священнодѣйствіе, то есть самую литургію, имѣетъ послѣдовать тогда, когда по полученіи извѣстія, изъ какихъ они Епархій и мѣстъ, и по учиненіи съ Епархіальными преосвященными Архіереями справокъ надлежащихъ, къ безсумнительному препорученію имъ отправлять священническую должность.—О учиненіи-же справокъ касательно священника Ѳеодора Христофорова сообщить отъ насъ къ Преосвященному Коломенскому, а для проѣзду до Москвы дать ему изъ походной конторы паспортъ; и о томъ изъ той-же походной нашей конторы означеннымъ повѣреннымъ дать открытой указъ съ приложеніемъ печати.

Амвросій Архіепископъ Казанскій.

Іюня 10-го дня 1799 г.

Помѣта: по сему въ походной конторѣ опредѣлено: съ прописаніемъ оной резолюціи повѣреннымъ дать указъ, который и данъ Іюня 11-го дня 1799-го года.

№ 14.

Указъ Казанскаго арх. Амвросія изъ походной его конторы повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ объ опредѣленіи къ ихъ обществу рекомендуемыхъ ими, пребывавшихъ на кладбищѣ священниковъ и діаконовъ для отправленія христіанскихъ требъ, кромѣ литургіи.

Л. 81. *Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца всероссійскаго изъ походной конторы Его Преосвященства Святѣйшаго Правительствующаго Синода члена Амвросія Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго и разныхъ орденовъ кавалера Московскаго Старообрядческаго общества повѣренному Московскому купцу Дмитрію Ѳедорову и товарищу Его Митрофану Ильину.*—Сего 799-го года Іюня 9-го дня поданнымъ Его Преосвященству прошеніемъ просили вы о

опредѣленіи для Московскаго старообрядческаго общества находящихся изъ давныхъ лѣтъ при кладбищенской онаго общества часовнѣ священниковъ Алексѣя Ѳедорова, Андрея Адреянова, Петра, Іоанна, Карпа, Коломенской епархіи города Бронницъ Соборной Архангельской церкви священника Ѳедора Христофорова; діяконовъ Харалампія Козмина и Петра, и о позволеніи имъ отправлять богослуженіе и требы; о прописанныхъ-же священникахъ и діяконахъ, какихъ они Епархій, городовъ, селъ и церквей, по пріѣздѣ въ Москву обѣщались вы прислать въ непродолжительномъ времени надлежащія справки; причемъ объявивъ, что Коломенской Епархіи священникъ Ѳедоръ Христофоровъ нынѣ послучаю находится здѣсь въ Санктпетербургѣ, и желаетъ на сихъ дняхъ отправиться обратно въ Москву, просили вы для проѣзду ему до Москвы дать видъ. А въ Имянномъ Его Императорскаго Величества высочайшемъ указѣ сего Іюня 3-го дня въ слѣдствіе прошенія вашего состоявшемся изображено: „какъ они Сами отзываются Мною быть довольными, то и оставилибъ Мнѣ съ Преосвященнымъ Казан-
Об. 81. скимъ дѣло ихъ вѣдать, и сему послѣднему снабжать ихъ священниками по ихъ одобреніямъ. О прочемъ оставляю, „дабы не произошло недоразумѣнія; а о сумнѣніяхъ спра„шиваться меня имъ же самимъ.“ И на ономъ прошеніи резолюція отъ Его Преосвященства послѣдовала такова: хотя означенныхъ священниковъ и діяконовъ, яко отлучившихся отъ своихъ должностей надлежалобы болѣе предать законному сужденію; но какъ они по показанію повѣренныхъ состоятъ у нихъ въ отправленіи Богослуженія и христіанскихъ требъ изъ давныхъ лѣтъ, и отъ правительства гражданскаго повидимому были терпимы, а при томъ и въ поведеніи добропорядочномъ одобряются, то на основаніи вышеписаннаго Его Императорскаго величества высочайшаго указа и оставаться имъ для исправленія богослуженія и требъ христіанскихъ кромѣ литургіи при кладбищенскомъ Московскаго Старообрядческаго общества Молитвенномъ храмѣ по прежнему съ тѣмъ, что настоящее ихъ опредѣленіе съ дозволеніемъ отправлять священнодѣйствіе, то есть литургіи, имѣетъ послѣдовать тогда, когда по полученіи извѣстія изъ какихъ они Епархій и мѣстъ, и по учиненіи съ Епархіальными Преосвященными Архіереями справокъ надлежащихъ къ безсумнительному препорученію имъ отпра-

влять священническую должность. О учиненіи же справокъ
Л. 82. касательно священника Ѳедора Христофорова сообщить отъ меня къ Преосвященному Коломенскому, и сообщено; а для проѣзду до Москвы дать ему изъ походной моей конторы пачпортъ, которой и данъ, о томъ изъ той-же конторы означеннымъ повѣреннымъ дать открытой указъ съ приложеніемъ печати.—Почему во исполненіе оной резолюціи въ походной Его Преосвященства конторѣ опредѣлено: съ прописаніемъ вышеозначеннаго дать вамъ повѣреннымъ указъ, которой и дается съ тѣмъ, чтоб вы по пріѣздѣ въ Москву объявили оной, гдѣ слѣдуетъ.

Іюня 11-го дня 1799 года.

Крестовый священникъ Василій Стефановъ.

Исправляющій письменныя дѣла Студентъ Василій Весновскій.

У сего указа походной Его Преосвященства конторы казенная печать (изъ краснаго сургуча).

Мѣсто печати.

№ 15.

Отношеніе архіепископа Амвросія къ генералъ-прокурору князю Лопухину. Пр. Амвросій извѣщаетъ князя о своихъ дѣйствіяхъ во исполненіе именного указа отъ 3-го іюня 1799 г.

Свѣтлѣйшій князь! Милостивый Государь мой!

Л. 15. Во исполненіе полученнаго мною 7-го числа отъ Васъ при сообщеніи копіи съ имяннаго Его Императорскаго Величества Высочайшаго указа сего-жъ Іюня 3-го дня по прошенію Московскаго Старообрядческаго общества повѣренныхъ, о снабденіи ихъ священниками состоявшагося, учинено Мною слѣдующе:

1-е. Означеннымъ повѣреннымъ оный высочайшій указъ того 8 дня объявленъ съ объясненіемъ, какихъ и на какомъ основаніи для опредѣленія къ нимъ священниковъ представлять, съ чего прилагается при семъ копіа.

2-е. Предложено для свѣдѣнія Святѣйшему Синоду съ приложеніемъ копіи, какъ съ онаго высочайшаго указа такъ и съ сообщенія вашея свѣтлости, равно для вѣдомаже съ приложеніемъ тѣхъ-же копій отъ меня сообщено и къ пр. Митрополиту Московскому, въ слѣдствіи того отъ повѣренныхъ по поданному мнѣ 2-го числа прошенію о опредѣленіи къ нимъ священниковъ: Алексѣя Ѳедорова, Андрея Андреянова, Петра, Іоанна, Карпа, Коломенской Епархіи города Бронницъ священника Ѳедора Христофорова,
Об. 15. діакона Харлампія Козмина и Петра всего 8 человѣкъ съ позволеніемъ отправлять имъ священнослуженіе и требы; яко изъ давныхъ лѣтъ у нихъ находящихся и хотя откуда они неизвѣстныхъ, но въ поведеніи одобренныхъ резолюціею отъ меня опредѣлено: онымъ священникамъ оставаться для исправленія богослуженія и требъ христіанскихъ кромѣ литургій, при кладбищенскомъ Московскаго Старообрядческаго общества молитвенномъ храмѣ по прежнему съ тѣмъ, что настоящее ихъ опредѣленіе съ дозволеніемъ отправлять священнодѣйствіе то есть литургію, имѣетъ послѣдовать тогда, когда по полученіи извѣстія, изъ какихъ они Епархій и мѣстъ, и по учиненіи съ Епархіальными Преосвященными Архіереями надлежащихъ справокъ къ безсумнительному препорученію имъ отправлять священническую должность; и о томъ данъ имъ изъ походной моей конторы указъ; а для свѣдѣнія о семъ Московскому Г. военному Губернатору сообщено быть имѣетъ на слѣдующей-же почтѣ.

О чемъ для всеподданнѣйшаго Его Императорскому Величеству донесенія извѣстя вашу Свѣтлость съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію честь имѣю быть вашея Свѣтлости Милостиваго Государя моего....

Іюня 11 дня 1799 года.

№ 16.

Отношеніе Казанскаго архіепископа Амвросія къ Московскому военному губернатору, графу Ивану Петровичу Салтыкову 2-му. Преосв. Амвросій увѣдомляетъ гр. Салтыкова о высочайшемъ указѣ 3 іюня 1799 г. и о сообщеніи генералъ-прокурора отъ 7 іюня того же года, препровождая къ нему копіи съ этихъ документовъ и извѣщая о своемъ опредѣленіи къ московскимъ старообрядцамъ поименованныхъ въ отношеніи священниковъ и діаконовъ.[1])

Сіятельнѣйшій Графъ! Милостивый Государь!

Л. 44. На основаніи имяннаго Его Императорскаго величества высочайшаго указа сего іюня 3-го дня состоявшагося, и при сообщеніи отъ Его Свѣтлости Г. Генералъ-Прокурора Князя Петра Васильевича Лопухина копіею мнѣ доставленнаго, съ коихъ для свѣдѣнія Вашему Сіятельству прилагаются при семъ копіи поданнымъ мнѣ Московскаго старообрядческаго общества повѣренные Дмитрій Федоровъ съ товарищемъ, прошеніемъ просили о опредѣленіи къ нимъ священниковъ, яко изъ давныхъ лѣтъ у нихъ находящихся, и хотя, откуда они, неизвѣстныхъ, но въ поведеніи одобренныхъ, Алексѣя Ѳедорова, Андрея Адріанова, Петра, Іоанна, Карпа, Коломенской Епархіи города Бронницъ священника Ѳедора Христофорова, діяконовъ: Харалампія Козмина и Петра, съ позволеніемъ отправлять имъ священнослуженіе и требы; по коему прошенію резолюціею отъ меня опредѣлено: онымъ священникамъ и діаконамъ оставаться для исправленія богослуженія и требъ христіанскихъ, кромѣ литургій, при кладбищенскомъ Московскаго Старообрядческаго общества молитвенномъ храмѣ по прежнему съ тѣмъ,
Об. 44. что настоящее ихъ опредѣленіе съ дозволеніемъ отправлять священнослуженіе, то есть литургію, имѣетъ послѣдовать тогда, когда по полученіи извѣстія, изъ какихъ они Епархій и мѣстъ и по учиненіи съ Епархіальными Преосвященными Архіереями надлежащихъ справокъ, къ безсумнительному препорученію имъ отправлять священническую должность; и о томъ данъ имъ повѣреннымъ изъ походной моей кон-

[1]) Помѣта: получено 20-го Іюня 1799 года.

торы указъ. О непризнаваніи-же означенныхъ священнослужителей бѣглыми, и о нечиненіи имъ препятствій во отправленіи богослуженія и требъ симъ извѣщая ваше сіятельство съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію честь имѣю быть Вашего Сіятельства Милостиваго Государя моего всепокорный слуга Амвросій Архіепископъ Казанскій.

№ 8. Іюня 12 дня 1799 года. Въ С.-Петербургѣ.

№ 17.

Отношеніе архіепископа Амвросія къ преосвященному Серапіону, епископу Дмитровскому, объ опредѣленіи имъ поименованныхъ въ отношеніи бѣглыхъ священниковъ и діаконовъ къ московскимъ старообрядцамъ для совершенія богослуженія по старопечатнымъ книгамъ, кромѣ литургіи[1]).

Преосвященнѣйшій Владыко! Всепочтеннѣйшій о Господѣ братъ!

Л 26. На основаніи имяннаго Его Императорскаго Величества Высочайшаго указа сего іюня 3-го дня состоявшагося, и при сообщеніи отъ Его Свѣтлости Г. Генералъ-прокурора Князя Петра Васильевича Лопухина копіею мнѣ доставленнаго, съ коихъ для свѣдѣнія Преосвященнѣйшему Митрополиту Московскому доставлены отъ меня копіи, поданнымъ мнѣ Московскаго Старообрядческаго общества повѣренные Дмитрій Ѳедоровъ съ товарищемъ, прошеніемъ просили о опредѣленіи къ нимъ священниковъ, яко изъ давныхъ лѣтъ у нихъ находящихся, и хотя, откуда они неизвѣстныхъ, но въ поведеніи одобренныхъ, Алексѣя Ѳедорова, Андрея Адріанова, Петра, Іоанна, Карпа, Коломенской Епархіи города Бронницъ священника Ѳедора Христофорова, діаконовъ: Харлампія Козмина и Петра, съ позволеніемъ отправлять имъ священнослуженіе и требы; по коему прошенію резолюціею отъ меня опредѣлено: онымъ священникамъ и діаконамъ для исправленія Богослуженія и требъ христіанскихъ, кромѣ литургій, оставаться при кладбищенскомъ Московскаго Старообрядческаго общества молитвенномъ храмѣ по прежнему съ тѣмъ, что настоящее ихъ опредѣленіе съ дoз-

[1]) Помѣта: Іюня 21-го дня 1799 года.

воленіемъ отправлять священнодѣйствіе, то есть, литургію, имѣетъ послѣдовать тогда, когда по полученіи извѣстія изъ какихъ они Епархій и мѣстъ, и по учиненіи съ Епархіальными Преосвященными Архіереями надлежащихъ справокъ,
Об. 26. къ безсумнительному препорученію имъ отправлять священническую должность, и о томъ данъ имъ повѣреннымъ изъ походной моей конторы указъ. О непризнаваніи-же означенныхъ священнослужителей бѣглыми и о нечиненіи имъ препятствій въ отправленіи богослуженія и требъ, симъ извѣщая ваше преосвященство, съ истиннымъ почтеніемъ и усердіемъ пребыть имѣю Вашего Преосвященства всеусердный слуга Амвросій Архіепископъ Казанскій.

№ 9. Іюня 12-го дня 1799 года. Въ Санктпетербургѣ.

№ 18.

Отношеніе генералъ-прокурора князя Лопухина къ архіепископу Амвросію о томъ, что по смыслу именного указа 3 іюня 1799 г. арх. Амвросію благопристойнѣе доносить о своихъ распоряженіяхъ касательно московскихъ старообрядцевъ непосредственно государю императору, помимо генералъ-прокурора[1]).

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Милостивый Архипастырь мой!

Л. 18. На отношеніе вашего высокопреосвященства о распоряженіяхъ вами учиненныхъ во исполненіе имяннаго высочайшаго указа о дѣлахъ старообрядцевъ, долгомъ приверженности моей къ вамъ поставляю сообщить вашему высокопреосвященству не признаете-ли вы благопристойнейшимъ донести о семъ не посредственно отъ себя Его Императорскому Величеству. Сіи мысли мои основываю я на томъ, что въ содержаніи указа Государь Императоръ предоставляетъ дѣла сіи вѣдать себѣ не посредственно съ вами и сверхъ того самой разумъ и образъ указа сего доказываетъ, что Его Императорскому величеству благоугодно, чтобы
Об. 18 распоряженія по сей части оставались въ единственномъ свѣденіи вашемъ и ни куда и не чрезъ кого болѣе не проходили.—Прося ваше высокопреосвященство принять сіе

[1]) Помѣта: получено 14 іюня 1799 года.

мнѣніе мое доводомъ истиннаго моего къ вамъ усердія, съ не пременнымъ почтеніемъ честь имѣю быть на всегда вашего высокопреосвященства Милостиваго Архипастыря моего покорнѣйшій слуга Князь Лопухинъ.

№ 4876. Іюня 13-го дня 1799 года.

№ 19.

Всеподданнѣйшій рапортъ архіепископа Амвросія о своихъ распоряженіяхъ касательно московскихъ старообрядцевъ.

Всепресвѣтлѣйшему Державнѣйшему великому Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому.

Отъ Синодальнаго члена Амвросія Архіепископа Казанскаго.

Всеподданнѣйшій репортъ.

Л. 20. Во исполненіе Имяннаго Вашего Императорскаго Величества Высочайшаго указа сего Іюня 3-го дня по поводу прошенія повѣренныхъ Московскаго Старообрядческаго общества состоявшагося, которымъ между прочимъ повелѣно мнѣ снабжать ихъ священниками, въ копіи сего іюня 7-го дня при сообщеніи отъ Господина Генералъ-Прокурора Князя Лопухина мнѣ доставленнаго съ прописаніемъ, что таковая-же отъ него дана и тѣмъ повѣреннымъ, мною учинено слѣдующее: означеннымъ повѣреннымъ письменно отъ меня объявлено, какихъ и на какомъ основаніи тѣ повѣренные должны мнѣ представлять для опредѣленія къ нимъ священниковъ; въ слѣдствіе сего поданнымъ мнѣ означенные повѣренные прошеніемъ просили о опредѣленіи къ Московской Старообрядческой ихъ часовнѣ шести священ-
Об. 20. никовъ и двухъ діаконовъ, изъдавна у нихъ бывшихъ и въ поведеніи ими одобряемыхъ съ позволеніемъ отправлять имъ богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ. И по оному прошенію мною опредѣлено: означенныхъ священниковъ и діаконовъ яко состоящихъ во отправленіи богослуженія у нихъ изъ давныхъ лѣтъ, а при томъ и въ поведеніи одобренныхъ не предавая уже законному за отлучку отъ должностей своихъ сужденію на основаніи вышеписаннаго Имяннаго Вашего Императорскаго Величества Высочайшаго ука-

за оставить для исправленія по ихъ просьбѣ богослуженія, кромѣ литургій, съ тѣмъ, что настоящее ихъ опредѣленіе съ дозволеніемъ отправлять священнодѣйствіе, то есть самую литургію, имѣетъ послѣдовать тогда, когда получены будутъ извѣстія изъ какихъ они Епархій и мѣстъ и по учиненіи съ Епархіальными Преосвященными Архіереями справокъ надлежащихъ, къ безсумнительному препорученію имъ отправлять священническую должность, о чемъ имъ повѣреннымъ и данъ указъ; для свѣденія-же о томъ и непризнаваніи тѣхъ свя-
Л. 21. щеннослужителей бѣглыми, равно и о нечиненіи имъ препятствій въ отправленіи Богослуженія сообщено отъ меня преосвященному Митрополиту Московскому, и Г. Генералъ-Фельдмаршалу Московскому военному Губернатору Графу Салтыкову; а для всеподданнѣйшаго о исполненіи по сему донесенія Вашему Императорскому Величеству сообщено было Г. Генералъ-Прокурору, который на оное сего-жъ Іюня 14-го дня увѣдомилъ меня, что онъ благопристойнѣйшимъ признаетъ о семъ Вашему Императорскому Величеству донести непосредственно мнѣ отъ себя съ приложеніемъ копіи съ учиненнаго на первой случай и даннаго повѣреннымъ объявленія.

Того ради Вашему Императорскому величеству о всемъ вышеписанномъ всеподданнѣйше репортую осмѣлясь приложить новую копію на высочайшее В. И. В. усмотреніе. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій...

№ 11. Іюня 15-го дня 1799 года.

№ 20.

Письмо архіепископа Амвросія повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ о замѣнѣ указа на опредѣленіе священниковъ свидѣтельствомъ о возвращеніи указа и о справкахъ относительно опредѣленныхъ священниковъ.

Л. 23. Государи мои! Дмитрій Ѳедоровичъ и Митрофанъ Ивановичъ!

По открывшимся обстоятельствамъ за нужное призналъ я вмѣсто указа даннаго вамъ о опредѣленіи священниковъ дать вамъ свидѣтельство того-же и полнаго уже содержанія разумѣя подъ именемъ извѣстнаго вамъ и мнѣ осно-

ванія, на которомъ сіе свидѣтельство дано, копію данную вамъ отъ Г. Генералъ-Прокурора съ высочайшаго указа которую вы въ случаѣ каковой-либо надобности для подтвержденія сего и можете объявить кому будетъ слѣдовать; указъ-же данный изъ походной конторы яко для васъ уже ненужный и недѣйствительный пришлите ко мнѣ обратно. Въ справкахъ о священникахъ хотя надобности дальной я и непредвижу, однако при исполненіи даннаго отъ меня вамъ объявленія объясните и о нихъ по крайней мѣрѣ для моего свѣдѣнія; а притомъ по полученіи показанія откуда они можетъ вмѣсто общаго онаго свидѣтельства дано быть каждому изъ нихъ таковое-же, когда отъ васъ будетъ на то требованіе. При желаніи вамъ Божія благословенія пребываю...

Іюня 16-го дня 1799 года.

№ 21.

Свидѣтельство арх. Амвросія повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ объ опредѣленіи къ ихъ обществу священнослужителей, данное взамѣнъ указа съ тѣмъ же содержаніемъ.

Л. 79. Московскаго Старообрядческаго общества повѣреннымъ купцамъ Дмитрію Ѳедорову и Митрофану Ильину.

Представленные ко мнѣ нижеподписавшемуся при прошеніи изъ давна у васъ находившіеся и одобренные отъ васъ повѣренныхъ священники: Алексѣй Ѳедоровъ, Андрей Адріановъ, Ѳедоръ Христофоровъ, такъ-же Петръ, Іоаннъ и Карпъ, да діаконы Хараламній Козминъ и Петръ, на извѣстномъ мнѣ и вамъ имѣющемся у васъ основаніи священниками къ Московской старообрядческаго общества кладбищенской часовнѣ для богослуженія и исправленія христіанскихъ требъ симъ отъ меня опредѣлены съ дозволеніемъ имъ священникамъ оную службу Божію по прежнему отправлять и требы преподавать по старопечатнымъ книгамъ. При чемъ имъ священникамъ какъ себя вести. такъ поступать и съ старообрядцами на основаніи правилъ соборныхъ и святыхъ отецъ, принося въ служеніяхъ гдѣ и когда надлежитъ моленіе о высочайшемъ здравіи и благоденствіи Его Императорскаго Величества, Супруги Его Ея

Императорскаго Величества, Наслѣдника Его, всей высочайшей фамиліи и прочихъ кого слѣдуетъ, наблюдая и ту всякую обязанность каковую возлагаютъ на священниковъ гражданскіе законы и присяга вѣрности, такъ-же убѣгая всемѣрно вездѣ какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ дерскихъ
Об. 79. поступокъ, коими-бы другіе могли быть озлоблены, или огорчены, или возмущены къ нарушенію тишины и порядка общественнаго.—Дано сіе свидѣтельство въ Санктпетербургѣ съ приложеніемъ печати походной конторы.

Амвросій Архіепископъ Казанскій.

Іюня 8 дня 1799 года.

Печать краснаго сургуча.

№№ 22—24.

Отношенія арх. Амвросія на имя графа Салтыкова, митрополита Платона, преосвященнаго Серапіона о возвращеніи документовъ касательно московскихъ старообрядцевъ.

Сіятельнѣйшій Графъ! Милостивый Государь!

Л. 22. Усмотрѣвъ, что значущимся въ моемъ къ Вашему Сіятельству отъ 12-го сего Іюня подъ № 8-мъ отношеніи самимъ просителямъ копія дана, сверхъ даннаго имъ отъ меня свидѣтельства, нахожу, что оное мое отношеніе съ приложеніемъ для Вашего Сіятельства какъ не нужно такъ и не слѣдовало; почему и прошу покорнѣйше все то ко мнѣ возвратить, сохраня съ стороны вашей объ ономъ подъ секретомъ, такъ какъ-бы и неполучали онаго въ прочемъ съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію честь имѣю быть (Амвросій Архіепископъ Казанскій).

№ 12. Іюня 16-го дня 1799.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Милостивый мнѣ благодѣтель!

Отношеніе отправленное отъ меня къ свѣденію Вашего Высокопреосвященства сего Іюня 12-го дня подъ № 2-мъ съ приложеніемъ благоволите признавъ секретнѣйшимъ

прислать ко мнѣ обратно, въ прочемъ съ истиннымъ къ особѣ вашей высокопочитаніемъ пребываю (Амвросій Архіепископъ Казанскій).

№ 13. Іюня 16-го дня 1799 года.

Преосвященнѣйшій владыко! Всепочтенный о Господѣ братъ!

Отношеніе посланное отъ меня Вашему Преосвященству сего Іюня 12-го дня подъ № 9-мъ благоволите признавъ секретнѣйшимъ прислать обратно. По сей-же части приложенное письмо къ Преосвященному Митрополиту прошу доставить немедля взявъ предосторожность о сохраненіи, ежелибъ отъ него въ копію здано было. Въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и усердіемъ пребываю (Амвросій Архіепископъ Казанскій).

№ 14. Іюня 16-го дня 1799 года.

№№ 25—27.

Отвѣтныя отношенія преосвященнаго Серапіона, графа Салтыкова и митрополита Платона по содержанію предшествующихъ отношеній.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Милостивѣйшій Отецъ и Благодѣтель!

Л. 25. Отношеніе отъ вашего святительства посланное ко мнѣ сего Іюня 12-го дня подъ № 9-мъ а мною полученное 21-го сегожъ іюня, при семъ по требованію вашего святительства препровождаю обратно; а приложенное по сей-же части къ преосвященнѣйшему Митрополиту письмо не мѣдля доставлю, и предосторожность о каковой изволите писать, возму. А прежнее отъ вашего святительства къ нему отношеніе, въ Консисторію имъ не здано; да и не имѣю, доставлено-ли оно ему, и свѣдѣній,—въ протчемъ при препорученіи себя Архипастырскимъ вашего святительства молитвамъ, остаюсь съ моимъ всеподобающимъ къ особѣ вашей высокопочитаніемъ вашего высокопреосвященства Милостивѣйшаго отца и благодѣтеля, всепокорнѣйшій слуга и богомолецъ Серапіонъ Епископъ Дмитровскій[1]).

Іюня 23-го дня 1799 г. Москва.

[1]) Помѣта: получено Іюня 30 дня 1799 года.

Преосвященнѣйшій владыко! Милостивый Государь

Л. 43. Въ слѣдствіе [1]) отношенія ко мнѣ вашего Преосвященства отъ 16-го числа сего мѣсяца подъ № 12-мъ, я возвращаю при семъ таковое-же отъ 12-го числа мною отъ васъ полученное съ слѣдующимъ къ нему приложеніемъ.—Что-же касается до требуемаго вами сохраненія онаго съ моей стороны подъ секретомъ такъ какъ-бы я и не получалъ его; то удовлетвореніе подобному вашего Преосвященства желанію, сколько бы ни былъ готовъ то исполнить, отъ меня зависѣть уже неможетъ; ибо получивъ по начальству моему здѣсь оное отъ васъ сообщеніе, послѣдовавшее на основаніи высочайшаго повелѣнія, я далъ было уже приказаніе при-
Об. 43. вести оное актомъ въ надлежащее исполненіе какъ въ разсужденіи непризнаванія бѣглыми означенныхъ въ ономъ здѣшняго старообрядческаго общества священниковъ, такъ и нечиненія имъ препятствій въ отправленіи богослуженія и требъ; а потому бумаги сіи и не одному мнѣ стали быть извѣстными, тѣмъ болѣе, что онѣ дошли ко мнѣ не какъ секретныя, а напротивъ еще по содержащимся въ нихъ обстоятельствамъ принадлежали до общаго свѣденія,—вмѣнивъ въ обязанность себѣ извѣстить о томъ ваше Преосвященство, я пользуюсь случаемъ симъ чтобы засвидѣтельствовать вамъ, милостивый Государь мой, и то истинное почтеніе, съ коимъ навсегда пребуду Милостивый Государь мой Вашего Преосвященства покорнѣйшій слуга Г. Салтыковъ.

№ 1146. Іюня 27-го дня 1799 г. Москва.

Преосвященнѣйшій владыко! Почтенный о Господѣ братъ и пріятель!

Л. 47. По требованію вашему, присланное ко мнѣ свѣдѣніе и съ приложеніями, возвращаю: и есмь съ моимъ истиннымъ почтеніемъ вашего Преосвященства усерднѣйшій слуга Платонъ М. Московскій.

1799 г. Іюня 28-го дня. Виѳанія.

---

[1]) Помѣта: получ. 4-го Іюля 1799 г.

№ 28.

„Изъясненіе“ повѣреннаго Дмитрія Ѳедорова архіеп. Амвросію о происшедшемъ раздорѣ на Рогожскомъ кладбищѣ при фактическомъ осуществленіи предписаній арх. Амвросія касательно московскихъ старобрядцевъ.

Л. 27. Въ силу высочайшаго высокомонаршаго благоволенія і данныхъ отъ вашего Преосвященства мнѣ предпісаній по которымъ я дѣйствія произвести оказался невсілахъ но не только дѣлать по онымъ какое ісполненіе но даже і должное уведомленіе вподобное время выполнити способа ненашелъ притчина-же тому препятъствующая есть такова осмеливаюсь объяснить вашему Преосвященству в нижеслѣдующемъ:

— 1-е —

По приезде моемъ въ Москву явясь я къ Его Сиятельству Графу Івану Петровичу Салтыкову сего іюня 21-го дня объявя Его Сиятельству данную мнѣ копію съ Высочайшаго его Императорскаго Величества указа і отъ вашего Преосвященства данные предписаніи причемъ Его Сіятельство сказалъ мнѣ что-де за известіе объ ономъ і ему знать дано напротивъ чего объясня я его Сиятельству ібо по елику долженъ я оное
Об. 27. высокомонаршее благоволеніе и вашего Преосвященства предписаніи объявить нашимъ Священникамъ і обществу: послеж чего далъ я знать нашему обществу дабы были 24-го іюня накладбище къ часамъ гдѣ в молитвенномъ храме прочитав высокомонаршее благоволеніе і ваши предписаніи і какъ по прочтеніи онаго вси весма несказанно возрадовахуса какъ священники такъ і общество і втакомъ всерадостномъ случае оказанномъ Его Императорскимъ Величествомъ вси возъкликнули единымъ гласомъ Многа лѣтъ дай Богъ здраствовать нашему безъпримерному всвѣте і премудрому в милостяхъ Павлу Первому монарху і да продлитъ Господь Богъ дни жизни Его Императорскаго Величества со всею Его Императорскою фамиліею і да покоритъ Господь Богъ поднозе ому всякаго врага і супостата: і между собой отъ несказанной радости соизливаемыми слезами сполученіемъ Божіей і высокомонаршей отеческой милости другъ друга поздравляху і принесли втотъже часъ благо-

дарственный молебенъ съ коленоприклоненіемъ всехъ благъ
подателю Господу Богу о высочайшемъ здравіи і благоден-
ствіи Его Императорскаго Величества супруги Его Ея Им-
ператорскаго Величества Наследника Его всей Высочайшей
фамиліи і протчихъ і весь тотъ день отъ великой ра-
дости торжествоваху—я въ самый день Светлаго Воскре-
сенія Христова послеж сего

— 2-е. —

При ономъ кладбище находятся именуемыя попе-
чители московскіе купцы Архипъ Петровъ сынъ Абертышевъ, Іванъ Козминъ сынъ Сидоровъ і Фадей Михаиловъ которыя по духовнымъ обстоятельствамъ імѣютъ
правленіе какъ-то священниковъ принимаютъ і распоряжа-
Л. 28. ются сами штрафами оныхъ штрафуютъ такъже і всякое
духовное распоряженіе они-ж делаютъ і съ которыхъ
кроме перваго два послѣднихъ даже і грамоте неумеютъ
усмотря они изъ сего состоявшагося Высокомонаршаго Все-
милостивѣйшаго премудраго благоволенія і Вашего Пре-
освященства порядочнаго і благоразумнаго положенія: а по-
тому что уже отъ нихъ власть духовная і присвоенное іми
любоначаліе отъемлется; ітакъ в силу Высочайшаго ука-
за і по предписанію вашего Преосвященства отъ нихъ озна-
ченныхъ именующихся попечителей яко начальствующихъ
месту і исполненія чинить никакъ мнѣ стало неможно: ібо
они начали внушать какъ по кладбищу такъ і вообществѣ
нелепыя слухи будътобъ все сіе произведено ложно а не-
настоящее, а притомъ такъ-же начали болѣе внушать на-
чальникамъ какъ-то Его Сиятельству Графу Івану Петровичю
Салтыкову, Его Высокопревосходительству Івану Петровичу
Архарову і оберъ полицемейстеру Федору Федоровичу
Эрьтель что будтобъ я сіе произвелъ безъ согласія общества,
і якобъ імеющіяся у меня отъ вашего Преосвященства пред-
писаніи со всемъ мною будтобъ учиненныя фальшивые, і
якобъ общество втомъ учинило весма опасное почему какъ
Его Сиятельство Графъ Іванъ Петровичъ Салтыковъ такъ і
Его высокопревосходительство Іванъ Петровичъ Архаровъ
неоднократно призывали къ себѣ і вытребовавъ отъ меня
вашего Преосвященства все предписаніи читали Графъ
Об 28. Іванъ Петровичъ Салтыковъ подтвержденія спрашивалъ
меня подлинно-ли отъ вашего Преосвященства даны мнѣ
предписаніи і точно-ли подписалъ Преосвященный на что

я уверяя Его сиятельство всамой истинности точно отъ вашего Преосвященства даны оныя предписаніи которое учинено впользу общества і по согласію нашему, а потому і все общество на ономъ положеніи остается весма довольнымъ но і самые противящіяся немогутъ сего опорочить окромѣ разве своего любоначалія оставить невосхощутъ і просилъ Его Сиятельство дабы благоволилъ по оному учинить спомоществованіе і показанныхъ іменующихся попечителей отъ пустаго разътишенія удержать і защитить всходственность высокомонаршаго с нами благоволенія почему его Сиятельство і обещался сіе ісполнить а наконецъ сего іюня 29-го дня призванъ я былъ ко оберъ-полицеместеру Ѳедору Ѳедоровичу Эрьтель і его превосходительство крайнѣ со мной строго і жестоко поступилъ поносилъ і выражалъ такія слова для меня весма обидные і всамаго подлейшаго человека вменилъ і запретилъ строгимъ словомъ чтобы я ниже заикнутся могъ о данныхъ мнѣ отъ вашего Преосвященства бумагахъ і еже-ли объ оныхъ гдѣ упомяну только втужъ минуту обрею полъ головы і полъ бороды і сосланъ будешь въ Сибирь і свеликимъ безчестіемъ велелъ вытолкать вонъ; после-ж чего я въ тожъ время явился къ Его Сиятельству Графу Івану Петровичю Салтыкову объясня Его Сиятельству сие со мной учиненное оберъ-полицеместеромъ приключеніе і его Сиятельство весма удивлялся на таковой
Л. 29. произведенной поступокъ і наконецъ приказалъ написать і подать Его Сіятельству прозбу приложа при оной Вашего Преосвященства данные мнѣ все предписаніи въ копіяхъ.

Того ради всилу і всходственность высокомонаршаго благоволенія которымъ всемилостивейше і высочайше ізображено чтобъ ведать наши дѣла Его Императорскому Величеству с вашимъ Преосвященствомъ въ такомъ случае всепокорнейшіи і прошу Ваше Преосвященство объясня означенныя обстоятельства произведенныя впротивность высокомонаршей воли отъ означенныхъ іменуемыхъ попечителей которыя намерены послучаю усильствія своего і впредь неисполнять вашихъ данныхъ мнѣ полезныхъ обществу предписаній въ семъ і ожидая на сіе отъ вашего Преосвященства на таковой случай приказанія іли повеленія объ ономъ куда следуетъ товарища-жъ моего купца Митрофана Ільина въ Москвѣ ненаходится: і сіе изъясненіе

Московской второй гильдіи купецъ Дмитрій Федоровъ писалъ своеручно и руку приложилъ.

Іюня 30 дня 1799-го года. Москва.

№ 29.

Письмо повѣреннаго московскихъ старообрядцевъ Митрофана Ильина арх. Амвросію по поводу требованія пр. Амвросія возвращенія указа на опредѣленіе священниковъ[1]).

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Архипастырь! Милостивый Государь[1])!

Л. 59. При отъѣзде моемъ из Саннетербурга ваше высокопреосвященство изволили приказать мнѣ лично данной указъ изъ походной конторы поверенному товарищу моему Дмитрію Ѳедорову следующіи для нашего Московскаго Старообрядческаго общества чтобы оной указъ к вашему высокопреосвященству возвратить прибылъ я в Москву сего Іюля 8-го числа, тогоже числа справлялся где оной указъ хранитца въ кладбище или у Дмитрія Ѳедорова точно у него товарища моего Ѳедорова а какъ ево въ Москвѣ нѣтъ отлучился въ Макарьевскую ярмонку, а какъ возвратится не приминую объяснить вашего высокопреосвященства приказаніе равно и именованный сего 12-го числа отправлясь въ Макарьевскую ярмонку для торговаго производства а ежели что ваше высокопреосвященство заблагоразсудитъ дать знать о чемъ Московскому старообрядческому обществу у насъ изобраны въ кладбище хозяевы Московской
Об. 59. купецъ Архипъ Петровъ Обертышевъ съ товарищи торгъ производитъ въ лапотномъ реду; въ протчемъ навсегда сыстиннымъ ко особѣ вашей почитаниемъ и совершенною преданностію высокопреосвященнѣйшій владыко Милостивый Государь вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Митрофанъ Ильинъ.

Іюля 11-го дня 1799 года. Москва.

---

[1]) Помѣта: получено 19-го іюля.

№ 30.

Всеподданнѣйшій докладъ архіеп. Амвросія о томъ чтобы производить ему, пр. Амвросію, опредѣленіе священнослужителей къ старообрядцамъ на основаніи сношеній съ епархіальными архіереями; вѣдать новоопредѣляемыми священнослужителями при посредствѣ тѣхъ же епархіальныхъ преосвященныхъ; старообрядцамъ не принимать уже больше къ себѣ бѣглыхъ священнослужителей; разрѣшить возникшее недоумѣніе касательно формы поминовенія высочайшей фамиліи и требованія старообрядцевъ прописки въ опредѣленіяхъ священниковъ высочайшаго указа 3 іюня 1799 г.

Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій и всемилостивѣйшій Государь Императоръ!

Л. 54. Въ слѣдствіе Имянныхъ вашего Императорскаго Величества высочайшихъ указовъ, 1-го По прошенію повѣренныхъ Московскаго Старообрядческаго общества, минувшаго іюня 3-го дня состоявшагося, въ которомъ изображено: „какъ они сами отзываются мною быть довольными, то и „оставилибъ мнѣ съ преосвященнымъ Казанскимъ дѣло ихъ „вѣдать, и сему послѣднему снабжать ихъ священниками „по ихъ одобреніямъ. О прочемъ оставляю, дабы не про„изошло недоразумѣнія, а о сумнѣніяхъ спрашиваться меня имъ-же самимъ.—“ Во исполненіе коего, какъ я имѣлъ щастіе того-же іюня 15-го дня всеподданнѣйше репортовать Вашему Императорскому Величеству, по одобреніямъ тѣхъ повѣренныхъ опредѣлены мною къ Московской Старообрядческой ихъ часовнѣ шесть человѣкъ священниковъ и два діякона изъ давна у нихъ находившіеся, впредь до разсмотрѣнія на слѣдующемъ съ согласія повѣренныхъ основаніи: онымъ священникамъ и діяконамъ службу Божію отправлять и требы преподавать по старопечатнымъ книгамъ; при чемъ имъ какъ себя вести, такъ и съ старообрядцами поступать на основаніи правилъ Соборныхъ и Святыхъ Отецъ, принося въ служеніяхъ, гдѣ и когда надлежитъ моленіе
Об. 54. о Высочайшемъ здравіи и благоденствіи Вашего Импера-

торскаго Величества, Ея Императорскаго величества, Государя Наслѣдника и всей Высочайшей фамиліи, такъ-же и прочихъ, кого слѣдуетъ, наблюдая и ту всякую обязанность, каковую возлагаютъ на священниковъ гражданскіе законы и присяга вѣрности; равно убѣгая всемѣрно вездѣ какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ дерскихъ поступокъ, коими-бъ другіе могли быть озлоблены или огорчены, или возмущены къ нарушенію тишины и порядка общественнаго. 2-го Сего іюля 4-го дня объявленнаго мнѣ отъ бывшаго Генерала Прокурора Князя Лопухина, коимъ объ опредѣленіи священниковъ для Донскихъ и другихъ старообрядческихъ обществъ Высочайше повелѣно поступать на точномъ основаніи прописаннаго Имяннаго Вашего Императорскаго Величества высочайшаго указа пріемлю смѣлость Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представить о нижеслѣдующемъ:

1-е Поелику за поведеніемъ старообрядческихъ священниковъ потребенъ ближайшій присмотръ; а мнѣ для предписаній имъ и всякихъ переписокъ нужны извѣстные особы, съ коими-бъ могъ я имѣть по дѣламъ старообрядческимъ сношеніи; то посему, а паче для избѣжанія затрудненій по отдаленности мѣстъ, полагаю опредѣленіе священниковъ къ старообрядцамъ по отзывамъ ихъ ко мнѣ производить на основаніи высочайшаго Вашего Величества повелѣнія по сношеніямъ моимъ чрезъ Епархіальныхъ Преосвященныхъ Архіереевъ, въ епархіяхъ коихъ оные состоятъ, съ тѣмъ, чтобы сіи преосвященные давая мнѣ знать, кто и гдѣ будетъ опредѣленъ, имѣли ихъ въ своемъ вѣдомствѣ и относилися-бъ ко мнѣ о всякихъ нужныхъ по дѣламъ
Л. 55. старообрядческимъ обстоятельствахъ, для распоряженія и для всеподданнѣйшаго въ случаѣ надобности доклада Вашему Императорскому Величеству.

2-е. Священникамъ онымъ, коихъ опредѣлять хотя по одобреніямъ старообрядцовъ, но по учиненіи надлежащихъ справокъ, имѣть законами предписанныя книги для записки родившихся, бракомъ вѣнчающихся и умирающихъ такъ же бывшихъ и небывшихъ у исповѣди и святаго причастія, и подавать оныя по порядку Епархіальному Архіерею.

3-е. Старообрядцамъ впредь самимъ собою священниковъ къ себѣ не принимать, а опредѣленныхъ безъ пред-

ставленія неотрѣшать, и всѣ тѣ священники, кои небудутъ имѣть о опредѣленіи своемъ Архіерейскаго свидѣтельства, должны быть признаваемы за бѣглыхъ.

4-е. Утруждавшіе нынѣ прозбою Ваше Императорское Величество старообрядцы желаютъ имѣть у себя церкви, а нѣкоторые о томъ-же и просятъ меня, но съ тѣмъ, чтобы по печатнымъ формамъ высочайшихъ имянъ, Вашего Императорскаго Величества и всей Императорской фамиліи на ектеніяхъ и прочихъ мѣстахъ при богослуженіи невозносить; такъ-же Синода и Епархіальнаго Архіерея не поминать и Мира Святаго отъ Архіереевъ небрать; а даютъ обязательство наблюдать только то, что какъ выше значится, предписано отъ меня для священниковъ Московскаго Старообрядческаго общества. А которымъ старообрядцамъ до нынѣ Синодъ дозволялъ имѣть церкви съ священниками, тѣ отправляя службу по старопечатнымъ книгамъ, обязывалися вспоминать высочайшія имена, Вашего Императорскаго Величества и всей Императорской фамиліи, также Синодъ, Епархіальнаго Архіерея, Сингклитъ и воинства по печатнымъ формамъ Миро-же Святое брать отъ Архіереевъ, равно и прочее исполнять, чего законы и порядокъ требуютъ.— Почему изъ снисхожденія къ нимъ не соблаговолено-ли будетъ отъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйше повелѣть давать церкви и имъ согласно ихъ желанію съ тѣмъ однако-же чтобъ воспоминаніе высочайшаго имени Вашего Императорскаго Величества и всей Императорской фамиліи чинимо было въ служеніяхъ по точному изображенію въ старопечатныхъ книгахъ. Об. 55.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: *conditio sine qua non.*

5-е. Старообрядцы требуютъ, дабы какъ въ предписаніяхъ о опредѣленіи къ нимъ священниковъ прописывать имянный Вашего Императорскаго Величества высочайшій указъ, состоявшійся Іюня 3-го дня сего 1799-го года, такъже давать-бы знать о тѣхъ опредѣляемыхъ къ нимъ священникахъ съ прописаніемъ тогоже высочайшаго указа и гражданскимъ правительствамъ. Сношеніе имѣть съ сими правительствами, по старообрядческимъ, какія встрѣтятся, обстоятельствамъ, какъ мнѣ, такъ и прочимъ Епархіальнымъ Архіереямъ, въ Епархіяхъ коихъ они находятся, хотя признаю нужнымъ-же, но прописывать-ли по ихъ требованіямъ оный высочайшій указъ, на сіе и все вышеписанное все-

подданнѣйше испрашиваю Вашего Императорскаго Величества всевысочайшаго разсмотрѣнія и повелѣнія. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій

Амвросій Архіепископъ Казанскій.

Іюля 12-го дня 1799 года.

№ 31.

Отношеніе статсъ-секретаря Неплюева къ архіепископу Амвросію о возношеніи высочайшей фамиліи на богослуженіи старообрядцевъ безъ всякаго измѣненія по старопечатнымъ книгамъ.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Милостивый Государь!

Л. 55 в. Сего-же дня имѣлъ я щастіе всеподданнѣйше представить Государю Императору донесеніе ваше касательно до желаній отъ старообрядцовъ вамъ изъявленныхъ, вразсужденіи формы ихъ служенія и прочаго.—Его Императорское Величество снисходя милостиво на оныя высочайше мнѣ приказать изволилъ написать къ вамъ, что касательно однакожъ возношенія имянъ Его Императорскаго Величества и всего Августѣйшаго дома при богослуженіи, то оное должно оставаться непремѣнно conditio sine qua non, и чтобъ ваше высокопреосвященство внушили имъ то, что такъ какъ они сами добровольно къ Его Величеству во всѣхъ дѣлахъ до священнослуженія и обрядовъ своихъ отнестись пожелали, и Его Величеству оныя довѣрили, то сіе и есть, включая уже обязанности ихъ по вѣрноподданству, статья, которая, ими самими должна щитаться первѣйшею, и къ духовнымъ чувствіямъ совѣсти ихъ наиближайшею.—Поминать-же Синода и Епархіальнаго Архіерея въ сей предметъ невходитъ, и можетъ оставаться по принятымъ ими правиламъ.—Впрочемъ исключая изъясненнаго здѣсь, Государь Императоръ на содержащіяся въ донесеніи вашемъ части высочайше соизволяетъ; о чемъ вашему высокопреосвященству сообщая, честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ и таковою-же преданностію высокопреосвященнѣйшій владыко Милости-

вый Государь вашего Высокопреосвященства покорнѣйшій и послушный слуга Д. Неплюевъ.

Петергофъ. Іюля 12-й день 1799-го года.

P. S. Государь Императоръ приказать изволилъ, чтобъ Ваше Высокопреосвященство взяли у старообрядцовъ форму, каковою они поминать хотятъ Имяна Государя Императора и фамиліи, и ко мнѣ-бы прислали, дабы можно было судить о силѣ и качествѣ смысла оной.

№ 32[1])

Отношеніе статсъ-секретаря Неплюева къ генералъ-прокурору Беклешову по поводу отказа старообрядцевъ поминать высочайшія имена точно по старопечатнымъ книгамъ.

Милостивый Государь мой, Александръ Андрѣичъ!

Л. I. Государь Императоръ милостило снисходя на прошеніе старообрядцевъ іюня 3-го дня далъ Высочайшій указъ, который находится въ дѣлахъ ввѣренныхъ Вашему Высокопревосходительству и вслѣдствіе котораго преосвященный архіепископъ Казанскій Амвросій,—имѣлъ съ ними сношеніе. Нынѣжъ такъ какъ они представить осмѣлились, между прочаго, статью противную обязанности верноподданныхъ и повиновенію власти; отвращались въ ихъ священнослуженіяхъ возносить имена Его Императорскаго Величества и Августѣйшей фамиліи, то Его Імператорское Величество высочайше мнѣ приказать изволилъ написать предварительно къ Вашему Высокопревосходительству, что онъ бъ Преосвященному Казанскому объявить изволилъ волю свою въ томъ состоящую, что естли сіе ихъ предложеніе не есть какое-нибудь невинное недоразумѣніе о чемъ требуется объясненіе, и естли послѣ онаго, найдется въ нихъ упорство,
Об. 1. означающее ихъ неповиновеніе, то ему, Преосвященному

---

[1]) № 32 заимствованъ изъ С. П. Б. Государственнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, дѣла 1799 г., разряд. VII, № 3321.

Казанскому, прервать всякое съ ними сношеніе. Послѣ котораго Государь Императоръ поручить изволилъ вамъ имѣть наистрожайшее наблюденіе надъ образомъ ихъ мыслей обнаруженныхъ ихъ поведеніемъ, и естли секта сія покажетъ какую-либо наклонность къ неспокойству, и вести себя будетъ несогласно съ долгомъ верноподданныхъ, тогда Ваше Высокопревосходительство имѣете виновныхъ отыскать, равномѣрно и тѣхъ кои въ послѣдней дачѣ утруждали прозьбою Государя Императора и вслѣдствіе коей состоялся указъ отъ 3-го іюня, имяна коихъ съ подробностями прошенія ихъ сообщитъ вамъ Преосвященный Казанскій и сихъ послѣднихъ наказать уже не такъ, какъ раскольниковъ, но какъ ослушниковъ законовъ и не повинующихся власти для (слово не
Л. 2. разобрано) свѣденіи о всемъ что до сего дѣла слѣдуетъ Ваше Высокопревосходительство можете отнестись къ Преосвященному Амвросію, который все оное подробно знаетъ по высочайшимъ ему даннымъ повелѣніямъ.

Объявивъ Монаршую волю честь имѣю быть навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью Милостивый Государь мой Вашего Высокопревосходительства всепокорный и всеусердный слуга Д. Неплюевъ.

Петергофъ. Іюля 12 день 1799 годъ.

№ 33[1]).

Высочайшій рескриптъ Павла I на имя преосвященнаго Амвросія, требующій прекращенія всякаго сношенія съ старообрядцами, по причинѣ ихъ отказа возносить высочайшія имена на своихъ моленіяхъ.

Преосвященный Амвросій Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій!

Об. 55 в. Вслѣдствіе повелѣнія Моего, сообщеннаго вамъ чрезъ находящагося при Мнѣ тайнаго совѣтника Неплюева въ отвѣтъ на донесеніе ваше касательно старообрядцовъ, по статьѣ въ ономъ повелѣніи Моемъ изъясненной, и безъ которой никакія стороны предложеніи приняты быть неимѣютъ, повелѣваю вамъ прекратить съ ними всякое сношеніе предъ симъ отъ Моего снисхожденія вамъ препору-

[1]) № 33-34 замствованы изъ Архива Новгородскихъ митрополитовъ, находящагося въ библіотекѣ Александро-Невской лавры, дѣла 1799 г. іюня 7, № 49 библ., № 9 архива.

ченное, и объявить имъ отъ Меня, что отъ нынѣ оставляю я всѣхъ ихъ въ первомъ ихъ положеніи.—Пребываю къ вамъ благосклонный „Павелъ“.

Собственноручная приписка. Къ сему прибавляю, что естьли рѣчь о поминаніи Меня и фамиліи по древнимъ обыкновеніямъ, то на сіе я соизволяю; а естьли-же совсѣмъ нехотятъ поминать, или съ какою-нибудь выдумкою subintelligitur, то прекратите всякое сношеніе, оставя все по прежнему. „Павелъ“.

Петергофъ. Іюля 12 день 1799 года.

№ 34.

Отвѣтное отношеніе архіепископа Амвросія на отношеніе статсъ-секретаря Неплюева касательно возношенія старообрядцами при богослуженіи императорской фамиліи[1]).

Превосходительный Господинъ! Милостивый Государь!

Л. 56. Высочайшій Его Императорскаго Величества рескриптъ при письмѣ Вашего Превосходительства въ которомъ изображено высочайшее повеленіе на представленное отъ Меня Его И-му В-ству всеподданнѣйшее донесеніе касательно старообрядцовъ, получить я щастіе имѣлъ; и по оному надлежащее исполненіе учинить не премину.—Въ слѣдствіе-же высочайшаго повелѣнія о взятьѣ у старообрядцовъ формы, каковою они понимать хотятъ имяна Государя Императора и фамиліи, и о присылкѣ оной къ вамъ, за отбытіемъ Московскихъ старообрядцовъ повѣренныхъ въМоскву, сего дни писалъ я къ онымъ какъ со внушеніемъ имъ того, что въ письмѣ вашего Превосходительства изображено, такъ и съ требованіемъ немедлѣнной ко мнѣ присылки означенной формы. У тѣхъ-же старообрядцовъ, которые находятся и просятъ меня здѣсь, оной формы для представленія къ Вашему Превосходительству потребовать я неразсудилъ потому, что они такъ какъ и прочіе обряды богослуженія заимствуютъ отъ Московскихъ; а по сему нетвердо-бъ было и показаніе ихъ. Въ прочемъ какъ ни съ кѣмъ изъ нихъ кромѣ московскихъ каковаго-либо положенія я еще не здѣлалъ, такъ и дѣлать ничего небуду, доколѣ невоспослѣ-

[1]) См. № 31.

дуетъ высочайшаго повелѣнія по полученіи и высочайшемъ разсмотреніи требуемой формы.—Пребываю въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію всегда вашего превосходительства Милостиваго Государя моего...

№ 19. Іюля 14 дня 1799 года.

№ 35[1])

Письмо архіепископа Амвросія повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ Дмитрію Ѳедорову и Митрофану Ильину съ требованіемъ присылки формы возношенія у нихъ на богослуженіи высочайшихъ именъ, имѣющей употребляться и на будущее время.

Государь Мой Митрофанъ Ивановичъ и Дмитрій Ѳедоровичъ!

Л. 4. Хотя въ данномъ отъ меня свидѣтельствѣ объ опредѣленіи священниковъ къ часовнѣ вашей старообрядческой и значится, чтобъ они въ служеніяхъ приносили гдѣ и когда надлежитъ моленіе о высочайшемъ здравіи и благоденствіи Его Императорскаго величества, Ея Императорскаго Величества, Государя Наслѣдника и всей высочайшей фамиліи; но какъ вы сами со всѣмъ обществомъ добровольно къ Его Императорскому Величеству во всѣхъ дѣлахъ до священнослуженія и обрядовъ своихъ пожелали, и Его величеству оныя довѣрили, то сіе и есть, сверхъ обязанностей вашихъ по вѣрноподданству, статья, которая вами самими должна щитаться первѣйшею и къ духовнымъ чувствіямъ совѣсти вашей наиближайшею; посему желаю и нужнымъ нахожу знать о томъ, какимъ образомъ у васъ въ служеніяхъ высочайшія имена Его Императорскаго Величества и прочихъ, какъ выше значитъ, возносятся? по новопечатнымъ формамъ то воспоминаніе чинить соглашаются или нѣтъ? и ежели не соглашаются, то напишите именно, не опуская ни слова: 1-е какъ на великой и сугубой ектиніяхъ, и 2-е на многолѣтіи возносятся оныя высочайшія имена и наконецъ 3-е какимъ образомъ возносить ихъ будутъ на ве-

[1]) № 35 заимствованъ изъ Государственнаго Архива М. И. Д., дѣла 1799 г.; разр. VII, № 3321.

ликомъ выходѣ, когда будете имѣть церковь? Сіе все объ-
Об. 4. ясните въ самой истиннѣ, какъ у васъ нынѣ есть, и какъ по согласію общества на будущее время тому быть полагаете? дабы послѣ не могло вытьти какой разности и слѣдствій предосудительныхъ, объявите не обинуяясь, ежели на оныхъ ектеніяхъ и прочемъ никакого у васъ не бываетъ вышеписаннаго воспоминанія, и впредь тому быть несогласно ваше общество съ другими подобными вашему обществами, да и пришлите ко мнѣ незамедляя и именно по первой отъ полученія почтѣ за подписомъ вашимъ и двухъ или трехъ священниковъ.

Пребываю вамъ всеусердный доброжелатель Амвросій Архіепископъ Казанскій.

№ 20 іюля 14-го дня 1799 года. С.-Петербургъ.

№ 36[1]).

Отношеніе арх. Амвросія къ графу Салтыкову съ предложеніемъ отдать вышеозначенное письмо лично повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ, получить отъ нихъ отвѣтъ и представить его съ первой же почтой.

Сіятельнѣйшій Графъ! Милостивый Государь мой!

Л 57. По надписи на приложенномъ письмѣ купцовъ Дмитрія Ѳедорова и Митрофана Иванова, или котораго-нибудь изъ нихъ прошу всепокорно приказать представить предъ себя и лично явившемуся къ вамъ отдать оное письмо сдѣлавъ ему начальничье ваше приказаніе, дабы онъ исполня по изображенному въ немъ требованію и о томъ донесеніе ко мнѣ запечатавъ представилъ-бъ Вашему Сіятельству непозже, какъ къ первой по полученіи сего почтѣ; а ваше Сіятельство прошу всепокорно-же тотъ представленный отъ него кувертъ, яко казенный и нужнѣйшій доставить ко мнѣ по сей-же почтѣ. Въ прочемъ съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію честь имѣю быть вашего Сіятельства, Милостиваго Государя моего (Амвросій Архіепископъ Казанскій).

№ 21. Іюля 14-го 1799 года.

---

[1]) №№ 36—39 заимствованы изъ Архива Новгородскихъ митрополитовъ, дѣла 1799 г. іюня 7, № 49 (9).

№ 37.

Отношеніе архіепископа Амвросія къ графу Салтыкову, дополнительное къ предшествующему: письмо, адресованное Дмитрію Ѳеодорову и Митрофану Ильину, пр. Амвросій проситъ передать Архипу Обертышеву, замѣняющему означенныхъ на конвертѣ повѣренныхъ на время отсутствія ихъ изъ Москвы.

Сіятельнѣйшій Графъ! Милостивый Государь!

Л. 60. Сего Іюля отъ 11-го числа повѣренной Московскаго Старообрядческаго общества Митрофанъ Ильинъ увѣдомилъ меня, что онъ и товарищъ его Дмитрій Ѳедоровъ намѣрены отправиться на Макарьевскую ярмарку съ показаніемъ, что я вмѣсто ихъ по дѣламъ старообрядческимъ могу отзываться въ случаѣ надобности къ избраннымъ при кладбищѣ старообрядцамъ хозяевамъ Московскому купцу Архипу Петрову Обертышеву съ товарищи торгующему въ Лапотномъ ряду; почему полагая, что кувертъ при письмѣ моемъ сего іюля 14-го дня къ вашему сіятельству на именованныхъ повѣренныхъ препровожденный ихъ въ Москвѣ незастанетъ, прошу покорнѣйше оной отдать вышеписанному купцу Архипу Обертышеву съ тѣмъ-же подтвержденіемъ объ исполненіи по написанному въ немъ и о немедленномъ представленіи, въ прочемъ и пр.

№ 22-й. Іюля 21-го 1799 г.

№ 38.

Отношеніе графа Салтыкова къ арх. Амвросію о невозможности вручить самолично письмо старообрядцамъ Дмитрію Ѳедорову и Митрофану Ильину за отъѣздомъ ихъ на Макарьевскую ярмарку. Отвѣтное на отношеніе отъ 14 іюля 1799 г. за № 21 (см. № 36)[1].

Преосвященнѣйшій владыко! Милостивый Государь мой

Л. 64. На письмо вашего Преосвященства отъ 14-го Іюля подъ № 21-мъ, въ которомъ препоручили вы мнѣ прило-

1) Помѣта: получено 29 іюля 1799 года.

женное при немъ, слѣдующее купцамъ Дмитрію Ѳедорову и Митрофану Иванову вручить самолично, извѣщаю васъ Милостивый Государь мой, что ни того ни другаго теперь здѣсь нѣтъ; ибо отлучились они въ Макарьевскую ярмонку, и непрежде сюда будутъ какъ къ 1-му числу будущаго Августа мѣсяца; а потому я съ означеннымъ препровожденнымъ ко мнѣ отъ Вашего Преосвященства письмомъ ничего другого немогу сдѣлать, какъ дождаться ихъ сюда пріѣзда.—Съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ навсегда пребуду Милостивый Государь мой, вашего Преосвященства покорнѣйшій слуга Г. Салтыковъ.

№ 1298. Іюля 22-го дня 1799 года. Москва.

№ 39.

Отношеніе арх. Амвросія къ графу Салтыкову съ требованіемъ взять отъ старообрядцевъ обстоятельный и рѣшительный отвѣтъ по содержанію письма Митрофану Ильину и Дмитрію Ѳедорову (касательно поминовенія старообрядцами при богослуженіи высочайшихъ особъ), за недостаточностью отвѣта по сему предмету повѣреннаго Архипа Обертышева.

Сіятельнѣйшій Графъ! Милостивый Государь мой!

Л. 65. При почтеннѣйшемъ письмѣ вашего Сіятельства отъ 1-го Августа ко мнѣ писанномъ хотя и получилъ я отвѣтъ на письмо мое отъ повѣреннаго Московскаго старообрядческаго общества, купца Архипа Петрова Обертышева, но какъ оный противъ требованій моихъ есть недостаточенъ и при томъ объяснено въ немъ, что онъ Обертышевъ за отсутствіемъ повѣренныхъ Дмитрія Ѳедорова и Митрофана Ильина и многихъ старообрядцевъ на Макарьевскую ярмонку, обстоятельнаго ничего на сіе мое письмо донесть неможетъ; уповательно-же, что означенные повѣренные и прочіе старообрядцы бывшіе на ярмонкѣ, съ оной уже возвратились то прошу покорнѣйше Ваше Сіятельство сыскавъ означеннаго купца Обертышева и тѣхъ повѣренныхъ и тѣхъ повѣренныхъ приказать имъ, дабы они непремѣнно посовѣ-
Об. 65. товавшись съ обществомъ, требуемый на мое письмо отвѣтъ здѣлали во всемъ обстоятельнѣйшій и рѣшительный въ

скоромъ времени и для доставленія ко мнѣ, представилибъ оной вашему-же Сіятельству. Въ прочемъ съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію честь имѣю быть всегда вашего Сіятельства Милостиваго Государя моего...

№ 24. Августа 8-го дня 1799 года. С.-Петербургъ.

№ 40[1]).

Отвѣтное письмо повѣренныхъ московскихъ старообрядцевъ Дмитрія Ѳедорова и Митрофана Ильина арх. Амвросію на его требованіе дать точныя свѣдѣнія о формѣ поминовенія у нихъ при богослуженіи высочайшихъ особъ.

Ваше Высокопреосвященство, Милостивѣйшій нашъ покровитель!

Л. 5. Какъ вамъ довольно извѣстно, что медлительность въ отвѣтствованіи на ваше письмо, которое мы имѣли счастье получить чрезъ его Сіятельство Графа Ивана Петровича Салтыкова, здѣлалась по причинѣ отъѣзда обоихъ насъ повѣренныхъ въ ярмонку: то всепокорнѣйше просимъ ваше Высокопреосвященство извинить насъ, что въ скорости обратно представить не возможно было обстоятельно о томъ, какимъ образомъ у насъ въ службѣ церковной высочайшія имена Императорскаго Величества и прочихъ возносятся? притомъ мы съ своей стороны отъ вашего высокопреосвященства таковаго возраженія и неожидали, зная вѣрно, что предписанная вами статья, которая сверхъ обязанностей нашихъ по вѣрноподданству, должна считаться нами первѣйшею и къ духовнымъ чувствіямъ совѣсти нашей наиближайшею, была окончена и рѣшена довольнымъ трактованіемъ во время нашего съ вами свиданія въ С.-Петербургѣ; а потому и священники наши и діаконы на извѣстномъ основаніи имѣющемся у насъ отъ вашего высокопреосвященства опредѣлены съ полнымъ дозволеніемъ отправлять служ-
Об. 5. бу Божію по прежнему. А какъ вы еще пожелали письмен-

---

[1]) № 40 заимствованъ изъ Государственнаго Архива М. И. Д., дѣла 1799 г., разр. VII, № 3321.

но представить намъ о той-же матеріи, то мы обществу и предлагали о семъ въ собраніи, на которомъ согласно всѣ утвердили тоже мнѣніе, которое вамъ отъ насъ изъяснено было самолично, и опредѣлили по прежнему приносить Господу Богу моленіе о высочайшемъ здравіи и благоденствіи самодержавнѣйшаго и Богомъ хранимаго великаго Государя нашего царя Павла Петровича всея россіи, и супруги Его великія Государыни Царицы Маріи Ѳеодоровны, государя наслѣдника и всей высочайшей фамиліи по имянамъ со отечествами на всѣхъ ектеніяхъ и гдѣ ни было неупустительно и точно симъ означеннымъ выраженіемъ возносить.— Что жъ касается до сходственности воспоминанія онаго съ новопечатными формами, ни подъ какимъ видомъ не согласны къ принятію онныя. И можете ясно видѣть, что на великомъ выходѣ въ старопечатныхъ служебникахъ воспоминать высочайшія имена довольнаго резону не находится, то на оный случай таковое важное воспоминаніе непогрѣшительно оставлено и умолчано быть можетъ по нашему общественному обряду. Сіе все вашему высокопреосвященству объясняемъ въ самой истиннѣ, какъ нынѣ у насъ есть и какъ тому быть надѣемся твердо впредь на будущее время.— всепокорнѣйше просимъ принять отъ насъ таковое изъясненіе въ той силѣ, что оно кажется весьма способствуетъ къ
Л. 6. соблюденію тишины и спокойствія въ совѣсти человѣческой, и остаемся съ истиннымъ почитаніемъ къ вамъ вашего высокопреосвященства всепокорнѣйшіи слуги,

подлинное подписали:

Московскаго старообрядческаго кладбища находящійся при часовнѣ священноіерей Алексѣй Ѳедоровъ.—Тогожъ кладбища іерей Андрей Андреяновъ.—Того-жъ кладбища іерей Ѳедоръ Христофоровъ. Московскаго старообрядческаго общества повѣренный Дмитрій Ѳедоровъ. Означеннаго кладбища попечитель московской купецъ Архипъ Петровъ Обертышевъ.—Того жъ кладбища попечитель Московскій купецъ Иванъ Кузьминъ Сидоровъ: а вмѣсто ево по ево прошенію за неумѣніемъ грамоты и писать Московскій купецъ Терентій Ивановъ Заболоцкій подписался. Московскаго старообрядческаго общества повѣренный Митрофанъ Ивановъ сынъ Ильинъ.

Августа 11-го дня 1799 года. Москва.

№ 41[1]).

Увѣдомленіе графомъ Салтыковымъ арх. Амвросія о препровожденіи имъ отвѣта московскихъ старообрядцевъ на запросъ архіепископа отъ 8 августа 1779 г. за № 24[2]) о формѣ возношенія при богослуженіи императорской фамиліи.

Преосвященнѣйшій владыко! Милостивый Государь мой!

Л. 72. Требованный вашимъ преосвященствомъ письмомъ вашимъ ко мнѣ отъ 8-го числа сего мѣсяца подъ № 24-мъ отвѣтъ отъ повѣреннаго Московскаго Старообрядческаго общества купца Федорова и товарищей его, по доставленіи онаго сего дня ко мнѣ, при семъ запечатанный препроводить честь имѣю, пребывая съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію Милостивый Государь мой! вашего Преосвященства покорнѣйшій слуга Г. Салтыковъ[3]).

№ 1448. Августа 18-го дня 1799 года. Москва.

---

[1]) №№ 41—42 заимствованы изъ Архива Новгородскихъ митрополитовъ, дѣла 1799 г. іюня 7, № 49 (9).

[2]) См. № 39.

[3]) Къ отношенію приложенъ и самый отвѣтъ старообрядцевъ, имѣющій сравнительно съ посланнымъ непосредственно пр. Амвро-
Л. 74. сію (№ 40) слѣдующій варіантъ: „Сіе второе письмо къ вашему Высокопреосвященству препровождаемъ чрезъ Его Сіятельство Графа Ивана Петровича Салтыкова по причинѣ втораго требованія, объявленнаго намъ повѣреннымъ Его Сіятельствомъ сего Августа 16-го дня. Почему мы обращая со удовольствіемъ всякій случай ко услугамъ и угодности вашему Высокопреосвященству, остаемся съ искреннимъ почитаніемъ къ вамъ, высокопреосвященнѣйшій владыко! всепокорнѣйшій слуга: Московскаго Старообрядческаго кладбища находящейся при часовнѣ священноіерей Алексѣй Федоровъ.

Тогожъ кладбища іерей Андрей Андреяновъ.

Об. 74. Тогожъ кладбища іерей Петръ Егоровъ.

Тогожъ кладбища диакон Харлампій Казминъ. Московскаго старообрядческаго общества повѣренной московской купецъ Дмитрій Ѳедоровъ. Московскаго старообрядческаго опчества повѣренной Московской же купецъ Митрофанъ Ивановъ. Означеннаго кладбища попечитель московскій купецъ Архипъ Петровъ Обертышевъ.

Тогожъ кладбища попечитель московскій купецъ Ѳадей Михаиловъ а вмѣсто его по его прошенію за неумѣніемъ грамотѣ и писать Малороссійской губерніи, повѣта стародубскаго вѣдомства климовской ратуши мещанинъ Василій Никифоровъ сынъ Поповъ.

Августа 17 дня 1799 года.

Москва.

№ 42.

Выписка изъ старопечатнаго служебника (1651 г.) формы поминовенія царской фамиліи при богослуженіи.

Л. 38. Выписка изъ служебника московской печати въ лѣто 7159 месяца Іюля 18 дня въ царствованіе Государя Царя Алексѣя Михаиловича въ 10-е лѣто патріаршества великаго святѣйшаго Іосифа Патріарха Московскаго.

На сугубыхъ ектеніяхъ въ вечерни:—Еще молимся о благовѣрномъ и богохранимомъ царѣ и великомъ князѣ имярекъ о державе и о побѣдѣ и протчае Господи помилуй 12:

Еще молимся о благовѣрной царицѣ и великой княгинѣ имярекъ о здравіи і о спасеніи Г-ди помилуй 3.

Еще молимся о благовѣрномъ и благородномъ царевичѣ князѣ имярекъ о здравіи и о спасеніи.

На литіи глаголетъ діаконъ:

Еще молимся о благовѣрномъ и Богохранимомъ царѣ и великомъ князѣ имярекъ о державѣ и о побѣдѣ пребываніи мира, здравія и протчая, поютъ Господи помилуй 30.

На чтеніи при концѣ отпуска:

Об. 38. Утверди Боже вѣру христіанскую соблюди Господи и помилуй благовѣрнаго царя и великаго князя имярекъ и благовѣрную царицу великую княгиню имярекъ и протчая:

На литургіи изъ Агнца вынимая просфору іерей глаголетъ:

О здравіи и о спасеніи благовѣрнаго и христолюбиваго Государя нашего и великаго князя, также и о супругѣ Его и о всей царской фамиліи и протчае.

Входитъ священникъ съ переносомъ вопервыхъ въ сѣверныя двери глаголетъ:

Да помянетъ Господь Богъ всѣхъ васъ во царствіи своемъ потомъ противъ западныхъ дверей тоже глаголетъ:

Также обратясь къ полуденной сторонѣ глаголетъ: всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ и прочая.

Л. 39. Аще ту Царь есть глаголетъ ситце:

Да помянетъ Господь Богъ благородіе Твое во царствіи своемъ и протчая.

№ 43[1])

Отношеніе арх. Амвросія къ генералъ-прокурору Беклешову, увѣдомляющее о препровожденіи къ нему копій съ вышеприведеннаго[2]) письма архіепископа повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ касательно формы возношенія именъ высочайшей фамиліи на богослуженіи и отвѣта на него повѣренныхъ, съ просьбою назначить время для личныхъ объясненій по настоящему дѣлу[3]).

Высокопревосходительный Господинъ! Милостивый Государь мой!

Л. 3. Препровождая при семъ къ Вашему Высокопревосходительству копіи съ посланнаго отъ меня къ повѣреннымъ Московскаго старообрядческаго общества объ извѣстной вамъ матеріи требованія и съ полученнаго мною отъ нихъ на оное отвѣта, прежде нежели отправлены оные къ Его Превосходительству Дмитрію Николаевичу; и имѣя нужду съ вами, Милостивый Государь мой посему лично видѣться, прошу Ваше Высокопревосходительство увѣдомить меня, нынѣшняго ли числа или въ завтрешній день поутру и въ которомъ часу изволите назначить мнѣ къ вамъ пріѣхать?—въ прочемъ съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію честь имѣю быть вашего Высокопревосходительства Милостиваго Государя моего всепокорный слуга

Амвросій Архіепископъ Казанскій.

Августа 18 дня 1799 года.

---

[1]) № 43 заимствованъ изъ Государственнаго Архива М. И. Д. дѣла 1799 г., разр. VII, № 3321.

[2]) См. № 35.

[3]) Помѣта: 21 августа 799 г.

№ 44[1]).

Отношеніе арх. Амвросія къ статсъ-секретарю Неплюеву съ извѣщеніемъ о препровожденіи къ нему письма повѣренныхъ старообрядцевъ относительно формы поминовенія высочайшей фамиліи на старообрядческомъ богослуженіи и выписки изъ старопечатнаго служебника о томъ же предметѣ и съ собственнымъ замѣчаніемъ пр. Амвросія относительно формы поминовенія высочайшей фамиліи старообрядцами на богослуженіи.

Превосходительный Господинъ! Милостивый Государь!

Л. 66. Въ слѣдствіе высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, въ письмѣ вашего Превосходительства отъ 12-го числа минувшаго Іюля мнѣ объявленнаго вытребованную мною отъ Московскихъ старообрядцевъ форму, каковою они поминать хотятъ имяна Государя Императора и фамиліи, при семъ къ вашему Превосходительству препровождаю[2]), съ таковымъ моимъ занесеніемъ примѣчанія, что они не токмо по новопечатнымъ формамъ во всѣхъ церквахъ нынѣ употребляемымъ воспоминать Высочайшія имяна отрицаются, но и съ отмѣною того какъ въ старопечатныхъ книгахъ, значится, что усмотрѣть изволите изъ приложенной при семъ выписки[3]), въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію пребываю всегда Вашего Превосходительства Милостиваго Государя моего...

№ 25-й. Санктпетербургъ 18-го Августа 1799 года.

---

[1]) №№ 44—49 заимствованы изъ Архива Новгородскихъ митр., находящ. въ библіотекѣ Александро-Невской лавры, дѣла 1799 г. іюня 7, № 49 библ., № 9 архива.

[2]) См. № 40.

[3]) См. № 42.

№ 45.

Высочайшій рескриптъ преосвященному Амвросію оставить старообрядцевъ въ прежнемъ ихъ положеніи.

Преосвященный Амвросій Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій!

Л. 69. Присланныя отъ васъ свѣдѣнія касательно старообрядцевъ я получилъ, и принялъ ихъ ad referendum за извѣстіе въ слѣдствіе чего имѣете вы оставить ихъ въ прежнемъ ихъ положеніи. Пребываю къ вамъ благосклонный Павелъ.

Г. Гатчина. Августа 20-й день 1799 года.

№ 46.

Объявленіе арх. Амвросія повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ о прекращеніи съ ними сношеній по высочайшему рескрипту.

Московскаго Старообрядческаго общества повѣреннымъ московскимъ купцамъ Дмитрію Ѳедорову и Митрофану Ильину.—

Л. 70. Его Императорское Величество всемилостивѣйшій Нашъ Государь усмотря изъ посланнаго отъ васъ сего Августа 11-го дня, ко мнѣ отвѣта, что вы со всѣмъ обществомъ при Богослуженіи Высочайшія Имяна Его Императорскаго Величества и всей Императорской фамиліи возносить не токмо по общимъ печатнымъ формамъ, но и по точному изображенію въ самыхъ старопечатныхъ книгахъ отреклися; признавая-же оное высочайшихъ именъ возношеніе никаковой отмѣнѣ не подлежащимъ сего Августа 20-го числа высочайше указать мнѣ соизволилъ объявить вамъ отъ имени Его Императорскаго Величества, что Его Величество отъ нынѣ оставляетъ всѣхъ васъ въ прежнемъ вашемъ положеніи повелѣвъ мнѣ прекратить съ Вами всякое сношеніе предъ симъ отъ снисхожденія Его Величества мнѣ препорученное. О каковой Высочайшей Его Императорскаго Величества волѣ вамъ симъ и объявляю: въ слѣдствіе чего данное отъ меня вамъ

на опредѣленіе священниковъ свидѣтельство и объявленіе за скрѣпою моею признавъ его уже недѣйствительнымъ по первой почтѣ ко мнѣ возвратить (Амвросій Архіепископъ Казанскій).

№ 26. 1799-го года Августа 22 дня.

№ 47.

Увѣдомленіе арх. Амвросіемъ графа Салтыкова о прекращеніи съ московскими старообрядцами сношеній по высочайшему рескрипту.

Сіятельнѣйшій Графъ! Милостивый Государь мой!

Об. 70. Каковое отъ меня сего Августа 22-го числа послѣдовало въ силу имянныхъ Его Императорскаго Величества Высочайшихъ указовъ, протекшаго Іюля въ 12-й день и сего Августа въ 20-й дни мнѣ данныхъ, Московскаго Старообрядческаго общества повѣреннымъ Дмитрію Ѳедорову и Митрофану Ильину объявленіе, съ онаго при семъ для свѣдѣнія Вашему Сіятельству копію прилагаю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію пребывая всегда вашего Сіятельства Милостиваго Государя моего (Амвросій Архіепископъ Казанскій).

№ 28. Августа 22-го дня 1799 г.

№ 48.

Всеподданнѣйшій рапортъ арх. Амвросія о прекращеніи съ московскими старообрядцами сношеній согласно высочайшему рескрипту.

Всепресвѣтлѣйшему Державнѣйшему Великому Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому.

Отъ Синодальнаго члена Амвросія
Архіепископа Казанскаго.

Всеподданнѣйшій репортъ.

Л. 71. Въ слѣдствіе имянныхъ вашего Императорскаго Величества высочайшихъ повелѣній минувшаго Іюля въ 12-й, и сего Августа въ 20-й день мнѣ данныхъ, объявленій (отъ имени вашего Императорскаго Величества) московскимъ старообрядцамъ, что ваше величество отъ нынѣ соизволили оставить всѣхъ ихъ въ прежнемъ ихъ положеніи, и о прекращеніи моего съ ними всякаго сношенія

предъ симъ отъ снисхожденія Вашего Императорскаго Величества мнѣ препорученнаго, о сей Высочайшей Вашего Императорскаго Величества волѣ тѣмъ старообрядцамъ отъ меня объявленіе надлежащее черезъ почту сего Августа 22-го числа послано для свѣденія о томъ-же кому слѣдовало сообщено, а затѣмъ и сношенія съ ними имѣть не буду, и о чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше репортую.

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій (Амвросій Архіепископъ Казанскій).

№ 29-й. Августа 22-го дня 1799 года.

№ 49.

Увѣдомленіе арх. Амвросіемъ статсъ-секретаря Неплюева о прекращеніи сношеній съ московскими старообрядцами.

Превосходительный Господинъ! Милостивый Государь мой!

Об. 71. Сего Августа 22-го дня отправленъ отъ меня кувертъ на всевысочайшее Его Импер. Велич. Имя о учиненномъ мною въ слѣдствіе имянныхъ высочайшихъ указовъ объявленіи Московскимъ старообрядцамъ, что они всѣ отъ Его Величества оставлены на прежнемъ ихъ положеніи и о прекращеніи съ ними всякаго моего сношенія предъ симъ отъ снисхожденія Его Императорскаго Величества мнѣ препорученнаго о чемъ извѣстя Ваше Превосходительство съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію пребываю всегда вашего Превосходительства Милостиваго Государя моего (Амвросій Архіепископъ Казанскій).

№ 30. Августа 22 дня 1799 г.

№ 50[1])

Увѣдомленіе пр. Амвросіемъ генералъ-прокурора Беклешова о прекращеніи сношеній съ московскими старообрядцами[2]).

Высокопревосходительный Господинъ! Милостивый Государь мой!

Л. 7. Каковое отъ меня сего Августа 22-го числа послѣдовало въ силу имянныхъ Его Императорскаго Величества

[1]) № 50 заимствованъ изъ С. П. Б. Государственнаго Архива М. И. Д., дѣла 1799 г., разр. VII, № 3321.

[2]) Помѣта: 24 августа 799 г.

Высочайшихъ указовъ, протекшаго іюля въ 12-й и сего Августа въ 20-й дни мнѣ данныхъ Московскаго старообрядческаго общества повѣреннымъ Дмитрію Ѳедорову и Митрофану Ильину объявленіе, съ онаго при семъ для свѣдѣнія Вашему Высокопревосходительству копію прилагаю, съ истиннымъ выкопочитаніемъ и преданностію пребывая всегда вашего Высокопревосходительства Милостиваго Государя моего всепокорный слуга Амвросій Архіепископъ Казанскій.

№ 31-й, августа 23 дня 1799 года.

№ 51[1])

Отношеніе арх. Амвросія къ графу Салтыкову объ истребованіи и присылкѣ „свидѣтельства“ на опредѣленіе священниковъи „объявленія“ заскрѣпою Амвросія, не возвращенныхъ старообрядцами по первому требованію.

Сіятельнѣйшій Графъ! Милостивый Государь!

Л. 75. По отношенію моему минувшаго Августа отъ 22-го числа извѣстно вашему сіятельству, что я вслѣдствіе Имяннаго Его Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія московскаго старообрядческаго общества отъ повѣренныхъ московскихъ купцовъ Дмитрія Ѳедорова и Митрофана Ильина требовалъ, чтобъ они повѣренные данное имъ отъ меня на опредѣленіе священниковъ свидѣтельство и объявленіе за скрѣпою моею, по первой-же почтѣ возвратили ко мнѣ; а какъ они не токмо и по сіе время всего того неисполнили но и извѣстія отъ нихъ никакого я не получалъ. Почему всепокорнѣйше прошу ваше сіятельство, дабы не могло изъ того вытьти какого злоупотребленія помянутое свидѣтельство и объявленіе вытребовавъ отъ нихъ прислать ко мнѣ.—Въ прочемъ съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію пребываю вашего Сіятельства Милостиваго Государя моего (Амвросій Архіепископъ Казанскій).

№ 38-й. Сентября 26-го дня 1799 г.

---

[1]) №№ 51—54 заимствованы изъ Архива Новгородскихъ митрополитовъ, дѣла 1799 г. іюня 7, № 49 (9).

№ 52.

Отвѣтное отношеніе московскаго военнаго губернатора пр. Амвросію по содержанію предшествующаго отношенія[1]).

Преосвященнѣйшій владыко! Милостивый Государь мой!

Л. 76. Въ слѣдствіе отношенія ко мнѣ вашего Преосвященства отъ 26-го Сентября подъ № 38-мъ представленное по требованію моему отъ повѣреннаго здѣшняго старообрядческаго общества купца Дмитрія Федорова, данное отъ вашего Преосвященства на опредѣленіе священниковъ свидѣтельство и объявленіе за скрѣпою вашею, а равно и письмо отъ него къ вашему Преосвященству при семъ препровождая,—есмь съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію Милостивый Государь мой вашего Преосвященства покорнѣйшій слуга Г. Салтыковъ.

№ 1828. Октября 13 дня 1799 г. Москва.

№ 53.

Письмо Дмитрія Ѳедорова арх. Амвросію съ изъясненіемъ причины замедленія въ возвратѣ требуемыхъ „свидѣтельства“ и „объявленія“ и съ просьбою, какъ поступить съ выданными съ нихъ копіями[2]).

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Всемилостивѣйшій Архипастырь!

Л. 77. Я імѣлъ честь получить отъ вашего высокопреосвященства предъписаніе сего 22-го Августа отъносящееся по делу для нашего московскаго старообрядческаго общества изъ котораго къ великому нашему і неизреченному удовольствію усмотрели что Его Императорское Величество снисходя отеческій по докладу вашему всемилостивейшій оставилъ насъ отправлять богослуженіе по прежнему которую высочайшую Императорскую отеческую милость признаемъ і чюв-

[1]) Помѣта: получено 25-го Октября 1799 г.

[2]) Помѣта: получено 25 октября 1799 года.

ствуемъ со всеподданнейшею нашею рабскою благодарностию: что с какимъ восхищеніемъ и с какою неизреченною радостию наше общество в томъ высочайшемъ указѣ усмотрели объявленное намъ дражай-
Об. 77. шее данное отъ устъ Его Императорскаго Величества благоволеніе по природному своему всемилостивѣйшему великодушію (і того всемилостивѣйшаго монаршаго благоволенія ізобразить словъ і силъ моихъ недостаетъ і всенижайшей наичювствительнѣйшей благодарности я доволно ізъяснить не в состояніи) всемогущій Богъ который Его Императорское Величество своего ізбраннаго никогда неоставитъ да сохранитъ вседрожайшее здравіе Его Императорское Величество і вселюбезнейшей Его Супруги Императрицы и со всей его Императорской Высочайшею фамиліею: Высокопреосвященнѣйшій владыко невмените себѣ в доса-
Л. 78. ду, что я умедлилъ потребованію вашему обратно доставить к вамъ даннаго от васъ объявленія і на опредѣленіе священниковъ свидѣтельства притчина моему медленію неленость моя была но прѣтьграда тому что то подлинное свидѣтельство дано было одному священнику для проезда въ другой городъ гдѣ до сего времени і не могъ я онаго к себѣ получить а какъ нынѣ неполученіи онаго при семъ прилагаю для доставленія къ вашему высокопреосвященству чрезъ Его Сіятельство начальствующаго в Москвѣ і ея губерніи Генералъ фельдмаршала і разныхъ орденовъ кавалера Графа Івана Петровича Салтыкова соуведомленіемъ таковымъ что со оныхъ объявленія і свидетельства по требованіямъ отъ меня даны многимъ копіи равнымъ образомъ такъ-же отправленъ священникъ Іванъ Петровъ въ Нижегородскую губернію в село Городецъ къ старообрядцамъ со онымъ-же в копіи свидѣтельствомъ до полученія еще отъ
Об. 78. вашего высокопреосвященства требованія въ такомъ случае самые настоящие обстоятельствы оныхъ требуютъ вразъдаче въ народъ отъ меня копіевъ отъ Вашего Высокопреосвященства всепокорнѣйшіи прошу благоволите дать мнѣ свое мнѣніе в чемъ і ожидаю на оное вашего высокопреосвященства разърешенія дабы мнѣ воономъ принять наилучшія меры пребывая всегда с моимъ почтеніемъ вашего высокопреосвященства всепокорнѣйшій слуга Московской купецъ Дмитрій Ѳедоровъ.

Октября 11 го дня 1799 года.

№ 54.

Пункты новой просьбы старообрядцевъ.

Содержаніе прозбы старообрядцевъ.

Л. 88. 1. Просимъ мы позволенія, избрать священниковъ и дияконовъ, кои по собственному убѣжденію согласятся быть въ старообрядчествѣ: естлижъ таковыя не обрящутся, то изъ самихъ старообрядцевъ хиротонисать по древнимъ, церковнымъ преданіямъ тѣхъ, кои будутъ свидѣтельствованы въ достоинствѣ къ священнослуженію, или уклонившіяся прежде единственно для содержанія древнихъ обрядовъ священнослужителями, когда они другаго преступленія не учинили и съ христіанскимъ смиреніемъ явятся къ Епископу разрѣшеніе подать и литургисаніе отправлять имъ позволить.

2. Іереямъ и діаконамъ всякое священнослуженіе, таинства, и обряды исполнять неиначе, какъ подревлѣ напечатаннымъ книгамъ во времена всероссійскихъ патріарховъ Филарета, Іосафа и Іосифа.

3. Іереи да будутъ снабдѣны Святымъ міромъ.

4. Церкви да будутъ освящены по благословенію епархіальнаго Епископа, старообрядческими и іереями, по древнимъ преданіямъ, и да будутъ въ нихъ антиминсы, тиснѣнныя при патріархахъ выше сего имянованныхъ; а іереи да исправляютъ священнослуженіе по точнымъ преданіямъ-же древле бывшимъ, чему послѣдовать долженствуютъ и церковнослужители.

Об. 88. 5. Доколѣ старообрядческія церкви по чиноположенію освящены небудутъ, за неимѣніемъ у ихъ священниковъ запасныхъ таинъ, въ предупрежденіе нечаяннаго и самоскорѣйшаго требованія, онымъ благоволено-бъ было позволить онымъ священникамъ, на общественномъ нашемъ изждивеніи съѣздить въ старообрядческія церкви гдѣ оныя находятся и тамо отъ Литургисовавъ, заготовить потребное количество Святыхъ Даровъ, для пріобщенія ими въ послѣдующее время.

6. Оныхъ священниковъ старообрядческихъ во общество къ соборнымъ моленіямъ въ церковь въ велико-россійскую

нетребовать, равно и въ церковь старообрядческую къ общему молитво-словію содержащихъ назнаменованіе себя трехъ перстное сложеніе, брѣющихъ бороды, и прочія имѣющихъ несогласованія древнимъ обыкновеніямъ кромѣ какъ въ принадлежащія случаи, лицъ имѣющихъ власть высочайшихъ особъ, входъ имѣть не позволять, на противъ того, хотя и не записаннымъ старообрядцамъ но усердствующимъ въ содержаніи древлѣ церковныхъ обрядовъ при соединеніе къ церкви старообрядческой не возбранять.

7. При всѣхъ-же таковыхъ расположеніяхъ онымъ свя-
Л. 89. щенникамъ и пріемшимъ сіе священство старообрядцамъ по духовнымъ дѣятельностямъ, быть подъ судомъ и въ полномъ вѣдѣніи у сего Архіерея и по касательнымъ до старообрядцовъ дѣламъ да благоволитъ чинить разбирательство и сужденіе, чрезъ таковыхъ-же старообрядческихъ священниковъ и въ чемъ принадлежательно относится въ вѣдѣніе Святѣйшему Сѵноду, имѣть при томъ съ произведеніемъ отъ общества старообрядческаго платы, особаго письмоводителя отъ консисторіи ни въ чемъ ихъ не вѣдать.

8. Во время святыхъ постовъ, и при другихъ потребностяхъ, не принуждать старообрядческихъ священниковъ чинить исповѣдь предъ іереями не старообрядческими, но да позволено имъ будетъ исповѣдаваться между собою, гдѣ жъ случится ихъ менше трехъ, то одинъ изъ нихъ имѣетъ отъ ѣзжать въ ближнюю Епархію, въ коей старообрядческія священники находятся, и тамо по долгу христіанскому исповѣдоваться.

9. Да благоволитъ Епархіальный Архіерей, бывающихъ у него старообрядческихъ священниковъ и мирскихъ знамѣнать крестомъ, слагая два персты яко-же видимо есть на древнихъ святыхъ иконахъ изображенія.

10. Священно-дѣйствія до нынѣ старообрядческими священниками учиненныя, яко то молитвословіе, крещеніе, постриженіе въ монашенскій чинъ, естли къ сему со стороны святаго правительства препятствій неокажется, бракоОб. 89. сочетанія и другія таинственныя и благочестивыя обряды, да будутъ оставлены въ существенной ихъ силѣ, и священникамъ какъ вновь въ старообрядчество вступающимъ, такъ и изъ старообрядцевъ посвящаемыхъ ничего изъ оныхъ не передѣйствовать, развѣ единаго токмо случая, отъ кого

да соблюдетъ всевышній; сирѣчь: когда что окажется отъ самозванцевъ, или за тяжкія вины правило изверженныхъ половъ развращено стропотно и не по узаконеннымъ правиламъ и преданіямъ дѣйствовано.

11. Въ минувшее время, безъ воли и благословенія Архіерейскаго отълучившіяся отъ церкви единственно для соблюдѣнія святыхъ древле церковныхъ обрядовъ, священники и мирскія и представшіяся въ вѣчность, да небудутъ изключены изъ церковнаго поминовенія по нихъ, да будѣтъ благословлѣнно, производить оное въ равнѣ съ новопредставльшимися духовными и мирскими.

12. Естли старообрядческой священникъ въ падетъ въ каковую-либо вину духовнаго наказанія достойную, и правильно осужденъ будетъ, къ понесенію епитиміи, таковой да непосылается въ монастырь грекороссійской или церкви, но да исправляютъ возложенное на него при церквахъ или монастыряхъ старообрядческихъ, въ которыя равномѣрно да непосылаются никто кромѣ старообрядцевъ.

Л. 90. 13. При старообрядческихъ церквахъ имѣть троечастные книги, но во время святыхъ постовъ, ежели кто изъ старообрядцовъ по каковымъ-либо встретившимся обстоятельствамъ на исповѣди и причастія Святыхъ таинъ не будетъ, таковыхъ по взысканіи съ нихъ штрафныхъ денегъ не выписовать, и о томъ ни куда не представлять, но да судятъ о таковыхъ духовные отцы ихъ по священнымъ правиламъ естли-жъ кто по нерадѣнію или пренебрѣженію, или другимъ незаконнымъ причинамъ, уклонятся будетъ отъ оныя святыни, таковыхъ записовать въ особыя книги и наказывать Епитиміею и другимъ духовнымъ исправленіемъ, коему подвергаются и входящія въ церковь противъ воли священнической.

14. Священно и церковно-служители старообрядческія чистою совѣстію и неизмѣнно держася древнихъ обрядовъ и обычаевъ, обязуются безъ нарушенія наблюдать оныя и въ разсужденіи своей и домашнихъ своихъ одежды и другихъ внѣшнихъ поведѣній, дабы не подать прочимъ старообрядцамъ соблазна и повода къ ропоту и раздору.

15. Клятва, распря и поношеніи за разность въ обрядахъ съ велико-россійскою церковію не съ единыя стороны
Об. 90. да неслышатся, но да сокровенны будутъ смиреннымъ

молчаніемъ, предоставля всѣхъ праведному суду Господа: но да простретсяко всесвятѣйшему и всемогущему милосердію его усердная молитва да духъ премудрости его вразумитъ всѣхъ во спасительный путь, и да соединитъ во христіанское единомысліе не лицемѣрною любовію вышеписанныя-жъ статьи, составляютъ условіе на коемъ мы нижеподписавшіяся пріемлемъ вновь священство и церковно-служителей, и которые съ обоихъ сторонъ и въ будущее время всегда выполняемо и соблюдаемо быть долженствуетъ не нарушимо.

№ 55.

Прошеніе московскихъ старообрядцевъ митрополиту Платону о принятіи ихъ въ церковь при старыхъ книгахъ и обрядахъ.

На подлинномъ собственною рукою императора Павла I написано: „Быть по сему. октября 27 дня 1800 года. Гатчино“.

Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члену великому Господину Высокопреосвященнѣйшему Платону Митрополиту Московскому и Калужскому, Свято - Троицкія Сергіевы Лавры Священно - Архимандриту и орденовъ Святыхъ Апостола Андрея и Александра Невскаго Кавалеру.

Московскихъ старообрядцевъ всепокорнѣйшее прошеніе [1]):

[1]) Воспопроизводится съ подлиннаго текста, который хранится въ Москвѣ, въ ризницѣ Троицкой единовѣрческой церкви.

№ 56.

Донесеніе митрополита Платона Св. Синоду о просьбѣ московскихъ старообрядцевъ.

Святѣйшему Правительствующему Синоду отъ синодальнаго члена Платона, Митрополита Московскаго и свято Троицкія Сергіевы Лавры Архимандрита

доношеніе.[1])

Находящіеся въ Москвѣ имянующіи себя Старообрядцами, подали мнѣ прошеніе, на коемъ до 250-ти человѣкъ подписались, прося, чтобъ дозволить имѣть церковь и дать священниковъ; а на какомъ основаніи, прилагаю при семъ съ ихъ прошенія точную копію. О чемъ яко о дѣлѣ для церкви важномъ, довольно разсуждая, тоже самое къ при-

[1]) Воспроизводится съ оффиціальной копіи, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; разр. VII, дѣло 1800 года, № 3435, л. 8—13.

Надѣясь на безпримѣрныя щедроты и великія милости Его Императорскаго Величества Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Павла Петровича къ старообрядцамъ и на благоснисхожденіе Пастырей Грекороссійскія Церкве къ онымъ, воспріяли мы непремѣнное намѣреніе и желаніе воспользоваться Монаршими щедротами, и пастырскимъ благоснисхожденіемъ, и испрашивать объ открытіи себѣ Святыхъ Церквей, и о снабдѣніи насъ правильными священниками; а на какомъ положеніи о томъ явствуетъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

1. [1]) Дабы святѣйшій Синодъ разрѣшилъ прежде положенныя клятвы на двоеперстное сложеніе и другіе, подобные сему, обряды.

лѣжному разсужденію предложилъ я Консисторіи вкупѣ со обрѣтающимися въ Москвѣ Архимандритами и всѣхъ сороковъ благочинными, которые по тому представили мнѣ разныя мнѣнія; съ каковыхъ мнѣній прилагаю при семъ точныя копіи. Я во все то вникая со всякимъ тщаніемъ, сколько важность матеріи требуетъ, и признавъ Пастыреначальника Христа въ помощь, мнѣніе свое полагаю слѣдующее, объясняя каждую статью по порядку, въ ихъ прошеніи прописанному.

1. Отъ клятвъ прежде на нихъ возложенныхъ разрѣшить: ибо хотя церковь на нихъ оные возложила праведно, что они и сами признаютъ, почитая ими себя связанныхъ и отъ оныхъ просятъ разрѣшенія; но какъ нынѣ они сближаются или паче соединяются съ церковію, и истинну ея, и таинства, и священство ея признаютъ дѣйствительными, то и потребно сіе разрѣшеніе, и не должна болѣе тѣми клятвами ихъ совѣсть быть отягощаема, подъ каковыми отторгающіеся еще отъ церкви, имѣютъ и впредь состоять праведно. А чтобъ сіе разрѣшеніе было открытѣе и ихъ болѣе успокаивающее, то надъ каждымъ принимаемымъ къ

[1]) Пункты прошенія и мнѣнія м. Платона повторяются и въ указѣ Св. Синода 1801 г. февр. 6.— Въ Архивѣ Московской духовной консисторіи этотъ указъ см. въ книгѣ указовъ Св. Синода за 1801 г., № 17.

дозволяемой имъ церкви, прочесть Епископу, или Пресвитеру съ возложеніемъ руки, слѣдующую разрѣшительную молитву: „Господь нашъ „Іисусъ Христосъ, благодатію „своею и человѣколюбіемъ, да „разрѣшитъ тя къ церкви свя„тѣй обращающася, отъ всѣхъ „клятвъ, имъ же отъ церкви, „отторженіемъ отъ нея, под„верглся еси. И азъ недо„стойный Архіерей, или іерей „имярекъ, властію отъ него „мнѣ данною, разрѣшаю тя ра„ба божія, имярекъ, отъ оныхъ „клятвъ и всѣхъ грѣховъ тво„ихъ: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь“.

2. Да соблаговолитъ. ваше высокопреосвященство избрать священниковъ и діаконовъ, кои по собственному желанію согласятся быть въ старообрядчествѣ, и по желанію прихожанъ.—Есть ли же таковыхъ не окажется, то хиротонисать по старопечатнымъ книгамъ, избранныхъ вашимъ высокопреосвященствомъ священниковъ, и по согласію прихожанъ. — Также священниковъ уклонившихся въ старообрядчество до нынѣ, есть ли они окажутся безпорочны, и явятся къ вашему высокопреосвященству съ истиннымъ смиреніемъ, таковыхъ разрѣшить и благословить отправлять службу Божію и требы христіанскія; отлучившіеся же таковые

2. Вторую статью во всей ея силѣ по снисхожденію дозволить: но съ тѣмъ, чтобъ опредѣлить вновь священниковъ по избранію прихожанъ и по разсмотрѣнію и разсужденію Епископа; а прежнихъ ихъ поповъ яко бѣглецовъ, и предателей церкви, совѣсти и сана своего къ таковой церкви не опредѣлять.

священники безъ воли своего Епископа, впредь къ старообрядческимъ церквамъ принимаемы не будутъ.

3. Дабы Святѣйшій Синодъ и ваше высокопреосвященство благословили старообрядческимъ священникамъ службу Божію, таинства и требы христіанскія совершать по старопечатнымъ книгамъ[1]) при всероссійскихъ Патріархахъ Іовѣ, Ермогенѣ, Филаретѣ, Іоасафѣ, и Іосифѣ. Чему слѣдовать должны діаконы и церковнослужители.

3. Третію статью такъ же дозволить: ибо хотя въ книгахъ ими употребляемыхъ и находятся погрѣшности, но не въ существенныхъ вѣры догматахъ, а въ словахъ и обрядахъ, и что пріобрѣтеніе мира церковнаго есть важнѣе сего.

4. Церкви для старообрядцевъ освятить вашему высокопреосвященству по старопечатнымъ книгамъ, или по благословенію вашего высокопреосвященства, старообрядческимъ священникамъ; и да будутъ Антиминсы, освященные при вышепоименованныхъ Патріархахъ, или вновь освящены быть имѣютъ вашимъ высокопреосвященствомъ по старопечатнымъ книгамъ, и изображены такъ, какъ показано въ старопечатномъ потребникѣ.

4. На четвертую статью можно преподать согласіе.

5. Старообрядческихъ священниковъ не требовать въ Грекороссійскую церковь къ соборнымъ моленіямъ, какъ-то: въ крестные ходы и тому подобное; а отправлять имъ по

5. Такъ же.—Но что надлежитъ до недопущенія имъ въ церковь нѣкоторыхъ ими объясненныхъ особъ, на сіе согласиться предосудительно, а предоставить сіе благоразсужденію опредѣленныхъ къ нимъ священниковъ съ наставленіемъ Епископа. А чтобъ не воз-

[1]) Въ указѣ 1801 года.: „по преждепечатанымъ книгамъ“.

благословенію вашего высокопреосвященства въ церквахъ старообрядческихъ оныя соборныя моленія. Также не принуждать старообрядцевъ къ допущенію на общее моленіе знаменающихся тремя персты, брады брію щихъ, и прочія имѣющихъ несогласія древнимъ обыкновеніямъ, выключая высочайшихъ особъ. Старообрядцамъ, хотя и не записаннымъ[1]), но издавна удалившимся отъ сообщества Грекороссійскія Церкве, таковымъ не возбранять присоединиться къ Церкви сторообрядческой.

6. Старообрядческимъ священникамъ и пріемлющимъ сіе священство старообрядцамъ по духовнымъ дѣламъ быть подъ судомъ и въ полномъ вѣденіи у вашего высокопреосвященства; по дѣламъ же, принадлежащимъ до старообрядцевъ, благоволите чинить разбирательство и сужденіе чрезъ старообрядческихъ священниковъ, выключая таковыхъ дѣлъ, кои требуютъ законнаго слѣдствія. Но въ чѣмъ надлежитъ онымъ Священникамъ относиться къ Святѣйшему Синоду и вашему высокопреосвященству, на то имѣть особаго письмоводителя

[1]) Въ указѣ: „незаписнымъ“.

бранять присоединяться къ церкви ими просимой, и другимъ незаписнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества грекороссійскія церкви, сіе не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованіи отъ Епископа, что онъ никогда дотолѣ въ церковь православную не ходилъ, и Таинствъ ея не принималъ; и то, нашедши его таковымъ, при принятіи къ церкви прочесть надъ нимъ вышеписанную разрѣшительную молитву. А въ церкви нашей православной доселѣ бывшихъ, никакъ до таковаго присоединенія не допускать.

6. Шестую статью можно принять.

съ произвожденіемъ платы отъ общества старообрядческаго.

7. Старообрядческіе священники да будутъ снабжены Святымъ мvромъ отъ вашего высокопреосвященства.

8. Старообрядческихъ священниковъ не принуждать исповѣдь имѣть, кромѣ старообрядческихъ же священниковъ.

9. Благоволите ваше высокопреосвященство благословлять старообрядческихъ священниковъ и старообрядцевъ, слагая два перста по обычаю древлебывшему въ Россіи.

10. Священнодѣйствія до нынѣ старообрядческими священниками учиненныя, какъ-то: крещеніе, бракосочетаніе, молитвословіе, монашенство (есть ли къ сему не окажется со стороны свѣтскаго правительства препятствія) и другія требы христіанскія да будутъ оставлены въ существенной ихъ силѣ, и не повторять оныя; развѣ токмо окажется каковый либо изъ оныхъ старообрядческихъ священниковъ бывшихъ до нынѣ, самозванецъ, или правильно изверженный, священнодѣйствія оныя совершалъ.—Также и старообрядческіе священники, опредѣляемые нынѣ къ старообрядческимъ Церквамъ, не долженствуютъ поправлять пріемлемыя старообрядцами отъ Грекороссійскія Церкве священныя

7. Пріемлется.

8. Оставить сіе каждому священнику на совѣсть.

9. Сіе предоставить благоразумію и совѣсти каждаго Епископа, однако предохраняя другихъ отъ соблазна.

10. Пріемлется.

тайны, какъ-то: хиротонію, крещеніе, миропомазаніе, бракъ и проч., но принимать оныя въ дѣйствительной ихъ силѣ.

11. Есть-ли кто изъ сыновъ Грекороссійскія Церкве пожелаетъ пріобщиться Святыхъ Таинъ отъ старообрядческаго священника, таковому не возбранять--равножъ, есть-ли и старообрядецъ, пожелаетъ пріобщиться Святыхъ Таинъ въ Грекороссійской Церкви, не возбранять оному.

12. Есть-ли учинитъ старообрядческій священникъ преступленіе, достойное изверженія, таковый предоставляется суду вашего высокопреосвященства. –А есть-ли-жъ въ таковой винѣ окажется, за которую только временно долженъ понести наказаніе, таковый епитимійствуется при церквахъ старообрядческихъ по разсужденію вашего высокопреосвященства.

13. При старообрядческихъ Церквахъ имѣть троечастные книги.—Но во время святыхъ постовъ, есть-ли кто изъ старообрядцевъ по каковымъ либо встрѣтившимся обстоятельствамъ, на исповѣди и у причащенія Святыхъ Таинъ не будетъ, таковыхъ ко взысканію съ нихъ штрафныхъ денегъ не выписывать, и о томъ никуда не представлять, но да судятъ о томъ духовные ихъ отцы по священнымъ прави-

11. По сей статьѣ, сынъ православныя грекороссійскія церкви не иначе можетъ имѣть дозволеніе развѣ въ крайней нуждѣ и въ смертномъ случаѣ, гдѣбъ не случилось найти православнаго священника, и церкви, а старообрядцу дозволять то безъ всякаго затрудненія.

12. Пріемлется.

13. Хотя на сію статью и можно согласиться; но какъ деньги штрафные собираются въ казну, то сіе зависитъ отъ благоразсмотрѣнія Святѣйшаго Синода. А ежелибъ и всѣ православные отъ онаго денежнаго штрафа были освобождены, а наказываны бъ они были за духовное преступленіе духовными епитиміями, сіе бы сходственнѣе было съ духовнымъ прегрѣшеніемъ. *Или по крайней мѣрѣ, оныя деньги*

ламъ.—Есть-ли-жъ кто по нерадѣнію, или пренебреженію, или другимъ незаконнымъ причинамъ уклоняться будетъ отъ оныя Святыни, таковыхъ записывать въ особыя книги, и наказывать епитиміею, и другимъ духовнымъ исправленіемъ.

14. Естьли случится быть браку, состоящему одной половинѣ Грекороссійскія Церкви, а другой—старообрядческой, таковыхъ вѣнчать по общему согласію или въ Грекороссійской, или старообрядческой Церкви.

15. Священники старообрядческіе во всѣхъ служеніяхъ имѣютъ приносить моленіе о Высочайшемъ здравіи и благоденствіи Его Императорскаго Величества, Супруги Его, Ея Императорскаго Величества, Наслѣдника Его, всей Высочайшей фамиліи и прочихъ, кого слѣдуетъ, по данной отъ Святѣйшаго Синода формѣ.

16. Распри, раздоры и хулы ни съ единыя стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для богослуженія, ибо таковая обоесторонняя разность, какъ не принадлежитъ до сущности вѣры, то и да пребудутъ старообрядцы и сынове Грекороссійскія Церкви въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада единыя Святыя Соборныя и Апостольскія Церкве.

обращаемы бъ были или на училища, или на богадѣльни[1]).

14. Сію статью принять можно.

15. Сіе необходимо потребно.

16. Требованіе благое и достойное, чтобъ оное было отъ всѣхъ сохраняемо въ точности.

[1]) Послѣднія слова, напечатанныя курсивомъ, въ указъ Св. Синода не вошли, за утвержденіемъ первыхъ.

Того ради, препоручая себя въ Милостивое вашего высокопреосвященства благоволеніе, всепокорнѣйше просимъ, изъявить намъ Архипастырскую Свою милость и благоснисхожденіе, открыть намъ Святыя Церкви и снабдить насъ правильными священниками и о семъ нашемъ прошеніи милостивое рѣшеніе учинить.

Къ сему прошенію Московскій первой гильдіи купецъ Григорій Александровъ въ семѣйствѣ имѣю пять человѣкъ и руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій первой гильдіи купецъ Филипъ Алексѣевъ сынъ Шелапутинъ семѣйствомъ четыре человѣка всемѣйствѣ имѣю руку приложилъ. Къ сему прошенію Московской первой гильдіи купецъ Дмитрій Григорьевъ сынъ Ямщиковъ руку приложилъ въ семѣйствѣ имѣю пять душъ. Къ сему прошенію Московской первой гильдіи купецъ Иванъ Алексѣевъ Мѣньшей сынъ Шелапутинъ руку приложилъ и всемѣйствѣ имѣю три человѣка. Къ сему прошенію Московской первой гильдіи купецъ въ семѣйствѣ имѣю четыре человѣка руку приложилъ Савва Ѳедотовъ Шохинъ. Къ сему прошенію Московскій второй гильдіи купецъ Алексѣй Корноуховъ въ семѣйствѣ имѣю три души руку

Сверхъ всего того заключаю свое мнѣніе тѣмъ: 1-е, чтобъ по таковомъ взаимномъ всего вышеписаннаго принятіи и согласіи, таковыхъ пріемшихъ, и согласившихся и получившихъ на вышепрописанномъ основаніи церковь, не называть болѣе раскольниками или старообрядцами; ибо въ церкви ничего новаго нѣтъ, и нѣтъ новообрядцевъ; а называть ихъ соединенцами или единовѣрцами, на что они, особливо на послѣднее по предложенію моему и согласны быть оказываются, а потому и церковь ихъ имѣетъ называться единовѣрческою; а въ упорствѣ и во отторженіи отъ церкви прибывающіе да останутся при прежнемъ ихъ имяноваіи раскольниками. 2-е. При дозволеніи просителямъ церкви потребно быть судится провозгласить слѣдующее: что несчастливый расколъ отъ чего произошелъ и когда, сіе извѣстно изъ многихъ изданныхъ о томъ книгъ. Церковь все тщаніе и ревность прилагала къ приведенію на путь истины отторгшихся отъ нея, и для того изданы многія книги, въ коихъ явственно и доказательно показано и заблужденіе отторгшихся, и погрѣшности отъ нерадѣнія и невѣжества взошедшія въ прежнія церковныя книги, и какъ сходственно съ греческими и славян-

приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Иванъ Федоровъ Карнауховъ въ семѣйствѣ имѣетъ четыре души и руку приложилъ. Къ сему прошенію Московской второй гильдіи купецъ Михаилъ Ивановъ сынъ Самодуровъ руку приложилъ всемѣйствѣ имѣю одну душу. Къ сему прошенію Московской второй гильдіи купецъ Яковъ Ивановъ Самодуровъ руку приложилъ въ семѣйствѣ имѣю четыре души. Къ сему прошенію вмѣсто Московскаго второй гильдіи купца Ивана Андреева сына Павлова за неумѣніемъ грамотѣ и писать по его прошенію Московскій третьей гильдіи купецъ Григорій Осиповъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московской второй гильдіи купецъ Осипъ Андреевъ Павловъ руку приложилъ а всемѣйствѣ имѣю двѣ души. Къ сему прошенію Московской второй гильдіи купецъ Василій Андреевъ сынъ Павловъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Козма Ивановъ сынъ Сичковъ съ семѣйствомъ въ семѣйствѣ имѣю два человѣка и руку приложилъ. Къ сему прошенію второй гильдіи купецъ Григорій Васильевъ Балашевъ руку приложилъ съ семѣйствомъ. Къ сему прошенію Московской второй гильдіи купецъ Семенъ Васильевъ сынъ

скими древними книгами оныя погрѣшности исправлены,и что таковымъ образомъ исправленныя книги въ нашей церкви православной употребляются; и хотя и нынѣ не можетъ быть о всемъ томъ иная церкви мысль, развѣ каковая ею доселѣ за истину признана и признается, однако церковь, яко мать сердобольная, не видя въ обращеніи отторгшихся отъ нея великаго успѣха, (хотя нѣкоторые Богомъ просвѣщенные и совершенно соединяются съ нею) разсудила за благо учинить нѣкоторое таковымъ въ невѣдѣніи погрѣшающимъ снисхожденіе, однако безъ соблазна правовѣрныхъ, особливо разсуждая ихъ прошеніе, которое довольнымъ образомъ ихъ съ церковію сближаетъ, или паче соединяетъ, слѣдуя примѣру Апостольскому, иже немощнымъ бысть яко немощенъ, но съ тѣмъ, да немощныхъ пріобрящетъ; и дабы возымѣть благую надежду, что таковые со времянемъ, Богомъ просвѣтятся, и ни въ чемъ въ неразнствующее съ церковію пріидутъ согласіе. Прописать сіе почитается нужнымъ, дабы всѣмъ вѣдомо было, по какой винѣ церковь нынѣ таковое имъ творитъ снисхожденіе, и дабы развратные не протолковали акибъ святая церковь свое прегрѣшеніе, а ихъ истину познала, какъ то нѣкото-

Бородинъ руку приложилъ семѣйство имѣю два человѣка. Къ сему прошенію Московскій купецъ второй гильдіи Козма Савельевъ сынъ Лисицынъ руку приложилъ семѣйство имѣю четыре человѣка. Къ сему прошенію Московскій второй гильдіи купецъ Петръ Ивановъ сынъ Павловъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московской второй гильдіи купецъ Андрей Ивановъ Щепинъ а вмѣсто его по его прошенію за неумѣніемъ его грамоте и писать Московскій купецъ Осипъ Павловъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московской купецъ Стефанъ Афонасіевъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Яковъ Ивановъ Ряпыжковъ руку приложилъ въ семѣйствѣ имѣю три человѣка. Къ сему прошенію Московскій купецъ Венедиктъ Семеновъ руку приложилъ въ семѣйствѣ имѣю четыре человѣка. Къ сему прошенію Московскія купцы братья Василей Семеновъ Дружининъ съ семѣйствомъ двухъ душъ руку приложилъ Галантіонъ Семеновъ съ семѣйствомъ одной души руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Михаилъ Петровъ Воронковъ а въ семѣйствѣ имѣю пять душъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Ѳедоръ Ивановъ сынъ рые дерзаютъ и мыслить и говорить.

Того [1]) ради съ прописаніемъ сего моего мнѣнія, предаю въ благоразсмотрѣніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода и имѣю ожидать указнаго предписанія. А притомъ прошу, ежели по сему велѣно будетъ просителямъ дать церковь, то чтобъ устроить повелѣть на нынѣшнемъ ихъ кладбищѣ, о чемъ они меня настоятельно просили.—

Вашего Святѣйшества послушный (Платонъ Митрополитъ Московскій).

[1]) Заключеніе доношенія заимствуемъ изъ рукописи Румянцевскаго Музея № 269, об. 13—л. 14.

Аверьковъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Иванъ Прокофьевъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Покровской второй гильдіи купецъ Петръ Прокофьевъ сынъ Прокофьевъ руку приложилъ въ семѣйствѣ имѣю одну душу. Къ сему прошенію Московскій купецъ второй гильдіи Алексѣй Дмитріевъ сынъ Фоминъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Покровскій купецъ Михаилъ Борисовъ Сарачевъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Антонъ Петровъ Ульяновъ подписуюсь и съ женою. Къ сему прошенію вмѣсто Московскаго купца Федора Васильева сына Васильева по прошенію его за неумѣніемъ грамотѣ и писать Московской третьей гильдіи Григорій Осиповъ подписуюсь. Къ сему прошенію Московскій купецъ Моисей Ильинъ а вмѣсто его за неуменіемъ грамоте и писать по его прошенію руку приложилъ а въ семѣйствѣ имѣетъ шесть душъ Московскій купецъ Осипъ Андреевъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій третьей гильдіи купецъ съ вѣрою и усердіемъ желаю быть въ соединеніи съ соборною Церковію руку приложилъ Григорій Осиповъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Александръ Самсоновъ руку приложилъ семѣйство имѣю четыре человѣка. Къ сему прошенію Московскій купецъ Иванъ Андреевъ Симановъ руку приложилъ а въ семѣйствѣ имѣю два человѣка. Къ сему прошенію Московскій купецъ Иванъ Назаровъ Прокофьевъ руку приложилъ а въ семѣйствѣ имѣю шесть человѣкъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Антонъ Борисовъ сынъ Борисовъ въ семѣйствѣ имѣю два человѣка руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Семенъ Прокофьевъ сынъ Катуловъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Василій Семеновъ сынъ Парфеновъ руку приложилъ а въ семѣйствѣ имѣю два человѣка. Къ сему прошенію Московскій купецъ Асавъ Самадуровъ а въ семействѣ имѣетъ два человѣка руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій мѣщанинъ Алексѣя Григорьева сынъ Тарасъ руку приложилъ а въ семействѣ имѣю четыре души. Къ сему прошенію Московскій купецъ Яковъ Ерофеевъ сынъ Лепехинъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Терентій Андреевъ Симоновъ руку приложилъ въ семѣйствѣ имѣю двѣ души. Къ сему прошенію Московскій купецъ Гаврило Никитинъ сынъ Урусовъ въ семѣйствѣ имѣю два человѣка и руку приложилъ. Къ сему прошенію

Московскій купецъ Денисъ Ивановъ сынъ Ивановъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Афонасій Ивановъ сынъ Щукинъ руку приложилъ въ семѣйствѣ своемъ имѣю четыре человѣка согласныхъ. Московскій купецъ Алексѣй Алексѣевъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Михаилъ Ивановъ сынъ Щукинъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Никита Захаровъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Иванъ Василіевъ сынъ Гашилинъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Иванъ Андреевъ Большой сынъ Симановъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Покровскій купецъ Иванъ Фроловъ Шеинъ руку приложилъ въ семѣствѣ имѣю два человѣка. Къ сему прошенію Покровскій купецъ Прохоръ Борисовъ сынъ Сарачевъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Тимофей Васильевъ сынъ Тягинъ руку приложилъ семѣйство имѣю пять человѣкъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Василій Устиновъ руку приложилъ въ семѣйствѣ имѣю два человѣка. Къ сему прошенію Московскій купецъ Савва Андріановъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Василій Прокофьевъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Андрей Бородинъ руку приложилъ семѣйство имѣю два человѣка. Къ сему прошенію Московскій купецъ Иванъ Ѳедоровъ сынъ Латышевъ руку приложилъ въ семѣйствѣ имѣю одну душу. Къ сему прошенію Московскій купецъ Мокаръ Антоновъ сынъ Носовъ руку приложилъ въ семѣйствѣ имѣю четыре человѣка. Къ сему прошенію Московскій мѣщанинъ Ѳедоръ Василіевъ Рожоновъ въ семѣйствѣ имѣю два человѣка руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Василій Прокофьевъ въ семѣйствѣ имѣю четыре человѣка руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій Мещанинъ Дороѳей Никифоровъ въ семѣйствѣ имѣю шесть человѣкъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Агапъ Кузминъ сынъ Карповъ руку приложилъ въ семѣйствѣ имѣю три человѣка. Къ сему прошенію Московскій третьей гильдіи купецъ въ семѣйствѣ имѣю четыре человѣка руку приложилъ Елисей Егоровъ сынъ Ерофеевъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Андрей Семеновъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Семенъ Андреевъ руку приложилъ въ семѣй-

ствѣ имѣю три человѣка. Къ сему прошенію Московскій купецъ Егоръ Егоровъ сынъ Трегубовъ руку приложилъ а въ семѣйствѣ имѣю пять человѣкъ. Къ сему прошенію Московскій Мѣщанинъ Алексѣй Тихоновъ сынъ Зайцевъ въ семѣйствѣ имѣю три человѣка за неумѣніемъ его Зайцева грамоте и писать по его прошенію подписуюсь Ростовскій Посадскій Стефанъ Осиповъ Бобовъ. Къ сему прошенію Московскій третьей гильдіи купецъ Петръ Федоровъ сынъ Ульяновъ вмѣсто его за неумѣніемъ грамотѣ и писать по его прошенію Московскій второй гильдіи купецъ Петръ Ивановъ сынъ Павловъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій купецъ Самойло Васильевъ Клиновъ и семействомъ своимъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій Мѣщанинъ Гаврило Исаевъ сынъ Харловъ руку приложилъ въ семѣйствѣ имѣю пять душъ. Къ сему прошенію Ростовскій посацкой Стефанъ Осиповъ Бобовъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Московскій Мещанинъ Петръ Егоровъ сынъ Фоминъ руку приложилъ изъ братомъ[1]).

№ 57.

Мнѣнія московскаго духовенства относительно просьбы московскихъ старообрядцевъ на имя м. Платона.

Об. 14. *Въ сходственность предписанія его Высокопреосвященства мнѣніе*[2]*) отъ четырехъ сороковъ архимандритовъ, протоіереевъ и іереевъ Его высокопреосвященству Митрополиту Платону 1799 года декабря дня.*

Въ сходственность предписанія Его Высокопреосвященства разсуждая о прошеніи именующихся старообрядцами, коимъ они домогаются, чтобъ дозволено имъ было

1) На оборотѣ прошенія надпись: подано 12 ноября 1799 г.

2) „Мнѣнія духовенства“ по прошенію московскихъ старообрядцевъ сохранились въ нѣсколькихъ спискахъ. Мы имѣли подъ рукою 3: одинъ, принадлежащій Румянцевскому музею, два другихъ—частнымъ лицамъ. Румянцевскій списокъ наиболѣе полный. Онъ находится въ рукописи № 269, содержащей копію съ доношенія м. Платона Св. Синоду по прошенію московскихъ старообрядцевъ, съ прибавленіемъ одной изъ резолюцій м. Платона и одного правила 4-го вселенскаго собора. Рукопись писана красивымъ славянскимъ шрифтомъ въ 4-ю долю обыкновеннаго писчаго листа, имѣетъ массу грамматическихъ и синтаксическихъ ошибокъ, принадлежащихъ, несомнѣнно, переписчику, какъ объ этомъ можно судить по сличенію рукописи съ со-

открыть себѣ новыя церкви, основанныя на положеніи значущимъ о томъ въ ихъ прошеніи, по чистой нашей совѣ-
Л. 15. сти и безпристрастному сужденію о семъ важномъ дѣлѣ, мы нижеподписавшіеся открываемъ свои мысли.

1-е. Сила прошенія именующихся старообрядцами, по мнѣнію нашему, состоитъ въ томъ, что они ни мало не склонны къ соединенію съ православною грекороссійскою церковію, но хотятъ торжественнымъ образомъ на вѣки оторгнуться ея, ибо

2-е. Есть ли не для сего, то для какихъ иныхъ правильныхъ большихъ причинъ требуютъ они себѣ открытія въ царствующемъ градѣ Москвѣ новыхъ церквей, при томъ
Об. 15. на такомъ основаніи, коему подобнаго примѣра въ исторіи православной церкви отъ старыхъ временъ апостольскихъ до днесь не усматривается. Въ царствующемъ градѣ семъ отъ древнихъ временъ имѣется довольное число церквей, кои всегда уважаемы были и нынѣ уважаются самыми удалившимися отъ православныя грекороссійскія церкви, какъ то: соборы, монастыри и другія древнихъ временъ божія храмы, а наипаче древнѣйшіи московскіе соборы преисполнены такими христіанскаго православія святынми, коихъ сами
Л. 16. просители чтутъ, а нѣкоторыи изъ ныхъ (хотя по неправильному и неосновательному своему основанію) ко утвержденію своихъ догматовъ приводятъ; при сей достойно почитаемой отъ всѣхъ равно и отъ нихъ древности и святыни нововводныя, по мнѣнію, старообрядцевъ церкви уже будутъ совсѣмъ излишнія.

3-е. Есть ли же сказано будетъ, что въ сихъ древнихъ святыхъ храмахъ производится служба Божія и дѣйствуется церковное чинопослѣдованіе не по старопечатнымъ, а по новоисправленнымъ книгамъ, что хотя тѣ храмы сами по себѣ и святы, но служеніе, въ нихъ совершаемое, не сход-
Об. 16. ствуетъ съ желаніемъ и съ догматствованіемъ старообрядцевъ, на сіе возраженіе сами они, старообрядцы, во своемъ прошеніи положили сильное опроверженіе: ибо они въ 16

хранившеюся частью доношенія въ оффиціальной копіи Государственнаго Архива. При печатаніи „мнѣній духовенства“, мы пользуемся румянцевскимъ спискомъ, хотя дѣлаемъ къ нему нѣкоторыя незначительныя поправки, преимущественно синтаксическія и грамматическія.

пунктѣ откровенно изъясняютъ, что содержанія разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ употребляемыхъ для богослуженія не принадлежатъ до сущности вѣры. на основаніи семъ въ 11 пунктѣ дѣлаютъ они постановленіе, что есть ли отъ старообрядцевъ пожелаетъ кто приобщиться святыхъ таинъ въ грекороссійскихъ церквахъ, не возбранять и въ 14 пунктѣ, есть ли случится быть браку состоящемуся одной поло-
Л. 17. винѣ грекороссійскія церкви, а другой старообрядческой, таковыхъ вѣнчать по общему согласію или въ грекороссійской или въ старообрядческой церкви, а въ 7 пунктѣ и святое миро, коимъ и церкви, и антиминсы, и всѣ христіане освящаются, не по старопечатнымъ книгамъ и обрядамъ освященное, но по тѣмъ чиноположеніямъ, кои содержитъ наша православная церковь, они пріемлютъ безъ всякаго прекословія,—сіи пункты въ точности показываютъ, что именующіяся старообрядцами совершаемыя въ православной на-
Об. 17. шей церкви таинства по новоисправленнымъ книгамъ сами пріемлютъ и утверждаютъ за истинныя и дѣйствительныя; за симъ для чего-жъ ради быть нововводной церкви?

4-е. Есть-ли только для старыхъ обрядовъ, то есть для молитвословія, чтенія по старопечатнымъ книгамъ и прочаго, что, какъ показано выше, къ существу вѣры, по мнѣнію самихъ старообрядцевъ, не принадлежитъ, то отъ сего новаго введенія старообрядовой церкви въ самомъ священнѣйшемъ и твердѣйшемъ основаніи православныя нашей церкви, по мнѣнію нашему, важное произойти можетъ ко-
Л. 18. лебаніе; ибо

5-е. Православная греко-россійская церковь со открытія раскола, донынѣ непреставала многими сильными доводами, утвержденными истиною слова Божія, обличать суемудренное и душепагубное заблужденіе отступившихъ отъ нея, что доказываютъ въ разныя времена изданныя книги, какъто: жезлъ правленія, увѣтъ духовной, пращица, скрыжаль, розыскъ, увѣщаніе, обличеніе и многія другія. Сія благонамѣренная ревность при содѣйствіи благодати Божіей не оставалась безъуспѣшна, ибо въ продолженіе временъ въ
Об. 18. разныхъ мѣстахъ россійскаго государства разныхъ толковъ отступники къ сердобольной своей матери обращались и нынѣ обращаются, хотя не въ такомъ количествѣ какъ-бы желательно было, но вообще обратившихся до нынѣ несравненно большее число, нежели кое самое нынѣ проситъ ново-

составленной церкви.—Присемъ умолчавъ о видимыхъ признакахъ, самое прошеніе именующихся старообрядцами явно доказываетъ, что храмина суемудрія и упорства, основанная не на краеугольномъ евангельскомъ камени, а на пескѣ, уже зыблется и клонится къ своему разрушенію, ибо отступники и не хотя признаютъ, что нынѣшняя ихъ церковь
Л. 19. есть незаконная, а потому неистинная и что спасенія обрѣсти не можно въ незаконной и неистинной церкви, ей же глава и вышній пастыреначальникъ есть Христосъ и ей же во основаніи безпосредственно имъ самимъ положенъ есть Петръ, а по немъ и прочіи другъ другопредательно истинныя и законныя пастыри; при сихъ обстоятельствахъ, при смущеніи и колебаніи многихъ отступническихъ сердецъ, производимомъ сею истиною, юже по слову Христа Спасителя врата адова одолѣти не возмогутъ, при удержаніи сею же истиною многихъ чадъ греко-россійскія церкви, обоян-
Об. 19. ныхъ хитрословесіемъ и лестію отступническихъ ихъ лжеучителей и къ подобному отступленію отъ матери своей убѣждаемыхъ, и при сихъ обстоятельствахъ вдругъ откроются отступническіи церкви, основанныя не на истинѣ ученія православныя грекороссійскія церкви, а на самыхъ камняхъ отступническаго претыканія, на ихъ суевѣріи, заблужденіи и упорствѣ; чрезъ сіе затмится святая истина, донынѣ громко и ревностно обличавшая ослѣпленія отступниковъ, ни во что вмѣнятся или еще подвергнутся нѣкоему порицанію вышеупомянутыя писанія грекороссійскія церкви, обличи-
Л. 20. тельныя на отступниковъ заградятся уста и ревностныхъ пастырей, и истинныхъ сыновъ православныя нашея церкви, увѣщавшихъ донынѣ братію свою свободно уклонившуюся отъ сообщенія съ православіемъ; и кажется намъ, что для сей то наиболѣе причины вымышлена сія новая церковь, то есть, чтобы заблужденіе отступниковъ, допущенное и утвержденное самою православною церковію, торжественно вездѣ и всегда текло и безпрепятственно всюду разливалось. Сіе явствуетъ въ 16 пунктѣ прошенія гдѣ такъ ска-
Об. 20. зано: распри, раздоры и хулы ни съ единыя стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ, иначе сказать, да ускользнетъ отнынѣ истина православія, съ ревностію прямо христіанскою обличающая заблужденія нелѣпоту отпадшихъ отъ грекороссійской церкви; на таковое обузданіе и вязаніе святыя истины, по мнѣнію нашему, согласиться

безъ страха строгаго истязанія на страшномъ судѣ Христовѣ не можно; слово Божіе не вяжется.

6-е. Извѣстно всему христіанству, сколь много доселѣ снисходила и снисходитъ православная грекороссійская церковь блуднымъ сынамъ своимъ, уклонившимся на
Л. 21. страну далече, сколь много претерпѣла отъ нихъ хулы, поношенія, буесловія, нестерпимыхъ ругательствъ, милосердствуетъ о сихъ, ищетъ день и нощь подобно главѣ своей Спасителю Христу заблудшихъ ста овецъ, сколько разъ предлагала она въ писаніяхъ своихъ средства самыя легкія, для отступниковъ выгодныя и пути показывала кроткія
Об. 21. къ соединенію, словомъ сказать, она довольно уже въ точности совершила святое и достохвальное подражаніе святому апостолу Павлу, которой былъ съ немощными, яко немощенъ, но до днесь воздѣйствія ея держали знатную поверхность надъ кременистами отступниковъ сердцами. Чрезъ таковое паче нежели матернее снисхожденіе кажется намъ сонмище ихъ едвали уменьшается, не паче ли отъ времени до времени умножается и тѣ самыя, коимъ явлено безпримѣрное снисхожденіе, не при всякомъ ли случаѣ въ большее зло для православной нашей церкви обращали и обращаютъ (его); на сихъ явныхъ опытахъ заключаетъ мысль наша, что естьли нынѣ требуемое отступниками безпримѣрное, исполненію нашему невозможное снисхожденіе будетъ отъ православной грекороссійской церкви ока-
Л. 22. зано, то легко обратиться можетъ сіе въ новое тягчайшее зло. По мнѣнію нашему, руководствуемому самымъ опытомъ, въ томъ важномъ, притомъ неимѣющемъ примѣра и въ общемъ всея православныя грекороссійскія церкви дѣлѣ можно съ немощными быть яко немощну тогда, когда явное и несомнительное видится церкви пріобрѣтеніе, и какъ говоритъ апостолъ, да немощныя пріобрящемъ; въ случаѣ же сомнительномъ и только уповаемомъ, но впрочемъ многими уже опытами совсѣмъ противное доказав-
Об. 22. шимъ крайняя настоитъ опасность, чтобы не сожалѣть поздно, ибо

7-е. Важнѣйшимъ, по мнѣнію нашему, почесть должно то, что православная грекороссійская церковь, попущая и утверждая новой старообрядческой церкви на томъ основаніи, какъ значитъ въ поданномъ прошеніи, сама содержитъ свое раздѣленіе, и будетъ въ ней одна половина истинная,

православная, другая же законозаблуждающая; что притомъ простымъ благочестивымъ очамъ можетъ, думаемъ мы, представиться страннымъ, что надъ противными и разномудрствующими церквами верховный пастыреначальникъ
Л. 23. будетъ единъ, и онъ въ одномъ отдѣленіи будетъ учить православно христіанъ и святой истинѣ; въ другомъ же не словомъ, но дѣйствіемъ, какъ значитъ во 2-мъ и 4-мъ пунктѣ прошенія, совершая таинство хиротоніи, освящая церкви и антиминсы по старопечатнымъ книгамъ во одно угожденіе непокорствующимъ святой истинѣ старообрядцамъ будетъ учить христіанъ суевѣрію и предразсудкамъ, а наипаче, когда все сіе будетъ дѣйствовать архипастыремъ великимъ, мудрымъ въ просвѣщенномъ и здравомудрствующемъ свѣтѣ уже давно заслужившимъ громкую славу, имени
Об. 23. своему всегдашнее отъ всѣхъ уваженіе и почтеніе; страшимся мы думать, какое впечатленіе произведетъ такая обоюдность въ мысляхъ тѣхъ христіанъ, которыя ни студены, ни теплы, однако доселѣ за честь, за непремѣнную обязанность, и за самое преимущество почитали быть членами тѣла единыя православныя грекороссійскія церкви; страшимся мы, чтобы сей примѣръ не подалъ случая къ таковому заключенію, что заблужденія церковію дозволяются, страшимся принять мы той части христіанъ, которыя, не отступая
Л. 24. отъ православной грекороссійской церкви, мыслями и донынѣ колебались о точномъ православіи, не понимая по простотѣ своей и непросвѣщенію, на чьей сторонѣ она находится на сторонѣ ли церкви, или на сторонѣ отпадшихъ отъ нея; думаемъ мы, что сія, по воображенію нашему, великая часть членовъ православныя нашія церкви, когда откроются у противомудрствующихъ ей церкви, къ ихъ суемудрію обратится и знатно умножитъ ихъ сонмище, ибо, какъ вышеупомянуто, удерживало ихъ отъ сего до нынѣ то одно основательное мнѣніе, что у непокоряющихся грекороссій-
Об. 24. ской церкви нѣтъ законной и правильной церкви, а потому путь ихъ удаленъ отъ спасенія. Унія, по мнѣнію нашему и по примѣру западныя церкви, терпима быть можетъ въ народахъ иноплеменныхъ и изъ иновѣрія въ правовѣріе вступающихъ, а не въ единоплеменныхъ и единою матерію грекороссійскою церковію рожденныхъ.

8-е. Естьли же по дозволеніи открытія старообрядной церкви не должно признавать церковнаго раздѣленія (а бу-

детъ сіе считаться раздѣленіе) то слѣдуетъ рѣшить сей важной вопросъ, кто съ кѣмъ соединится?—Нельзя будетъ
Л. 25. сказать, что именующіися старообрядцами соединились съ православною церковію, ибо они, какъ значитъ въ поданномъ отъ нихъ прошеніи, отъ своего суемудрія, противленія святой истиннѣ и упорства ни на шагъ не отступаютъ, но на тѣхъ своихъ любимыхъ правилахъ, кои отъ православной нашей церкви въ неисправности ясно изобличены, доказаны и проклятію преданы основать новую церковь усиливаются. При томъ, кое предлагаютъ въ 5-мъ пунктѣ средство къ соединенію?—что не будутъ они допускать въ новооткрытую свою церковь для общаго моленія знаменующихся тремя персты и брады брі-
Об. 25. ющія и прочія имѣющихъ несогласія древнимъ обыкновеніямъ, то есть истинныхъ чадъ грекороссійскія церкви: они всегда то дѣлали и нынѣ дѣлаютъ и по открытіи ихъ церкви тоже дѣлать обѣщаются; сіе ли докажетъ съ ихъ стороны миръ къ намъ, любовь и соединеніе искренно сердечное съ православною нашею церковію? Слѣдовательно, естьли они остаются при всей силѣ своего упорства и суемудрія, предполагаемое то соединеніе послѣдуетъ отъ стороны православныя церкви, то есть, грекороссійская церковь
Л 26. соединится съ непокоящимися ей и тѣмъ самымъ отдастъ какъ-бы нѣкоторую справедливость ихъ заблужденію и противленію святой истинѣ, опредѣливъ къ тому правильное и законное священство и обязавъ оное слѣдовать и угождать ихъ похотямъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію нашему, на тверди церковной узрится новое явленіе, ни вещественной, ни нравственной (какъ явствуетъ въ словѣ Божіемъ) природѣ несовмѣстное,—свѣтъ сообщится со тьмою. По симъ резонамъ, открытымъ нами по чистой нашей совѣсти, думаемъ мы, что не слѣдуетъ вообще согласиться
Об. 26. на прошеніе имянующихся старообрядцами объ открытіи въ царствующемъ градѣ семъ новомышленныхъ ихъ церквей. Но сіе наше мнѣніе предаемъ въ вышнее и духа святаго озаренное благоразсмотрѣніе милостивѣйшаго нашего архипастыря. 1799 года декабря дня.

Подлинное подписали Архимандриты: Савинскій Арсеній, Крестовоздвиженской Сергій, Высокопетровской Іоаникій, Злотоустовскій Ираклій. Протоіереи: Покровской Афанасій Михайловъ, Казанской Дмитрій Аегровскій, Спасскій

Василій Іоановъ, Трехсвятительской Василій Прокофьевъ,
Л. 27. Николаевской что на Пупышахъ Петръ Алексѣевъ. Благочинные священники: Воскресенской на Дмитровкѣ Андрей Іларіоновъ, Троицкой Егоръ Семеновъ, Николаевской на Пескахъ Иванъ Петровъ.

Отдѣльное мнѣніе 5 лицъ. 1799 года декабря дня мы изъ числа присутствующихъ въ Московской духовной консисторіи и приглашенныхъ въ нее опредѣленіемъ Высокопреосвященнѣйшаго нашего Архипастыря по поводу старообрядческой просьбы объ открытіи имъ церквей, нижеподписавшіяся, чувствуя и познавая, что долгъ нашъ есть слѣдовати пришедшему взыскать и спасти погибшаго, со-
Об. 27. ревновавъ избраннику его, ищущему да всяко нѣкіи пріобрящетъ, душевно мнимъ и подтверждаемъ, и пріемлемъ, и допускаемъ тако.

1-е. Отвѣтъ на опредѣленіе Высокопреосвященнѣйшаго не вообще, но съ нѣкоторыми предложенныхъ старообрядцами пунктовъ перемѣнами на прошеніе ихъ объ открытіи имъ съ правильными священниками святыхъ церквей, въ которыхъ бы (какъ изъ пунктовъ ихъ видится) по старопечатнымъ книгамъ чтобы служба Божія совершалась. Есть-ли они, старообрядцы, ищутъ сего отъ церкви, яко матер-
Л. 28. няго снисхожденія слѣпотѣ ихъ и закоснѣлости, требуя по настоящему времени аки младенцы млека (и предоставляя церкви Божіей надежду впредь удовлетворить ихъ и совершенною пищею) и ежели православную грекороссійскую церковь признаютъ торжественно истинною и правильною, равно и книги отъ нея употребляемыя и обряды ею совершаемыя законными и душеспасительными, такъ, какъ и святыхъ угодниковъ церковію пріемлемыхъ мужами святыни исполненными, а иконы, нами поклоняемыя, достопоклоняемыми, со основаніемъ симъ на прошеніе ихъ согласиться и можно и должно, имянно жъ можно.

Об. 28. а) Поелику и во времена апостоловъ извѣстныя снисхожденія были для немощной братіи и во время Моисеево жестокосердымъ даже было гораздо болѣе, нежели бы законно позволить надлежало. в) Понеже ни обрѣзаніе что можетъ, ни не обрѣзаніе, но вѣра, и не въ словеси царствіе Божіе, но въ силѣ, апостолъ благовѣствуетъ, и онъ самъ хощетъ уразумѣть, разгордѣвши по словахъ его коринфянъ не слово, но силу то извѣствуетъ, что, по примѣру сему, ни

старыя ни новыя книги, ни старыя ни новыя обряды, ни
Л 29. исправленныя ни неисправленныя реченія къ назиданію церкви требуются, но сердечное пріятіе евангельскаго ученія Христова, въ чемъ старообрядцы, какъ изъ прошенія ихъ усматривается, увѣряютъ насъ. Отселѣ должно.

а) Поелику, ежели и со стороны слабости посудить, то меньшее зло предоставляется большему: учитъ сему наша церковь, говоря: подобаетъ малое соблажненіе призирать и даже веліе, (ежели) кому спасеніе бываетъ и не малаго ради погубляти и лишатися великаго: толковое воскресное евангеліе недѣли 32, ибо в) Наша церковь, до времени исправленія по старопечатнымъ книгамъ служеніе все совер-
Об. 29. шая, была тогда съ православною греческою въ томъ, что исправлено, не согласна, но какъ тѣ околичности нашу церковь отъ церкви греческой не отдирали, такъ и нынѣ оныя самы не должны лишать имянующихся старообрядцами искомой ими.

2-е. Отвѣтъ на пункты старообрядческія: на 1-й, двоеперстное сложеніе и подобныя ему обряды сами по себѣ никогда подъ клятву не подходили, а крыющіяся подъ ними ереси, раздиравшія стадо Христово, были анаѳематствованы, о чемъ дано уже знать и во обличеніи на листѣ 21-мъ,
Л. 30. что клятва та соборная не на держанія двуперстнаго сложенія положена, а за сопротивленія и хулу на святую церковь, слѣдовательно, двуперстно крестящіяся, кои прочихъ никакихъ догматическихъ вредныхъ плевелъ въ серцахъ своихъ не таятъ, не должны безпокоиться о клятвахъ на двоеперстниковъ воспослѣдовавшихъ; не на нихъ оныя клятвы, но на еретичествующихъ. 2-й. Снабженіе ихъ правильнымъ священствомъ, поколику предоставляютъ въ волю архипастыря на основаніи какъ водится и у насъ въ приходахъ, съ согласія ихъ правильныхъ, съ согласія прихо-
Об. 30. жанъ, то желающихъ или избранныхъ симъ образомъ во священство къ старообрядческимъ церквамъ по старопечатнымъ хиротонисать противности нѣтъ; но уклонившихся по прежде къ нимъ священниковъ, хотя бы они явились и не подлежательны тяжкому суду, оставить старообрядцамъ пастырями не можно; поелику развратники сіи, ставъ уже волки, а не пастыри; измѣнивъ единожды Богу, церкви и своей клятвѣ; пастырями добрыми, тѣмъ меньше симъ новосоединяющимся и младенствующимъ, такъ сказать, ду-

шамъ, пастырями не имущимъ таинства вѣры въ чистой
Л. 31. совѣсти отнюдь быть не могутъ; церковныя правила святыхъ отецъ не попущаютъ бѣглымъ болѣе священствовать; могутъ быть они раскаянныя христіане, но не пастыри. На 3-й. По старопечатнымъ книгамъ, кои по свидѣтельствованію явятся въ существѣ съ нами не разгласными править службу не противно. На 4-й. Согласиться можно, кромѣ тѣхъ старыхъ антиминсовъ естьли они сами какіе представили, выдавая ихъ за прежде освященныя патріархами. На 5-й. Касательно духовенства ихъ о нехожденіи вообще на соборныя моленія можно оставить на произволъ и о совершеніи тѣхъ моленій въ ихъ церквахъ, буде
Об. 31. пастырь учинитъ имъ возможное снисхожденіе; въ разсужденіи же брадобріевъ и прочихъ могутъ они не допущать тѣхъ токмо на общее моленіе къ себѣ, кои бы имъ казались сомнительными касательно надлежащаго благочинія, а людемъ въ честности свидѣтельствованнымъ входы возбранять нельзя. Впрочемъ которыя издавна въ какомъ-либо расколѣ состоятъ и при коихъ приходахъ въ духовныхъ вѣдомостяхъ, таковыи бы чрезъ многія годы были замѣчаемы, тѣхъ, яко погибшихъ уже для церкви, присоединять къ сей
Л. 32. позволяется, но безъ всякой церемоніи, болѣе же никого. На 6-ый. По духовнымъ дѣламъ и самимъ старообрядцамъ и духовенству ихъ быть подсудными епаршенской каѳедрѣ и отъ нея поставленной власти безъ изъятія; письмоводитель же до церкви не надлежитъ. На 7-ый. Конечно. На 8-ый. Священники ихъ какъ быть имѣю братія наша о Христѣ, то и должны сіе братство свое ясными свидѣтельствовать значеніями, а лучше ничѣмъ не могутъ, какъ открывая совѣсти своя обще учрежденнымъ духовникамъ, или нарочно на сіе отъ преосвященнѣйшаго назначеннымъ, дабы въ противномъ слу-
Об. 32. чаѣ церковь не могла возымѣть нѣкоего къ нимъ подозрѣнія. На 9-ый. Пастырь, который снабдитъ ихъ церковію, и въ семъ не отречетъ. На 10-ый. Во всей силѣ его пріемлется. На 11-й. Соглашаемся со всею христіанскою любовію и усердіемъ. На 12-ый. Пастырь добрый въ семъ не возупорствуетъ. На 13-ый. Нельзя не быть подъ общими законами духовными и гражданскими. На 14-й. Дозволить можно. На 15-ый. Такъ и должно. На 16-й. Мы съ распростертыми объятьями готовы. Но для ознаменованія съ ихъ стороны сего установленія святой соборной церкви желательно, что-

Л. 33. бы, отдѣляясь отъ невступающихъ и упорствующихъ, оставили имя старообрядцевъ, коимъ противники ея нарицаются, а приняли бы каковымъ пастырь нарещи ихъ признаетъ за приличнѣйшее.

Сіе наше мнѣніе, каковое внушаетъ намъ христіанская любовь и правда евангельская, предаемъ въ прочемъ прозорливѣйшему суду и власти воззвавшаго насъ къ сужденію сему нашего Высокопреосвященнѣйшаго Архипастыря.

Подлинное подписали: Старобасманскій священникъ Михаилъ, Рогожскій протоіерей Евфимій, Ризположенія Василій Семеновъ, Симеоновъ священникъ Стефанъ Никитинъ, Об. 33. Московскаго Казанскаго собора протоіерей Димитрій.

Отдѣльное мнѣніе протопресвитера Димитрія. На поданное отъ московскихъ старообрядцевъ объ открытіи святыхъ церквей и прочаго прошеніе, должно ли согласиться или не должно, по чистой совѣсти мнѣніе.—Когда именующіяся старообрядцами истинно, а не лицемѣрно согласятся ся приступить къ соединенію съ православною церковію и по чину о принятіи таковыхъ, 1766 года изданному, проклянутъ вся ереси и отступства Божіей истинѣ церкви его святѣй противящіяся и прочтутъ во услышанія всѣмъ исповѣданіе православныя вѣры и святитель или на сіе отъ него власть имый іерей молитвою тамъ по-
Л. 34. ложенною разрѣшитъ ихъ отъ всякаго союза клятвеннаго и отъ всякаго отлученія, а послѣ исповѣди сподобитъ причастія святыхъ христовыхъ таинъ и пребудутъ сынами грекороссійскія церкви, яко чада единыя святыя соборныя и апостольскія церкви въ мирѣ, любви и соединеніи даже до послѣдняго своего издыханія непоколебимы; тогда согласиться на прошеніе ихъ должно; а безъ того допустить ихъ въ церковь противно православной нашей церкви, и ихъ обряды—не должно, ибо оттого, за что положена на нихъ клятва, анаѳема, не отрекаются, да и церкви святой предо-
Об. 34. судительно, чтобъ безъ раскаянія заблуждающихъ въ предразсудкахъ своихъ ожесточенныхъ людей прощати, не имѣя надежды къ ихъ исправленію, аки бы они неповинно связаны прежде были клятвою. Впрочемъ же сіе мое мнѣніе повергаю благоразсмотрѣнію вашего Высокопреосвященства съ достаточною моею покорностію и послушаніемъ, съ ко-

торымъ есмь навсегда.—На подлинномъ: протопресвитеръ Дмитрій.

Мнѣніе благочиннаго Казьмодемьянскаго, что въ Таганской слободѣ, священника Іоанна Васильева.—Что старо-
Л. 35. обрядцамъ церковь дать и снабдить ихъ священниками не должно, ибо иначе единую церковь слѣдуетъ раздѣлить на двѣ, отъ чего между грекороссійской церкви сынами могутъ произойти сомнѣнія, соблазнъ и смятеніе, старообрядцевъ же, яко своей воли исполнителей, побѣда и торжество надъ оными. Не человѣкъ, а испытуяй сердца утробы единъ Богъ вѣдаетъ, для чего они себѣ просятъ церкви: церковь ихъ отъ себя не исторгала, а они сами по своей волѣ отъ нея отторглися. Можетъ быть намѣреніе ихъ такое, дабы черезъ возобновленіе разныхъ прежнихъ обрядовъ всю
Об. 35. грекороссійскую церковь поколебать, развратить, отторгнуть и сыновъ оныя привлечь на свою сторону и всѣхъ сдѣлать старообрядцами, а тѣмъ самымъ посмѣяться и поругаться правителемъ церковнымъ. Въ пунктѣ 16 прошенія ихъ объясняется, что они чрезъ допущенія старыхъ разныхъ церковныхъ обрядовъ, будутъ жить въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада единыя святыя соборныя и апостольскія церкви; а въ 5 пунктѣ прошенія ихъ находится всему тому противорѣчіе: ибо не хотятъ, чтобы допущены были зна-
Л. 36. менающіяся тремя перстами на общія ихъ моленія; отъ сего никакая не останется надежда ожидать, что отъ грекороссійскихъ сыновъ съ старообрядцами могъ произойти миръ, согласіе и любовь, кромѣ одной вражды и другъ другу ненависти, ибо противной противнаго себѣ любить не можетъ. На прочіе же ихъ прошенія пункты яко требуютъ вящшаго для познанія ихъ хитрости вниманія, за краткостію даннаго на разсужденіе времени, паче же по причинѣ тяжкой моей внутренней гемоирической болѣзни отвѣщати не могу.—Подлинное подписано тако: Козмодемьянскій священникъ Иванъ Васильевъ.

№ 58.

Журналъ Св. Синода съ первыми разсужденіями синодальныхъ членовъ по содержанію донесенія м. Платона о просьбѣ московскихъ старообрядцевъ.

Л. 126. 1800 года февраля 28 дня[1]) въ вторникъ въ собраніе

[1]) Журналы Св. Синода 1800 г., кн. 130.

святѣйшаго Правительствующаго Синода Синодальные члены и кавалеры прибыли по полуночи въ нижеписанныхъ часахъ:

Преосвященный Амвросій Архіепископъ С.-Петербургскій въ 11-мъ.
Преосвященный Павелъ Архіепископъ Ярославскій } въ 10-мъ
Преосвященный Ириней Архіепископъ Псковскій }
Михаилъ Архимандритъ Юрьевскій . . . . . въ 11-мъ
Полевой Оберъ-священникъ,
Протоіерей Павелъ Озерецковскій . . . . . въ 10-мъ
Синодальный же Членъ духовникъ Протопресвитеръ Благовѣщенскій и кавалеръ Исидоръ и Г. Оберъ-Прокуроръ и Кавалеръ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ не были.

Секретарь Слушаны... доношенія.

3) І-е Синодальнаго Члена Преосвященнаго Платона
Об. 126. Митрополита Московскаго и Кавалера, при которомъ приложа копіи: 1-е поданнаго ему отъ находящихся въ Москвѣ именующихъ себя старообрядцами прошенія о дозволеніи имъ имѣть церковь и священниковъ, на прописанныхъ въ ономъ прошеніи условіяхъ состоящихъ въ 16-ти пунктахъ, 2-е съ мнѣній о семъ Московской консисторіи обще съ обрѣтающимися въ Москвѣ Архимандритами и всѣхъ сороковъ благочинными, которые онъ преосвященный разсмотря довольно, и полагая на каждый пунктъ свое мнѣніе, представляетъ все то Святѣйшему Синоду на разсмотрѣніе, прося, что ежели по тому мнѣнію его дозволено будетъ симъ просителямъ дать церковь, то бы оную повелѣть устроить согласно съ ихъ желаніемъ на нынѣшнемъ ихъ въ Москвѣ кладбищѣ и по выслушаніи всего того разсуждаемо было: Мнѣніе его Преосвященнаго Московскаго во всемъ, кромѣ 2 го пункта, возбраняющаго опредѣленіе къ старобрядческой церкви прежнихъ ихъ поповъ, яко бѣглецовъ и предателей Церкви, которыхъ, естьли они кромѣ отлучки своей, ни какихъ другихъ пороковъ за собою не имѣютъ, и явятся къ нему Преосвященному, какъ старообрядцы объясняютъ, съ истиннымъ смиреніемъ, согласно прозбѣ ихъ разрѣшать и благословлять отправлять службу и требы впредь же отлучающихся священниковъ самовольно, къ таковымъ старообрядческимъ церквамъ уже не принимать, такъ какъ и сами старообрядцы сего не же-

Л. 127. лаютъ, утвердить; о чемъ, равно и по 13 пункту прозбы означенныхъ Московскихъ старообрядцевъ относительно до троечастныхъ и о протчемъ, который слѣдуетъ взять на особенное примѣчаніе, доложить для рѣшительнаго о всемъ семъ дѣлѣ положенія, Святѣйшему Синоду впредь; чего ради съ сего журнала въ повытье дать копію.

Морошкинъ.

Об. 131. Вышеозначенные Синодальные Члены изъ Собранія выступили въ исходѣ 1-го часа.

Амвросій Архіепископъ С.-Петербургскій.
Павелъ Архіепископъ Ярославскій.
Ириней Архіепископъ Псковскій.
Михаилъ Архимандритъ Юрьевскій.
Оберъ-священникъ Павелъ Озерецковскій.

Подписанъ 1-го марта 1800 года. Росляковъ.

№ 59.

Довѣренность крайней партіи московскихъ старообрядцевъ Дмитрію Ѳедорову на ходатайство предъ государемъ императоромъ о недопущеніи на Рогожское кладбище старообрядцевъ, просителей церкви у м. Платона, и о разрѣшеніи бѣглымъ попамъ освятить каменную рогожскую часовню для нуждъ раскольниковъ.

Государь нашъ! Дмитрій Федоровичъ!

Л. 210. Не безъизвѣстно вамъ[1]), что имѣя мы всегда въ незабвенной памяти сердецъ нашихъ высокомонаршія Императорскія щедро-отеческія изтекаемыя съ нами старообрядцами милости, которыя объявленныя чрезъ васъ всегда были а наконецъ по поводу отъ насъ данной вамъ довѣренности, а отъ васъ на поднесенную прозьбу Его Императорскому Величеству прошлаго 799 года Іюня 3-го дня послѣдовало высочайшее Монаршее благоволеніе, которое Іюня 24 числа въ собраніи нашего общества въ молитвенномъ храмѣ, что при кладбищѣ объявлено было отъ васъ изтого высокомонаршаго благоволенія даны отъ васъ намъ многимъ копіи; принявъ мы сію монаршую отеческую милость, что съ какимъ восхищеніемъ и съ какою неизречен-

[1]) Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1800 г., № 3435.

ною и несказанною радостію со слезами воздали молитву
подателю всѣхъ благъ Господу Богу о здравіи и благоден-
ствіи Его Императорскаго Величества и вселюбезнѣйшей
Его супруги Государыни Императрицы и всей ихъ высо-
чайшей Императорской фамиліи и данъ знать нашего еди-
ненія во всѣ мѣста, монастырямъ и церквамъ и всѣмъ хри-
стіанамъ въ Россіи живущимъ и словомъ сказать, что всѣ
христіане во всѣхъ мѣстахъ живущіе весьма возрадовав-
Об. 210. шись воскликнули много лѣтъ дай Богъ здравствовать Го-
сударю Нашему Императору Павлу Петровичу со всей Его
Императорской фамиліею и да покоритъ Господь Богъ подъ
нозѣ Ему всякаго врага и супостата и при которомъ высочай-
шемъ благоволеніи объявленъ отъ васъ еще указъ изъ по-
ходной конторы и объявленіе Преосвященнѣйшаго Амвросія
Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго и что сей указъ
и объявленіе Преосвященнаго Амвросія есть несоотвѣт-
ствующей воли, высокомонаршей и въ противность подне-
сенной о насъ прозьбы Его Императорскому Величеству,
поелику въ высочайшемъ благоволеніи изображено сими
словами, что вѣдать наши дѣла Его Императорскому Вели-
честву и тѣмъ высочайшимъ указомъ повелѣно Преосвя-
щенному Амвросію по одобреніямъ нашимъ снабжать насъ
священниками а въ сомненіяхъ намъ же самимъ спраши-
ваться Его Императорскаго Величества; Преосвященнѣйшій
же Амвросій даннымъ своимъ указомъ изволилъ предпи-
сать не только вновь приходящихъ священниковъ, но
даже которые у насъ священники дѣйствовали изъ давныхъ
лѣтъ и объ оныхъ учинить справку и по справкѣ естьли
препятствующихъ притчинъ не окажется тогда дозволять
имъ отправлять священнодѣйствіе то есть святую литургію
и дать письменное наставленіе что производить и что на-
шему обществу дѣлать и чтобъ всѣ были подъ вѣденіемъ
Его Преосвященства и во всѣмъ относиться къ Его Прео-
священству и наконецъ утвердить, чтобы нашимъ священ-
никамъ службу Божію производить во всѣмъ по прежнему.
Послѣ жъ чего по скорости данной изъ походной конторы
Л. 211. указъ отъ васъ вытребовалъ а потомъ письменно чрезъ
Графа Ивана Петровича Салтыкова потребовалъ отъ обще-
ства нашего о формѣ моленія по новопечатанному уставу о
здравіи Его Императорскаго Величества и всей Его Импе-
раторской фамиліи будемъ ли въ служеніи произносить

или не будемъ и какъ впредь произносить будемъ, въ такомъ случаѣ общество наше получа сей неожидаемый вопросъ также и во отмѣну своего прежняго онъ Преосвященный положенія требуетъ въ такомъ случаѣ съ немалымъ содроганіемъ сердецъ письменно отвѣтствовали ему Преосвященному о формѣ моленія о здравіи Его Императорскаго Величества и о всей Его Высочайшей Императорской Фамиліи что какимъ образомъ во обществахъ нашихъ во святыхъ церьквахъ монастыряхъ и въ протчихъ молитвенныхъ храмахъ производитъ моленіе, которое отъ насъ отвѣтствованіе онъ Преосвященный представилъ Его Императорскому Величеству и наконецъ отъ 22 августа прошлаго 1799 года послѣдовало по докладу его Преосвященства Высокомонаршее Его Императорскаго Величества благоволеніе и щедро отеческое снисхожденіе что Его Величество оставляетъ насъ въ прежнемъ нашемъ положеніи а ему Преосвященному повелѣвъ прекратить съ нами всякое сношеніе объявляетъ онъ Преосвященный что де предъ симъ отъ снисхожденія Его Величества ему препорученное а потому въ слѣдствіе сего данное де отъ меня вамъ на опредѣленіе священниковъ свидѣтельство и объявленіе по перьвой почтѣ ко мнѣ возратите что вами и исполнено означенныя бумаги ему Преосвященному и возвращены но между тѣмъ на пока-
Об. 211. занномъ нашемъ кладбищѣ состоящія каменныя и деревянныя молитвенныя храмы по снисхождению щедро-отеческаго Высокомонаршаго съ нами благоволенія обратили, мы общественнѣ къ пріуготовленію святыя церьквѣ употребя во оное знатнои капиталъ осталось только нынѣ въ готовности освятить нашимъ священникамъ церьковію но при томъ по истребованіи якъ Преосвященнымъ обратно отъ васъ бумагъ отъ чего произошло во обществахъ нашихъ разглашеніе, какъ будто бы Всеавгустѣйшій и Всемилостивѣйшій нашъ Монархъ обратилъ свои съ нами учиненія отеческія снисхожденіи въ свои праведныя нѣдра и давъ свое чрезъ его Преосвященство повелѣніе дабы быть намъ въ прежнемъ положеніи которое внушая во обществы наши отъ нѣкоторыхъ отступившихъ нашего единенія, что ди по сему уже быть можетъ попрежнему какъ ди напредь сего претерпѣвали всякое изнуреніе гоненіе страсти терпѣніе и всякое раззореніе а потому собравшихся нѣкоторая небольшая часть бывъ въ несовершенномъ старообрядческомъ положе-

ніи приглася къ себѣ другаго обществу не единогласнаго
съ нами мнѣнія и притомъ частію по невѣденію или по
слабости разума и нашего единогласія по неосновательному
начиньщиковъ уговору давъ имъ въ томъ согласіе ко-
торые сочиня прозьбу подали его высокопреосвященству
Платону Митрополиту Московскому просятъ о дозволеніи
церькви въ коей церкви желаютъ служить по старопечат-
нымъ книгамъ на основаніи ихъ при томъ прошеніи пунк-
тахъ въ коемъ прошеніи и пунктахъ о устроеніи той церьк-
ви не назнача мѣстоположенія и сіе ихъ сокрытіе что и
вамъ небезъизвѣстно произведено умышленно и къ вящще-
Л. 212. му отягощенію сего нашего общества высокопреосвящен-
нѣйшій же Митрополитъ имѣвъ по тѣмъ пунктамъ раз-
смотрѣніе общеприглася консисторію и съ благочинными
здѣлавъ нѣкоторыя отмѣны и съ добавленіемъ къ тѣмъ-же
пунктамъ со мнѣніемъ своимъ представилъ доношеніемъ
Правительствующему Сѵноду въ коемъ доношеніи именуя
число людей будто бы до двухсотъ пятидесяти человѣкъ
подписались утвердясь единственно на показаніи и под-
пискѣ только семидесяти двухъ человѣкъ значущимся изъ
семейства по одному человѣку слѣдовательно не иначе
какъ состоять должно въ семействѣ и въ томъ же щету
малолѣтныя и младенцы и при томъ при окончаніи того
доношенія онъ высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ про-
ситъ Правительствующій Сѵнодъ что ежели по сему дозв-
волено будетъ просителямъ дать церьковъ то чтобъ оную
устроить повелѣть на нынѣшнемъ ихъ въ Москвѣ кладбищѣ
о чемъ они меня настоятельно просили въ такомъ случаѣ
Государь нашъ Дмитрій Федоровичъ вамъ небезъизвѣстно
всѣхъ нашихъ обществъ обстоятельствы и мы имѣя всегда
на васъ довѣріе яко истиннаго съ нами старообрядцами
согласника объясня мы вамъ всѣ сіи вышеозначенныя обстоя-
тельства просимъ васъ препокорно во всѣмъ по встрѣтив-
шимся случаямъ взойтить въ отвѣтствіе отъ имяни обще-
ства нашего гдѣ слѣдуетъ. 1-е вамъ не безъизвѣстно что
сіи означенныя просители малое число совокупясь разныхъ
толковъ настоятъ прозьбою чтобъ устроить повелѣть цер-
ковъ на новомъ положеніи то есть не такъ какъ нынѣ у насъ
въ монастыряхъ учреждены церкви на состоящемъ нашемъ
Об. 212. кладбищѣ отъ чего произойти можетъ весьма великому
числу народу крайнее огорченіе и обида ибо наступаетъ

уже тридцатый годъ оное мѣсто сооружили мы единогласнаго положенія какъ каменнымъ такъ и деревяннымъ строеніемъ святыми иконами наполняя святыя храмы утварьми церьковными и украшая драгоцѣнными вещами возстановлены богадельни въ пропитаніе бѣдныхъ сиротъ, которые и состоятъ нынѣ на всѣмъ нашемъ содержаніи до шести сотъ человѣкъ что и первые сіи жители обязаны будутъ пролить горестнѣйшія свои слезы предъ Создателемъ Богомъ также мы и многотысячный народъ естьли увидя сіе учрежденіе положенное высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ Платономъ что поступитъ то мѣсто во власть и распоряженіе его высокопреосвященства. Горестнѣйшими слезами возплачемся предъ Господомъ Богомъ мы Государь нашъ Дмитрій Федоровичъ препокорно васъ просимъ благоволите отъ имени нашего общества гдѣ слѣдуетъ подать и подавать прозьбы предварительно о недопущеніи означенныхъ разномнѣнцовъ на показанное наше кладбище о устроеніи или отнятіи готоваго храма для ихъ освященія церьквѣ; а такъ какъ они уже по увѣренію его высокопреосвященства сближаются или и соединились съ церьковію великороссійскою а притомъ и находятся уже нынѣ подъ паствою его высокопреосвященства то и одолжаются они болѣе имѣть ревность и усердіе церьковъ устроить на всеобщественномъ и имъ единовѣрческомъ кладбищѣ гдѣ пожелаютъ что приличнѣе для ихъ и его высокопреосвященства будетъ, которыхъ при столицѣ и есть отведенныхъ довольное число а потому и послѣдовать не можетъ никому
Л. 213. и никакой обиды но при всемъ томъ 2-е всепокорно васъ просимъ государь нашъ Дмитрій Ѳедоровичъ что поелику на означенномъ нашемъ кладбищѣ каменный молитвенный храмъ приведенъ нами уже во всѣмъ по церковному обряду во всякую исправность единственно осталось нынѣ освятить оною церковію и на таковой случай для освященія той церьквы препоручая вамъ въ полное оное распоряженіе перъвое имѣете вы гдѣ слѣдуетъ испросить безпрепятственное отъ начальства дозволеніе а притомъ второе можете вы пригласить къ нашимъ священникамъ еще на коштѣ общественномъ какъ слѣдуетъ священноцерковнослужителей отъ состоящихъ церквей что изъ иргискихъ монастырей согласія нашего и изъ монастырей стародубскихъ слободъ въ чемъ полагая мы на васъ полное довѣріе и что

вы учините впредь спорить и прекословить не будемъ, во ожиданіи сего всерадостнаго всему обществу нашему случая отъ изліянія и щедротъ Всеавгустѣйшаго нашего Монарха остаемся вамъ доброжелатели и покорныя слуги. Сіе вѣрящее письмо принадлежитъ Московскому второй гильдіи купцу Дмитрію Ѳедорову сыну Ѳедорову отъ Московскаго старообрядческаго общества въ чемъ подъ симъ и подписуемся февраля 29 дня 1800 года. въ Москвѣ. Александръ Алексѣевъ, Иванъ Сидоровъ и т. д. (Слѣдуютъ собственноручныя подписи старообрядцевъ, московскихъ купцовъ и мѣщанъ, на 4 листахъ, съ 213 л. по 217 об.).

№ 60.

Прошеніе повѣреннаго московскихъ старообрядцевъ Дмитрія Ѳедорова на высочайшее имя о конфирмаціи изложеннаго въ вышеприведенной довѣренности.

Всеавгустѣйшій Монархъ! Великій и Правосудный Государь!

Л. 209. Не только я[1]), но и вся вселенная удостовѣрена, что каждая минута Вашего Императорскаго Величества драгоцѣнна, потому что опредѣлена на совершеніе важнѣйшихъ дѣлъ, касающихся до толикихъ областей и народовъ отъ Бога попеченію Вашему ввѣренныхъ; а потому и не долженствовало бы осмѣливаться утруждать особу Вашего Императорскаго Величества: но зная, колико любезно Вашему отеческому сердцу, благо и спокойствіе всякаго вѣрноподданнаго, то по симъ обстоятельствамъ, ободряя себя надеждою съ благоговѣніемъ дерзаю повергнуть къ престолу Вашего Императорскаго Величества всенижайшее прошеніе.

Общество московское старообрядческое со всенижайшимъ почтеніемъ и съ величайшими чувствованіями всеподданнической нашей благодарности отъ 3-го Іюня про-
Об. 209. шлаго 1799 года Высочайшее Ваше благоволеніе принять удостоились, которымъ Всемилостивѣйшее Ваше удовольствіе объявить изволили, о исполненіи того, что усердіе и ревность общества нашего, по долгу вѣрноподданныхъ сыновъ отечества требовали, что и получить удостоились; но

---

[1]) Государственный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, разрядъ VII, дѣло 1800 г., № 3435.

не зная чемъ, изъяснить всеподданическую благодарность, какъ только навсегда, съ торжественнымъ плескомъ и со всерадостнымъ духомъ, во всѣмъ Государствѣ старообрядцы, о здравіи Вашего Императорскаго Величества Бога молятъ и молить притчину имѣютъ: Сверхъ же сего.

Получилъ я отъ общества старообрядческаго вѣрующее письмо которое въ подлинникѣ дерзаю всеподданѣйше поднесть въ дражайшіе и освященнѣйшіе руцѣ Вашего Императорскаго Величества и всенижайше прошу.

Ваше Императорское Величество! Удостойте отеческое принять и утвердить высочайшимъ Вашимъ благоволеніемъ, прописанные по оному обстоятельствы; хотя и нѣтъ таковаго законоположенія государственнаго, о чемъ мы всеподданѣйшіе Ваше Императорское Величество утруждаемъ; по какъ, со стороны Высочайшаго Императорскаго престола,
Л. 218. отеческое Ваше милосердіе. Поставляется во основаніе законовъ; то посему единому всеподданнѣйше прошу, означенное въ вѣрующемъ письмѣ разположеніе удостоить всемилостивѣйшею вашею конфирмаціею.

Всемилостивѣйшій Государь! вашего Императорскаго Величества нижайшій и вѣрноподданный слуга Московскаго старообрядческаго общества поверенной Московской 2 гильдіи купецъ Дмитрій Федоровъ.

Марта 1-го дня 1800 года.

№ 61.

Вторичное разсужденіе Св. Синода объ устроеніи единовѣрческой церкви въ Москвѣ на основаніи мнѣнія м. Платона.

Л. 544. 1800 года Августа 24 [1]) въ пятокъ въ собраніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода синодальные члены и кавалеры прибыли по полуночи въ нижеписанныхъ часахъ:

Преосвященные Архіепископы:

Амвросій С.-Петербургскій	въ 11-мъ.
Павелъ Ярославскій	въ 10-мъ.
Иринеи Псковскій	въ 10-мъ.
Михаилъ Архимандритъ Юрьевскій . . .	въ 11-мъ.

Арміи и флота оберъ-священникъ Протоіерей

Павелъ Озерецковскій	въ 10-мъ.

[1]) Журналы Св. Синода 1800 г., книга 130.

Синодальные же члены духовникъ Протопресвитеръ Благовѣщенскій и кавалеръ Исидоръ и господинъ Тайный совѣтникъ Синодальный Оберъ-Прокуроръ и кавалеръ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ не были и изъ нихъ первый за отбытіемъ въ городъ Гатчино.

Л 550. Слушано вторично, въ слѣдствіе записаннаго въ журналѣ Святѣйшаго Синода сего года февраля 28 дня приказанія, донесеніе Синодальнаго Члена Преосвященнаго Платона Митрополита Московскаго и кавалера, о дозволеніи находящимся въ Москвѣ старообрядцамъ имѣть у себя на нынѣшнемъ ихъ кладбищѣ церковь и священниковъ для отправленія службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ, и по довольномъ разсмотреніи прописаннаго въ томъ доношеніи мнѣнія его Преосвященнаго Московскаго и прочихъ относящихся обстоятельствъ разсуждено: о дозволеніи онымъ старообрядцамъ на основаніи имяннаго высочайшаго указа 1798 года марта 12 дня состоявшагося и мнѣнія его Синодальнаго члена Преосвященнаго Московскаго, устроить на просимомъ ими мѣстѣ церковь и имѣть особенныхъ священниковъ для отправленія службы по старопечатнымъ книгамъ съ опредѣленіемъ оныхъ изъ прежнихъ ихъ священниковъ такихъ только, развѣ бы кто изъ нихъ кромѣ отлучки своей никакихъ другихъ пороковъ за собою не имѣлъ и явясь къ нему Преосвященному съ истиннымъ смиреніемъ по довольномъ испытаніи окажетъ истинные плоды раскаянія и въ оставленіи прежняго своего заблужденія явится безсумнителенъ,—впредь же отлучающихся самовольно отъ приходовъ священниковъ къ тѣмъ старообрядческимъ церквамъ, ни подъ какимъ видомъ не опредѣлять и о бытіи относительно невыписыванія небывшихъ у исповѣди и причастія ко взысканію съ нихъ штрафныхъ денегъ, а о сужденіи ихъ въ томъ духовнымъ ихъ отцамъ,

Л. 557. церковными[1]) епитиміями, по мнѣнію Его Преосвященнаго Московскаго, безъ распространенія сего на всѣхъ православныхъ, написавъ протоколъ предложить къ подписанію.

Секретарь Василій Морошкинъ. Вышеозначенные Синодальные члены изъ собранія вышли по полудни въ 1-мъ часу.

---

[1]) Листы перепутаны; на 551 л. идетъ другой журналъ, августа 800 г., послѣ котораго—окончаніе журнала 24 августа 1800 г.

Амвросій Архіепископъ С.-Петербурскій.
Павелъ Архіепископъ Ярославскій.
Ириней Архіепископъ Псковскій.
Михаилъ Архимандритъ Юрьевскій.
Оберъ-священникъ Павелъ Озерцковскій.
Оберъ-секретарь Василій Савицкій.
Подписанъ 27 августа 800. Росляковъ.

№ 62[1])

Отношеніе генералъ-прокурора Обольянинова къ С.-Петербургскому архіепископу Амвросію объ оставленіи безъ вякаго дѣйствія представленія м. Платона объ освященіи рогожской часовни.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивый Государь мой!

Л. 1. По случаю выстроенной Московскими старообрядцами на кладбищѣ ихъ въ Рогожской церкви Преосвященнѣйшій Митрополитъ Платонъ представилъ объ освященіи ея, на что якобы и старообрядцы согласны. Но какъ во всеподданнѣйшемъ ихъ прошеніи къ Государю Императору изъясняютъ они тому противное, то его Императорское величество и соизволилъ мнѣ повелѣть отнестись къ Вашему Высокопреосвященству, чтобы старообрядцы оставлены были въ прежнемъ ихъ положеніи и въ обряды ихъ не вмѣшиваться, а представленіе Московскаго Митрополита объ освященіи ихъ церкви оставить безъ всякаго дѣйствія. Со-
Об. 1. общая вашему высокопреосвященству сію высочайшую волю, я прошу васъ, Милостивый Государь мой, увѣдомить меня, что во исполненіи ея учинено вами будетъ.— Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть Милостивый Государь мой вашего высокопреосвященства покорный слуга

Петръ Обольяниновъ.

№ 8616. Въ Гатчинѣ. Сентября 21 дня 1800 г.

---

[1]) №№ 62—63 заимствованы изъ Архива Новгородскихъ митрополитовъ въ библіотекѣ Александро-Невской лавры, дѣла 1800 г. сентября 22, № 41 библіотеки, № 63 архива.

№ 63.

Предложеніе С.-Петербургскаго арх. Амвросія Св. Синоду по содержанію предшествующаго отношенія Обольянинова.

Л. 2. Сего сентября отъ 21 дня Г. Генералъ прокуроръ и Кавалеръ Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ въ отношеніи своемъ ко мнѣ прописалъ, что по случаю выстроенной Московскими старообрядцами на кладбищѣ ихъ въ Рогожской церкви и т. д. (повторяется предшествующее отношеніе Обольянинова). Почему, сообща мнѣ сію высочайшую волю, просилъ, что во исполненіе оной учинено будетъ, увѣдомленія; о чемъ для надлежащаго по сему исполненія симъ Св. Прав. Синоду предлагаю. На подлинномъ подписано:

Амвросій Архіепископъ С.-Петербургскій.

№ 310. Сентября 23 дня 1800 года.

№ 64[1]).

Отношеніе арх. Амвросія къ генералъ-прокурору Обольянинову, разъясняющее истинное положеніе дѣла по прошенію московскихъ старообрядцевъ на имя м. Платона въ противовѣсъ лживому освѣщенію его Дмитріемъ Ѳедоровымъ предъ государемъ.

Высокопревосходительный Господинъ! Милостивый Государь мой!

Л. 5. Въ отношеніи Вашего Высокопревосходительства отъ 21 сего сентября изображено: „по случаю выстроенной Московскими старообрядцами на кладбищѣ... дѣйствія“ (повторяется вышеприведенное отношеніе Обольянинова—см. № 62). И во исполненіе онаго высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по предложенію моему и по справкѣ въ Св. Синодѣ оказалось.

Московскіе старообрядцы 1-ой 2-ой и 3-й гильдіи купцы и мѣщане поданнымъ Синода Члену Митрополиту Платону Московскому и кавалеру, за подписаніемъ болѣе

[1]) №№ 64—65 заимствованы изъ С.-П.-Б. Государственнаго Архива М. И. Д., дѣла 1800 г., разр. VII, № 3435.

Об. 5. 70 человѣкъ а съ семействами своими составляющіе до 250 человѣкъ прошеніемъ изъясняя надежду свою на безпримѣрныя щедроты и великія милости Его Императорскаго величества Благочестивѣйшаго Государя Императора Павла Петровича къ старообрядцамъ, и непремѣнное намѣреніе и желаніе воспользоваться ими и благоснисхожденіемъ Грекороссійскія церкви, просили объ открытіи имъ святыхъ церквей и о снабдѣніи ихъ правильными священниками на прописанномъ въ томъ ихъ прошеніи положеніи, въ 16-ти статьяхъ состоящемъ.

Митрополитъ Московскій принявъ сіе прошеніе ихъ, предложилъ о томъ, яко о дѣлѣ для церкви важномъ, вопервыхъ къ прилежному разсужденію консисторіи вмѣстѣ съ обрѣтающимися въ Москвѣ Архимандритами и всѣхъ сороковъ благочинными, а напослѣдокъ вникая и самъ во все то со всякимъ тщаніемъ, сколько важность матеріи сея требовала, нашелъ предложенія тѣхъ старообрядцевъ нѣкоторыя прямо благими и достойными, чтобъ сохраняемы были въ точности, а другія такими, которыя въ разсужденіи сближенія или соединенія ихъ съ православною церковію дозволить можно, слѣдуя примѣру Апостольскому,
Л. 6. иже немощнымъ бысть яко немощенъ; но съ тѣмъ да немощныхъ пріобрящетъ, и потому дабы возъимѣть добрую надежду, что сіи просители современемъ Богомъ просвѣтятся и ни въ чемъ неразнствующее съ церковію пр - идутъ согласіе; прочіе же требующими нѣкотораго только ограниченія къ предохраненію другихъ отъ соблазна, и потому положа на каждую статью ихъ мнѣніе свое, представилъ оное на разсмотрѣніе въ Синодъ, съ тѣмъ, что ежели по нему дозволено будетъ просителямъ дать церковь, то чтобъ оную (не освятить какъ нынѣ утруждавшіе высочайшую Его Императорскаго Величества особу прошеніемъ своимъ старообрядцы прописываютъ а) устроить повелѣть по настоятельному ихъ прошенію на нынѣшнемъ ихъ въ Москвѣ кладбищѣ; при чемъ приложилъ копіи какъ съ означеннаго прошенія ихъ, такъ и съ поданныхъ ему отъ Московской Консисторіи съ обрѣтающимися въ Москвѣ Архимандритами и отъ благочинныхъ мнѣній. — А какъ означенное мнѣніе его, Преосвященнаго Митрополита Московскаго по разсмотрѣнію Синода оказалось во всемъ сходственно съ тѣмъ положеніемъ, на которомъ имян-

нымъ Его Императорскаго Величества высочайшимъ указомъ
Об. 6. даннымъ Синоду, по докладу его прошлаго 1798 года марта въ 12 день повелѣно: „жительствующимъ въ Новгородской епархіи старообрядцамъ позволить имѣть у себя церковь и особенныхъ священниковъ, рукоположенныхъ отъ Епархіальнаго Архіерея, для отправленія службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ, сходственно съ представленіемъ Нижегородскаго Епископа, котораго собственному усмотрѣнію предоставить и исправленіе тѣхъ священниковъ въ случаѣ какихъ-либо учиненныхъ ими преступленій духовной епитиміи подлежащихъ; на семъ основаніи Синодъ можетъ равномѣрное дозволеніе дѣлать и по другимъ Епархіямъ. когда изъ оныхъ вступать будутъ впредь подобныя о старообрядцахъ представленія или прошенія“, то Синодомъ хотя и предполагаемо было тѣмъ жительствующимъ въ Москвѣ старообрядцамъ Церковь на просимомъ ими мѣстѣ, или гдѣ по разсмотрѣнію его, митрополита, удобнѣе будетъ устроить, и особенныхъ священниковъ для отправленія службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ имѣть изъ снисхожденія къ нимъ на основаніи онаго имяннаго высочайшаго указа дозволить; но еще опредѣленіе по сему
Л. 7. разсужденію въ Синодѣ не состоялось. Почему нынѣ онымъ во исполненіе того высочайшаго отъ 21 сентября указа опредѣлено наблюдать, какъ и всегда наблюдалось, чтобы старообрядцы какъ при кладбищѣ Московскомъ Рогожскомъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ состоящіи оставались въ прежнемъ положеніи и представленіе Московскаго Митрополита объ устроеніи церкви на ономъ кладбищѣ оставить безъ всякаго дѣйствія.—По елику же многіе старообрядцы имѣютъ уже съ дозволенія Синода, послѣдовавшаго на основаніи вышеозначеннаго имяннаго высочайшаго 1798 года марта 12 дня указа особыя церкви и священниковъ для отправленія службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ: въ Нижнемъ Новѣ городѣ, Твери, Торжкѣ, Курскѣ и другихъ городахъ и селеніяхъ, даже и въ самомъ Санктпетербургѣ, на каковомъ положеніи и оные Московскіе старообрядцы съ семействами своими до 250-ти человѣкъ просятъ устроить церковь, то Синодъ, находя таковое сихъ просителей расположеніе для нихъ единственнымъ средствомъ къ сближенію съ церковію и принятію установленныхъ Спасителемъ свя-
Об. 7. тыхъ таинъ, и дабы чрезъ то удалить ихъ отъ всякаго сно-

шенія съ прочими тамошними старообрядцами, а паче съ бѣглыми попами и другими лжеучителями, полагаетъ, что симъ Московскимъ старообрядцамъ по примѣру прочихъ дать дозволеніе на устроеніе церкви, кромѣ Рогожскаго кладбища, въ другомъ удобномъ мѣстѣ, гдѣ пожелаютъ, можно, оставя прочихъ въ прежнемъ ихъ, какъ выше сказано, положеніи; о чемъ предоставляя высочайшей Его Императорскаго величества волѣ, всеподданнѣйше испрашиваетъ высочайшаго повѣленія, для лучшаго же усмотрѣнія прилагаются при семъ копіи съ вышеозначеннаго поданнаго отъ старообрядцевъ Московскому Митрополиту прошенія съ положеннымъ противъ онаго его мнѣніемъ и реестра подписавшихся подъ тѣмъ прошеніемъ.—И о томъ для донесенія Его Императорскому величеству симъ ваше Высокопревосходительство извѣстя и прося на то исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе, съ истиннымъ высокопочитаніемъ честь имѣетъ быть вашего Высокопревосходительства Милостиваго Государя моего покорнѣйшій слуга Амвросій Архіепископъ С.-Петербургскій.

№ 316. Сентября 26 дня 1800 года.

№ 65.

Письмо арх. Амвросія генералъ-прокурору Оболянинову съ приложеніемъ „записки“, излагающей положеніе вопроса о московскихъ старообрядцахъ.

Милостивый Государь мой Петръ Хрисанфовичъ!

Л. 205. Сверхъ прочаго требованную вашимъ высокопревосходительствомъ записку для примѣчанія о обстоятельствахъ, касающихся до старообрядцовъ непріемлющихъ церквей и священниковъ отъ Архіереевъ на основаніи Синодскаго положенія высочайше утвержденнаго при семъ препровождая честь имѣю быть съ совершеннымъ высокопочитаніемъ вашего Впр-ва М. Г. моего покорнѣйшій слуга

Амвросій Архіепископъ С.-Петербургскій.

Сент. 26 1800 г. С.-Петербургъ.

по секрету.

Л. 206. Записка для примѣчанія о обстоятельствахъ касающихся до старообрядцевъ.

I-е. Изъ высокомонаршаго снисхожденія къ старообрядцамъ тѣмъ, кои не соглашаются имѣть у себя церквей и священниковъ по примѣру собратій своихъ на основаніи отъ Синода положенномъ и Его Императорскимъ Величествомъ утвержденномъ (коему согласно и преосвященный Митрополитъ Московскій представилъ) въ слѣдствіе высочайшаго повелѣнія въ 1798 году Амвросію Архіепископу, бывому Казанскому, что нынѣ Санктпетербургскій, чрезъ владимерскаго Гражданскаго Губернатора объявленнаго, предложено было отъ онаго Архіепископа всѣмъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ Архіереямъ, дабы они кроющихся у старо-
Об. 206. обрядцевъ бѣглыхъ поповъ не сыскивали чрезъ своихъ подчиненныхъ, предоставляя всякое за ними наблюденіе свѣтскому начальству, что и до нынѣ сохраняется.

2-е. Минувшаго 1799 года іюня 3 дня высочайше отъ имени Его Им р-го в-ва по прошенію Московскихъ старообрядческихъ повѣренныхъ повелѣно оному Архіепископу снабжать какъ Московскихъ такъ и прочихъ мѣстъ старообрядцовъ священниками по ихъ избранію; во исполненіе чего по избранію ихъ къ Московской кладбищенской часовнѣ и опредѣлены были симъ Архіепископомъ семь священниковъ. Но елику же въ послѣдствіи Его Императорское Величество усмотрѣть изволилъ, что сіи старообрядцы высочайшее Его Величества имя и всей Императорской фамиліи въ служеніяхъ своихъ и моленіяхъ возносить не токмо по печатнымъ нынѣ формамъ, но и по старымъ книгамъ, гдѣ сіе есть, Благовѣрнымъ имяновать отреклись, то Его Императорское Величество высо-
Л. 207. чайшимъ своимъ даннымъ оному архіепископу Амвросію того жъ года Августа въ 20 день указомъ повелѣть соизволилъ, дабы онъ Архіепископъ объявя тѣмъ старообрядцамъ, что Его Величество оставляетъ ихъ въ прежнемъ положеніи, прекратилъ съ ними всякое сношеніе, что имъ Архіепископомъ тогда же и исполнено съ вытребованіемъ обратно къ нему всѣхъ, какія вышли до того, къ нимъ его сношеній. А между тѣмъ въ Москвѣ у повѣренныхъ съ старообрядцами великое сдѣлалось несогласіе, такъ что, ежелибъ онаго высочайшаго отрѣшенія не послѣдовало, много бы затруднилось и начальство тамошнее, во увѣреніе чего Архіепископъ Амвросій прилагаетъ въ подлинникѣ письмо къ нему присланное отъ повѣреннаго Дмитрія Ѳедорова, находящагося и нынѣ здѣсь повѣреннымъ же.

3 е. Причины, для коихъ сіи старообрядцы не хотятъ ни церквей, ни священниковъ имѣть общихъ съ старообрядцами, пріемлющими оныхъ суть не иные, какъ что по-
Об. 207. слѣдніе старообрядцы привержены къ церквѣ и Г-рю Им-ру яко единовѣрные, и священниковъ пріемлютъ не заставляя сихъ исполнять по ихъ обычаю. Ибо вси несогласующіеся съ сими въ мнѣніяхъ, принимая какъ бѣглыхъ поповъ такъ и опредѣляемыхъ Архіереями, полагаютъ за правило, прежде нежели вступятъ сіи у нихъ въ должность служенія поступать съ ними, чтобъ во-первыхъ съ проклятіемъ отверглись они яко еретичествующей Грекороссійской церкви, а по томъ въ знакъ обращенія отъ ереси мнимой ими и усовершенствованія священства помазуютъ муромъ своимъ, что дѣлаетъ не токмо посрамленіе установленіямъ церковнымъ, но и обиду православно исповѣдующимъ христіанскую вѣру.

4 е. Церковь, построенная ими на Московскомъ Рогожскомъ кладбищѣ, которую нынѣ на вышеписанномъ въ 3-мъ пунктѣ основаніи старообрядцы желаютъ освятить и
Л. 208. имѣть при ней священниковъ, начата строеніемъ около 795 года самовольно, и обширностію больше и огромнѣе Московскаго Успенскаго собора, а по сему тогда же, Имяннымъ высочайшимъ указомъ повелѣно строеніе оной запретить.

5-е. Сіи непримиримые съ церковію старообрядцы видя, что чрезъ старообрядцовъ же, пріемлющихъ отъ Синода Церкви и правильныхъ священниковъ, сообщество ихъ уменьшается и ослабляется, а чрезъ то подрываются можетъ быть ихъ и намѣренія, для коихъ они по примѣру единовѣрныхъ съ нами ни церквей, ни священниковъ не пріемлютъ, стараются сихъ унижать, презирать и поносить.

6-е. Старообрядцы съ нами единовѣрные о семъ увѣряя, увѣряютъ и о томъ, что ежели тѣ церквей на своихъ основаніяхъ имѣть не будутъ, то скоро большая часть ихъ присоединится къ нимъ.

№ 66.

Отношеніе генералъ-прокурора Обольянинова къ арх. Амвросію о присылкѣ подлиннаго прошенія московскихъ старообрядцевъ на имя м. Платона.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, Милостивый Государь мой.

Л. 7. Государь Императоръ прочтя донесеніе вашего высоко-

преосвященства и прозбу Московскихъ старообрядцевъ къ Митрополиту Московскому съ мнѣніемъ его принять соизволилъ съ высочайшимъ милосердіемъ и при семъ повелѣть мнѣ соизволилъ отнестись къ вашему высокопреосвященству, чтобы вы оригинальное прошеніе отъ старообрядцевъ за подписаніемъ ихъ немедленно ко мнѣ доставили съ симъ же нарочнымъ. Естьли ваше Высокопреосвященство имѣете что къ тому дополнить, я прошу васъ мнѣніе свое особо ко мнѣ изъяснить, дабы на случай рѣшенія
Об. 7. могъ я соображаться церковнымъ постановленіямъ. Съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть Милостивый Государь мой вашего высокопреосвященства покорный слуга Петръ Обольяниновъ[1]).

Въ Гатчинѣ. Октября 6 дня 1800 г.

№ 67.

Отношеніе арх. Амвросія къ оберъ-прокурору Д. М. Хвостову о доставленіи изъ канцеляріи Св. Синода дѣла о московскихъ старообрядцахъ.

Превосходительный Господинъ! Милостивый Государь мой!

Л. 3. Его Высокопревосходительство Г. Генералъ Прокуроръ и Кавалеръ Петръ Хрисанфовичъ Обольянинонъ въ отношеніи своемъ объявилъ мнѣ, что Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ оригинальное прошеніе Московскихъ старообрядцевъ за подписаніемъ ихъ къ Московскому Митрополиту немедленно доставить къ нему Г. Генералу-Прокурору съ симъ же нарочнымъ; Почему прошу покорнѣйше ваше Превосходительство требуемое дѣло Г. Генераломъ Прокуроромъ приказавъ немѣдля сыскавъ въ
Об. 3. Святѣйшемъ Синодѣ прислать ко мнѣ съ Вашимъ посланнымъ.—Пребываю всегда съ истиннымъ почтеніемъ Вашего Превосходительства Милостиваго Государя моего покорнѣйшій слуга Амвросій архіепископъ С.-Петербургскій.

№ 322-й. Октября 7 числа 1800 г.

---

[1]) Архивъ Новгородскихъ митрополитовъ въ библіотекѣ Александро-Невской лавры, дѣло 1800 г. сентября 22, № 41 библ., № 63 архива.

№ 68[1]).

Объясненіе оберъ-секретаря Савицкаго оберъ-прокурору Хвостову о времени отправки дѣла о московскихъ старообрядцахъ Петербургскому архіепископу Амвросію.

Милостивый Государь Дмитрій Ивановичъ!

Л. 5. Получа вашего Превосходительства повелѣніе въ 4 часа пополуночи объ отправкѣ къ преосвященному С.-Петербургскому дѣла о московскихъ старообрядцахъ, тотъ же часъ старался я исполнить; и потому оное дѣло и отправлено въ Невскую Лавру повытчикомъ запечатанное въ 6 часовъ, ибо ближе сего время ни за сысканіемъ того, у кого дѣло, а притомъ и за разведеніемъ моста никакъ исправиться не было возможности, о чемъ извѣщая съ глубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть, Милостивый Государь! вашего Превосходительства всепокорный слуга Василій Савицкій.

7 Октября 1800 года.

№ 69.

Отношеніе арх. Амвросія къ генералъ-прокурору Обольянинову при препровожденіи дѣла о московскихъ старообрядцахъ.

Высокопревосходительный Господинъ! Милостивый Государь!

Л. 17. Прошеніе отъ Московскихъ Старообрядцевъ къ Митрополиту тамошнему представлено Святѣйшему Синоду въ Копіи, а подлинникъ по порядку оставленъ думать надобно, въ Московской Консисторіи. Почему въ слѣдствіе требованія вашего высокопревосходительства отъ 6 числа имѣю честь препроводить при семъ все дѣло отъ Московскаго преосвященнаго присланное, о немедленной же присылкѣ сюда и подлиннаго того прошенія по первой почтѣ, то есть завтра буду писать кому слѣдуетъ; Имѣя доставить оное къ вамъ

[1]) №№ 67—68 заимствованы изъ Архива Св. Синода, дѣла канцеляріи оберъ-прокурора 1800 г. октября 7, № 2098.

Милостивому Государю моему какъ скоро получу его—въ прочемъ съ совершеннымъ высокопочитаніемъ есмь всегда вашего Высокопревосходительства Милостиваго Государя моего всепокорный слуга Амвросій Архіепископъ С.-Петербургскій[1]),

№ 323. Октября 7 дня 1800 г.

№ 70.

Отношеніе генералъ-прокурора Обольянинова къ арх. Амвросію при возвращеніи донесенія м. Платона о московскихъ старообрядцахъ.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, Милостивый Государь мой!

Л. 9. Возвращая вашему Высокопреосвященству извѣстныя вамъ бумаги содержащія въ себѣ прошеніе старообрядцовъ съ мнѣніемъ Митрополита и духовенства я прошу васъ, милостивый Государь мой, немедленно увѣдомить меня, не имѣетъ ли Святѣйшій Синодъ чего—либо вопреки или несогласнаго съ прошеніемъ старообрядцевъ или не предполагаетъ ли чѣмъ нибудь замѣчаній Митрополита пополнить. Ожидая сего увѣдомленія, я прошу Ваше высокопреосвященство, какъ скоро получить изволите изъ Москвы оригинальное прошеніе старообрядцевъ за ихъ подписаніемъ, доставить его ко мнѣ для доклада Государю Императору. Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть Милостивый Государь мой, вашего высокопреосвященства покорный слуга Петръ Обольяниновъ[2]).

Въ Гатчинѣ. Октября 7 дня 1800 г.

№ 71[3]).

Прошеніе повѣреннаго московскихъ старообрядцевъ Дмитрія Ѳедорова на высочайшее имя объ устроеніи старообрядческихъ церквей.

Всеавгустѣйшій Монархъ великій и Правосудный Государь!

При семъ приемлю смелость всеподданнѣйше поднесть

---

[1]) Государств. Архивъ М. И. Д., разр. VII. дѣло 1800 г., № 3435.

[2]) Архивъ Новгородскихъ митрополитовъ въ библіотекѣ Александро-Невской лавры, д. 1800 г. сентября 22, № 41 библ., № 63 архива.

[3]) №№ 71—72 заимствованы изъ Государственнаго Архива, дѣла 1800 г., разр. VII, № 3435.

на благоразсмотрѣніе вашему Императорскому Величеству две вѣдомости: первая со означениемъ что где и въ какихъ местахъ весьма нужно для народу быть по старообрядческому чиноположенію святымъ церьквамъ: вторая: чьто коликое число ныне имеется монастырей и по разнымъ случаямъ в разныхъ местахъ освященныхъ церквей и оныя церкви состоятъ с назначенными нынѣ церквами и народомъ единаго согласия во обряде и в чиносодержаніи: в такомъ случае какъ перьвыхъ такъ и сихъ последнихъ не оставьте всемилостивейшій Государь принять единственно о благосостояніи оныхъ во отеческое покровительство и въ премудрое вашего Императорскаго Величества милостивѣйшее правление по содержанию изъясняемыхъ всехъ чувствительныхъ притчинъ.

Об. 221. Первая вѣдомость где следуетъ быть церквамъ.

А имянно.

	число церквей
Въ царствующемъ столичномъ граде Москве за рогожскою заставою на старообрядческомъ кладбище теплая и холодная	2
При ономъ же кладбище имеется женской девичей монастырь	1

При ономъ же кладбище находятся нынѣ священники.

1. Изъ давныхъ лѣтъ священникъ Алексѣй Федоровъ бывый Тамбовской и Пензенской Епархіи Керженскія десятины села Марьина. церкви всѣмъ скорбящим радосте.

2. Священникъ Алексѣй Козминъ, а ныне у насъ постриженный священноинокъ Александръ бывый Тверской епархіи старицкаго уѣзда села колоколни.

3. Священникъ Андрей Андреяновъ бывый Костромской епархіи окологородной трехъ действительнои десятины села колшева церкви введенія пресвятыя богородицы.

4. Священникъ Петръ Егоровъ ослоповъ бывый костромской епархіи ведомства Галицкаго правленія

чюхломской округи церкви воскресенія Христова что в волуевѣ.

5. Священникъ Федоръ Христофоровъ, бывый Коломенской Епархіи села Бронницъ церкви собора Архистратига Михаила.

6. Священникъ Георгій Георгиевъ Богомоловъ бывый крутицкой можайскомъ епархіи второй части загородной десятины села Филей церкви покрова Пресвятыя Богородицы.

Л. 222. 7. Священникъ карпъ Григорьевъ бывый переславской и дмитревской епархіи села Гольцова церкви Николы чудотворца.

	число церквей
Въ царствующемъ столичномъ граде С.-Петербургѣ при рѣчьке черной заволковскою заставою на старообрядческомъ кладбище.	1

При ономъ кладбище находится ныне священникъ иванъ Александровъ, бывый Суздальской Епархіи Шуйскаго уѣзда села калачева.

въ городахъ.

въ Твери.	1
въ Торжку	1
во ржеве	1
въ калуге	1
въ туле.	1
въ орле	1
в белеве	1
в скопине	1
в курске	1
в Рыльском	1
в Казане	1
в Саратове.	1
в вольскомъ	1
При городѣ Ярославле	1
в борисоглебскомъ	1
в Галиче	1
Об. 222. в нижнемъ новегороде и во оной губерніи при селе городце на старообрядческомъ кладбище	1
в керженскихъ лесахъ в скиту называемомъ фундриковской настоятель инокъ схимникъ андрианъ	1

в техже керженскихъ лесахъ в скиту называемомъ Шарпонской женской обители настоятельницы Екатерины 1
вокругъ оныхъ скитовъ по разнымъ обителямъ при храмахъ молитвенныхъ обоего пола народа живущаго до трехъ тысячъ душъ.
владимирской губерніи городе шуи 1

той же губерніи

в селе дунилове 1
войска уральскаго астраханской губерніи в городе уральскомъ оного жъ уральскаго войска в оренбургской губерніи в сакмарской казачей станице 1
архангельской Губерніи в поморье при озере конде в скиту называемомъ онуфриевъ 1
в новгородской губерніи вытегарскаго уезду в ладожскомъ скиту 1
в новороссійской губерніи в городахъ
Елисавете 1
в миръ граде 1
в Херсоне 1
Л. 223. в николаеве при реке буге кангула 1
в терешполе при реке Днестре 1
при черномъ мори в городе (названіе не разобрано) 1

Черниговской губерніи

в городе Кременчюге 1
в городе нежине 1

въ посадахъ той же губерніи

воронковскомъ 1
Митковскомъ 1
Злынковскомъ 1
в чюровскомъ 1
Шеламовскомъ 1
в Тимошкинскомъ 1
войска донскаго города черкасска в дурновскихъ бокчахъ в саду краснощековскомъ гдѣ издревле и нынѣ имеется молитвенной храмъ . 1

Онаго же войска донскаго близъ пяти избянской станицы въ урочище Грушеваго Боерака теплую и холодную 2

которое место всеусердно желаютъ именовать монастыремъ, и всемилостивейши дозволить законно по желанию престарѣлыхъ людей постригать в монашество.

Онаго же войска донскаго на дону в верхней каргопольской станице 1

Об. 223. в городе Перьми 1

и во оной губерніи по сибири 1

в городе Екатеринбурге 1

в жилищи при Нижнетагильскомъ заводе . . . 1

в жилищи при невьянскомъ старомъ заводе . . 1

в оренбургской губерніи уфимской округи в жилищи при юрезенскомъ заводе 1

той же оренбургской губерніи городе Челяби . . 1

Коломенскаго уезду Гуслицкой волости при селе Ильинскомъ на старообрядческомъ кладбище при ономъ находится священникъ Никита Григорьевь бывый Московской Епархіи села Спаса 1

Донскаго войска близъ крепости ростовской в урочище кизитеринки где жительство на предь сего имелъ выходящей некрасовецъ донскаго войска старшина родионъ рѣшетниковъ 1

итого пятдесять шесть 56

Вторая ведомость где есть святыя церкви и монастыри.

А имянно:

в малороссійской Черниговской губерніи пять монастырей и в нихъ святыя церкви.

1-й покровской въ немъ 2

2-й дѣвичей казанской 1

Л. 224. 3-й при посаде Клинцовскомъ никольской . . . 2

4-й при посаде всвятковскомъ 1

5-й при посадѣ Добрянскомъ 2

в белоруссіи состоитъ три монастыря

1-й Лаврентьевъ	1
2-й Макарьевъ	1
3-й девичей Спаской	1
в саратовской губерніи на ирьгизе три монастыря.	
1-й верхней Успенской в немъ еще после пожара состоитъ	1
2-й средней Никольской	2
3-й Нижней воскресенской	2
в городе волскомъ в доме именитаго гражданина василья злобина полотняная	1
в Москве в доме купца Дмитрея Федорова всеподданнейшаго и всепокорнейшаго ныне состоящаго при сем просителя	1
Малороссійской черниговской губерніи в посадахъ приходские.	
в клинцовскомъ	4
в зыбковскомъ	4
в климовскомъ	2
в Добрянскомъ	2
въ еленскомъ	2
в лужковскомъ	1
в Белоруссіи приходския в посадахъ.	
в местечке ветковскомъ	1
в слободе косицкой	1
в местечке вгомье	1
Ітого тридцать шесть	36

Об. 224. На освящение святыхъ церквей повелите всемилостивейшіи Государь из хранящихся священнохранилницъ выдать гдѣ есть древния антиминсы которыя священы до летъ никона патріарха, и освящать каждую церковь в свое время когда в готовности будетъ по древнему чиноположению священникамъ и діяконамъ ныне обретающимся при существующихъ церквахъ из старадубскихъ и ирьгискихъ монастырей обще с московскими и отъ другихъ старообрядческихъ местъ где кому и какъ удобно будетъ.

все сіи святыя церкви должны иметь между собои по какимъ либо обстоятельствамъ сношеніи а для обуздания

случающихся и открывшихся слабостей священно и церковнослужителей по святымъ правиламъ должны и обязуются избрать у каждыхъ четырехъ церквей из благословенныхъ иереовъ двоихъ благочинныхъ; но в противномъ же случае от каго либо открывать можетъ священно и церковно служителей илижъ и от самихъ благочинныхъ вредной древней святеи церкви непрерывнои блазнительнои и ослушной поступокъ и в прекращение сего те оказавшияся деяніи без всякои утаики и излишняго примесу по самои сущеи справедливости чрезъ поверенного всеподаннеиши донесть к вашему Императорскому Величеству на всемилости-
Л. 225. вейшее благоразсмотрение и на всевысочайшее решение: И по открытіи означенныхъ святыхъ церквей старообрядцы во всемъ государстве обязуются объявить свои желаніи каждои по способности из другихъ городовъ и селениевъ по близности к тои святеи церки где отъкрыта будетъ свою привязанность, и быть навсегда ко оной прихожаномъ, а потому уже старообрядческия священники право иметь должны каждой зная свои приходъ во исправленіи требъ по прозьбамъ и желаниямъ жителей чинить духовное исправление по обряду и обычаю древней церкви.

всходственность же узаконеннаго порядка и для сочиненія метрическихъ книгъ старообрядческия священники при каждой старообрядческой церкви при исправленіи христианскихъ требъ должны каждому давать письменныя свиделствы за подписаниемъ священника и избраннаго повереннаго і иметь также у себя записку каждой требы, а потому каждой по домамъ и по жительству общеи приходъскои священникъ собственно по своему приходу от старообрядцевъ принимая таковыя свидѣтельствы вносить порядкомъ в свои духовныя книги для подачи духовной консисторіи: при объявленіижъ техъ свидетелствъ старообрядцы не изъемлются но и обязуются за каждую требу приходскому священнику с причтомъ платить что положено закономъ.

Об. 225. духовная жъ консистория и правительствующіи Синодъ из подаваемыхъ метрическихъ книгъ иметь можетъ в виду исправляемыя старообрядцами христіанския требы какъ то крещение бракосочетание и протчее; за небытие жъ по своему обряду кождогодно у исповѣди и святаго причастия старообрядцы не изъемлются законнаго штрафа: но какъ поелику сие назначение святыхъ церквеи во отправленіи бо-

гослуженія не можетъ совершенно содействовать к продоволствію народному по обширности имперіи и великаго количества старообрядцевъ живущихъ в разныхъ городахъ и селенияхъ: но однако во всемъ государстве сердечно возчювствуютъ сию высочайшую святую монаршескую милость не только ближайшие но и последния отдаленныя за превеликое удовольствіе восприимутъ и не почювствуютъ ни мала за отягощение и беспокоиствие отдаление отъ старообрядческои церкви: но все члены каждаго содрогнутся и возрадуются о ниспосланіи таковой высочаишеи и великои Императорскои отеческои милости последующеи к спокойствию и въ благодать народу отъ совестного угнетения; утишающую бурю душевную колеблющуюся во ономъ близъ ста пятидесяти летъ, и для жъ наслаждения и приятностей душевныхъ, соблаговолите всемилостивеишеи Государь, именующияся ныне по отдаленности отъ назначенныхъ церквеи в другихъ городахъ и селенияхъ молитвенныя храмы нашего единения оставить по прежнему коимъ и быть в ведомстве по духовнымъ деламъ по разделу тои постановленнои старообрядческои церкви, что и сопровождатся будутъ все старообрядцы общею несказанною и отменною торжественною радостию аки под сладчайшею Божественною тению всемилостивеишаго вашего Императорскаго величества покровительства.

Л. 226

Вашего Императорскаго величества всемилостивейшаго Государя всеподъданнеишіи рабъ Московскаго старообрядческаго собранія поверенной Московскій второй гильдіи купецъ Дмитрей Федоровъ.

Октября 7 дня 1800 г. Гатчина.

№ 72.

Расписка Дмитрія Ѳедорова и др. старообрядцевъ въ слышаніи высочайшей резолюціи на вышеизложенную просьбу.

Л. 220. Нижеподписавшіеся подписуемся въ томъ, что на прозбу нашу поданную октября 7 дня 1800 г. по высочайшему повелѣнію отказъ по причинѣ несогласности ея съ постановленіями церкви и что за всѣхъ одинъ просителемъ быть не долженъ, но каждой самъ собою прямо можетъ на всевысочайшее имя подавать прозбы

о своихъ надобностяхъ до него касающихся отъ генералъ Прокурора слышали октября 9 дня 1800 года.

Поверенной купецъ Дмитрей Федоровъ. Московскій купецъ Афанасій Муратовъ и др.

№ 73.

Увѣдомленіе оберъ-секретаремъ Савицкимъ оберъ-прокурора Д. И. Хвостова о возвращеніи арх. Амвросіемъ доношенія м. Платона о московскихъ старообрядцахъ съ приложеніями и истребованіи имъ неподписаннаго опредѣленія Св. Синода о дачѣ церкви тѣмъ старообрядцамъ.

Милостивый Государь Дмитрій Ивановичъ!

Л. 6. Вчера въ 3 часа по полудни Преосвященнѣйшій Санктпетербургскій возвратилъ мнѣ посыланное въ Гатчино представленіе Московскаго Митрополита съ приложеніями относящимися до тамошнихъ старообрядцевъ, а притомъ требовалъ присылки къ нему для отправленія въ Гатчино неподписаннаго Святѣйшимъ Синодомъ опредѣленія о дачѣ церкви тѣмъ старообрядцамъ, которое по перепискѣ набѣло вчераже къ нему и доставлено чрезъ повытчика Губернскаго секретаря Гиновскаго. О чемъ извѣстя Ваше Превосходительство съ глубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ и преданностію имѣю честь быть навсегда. Милостивый Государь! Вашего Превосходительства всепокорный слуга Василій Савицкій[1]).

октября 9 дня 1800 г.

№ 74.

Письмо генералъ-прокурора Обольянинова Дмитрію Ѳедорову, объявляющее ему отказъ на просьбу его и другихъ московскихъ старообрядцевъ имѣть аудіенцію у государя.

Государь мой Дмитрій Федоровичъ!

Л 19. Я имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору по извѣстной бумагѣ вами и купцами. Дубровинымъ Обертышевымъ и прочими у меня подписанной и получилъ высо-

[1]) Архивъ Св. Синода, дѣло канцеляріи оберъ-прокурора 1800 г. октября 7, № 2098.

чайшее повелѣніе объявить вамъ и подписавшимся, что быть имъ въ Гатчино для представленія Государю Императору нѣтъ надобности о чемъ и прошу васъ имъ объявить. Съ почтеніемъ пребываю вашъ покорный слуга[1])...

11 октября 1800 г.

№ 75.

Письмо преосвященнаго Серафима Дмитровскаго архіепископу Амвросію объ отправленіи подлиннаго дѣла по прошенію московскихъ старообрядцевъ на имя м. Платона и о невозможности доставки его съ первою почтою.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Милостивѣйшій Архипастырь, Отецъ и Благодѣтель мой!

Л. 10. Требуемое Вашимъ Высокопреосвященствомъ, по всевысочайшему повелѣнію прошеніе Московскихъ Старообрядцевъ къ преосвященному Митрополиту Московскому, о дозволеніи имъ имѣть церковь и священниковъ подлинное за ихъ рукоприкладствомъ имѣю честь представить Вашему Высокопреосвященству. Чтоже я не успѣлъ отправить онаго по первой почтѣ, причиною того была совершенная невозможность. Ибо, какъ уже доносилъ я о томъ Вашему Высокопреосвященству, письмо ваше получено мною октября 15-го дня въ половинѣ четвертаго часа по полудни, на что имѣю я росписку; а потому и нельзя было по нынѣшней наипаче дорогѣ къ девятому часу истребовать оное прошеніе изъ Лавры, и отослать на почту. Зная также, что по тяжелой почтѣ легкихъ писемъ не принимаютъ и опасаясь дожидаться слѣдующей легкой почты, дабы не здѣлать промедленія въ дѣлѣ, по всевысочайшей волѣ требуемомъ, былъ я въ крайнемъ недоумѣніи и страхѣ, но къ счастью моему теперь только узналъ, что отправляются письма и по особенному эштафету. Почему я сіе старообрядцевъ прошеніе на ономъ эштафетѣ и посылаю къ Вашему Высокопреосвященству.

Об. 10.

Вашего Высокопреосвященства Милостивѣйшаго Архипастыря Отца и благодѣтеля моего всепослушный слуга

---

[1]) Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1800 г., № 3435.

и Богомолецъ Серафимъ, Епископъ Дмитровскій, викарій Московскій [1]).

1800 года октября 16-го дня.

№ 76 [2])

Отношеніе С.-Петербургскаго арх. Амвросія къ генералъ-прокурору Обольянинову съ приложеніемъ письма отъ одного изъ просителей церкви у м. Платона, уясняющаго клеветы Дмитрія Ѳедорова и причины малаго числа подписавшихся подъ прошеніемъ митрополиту.

Высокопревосходительный Господинъ! Милостивый Государь мой!

Л. 21. Вчера дошедшее до меня письмо отъ одного изъ просящихъ церкви Московскихъ старообрядцовъ разсудилъ я препроводить къ Вашему Высокопревосходительству. Оно изобличая клеветы Дмитрія Ѳедорова доказываетъ и то, почему малое число подписавшихся подъ прошеніемъ къ Митрополиту, и что желающихъ гораздо множайшее число. въ прочемъ съ моимъ истиннымъ высокопочитаніемъ пребываю вашего высокопревосходительства Милостиваго Государя моего всепокорный слуга Амвросій Архіепископъ С.-Петербургскій.

№ 335. С.-Петербургъ. Октября 18 дня 1800 г.

Милостивый Государь мой василей Алексеевичь.

Л. 22. Приятное ваше честь имелъ с прошедшей почты получить за которое приношу мою благодарность уведомляете о дмитрее Федорове что подалъ прошеніе Государю Императору и опорочиваетъ нашего старообрядческаго собрания поданное прошеніе къ его высокопреосвященству Господину Митрополиту Московскому и кавалеру Платону якобы ктому прошению подписатели не старообрядцы и не прихожани рогожскаго кладбища но я васъ по чистои совести уверяю даже испокрещеванцовъ толко одинъ имеющей

---

[1]) Архивъ Новгородскихъ Митрополитовъ въ Александро-Невской лаврѣ, дѣло 1800 г. сентября 22, № 41 библ., № 63 архива.

[2]) №№ 76—79 заимствованы изъ Государственнаго Архива; разр. VII, дѣло 1800 г., № 3435.

великое желаніе присоединится к матери своей апостольской церкви подписалъ когда самъ спаситель глаголетъ грядущаго ко мне данеизжену вонъ а в протчемъ все прихожани кладбищенския некоторыхъ предки от летъ государя Императора Петра великаго платили двойны оброкъ имеютъ от предковъ своихъ и данныя на то от правительства квитанция и усердствовали кладбищу подая-
Об. 22. ниемъ на все потребы болшею частию но вы сами изволите знать что дмитреи федоровъ имеетъ во всякомъ случаи производить тяжбы однако какъ сие ево по писму вашему уведомляющему меня прошение подано государю императору оклеветалъ насъ истенныхъ старообрядцевъ какъ богъ потерпитъ ему Христосъ Спаситель насъ искупилъ чесною своею кровию можетъ вліять в благою мысль благочестивѣйшему императору и отцу отечеству повелитъ снабдить насъ по нашей поданной прозбе к московскому митрополиту мы наслышены якобы въ святеишемъ синоде решено и позволено иметь намъ церковь государь Императоръ можитъ в таковои силе прислалъ указъ чтобы кладбище оставить на старомъ положеніи, а по нашему прошению по примеру другихъ городовъ можитъ быть позволено будетъ намъ иметь с благословения святейшаго синода и епархиальнаго архиерея церковь и кроме кладбища но хотя и знатная наша сумма дана на кладбище на разныя утвари но богъ с нимъ а мы согласны и в москве или готовою где или вновь выстроить толко к прискорбию нашему вернова ничего не знаемъ въ каковой силѣ остается наше прошение не можете ли вы милостивый государь попросить госпо-
Л. 23. дина ивана иваныча милова выправится у вашего архипастыря его высокопреосвященства архиепископа санпетербургскова амвросія я наслышенъ что господинъ Миловъ входъ имеетъ какую мы должны иметь надежду по поданному нашему прошению и в случаи и орекомендовать прошу наше собрание и я вамъ доложу хоша немногочисленно но все люди достойные своего звания а какъ по нашему прошению ежели дана будетъ церковь то весма много согласныхъ будитъ потому к прошению многия не подписывали что узнавши кто подписалъ ни с какою потребою священникамъ в домы ездить къ подписавшимся непозволяли хозяева кладбищенския чемъ много они отъ подписанія удержали что вы можите по нашему делу узнать

покорнейше прошу меня уведомить к вашему архипастырю мы прежде писали о решеніі нашего дела просительное письмо.

Милостивый Государь Мои вамъ покорный слуга Московской первой гилдіи купецъ Григорій Александровъ.

отъ 8 октября 1800 года. Москва.

№ 77.

Отношеніе генералъ-прокурора Обольянинова къ арх. Амвросію о томъ, что высочайше повелѣно показать письмо Григорія Александрова Дмитрію Ѳедорову въ улику его клеветы.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Милостивый Государь мой!

Л. 24. Доставленное ко мнѣ отъ вашего Высокопреосвященства письмо отъ одного изъ просящихъ церкви Московскихъ старообрядцевъ имѣлъ я счастіе представлять Государю Императору и получилъ высочайшее повелѣніе показать ево Дмитрію Федорову въ улику для исполненія чего и оставилъ у себя письмо сіе. Съ истиннымъ... М. Г-рь мой в-го Впр-ва покорнѣйшій слуга...

№ 798 Гатчино. Октября 19 дня 1800 г.

№ 78.

Отношеніе арх. Амвросія къ генералъ-прокурору Обольянинову при препровожденіи подлиннаго прошенія московскихъ старообрядцевъ на имя м. Платона.

Высокопревосходительный Господинъ! Милостивый Государь мой!

Л. 27. Въ слѣдствіе высочайшаго Его Императорскаго В-ва повелѣнія вытребованное мною прошеніе Московскихъ старообрядцовъ къ Преосвященному Митрополиту Московскому о дозволеніи имъ имѣть церковь и священниковъ подлинное за ихъ рукоприкладствомъ при семъ къ вашему высокопревосходительству препровождаю. Въ протчемъ честь имѣю быть съ истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ вашего высокопреосвященства Милостиваго Государя моего покорнѣйшій слуга Амвросій Архіепископъ С.-Петербургскій.

№ 342. Октября 22 1800 года.

№ 79.

Предписаніе генералъ-прокурора Обольянинова А. С. Макарову доставить ему въ Гатчину для доклада государю подлинное прошеніе московскихъ старообрядцевъ на имя м. Платона съ относящимися къ нему документами.

Милостивый Государь мой,
Александръ Семеновичъ!

Л. 28. Прошу ваше Превосходительство доставить ко мнѣ поскорѣе прошеніе Московскихъ старообрядцовъ за собственноручнымъ ихъ подписаніемъ со всѣми документами къ оному принадлежащими такъ, чтобы оно завтра къ докладу непремѣнно поспѣло. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ вашего Превосходительства покорный слуга Петръ Обольяниновъ.

Въ Гатчинѣ Октября 25 дня 1800 г.

№ 80 [1]).

Отношеніе генералъ-прокурора Обольянинова къ арх. Амвросію съ сообщеніемъ высочайшей воли отдать подлинное прошеніе старообрядцамъ и съ приложеніемъ высочайшаго указа объустроеніи старообрядческихъ церквей на основаніи представленія м. Платона.

Преосвященнѣйшій Владыко, Милостивый Государь мой!

Л. 11. Препровождая при семъ къ Вашему Высокопреосвященству высочайшій Его Императорскаго Величества указъ данный Святѣйшему Синоду относительно устроенія старообрядцамъ церквей; и всемилостивѣйше конфирмованное оригинальное ихъ прошеніе подаванное по сему случаю Преосвященному Митрополиту Московскому, нужнымъ почитаю сообщить вамъ Милостивый Государь мой, что воля Государя Императора есть, дабы означенное подлинное прошеніе по оставленіи съ онаго въ Синодѣ копіи, отдано было тѣмъ самымъ старообрядцамъ какъ для большаго впечатлѣнія въ сердца ихъ неограниченнаго Милосердія Его

[1]) №№ 80—81 заимствованы изъ Архива Новгор. митр., дѣла 1800 г. сент. 22, № 41 (63).

Императорскаго Величества, такъ и для возбужденія въ нихъ желанія къ сближенію или соединенію ихъ съ церковію. Съ совершеннымъ почитаніемъ честь имѣю быть вашего высокопреосвященства Милостиваго Государя моего покорнѣйшій слуга Петръ Обольяниновъ.

№ 10341. Въ Гатчинѣ октября 27 дня 1800 г.

Указъ нашему Синоду.

Л. 12. По прошенію Московскихъ старообрядцевъ объ устроеніи въ Москвѣ церкви представленіе Московскаго Митрополита Платона находя сообразнымъ указу нашему въ 12-й день марта 1798 года, коимъ дозволили мы по всѣмъ епархіямъ таковое устроеніе, повелѣваемъ церковь старообрядцамъ дать и впредь дозволять устроеніе на подобномъ основаніи.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано тако: Павелъ.

№ 81.

„Предложеніе“ арх. Амвросія Св. Синоду по содержанію отношенія Обольянинова отъ 27 октября 1800 г. и высочайшаго указа отъ того же числа.

Л. 13. Его Высокопревосходительство Г.Генералъ прокуроръ и кавалеръ Обольяниновъ въ отношеніи своемъ отъ 27-го числа сего октября, при коемъ препроводилъ ко мнѣ высочайшей Его Императорскаго Величества указъ данный Святѣйшему Синоду относительно устроенія старообрядцамъ церквей и всемилостивѣйше конфирмованное оригинальное ихъ прошеніе поданное по сему случаю Преосвященному Митрополиту Московскому сообщилъ, что воля Государя Императора есть, дабы означенное подлинное прошеніе по оставленіи съ онаго въ Синодѣ копіи отдано было тѣмъ самымъ старообрядцамъ какъ для большаго впечатлѣнія въ сердца ихъ неограниченнаго милосердія Его Императорскаго Величества, такъ и для возбужденія въ нихъ желанія къ сближенію или соединенію ихъ съ церковію. Почему приложа при семъ тотъ высочайшій указъ и всемилостивѣйше конфирмованное прошеніе для надлежащаго исполненія Святѣйщему Правительствующему Синоду предлагаю.

Амвросій Архіепископъ С.-Петербургскій.

№ 350. Октября 28 дня 1800 года.

№ 82.

Отношеніе арх. Амвросія Къ генералъ-прокурору Обольянинову объ исполненіи высочайшей воли относительно прошенія московскихъ старообрядцевъ на имя м. Платона.

Высокопревосходительный Господинъ, Милостивый Государь мой!

Л. 31. Въ отношеніи [1]) своемъ ко мнѣ отъ 27 числа сего октября, при коемъ приложа высочайшій Его Императорскаго Величества указъ данный Святѣйшему Синоду относительно устроенія старообрядцамъ церквей и всемилостивѣйше конфирмованное оригинальное ихъ прошеніе подаванное по сему случаю преосвященному Митрополиту Московскому, вы, Милостивый Государь мой, сообщили, что воля Государя Императора есть, дабы означенное подлинное прошеніе по оставленіи съ онаго въ Синодѣ копіи, отдано было тѣмъ самымъ старообрядцамъ какъ для большаго впечатлѣнія въ сердца ихъ неограниченнаго Милосердія Его Императорскаго Величества такъ и для возбужденія въ нихъ желанія къ сближенію или соединенію ихъ съ церковію; для исполненія по сему предложилъ я Святѣйшему Синоду, препроводя въ оной тотъ высочайшій указъ и всемилостивѣйше конфирмованное прошеніе, о чемъ ваше высокопревосходительство извѣстя съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью есмь Вашего Высокопревосходительства Милостиваго Государя моего покорнѣйшій слуга Амвросій Архіепископъ С.-Петербургскій.

№ 351 октября 28 дня 1800 года.

№ 83.

Журналъ Св. Синода по содержанію предложенія арх. Амвросія Св. Синоду[2]) и высочайшаго указа 27 октября 1800 г.

Л. 693. 1800 года Октября 29 дня[3]) въ понедѣльникъ въ собраніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода синодаль-

---

[1]) Государственный Архивъ, разрядъ VII, дѣло 1800 г., № 3435.

[2]) См. № 81.

[3]) Журналы Св. Синода 1800 г., книга 130.

ные члены и кавалеры прибыли по полуночи въ нижеписанныхъ часахъ:

Преосвященные Архіепископы:

Амвросій С.-Петербургскій. . . . . въ 11-мъ.
Павелъ Ярославскій . . . . . въ 10-мъ.
Михаилъ Архимандритъ Юрьевскій въ 11-мъ.
Арміи и флота оберъ-священникъ
протоіерей Павелъ Озерецковскій... въ 10-мъ.

Синодальные члены и кавалеры: Преосвященный Иринеи Архіепископъ Псковскій, и духовникъ протопресвитеръ благовѣщенскій Исидоръ и Господинъ Тайный Совѣтникъ Синодальный Оберъ-Прокуроръ и кавалеръ не были, и изъ нихъ первый за болѣзнію.

Въ ономъ собраніи.... слушано предложеніе Синодальнаго члена Преосвященнаго Амвросія Архіепископа Санктпетербургскаго и кавалера, при которомъ приложа имянный Его Императорскаго Величества высочайшій указъ данный Синоду въ 27-й день сего Октября, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ относительно устроенія старообрядцамъ церквей, и всемилостивѣйше конфирмованное оригинальное ихъ прошеніе, поданное посему случаю Пре-
Об 693. освященному Митрополиту Московскому, объявляетъ, что воля Государя Императора есть, дабы означенное прошеніе, по оставленіи съ него въ Синодѣ копіи отдано было тѣмъ самымъ старообрядцамъ какъ для большаго впечатлѣнія въ сердца ихъ неограниченнаго милосердія Его Императорскаго Величества, такъ и для возбужденія въ нихъ желанія къ сближенію или соединенію ихъ съ церковію. Разсуждено: О посылкѣ для надлежащаго по онымъ имяннымъ высочайшимъ указамъ исполненія къ Синодальному Члену Преосвященному Платону Митрополиту Московскому и кавалеру указа, и о препровожденіи при немъ помянутаго высочайше конфирмованнаго прошенія съ тѣмъ, чтобы оное отдано было имъ старообрядцамъ изъ Московской консисторіи съ роспискою, и по исполненіи сего о поднесеніи Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшаго репорта, написать протоколъ, который сего же числа и подписанъ. Означенное же предложеніе, яко заключающее въ себѣ имянное Его Императорскаго Величества повелѣніе, оставя съ него при дѣлѣ копію, подлинное хранить съ прочими имян-

ными высочайшими указами; и какъ уже дѣло сіе, о дозволеніи Московскимъ старообрядцамъ имѣть церковь, окончаніе свое воспріяло по силѣ означенныхъ имянныхъ высочайшихъ указовъ, для того изготовленное по разсужденію Святѣйшаго Синода, записанному въ журналѣ его сего года Августа 24 дня опредѣленіе оставить безъ дѣйствія. Чего ради въ повытье съ сего журнала дать копію.

Л 697. Вышеозначенные Синодальные члены изъ собранія выступили по полудни въ 1-мъ часу.

Амвросій Архіепископъ С.-Петербургскій.
Павелъ Архіепископъ Іарославскій.
Михаилъ Архимандритъ Юрьевскій.
Оберъ-Священникъ Павелъ Озерецковскій.

Оберъ-секретарь Василій Савицкій.
Подписанъ 31 октября 800 г. Степанъ Логвиновъ.

№ 84[1]).

Протоколъ Св. Синода по содержанію синодальнаго журнала отъ того же числа.

Л. 202. 1800 года октября 29 дня. По имяннымъ Его Императорскаго Величества высочайшимъ указамъ: 1-му данному Синоду сего октября въ 27-день, въ которомъ изображено: „по прошенію Московскихъ старообрядцевъ объ устроеніи въ „Москвѣ церкви представленіе Московскаго Митрополита Пла„тона находя сообразнымъ указу нашему въ 12-й день Марта „1798 года, коимъ дозволили мы по всѣмъ Епархіямъ таковое „старообрядческихъ церквей устроеніе, повелѣваемъ церковь „старообрядцамъ дать, и впредь дозволять на подобномъ основаніи“; 2-му объявленному Синодальнымъ Членомъ Преосвященнымъ Амвросіемъ Архіепископомъ Санктпетербургскимъ и кавалеромъ въ предложеніи его, что воля Государя Императора есть, дабы всемилостивѣйше конфирмованное подлинное прошеніе, поданное отъ старообрядцовъ Преосвященному Митрополиту Московскому относительно устроенія имъ церквей, по оставленіи съ онаго въ Синодѣ копіи, отдано было тѣмъ самымъ старообрядцамъ, какъ для
Об. 202. большаго впечатлѣнія въ сердца ихъ неограниченнаго мило-

[1]) №№ 84—85 заимствованы изъ Государственнаго Архива М. И. Д, дѣла 1800 г, разр. VII, № 3435.

сердія Его Императорскаго Величества, такъ и для возбужденія въ нихъ желанія къ сближенію или соединенію ихъ съ церковію, при чемъ и то оригинальное прошеніе приложено, Святѣйшій Правительствующій Синодъ *приказали*: о надлежащемъ по онымъ имяннымъ Его Императорскаго Величества высочайшимъ указамъ исполненіи къ Синодальному Члену Преосвященному Платону Митрополиту Московскому и кавалеру послать указъ, при которомъ, оставя съ вышеозначеннаго прошенія за секретарскою скрѣпою копію, подлинное отослать къ нему Преосвященному для отдачи имъ старообрядцамъ изъ Московской Консисторіи съ надлежащею роспискою съ тѣмъ, чтобы притомъ внушено было имъ и о неограниченномъ къ нимъ Его Императорскаго Величества милосердіи; для вѣдома же объ ономъ Его Императорскаго Величества высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату сообщить вѣдѣніе. По исполненіи же сего поднесть Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій репортъ.

Подлинное подписано октября дня 1800 года.

Съ подлиннымъ свѣрялъ секретарь василій Морошкинъ.

№ 85.

Отношеніе архіепископа Амвросія къ генералъ-прокурору Обольянинову объ исполненіи Св. Синодомъ высочайшихъ указовъ относительно устроенія въ Москвѣ единовѣрческой церкви.

Высокопревосходительный Господинъ! Милостивый Государь мой!

Л. 32. Вслѣдствіе имянныхъ Его Императорскаго Величества высочайшихъ указовъ: перваго, даннаго Синоду сего октября въ 27-й день за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ которомъ изображено: „по прошенію Московскихъ старообрядцевъ объ устроеніи въ Москвѣ церкви представленіе Московскаго Митрополита Платона находя сообразнымъ указу нашему въ 12-й день Марта 1798 года, коимъ дозволили мы по всѣмъ епархіямъ таковое старообрядческихъ церквей устроеніе, повелѣваемъ церковь старообрядцамъ дать, и впредь дозволять устроеніе на подобномъ основаніи“; втораго, объявленнаго мнѣ въ отношеніи вашего высокопревосходительства, что воля Государя

Императора есть, дабы всемилостивѣйше конфирмованное подлинное прошеніе, поданное отъ старообрядцевъ Преосвященному Митрополиту Московскому относительно устроенія имъ церквей, по оставленіи съ онаго въ Синодѣ копіи, отдано было тѣмъ самымъ старообрядцамъ, какъ для большаго впечатлѣнія въ сердца ихъ неограниченнаго милосердія Его Императорскаго Величества, такъ и для возбужденія въ нихъ желанія къ сближенію или соединенію ихъ съ церковію, причемъ и то оригинальное прошеніе приложено, Святѣйшимъ Синодомъ опредѣлено: о надлежащемъ по онымъ Имяннымъ Его Императорскаго Величества высочайшимъ указамъ исполненіи къ Синодальному Члену Преосвященному Платону Митрополиту Московскому и кавалеру послать указъ и посланъ, при которомъ, оставя
Об. 32. съ вышеозначеннаго прошенія за секретарскою скрѣпою копію, подлинное отослать и отослано къ нему, Преосвященному, для отдачи имъ старообрядцамъ изъ Московской Консисторіи съ надлежащею роспискою съ тѣмъ, чтобы при томъ внушено было имъ и о неограниченномъ къ нимъ Его Императорскаго Величества милосердіи. О исполненіи же Его Императорскому Величеству отъ Святѣйшаго Синода всеподданѣйшимъ репортомъ донесено. О чемъ ваше высокопревосходительство симъ извѣстя, съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію пребываю всегда: вашего высокопревосходительства Милостиваго Государя моего покорнѣйшій слуга Амвросій Архіепископъ Санктпетербургскій.

№ 353. Октября 31 дня 1800 г.

№ 86 [1]).

Отношеніе графа Салтыкова къ Московскому митрополиту Платону съ просьбою увѣдомить о содержаніи высочайше конфирмованнаго прошенія старообрядцевъ и о своихъ распоряженіяхъ относительно старообрядческихъ церквей и священниковъ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Милостивый Государь мой!

Для препорученнаго мнѣ наблюденія за старообрядцами въ имѣніи церквей и священниковъ только тѣмъ,

[1]) №№ 86—87 заимствованы изъ Архива Московской духовной консисторіи, отношен. по вопросу о раскольникахъ 1800 г. № 46.

коимъ по высочайшей волѣ подъ веденіемъ Епархіальныхъ Архіереевъ дозволено и высочайшая конфирмація на поднесенномъ прошеніи Московскихъ Старообрядцевъ утверждена собственноручно,— покорнѣйше Ваше Высокопреосвященство прошу, снабдить меня увѣдомленіемъ какъ о содержаніи сей высочайшей конфирмаціи естьли вы оную къ должному исполненію уже получили, такъ и о сдѣланномъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ распоряженіи относительно старообрядческихъ церквей и священниковъ, коихъ и имяна мнѣ знать нужно.—При семъ имѣю честь извѣстить Васъ, Милостивый Государь мой, что оказавшихся у старообрядцевъ, при извѣстномъ выносѣ тѣла умершей трехъ поповъ высочайше повелѣно оставить въ прежнемъ положеніи не требуя къ суду.—Я имѣю честь быть съ моимъ истиннымъ почтеніемъ М. Г. м. Г. Салтыковъ.

№ 2748. Ноября 19 дня 1800 г. Москва.

№ 87.

Отношеніе Московскаго военнаго губернатора, графа Салтыкова къ Московскому м. Платону. Отказъ предоставить рогожскую часовню единовѣрцамъ и предложеніе отвести имъ для богослуженія церковь упраздненнаго Міусскаго кладбища или другую какую изъ малоприходныхъ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Милостивый Государь мой!

На почтенное отношеніе Вашего Высокопреосвященства касательно отдачи обращающимся къ православной церкви старообрядцамъ каменной за рогожскою заставою на старообрядческомъ кладбищѣ часовни, для освященія подъ церковь, поспѣшаю извѣстить Васъ, Милостивый Государь мой, что охотно исполнилъ бы сіе Ваше о томъ богоугодномъ дѣлѣ желаніе, но къ сожаленію моему нахожу нѣкоторое затрудненіе, потому что на томъ кладбищѣ отправляютъ молитвословіи старообрядцы при прежнемъ заблужденіи еще остающіеся, у коихъ оказавшихся поповъ высочайше повелѣно оставить по прежнему, отъ чего безъ сомнѣнія заключить можно, что чрезъ таковое отнятіе часовни можетъ, мѣсто ожидаемой тишины и соединенія ихъ съ церковію, произойти между ими вящщая вражда, имѣющая сопровождаться ссорами или даже нарушеніемъ бла-

гочинія при самыхъ богослуженіяхъ въ одномъ мѣстѣ отправляемыхъ.—Надѣясь, что Ваше Высокопреосвященство, имѣя о тишинѣ и согласіи ввѣренной вамъ паствы, а особливо сихъ соединяющихся съ церковію людей сугубое попѣченіе, таковое на осторожности основанное мнѣніе мое, сами оправдать изволите, въ которомъ утверждаюсь секретными отношеніями ко мнѣ, (о коихъ къ единственному вашему свѣдѣнію упоминаю) чтобъ за старообрядцами имѣть наиприлѣжнѣйшее смотреніе, и въ случаѣ малѣйшихъ ихъ движеніи представлять, слѣдовательно первымъ моимъ долгомъ считаю предупредить всякіе поводы къ тому ихъ побудить могущіе. И для того не угодно ли Вашему Высокопреосвященству будетъ дать сему не большому сословію новообращающихся, церковь упраздненнаго мною Міусскаго кладбища, или одну изъ малоприходныхъ, ближе къ камер-коллежскому валу состоящихъ, на что они конечно будутъ согласны. Во ожиданіи на сіе благосклоннаго вашего увѣдомленія съ истиннымъ почтеніемъ пребыть честь имѣю М. Г. м. В. В. покорнѣйшій слуга Г. Салтыковъ.

Ноября 28 дня 1800 г. Москва.

№ 88.

Отношеніе Московскаго военнаго губернатора, графа Салтыкова къ генералъ-прокурору Обольянинову съ приложеніемъ копіи со всеподданнѣйшаго донесенія относительно отказа м. Платону въ отводѣ единовѣрцамъ каменной рогожской часовни и относительно испрошенія высочайшаго соизволенія на отдачу новоприсоединившимся церкви Міусскаго кладбища или другой какой изъ малоприходныхъ.

Милостивый Государь, Петръ Хрисанфовичъ!

Л. 146. Каковый [1]) имѣлъ я щастіе отправить на сей естафетъ къ Государю Императору всеподданнѣйшій рапортъ относительно отдачи обращающимся къ церкви старообрядцамъ для освященія подъ оную часовни на общемъ ихъ кладбищѣ устроенной, съ онаго для зависящаго отъ вашего высокопревосходительства свѣдѣнія и содѣйствія препровождая при семъ копію, нужнымъ нахожу объяснить вамъ,

[1]) Государственный Архивъ М. И. Д., разрядъ VII, дѣло 1800 г., № 3435.

Милостивый Государь мой, что цѣлію отзыва моего къ
Об. 146. Преосвященному Митрополиту въ семъ рапортѣ прописаннаго, есть ничто иное, какъ соблюденіе между сими суевѣрами тишины и спокойствія, а притомъ и сіе, чтобъ прежнимъ по высокомонаршей волѣ освященное Его Величества имя точно по Сѵнодальной формѣ возносящимъ дать нѣкоторую отраду, которой они по мнѣнію моему ненедостойны тѣмъ паче, что и попы безъ позволенія духовнаго начальства у нихъ бывшіе, по высочайшему повелѣнію оставлены.—Въ надеждѣ, что ваше Высокопревосходительство не оставите почтить меня на сіе вашимъ увѣдомленіемъ имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ, Милостивый Государь мой! вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга Г. Салтыковъ.

№ 2853. Ноября 28 1800 года. Москва.

Копія со всеподданнѣйшаго донесенія Государю Императору отъ 28-го числа ноября посланнаго.

Л. 147. Получивъ чрезъ Генералъ Прокурора высочайшее вашего Императорскаго величества повелѣніе о оставленіи у здѣшнихъ старообрядцевъ по поводу принятія ими возношенія въ молитвахъ освященнаго имени вашего величества по синодальной формѣ, трехъ оказавшихся у нихъ поповъ въ прежнемъ положеніи, далъ я Оберъ-Полицмейстеру надлежащее предписаніе, не касаясь и до прочаго ихъ устройства, имѣя отъ него свѣдѣніе о точномъ ими сей формы употребленіи. А какъ нынѣ Московскій Митрополитъ Платонъ вслѣдствіе высочайшей конфирмаціи вашего величества на прошеніи старообрядцевъ состоявшейся, сообщилъ мнѣ объ отдачѣ имъ по особой просьбѣ ихъ для освященія подъ церковь, каменной часовни на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ разнаго съ просителями согласія ста-
Об. 147. рообрядцы съ помянутыми попами молитвословіи свои отправляютъ, то не имѣя о томъ особаго повелѣнія и при томъ усматривая что вмѣсто желаемой тишины и соглашенія можетъ произойти между ими вящшая вражда имѣющая сопровождаться ссорами и нарушеніемъ благочинія при самыхъ не единообрядныхъ богослуженіяхъ ихъ,—не рѣшился я оное требованіе собою исполнить, а почитая за лучшее дать сему небольшому сословію обращающихся од-

ну изъ малоприходныхъ церквей, ближе къ выѣзду изъ Москвы состоящихъ, или упраздненнаго Міюсскаго кладбища, гдѣ они и погребаться могутъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать на то высочайшаго вашего величества благосоизволенія.

Съ подлиннымъ вѣрно. Губернскій секретарь Павелъ Жежемовичъ.

№ 89.

Отношеніе Московскаго военнаго губернатора, графа Салтыкова къ Московскому митрополиту Платону о высочайшемъ повелѣніи касательно церкви для московскихъ единовѣрцевъ.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Милостивый Государь мой!

Въ слѣдъ письма[1]) моего къ Вашему Высокопреосвященству отъ 28 числа минувшаго Ноября, касательно назначенія извѣстнымъ новообращающимся старообрядцамъ, для отправленія Богослуженія церькви, согласно желанію ихъ, не могши собою рѣшится, имѣлъ я щастіе всеподданнѣйше представлять о семъ Государю Императору на высочайшее благоразсмотрѣніе. На что удостоился получить высочайшій рескриптъ отъ 3-го числа сего мѣсяца, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, что по сему надлежащія повелѣнія Его Величества получу я чрезъ Генералъ Прокурора, отъ котораго и получилъ отношеніе отъ 7 числа сего Декабря, что „донесеніе мое Его Императорскому Величеству, о дачѣ Старообрядцамъ церькви изъ малоприходныхъ ближе къ выѣзду изъ Москвы состоящихъ церквей, или упраздненнаго Міюсскаго кладбища высочайше апробовано“, — въ слѣдствіе чего препровождая при семъ, для зависящаго отъ Вашего Высокопреосвященства по сему высочайшему соизволенію исполненія, съ того моего всеподданѣйшаго донесенія копію, покорнѣйше васъ, Милостивый Государь мой, прошу о послѣдующемъ по сему распоряженіи вашемъ меня увѣдомить. Относительно же Міюсскаго кладбища, оное при учиненіи мною нѣкотораго пополнитель-

[1]) Архивъ Московской духовной консисторіи, отношенія по вопросу о раскольникахъ 1800 г., № 46.

наго о здѣшнихъ кладбищахъ постановленія, къ Преосвященному Серафиму Епископу Дмитровскому отъ меня сообщеннаго, уничтожено по случаю близости къ оному Лазаревскаго, по неимѣнію при первомъ священника, и по малому числу привозимыхъ къ погребенію тѣлъ. —

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію М. Г. м. В. В. покорный слуга Г. Салтыковъ.

№ 3047. Декабря 12 1800 г. Москва.

№ 90.

Отношеніе графа Салтыкова къ генералъ-прокурору Обольянинову, извѣщающее о препровожденіи къ м. Платону копіи съ высочайше апробованнаго донесенія отъ 28 ноября о церкви для единовѣрцевъ.

Милостивый Государь мой Петръ Хрисанфовичъ!

Л. 150. Имѣвъ честь [1]) получить отношеніе вашего высокопревосходительства отъ 7 числа сего декабря, со увѣдомленіемъ, что всеподданнѣйшее мое Его Императорскому величеству донесеніе о дачѣ старообрядцамъ церкви изъ малоприходныхъ ближе къ выѣзду изъ Москвы состоящихъ или упраздненнаго Міюсскаго кладбища, высочайше аппробовано, отнесся я съ препровожденіемъ съ сего моего донесенія копіи, къ преосвященнѣйшему Митрополиту Платону, для должнаго по сему съ его стороны исполненія, прося о послѣдующемъ его распоряженіи меня увѣдомить. По полученіи коего и исполнивъ зависящее отъ меня, ваше Высокопревосходительство, извѣстить не премину, пребывая съ совершеннымъ почтеніемъ Милостивый Государь мой! вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга Г. Салтыковъ.

№ 3048. Дек. 12 дня 1800 г. Москва.

№ 91.

Отвѣтъ м. Платона графу Салтыкову на его отношеніе о высочайшемъ повелѣніи касательно церкви для единовѣрцевъ.

Сіятельнѣйшій Графъ! Милостивый Государь мой!

Писаніе Вашего Сіятельства съ объявленіемъ высочайшаго Государя Императора повелѣнія, о дачѣ обратившим-

[1]) Государственный Архивъ М. И. Д. раздяд. VII, дѣло 1800 г. № 3435.

ся единовѣрцамъ малоприходной или на Міусскомъ кладбищѣ церкви я препроводилъ къ Преосвященному Серафиму для надлежащаго исполненія. О чемъ извѣщая Ваше Сіятельство, съ истиннымъ почтеніемъ пребываю вашего Сіятельства М. Г. усердный богомолецъ и слуга[1]) (Платонъ Митрополитъ Московскій).

№ 92[2])

Отношеніе генералъ-прокурора Обольянинова къ С.-Петербургскому архіепископу Амвросію о присоединеніи къ единовѣрію Дмитрія Ѳедорова и другого старообрядца.

Преосвященнѣйшій Владыка! Милостивый Государь мой!

Старообрядцы Дмитрій Ѳедоровъ и Иванъ Андреевъ, признаваясь въ своемъ заблужденіи и принося раскаяніе желаютъ присоединиться къ церкви 1-й старообрядческой въ Москвѣ открытой, а 2-й къ таковой же здѣсь въ домѣ купца Милова, въ чемъ и дали они надлежащіе подписки. Государь Императоръ всемилостивѣйше снисходя на таковыя ихъ прошеніи высочайше повелѣть соизволилъ ихъ освободить съ тѣмъ, чтобы въ разсужденіи присоединенія ихъ къ тѣмъ церквамъ учинили Ваше Преосвященство, кому слѣдуетъ надлежащее предписаніе.

Петръ Обольяниновъ.

№ 1033. Декабря 19 дня 1800 г.

№ 93.

Отношеніе архіепископа Амвросія къ преосвященному Дмитровскому Серафиму о присоединеніи къ единовѣрію Дмитрія Ѳедорова.

Преосвященнѣйшій Владыко, Почтенный братъ о Господѣ!

Государь Императоръ всемилостивѣйше снисходя на прошеніе Московскаго старообрядца Дмитрія Ѳедорова при-

---

[1]) Архивъ Московской дух. консисторіи, отношенія по вопросу о раск. 1800 г. № 46.

[2]) № 92—93 заимствованы изъ Архива Новгород. митрополитовъ, дѣла 1801 г. дек. 20, № 57в. библ., № 17/81 архива.

знавшагося въ своемъ заблужденіи и принесшаго раскаяніе съ желаніемъ присоединиться къ церкви старообрядческой въ Москвѣ открытой высочайше повелѣть соизволилъ къ той церкви его присоединить.—Почему благоволите ваше Преосвященство помянутаго старообрядца присоединить къ означенной церкви прочтеніемъ надъ нимъ молитвы изъ имѣющихся у васъ въ резолюціи 16 пунктовъ, въ 1-мъ пунктѣ изображенной, и по исполненіи сего причислить его къ прочимъ старообрядцамъ.

Сообщая о сей высокомонаршей волѣ, съ истиннымъ... Амвросій Архіепископъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

С.-Петербургъ. Декабря 20 го 1800 г.

№ 94[1])

Отношеніе графа Салтыкова къ преосвященному Дмитровскому Серафиму съ требованіемъ объясненія относительно вновь избраннаго мѣста для единовѣрческой церкви.

Преосвященнѣйшій владыко, Милостивый Государь мой!

Здѣшній Оберъ-Полицмейстеръ Господинъ Генералъ-Маіоръ Эртель представя ко мнѣ подписанную Вашимъ Преосвященствомъ копію съ дозволенія старообрядцамъ освятить въ домѣ церковь, и неимѣя о томъ никакого свѣдѣнія, представляетъ мнѣ о семъ на разсмотрѣніе. А какъ отводъ старообрядцамъ для церкви мѣста, по высочайшему Государя Императора ко мнѣ послѣдовавшему повелѣнію, зависитъ отъ меня, о чемъ изъ предписанія высокопреосвященнаго Митрополита Платона и вы Милостивый Государь мой, небезъизвѣстны, то я и отношусь къ Вашему Преосвященству съ покорною просьбою увѣдомить меня, гдѣ какой домъ и кѣмъ старообрядцамъ подъ церковь избранъ, и въ разсужденіи прежде назначенныхъ мѣстъ какія встрѣтились неудобности. Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ М. Г. м. В. П. покорнѣйшій слуга Г. Салтыковъ.

№ 108. Генваря 8 дня 1801 года. Москва.

---

[1]) №№ 94—95 заимствованы изъ Архива Московской духовной консисторіи; отношен. по вопр. о раскол. 1800 г., № 46.

№ 95.

Отвѣтное отношеніе пр. Серафима гр. Салтыкову по содержанію предшествующаго отношенія.

Сіятельнѣйшій Графъ! Милостивый Государь Мой!

Почтеннѣйшее Вашего Сіятельства писаніе, коимъ изволите требовать отъ меня увѣдомленія, гдѣ какой домъ и кѣмъ Старообрядцамъ подъ церковь избранъ, а вразсужденіи прежде назначенныхъ мѣстъ какія встрѣтились неудобности, я имѣлъ честь получить; на которое симъ и доношу Вашему Сіятельству, что вышеписанный домъ состоитъ въ Рогожской части за Салтыковымъ мостомъ, избранъ онъ подъ церьковь самими Старообрядцами, коимъ по крѣпости и принадлежитъ: по прозьбѣ же ихъ резолюціею Его Высокопреосвященства устроить въ немъ церьковь на время, доколѣ отъ нихъ или особая открытая сооружена, или какая изъ готовыхъ испрашиваема будетъ, дозволено. Вразсужденіи же прежде назначенныхъ мѣстъ, сверхъ многихъ другихъ, главная неудобность состоитъ въ большой отдаленности, дѣлающей превеликую трудность въ хожденіи изъ одного въ другой конецъ города для слушанія божественнаго служенія, а наипаче въ нощное время совершаемаго. Впрочемъ съ истиннымъ моимъ почтеніемъ честь имѣю быть В. С. М. Г. м. (Серафимъ, еп. Дмитровскій).

10 генваря 1801 года.

№ 96.

Указъ Св. Синода м. Платону за № 444, посланный при пунктахъ единовѣрія.

Указъ [1]) *Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Синодальному Члену Преосвященному Платону, Митрополиту Московскому и Коломенскому, Святотроицкія Сергіевы Лавры Архимандриту и Кавалеру.*—По Указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ

[1]) Архивъ Московской дух. консисторіи, книга указовъ Св. Синода 1801 г., № 17 по описи.

имѣя разсужденіе, что многіе удалившіеся отъ православныя Грекороссійскаго исповѣданія церкви, по случаю содержанія старыхъ обрядовъ и печатанія вновь церковныхъ книгъ, познавъ свое заблужденіе, а церкви православныя святость и непорочность, просятъ Епархіальныхъ Архіереевъ о принятіи ихъ въ матернее ея объятіе, и о дозволеніи имъ имѣть у себя церкви и особенныхъ священниковъ рукоположенныхъ отъ Епископовъ, но по привязанности ихъ еще къ прежнимъ своимъ обрядамъ ограничиваютъ таковое свое къ православной церкви обращеніе нѣкоторыми условіями, которыя принявъ отъ нихъ Епархіальные Преосвященные Архіереи, представляли съ мнѣніями своими въ Святѣйшій Синодъ, который найдя требованія ихъ нѣкоторыя прямо благими и достойными, чтобъ сохраняемы были въ точности, а другія такими, которыя въ разсужденіи сближенія или соединенія ихъ въ православною церковію дозволить можно, слѣдуя примѣру Апостольскому, иже немощнымъ бысть, яко немощенъ, но съ тѣмъ да немощныхъ пріобрящетъ, и по тому дабы возъимѣть добрую надежду, что сіи просители со временемъ Богомъ просвѣтятся, и ни въ чемъ въ неразнствующее съ церковію пріидутъ согласіе, прочіе же требующими нѣкотораго только ограниченія къ предохраненію другихъ отъ соблазна, подносилъ оные при всеподданнѣйшимъ докладѣ на благоразсмотрѣніе Его Императорскому Величеству. Въ слѣдствіе чего Имянными Его Императорскаго Величества Высочайшими Указами данными Синоду 1798 года Марта 12 и 1800 года октября 27 числа повелѣно: первымъ: разсмотрѣвъ докладъ поднесенный Намъ отъ Синода по представленію въ оный Епископа Нижегородскаго, Повелѣваемъ жительствующимъ въ тамошней Епархіи старообрядцамъ позволить имѣть у себя церковь и особенныхъ священниковъ рукоположенныхъ отъ Епархіальнаго Архіерея для отправленія службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ, сходственно съ представленіемъ помянутаго Епископа, котораго собственному усмотрѣнію предоставить и исправленіе тѣхъ священниковъ въ случаѣ какихъ либо учиненныхъ ими преступленій духовной епитиміи подлежащихъ. На семъ основаніи Синодъ можетъ равномѣрное дозволеніе давать и по другимъ Епархіямъ, когда изъ оныхъ вступать будутъ впредь подобныя о старообрядцахъ представленія или прошенія. Вторымъ: по

прошенію Московскихъ старообрядцевъ объ устроеніи въ Москвѣ церкви представленіе Московскаго Митрополита Платона находя сообразнымъ указу Нашему въ 12 день Марта 1798 года, коимъ дозволили Мы по всѣмъ Епархіямъ таковое старообрядческихъ церквей устроеніе, Повелѣваемъ церковь старообрядцамъ дать, и впредь дозволять устроеніе на подобномъ основаніи. Приказали: Для свѣдѣнія о семъ въ Московскую Святѣйшаго Синода Контору и къ Епархіальнымъ Преосвященнымъ Архіереямъ послать указы; а дабы не только въ тѣхъ старообрядческихъ церквахъ, гдѣ оныя имѣть уже дозволено, ничего вновь вводимо не было, развѣ бы что послужило къ вящшему ихъ съ православною церковію соединенію, но и впредь о дозволеніи имѣть имъ старообрядцамъ церкви, представленіи въ Святѣйшій Синодъ происходили единообразные напечатавъ въ здѣшней Синодальной Типографіи со вступившихъ въ оный отъ Вашего Преосвященства подованныхъ отъ Московскихъ старообрядцевъ при прошеніи пунктовъ, и мнѣнія Вашего Высочайше утвержденныхъ копіи, разослать при указахъ, въ слѣдствіе чего и прилагается при семъ одинъ экземпляръ. Февраля 6 дня 1801 года, № 444.

Подл. подпис. Оберъ-Секретарь Василій Савицкій. Секретарь Василій Морошкинъ. Повытчикъ 12-го класса Яковъ Гиновскій.

№ 97[1])

Представленіе Московскаго губернскаго правленія Московскому военному губернатору, графу Ивану Петровичу Салтыкову объ отводѣ единовѣрцамъ мѣста для погребенія умершихъ.

Л. 1. Сообщеніемъ Московская духовная Консисторія, изъясняя прошеніе поданное Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члену высокопреосвященнѣйшему Платону Митрополиту Московскому и Коломенскому, Свято-Троицкія Сергіевы Лавры священно-Архимандриту, церкви въ вѣденія пресвятыя богородицы что за Салтыковымъ мостомъ приходскихъ людей, изъясняющѣе, что они доселѣ о кладбищѣ для по-

[1]) №№ 97 101 заимствованы изъ Московскаго губернскаго Архива, изъ дѣла канцеляріи М. военнаго губернатора 1802 года февр. 6; опис. т III, № 181366.

гребенія умирающихъ никакова опредѣленія не имѣютъ кромѣ на время даннаго отъ Его высокопреосвященства позволенія хоронить тѣла Московскихъ единовѣрцевъ в покровскомъ монастырѣ, и просятъ 1-е въ бытность ихъ въ прежнемъ отъ церкви независящемъ старообрядствѣ, даны ими въ Московское рогожское старобрядческое кладбищѣ разные вклады единственно въ поминовеніе ихъ родителей и къ содержанію собственной ихъ веры котораго поминовенія и содержанія вѣры по нынѣшнимъ обстоятельствамъ
Об. 1. ни оныхъ старообрядцевъ сверхъ правильнымъ церковнымъ служителямъ чинить ни имъ принять невмѣстимо кромѣ сообразнаго правиломъ открытой нынѣ для ихъ церкви, и потому учиненныя ихъ вклады въ оное кладбищѣ на поминовенія ихъ родителей и въ содержаніе ихъ веры теперь состоятъ совершенно не по намеренію ихъ даянія 2-е въ вознагражденіе чего другого ничего они не желаютъ какъ только по общему обычаю и установленію во всемъ государствѣ позволенія при родителяхъ ихъ на ономъ рогожскомъ кладбищѣ хоронить тѣла ихъ сродниковъ. 3-е в достославное царствованіе блаженной памяти Г-ни И-цы Екатерины великія на ономъ рогожскомъ кладбищѣ погребались и нынѣ равно погребаются тѣла безпоповщинской секты безъ всякаго отъ стороны правительства и оныхъ старообрядцевъ помешательства. такъ же и въ С.-Петербургѣ когда изъ старообрядцевъ одна часть приняла правильную церковь, а другая въ старообрядствѣ осталась, тѣла хоронились на одномъ и томъ же кладбищѣ безъ всякаго прекословія, По какому обрасцу и они просятъ подобнаго законнаго удовлетворенія, 4-е Какъ многіе изъ желающихъ присоединится къ единовѣрческой церкви единственно отвлекаются отъ того тѣмъ, что еще не опредѣлено присоединяющимся имѣть для похороненія тѣлъ мѣсто на общемъ рогожскомъ кладбищѣ такъ и самыя ужѣ подписавшияся по той-же причинѣ отъ хожденія въ церковь до времяни нѣкоторые
Л. 2. воздерживаются и просятъ сообщить, куда слѣдуетъ, чтобъ въ сообразность въ высочайшемъ Его Императорскаго В-ва Государя И-ра при вступленіи на престолъ Манифестѣ изображеннаго благоволенія устраивать ихъ благоденствіе по законамъ и по сердцу великой Государыни Императрицы Екатерины великія дано имъ было позволеніе естьли не при гробахъ ихъ предковъ, то въ отдаленіи на особомъ праздномъ

имѣющимся мѣстѣ на томъ же кладбищѣ имѣть отделеніе для погребенія, которое имѣетъ тамъ даже и без-поповская секта, 5-е будежъ какія-либо резоны воспрепятствуютъ имъ оное позволить в такомъ случаѣ просили таковое жъ дать имъ позволеніе хоронить тѣла усопшихъ при означенной ихъ въ вѣденской церкви в пристойномъ мѣстѣ поелику оная отъ камеръ-коллежскаго вала не болѣе состоитъ полуверсты, по которому прошенію резолюціею Его Высокопреосвященства предписано: „лучше имѣть кладбищѣ соб-"ственное свое, или возлѣ церкви, или по близости оныя по-„чему о томъ чтобъ назначено было для нихъ по сему особенное кладбищѣ куда надлежитъ и сообщить". А посему объ отводѣ имъ кладбища въ сходственность Его Высокопреосвященства резолюціи въ сіе правленіе сообщая требуетъ, гдѣ кладбище отведено будетъ консисторію увѣдомить, и для того въ семъ правленіи опредѣлено: съ прописаніемъ сего Московскаго духовной Консисторіи сообще-
Об. 2. нія представить къ вашему Сіятельству на благоразсмотрѣніе, о чемъ сіе Правленіе симъ почтеннѣйше и представляетъ декабря 11 дня 1801 года.

Совѣтникъ Яковлевъ.
Экспедиторъ Федоровъ.
Повытчикъ Смирновъ.

№ 98.

Предписаніе Московскаго военнаго губернатора гр. Салтыкова гражданскому губернатору П. Аршеневскому о представленіи свѣдѣній касательно просимаго единовѣрцами мѣста для погребенія умершихъ вблизи Рогожскаго кладбища.

Л. 3. Препровождая при семъ поданное ко мнѣ отъ старосты старообрядческой введенской церкви здѣшняго купца Ивана Шелапутина прошеніе—объ отводѣ имъ мѣста для погребенія тѣлъ умирающихъ изъ нихъ, подлѣ рогожскаго старообрядческаго кладбища, рекомендую вашему Прев-ву поручить кому должно освидѣтельствовать просимое ими мѣсто и со объясненіемъ можетъ ли оно имъ быть отведено безъ стѣсненія тому старообрядческому кладбищу, и не настоитъ ли въ удовлетвореніи ихъ другаго какого-либо препятствія, а

равно есть ли другое какое по близости Москвы для погребенія ихъ удобное мѣсто представить ко мнѣ.

6 февраля 1802 г. № 454.

№ 99.

Рапортъ губернатора Аршеневскаго гр. Салтыкову о результатахъ осмотра просимаго единовѣрцами мѣста подъ кладбище.

Л. 4. Московскаго Земскаго Суда засѣдатель Морисовъ, которому за болѣзнію Земскаго Исправника, въ слѣдствіе предписанія вашего Сіятельства, поручено было освидѣтельствовать просимое Старообрядческой веденской церкви старостою Московскимъ купцомъ Шелапутинымъ мѣсто для погребенія умирающихъ, репортомъ мнѣ доноситъ, что по свидѣтельству его оказалось оное подъ градскимъ выгономъ подлѣ самаго Старообрядческаго кладбища, и отведено быть можетъ на 60 саженъ въ длину и ширину. Другаго же удобнаго тутъ мѣста нѣтъ. О чемъ вашему Сіятельству на благоразсмотрѣніе имею честь представить.—Петръ Аршеневскій.

№ 458 февраля 13 дня 1802 года.

№ 100.

Предписаніе графа Салтыкова губернатору Аршеневскому отвести просимое единовѣрцами мѣсто подъ кладбище.

Л. 5. Поелику упоминаемое въ рапортѣ вашего Прев-ва ко мнѣ подъ № 458 назначаемое вами для погребенія умирающихъ старообрядцевъ къ церкви присоединившихся мѣсто какъ по представленному отъ васъ плану видно состоитъ отъ прежняго старообрядческаго кладбища отдѣленным, то на отведеніе онаго мѣста первымъ въ описанномъ вами пространствѣ я согласенъ коихъ и можете вы снабдить на употребленіе онаго надлежащимъ письмяннымъ видомъ.

27 февраля 1802 года, № 691.

№ 101[1]).

Прошеніе старосты единовѣрческой церкви купца Шелапутина графу Салтыкову объ отводѣ мѣста для погребенія умершихъ на Рогожскомъ кладбищѣ.

Сіятельнѣйшій Графъ! Милостивый Государь!

Не прихоть или какое пристрастіе, но самая необходимость заставила насъ утруждать ваше Сіятельство о слѣдующемъ дѣлѣ, въ которомъ, яко не до живыхъ людей относящемся, мы никакой выгоды имѣть не можемъ, а имянно: вашему Сіятельству извѣстно, что намѣреніе наше присоединиться къ святой церкви на представленныхъ отъ насъ условіяхъ какъ со стороны главнаго духовнаго начальства одобрено, такъ и Высочайшей Конфирмаціи удостоено, въ слѣдствіе чего мы имѣя какъ церковь, такъ и священнослужителей ея, и могли бъ щитать себя въ отправленіи духовныхъ обрядовъ свободными, и всѣми правами православныхъ пользующимися, но неименіе у насъ кладбища дѣлаетъ намъ важное затрудненіе, простиравшееся иногда до того, что умершіе, вопреки всѣмъ почти когда-либо бывшимъ слухамъ, перевозимы бывали съ мѣста на мѣсто и погребались послѣ многихъ ходатайствъ и продолженія времяни, ибо старообрядцы къ церкви неприсоединившіеся не допускали и не допускаютъ погребать умирающихъ изъ насъ на рогожскомъ ихъ кладбищѣ гдѣ предки тѣхъ умершихъ, во многихъ богатыхъ въ оное вкладахъ участіе имѣющіе, положены, хотя же по сей крайности и назначено намъ отъ Преосвященнѣйшаго Митрополита Московскаго на время мѣсто для погребенія въ Покровскомъ манастырѣ, что въ Таганской части, но тутъ встретилось другое не меньше важное затрудненіе, состоящее въ томъ, что въ монастырь сей всегда надобно давать немалой вкладъ, что для недостаточныхъ людей а особливо за умирающихъ младенцевъ крайне чувствительно а при томъ мы не можемъ отправлять тутъ безпрепятственно и съ покойнымъ духомъ должнаго по христіанскому закону по умершимъ надгробнаго поминовенія

[1]) №№ 101—104 заимствованы изъ Московскаго отдѣла Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора (Архива кабинета Его Имп. Величества), опис. 353, № 108 (безъ размѣтки по листамъ).

потому что въ тожъ время должны встрѣчатся съ монастырскими священнослужителями, дѣйствіе сіе надъ умершими не нашей старообрядческой церкви совершающими, сверхъ же того и погребеніе всѣхъ изъ нихъ умирающихъ вообще съ прочими христіанскаго закона людьми не нашей старообрядческой церкви, дѣлаетъ въ томъ монастырѣ не малое стѣсненіе, терпимымъ быть не могущее тѣмъ больше, что тотъ монастырь состоитъ внутри камеръ-коллежскаго вала, а какъ помянутое Рогожское старообрядческое кладбище состоитъ внѣ онаго, и обширность земли при немъ весьма пространна—такъ что можно собратій нашихъ погребать въ особомъ отъ прочихъ старообрядцовъ мѣстѣ, безъ всякаго съ ними сообщенія, отъ чего ни соблазна, которой-либо сторонѣ а тѣмъ паче каковыхъ-либо неудовольствій и сваръ быть не можетъ, по тому примѣру, какъ въ Санктъ Петербургѣ принявшіе церковь старообрядцы погребались на одномъ и томъ же кладбищѣ съ прочими старообрядцами, непринявшими церковь. Того ради ваше Сіятельство, яко Главнаго въ Столицѣ и губерніи Начальника, всенижайше просимъ принять все вышеписанное, со всею справедливостію нами доносимое, въ должное уваженіе, удостоить новое наше стадо высокимъ вашимъ покровительствомъ, и потому для ободренія живыхъ и успокоенія, что кости ихъ найдутъ для себя нужное и къ безпрепятственному поминовенію потомкамъ удобное мѣсто, повелѣть отвесть оное при показанномъ Рогожскомъ кладбище, гдѣ мы можемъ отдѣлиться особымъ заборомъ, удобнѣе коего мѣста и ближае мы не нашли и найти не можемъ, въ чемъ и здѣлать начальническое ваше кому должно предписаніе, и тѣмъ вывесть насъ изъ того унынія, въ которое мы погружены, не имѣя свободнаго мѣста для преданія землѣ праха нашего, тогда когда люди всѣхъ законовъ таковыми здѣсь безбѣдно снабдѣны и когда на томъ же самомъ Рогожскомъ старообрядческомъ кладбище погребаются нынѣ перекрещеванской секты, а намъ и противъ оныхъ не дано еще подобное право.

На подлинномъ подписано: старообрядческой веденской церькви староста Московской 1-й гильдіи купецъ Иванъ Алексѣевъ Шелапутинъ.

Верно. Г. Салтыковъ.

№ 102.

Жалоба старообрядцевъ Рогожскаго кладбища Вятскому губернатору Руничу по поводу отвода единовѣрцамъ мѣста для погребенія умершихъ вблизи Рогожскаго кладбища.

Объясненіе старообрядцовъ Московскаго что за Рогожскою заставою кладбища о нижеслѣдующемъ:

Первое: по просьбѣ нѣкоторыхъ отъ старообрядческаго согласія отшедшихъ и другихъ съ ними разномнѣнцовъ открыта въ здѣшнемъ столичномъ городѣ вновь для нихъ церковь во имя Въведенія Пресвятыя Богородицы, что за Салтыковымъ мостомъ которая купно съ теми испросившими ея, вошла якоже и протчія здесь въ Москвѣ единовѣрческія церкви подъ управленіе и начальство устроенныхъ духовныхъ правительствъ и особъ, а по сему самая справедливость требовала, что той вновь открывшейся церкви прихожане, бывъ уже съ людьми единовѣрческихъ церквей соединенцами и согласниками, должны вообщѣ со оными и имѣть для погребенія кладбище, или же возлѣ своея Введенскія церкви.

Второе: но сіи новооткрывшейся церкви прихожане, подстрекаемыя къ старообрядцамъ враждою, подали къ высокопреосвященнѣйшему Платону митрополиту Московскому прошеніе, которымъ описывая, что въ вознагражденіе данныхъ ими въ бытность ихъ въ прежнемъ отъ церкви не зависящемъ старообрядстве въ Московское Рогожское старообрядческое кладбище разныхъ вкладовъ ничего другаго они не желаютъ, какъ только позволенія при родителяхъ ихъ на одномъ Рогожскомъ кладбище хоронить тѣла ихъ сродниковъ, просили: чтобъ дано имъ было позволеніе естьли не при гробахъ ихъ предковъ, то въ отдаленіи на особомъ праздномъ имѣющемся мѣстѣ на томъ же кладбище имѣть отдѣленіе для погребенія, буде жъ какіе либо резоны воспрепятствуютъ имъ оное позволить, въ такомъ случаѣ дать имъ таковое же позволеніе хоронить тѣла усопшихъ при означенной ихъ въ введенской церкви въ пристойномъ мѣстѣ.— На каковое ихъ прошеніе послѣдовала его высокопреосвя-

щенства резолюція такова: „что лучше и благопристойнѣе имъ имѣть кладбище собственное свое, или возлѣ церкви, или по близости оныя". Почему Московская Духовная Консисторія объ отводѣ имъ въ сходственность сей высокопреосвященнѣйшаго резолюціи кладбища, въ Московское Губернское Правленіе и сообщила. Итакъ старообрядцы видѣвъ, что стремительное тѣхъ Ввѣденской церкви приходскихъ людей желаніе—„дабы на имѣющемся праздномъ мѣсте къ Рогожскому кладбищу прилежащемъ имѣть имъ особенное для погребенія отдѣленіе", резолюціею его высокопреосвященства отвергнуто, оставались въ желаемомъ спокойствіи и возсылали Всевышнему Владыкѣ усердныя мольбы въ тихомъ и уединенномъ своемъ прибѣжище, чѣмъ самымъ и навсегда наслаждаться старообрядцы имели несомнѣнную надежду, поелику тѣмъ новооткрывшей церкви прихожанамъ дано уже прежде отъ его высокопреосвященства позволеніе хоронить тѣла въ Покровскомъ монастырѣ, а къ тому и еще указано имъ было мѣсто для погребенія умирающихъ на Міусскомъ кладбищѣ, но изъ за всего того.—Третіе: сверхъ всякаго чаянія, нынѣ открылось, что оные Введенской церкви прихожане скрытнымъ отъ старообрядцовъ образомъ исходатайствовали себѣ и здѣшнимъ земскимъ судомъ отведено имъ къ погребенію мѣсто близъ самого старообрядческаго Рогожскаго кладбища подъ хлѣбопашествомъ казенныхъ деревни НовоАндроновки крестьянъ состоящѣе. мѣрою въ длину и ширину по шестидесятъ саженъ; и хотя всѣ оной деревни Андроновки крестьяне, находя себя таковымъ изъ селенія ихъ земли подъ погребеніе мертвыхъ отводомъ крайнѣ обиженными, представили общественной мирской приговоръ чрезъ старосту своего при прошеніи сего 1802 года 14 февраля въ Московское Губернское Правленіе, гдѣ они по протчемъ описывая, что сія ихъ лежащая подлѣ Рогожскаго кладбища отведенная земскимъ судомъ подъ погребеніе земля есть хлѣбопашенная, такъ какъ и нынѣ состоитъ засѣянною, слѣдственно съ одной стороны должны они теперь лишится ожидаемой отъ трудовъ ихъ пользы и впредь ея навсегда лишатся, а съ другой видя отъемлему изъ ихъ владѣнія такую часть земли, которая всѣхъ ихъ ободряла плодородіемъ своимъ къ бдительному обработыванію, легко можетъ привести ихъ въ уныніе свойственное человѣчеству. а затѣмъ въ ослабленіе отъ трудовъ

земледѣлія, и въ самую бѣдность, при чемъ они крестьяне ограждаясь Всемилостивѣйшимъ Его Императорскаго Величества манифестомъ относительно до земледѣльцовъ и поселянъ, въ прошломъ 1801 году апреля 2 дня изданнымъ, въ которомъ изображено: „что въ общемъ составѣ силы „государственной уважительно и всякаго одобренія достойно „званіе земледѣльцевъ и поселянъ, и что уваженіе къ ихъ „состоянію паче, нежели всѣ другіе виды заставили отверсть „всѣ источники торговли и поставить ее въ полномъ ея „теченіи, дабы пользы ея разливаясь на всѣ состоянія, „наипаче способствовали къ одобренію земледѣлія“, просили, чтобъ означенную ихъ землю отъ отводу подъ погребеніе мертвыхъ освободить, а дабы оказано имъ было по оной ихъ просьбѣ защищеніе, вслѣдъ затѣмъ, а имянно февраля 19-го, подана съ приложеніемъ въ копіи таковаго жъ мирскаго приговору просьба и Московскому Господину Губернскому Прокурору, яко по его вообще съ губернскими стряпчими должности во Всевысочайшемъ о губерніяхъ учрежденіи изображенной, ходатаю со стороны казенной, и долженствующему казенныя земли и права защищать; однакоже ничто изъ того не подѣйствовало, и крестьяне остались въ ихъ просьбѣ безъ всякаго удовлетворенія, ибо та ихъ хлѣбопашенная подъ погребалище мертвыхъ отведенная земля испросившими ея на сіе церковноприхожанами начата, и уже кончена обведеніемъ въ окружности вырытыхъ рвовъ и земляныхъ валовъ, которые безъ всякаго разрыву соединены къ самому старообрядческому Рогожскому кладбищу; каковое дѣйствіе для старообрядцевъ весьма обнаруживается притѣснительнымъ, потому что отдѣлившись отъ нихъ тѣ церковноприхожане навсегда согласіемъ сближаются нынѣ паки къ нимъ старообрядцамъ чрезъ показанное выдуманное посредство, или ради гнѣздящагося въ нихъ ничтожества предпріятаго ими единовѣрчества, или же къ сущему старообрядцовъ стѣсненію и явной враждѣ; но какъ и то и другое отвратить недопущеніемъ ихъ къ тому старообрядческому Рогожскому кладбищу, и темъ поставить между обѣими противными сторонами миръ и тишину, есть и будетъ дѣломъ спасительнымъ и полезнымъ, то отъ лица всего старообрядскаго общества попечители сего кладбища приносили его сіятельству господину генералъ фельдмаршалу начальствующему въ Москвѣ и разныхъ орденовъ

Кавалеру Графу Ивану Петровичу Салтыкову,—сначала словесное, а наконецъ въ мартѣ мѣсяцѣ и письменное прошеніе, сопровождаемое стономъ и слезами, да защититъ его сіятельство ихъ старообрядцовъ отъ приближающихся къ нимъ стѣснителей, и повелитъ учиненный отъ земскаго суда подъ погребеніе техъ приходскихъ веденской церкви людей отводъ земли уничтоживъ, опредѣлить имъ другое ради того мѣсто или возле ихъ церкви, или же на общественномъ и имъ единоверческомъ кладбище; но его сіятельство не принявъ подаваемаго старообрядцами прошенія, изволилъ объявить, что вышесказанная земля отведена по воле и приказанію его сіятельства, и *что сіе такъ угодно его сіятельству;* слѣдовательно симъ отверженіемъ просьбы старообрядцевъ и предостались они безъ защиты отъ начальства ими въ справедливости искомой.

Въ заключеніе всего предаютъ они старообрядцы вышеписанныя обстоятельства въ милостивое созерцаніе и къ прекращенію горькаго своего плача, рабски просятъ отдалить отъ ихъ старообрядческаго Рогожскаго кладбища сближающихся, или паче сказать старающихся втесниться къ нимъ, упоминаемыхъ церковноприходскихъ людей, отводомъ имъ подъ погребеніе другаго, вместо ныне назначеннаго мѣста, дабы старообрядцы в спокойномъ и безмятежномъ духе пребывать, и безпрепятственныя царю царствующихъ и Господу Господствующихъ мольбы возсылать могли.

Тайный Совѣтникъ Вятскій Гражданскій Губернаторъ
Павелъ Руничъ.

Москва 1802 года—10 апрѣля.

№ 103.

Всеподданнѣйшее донесеніе Вятскаго губернатора Павла Рунича по содержанію жалобы старообрядцевъ Рогожскаго кладбища.

Всемилостивѣйшій Государь!

Въ проездъ мой Москвы во Всемилостивѣйше ввѣренную мнѣ Вятскую губернію, дошло до свѣденія моего отъ жительствующихъ въ Москвѣ старообрядцовъ, что при спокойномъ ихъ отправленіи обрядовъ своего богослуженія, возникло для ихъ общества неудовольственное произше-

ствіе, о коемъ всеподданнѣйше повергаю къ Высокомонаршимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, поданную ко мнѣ записку, мною засвидѣтельствованную.

Всемилостивѣйшій Государь! Посвятивъ жизнь мою на вѣрноподданическое служеніе Вашему Императорскому Величеству, я не осмѣлился пренебречь дошедшее до свѣденія моего обстоятельство въ разсужденіи Московскихъ старообрядцовъ; ибо по давнѣму моему попеченію о дѣлахъ обитающихъ по Иргизу, Узенямъ и Уралу старообрядцевъ, весьма мнѣ извѣстно, что Московскіе жители сего исповѣданія такъ сказать: яко средоточіе цѣлаго ихъ общества, а потому ни по совести моей, ни по вѣрности къ службе Вашего Императорскаго Величества, не могу оставить сего случая въ Москвѣ происходящаго въ отводе новаго Кладбища безъ вниманія: но всеподданнѣйшимъ считаю долгомъ объ ономъ донести Вашему Императорскому Величеству.

Пріемлю всеподданнѣйшую смѣлость, согласно данной резолюціи Московскаго преосвященнаго митрополита Платона, въ сей запискѣ помѣщенной быть одного съ нимъ мнѣнія. Ибо по разсужденію о благоспокойствіи каждаго исповѣдующаго истиннымъ или заблуждающимся образомъ свою вѣру, по мнѣнію моему, есть то лучшее средство въ соблюденіи благоспокойствія общаго, чтобъ каждое исповѣданіе наслаждалось своими правами и выгодою, но отнюдь бы вѣсовъ правды не нагибало ни на ту ни на другую сторону

Повергнувъ сіе всеподданѣйшее донесеніе Высокомонаршему благоразсмотренію Вашего Императорскаго Величества, имѣю счастіе всеподданѣйше донести Всемилостивѣйшій Государь! что по сему происшествію въ Москвѣ, необходимостію поставилъ себѣ съ пути моего изъ Владиміра возвратится на три дни въ Москву; ибо въ проездъ чрезъ оную Московскія старообрядцы, объяснясь со мной словесно о безпокоющемъ ихъ дѣлѣ, неотступно требовали, дабы я принялъ отъ нихъ письменное объясненіе; удовлетворивъ ихъ желанію отправляюсь сего мѣсяца 11 числа во Всемилостивѣйше опредѣленную начальству моему Вятскую губернію.

Всемилостивѣйшій Государь! Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшій Павелъ Руничъ.

Москва. 1802 года апреля 10 дня.

№ 104.

Всеподданнѣйшій рапортъ Московскаго военнаго губернатора, графа Салтыкова о возвращеніи крестьянамъ деревни Новой Андроновки земли, отведенной подъ единовѣрческое кладбище, съ объясненіемъ законности дѣйствій въ отношеніи отвода мѣста для единовѣрческаго кладбища.

Приведя въ исполненіе всевысочайшее вашего Императорскаго Величества отъ 17 числа сего мѣсяца ко мнѣ послѣдовавшее повелѣніе, о возвращеніи отведенной прихожанамъ новоустроенной Веденской церкви, для погребенія умирающихъ изъ нихъ земли, въ прежнее деревни Новой Андроновки владѣніе, я однако не могу не объяснить Вашему Величеству истинную матерію дѣла сего, которое какъ я вижу, осмѣлился кто-нибудь довести до свѣдѣнія Вашего Величества въ инообразномъ несправедливомъ видѣ. Оно состоитъ въ слѣдующемъ.

Московская Духовная Консисторія сообщила здѣшнему Губенскому Правленію, а оное представило мнѣ, что Веденской церкви прихожанѣ просили Преосвященнаго Митрополита Платона чтобъ отвесть имъ мѣсто для погребенія на Старообрядческомъ, что за Рогожскою заставою, кладбищѣ, и что Митрополитъ далъ резолюцію, чтобъ Консисторія о томъ, дабы назначено имъ было особенное кладбище, куда надлежитъ сообщила: почему Правленіе и просило въ томъ моего разсмотрѣнія; коимъ я однако не поспѣшилъ, а желалъ узнать не будутъ ли они и прежнимъ положеніемъ довольны. Потомъ усмотря основательность резоновъ въ поданномъ мнѣ сказанной Церкви отъ старосты прошеніи изъясненныхъ съ коего для ближайшаго Вашему Величеству усмотрѣнія подношу при семъ копію—предписалъ я гражданскому Губернатору освидѣтельствовать просимое ими мѣсто, и съ объясненіемъ можетъ ли оно имъ отведено быть безъ стѣсненія тому Старообрядческому кладбищу и не настоитъ-ли въ удовлетвореніи ихъ другаго какого препятствія, а равно нѣтъ-ли по близости Москвы другаго для погребенія ихъ удобнаго мѣста, представить ко

мнѣ. На сіе получилъ отъ него рапортъ, что то просимое ими подлѣ Старообрядческаго кладбища мѣсто, состоитъ подъ городскимъ выгономъ и отведено быть можетъ на 60 саженъ въ длину и ширину; другаго же удобнаго мѣста тутъ нѣтъ. Почему разсмотрѣвъ представленный отъ него планъ и видя что то мѣсто отъ прежняго старообрядческаго кладбища отдѣлено, на отведеніе его въ вышеписанномъ пространствѣ, далъ мое согласіе; въ слѣдствіе чего оное имъ отведено, а не самимъ Земскимъ судомъ, и на выгонной празднолежащей а не на хлѣбопашенной деревни Андроновки землѣ.—Что принадлежитъ до церковной тишины и спокойствія, обстоятельство сіе я никогда не упускалъ изъ вида, отводъ-же сего мѣста не почиталъ противнымъ мнѣнію преосвященнаго Митрополита, которой такъ благорасположенъ къ новоприсоединившимся, что требовалъ отъ меня приказанія, чтобъ Старообрядцы имѣющуюся у нихъ на кладбищѣ часовню отдали имъ для церкви: отъ исполненія чего я однако отозвался. Равнымъ образомъ не смотря на то, что на ономъ Старообрядческомъ кладбищѣ погребаются Старообрядцы другой Секты, безпоповщиною называемой, не позволилъ новообращеннымъ имѣть ровное съ ними въ томъ участіе, но съ другой стороны считалъ справедливымъ чтобъ и они Новоприсоединившіеся къ церкви получили со стороны правительства въ толь необходимомъ, но въ прочемъ весьма не интересномъ дѣлѣ,нѣкоторое снисхожденіе, могущее и ихъ удовлетворить и ту тишину сохранить; потому что Старообрядческое кладбище, состоящее точно на такой же выгонной землѣ, окопано особымъ земляным валомъ, и находясь отъ новаго своимъ заборомъ обгороженнаго бы, саженъ на десять отдѣленнымъ, не имѣетъ неминуемаго взаимнаго сообщенія. Сверхъ сего я не былъ не свѣдущь и о тѣхъ предразсудкахъ, коими заражены нѣкоторые изъ нихъ, а особливо женщины, разлученіе ихъ съ тѣлами предковъ своихъ до того уважающіе, что они почти готовы оставить новое свое къ церкви обращеніе, не упоминая о необратившихся еще, тому новому сословію присоединиться за симъ тѣмъ болѣе удерживающихся.— Сблизивъ ихъ такимъ образомъ, я надѣялся, что послѣдніе увидя обряды первыхъ отъ ихъ ничѣмъ неразнствующіе, тѣмъ скорѣе пожелаютъ къ нимъ присоединиться, въ чемъ по возможности способствовать считалъ за полезное. Міюсское же кладбище,

назначенное помянутымъ прихожанамъ, сообразно тогдашнимъ обстоятельствамъ, когда Старообрядцы введеніемъ въ молитвословіе ихъ Синодской формы, были въ совершенномъ унынiи, по великой отдаленности отъ домовъ ихъ, кои состоятъ большею частію въ Покровской части,—оказалось для нихъ весьма неудобнымъ: за чѣмъ самымъ отъ Преосвященнаго Митрополита и назначенъ имъ былъ для погребенія на время Покровской монастырь. Но какъ оный состоитъ внутри Камеръ-Коллежскаго вала, и безъ того занятъ многими тѣлами, хотя кладутся въ немъ одни зажиточные люди; при погребенiи же новоприсоединившихся всякаго состоянія, число могилъ въ немъ до того умножилось бы, чтобъ можно было ощущать дурной запахъ и испаренiи отъ земли происходящія; то я по праву начальства моего счелъ за нужное оный отъ таковой тѣсноты нѣсколько освободить.

Надѣясь, что Ваше Величество усмотря существенныя причины, коими я въ семъ случаѣ руководствовался, изволите сознать, что то дошедшее до Вашего Величества свѣденіе основано на намѣренiяхъ какую-либо личность и родъ особой выслуги, а не общую пользу, взаимное по службѣ вспомоществованіе и сохраненіе спокойствія имѣющихъ. Неоднократные милостивые отзывы и увѣренiи, кои я имѣлъ счастіе получать, изъявляющія, какую Ваше В-во изволите имѣть ко мнѣ довѣренность и мнѣніе о безпристрастіи и прямодушiи моемъ, удерживаютъ меня о томъ еще удостовѣрять; усердіе же и преданность къ Вашему В-ву убѣждаютъ всеподданнѣйше просить, не благоугодноли будетъ противъ подобныхъ до управленія моего относящихся свѣденій, требовать отъ меня предварительныхъ объясненій; ибо иначе я всегда буду подвергаться тому худому мнѣнію, которое оныя нечувствительно навлекаютъ. Когда же Ваше Величество одно съ другимъ сообразить изволите, тогда всякое поправленіе распоряженій моихъ будетъ для меня пріятно, яко воля Государя правосуднаго и милостиваго, которую я всегда чту священнѣйшимъ закономъ.

Г. Салтыковъ.

Апрѣля 24 дня 1802 года. Москва. № 1548.

№ 105[1]).

Прошеніе старосты единовѣрческой церкви Шелапутина графу Салтыкову объ отводѣ мѣста для единовѣрческаго кладбища неподалеку отъ Введенской единовѣрческой церкви.

Л. 15. Въ слѣдствіе высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія и предписанія вашего Сіятельства отъ Московскаго земскаго исправника объявлено намъ чтобъ мы въ разсужденіи потребнаго для погребенія умирающихъ изъ насъ мѣста слѣдовали рѣшенію данному на наше прошеніе отъ преосвященнѣйшаго Платона Митрополита Московскаго. А какъ тѣмъ рѣшеніемъ Его Высокопреосвященства предписано сими словами: лучше и благопристойнѣе намъ имѣть кладбище собственное свое или возле церкви или по близости оныя, то мы по случаю недозволенія погребатся на отведенномъ намъ близъ рогожскаго старообрядческаго кладбища мѣстѣ и по необходимой въ томъ надобности не находимъ другаго удобнѣйшаго мѣста какъ подле той вѣденской что в рогожской части нами особо устроенной церкви где мѣсто обширное не окружаемое ни-
Об. 15. какимъ жильемъ и по близости къ самому камеръ-коллѣжскому валу что усмотреть ясно благоволите изъ приложеннаго при семъ съ онаго церковнаго мѣста снятаго плана.

Того ради ваше Сіятельство покорнѣйше просимъ по содержанію высочайшаго Его Императорскаго Вѣличества повеленія и резолюціи Его Высокопреосвященства позволить намъ погребать умирающихъ на означенномъ подлѣ церкви нашей мѣстѣ на что и снабдить насъ надлежащимъ письменнымъ видомъ.

К сему прошенію вѣденской старообрядческой церкви староста Московской 1-ой гильдіи купецъ Иванъ Алексеевъ сынъ Шелапутинъ (руку приложилъ.)

Маия 15 дня 1802 года.

---

[1]) №№ 105—106 заимствованы изъ Московскаго губернскаго Архива, дѣла 1802 г. февраля 6, опис. т. III, № 181366.

№ 106.

Рапортъ Московской управы благочинія военному губернатору, гр. Салтыкову объ освидѣтельствованіи мѣстъ для единовѣрческаго кладбища: а) неподалеку отъ Введенской единовѣрческой церкви и в) внутри двора единовѣрческой церкви.

Л. 17. При предложеніи вашего Сіятельства минувшаго Маия отъ 20 дня за № 1891-м препровожденъ представленной къ вашему Сіятельству при прошеніи отъ прихожанъ введенской церькви планъ просимой ими под кладбище порожней землѣ подъ № 10 на оном̈ъ означенной, с темъ чтобъ Управа спя сверила чрезъ кого следуетъ с самымъ местоположеніемъ и съ объясненіемъ какого именно роду та земля а равно нет— ли какихъ-либо препятствій к заведенію на ней кладбища возвратила оной к вашему Сіятельству; почему вследствие учиненной в сей Управѣ резолюціи означенное просимое местоположеніе повѣрить с планомъ препоручено было надзирателю над строеніями и квартирами надворному Советнику Петровскому, которой рапортомъ Управе донесъ, что означенной планъ въ натуре имъ при частномъ приставѣ и архитекторе поверенъ и просимое реченными прихожанами под кладбище земля что на планѣ подъ № 10-м свидѣтельствована которая по выправкамъ 3 делами в чертежной оказалась казенная и прошлаго 1797 года по апробованному плану бывшимъ начальствующимъ в
Об. 17. Москвѣ княземъ Юріемъ Владимеровичемъ Долгоруковымъ назначена была под строеніе въ отдачу жалающимъ; а потомъ въ 798 году вашимъ Сіятельствомъ то назначение отменено и показанная земля оставлена для учения Московскаго гарнизоннаго полка, котораго однакоже на ней не бываетъ. Какъ же вышеупомянутые прихожане веденской церькви в отдачу под кладбище землю просятъ не всю означенную под 10 цифромъ а толко некоторую часть имянно прилежащую къ камеръ-коллежскому валу длиннику и поперечнику по шестидесяти саженъ, то посему к отдаче оной препятствия и не предвидится, объясняя при томъ, что по осмотру его нашлось для таковаго же кладбища весьма удобное место внутри двора веденской церкви

означеннаго на планѣ подъ № 1-м, которое показано подъ литерою „Р“ в длину и ширину более тридцати саженъ, и оное отъ дворовъ какъ по 1 4 и 5 цыфрами отделяется оврагомъ и вокругъ обросшее довольной величины деревьями такъ что со всехъ проездовъ закрыто и удалено отъ жилыхъ строеній, а притомъ и земля просителей собственная; и они желаютъ обратить ее на то употребленіе; Сверхъ же того предъявлена от нихъ резолюція Преосвященнаго Митрополита Платона последовавшая на ихъ прошение, что находитъ онъ гораздо удобнѣе иметь кладбище возле церкви или по близости оной; о чемъ вашему Сіятельству Управа благочинія симъ рапортуетъ, а помянутой планъ представляетъ при семъ.

Филиппъ Романовъ.

Экспедиторъ Кузьминъ.

№ 4904 Іюня 3 дня 1802 года.

№ 107.

Всеподданнѣйшее донесеніе графа Салтыкова о намѣченныхъ мѣстахъ для единовѣрческаго кладбища: а) неподалеку отъ единовѣрческой церкви и в) внутри двора той же церкви.

Прихожане новоустроенной въ Москвѣ Введенской церкви, подъ названіемъ обратившихся Старообрядцевъ извѣстные, по объявленіи имъ въ слѣдствіе высочайшаго вашего И-го в-ва отъ 17 числа Апрѣля сего года ко мнѣ послѣдовавшаго повелѣнія, чтобъ они въ разсужденіи кладбища для погребенія умирающихъ изъ нихъ слѣдовали рѣшенію, данному на ихъ прошеніе отъ преосвященнаго Митрополита Московскаго Платона, вошли ко мнѣ съ просьбою коею показывая, что тою Преосвященнаго Митрополита резолюціею заключено: „Лучше и благопристойнѣе имѣть имъ кладбище собственное свое или возлѣ церкви или по близости оной, а они не находятъ къ тому другаго удобнѣйшаго мѣста, какъ подлѣ той Введенской ихъ церкви гдѣ мѣсто обширно не окружаемое никакимъ жильемъ и по близости къ самому Камеръ-Коллежскому валу,—просили объ отводѣ имъ онаго мѣста, моего позволенія. Имѣя у

себя въ виду, что помянутая резолюція подлинно вышеприписаннаго содержанія, приказалъ я Управѣ Благочинія то просимое мѣсто освидѣтельствовать, и получилъ рапортъ, что при показанномъ кладбищѣ состоятъ два мѣста, одно пустопорожнее обширное никому не принадлежащее, прилегающее къ самому Камеръ-Коллежскому валу и такъ называемой проломной заставѣ, а другое собственное просителей внутри двора той Введенской церкви, хотя на выѣздѣ изъ Москвы, но въ Камеръ-Коллежскомъ валѣ состоящее, отдѣляющееся отъ жилья оврагомъ и обросшее во кругъ довольной величины деревьями, такъ что со всѣхъ проѣздовъ закрыто и удалено отъ жилыхъ строеній: Почему Управа и признаетъ сіе мѣсто для кладбища удобнымъ и отводъ онаго съ резолюціею Митрополита сходнымъ.—Отведя имъ сіе мѣсто, я хотя и поступилъ бы согласно вышеупомянутому высочайшему вашего в-ва повелѣнію; но какъ здѣшнія народныя кладбища по силѣ высочайшаго Имянного указа, даннаго 1770 года Марта 25 покойному Генералъ Фельдмаршалу Графу Салтыкову, состоятъ внѣ Москвы за Камеръ Коллежскимъ валомъ, а внутри онаго погребаются умирающіе, въ однихъ только монастыряхъ: Донскомъ, Спасоандроніевѣ, Даниловѣ и Новодѣвичьемъ; то не рѣшась просьбу тѣхъ прихожанъ удовлетворить безъ предварительнаго о семъ донесенія вашему величеству и испрошенія высочайшаго соизволенія, осмѣлился о томъ симъ всеподданѣйше представить и ожидать повелѣнія[1]).

Г. Салтыковъ.

Іюня 23 дня 1802 г. Москва. № 2288.

№ 108[2]).

Рапортъ московскаго земскаго исправника московскому гражданскому губернатору о новыхъ мѣстахъ для единовѣрческаго кладбища.

Л. 24. По ордеру вашего Превосходительства прошедшаго іюля отъ 13 числа объявленному новоустроенной введен-

[1]) Архивъ Кабинета Его И-го В-ва въ Московскомъ отдѣлѣ Общаго Архива Министерства И-го Двора, опис. 353, № 108 (безъ размѣтки по листамъ).

[2]) №№ 108—114 заимствованы изъ Московскаго губернскаго Архива, дѣла 1802 г. февр. 6, оп. т. III, № 181366.

ской старообрядческой церкви прихожанамъ, избрано ими под кладбище для умирающихъ место состоящее въ дачахъ экономическаго вѣдомства деревни Андроновки, ехавши отъ Москвы в правой стороне позади крестьянскихъ дворовъ разстояніемъ отъ оныхъ не болѣе четверти версты противъ старообрядческаго жъ рогожскаго кладбища с темъ, что ежели означенныя крестьяне отдать имъ подъ кладбище сего места согласны не будутъ то взаменъ оного назначили еще другое в левой стороне той же деревАндроновки близъ называемой гофъ интендантской рощи мерою в длину и ширину по сту саженъ, а какъ оба те места по освидѣтельству моему оказались на пахатной земле засѣваемой хлебомъ и овощемъ, которая хотя и назначена под Московской гражданской выгонъ, но за неутвержденіемъ еще онаго пользуются той землею помянутыя андроновския крестьяне и із числа ее немалое количество отдаютъ в наемъ сторонним людямъ а ко отдаче подъ показанное кладбище добровольно не соглашаются, другихъ же удобныхъ для того кладбища состоящихъ по близости предписанной введенской церкви казенныхъ пустопорожнихъ местъ не имѣется, о чемъ вашему Превосходительству представляю на благоразсмотрение и спрашиваю повелѣния.

(Подпись не разобрана).

№ 158. Августа 28 дня 1802 года.

№ 109.

Рапортъ губернатора Аршеневскаго графу Салтыкову о вновь избранныхъ единовѣрцами мѣстахъ для своего кладбища.

Л. 23. Московской земской Исправникъ представляетъ мнѣ, что прихожанѣ новоустроенной старообрядческой введенской церкви по поводу объявленнаго имъ предписанія вашего Сіятельства сообщеннаго мнѣ отъ 13-го іюля подъ № 2564, избрали для кладбища мѣсто въ дачахъ деревни Андроновки противъ старообрядческаго жъ Рогожскаго кладбища, а есть ли Андроновскіе крестьяне отдать онаго не согласятся, на такой случаї назначаютъ еще другое въ лѣвой сторонѣ той же деревни Андроновки близь называе-

мой Гофъ-Интендантской рощи мѣрою въ длину и ширину по сту саженъ. Для лучшаго усмотрѣнія представляя при семъ оригиналомъ репортъ Земскаго Исправника, предаю дѣло сіе собственному благоусмотрѣнію вашего Сіятельства осмѣливаясь съ моей стороны присовокупить, что несогласіе Андроновскихъ крестьянъ на уступку избираемаго прихожанами веден-
Об. 23. ской церкви мѣста сколько я примѣтилъ есть дѣйствіе одного только недоброжелательства къ нимъ прихожанъ старообрядческаго Рогожскаго кладбища, ибо таковое малое количество земли не только для цѣлой деревни, но и для одного двора ни мало не важно, а тѣмъ больше, что они безъ сумненія дадутъ имъ за оное плату.

Петръ Аршеневскій.

№ 2572. Сентября 1 дня 1802 года.

№ 110.

Представленіе Московскаго губернскаго правленія военному губернатору, гр. Салтыкову относительно мѣста для единовѣрческаго кладбища по правую сторону Б. Владимірской дороги или по лѣвую сторону той же дороги, вблизи Гофъ-Интендантской рощи.

Л. 26—29. Сему Правленію докладывано, что прошлаго 1801 года ноября 7 дня въ сообщеніи Московская духовная Консисторія и т. д. (излагается кратко то, что составляетъ содержаніе предшествующихъ №№, начиная съ 97 и оканчивая приведеннымъ въ самомъ изслѣдованіи, стр. 442, предписаніемъ графа Салтыкова гражданскому губернатору отъ 9 сентября 1802 г. за № 2876, разрѣшающимъ отвести единовѣрцамъ для кладбища одно изъ избранныхъ ими мѣстъ). Что же по сему (т. е послѣднему распоряженію графа) зделано будетъ о томъ Правленіе имѣетъ дать вашему Сіятельству знать для донесенія Его Императорскому величеству,—въ слѣдствіе чего онъ Г-нъ Гражданскій Губернаторъ даннымъ сему Правленію 16 сентября предложеніемъ рекомендовалъ, по учиненіи надлежащей гдѣ слѣдуетъ справки точно ли оная земля принадлежитъ къ выгонной, просителей удовлетворить. А по опредѣленію Правленія на посланной къ губернскому землемеру указъ донесено отъ него,

что просимыя мѣста для кладбища Веденской церкви также и деревня Андроновка состоитъ на городской выгонной земле которая взята изъ дачъ села Карачарова.—А посему Правленіе поручило Земскому суду и землѣмеру учинить изслѣдованіе: которое для прихожанъ веденской церкви мѣсто выгоднее и приличнѣе къ отводу кладбища объ ономъ до-
Об. 29. несть съ объясненіемъ, что прихожане согласны за отводимое мѣсто андроновскимъ крестьянамъ заменить платою денегъ, на сіе предписаніе рапортомъ земской судъ 3-го декабря истекшаго года донесъ: староста дѣ веденской церкви купецъ Шелапутинъ подпискою объявилъ: ежели не просимыхъ мѣстъ отведено будетъ напротивъ рогожскаго кладбища, то общество ихъ андроновскимъ крестьянамъ заплатить обязуется единовременно сто рублей, а притомъ прописывая поданное деревни Андроновки крестьянъ объявленіе, что на число въ ихъ селеніи обитающихъ душъ въ земле есть недостатокъ, и что просимыя прихожанами мѣста на городской выгонной земле не состоятъ сіе видно изъ опредѣленія бывшей Коллегіи Экономіи въ 1770 году маія 6 дня учиненнаго, ибо деревня ихъ населена на земле Андроньева монастыря отмежеванной къ селу Карачарову, ко-
Л. 30. торое отъ выгонной земли значитъ особо а потомъ по имянному высочайшему указу данному тої Коллегіи 23 сентября 1771 года окружена рвомъ да и вся имѣющаяся у карачаровскихъ и у нихъ андроновскихъ крестьянъ земля между ими разделена Московской Казенной Палаты рѣшеніемъ, коего о приведеніи во исполненіе отъ сего Правленія 790 года въ іюле месяце отправлены были земской исправникъ и землемеръ, а при томъ когда селеніе безъ спорно за ними отмежевано, имѣются на то межевыя книги и планы, которыя во время состоянія деревни ихъ въ командорствѣ графа Николая Александровича Зубова отобраны имъ и состоятъ въ здешней казенной Палатѣ и сіе обстоятельство оной земской судъ представилъ на разсмотреніе правленія,—а по таковому рапорту посланнымъ въ тотъ судъ отъ 17 числа истекшаго Генваря указомъ велѣно учиня прежде повеленное изъслѣдованіе правленію донесть конечно чрезъ три дни. Ныне же Казенная Палата на требованіе правленія отвѣт-
Об. 30. ствуетъ по справкѣ дѣ во всѣхъ оной палаты экспедиціяхъ протоколѣ и архивѣ на означенную деревню Андроновку плана и межевыхъ книгъ равно въ производствѣ

дѣлъ о разделеніи между села Карачарова и андроновскихъ крестьянъ земель по принадлежности ее къ городскому выгону не оказалось. По коему учиненнымъ в семъ правленіи опредѣленіемъ заключено: хотя означенныя деревни Андроновки крестьяне даннымъ земскому суду объявленіемъ и показываютъ, что просимое подъ кладбищѣ Старообрядческой Веденской церкви прихожанами мѣсто состоитъ не на городской выгонной землѣ, сьсылаясь притомъ на опредѣленіе бывшей Коллегіи Экономіи еще въ 1770 году учиненное, и что они крестьяне на число въ ихъ селеніи обитающихъ душъ въ земле имѣютъ недостатокъ, но какъ губернскій землѣмеръ и земской исправникъ рапортами сіе правленіе удостоверяютъ что просимое тѣми прихожанами мѣсто находится на назначенной под московской городской
Л. 31. выгонъ землѣ, и притомъ изъ нихъ послѣдней доноситъ что реченные крестьяне изъ числа находящихся при деревнѣ ихъ андроновкѣ земель немалое количество отдаютъ внаемъ стороннимъ людямъ; другихъ же удобныхъ для того кладбища по близости къ церкви казенныхъ и пустопорожнихъ мѣстъ нѣ имѣится. По каковымъ обстоятельствамъ Губернское Правленіе усматриваетъ не иное что какъ только недоброжелательство ихъ крестьянъ къ тѣмъ прихожанамъ, поелику требуемое ими количество земли есть малейшее и никакой разстройки для той деревни не составляющее, а притомъ по уверенію землѣмера принадлежащее къ городскому выгону, а въ разсужденіи сего по настоятельной прозбѣ и неминуемой нужды въ землѣ упоминаемымъ Веденской церкви прихожанамъ къ погребенію умершихъ тѣлъ на основаніи указа 1770 года 25 марта отвесть имъ требуемое преждѣ сего число земли и имянно шездесятъ погонныхъ саженъ длинника и поперечника, каковаго количества на первый случай можетъ быть довольно,
Об. 31. будежъ бы андроновскія крестьяне и дѣйствительно доказали принадлежность имъ той земли, то въ такомъ случаѣ въ заменъ оной могутъ быть удовлетворены прирескою въ даче ихъ ровнаго количества изъ прикосновенной городской выгонной земли въ другомъ мѣстѣ, ко исполненію чего Губернскому землѣмеру и земскому суду предписать указами и велѣть по исполненіи правленію немедленно рапортовать о чемъ и вашему Сіятельству донести, послѣ чего предложеніемъ Московскій губернскій прокуроръ и

кавалеръ прописывая: что разсматривая журналъ сего правленія генваря 22 дня учиненной объ отводѣ старообрядческой веденской церкви прихожанамъ под кладбище мѣста и соображая оной з деломъ по сему предмету имѣющимся долгомъ поставляетъ Губернскому Правленію почтеннѣйше предложить слѣдующѣе первое, когда на предписаніе ва-
Л. 32. шего Сіятельства отъ Его Превосходительства Г-на Гражданскаго Губернатора и кавалера съ донесенія земскаго исправника представлено было что означенными веденской церкви прихожанами избраны для кладбища мѣста въ дачахъ экономическаго вѣдомства деревни Андроновки состоящіе то на сіе отъ вашего Сіятельства предписано, ежели те мѣста деревни Андроновки крестьянамъ точно не принадлѣжатъ, а суть изъ числа земель городской выгонъ составляющихъ въ такомъ случаѣ одно изъ нихъ, которое удобнѣе окажется, посредствомъ Губернскаго Правленія тѣмъ прихожанамъ отвесть. Въ слѣдствіе чего и гражданскій Господинъ Губернаторъ и кавалеръ Губернскому Правленію предлагалъ по учиненіи надлежащихъ гдѣ слѣдуетъ опросимой оными прихожанами для кладбища земле справ-
Об. 32. ки, точно-ли она принадлежитъ къ выгонной просителей надлежащимъ образомъ удовлетворить, слѣдственно сіи начальственныя предписаніи и долженствовало выполнить произведеніемъ выправокъ которыя бъ напсовершеннѣйше утверждали о той землѣ, кому она принадлежательна крестьянамъ-ли или къ выгонной, и сіе узнаніе тѣмъ нужнѣе, что хотя объ нѣй и есть отъ Губернскаго землемера и земскаго исправника донесеніи, но оныя между собою не есть согласны, а разнообразны, ибо первой пишетъ, что просимыя подъ кладбище места состоятъ на градской выгонной землѣ, а послѣдней удостовѣряетъ что по свидѣтельству его оказались на пахатной земле засеваемой хлѣбомъ и овощемъ, которая хотя и назначена подъ Московской городской выгонъ но онаго еще не утверждено, напротивъ же всего того изъ донесенія земскаго суда въ Губернское
Л. 33. Правленіе поступившаго видно, что андроновскія крестьяне о принадлежности имъ тѣхъ мѣстъ и что они на градской выгонной землѣ не состоятъ, съсылаются на межевыя книги с планами, и на послѣдовавшее въ Московской Казенной Палатѣ решеніе, равно и на бывшее по оному въ сѣмъ Правленіи 1790 года въ іюлѣ месяцѣ производство однако о

семъ послѣднемъ никакой выправки не зделано, а хотя въ упоминаемомъ журналѣ и въключено на требованіе Правленія отъ Казенной Палаты за скрепою секретарскою отвѣтствіе на оное можетъ-ли имѣть вероятность за силою указа 1776 году марта 31 дня предполагающаго, что никакая исходящая ис присутственнаго мѣста без доклада членамъ вытти не можетъ, сіе предаетъ онъ благоразсмотрѣнію Губернскаго Правленія; Второе. Поелику прихожанами веденской церкви избраны подъ кладбище въ дачахъ деревни
Об. 33 Андроновки два мѣста одно ехавши отъ Москвы въ правой сторонѣ противъ старообрядческаго Рогожскаго кладбища, а будѣ онаго крестьяне не согласятся отдать, то взаменъ его другое въ левой стороне близь называемой Гофъ-Интендантской рощи, но Губернское Правленіе опредѣля отвесть тѣмъ прихожанамъ земли длинника и поперешника по шестидесяти саженъ, не объяснило в журналѣ точности которое имянно мѣсто изъ числа тѣхъ двух к отводу назначается; и наконецъ третіе въ журналѣ томъ сказано, что будебы андроновскія крестьяне и дѣйствительно доказали принадлежность имъ той земли въ такомъ случаѣ въ замѣнъ оной могутъ быть удовлетворены прирескою къ дачѣ ихъ равнаго количества изъ прикосновенной городской выгонной земли въ другомъ мѣсте, то по какимъ-бы законнымъ притчинамъ сію полагаемую Правленіемъ къ
Л. 34. удовлетворенію крестьянъ вмѣсто ихъ выгонную землю а также изъ числа изъясненныхъ въ донесеніи земскаго суда крестьянами способныхъ подъ кладбищѣ трехъ мѣстъ котораго либо для онаго отвесть прихожанамъ нельзя было, об ономъ правленіе в разсмотреніе входить ещѣ не благоволило, то по всѣмъ вышеписаннымъ резонамъ къ скорейшему и точному начальственныхъ предписаній выполненію Губернскому Правленію предложилъ причемъ и упоминаемой журналъ возвратилъ *определено*: съ изъясненіемъ учиненнаго въ семъ правленіи об отводѣ подъ кладбищѣ для прихожанъ Старообрядческой Веденской церкви земли опредѣленія, и поданнаго на оное отъ Господина Губернскаго прокурора предложенія представить к вашему Сіятельству съ таковымъ донесеніемъ что правленіе определило отъвѣсть подъ кладбищѣ землю по уверенію землѣмера о принадлежности оной къ Городскому выгону безъ
Об. 34. дальнѣйшихъ выправокъ споспешествуя скорейшему вы-

полненію предписанія вашего Сіятельства и по необходимой в нѣй надобности для общества не терпящей времяни и дальнѣйшаго отлагательства, потому приличію и удобности, что оная земля имѣетъ положеніе свое вблизости Старообрядческаго кладбища изъдавна существующаго внутри поля андроновскими крестьянами обработываемаго, и слѣдственно одного вѣдомства съ назначенною правленіемъ къ отводу подъ кладбищѣ землею предположа притомъ въ заменъ оной въ прирѣску изъ городскаго выгона въ другомъ мѣстѣ равнаго количества, и наконецъ потому, что кромѣ оной къ отводу вблизости к помянутой церкви другихъ мѣстъ не состоитъ, вразсужденіи чего и испрашивать отъ вашего Сіятельства разрешенія приступить ли къ отводу земли по означенному сего правленія опредѣленію или приостановя оное выполнить по предложенію Господина Губернскаго Прокурора.

Совѣтникъ Яковлевъ.

Столоначальникъ Смирновъ.

За секретаря экспедиторъ Золотухинъ.

№ 5651 февраля 6 дня 1803 года.

№ 111.

Представленіе Московскаго губернскаго правленія военному губернатору, графу Салтыкову объ отводѣ единовѣрцамъ подъ кладбище мѣста вблизи Гофъ-интендантской рощи, съ выдачею плана на него и съ доставленіемъ къ дѣлу копіи съ плана.

Л. 37. Рапортомъ Московскій земскій судъ на указъ сего Правленія послѣдовавшей по предложенію Вашего Сіятельства, денесъ, что прихожанамъ новоустроенной здѣсь въ веденской церкви под кладбищѣ изъ дачь, владѣемыхъ ныне деревни Андроновки крестьянами, мѣсто, лежащее въ левой сторонѣ владимірской дороги близь называемой Гофъ-Интендантской рощи шездѣсятъ саженъ длиннику и поперешнику, земскимъ исправникомъ общѣ съ губернскимъ землемеромъ Жилинымъ отведено и указъ сего правленія Андроновскимъ крестьянамъ объявленъ съ подпискою; Губернской же землемеръ Жилинъ на требова-

ніе того суда сообщеніемъ увѣдомилъ, что на оное кладоб. 37. бищѣ прихожанамъ той церкви и планъ выданъ; А по справке в правленіи оказалось, что объ отводѣ вышеписаннаго подъ кладбищѣ къ въведенской церкви мѣста общѣ съ означеннымъ землемеромъ на натурѣ съ дачею прихожанамъ плана, Московскому земскому суду предписаніе было, с темъ чтобъ представлена была съ того плана въ сіе правленіе къ дѣлу копія, но оной в представленіи не имѣется, и для того опредѣлено: о вышеписанномъ Земскаго Суда донесеніи вашему Сіятельству представить, а о немедленномъ доставленіи съ выданнаго плана для сведенія къ дѣлу копіи Губернскому землемеру предписано указомъ.

Совѣтникъ Яковлевъ.
Секретарь Мартовъ.
Столоначальникъ Смирновъ.

Іюня 18 дня 1803 года № 29855.

№ 112.

Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея къ Московскому военному губернатору, графу Салтыкову съ приложеніемъ жалобы крестьянъ деревни Новой Андроновки на незаконность отвода земли изъ ихъ дачъ подъ единовѣрческое кладбище.

Милостивый Государь! Графъ Иванъ Петровичъ!

Л. 40. Вятскій Гражданскій Губернаторъ въ слѣдствіе высочайшихъ повелѣній, коими всѣ дѣла до старообрядцевъ относящіяся ввѣрены его попеченію, представилъ сюда жалобу дошедшую къ нему отъ крестьянъ Московской Карачаровской волости деревни ново-андроновки на притѣсненія причиняемыя имъ со стороны прихожанъ вновь открывшейся въ Москвѣ веденской старообрядческой церкви. Крестьяне сіи жалуются, что хотя высочайшимъ указомъ 17 апрѣля 1802 года повелѣно было отведенную земскимъ судомъ изъ ихъ дачъ землю для кладбища прихожанъ веденской церкви возвратить въ прежнее ихъ владѣніе, предоставя веденскимъ старообрядцамъ имѣть погребеніе мертвыхъ въ Покровскомъ монастырѣ или на Міусскомъ кладбищѣ, какъ о томъ сдѣлано было распоряженіе духовнымъ правитель-

Об. 40. ствомъ, но Губернское Правленіе съ утвержденія вашего Сіятельства назначило паки кладбище на 60 саженяхъ на ихъ же землѣ, отъ коей они единственное имѣютъ себѣ пропитаніе и содержаніе.

Препровождая присемъ къ вашему сіятельству въ спискѣ жалобу означенныхъ ново-андроновскихъ крестьянъ, я покорнѣйше прошу Васъ Милостивый Государь, увѣдомить меня, по какимъ уваженіямъ Губернское начальство поступило въ семъ случаѣ вопреки помянутаго высочайшаго указа?

Съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностію честь имѣю быть вашего Сіятельства всепокорный слуга графъ В. Кочубей.

№ 3934. С. П.-бургъ. Августа 13 дня 1803.

Л. 41. *Объясненіе казенныхъ Московской Карачаровской волости деревни Новоандроновки крестьянъ о нижеслѣдующемъ.*

Первое. По прозьбѣ нѣкоторыхъ отъ старообрядческаго согласія отшедшихъ и другихъ съ ними разномненцовъ, открыта въ здѣшнемъ столичномъ городѣ вновь для нихъ церковь во имя введенія Пресвятыя Богородицы, что за Салтыковымъ мостомъ, которая купно съ тѣми испросившими ея вошла, якоже и прочія здѣсь въ Москвѣ единовѣрческія церкви подъ управленіе и начальство устроенныхъ духовныхъ правительствъ и особъ; а посему самая справедливость требуетъ, что той вновь открывшейся церкви прихожане бывъ уже съ людьми единовѣрческихъ церквей соединенцами и согласниками, должны вообще съ оными и имѣть для погребенія кладбище, или же возлѣ своея введенскія церкви, такъ какъ отъ его высокопреосвященства Платона Митрополита Московскаго и дано имъ было позволеніе хоронить тѣла въ Покровскомъ монастырѣ, а къ тому и еще указано имъ мѣсто для погребенія умирающихъ на Міусскомъ кладбище; но изъ за всего того:

второе въ теченіи прошедшаго 1802 года сіи новоот-
Об. 41. крывшейся церкви прихожане, домогательствомъ своимъ исходатайствовали себѣ, и здѣшнимъ земскимъ судомъ отведено имъ было къ погребенію мѣсто близь самаго старообрядческаго рогожскаго кладбища подъ хлѣбопашествомъ

деревни андроновки крестьянъ стоящее, мѣрою въ длину и ширину по шестидесяти саженъ, и хотя всѣ оной деревни андроновки крестьяне находя себя таковымъ изъ селенія ихъ земли подъ погребеніе мертвыхъ отводомъ крайне обиженными, представляли жалобу свою начальству; но отъ онаго удовлетворенія въ прозьбѣ получить не могли, а воспользовались уже въ томъ защитою отъ высокомонаршаго благоволенія: ибо по имянному Его Императорскаго Величества всевысочайшему повелѣнію оставлена та земля въ прежнемъ ея состояніи и владѣніи ихъ крестьянъ, которыя сколько по сему высочайше дарованному имъ милосердію, столь купно со онымъ и по имѣемому у нихъ на число обитающихъ въ деревнѣ душъ въ землѣ недостатку, не ожидали болѣе видѣть себѣ отъ тѣхъ прихожанъ притѣсненія, однакоже оное вскорѣ послѣ того послѣдовало; и взяло начало свое отъ нижеслѣдующаго:

Л 42. Третіе. Когда имъ прихожанамъ по предписанію Его Сіятельства Г. Генералъ-фельдмаршала начальствующаго въ Москвѣ и кавалера графа Ивана Петровича Салтыкова, данному Г. Гражданскому Губернатору тогожъ 1802 года въ іюлѣ мѣсяцѣ чрезъ земскаго исправника объявлено было, чтобъ они по поводу высочайшаго Его Императорскаго Величества отъ 7 числа того іюля мѣсяца повелѣнія, послѣдовавшаго на представленіе Его Сіятельства выбрали себѣ мѣсто для кладбища внѣ города, то они прихожане тотъ же часъ паки устремили желаніе свое на деревню Андроновку, избравъ ради того мѣсто въ дачахъ оной деревни андроновки, ѣхавъ отъ Москвы въ правой сторонѣ и т. д. (излагаются обстоятельства отведенія вновь намѣченнаго единовѣрцами участка подъ кладбище, въ общемъ одинаково съ дѣйствительнымъ ходомъ дѣла, см. стр. 618—624. Посему мы опускаемъ это мѣсто. Приведя буквально распоряженіе графа Салтыкова отъ 24 февраля 1803 г. объ отводѣ изъ дачъ деревни Андроновки земли для единовѣрческаго кладЛ. 48. бища, крестьяне затѣмъ продолжали). Что самымъ дѣломъ относительно до отводу прихожанамъ земли и исполнено, да еще и съ немалымъ противъ назначеннаго числа превосходствомъ отрѣзано у нихъ крестьянъ подъ то кладбище и подъ проѣздъ къ оному засѣянной хлѣбомъ земли, и они крестьяне (хотя о справедливости ихъ показанія вторичнымъ изъ Казенной палаты въ Губернское Правленіе

отвѣтствіемъ о бывшемъ за нихъ утвержденіи земли и о имѣемомъ на нее планѣ и удостовѣрено) остались безъ всякой отъ начальства защиты въ справедливости ими искомой.

Въ заключеніе всего, предаютъ они крестьяне вышеописанныя обстоятельства въ милостивое разсмотрѣніе и къ прекращенію горькаго своего плача, рабски просятъ, ту взятую у нихъ подъ кладбище землю, яко пропитаніе и содержаніе ихъ составляющую, оставить въ ихъ прежнемъ
Л. 49. владѣніи, и тѣмъ не допустить ихъ до совершенной нищеты и не состоянія къ платежу государственныхъ податей, поелику всею землею, какая у нихъ крестьянъ есть, владѣютъ они сами, а ежели малую изъ оной частицу и отдаютъ иногда стороннимъ людямъ, то такую только которая неудобна къ хлѣбопашеству, а имъ чрезъ ту отдачу приноситъ нѣкоторую прибыль, которую на правилахъ честности пріобрѣтать ни почему отъ нихъ не отъемлемо. Напротивъ же того приходскіе Введенской церкви люди злобствуя на нихъ крестьянъ за возвращеніе имъ по высочайшей волѣ прежде взятой у нихъ подъ кладбище тѣмъ прихожанамъ земли, силятся довести ихъ крестьянъ, такъ какъ безпомощныхъ и беззащитныхъ до всеконечнаго разоренія и растройства. Сіе доказательно можетъ быть и тѣмъ, что они прихожане окромѣ многихъ вышедонесен-
Об. 49. ныхъ удобныхъ подъ кладбище имъ мѣстъ, имѣютъ въ близости ихъ церкви, два общія единовѣрческія съ ними кладбища, одно за Семеновскою заставою близь кирпичныхъ заводовъ, а другое по близости таганской заставы, называемое Килитниковское, но изъ за всего того по ихъ прихожанъ могущественному богатству и старанію, должны крестьяне лишиться послѣдняго своего стяжанія.—

На копіи написано: Съ полученнымъ объясненіемъ свидѣтельствовалъ Коллежскій Совѣтникъ Дмитрій Руничъ.

Съ подлинымъ вѣрно.—Статскій совѣтникъ Дмитрій Серединовъ.

№ 113.

Объяснительное отношеніе графа Салтыкова къ графу Кочубею по содержанію предшествующаго отношенія и жалобы крестьянъ деревни Новоандроновки.

Милостивый Государь мой, Графъ викторъ Павловичъ!

Л. 62. Дабы точнѣе показать вашему Сіятельству обстоятельства дѣла объ отдачѣ прихожанамъ новоустроенной здѣсь съ старообрядческими Правилами веденской церькви подъ кладбище земли, о которой отношеніемъ отъ 13 числа истекшаго м-ца противъ жалобы деревни новой Андроновки крестьянъ вятскому Гражданскому Губернатору поданной изволите отъ меня требовать увѣдомленія, по какимъ уваженіямъ Губернское Начальство поступило въ семъ случаѣ
Об. 62. вопреки упоминаемаго просителями высочайшаго указа— препровождаю при семъ подробную изъ всего онаго дѣла выписку[1]).—Сообразивъ оную съ показаніемъ просителей ваше Сіятельство изволите усмотрѣть, что они утаиваютъ послѣдній объ отводѣ подъ то кладбище земли высочайшій мнѣ данный указъ, отъ чего уповательно вы и введены во мнѣніе, что здѣсь поступлено въ томъ вопреки высочайшаго указа.—Бывъ увѣренъ, что по предмету сему дѣлано мною единственно то, что не было противно ни закону, ни справедливости, ни общей пользѣ, а кольми паче высочайшей волѣ нужнымъ щитаю объяснить вамъ Милостивому Государю моему откровенно что крестьяне отводомъ подъ кладбище сего малаго клочка земли никакого стѣсненія и убытка нести не могутъ и что таковая жалоба ихъ есть одно слѣд-
Л. 63. ствіе неудовольствія между старообрядцами прежняго и новаго согласія въ полной мѣрѣ господствующаго, изъ коихъ первые и употребляютъ крестьянъ орудіемъ своимъ къ безпокойству послѣднихъ. Относительно же самихъ крестьянъ увѣрять васъ нѣтъ въ землѣ той никакой надобности и потому мнѣ кажется лучше дать имъ въ замѣнъ сего лоскутка въ другомъ мѣстѣ какъ я и назначилъ, нежели переводить кладбище новыхъ старообрядцовъ на четвертое

[1]) Черновка ея есть въ томъ же дѣлѣ (л. 50–59). Въ выпискѣ изложено содержаніе находящихся въ дѣлѣ бумагъ.

уже мѣсто щитая съ Покровскимъ монастыремъ, въ которомъ оному по объясненнымъ въ выпискѣ моей резонамъ быть не только весьма неудобно, но существованіе его тамъ по тѣснотѣ мѣста представляетъ очевидную опасность повреждения воздуха, вредныя послѣдствія привлечь имѣю-
Об. 63. щаго. Равнымъ образомъ и Міюсское кладбище которое давно уже приказалъ я упразднить какъ по близости отъ большой дороги и самаго города, находящееся для погребенія не умѣстно же, не упоминая о отдаленности его отъ жилищъ тѣхъ прихожанъ.

Пребываю впрочемъ съ моимъ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію.. Г. Салтыковъ.

31 августа 1803 г. № 2331.

№ 114.

Донесеніе Московскаго губернскаго правленія Московскому военному губернатору Беклешову объ исполненіи предложенія бывшаго военнаго губернатора, гр. Салтыкова по силѣ высочайшаго указа относительно вознагражденія новоандроновскихъ крестьянъ за отведенный участокъ земли для единовѣрческаго кладбища.

Л. 67. Предложеніемъ Его Сіятельство, Господинъ Генералъ-фельдмаршалъ, бывшій московскій военный губернаторъ, главноуправлявшій гражданскою частію сей губерніи и кавалеръ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ со изъясненіемъ высочайшаго Его Императорскаго Величества указа въ 13 день октября 1803 года состоявшагося, утверждающаго распоряженіе его Сіятельства, относительно отдачи прихожанамъ новоустроенной въ Москвѣ старообрядческой введенской церкви подъ кладбище земли, с темъ однако чтобъ въмѣсто отобранной у новоандроновскихъ крестьянъ означенной земли, въ шестидесяти погонныхъ саженяхъ состоящей, отведенъ былъ равный участокъ въ другомъ месте или бы потеря сія вознаграждена была уплатою соразмѣрной денежной суммы, предлагалъ учинить по оному точное исполненіе и Его Сіятельство уведомить, почему и по учиненной в семъ правленіи справкѣ опредѣлено: для приведенія
Об. 67. въ дѣйствительное и точное исполненіе прописаннаго въ

предложеніи бывшаго главнокомандующаго состоявшагося въ 13 день октября 1803 года имянного Его Императорскаго Величества высочайшаго повеленія со изъявленіемъ онаго въ Московской земской судъ послать и посланъ указъ и велено безъотлагательства времяни отобрать отъ новоандроновскихъ крестьянъ сведеніе, желаютъ ли они взаменъ отшедшей отъ нихъ подъ старообрядческое кладбище земли, взять деньгами, по скольку за каждую квадратную сажень, или буде не жалаютъ, то въ какомъ имянно местѣ и изъ какихъ казенныхъ дачъ удобнее почитаютъ въместо отшедшей земли на реску таковаго же количества. в первомъ изъ сихъ двухъ случаевъ земской судъ поставитъ себѣ непремѣнною обязанностію сообразить требованіе крестьянъ съ количествомъ дохода, какой примерно могли они ежегодно имѣть отъ той земли, которая взята подъ кладбище, дабы требованіе ихъ не превышало должной соразмѣрности, а в последнемъ, то есть при нарескѣ изъ другихъ земель не потерпели бъ ихъ хозяева каковаго-либо стесненія. О чемъ и представить въ правленіе обстоятельной рапортъ; во известіе же объ ономъ вашему Высокопревосходительству донести, о чемъ сіе правленіе почтеннѣйше и доноситъ.

Совѣтникъ...

Секретарь Мартенъ.

Губернскій секретарь Михаилъ Смирновъ.

№ 42230 іюня 28 дня 1804 года.

Конецъ.

Оглавленіе.

Стран.

Предисловіе: . . . . . 1— 15.

ГЛАВА I.

Обстоятельства, способствовавшія выработкѣ взгляда м. Платона на расколъ: воспитаніе и образованіе; идеи времени. Взглядъ м. Платона на расколъ и на средства борьбы съ нимъ. . . . 17— 49.

ГЛАВА II.

Дѣятельность м. Платона противъ раскола до принятія епископскаго сана (литературно-полемическая).

„Увѣщаніе“ м. Платона.—Анализъ содержанія „Увѣщанія“.—Критическія замѣчанія о немъ. Критерій для оцѣнки историческихъ памятниковъ. Отношеніе Платона къ источникамъ при составленіи „Увѣщанія“. Существенныя черты полемики Платона: апологія, обличеніе и увѣщаніе; ихъ взаимоотношеніе. Точка зрѣнія Платона на обрядовыя разности и ея пригодность въ полемикѣ съ старообрядцами. Недостатки въ постановкѣ полемики Платона. Качество полемическихъ сужденій Платона: догматическая вѣрность и безпристрастіе. Аргументы полемики Платона: св. Писаніе, ученіе отцовъ церкви, исторія и старопечатныя книги; замѣчанія о нихъ. Характеръ внѣшняго изложенія „Увѣщанія“. Свидѣтельства о значеніи „Увѣщанія“ для обращенія раскольниковъ. . . . . 50—113.

Стран.

ГЛАВА III.

Пастырская дѣятельность Платона противъ раскола въ санѣ архіепископа Тверского.

Необширность противораскольничьей дѣятельности архіепископа Платона въ Тверской епархіи; причины сего. Мѣры архіепископа Платона противъ раскола въ Тверской епархіи: увѣщанія въ духѣ любви; улучшеніе различныхъ сторонъ церковной жизни; обращенія къ содѣйствію гражданской власти и общества. . . . . 114—143.

ГЛАВА IV.

Пастырская дѣятельность Платона противъ раскола въ санѣ архіепископа и митрополита Московскаго.

1. Состояніе раскола въ Московской епархіи въ царствованіе Екатерины II: исторія центровъ московскаго раскола,--Преображенскаго и Рогожскаго кладбищъ, Покровской молельни и Филипповской часовни, гуслицкихъ скитовъ.—II. Духовныя мѣры м. Платона противъ раскола: пастырскія наставленія и ихъ евангельскій характеръ; настойчивость въ примѣненіи пастырскихъ наставленій при обращеніи раскольниковъ; заботливость м. Платона о религіозномъ просвѣщеніи народа, церковномъ благоустройствѣ и нравственности пасомыхъ; мѣры къ возвышенію духовенства.—III. Гражданскія мѣры противъ раскола. Огражденіе новообращенныхъ отъ преслѣдованій раскольниковъ. Дѣйствія противъ расколоучителей. Мѣры противъ распространенія въ народѣ старообрядческихъ книгъ. Дѣйствія противъ бѣглыхъ поповъ, противъ соблазнительныхъ раскольничьихъ часовенъ. Вопросъ объ уничтоженіи Преображенскаго кладбища. Происки Ковылина объ изъятіи общества ѳедосѣевцевъ изъ сферы духовнаго надзора . . . . . 144—287.

Стран.

ГЛАВА V.

Дѣятельность митрополита Платона по учрежденію единовѣрія.

Православный характеръ идеи единовѣрія. Идея единовѣрія до м. Платона. Развитіе м. Платономъ въ „Увѣщаніи“ принципіальныхъ основъ единовѣрія и распространеніе ихъ чрезъ то же сочиненіе. Первые случаи проведенія м. Платономъ идеи единовѣрія въ дѣйствительную жизнь. Отрицательное отношеніе м. Платона къ просьбамъ раскольниковъ благословеннаго священства въ письмахъ къ преосвященному Меѳодію. Преступность просьбы московскихъ старообрядцевъ на имя московскаго главнокомандующаго о законной іерархіи. Анализъ сношеній московскихъ старообрядцевъ съ высочайшей властью въ 1799 г. съ показаніемъ вѣрности взгляда на нихъ м. Платона и его сужденій относительно наиболѣе надежнаго практическаго осуществленія идеи принятія старообрядцевъ въ церковь при старыхъ обрядахъ. Историко-критическое обозрѣніе выработки правилъ м. Платона единовѣрія. Окончательное выясненіе намѣреній крайней партіи рогожскихъ раскольниковъ и послѣдствія сего. Роль при этомъ м. Платона. Заботливость м. Платона объ устроеніи для старообрядцевъ церкви; выборъ священника. Дѣло объ отводѣ единовѣрцамъ кладбища. Отношеніе м. Платона къ распространенію единовѣрія среди уѣздныхъ московскихъ раскольниковъ. . . . . 288—460.

Заключеніе . . . . . 460—463.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1781 годъ.

Стран.

№ 1. Сентяб. 23. Письмо Московскаго Митрополита Платона къ Словенскому архіепископу Никифору Θеотоки относительно присоединившихся къ единовѣрію раскольниковъ (селенія Знаменки). . . . . 465—467.

1783 годъ.

№ 2. Декабр. 15. Копія съ письма инока Никодима въ слободу Климову.—Сущность бесѣды Никодима и его товарищей съ м. Платономъ по вопросу объ открытіи единовѣрія въ Стародубьѣ: условія дарованія старообрядцамъ благословеннаго священства . 467—468.

1799 годъ.

№ 3. Пункты прошенія московскихъ старообрядцевъ на высочайшее имя объ устроеніи самостоятельной старообрядческой (раскольничьей) церкви . . . . . 468—475.

№ 4. Іюня 3. Высочайшій указъ преосвященному Казанскому Амвросію о снабженіи старообрядцевъ священниками и о подчиненіи старообрядцевъ непосредственному вѣдѣнію архіепископа Амвросія и самого государя. . . . . 475.

№ 5. Іюня 7. Отношеніе генералъ-прокурора князя Лопухина къ Казанскому архіепископу Амвросію при препровожденіи копіи съ высочайшаго указа 3 іюня 1799 г., съ объясненіемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ этотъ указъ . . . . . 476.

№ 6. Іюня 7. Опредѣленіе архіепископа Амвросія по силѣ высочайшаго указа отъ 3 іюня 1799 г. и отношенія князя Лопухина отъ 7 іюня того же года. . . . . 476—477.

Стран.

№ 7. Іюня 8. Отношеніе архіепископа Амвросія къ князю Лопухину о полученіи копіи съ именного указа 1799 г. 3 іюня и отношенія князя Лопухина отъ 7 іюня того же года. . . . . 477.

№ 8. Іюня 8. Условія единенія старообрядцевъ съ православною церковью, предложенныя арх. Амвросіемъ повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ.—Порядокъ избранія и опредѣленія священнослужителей къ старообрядцамъ; обязанности старообрядческихъ священнослужителей, запрещеніе принимать бѣглыхъ священнослужителей; вопросъ о наблюденіи за старообрядческими священниками и о веденіи церковныхъ записей. . . . 477—479.

№ 9. Іюня 9. Отношеніе Казанскаго архіепископа Амвросія къ Московскому митрополиту Платону при препровожденіи копій съ высочайшаго указа отъ 3 іюня 1799 г. и отношенія князя Лопухина отъ 7 іюня того же года. . . . . 479.

№ 10. Іюня 9. Прошеніе повѣренныхъ московскихъ старообрядцевъ архіепископу Амвросію о дачѣ старообрядцамъ разныхъ обществъ священниковъ въ силу высочайшаго указа 3 іюня 1799 г. съ оставленіемъ издавна существующихъ у нихъ всѣхъ религіозныхъ особенностей. . 480—481.

№ 11. Іюня 9. Опредѣленіе архіеп. Амвросія по поводу означеннаго прошенія повѣренныхъ московскихъ старообрядцевъ.—Пр. Амвросій поставляетъ въ должныя границы раскольничьи претензіи просителей. 482.

№ 12. Іюня 9. 2-е прошеніе повѣренныхъ московскихъ старообрядцевъ объ опредѣленіи

Стран.

къ ихъ обществу рекомендуемыхъ ими находящихся на кладбищѣ нѣсколькихъ бѣглыхъ священнослужителей съ сокращеніемъ претензій относительно своей религіозной обособленности . . . . 483—484.

№ 13. Іюня 11. Резолюція арх. Амвросія на 2-ое прошеніе повѣренныхъ московскихъ старообрядцевъ: опредѣленіе просимыхъ священниковъ и діаконовъ къ молитвенному храму московскаго кладбищенскаго старообрядческаго общества для исправленія христіанскихъ требъ, кромѣ литургіи. 484—485.

№ 14. Іюня 11. Указъ Казанскаго арх. Амвросія изъ походной его конторы повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ объ опредѣленіи къ ихъ обществу рекомендуемыхъ ими, пребывавшихъ на кладбищѣ священниковъ и діаконовъ, для отправленія христіанскихъ требъ, кромѣ литургіи. 485—487.

№ 15. Іюня 11. Отношеніе архіепископа Амвросія къ генералъ-прокурору князю Лопухину.— Пр. Амвросій извѣщаетъ князя о своихъ дѣйствіяхъ во исполненіе именного указа отъ 3 іюня 1799 г. . . . . 487—488.

№ 16. Іюня 12. Отношеніе Казанскаго архіепископа Амвросія къ Московскому военному губернатору, графу Салтыкову 2-му.— Преосвященный Амвросій увѣдомляетъ гр. Салтыкова о высочайшемъ указѣ 3 іюня 1799 г. и о сообщеніи генералъ-прокурора отъ 7 іюня того же года, препровождая къ нему копіи съ этихъ документовъ и извѣщая о своемъ опредѣленіи къ московскимъ старообрядцамъ поименованныхъ въ отношеніи священниковъ и діаконовъ . . . . . 489—490.

Стран.

№ 17. Іюня 12. Отношеніе архіепископа Амвросія къ преосвященному Серапіону, епископу Дмитровскому, объ опредѣленіи имъ поименованныхъ въ отношеніи бѣглыхъ священниковъ и діаконовъ къ московскимъ старообрядцамъ для совершенія богослуженія по старопечатнымъ книгамъ, кромѣ литургіи . . . . . 490—491.

№ 18. Іюня 13. Отношеніе генералъ-прокурора князя Лопухина къ архіепископу Амвросію о томъ, что по смыслу именного указа 3 іюня 1799 г. арх. Амвросію благопристойнѣе доносить о своихъ распоряженіяхъ касательно московскихъ старообрядцевъ непосредственно государю императору, помимо генералъ-прокурора . . 491—492.

№ 19. Іюня 15. Всеподданнѣйшій рапортъ архіепископа Амвросія о своихъ распоряженіяхъ касательно московскихъ старообрядцевъ. 492—493.

№ 20. Іюня 16. Письмо архіепископа Амвросія повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ о замѣнѣ указа на опредѣленіе священниковъ свидѣтельствомъ, о возвращеніи указа и о справкахъ относительно опредѣленныхъ священниковъ. . . . . 493—494.

№ 21. Свидѣтельство арх. Амвросія повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ объ опредѣленіи къ ихъ обществу священнослужителей, данное взамѣнъ указа съ тѣмъ же содержаніемъ . . . . . 494—495.

№№ 22 – 24. Іюня 16. Отношенія арх. Амвросія на имя графа Салтыкова, митрополита Платона, преосвященнаго Серапіона о возвращеніи документовъ касательно московскихъ старообрядцевъ . . . . . 495—496.

Стран

№№ 25—27. Іюня 23, 27, 28. Отвѣтныя отношенія преосвященнаго Серапіона, графа Салтыкова и митрополита Платона по содержанію предшествующихъ отношеній. . . . . 496—497.

№ 28. Іюня 30. „Изъясненіе“ повѣреннаго Дмитрія Ѳедорова арх. Амвросію о происшедшемъ раздорѣ на Рогожскомъ кладбищѣ при фактическомъ осуществленіи предписаній арх. Амвросія касательно московскихъ старообрядцевъ. . . . . 498—501.

№ 29. Іюля 11. Письмо повѣреннаго московскихъ старообрядцевъ Митрофана Ильина арх. Амвросію по поводу требованія пр. Амвросія возвращенія указа на опредѣленіе священниковъ. . . . . 501.

№ 30. Іюля 12. Всеподданнѣйшій докладъ арх. Амвросія о томъ, чтобы производить ему, пр. Амвросію, опредѣленіе священнослужителей къ старообрядцамъ на основаніи сношеній съ епархіальными архіереями; вѣдать новоопредѣляемыми священнослужителями при посредствѣ тѣхъ же епархіальныхъ преосвященныхъ; старообрядцамъ не принимать уже больше къ себѣ бѣглыхъ священнослужителей; разрѣшить возникшее недоумѣніе касательно формы поминовенія высочайшей фамиліи и требованія старообрядцевъ прописки въ опредѣленіяхъ священниковъ высочайшаго указа 3 іюня 1799 г. . . . 502—505.

№ 31. Іюля 12. Отношеніе статсъ-секретаря Неплюева къ архіепископу Амвросію о возношеніи высочайшей фомиліи на богослуженіи старообрядцевъ безъ всякаго измѣненія по старопечатнымъ книгамъ . . . 505—506.

Стран.

№ 32. Іюля 12. Отношеніе статсъ-секретаря Неплюева къ генералъ-прокурору Беклешову по поводу отказа старообрядцевъ поминать высочайшія имена точно по старопечатнымъ книгамъ. . . . . 506—507.

№ 33. Іюля 12. Высочайшій рескриптъ Павла I на имя преосвященнаго Амвросія, требующій прекращенія всякаго сношенія съ старообрядцами по причинѣ ихъ отказа возносить высочайшія имена на своихъ моленіяхъ. . . . . 507—508

№ 34. Іюля 14. Отвѣтное отношеніе архіепископа Амвросія на отношеніе статсъ-секретаря Неплюева касательно возношенія старообрядцами при богослуженіи императорской фамиліи . . . . . 508—509.

№ 35. Іюля 14. Письмо архіепископа Амвросія повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ Дмитрію Ѳедорову и Митрофану Ильину съ требованіемъ присылки формы возношенія у нихъ на богослуженіи высочайшихъ именъ, имѣющей употребляться и на будущее время . . . . . 509—510

№ 36. Іюля 14. Отношеніе арх. Амвросія къ графу Салтыкову съ предложеніемъ отдать вышеозначенное письмо лично повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ, получить отъ нихъ отвѣтъ и представить его съ первой же почтой 570

№ 37. Іюля 21. Отношеніе архіепископа Амвросія къ графу Салтыкову, дополнительное къ предшествующему.—Письмо, адресованное Дмитрію Ѳедорову и Митрофану Ильину, пр. Амвросій проситъ передать Архипу Обертышеву, замѣняющему означенныхъ на конвертѣ повѣренныхъ на время отсутствія ихъ изъ Москвы . . . 511.

Стран.

№ 38. Іюля 22. Отношеніе графа Салтыкова къ арх. Амвросію о невозможности вручить самолично письмо старообрядцамъ Дмитрію Ѳедорову и Митрофану Ильину за отъѣздомъ ихъ на Макарьевскую ярмарку: отвѣтное на отношеніе отъ 14 іюля 1799 г. за № 21 (см. № 36). . . . . 511—512.

№ 39. Августа 8. Отношеніе арх. Амвросія къ графу Салтыкову съ требованіемъ взять отъ старообрядцевъ обстоятельный и рѣшительный отвѣтъ по содержанію письма Митрофану Ильину и Дмитрію Ѳедорову (касательно поминовенія старообрядцами при богослуженіи высочайшихъ особъ), за недостаточностью отвѣта Архипа Обертышева . . . . . 512—513

№ 40. Августа 11. Отвѣтное письмо повѣренныхъ московскихъ старообрядцевъ Дмитрія Ѳедорова и Митрофана Ильина арх. Амвросію на его требованіе дать точныя свѣдѣнія о формѣ поминовенія у нихъ при богослуженіи высочайшихъ особъ. 513—514.

№ 41. Августа 18. Увѣдомленіе графомъ Салтыковымъ арх. Амвросія о препровожденіи имъ отвѣта московскихъ старообрядцевъ на запросъ архіепископа отъ 8 августа 1799 г. за № 24 о формѣ возношенія при богослуженіи императорской фамиліи. 515.

№ 42. Выписка изъ старопечатнаго служебника (1651 г.) формы поминовенія царской фамиліи при богослуженіи . . . 516.

№ 43. Августа 18. Отношеніе арх. Амвросія къ генералъ-прокурору Беклешову, увѣдомляющее о препровожденіи къ нему копій съ вышеприведеннаго (№ 35) письма архіепископа повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ касательно формы воз-

Стран.

ношенія именъ высочайшей фамиліи на богослуженіи и отвѣта на него повѣренныхъ, съ просьбою назначить время для личныхъ объясненій по настоящему дѣлу. 517.

№ 44. Августа 18. Отношеніе арх. Амвросія къ статсъ-секретарю Неплюеву съ извѣщеніемъ о препровожденіи къ нему письма повѣренныхъ старообрядцевъ относительно формы поминовенія высочайшей фамиліи на старообрядческомъ богослуженіи и выписки изъ старопечатнаго служебника о томъ же предметѣ, съ собственнымъ замѣчаніемъ пр. Амвросія относительно формы поминовенія высочайшей фамиліи старообрядцами на богослуженіи . . . . . 518.

№ 45. Августа 20. Высочайшій рескриптъ преосвященному Амвросію оставить старообрядцевъ въ прежнемъ ихъ положеніи . . 519.

№ 46. Августа 22. Объявленіе арх. Амвросія повѣреннымъ московскихъ старообрядцевъ о прекращеніи съ ними сношеній по высочайшему рескрипту . . . . . 519—520.

№ 47. Августа 22. Увѣдомленіе арх. Амвросіемъ графа Салтыкова о прекращеніи съ московскими старообрядцами сношеній по высочайшему рескрипту . . . . . 520.

№ 48. Августа 22. Всеподданнѣйшій рапортъ арх. Амвросія о прекращеніи съ московскими старообрядцами сношеній согласно высочайшему рескрипту . . . . . 520—521.

№ 49. Августа 22. Увѣдомленіе арх. Амвросіемъ статсъ-секретаря Неплюева о прекращеніи сношеній съ московскими старообрядцами. 521.

№ 50. Августа 23. Увѣдомленіе пр. Амвросіемъ генералъ-прокурора Беклешова о прекращеніи сношеній съ московскими старообрядцами. 521—522.

Стран

№ 51. Сентябр. 26. Отношеніе арх. Амвросія къ графу Салтыкову объ истребованіи и присылкѣ „свидѣтельства“ на опредѣленіе священниковъ и „объявленія“ за скрѣпою Амвросія, не возвращенныхъ старообрядцами по первому требованію . . . . 522.

№ 52. Октября 13. Отвѣтное отношеніе московскаго военнаго губернатора пр. Амвросію по содержанію предшествующаго отношенія. 523.

№ 53. Октября 11. Письмо Дмитрія Ѳедорова арх. Амвросію съ изъясненіемъ причины замедленія въ возвратѣ требуемыхъ „свидѣтельства“ и „объявленія“ и съ просьбою, какъ поступить съ выданными съ нихъ копіями . . . . . 523—524.

№ 54. Пункты новой просьбы старообрядцевъ . . . . . 525—528.

№ 55. Ноября 12. Прошеніе московскихъ старообрядцевъ митрополиту Платону о принятіи ихъ въ церковь при старыхъ книгахъ и обрядахъ. . . . . 528—541.

№ 56. Донесеніе митрополита Платона Св. Синоду о просьбѣ московскихъ старообрядцевъ. . . . . 528—538.

№ 57. Мнѣніе московскаго духовенства относительно просьбы московскихъ старообрядцевъ на имя м. Платона. . . . 541—552.

1800 годъ.

№ 58. Февраля 28. Журналъ Св. Синода съ первыми разсужденіями синодальныхъ членовъ по содержанію донесенія м. Платона о просьбѣ московскихъ старообрядцевъ. . . 552—554.

№ 59. Февраля 29. Довѣренность крайней партіи московскихъ старообрядцевъ Дмитрію Ѳедорову на ходатайство предъ государемъ импе-

Стран.

раторомъ о недопущеніи на Рогожское кладбище старообрядцевъ, просителей церкви у м. Платона, и о разрѣшеніи бѣглымъ попамъ освятить каменную рогожскую часовню для нуждъ раскольниковъ. . . . . 554—559.

№ 60. Марта 1. Прошеніе повѣреннаго московскихъ старообрядцевъ Дмитрія Ѳедорова на высочайшее имя о конфирмаціи изложеннаго въ вышеприведенной довѣренности . . . . . 559—560.

№ 61. Августа 24. Вторичное разсужденіе Св. Синода объ устроеніи единовѣрческой церкви въ Москвѣ на основаніи мнѣнія м. Платона. . . . . 560—562.

№ 62. Сентябр. 21. Отношеніе генералъ-прокурора Обольянинова къ С.-Петербургскому архіепископу Амвросію объ оставленіи безъ всякаго дѣйствія представленія м. Платона объ освященіи рогожской часовни. 562.

№ 63. Сентябр. 23. Предложеніе С.-Петербургскаго арх. Амвросія Св. Синоду по содержанію предшествующаго отношенія Обольянинова. 563.

№ 64. Сентябр. 26. Отношеніе арх. Амвросія къ генералъ-прокурору Обольянинову, разъясняющее истинное положеніе дѣла по прошенію московскихъ старообрядцевъ на имя м. Платона въ противовѣсъ лживому освѣщенію его Дмитріемъ Ѳедоровымъ предъ государемъ. . . . . 563—566.

№ 65. Сентябр. 26. Письмо арх. Амвросія генералъ-прокурору Обольянинову съ приложеніемъ „записки“, излагающей положеніе вопроса о московскихъ старообрядцахъ. . 566—568.

№ 66. Октябр. 6. Отношеніе генералъ-прокурора Обольянинова къ арх. Амвросію о присылкѣ подлиннаго прошенія московскихъ старообрядцевъ на имя м. Платона. . . . 568—569.

Стран.

№ 67. Октябр. 7. Отношеніе арх. Амвросія къ оберъ-прокурору Д. И. Хвостову о доставленіи изъ канцеляріи Св. Синода дѣла о московскихъ старообрядцахъ . . . . 569.

№ 68. Октябр. 7. Объясненіе оберъ-секретаря Савицкаго оберъ-прокурору Хвостову о времени отправки дѣла о московскихъ старообрядцахъ Петербургскому архіепископу Амвросію . . . . . 570.

№ 69. Октябр. 7. Отношеніе арх. Амвросія къ генералъ-прокурору Обольянинову при препровожденіи дѣла о московскихъ старообрядцахъ . . . . . 570—571.

№ 70. Октябр. 7. Отношеніе генералъ-прокурора Обольянинова къ арх. Амвросію при возвращеніи донесенія м. Платона о московскихъ старообрядцахъ . . . . . 571.

№ 71. Октябр. 7. Прошеніе повѣреннаго московскихъ старообрядцевъ Дмитрія Ѳедорова на высочайшее имя объ устроеніи старообрядческихъ церквей . . . . . 571—578.

№ 72. Октябр. 9. Расписка Дмитрія Ѳедорова и др. старообрядцевъ въ слышаніи высочайшей резолюціи на вышеизложенную просьбу. 578—579.

№ 73. Октябр. 9. Увѣдомленіе оберъ-секретаремъ Савицкимъ оберъ-прокурора Д. И. Хвостова о возвращеніи арх. Амвросіемъ доношенія м. Платона о московскихъ старообрядцахъ съ приложеніями и истребованіи имъ неподписаннаго опредѣленія Св. Синода о дачѣ церкви тѣмъ старообрядцамъ 579

№ 74. Октябр. 11. Письмо генералъ-прокурора Обольянинова Дмитрію Ѳедорову, объявляющее ему отказъ на просьбу его и другихъ московскихъ старообрядцевъ имѣть аудіенцію у государя. . . . . 579—580.

Стран.

№ 75. Октябр. 16. Письмо преосвященнаго Серафима Дмитровскаго архіепископу Амвросію объ отправленіи подлиннаго дѣла по прошенію московскихъ старообрядцевъ на имя м. Платона и о невозможности доставки его съ первой почтой . . . . 580—581.

№ 76. Октябр. 18. Отношеніе С.-Петербургскаго арх. Амвросія къ генералъ-прокурору Обольянинову съ приложеніемъ письма отъ одного изъ просителей церкви у м. Платона, уясняющаго клеветы Дмитрія Ѳедорова и причины малаго числа подписавшихся подъ прошеніемъ митрополиту. 581—583.

№ 77. Октябр. 19. Отношеніе генералъ-прокурора Обольянинова къ арх. Амвросію о томъ, что высочайше повелѣно показать письмо Григорія Александрова Дмитрію Ѳедорову въ улику его клеветы. . . . . 583.

№ 78. Октябр. 22. Отношеніе арх. Амвросія къ генералъ-прокурору Обольянинову при препровожденіи подлиннаго прошенія московскихъ старообрядцевъ на имя м. Платона. 583.

№ 79. Октябр. 25. Предписаніе генер.-прокурора Обольянинова А. С. Макарову доставить ему въ Гатчину для доклада государю подлинное прошеніе московскихъ старообрядцевъ на имя м. Платона съ относящимися къ нему документами. . . . . 584.

№ 80. Октябр. 27. Отношеніе генералъ-прокурора Обольянинова къ арх. Амвросію съ сообщеніемъ высочайшей воли отдать подлинное прошеніе старообрядцамъ и съ приложеніемъ высочайшаго указа объ устроеніи старообрядческихъ церквей на основаніи представленія м. Платона. . 584—585.

№ 81. Октябр. 28. „Предложеніе“ арх. Амвросія Св. Синоду по содержанію отношенія Обольяя-

Стран.

нинова отъ 27 октября 1800 г. и высочайшаго указа отъ того же числа . . . 585.

№ 82. Октябр. 28. Отношеніе архіепископа Амвросія къ генералъ-прокурору Обольянинову объ исполненіи высочайшей воли относительно прошенія московскихъ старообрядцевъ на имя м. Платона. . . . . 586.

№ 83. Октябр. 29. Журналъ Св. Синода по содержанію предложенія арх. Амвросія Св. Синоду и высочайшаго указа 27 октября 1800 г. 586—588.

№ 84. Октябр. 29. Протоколъ Св. Синода по содержанію синодальнаго журнала отъ того же числа. 588—589.

№ 85. Октябр. 31. Отношеніе архіепископа Амвросія къ генералъ-прокурору Обольянинову объ исполненіи Св. Синодомъ высочайшихъ указовъ относительно устроенія въ Москвѣ единовѣрческой церкви . . . . 589—590.

№ 86. Ноября 19. Отношеніе графа Солтыкова къ Московскому митрополиту Платону съ просьбою увѣдомить о содержаніи высочайше конфирмованнаго прошенія старообрядцевъ и о своихъ распоряженіяхъ относительно старообрядческихъ церквей и священниковъ. . . . . 590—591.

№ 87. Ноября 28. Отношеніе Московскаго военнаго губернатора графа Салтыкова къ Московскому м. Платону: отказъ предоставить рогожскую часовню единовѣрцамъ и предложеніе отвести имъ для богослуженія церковь упраздненнаго Міусскаго кладбища или другую какую-либо изъ малоприходныхъ . . . . . 591—592.

№ 88. Ноября 28. Отношеніе Московскаго военнаго губернатора графа Салтыкова къ генералъ-прокурору Обольянинову съ приложеніемъ копіи со всеподданнѣйшаго доне-

Стран.

сенія относительно отказа м. Платону въ отводѣ единовѣрцамъ каменной рогожской часовни и относительно испрошенія высочайшаго соизволенія на отдачу новоприсоединившимся церкви Міусскаго кладбища или другой какой-либо изъ малоприходныхъ . . . . . 592—594.

№ 89. Декабря 12. Отношеніе Московскаго военнаго губернатора графа Салтыкова къ Московскому митрополиту Платону о высочайшемъ повелѣніи касательно церкви для московскихъ единовѣрцевъ . . . . . 594—595.

№ 90. Декабря 12. Отношеніе графа Салтыкова къ генералъ прокурору Обольянинову, извѣщающее о препровожденіи къ м. Платону копіи съ высочайше апробованнаго донесенія отъ 28 ноября о церкви для единовѣрцевъ. . . . . 595.

№ 91. Отвѣтъ м. Платона графу Салтыкову на его отношеніе о высочайшемъ повелѣніи касательно церкви для единовѣрцевъ . . . . . 595—596.

№ 92. Декабря 19. Отношеніе генералъ-прокурора Обольянинова къ С.-Петербургскому архіепископу Амвросію о присоединеніи къ единовѣрію Дмитрія Ѳедорова и другого старообрядца . . . . . 596.

№ 93. Декабря 20. Отношеніе архіепископа Амвросія къ преосвященному Дмитровскому Серафиму о присоединеніи къ единовѣрію Дмитрія Ѳедорова . . . . . 596—597.

1801 годъ.

№ 94. Января 8. Отношеніе графа Салтыкова къ преосвященному Дмитровскому Серафиму съ требованіемъ объясненія относительно вновь избраннаго мѣста для единовѣрческой церкви . . . . . 597.

Стран

№ 95. Января 10. Отвѣтное отношеніе пр. Серафима гр. Салтыкову по содержанію предшествующаго отношенія . . . . . 598.

№ 96. Февраля 6. Указъ Св. Синода м. Платону за № 444, посланный при пунктахъ единовѣрія . 598—600.

№ 97. Декабря 11. Представленіе Московскаго губернскаго правленія Московскому военному губернатору графу Ивану Петровичу Салтыкову объ отводѣ единовѣрцамъ мѣста для погребенія умершихъ . . . . 600—602.

1802 годъ.

№ 98. Февраля 6. Предписаніе Московскаго военнаго губернатора гр. Салтыкова гражданскому губернатору П. Аршеневскому о представленіи свѣдѣній касательно просимаго единовѣрцами мѣста для погребенія умершихъ вблизи Рогожскаго кладбища . . . . . 602—603.

№ 99. Февраля 13. Рапортъ губернатора Аршеневскаго гр. Салтыкову о результатахъ осмотра просимаго единовѣрцами мѣста для кладбища. . . . . 603.

№ 100. Февраля 27. Предписаніе графа Салтыкова губернатору Аршеневскому отвести просимое единовѣрцами мѣсто подъ кладбище . 603.

№ 101. Прошеніе старосты единовѣрческой церкви купца Шелапутина графу Салтыкову объ отводѣ мѣста для погребенія умершихъ на Рогожскомъ кладбищѣ . 604—605.

№ 102. Апрѣля 10. Жалоба старообрядцевъ Рогожскаго кладбища Вятскому губернатору Руничу по поводу отвода единовѣрцамъ мѣста для погребенія умершихъ вблизи Рогожскаго кладбища . . . . . 606—609.

№ 103. Апрѣля 10. Всеподданнѣйшее донесеніе Вятскаго губернатора Павла Рунича по содержа-

Стран.

нію жалобы старообрядцевъ Рогожскаго кладбища. . . . . 609—610.

№ 104. Апрѣля 24. Всеподданнѣйшій рапортъ Московскаго военнаго губернатора графа Салтыкова о возвращеніи крестьянамъ деревни Новой Андроновки земли, отведенной подъ единовѣрческое кладбище, съ объясненіемъ законности дѣйствій въ отношеніи отвода мѣста для единовѣрческаго кладбища . . . . . 611—613.

№ 105. Мая 15. Прошеніе старосты единовѣрческой церкви Шелапутина графу Салтыкову объ отводѣ мѣста для единовѣрческаго кладбища неподалеку отъ Введенской единовѣрческой церкви . . . . . 614.

№ 106. Іюня 3. Рапортъ Московской управы благочинія военному губернатору гр. Салтыкову объ освидѣтельствованіи мѣстъ для единовѣрческаго кладбища: а) неподалеку отъ Введенской единовѣрческой церкви и в) внутри двора единовѣрческой церкви . . . . . 615—616

№ 107. Іюня 23. Всеподданнѣйшее донесеніе графа Салтыкова о намѣченныхъ мѣстахъ для единовѣрческаго кладбища: а) неподалеку отъ единовѣрческой церкви и б) внутри двора той же церкви. . . . . 616—617.

№ 108. Августа 28. Рапортъ московскаго земскаго исправника московскому губернатору П. Аршеневскому о новыхъ мѣстахъ для единовѣрческаго кладбища . . . . . 617—618.

№ 109. Сентяб. 1. Рапортъ губернатора Аршеневскаго графу Салтыкову о вновь избранныхъ единовѣрцами мѣстахъ для своего кладбища. . . . . 618—619.

Стран.

1803 годъ.

№ 110. Февраля 6. Представленіе Московскаго губернскаго правленія военному губернатору гр. Салтыкову относительно мѣста для единовѣрческаго кладбища по правую сторону Б. Владимирской дороги или по лѣвую сторону той же дороги вблизи Гофъ-интендантской рощи. . . . . 619—624.

№ 111. Іюня 18. Представленіе Московскаго губернскаго правленія военному губернатору графу Салтыкову объ отводѣ единовѣрцамъ подъ кладбище мѣста вблизи Гофъ-интендантской рощи съ выдачею плана на него и съ доставленіемъ къ дѣлу копіи съ плана. . . . . 624—625.

№ 112. Августъ. 13. Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея къ Московскому военному губернатору графу Салтыкову съ приложеніемъ жалобы крестьянъ деревни Новой Андроновки на незаконность отвода земли изъ ихъ дачъ подъ единовѣрческое кладбище. . . . . 625—628.

№ 113. Августъ. 31. Объяснительное отношеніе графа Салтыкова къ графу Качубею по содержанію предшествующаго отношенія и жалобы крестьянъ деревни Новоандроновки . . 629—630.

1804 годъ.

№ 114. Іюня 28. Донесеніе Московскаго губернскаго правленія Московскому военному губернатору Беклешову объ исполненіи предложенія бывшаго военнаго губернатора гр. Салтыкова по силѣ высочайшаго указа относительно вознагражденія новоандроновскихъ крестьянъ за отведенный участокъ земли для единовѣрческаго кладбища . . . . . 630—631.

Поправки.

Страница.	Строка. Сверху.	Строка. Снизу	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
28		5	гл. 65—67.	л. 65—67.
29		19,21, 23,25	2) 3) 4) 5) 6)	8) 9) 10) 11) 12)
39	22		о преслѣдованіи	въ необходимости преслѣдованія
41	3		„погрѣшность“	погрѣшность“
44	9		самимъ	самымъ
47		2	о мѣро пріятіяхъ	о мѣро-пріятіяхъ
56		4	кстати.	кстати.—
62		10	выяснить	выяснить,
75	20		національностей,	національностей
78		14	разсмотренію	раз-смотрѣнію
86	10		акта	акта,
87	4		предшественниковъ	предшественниковъ.
87	5		отношеніи.	отношеніи
98		2	быти“,	быти“
99		3	л. 39.	л. 89.
101	11		св	св.
102		1	посмотримъ	посмотримъ,
105		1	выходной листъ.	выходной листъ перваго изданія.
115	3		Тверской	тверской
118	15		съ расколомъ.	съ расколомъ,
118	19—20		вра-зумленіямъ	вразумленіямъ
122		9—10	отно-щенія	отно-шенія
123		8	Архипастырскаго	архипастырскаго
124		6	предписывая	предписывая,
128		8	къ раскольничьимъ	раскольничьимъ
133	20		учивщихся	учившихся
136		5	пост-ройку	построй-ку
143	13		заб-луждающихся	за блуждающихся
147	8		выѣхалъ	выѣхать
147	5		въ Москвѣ, появилась	въ Москвѣ появилась
151		2	ихъ	нарушителей
154	18—19		должности	должности,

Страница.	Строка. Сверху.	Строка. Снизу	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
170	1		пастырей заблудшихъ	пастырей, заблудшихъ,
173		10	Мокарію	Макарію
175	2		истинахъ	истинныхъ
175	6		заключенія,	заключенія
177	8		соверщенно	совершенно
179	16		Божія	Божія,
183		14	т. I	т. II
184			поучительныя слова	Поучительныя слова
187		15	возыимѣлъ	возымѣлъ
196	23		тоже	то же
204	20		неизвѣстны“	неизвѣстны
206	20		не-предвидѣлось	не предвидѣлось
208		1	каѳедру.	каѳедру:
213		3	Уполозскаго	уполозскаго
214	2		студентовъ Уполозы	студентовъ, Уполозы,
223	18		отно сился	отно-сился
224		12—13	новообращенныхъ	новообращеннымт
224		1	декабря 18.,	февраля 18,
226		2	имѣетъ	имѣлъ
229	1		Андроніевскаго	андроніевскаго
231	20		ви-дно	вид-но
233		10	Селинской	въ Селинской
234		13	утвержденію,	утвержденію
234		1	стр. 168	стр. 168, 172
235		15	согла-сно	соглас-но
237	8		какимъ	къ какимъ
243	27		отне-слись	отнес-лись
244	10		при нимало	при-нимало
256		15	Серафиму	Серафиму,
257		4	пребыванію	пребыванія
263		15	прич—та	при-чта
273		9	поповщинѣ	поповщинѣ.
273		4	Архивъ,	Архивъ
275		16	тянувшіеся	тянувшіяся
275		12	отклоненъ...	отклоненъ...,
280	9		заявилъ	заявлялъ
280		9	цѣнѣ,	цѣнѣ
284		1	анцеляріи	канцеляріи
286		7	не—	не
288		6	М.	м.
289	21		обряды	обряды,

Страница.	Строка. Сверху.	Строка. Снизу.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать
289		6	сходныхъ,	сходныхъ
292	9		предносилось	предносилась
293		5	пустынѣ	пустыни
296		10	об. 81, об. 93	об. 81 об. 93.
319		14	Заиконоспаскаго	Заиконоспасскаго
322	11		проэктируется	проектируется
323	13		прожітіе	прожитіе
328		7	нашъ	ихъ
336	22		повѣренныхъ	повѣреннымъ
338		17	л. 83 84	л. 83—84
339	18		состоялъ	стоялъ
344	17		бумаги привезенные	бумаги, привезенныя
346		3	л. 72.	л. 79
349		1	л. 5—6.	л. 5—6; ср. № 41, примѣчаніе.
352		3	л. 39.	л. 38—39.
359	24		ихъ	старообрядческихъ
376		2	покаяніемъ	покаяніемъ“
394		16	невѣденіемъ	невѣдѣніемъ
395	14		кладбищѣ,	кладбищѣ
401	3		постановленіямъ .	постановленіямъ“
407		9	законному	закономъ
410		10	она	(она
424		21	окраску	окраску.
425		7	1831 г.:	1831 г.
426		1	104.	№ 104.
442		1	[2]) Приложенія	[3]) Приложенія
444	11		другіе	другія
444	11		пустошь	1) пустошь
445		13	намѣченнаго мѣста.	намѣченныхъ мѣстъ
454		1	соображеніями	доводами
458	5		ясностью	съ ясностью
462	19		взглядъ	взглядъ,
462		12—13	Поэтому существующими постановленіями гражданская власть призывается	Поэтому постановленіями, дѣйствовавшими до 1905 г., гражданская власть призывалась
463	1		разсуждаютъ	разсуждали

Страница.	Строка. Сверху.	Строка. Снизу.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
495	11		Іюня 8	Іюня 8. Примѣч. „Свидѣтельство“ помѣчено 8 іюня, полагаемъ, ошибочно; слѣдовало датировать 16 іюня: см. № 20.
511		4	мой	мой!
560	16		милосердіе. Поставляется	милосердіе поставляется
567		20	ус-мотрѣть	усмотрѣть
616	3		по	под